

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Исмаил Гаспринский
(1851 – 1914)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. МАРДЖАНИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КРЫМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ГБУ РК «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

ГБУК РК «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КРЫМСКОТАТАРСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. И. ГАСПРИНСКОГО»

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

ТОМ ПЕРВЫЙ

*ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ*

Симферополь
2016

УДК-821.143
ББК 84(2Рос=Крмтат)
П 52

Авторский коллектив выражает искреннюю признательность
и благодарность Президенту Республики Татарстан
Минниханову Рустаму Нургалиевичу
за возможность осуществления проекта
«Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского»

*Подготовка и издание книги осуществлены в соответствии с Распоряжением
Кабинета Министров Республики Татарстан № 3005-р от 22.12.2015 г.*

Главный редактор:

Рафаэль Сибгатович Хакимов – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент Академии наук Республики Татарстан.

Научный редактор:

Радик Римович Салихов – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан.

Составители:

Сеитваниева Гульнара Юсуфовна, Сеитмететова Сельвина Алиевна

Переводы на русский язык:

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, Зайидова Гульнара Узретовна,
Киримов Таир Нуридинович, Сеитваниева Гульнара Юсуфовна

Редакционная коллегия:

Эдвард Лазерини – профессор, директор Центра Внутриазиатских исследований имени Д. Синора Университета Индианы (США).

Зайнабидин Абдирашидов – доктор философских наук, заведующий кафедрой иностранных языков Ташкентского Государственного университета узбекского языка и литературы имени Алишера Навои (Узбекистан).

Исмаил Асанович Керимов – профессор, доктор филологических наук, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Андрей Анатольевич Непомнящий – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Адиле Меметовна Эмирова – доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания ГБОУВО РК Крымский инженерно-педагогический университет.

Шамоллидин Сирождидин Оглы Шамсиддин – доктор исторических наук, профессор Ташкентского государственного Института востоковедения (Узбекистан).

Марат Мингалиевич Гибатдинов – кандидат педагогических наук, руководитель Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Вадим Леонидович Мартынюк – генеральный директор государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

Гульнара Сабриевна Ягьяева – директор государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского».

П 52 Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского. Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. – Т. I. – 384 с.

В первый том полного собрания сочинений Исмаила Гаспринского (1851–1914) – известного общетюркского просветителя, издателя и редактора газеты «Переводчик-Терджиман», издаваемой в конце XIX – начале XX в., вошли оригинальные литературно-художественные произведения И. Гаспринского, написанные на русском языке, художественные тексты, изданные отдельными брошюрами, произведения И. Гаспринского, опубликованные на арабскографических страницах газеты «Терджиман» и её приложения «Иляве-и Терджиман», переведённые на русский язык.

ISBN 978-5-9908801-8-4

© Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан. Крымский научный центр, 2016

СЛОВО О ИСМАИЛЕ ГАСПРИНСКОМ

В XIX-XX вв. татары и другие тюркские народы были близки к качественному скачку, к тому этапу развития, когда говорят о «высокой культуре». Требования экономики, обострение политических отношений, международная обстановка, развитие печати, средств сообщения, новейшие научные открытия, идеи просвещения и т.д. несли с собой революционные вызовы. Среди татар новые веяния ощущались уже в XIX в., в частности, под давлением интеллигенции российские власти разрешили открывать типографии. Затем татары стали обращаться за разрешением учреждения собственной газеты, но довольно безуспешно. Исмаил бек Гаспринский, благодаря своим взвешенным взглядам и авторитету, сумел добиться открытия в 1883 г. газеты «Тарджеман» («Переводчик»).

В связи с открытием газеты, перед ним встал вопрос, на каком языке ее издавать? Турецкий был не всем понятен, ведь сам народ говорил на тюрко-татарских наречиях с особенностями произношения в различных концах России. Насколько непростым был этот вопрос, говорит и такой факт – Тукай, самый народный из всех татарских поэтов, первые стихи писал на языке, который был понятен узкому кругу интеллигенции и лишь позже он присоединился к призыву Дэрдемента: «Ты на базаре собирай слова», т.е. переходи на народный говор.

Исмаил Гаспринский решил издавать газету на «тюрки», отличавшимся своей простотой, краткостью и ясностью. Это был язык, с помощью которого он мечтал объединить весь тюркский мир. В одной из статей он так объясняет замысел: «Татары сибирские, казанские, крымские, кавказские; башкиры, среднеазиатские узбеки и туркмены... говорят наречиями общего им всем тюркского языка. Наречия эти, значительно разнящиеся в устной речи..., почти одинаковы в транскрипции и письменной речи... Газета наша кроме всех областей России, проникает в среду говорящих по-тюркски племен Китая, Персии, Турции». Благодаря этому «Тарджеман» читали все тюркские народы.

В 1881 году Исмаил Гаспринский выступил с идеей создания единой нации российских мусульман на основе «единства языка, мыслей и действий». Гаспринский никогда не пользовался термином пантюркизм, изобретенным в ведомстве Петра Столыпина. Он был сторонником джадидизма, он хотел видеть свой народ среди самых развитых наций мира. Гаспринский был той редкой личностью, который нашел общий язык с русскими деятелями культуры (был секретарем у И. С. Тургенева), ладил с властями и был европейски образованным человеком.

Трансформация народа в современную нацию идет рука об руку с реформированием религии. Не случайно, Мартин Лютер писал языком, ставшим общенемецким. Некоторые из татарских джадидов писали на османском, видимо, в надежде, что он станет общетюркским (Муса Бигиев даже Коран перевел на османское наречие), но история пошла по пути разделения близких народов на самостоятельные нации, да и царская политика немало сделала для этого. Известный публицист Дж. Валиди писал: «Спор о языке, продолжавшийся (среди тюркской интеллигенции) несколько лет, был решен в пользу самостоятельности 4-х тюркских наречий – волжского, киргизского, среднеазиатского (чагатайского) и османского». Впоследствии советская система довершила этот процесс, окончательно разведя не только эти наречия, но и искусственно создав целую группу народов, назвав их младописьменными. А для борьбы с противниками этого процесса к прежним пугалам пантюркизма и панисламизма добавили жупел пантуранизма, в чем обвинили сторонников Мирсаида Султан-Галиева.

Исмаил Гаспринский стал инициатором реформации всей системы образования не только среди крымских, но и поволжских татар. Если до него джадидские медресе были редким исключением, то благодаря его деятельности они стали доминировать, проникая в среду всех тюркоязычных народов. Огромный авторитет Исмаила Гаспринского сохранялся и в начале XX века, когда открылось большое количество татарских газет и журналов, а новометодная система образования стала повсеместной. Он продолжал играть заметную роль на мусульманских съездах, а в 1906 г. был избран в ЦК партии «Иттифак». Смерть Исмаила Гаспринского в 1914 г. была воспринята во всем тюркском мире как громадная утрата.

К сожалению, многогранное творческое наследие Гаспринского в силу разных причин было недоступно широкой читательской аудитории. Сегодня, сотрудники Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан устраняют этот пробел, собирая, буквально по крупицам, все сохранившиеся произведения великого просветителя: беллетристику, публицистические статьи, научные работы, личную переписку, дневниковые записи и другие свидетельства той бурной эпохи – все, что помогает нам увидеть выдающийся масштаб этой уникальной личности.

Выход первого тома Полного собрания сочинений Исмаила Гаспринского – историческое событие. Сам факт подготовки масштабного академического издания говорит о зрелости крымскотатарских ученых и актуальности произведений, идей, замыслов великого гуманиста.

Рафаэль Сибгатович ХАКИМОВ,
доктор исторических наук,
директор Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
вице-президент Академии наук Республики Татарстан

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ И. ГАСПРИНСКОГО

Переиздание литературно-художественных произведений И. Гаспринского является крупным событием в истории изучения наследия одного из самых ярких мыслителей конца XIX – начала XX вв. Настоящий том, предполагающий выход в свет полного собрания сочинений, впервые объединил основные литературно-художественные произведения просветителя, составляющие целостное представление о его творческом пути. Сюда вошли оригинальные произведения, написанные на русском языке, а также арабграфичные работы, переведённые специалистами-филологами на русский язык.

Основными источниками в работе по сбору и систематизации трудов И. Гаспринского стали газета «Терджиман», её приложение «Иляве-и Терджиман»¹, оригинальные печатные издания – книги и брошюры писателя, изданные в типографии газеты «Переводчик-Терджиман». Помимо первоисточников, рабочая группа проекта обращалась к монографическим и исследовательским работам известных учёных-гасприноведов. В текстологическом отношении составители ссылались на последнее (четвертое дополненное и исправленное) издание избранных произведений И. Гаспринского, подготовленное Я. Акпынаром² [1].

Как известно, интерес к творчеству И. Гаспринского проявлялся ещё при жизни просветителя. Художественные произведения были примером для начинающих литераторов и сочинителей в среде российского мусульманства, а материалы газеты пользовались большим спросом среди других мусульманских периодических изданий [2, с. 126].

На сегодняшний день одной из серьёзных проблем для исследователей, изучающих литературно-художественные и публицистические труды И. Гаспринского, является отсутствие библиографических и аналитических работ по газете «Терджиман». К сожалению, как пишет И. А. Богданович, комплексный анализ материалов газеты до сих пор не сделан [3]. Однако стоит упомянуть о существующих исследованиях в этом направлении.

Первая библиографическая работа по газете И. Гаспринского была составлена Сеитгъазы Гафаровым и опубликована в 1989 г. в журнале «Йыл-

1 Приложение к газете «Переводчик-Терджиман», издаваемое в формате самой газеты в количестве 2-х страниц. Чаще всего тексты «Иляве-и Терджиман» были ориентированы на тюркоязычного читателя и отсутствовали в русскоязычных экземплярах газеты, распространяемых на территории Российской империи. «Иляве-и Терджиман» имел свою нумерацию страниц, не привязанную к определенному номеру и страницам газеты «Терджиман».

2 Редкие экземпляры газеты «Терджиман» и приложения «Иляве-и Терджиман» были предоставлены Я. Акпынаром из личного архива.

дыз» (Звезда)³. Очерк писался в 1973–1986 гг. и представляет собой выборку из статей, заметок, художественных текстов, опубликованных большей частью на русскоязычных страницах «Терджимана». В письме учёному-филологу Б. Гафарову автор пишет, что за два года «составил список более 1300 статей, опубликованных в газете «Терджиман» со дня выхода газеты и до 1915 г.» [4, с. 6, 8]. Несмотря на то, что составленная им библиография не соответствует стандартам библиографической работы, труд С. Гафарова, как справочный материал, не утратил свою значимость по сей день [4, с. 6].

Следующая попытка создания библиографического списка – двухтомник турецкого исследователя Сабри Арыкана «Идеалы, дела, предложения и новости Исмаил бея Гаспринского» [5], включающий более 1000 (1166) заметок издателя газеты «Терджиман». К сожалению, в этой работе нет четкой классификации, а в некоторых местах нарушен хронологический порядок.

Тематическая систематизация публикаций газеты «Терджиман» в хронологическом порядке была проделана И. А. Керимовым в книге «Гаспринский-нинь «джанлы» тарихи» («Живая» история Гаспринского), в которой автор привёл свыше 500 (507) информационных заметок и статей из жизни и культуры крымских татар и других тюркских народов Российской империи [6].

В пособии «До джерел кримськотатарської журналістики» И. А. Богданович и В. Ю. Ганкевич выделили 221 редакционную статью и заметки, касающиеся издательского дела и непосредственно работы типографии «Терджиман» [7].

Как известно, русскоязычная часть газеты «Переводчик-Терджиман» (1883–1905) состоит из 1194 номеров, в каждом из которых И. Гаспринский размещал не менее 10-ти заметок и статей. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем библиографическим трудом, охватывающим все номера русскоязычного «Терджимана». Существующие попытки создания таких работ во многом не соответствуют уровню библиографических справочников и указателей.

С. Гафаров в труде «И. Гаспринский: историко-публицистический очерк» даёт краткую характеристику литературному творчеству крыскотатарского мыслителя и называет его автором первых в России романов, написанных на тюркском языке [4, с. 159].

Из работ по исследованию творческого наследия И. Гаспринского, рассматривающих различные аспекты многогранной деятельности просветителя, выделим статьи Ю. Османова, написанные в 1960–1970 гг. Ученый излагает первичные результаты анализа романа «Таинственная страна» («Дар-ур Рахат»)⁴

3 Социально-политический, литературно-художественный журнал на крымскотатарском языке. Начал издаваться в годы депортации в Ташкенте. С 1976 по 1979 год публиковался как литературный альманах, с 1980 г. издаётся в статусе журнала.

4 Роман «Дар-ур Рахат мусульманлары» вошёл в научный оборот под названием «Мусульмане страны Благоденствия / Спокойствия». Вероятно, большинство исследователей, работавших с арабографичным текстом этого издания, при написании своих трудов опирались на буквальный перевод арабографичного названия, который в последующем закрепился в научно-исследовательской литературе. Сам И. Гаспринский на русскоязычных страницах газеты «Переводчик-Терджиман» опубликовал это произведение под названием «Таинственная страна».

и, принимая во внимание общественно-политические взгляды И. Гаспринского, называет произведение утопическим романом [8, с. 174–175].

По ряду причин до конца 80-х – начала 90-х гг. исследователи не имели возможности открыто изучать труды просветителя. С 1990-х гг. был начат процесс возвращения литературного наследия И. Гаспринского в историю крымскотатарской литературы, детального изучения его произведений и введения их в научный оборот.

Одним из первых, кто познакомил современную читательскую аудиторию с литературным творчеством И. Гаспринского, стал И. А. Керимов, который в 1993 г. опубликовал часть романа «Дар-ур Рахат мусульманлары» на крымскотатарском языке, а позднее, в 2001 г., отдельной книгой издал первый том произведений И. Гаспринского под заглавием «Молла Аббас», куда вошли первая часть романа «Френкистан мектюплери» («Французские письма») и являющаяся его продолжением часть романа «Дар-ур Рахат мусульманлары» («Таинственная страна») [9]. Тексты И. Гаспринского были транслитерированы с арабской графики на кириллицу и латиницу, в книгу также был включён словарь трудных слов. Во вступительной статье к книге И. А. Керимов отмечает своеобразие художественных текстов И. Гаспринского и рассматривает вопрос сюжетно-композиционной структуры и образной системы его произведений.

В 1996 г. В. Ю. Ганкевич в журнале «Брега Тавриды» опубликовал новеллу «Горе Востока» [10]. Ученый считал, что «Горе Востока» отличается от всех художественных работ просветителя и стоит особняком в его творчестве [10, с. 153]. В ней посредством облечённой в сказку идеи И. Гаспринский попытался объяснить читателям основные пути, по которым возможно движение науки и образования, благодаря чему мусульмане смогут вернуть себе былое величие.

В 2003 г. был опубликован роман «Французские письма». Известное произведение впервые увидело свет в русскоязычной части газеты «Переводчик-Терджиман» в 1887–1889 гг. [11]. Полный текст романа был собран В. Ю. Ганкевичем из 60-ти номеров «Терджимана» и дал возможность русскоязычным читателям познакомиться с одним из главных литературных трудов И. Гаспринского. О жанре произведения, своеобразии сюжета и о стилистике автора пишет во вступительной статье к этому изданию Г. Ю. Богданович [11, с. 5–7]. В этой же книге публикуется аналитическая статья В. Ю. Ганкевича, в которой определяется социальная значимость «Французских писем» [11, с. 205–221].

С 2005 по 2006 гг. на страницах крымской газеты «Полуостров» В. Ю. Ганкевич стал публиковать не менее известные произведения И. Гаспринского «Африканские письма» и «Страна амазонок», являющиеся прямым продолжением «Французских писем» [12]. Учёный идентифицировал эти произведения как антиутопию, дистопию⁵, где на месте угнетённых мусульманских женщин конца XIX в. оказываются мужчины. В этой же газете им было опубликовано произведение И. Гаспринского, написанное в жанре исторического рассказа, «Арслан-Кыз» [13], в котором отражён один из эпизодов Уйгурско-Дунганско-

5 Дистопия – жанр художественной литературы, противоположность утопии, где описывается государство, в котором возобладали негативные тенденции развития.

го восстания (1864–1877) – борьба жителей Джунгарии и Восточного Туркестана против китайских захватчиков. Ранее, в 2004 г., это произведение было издано под редакцией известного крымскотатарского поэта и общественного деятеля Ю. Кандыма. Здесь же был переиздан «Кунь догды» (Восход)⁶ – незаконченный автобиографический⁷ роман И. Гаспринского [14].

Отдельно хотелось бы сказать о вкладе в сохранение и изучение литературного наследия И. Гаспринского турецких коллег. В 2003 г., затем в 2014–2015 гг. с некоторыми дополнениями вышло в свет трёхтомное издание избранных произведений И. Гаспринского, подготовленное ведущим учёным-гасприноведом Турции Явюзом Акпынаром. На сегодняшний день этот труд является наиболее полным собранием сочинений. Содержание сборников охватывает биографию И. Гаспринского, его художественно-литературное, публицистическое наследие, критические, аналитические статьи и заметки, путевые дневники и наблюдения, программные произведения, выходившие отдельными изданиями и опубликованные в газете «Терджиман» [1].

Каждое из этих изданий сопровождается вступительным словом и основной статьёй Я. Акпынара, в которой даётся общая информация о произведениях, вошедших в сборник, с подробными текстологическими комментариями. Изложены принципы составления книг, представлены издательская и публицистическая деятельность, социально-политические взгляды, просветительское и педагогическое наследие И. Гаспринского.

Труды И. Гаспринского являются объектом современных научных исследований, однако мало изучены вопросы жанровой идентификации, определения доминирующих черт поэтики писателя, выявления особой роли авторского сознания в формировании жанровой структуры его прозаических произведений с позиций системного подхода к его творчеству.

Среди крымских исследователей, которые касались отдельных аспектов литературно-художественного творчества И. Гаспринского, необходимо отметить Ш. Э. Юнусова [15], Л. А. Рустемову [16], Ф. А. Сеферову, [17], Дж. Н. Сулейманову [18], Э. Э. Абибуллаеву [19].

О своеобразии жанра «Французских писем», художественном методе писателя, идее произведения пишет Н. К. Эмирсуинова [20]. Идеино-тематические особенности рассказов И. Гаспринского, психологические портреты героев, а также художественные приёмы автора рассмотрены в статьях Г. Ю. Сеитваниевой [21].

Исследователи отмечают, что на страницах газеты «Терджиман» зарождались художественные и публицистические жанры, не известные до этого в национальной литературе крымских татар [2, с. 178–194; 22]. Говоря о роли

6 Незаконченное произведение И. Гаспринского «Кунь догды» в исследовательской литературе известно под названием «Солнце взошло». Изначально, в 1905 г., в газете «Переводчик-Терджиман» И. Гаспринский издавал это произведение под названием «Восход». Как и в случае с романом «Таинственная страна» исследователи ввели в научный оборот буквальный перевод на русский язык арабоязычной версии названия произведения.

7 Произведение не во всём точно совпадает с биографией автора.

И. Гаспринского в создании новых жанров в литературе, учёные неоднократно отмечали, что он был основоположником романтизма [9, с. 17] и «национального романа», первого романа в новейшей литературе тюркских народов России рубежа XIX–XX столетий [2, с. 186; 189].

В исследовательской литературе встречаются разные определения жанровой природы произведений И. Гаспринского. Так, например, критик крымско-татарской литературы Эшреф Шеми-заде называет «Таинственную страну» повестью, а «Восход» – романом, написанным в духе просветительского реализма [23, с. 41]. Произведение «Арслан-Кыз» В. Ю. Ганкевич относит к историческому рассказу [2, с. 189], А. Кадыров и Т. Киримов определяют его как рассказ-легенду [14, с. 183]. «Восход» упоминается в критической литературе как повесть «с использованием автобиографического материала» [2, с. 192], а также как «народный» роман [14, с. 185]. Выявляя историко-мистические особенности произведения «Горе Востока», В. Ю. Ганкевич определяет его жанр как новеллу, близкую к фольклорно-эпическому произведению [2, с. 190], а произведение «Строптивая» – как социально-бытовой рассказ [2, с. 192]. Заметим, что выявление отдельных жанровых признаков повестей, новелл и рассказов в творчестве писателя, которое эпизодически представлено в предшествующих работах, не сопровождается их комплексным анализом.

Говоря о жанровой природе «Французских писем», Н. К. Эмирсуинова отмечает, что И. Гаспринский вошёл в литературу тогда, когда «деканонизация жанровых структур стала очевидным фактом, когда жанровая определенность и в прозе, и в поэзии потеряла свои чёткие границы, когда сложились условия для самых смелых жанровых экспериментов» [20]. Автор подчёркивает, что И. Гаспринский синтезирует различные жанровые формы: очерковое бытописание, путевые записки, эпистолярное общение с читателем, любовно-авантюрное повествование, романтическую фантастику, историческое исследование, включающее элементы мифа и эпоса. Этот синтез позволяет вести увлечённого и любознательного читателя к осмыслению путей к счастливому будущему своего народа в виде футурологической утопии.

Сам же И. Гаспринский чёткой жанровой направленности своих произведений не определяет. Лишь в комментариях к некоторым произведениям, которые печатались под заголовками «Нечто вроде предисловия», «Как бы предисловие», «От редакции», «Примечание», он отмечает отдельные формальные и содержательные свойства: «Приступая к описанию, <...> предупреждаю читателя, что я далеко не художник и заранее прошу снисходительности к моим очеркам, хронике – назовите как вам угодно» [24]. Или другой пример: «Написание рассказа так же, как и стихосложение, требует способности и таланта, но когда все пытаются написать три-пять строк стихотворения, я взял в руки перо с надеждой написать рассказ на пять – десять страниц» [25] и др. В предисловии к произведению «Таинственная страна», информируя своих читателей о продолжении публикации «Французских писем», автор неоднократно отмечает их направленность адресату и их эпистолярную форму: «В 1887 году в «Переводчике» печатались «Французские письма» ташкентца Молла Аббаса, прозванного

Франсови. Письма эти заинтересовали всех наших читателей, и многие до сих пор наводят у нас справки о судьбе их загадочного автора. <....> Опуская описание европейской жизни (эта часть писем будет издана особо), приступаем к полному, без пропусков печатанию писем г[осподина] Молла Аббаса о таинственной стране» [26]. Лишь под заголовками некоторых произведений И. Гаспринского можно видеть жанровую принадлежность, определённую самим автором, например: «рассказец», «национальный рассказ», «очерк», «описания» и др.

Обычно свои художественные произведения И. Гаспринский печатал под различными псевдонимами. Возможно, причина их использования крылась в опасении быть подвергнутым резким нападкам со стороны консервативного духовенства. Критика социальных недостатков, выявление пороков общества, жёсткая критика в адрес духовных деятелей, религиозного фанатизма и предрассудков стали темой многих произведений автора.

В «Словаре трудных слов крымскотатарского языка и псевдонимов» И. А. Керимов указывает следующие криптонимы И. Гаспринского: Маленький Мулла, Мусульманин, Молла Аббас, Карт ага, Татарин [27, с. 172–174].

Под именем Маленький молла И. Гаспринский публиковался в издававшейся И. Казасом газете «Таврида» (1880–1883) [28]. По мнению В. Ю. Ганкевича, этот псевдоним в дальнейшем трансформировался в постоянное литературное имя просветителя – Молла Аббас Франсови. К сожалению, в знаменитом «Словаре псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» И.Ф. Масанова этот криптоним не числится. В нём приведён неточный псевдоним – Маленький моллос.

Под традиционным псевдонимом Молла Аббас Франсеви / Франсови⁸ И. Гаспринский опубликовал большую часть своих художественных творений, к примеру, вошедшие в первый раздел предлагаемого читателю сборника наиболее известные и популярные произведения просветителя, где Молла Аббас выступал в качестве и автора, и главного героя. Завершающая часть цикла путешествий Моллы Аббаса подписана именем его ученика – Молла Аббаснынъ Шакирди (Ученик Молла Аббаса), где повествование уже ведётся от его лица. Позднее, в 1895 г., переиздавая часть романа «Дар-ур Рахат мусульманлары» (роман переиздан с небольшими изменениями в названии – «Дар-ур Рахат Яхут Аджайип Диар-и Ислам» («Страна Благоденствия или Изумительная Исламская страна»)), И. Гаспринский использует псевдоним Нашир (Издатель).

Говоря о псевдонимах И. Гаспринского, необходимо отметить, что другие вымышленные имена, которые он использовал, встречаются лишь единожды. Так, изданное в 1905–1906 гг. произведение «Восход» И. Гаспринский публикует под псевдонимом Карт Агай (Старец). Криптоним Сейях (Странник) автор использует в рассказе «Мюкялеме-и Селатин» («Собрание правителей»), изданном на страницах газеты «Терджиман» в 1906–1907 гг.

Подробнее хотелось бы остановиться на вымышленном имени М. Искендеров, которым было подписано произведение «Мейве-и заман» («Плоды времени», 1885). На сегодняшний день вопрос принадлежности данного псевдонима

8 На страницах «Терджимана» встречаются оба варианта написания псевдонима.

И. Гаспринскому остаётся не до конца изученным. Я. Акпынар склонен положительно решать этот вопрос [29, с. 80]. Мы также считаем, что произведение принадлежит перу И. Гаспринского. Наше предположение основывается на том, что текст М. Искендерова имеет некоторое сходство с другими сочинениями И. Гаспринского, изданными в «Терджимане» позже. Так, отмечается схожая манера обращения автора к читателям, встречающаяся в предисловии к произведениям «Ики Бахадыр» («Два героя», 1886) и «Восход». Как и «Восход», произведение «Плоды времени» состоит из нескольких связанных между собой небольших рассказов. Одним из ярких персонажей М. Искендерова является Шейх Аббас. В работах И. Гаспринского, написанных позже, мы также встречаем образ Аббаса (Молла). Одна из частей произведения «Плоды времени» – «Даниял бей» – носит имя главного героя очерка И. Гаспринского «Восход». Именно с этим персонажем читатели отождествляют самого автора. Изучив стилевые и языковые особенности, учитывая проблемно-тематический спектр произведений И. Гаспринского, мы считаем, что за подписью М. Искендерова скрывается сам И. Гаспринский. В связи с этим мы вносим произведение «Плоды времени» в данный сборник.

В ходе работы над подготовкой издания научно-исследовательская группа столкнулась с ситуацией спорного авторства отдельных текстов, указанных в некоторых источниках как произведения И. Гаспринского. К ним можно отнести такие, как «Чобан кыз» («Девушка-пастушка») и «Бахтсыз бала» («Несчастное дитя»). Относительно первого Я. Акпынар приводит следующий комментарий: «В некоторых источниках автором произведения «Чобан кыз» указывается И. Гаспринский, в других – М. Акчурин. В связи с тем, что текст произведения нами не найден, вынести решение об авторстве данного произведения мы не можем» [29, с. 79].

Детальному анализу было подвергнуто найденное нами в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург) произведение «Чобан кыз». На титульном листе брошюры указано: «Чобан кыз». М. Акчурин ве «Терджиман» газетеси идареси тарафындан нешир эдильмиштир. Басмасына рухсет берильди. С. Петербург, ноябрь 15, 1897 сенесинде» (Чобан кыз. Произведение издано М. Акчуриным и правлением газеты «Терджиман». Разрешено к печати. С. Петербург. 15 ноября, 1897 года) [30]. Таким образом, мы делаем вывод, что И. Гаспринский не является автором произведения «Чобан кыз».

Пьеса Намыка Кемаля в трех действиях «Бахтсыз бала» (1873) была адаптирована для тюркоязычного населения Российской империи и опубликована И. Гаспринским в 1882 г. отдельными брошюрами. На сегодняшний день была выявлена лишь последняя, четвертая, часть произведения. Возможно, подробности публикации и автор были указаны в предыдущих частях. В связи с этим «Чобан кыз» и «Бахтсыз бала» в данный сборник не вошли.

Рассматривая содержание первого тома, хотелось бы подробнее остановиться на трудах И. Гаспринского, переведённых на русский язык. Известно, что издаваемая в течение 22 лет на тюркском и русском языках газета «Переводчик-Терджиман» после революции 1905 г. стала печататься только на тюрк-

ском⁹. До перехода к моноязычному варианту основная часть литературно-художественных произведений И. Гаспринского печаталась параллельно, с некоторыми отличиями, в тюркском и русском вариантах. Наиболее популярные работы переиздавались в приложении «Иляве-и Терджиман». Часть трудов выходила отдельной книгой на арабской графике с небольшими изменениями в названиях. Необходимо отметить, что некоторые экземпляры газеты «Терджиман», выходившие в один день и год, под одним номером, имели отличия содержательного характера. Как выявил Я. Акпынар, отдельные тиражи газеты «Терджиман», распространяемые параллельно на территории Российской и Османской империй, имели некоторые отличия [29, с. 73]. Им были найдены экземпляры газеты, адресованные турецкому читателю, в которых публиковалось одно из произведений И. Гаспринского, в то время как в тираже, распространяемом в России, вместо художественного текста размещались рекламные объявления. Еще одним отличием являются арабографичные тиражи «Терджимана», без приложений или с приложениями, в которых отсутствовала часть на русском языке. На начальном этапе работы мы также выявили подобные отличия в содержании газет. Поэтому произведения, которые публиковались только на тюркском языке, мы перевели на русский язык. К их числу относятся следующие: «Иван и Сулейман», вторая часть которого по неизвестной причине отсутствует на русскоязычных страницах газеты «Переводчик-Терджиман», в связи с этим вниманию читателей представлен перевод с оригинального арабографичного текста; «Бахадыр» («Богатырь») – произведение, опубликованное И. Гаспринским в газете «Терджиман» в 1886 г., позднее было дополнено рассказом о втором герое и с небольшими изменениями в содержании опубликовано в 1889 г. отдельной брошюрой на арабской графике под названием «Ики бахадыр» («Два героя») – вниманию читателей представлен перевод первой части из брошюры и оригинальный вариант текста на русском языке, опубликованный И. Гаспринским в газете «Переводчик-Терджиман»; рассказ «Драгонлар кызы» («Дочь драгунов», 1897) публиковался лишь в арабографичном приложении «Иляве-и Терджиман»; «Хаджынын ферасети» («Наблюдательность Хаджи») и «Ики имам» («Два имама») – произведения, размещенные в брошюре «Къадынлар» («Женщины»), изданной в 1903 г. на арабской графике; часть произведения «Кунь догды» («Восход»), опубликованная после 1905 г. в газете «Терджиман», которая издавалась уже только арабским письмом; «Мюкялеме-и Селатин» («Собрание правителей», 1906), «Молла Аббас Франсевие Тесадюф» («Случайная встреча с Молла Аббасом Франсеви», 1908), «Мухаджерет-и Мунтазама» («Планомерная миграция», 1912).

Том включает в себя литературно-художественные произведения И. Гаспринского, написанные и изданные им в период с 1884 по 1912 гг. Первым лите-

9 Язык газеты «Терджиман» в публикациях крымскотатарских авторов определяется как крымскотатарский. В исследовательской литературе мы встречаем названия: лисан-и умуми (всеобщий язык), общетюркский язык, язык тюрки, упрощенный османский и др. Издавая газету «Терджиман» направленную на объединение тюрко-мусульманских народов Российской империи, И. Гаспринский активно продвигал лозунг «Единство в языке, мыслях и делах» и говорил о необходимости создания умуми лисан-и эдебие (общего литературного языка), который стал бы понятным османским тюркам.

ратурным произведением И. Гаспринского можно считать незаконченный очерк «Икяе-и Аише» («История Айши»), опубликованный в газете «Переводчик-Терджиман» в 1884 г. Одним из последних литературных произведений, изданных на страницах газеты, является «Молла Аббас Франсевие Тесадюф» («Случайная встреча с Мулла Аббасом Франсеви», 1908). Завершает хронологию сочинений И. Гаспринского произведение «Мухаджерет-и мунтазама» («Планомерная миграция»), вышедшее в турецком журнале «Тюрк юрду» в 1912 г.

Структурно издание делится на три части. В первый раздел входят законченные и незаконченные произведения И. Гаспринского. К незаконченным относятся такие, которые можно считать продолжением предыдущих частей и которые имеют внутреннюю художественную цельность и структурную связь. «Французские письма», «Таинственная страна», «Африканские письма», «Страна амазонок» и «Случайная встреча с Муллой Аббасом Франсеви: посещение Гюль Бабы» составляют единый цикл путевых, дневниковых записок, повествований путешественника, рассматриваются в совместном контексте и представляют части единого романа. Это произведения с многолинейным сюжетом, в котором можно встретить конструкции «сюжет в сюжете», объединённые одним главным действующим лицом. Им является герой Молла Аббас, от имени которого и ведётся повествование.

Следует отметить, что с 1903 г. в 46 номере газеты «Переводчик-Терджиман» с заметкой «нечто вроде предисловия» начинает издаваться полный текст произведения о путешествии в Испанию под названием «Таинственная страна», где главный герой Молла Аббас рассказывает о своих приключениях в стране Дар-ур Рахат. Как пишет сам И. Гаспринский, «в 1887 году в «Переводчике» печатались «Французские письма» ташкентца Молла Аббаса, прозванного Франсеви. Письма эти заинтересовали всех наших читателей и многие до сих пор наводят у нас справки о судьбе их загадочного автора. «Французские письма» были посвящены описанию европейской жизни в связи с приключениями их автора. В конце писем заключалось описание памятников арабской цивилизации в Испании и сообщение о таинственной мусульманской стране, куда случайно попал г[осподин] Молла Аббас. Сообщение о последней по уважительным причинам были тогда сильно урезаны нами, чтобы не смутить молодых тогда читателей. Теперь, после 20 летнего чтения газеты, они проще и хладнокровнее прочтут и легче поймут интересные сообщения автора. Опуская описание европейской жизни (эта часть писем будет издана особом), приступаем к полному, без пропусков печатанию писем г[осподина] Молла Аббаса о таинственной стране. Редакция» [26]. В данном сборнике вниманию читателей представлены обе версии романа: часть романа, отражающая продолжение приключений главного героя «Французских писем» в Испании и полная версия романа «Таинственная страна» на русском языке, опубликованная И. Гаспринским в более поздних номерах «Терджимана».

Во второй раздел тома вошли законченные и незаконченные повести и рассказы И. Гаспринского: «Арслан-Кыз», «Восход», «Горе Востока», «Собрание правителей», «Планомерная миграция», «Плоды времени», «Ахмед бек Ташкесанлы и Бедрос Каракашьянц», «Два героя», «Иван и Сулейман». Необходи-

можно отметить, что в произведениях с примечанием «продолжение следует», «продолжение будет», таких, как «Восход», «Плоды времени», «Ахмед бек Ташкесанлы и Бедрос Каракашьянц» и «Иван и Сулейман», отсутствует «оборванность», свойственная незаконченным произведениям. Их можно характеризовать как законченные на уровне композиционной формы и завершённые с точки зрения внутренней художественной целостности.

Содержание третьего раздела составляют работы, написанные в форме коротких рассказов. Это и законченные, и незаконченные произведения, такие, как «Князь Азамат бек», «Бедная Фатъма», «Дочь драгунов», «Строптивая», «Два имама», «Наблюдательность Хаджи», «Ханство спящих» и др. Среди них есть тексты, сложные по своей структуре, эпизоды которых свести к одной сюжетной линии непросто. Большая часть данных произведения не подписана, тем самым принадлежность И. Гаспринскому не может считаться окончательно установленной (эти случаи оговорены в примечаниях), как, например, произведения «Дервиш», «Дервиш и хан», «Бесприютный», «С того света (записки хорошего человека)».

Издание сопровождается краткими подстрочными историко-текстологическими и реальными комментариями и примечаниями, необходимыми для наиболее полного и точного понимания того или иного произведения. Курсивом отмечены примечания самого И. Гаспринского, комментарии и разъяснения переводчиков.

Тексты произведений И. Гаспринского (за исключением случаев, где отклонения от обычной орфографии и пунктуации вызваны художественно-стилистическими особенностями) печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением наиболее важных особенностей, свойственных писателю и его эпохе.

Необходимо заметить, что авторы проекта не ставили перед собой задачи всестороннего критического изучения художественных текстов И. Гаспринского. Составители надеются, что перевод на русский язык недоступных для широкого круга читателей арабографических текстов создаст предпосылки к глубокому комплексному изучению, сохранению и популяризации интеллектуального богатства Исмаила Гаспринского.

Данное издание литературно-художественного наследия И. Гаспринского предоставляет широкую возможность исследования специфики произведений И. Гаспринского с точки зрения проблемы жанрового определения, принципов повествования, особенностей повествовательной структуры, принципов сюжетосложения, пространственно-временной организации, взаимообусловленности типов повествования и жанровых моделей и т.д.

И. Гаспринский, пытаясь осмыслить проблемы современного ему мира, в литературных произведениях отразил различные стороны общественной жизни в самых сложных и разнообразных её проявлениях. Обладая высоким познавательным потенциалом, произведения И. Гаспринского не только вобрали в себя особенности своей эпохи, но и выполняют роль передаточного механизма этих знаний последующим поколениям.

Список источников и литературы:

1. İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri. Neşre Haz. Yavuz Akpınar, Bayram Orak, Nazım Muradov. İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2014. – 516 s.; İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 2. Fikri Eserleri: Neşre Haz. Y. Akpınar. İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2015. – 422 s.; İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 3. Dil, Edebiyat, Seyahat Yazıları: Neşre Haz. Y. Akpınar. İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2015. – 512 s.
2. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). – Симферополь: Доля, 2001. – 328 с.
3. Богданович І. О. Історіографія газети «Терджиман» [Електронний ресурс] / Богданович І. О. // Культура народів Причорномор'я. – Том 49 (II). – URL: http://elib.crimea.edu/index.php?option=com_content&task=view&id=77.
4. Исмаил Гаспринский – великий просветитель / сост. Ф. Зиядинов. – Симферополь: Издательство «Тарпан», 2001. – 256 с.
5. Kendi kaleminden İsmail Bey Gaspıralının İdealleri, İşleri, Tavsiyeleri ve Haberleri. I. / Hazırlayan Sabri Arıkan, İstanbul, Türk. Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları, 2006. – 562 s.; Kendi kaleminden İsmail Bey Gaspıralının İdealleri, İşleri, Tavsiyeleri ve Haberleri. II. / Hazırlayan Sabri Arıkan, İstanbul, Türk. Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları, 2011. – 426 s.
6. Керимов И. А. Гаспринскийнин «джанлы» тарихи 1883–1914. (кырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги). – Акъмесджит: Тарпан, 1999. – 408 с.
7. Богданович І. О., Ганкевич В. Ю. До джерел кримскотатарської журналістики: навчальний посібник. – Симферополь, 2004. – 330 с.
8. Османов Ю.Б. Просветитель Востока Исмаил Гаспринский. – Симферополь: Бизнес – Информ, 2014. – 312 с.
9. Гаспринский И. Молла Аббас. Роман. Двухтомник. Том перший. – Симферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2001. – 400 с.
10. Исмаил Гаспринский. Горе Востока / сост. В. Ю. Ганкевич. // Брега Тавриды. – 1996, № 02–03. – С. 148–156.
11. Гаспринский И. Французские письма / сост. В. Ю. Ганкевич. – Симферополь: Доля, 2003. – 223 с.
12. Гаспринский И. Африканские письма: Роман / сост. В. Ю. Ганкевич // Полуостров. – 2006. – 10–16 февр. – С. 14; 24 февр.–2 марта. – С. 18; 10–16 марта. – С. 18; 17–23 марта. – С. 18; 24–30 марта. – С. 15; 31 марта–6 апреля. – С. 10; 7–13 апр. – С. 10; 14–20 апр. – С. 10; 21–27 апр. – С. 10; 28 апр.–4 мая. – С. 10; 5–11 мая. – С. 10; 12–18 мая. – С. 10; 19–25 мая. – С. 10; 26 мая–1 июня. – С. 10; 2–8 июня. – С. 10; 9–15 июня. – С. 10; 16–22 июня. – С. 10; 23–29 июня. – С. 10; 30 июня–6 июля. – С. 10; 7 июля–13 июля. – С. 10; 14–20 июля. – С. 10.
13. Гаспринский И. Арслан-кыз: Рассказ / сост. В. Ю. Ганкевич // Полуостров. – 2006. – 21–27 июля. – С. 10; 28 июля–3 авг. – С. 10; 4–10 авг. – С. 10; 18–24 авг. – С. 10; 1–7 сент. – С. 10; 8–14 сент. – С. 10; 22–28 сент. – С. 10; 29 сент.–5 окт. – С. 10; 6–12 окт. – С. 10; 13–19 окт. – С. 10; 20–26 окт. – С. 10; 27 окт. – 2 нояб. – С. 10.
14. Гаспринский Исмаил. Арслан-кыз. Солнце взошло (романы) / под ред. Ю. Кандыма. – Симферополь: Оджак, 2004. – 192 с.
15. Юнусов Ш. Э. Идеино-тематическая преемственность в крымскотатарской литературе первой четверти XX века / Ш. Э. Юнусов // Вестник крымских литературных чтений: Сборник научных статей и материалов: Вып. 9, Ч.І. – Симферополь: «Крымский Архив», 2013. – С. 211–216.

16. Рустемова Л. А. Композиция произведений «Письма об Испании» В. П. Боткина и «Французские письма» И. Гаспринского / Л. А. Рустемова // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 264. – С. 39–42.
17. Сеферова Ф. А. Антропоцентризм в художественной прозе И. Гаспринского / Ф. А. Сеферова // Женское движение в Крыму: история и современность. Сборник статей Международной научной конференции. – Симферополь: «Тезис», 2011. – С. 24–28.
18. Сулейманова Дж. Н. Кырымтатар эдебиятында Темурленг образынынъ пейда олув себеpleri / Дж. Н. Сулейманова // Ыылдыз. – 2005. – № 4. – С. 118–128.
19. Абибуллаева Э. Э. Роль женщины в видении Исмаила Гаспринского (перевод на русский язык очерка И. Гаспринского «Женщины») / Э. Э. Абибуллаева // Крымское историческое обозрение. – 2015. – № 1. – С. 216 – 232.
20. Эмирсуинова Н. К. Утопическое государство в изображении В. Одоевского и И. Гаспринского / Н. К. Эмирсуинова // Мир романтизма. – Тверь, 2008. – Т.13(37) – С. 153–159.; Эмирсуинова Н. К. «Французские письма» И. Гаспринского: синтез жанров / Н. К. Эмирсуинова // Материалы научно-практической конференции «Эстафета поколений», посвященной 155-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского. – Симферополь: НИЦ КИПУ, 2007. – С. 103–109.
21. Сеитваниева Г. Ю. «Терджиман» газетасынынъ саифелеринде нешир олунган И. Гаспринскийнинъ бедий эсерлери ве эсерлерде котерильген меселелер. (Художественные произведения И. Гаспринского, опубликованные на страницах газеты «Терджиман» и их проблематика) / Г. Ю. Сеитваниева // Учёные записки. – Т. 25 [64]. – № 3. Ч.1. – 2012. – С.94 – 112.; Сеитваниева Г. Ю. И. Гаспринскийнинъ бедий эсерлеринде котерильген меселелер («Ахмет Бей Ташкесенли ве Бедрос агъа Кыракашьян» ве «Иван ве Сулейман» икяелери мисалинде) / Г. Ю. Сеитваниева // Мир Исмаила Гаспринского: Сборник материалов ежегодных литературных чтений, посвященных жизни и творчеству Исмаила Гаспринского / Сост.: Л.З. Кадырова, Э.А. Велиева. – Симферополь, 2016. – С. 54 – 59.
22. Сеитмететова С. А. Жанры и типы публикаций в газете «Терджиман» / С. А. Сеитмететова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия : История. – 2008. – Т. 21 (60). – № 1 – С. 43 – 51.
23. Шемъи-заде Эшреф. Эдебий ве тенкъидий макъалелер. – Симферополь: Доля, 2000. – 248 с.
24. Гаспринский И. Восход / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1905. – 8 ноября, № 92.
25. Гаспринский И. Драгонлар кызы / И. Гаспринский // Иляве-и Терджиман. – 1897. – 10 июня, № 23.
26. Гаспринский И. Таинственная страна / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1903. – 24 ноября, № 46.
27. Словарь трудных слов крымскотатарского языка / под. ред. И. А. Керимова. – Симферополь: «Таврида». – 2006. – 176 с.
28. Маленький Мулла. Бахчисарайские письма I–III / И. Гаспринский // Таврида. – 1880. – № 9; 1881. – № 5, 7.
29. İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri. Neşre Haz. Yavuz Akpınar, Bayram Orak, Nazım Muradov. İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2014. – 516 s.
30. Акчурун М. Чобан кыз. – Багъчасарай: Матбаа-и-«Терджиман», 1897. – 17 с.

Сеитваниева Г. Ю., Сеитмететова С. А.

РАЗДЕЛ I

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСЬМА¹

1887. – 25 января, № 4.

I.

В книге Судеб судьба моя, видимо, очерчена как-то иначе, чем у большинства моих единоверцев! В то время, когда всякий порядочный мусульманин, имея средства, стремится к священной Аравии, мне суждено было попасть в страну френгов², тех френгов, о коих у нас, на Востоке, ходят столь интересные слухи и сказания.

В то время, когда мои однокашники, шакирды³ большого Ташкентского медресе, славили Аллаха духовной службой или облагораживали свои очи благочестивыми посещениями священных мест, я, раб Божий, скитался из одной страны Френкистана в другую, далекий не только от святынь, но даже не слыша годами правого разговора! Я не жалею: Судьба

1 Знаменитое произведение И. Гаспринского, опубликованное на страницах газеты «Переводчик-Терджиман» в 1887–1889 гг. под псевдонимом Молла Аббас Франсови. Изначально разделен автором на главы, однако с № 7 1887 г. это деление исчезает. В плане жанра многими исследователями определен как роман. Включает в себя ряд других произведений: «Дар-ур Рахат мусульманлары» (Таинственная страна / Мусульмане страны Благоденствия), «Африканские письма», «Страна амазонок». С этим романом взаимосвязан неоконченный рассказ «Случайная встреча с Муллой Аббасом Франсеви: посещение Гюль Баба». Известно, что в планах автора было написание ещё одного произведения, связанного с «Французскими письмами», – «Страна сумасшедших», которое, вероятно, так и не было опубликовано. В 2001 г. текст романа из арабографичной части «Терджимана» был транслитерирован И. А. Керимовым и издан под общим названием «Молла Аббас» (Гаспринский И. Молла Аббас: роман. 2 томлукъ / [под ред. И. Керимова]. – Симферополь: Къырымдевлетокув-педагогика нешриятъ, 2001. – 400 с.). Аналогичная работа с транслитерацией на латиницу была осуществлена Явуз Акпынаром и Байрам Ораком (Frengistan mektupları., Dar ür rahat müsülmanları // İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Romanve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. – S. 81–275). Текст романа на русском языке был собран В. Ю. Ганкевичем из 60-ти номеров газеты «Терджиман» и в 2003 г. опубликован отдельным изданием (Гаспринский И. Французские письма / сост. В. Ганкевич; худож. З. Трасинова. – Симферополь: Доля, 2003. – 223 с.).

2 Европейцев. *Примечание И. Гаспринского*

3 Студент медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения.

всегда права. Я даже благодарю ее, ибо, бродя по Венгрии, я поклонился праху давно забытого мученика и святого Гуль Бабы⁴; а на французской земле приветствовал священный прах «сорока святых», павших геройской смертью, защищая отступавших мусульман от грозной руки Карла Мартелла⁵.

Пройдя благословенные места Андалузии⁶, я добрался до той скалы у Средиземного моря, откуда великий мусульманский полководец Тарик⁷, обратясь к войскам своим, сказал: «Впереди бесчисленный враг, победа и слава, позади нас море, корабли и бесчестие отступления; мусульмане должны победить или умереть, но не отступать, а потому нам более корабли не нужны; приказываю их сжечь, а вам, братья, идти вперед!»

Совершая благочестивое поклонение этим давно забытым священным местам, я волей-неволей сталкивался с френгами и жил между ними. О френгах и их жизни я хочу теперь рассказать вам, рассказать, как могу, ибо мало кому из вас придется видеть эти далёкие, чудные страны и интересных людей Френкистана.

Я оставил Ташкент 22 лет, окончив, как мог, курс всех наук. Богатство, оставленное мне отцом – мир праху его, – и одиночество давали мне право и возможность довершить моё учение и воспитание путешествиями по благословенным мусульманским землям. Через Оренбург и Москву я попал в Одессу. Пребывание в России, расспросы у казанцев значительно расширили мои познания, и Западные страны все более и более начали меня интересовать.

Зная из древнего сказания о существовании мусульманских святынь в Европе, я решил препоручить себя их охране и пуститься в волшебные страны френгов. Моя решимость могла не выдержать, но делу помогла... «О, женщины, женщины», – сказал один знаменитый френг, и он был прав, ибо меня, готового уже перескочить из Одессы в священный Стамбул и

4 По преданию, был дервишем по имени Зеки, прозванный Гюль Бабой за свою любовь к розам. В 1541 г. пришёл в Буду (Будапешт) вместе с турецкими воинами. Восьмиугольная гробница Гюль Баба построена при османском правлении между 1543 и 1548 годами по приказу третьего паши Буда недалеко от моста Маргит. Гробница имеет плоский купол, покрыта свинцовыми пластинами и деревянными плитками. Во время второй битвы за Буду в 1686 г. при Габсбургах гробница чудом осталась неповрежденной, но была превращена в часовню католиками-иезуитами, которые переименовали её в Часовню Святого Иосифа. В 1885 г. османское правительство поручило венгерским инженерам восстановить гробницу, и, когда работа была завершена в 1914 г., она была объявлена национальным памятником. Гробница была вновь восстановлена в 1960-х, а в 1990-х гг. подверглась повторной реставрации. В настоящее время гробница Гюль Баба является собственностью Республики Турция.

5 Карл Мартелл (686 или 688–741) – майордом (старший сановник двора Меровингов) франков (союз древнегерманских племён) в 717–741 гг., вошедший в историю как спаситель Европы от арабов в битве при Пуатье (10 октября 732 г.). Прадед Карла Великого.

6 Историческая область в южной Испании, где с VIII по XIII вв. господствовали арабы.

7 Тарик ибн Зияд (670–720) – арабский полководец берберского происхождения, завоевавший королевство вестготов.

далее, она увлекла на площадь Мадлены в Париже, и вместо грандиозного купола Св[ятой] Софии⁸ я любовался стройной громадой храма Магдалены⁹! Велик Аллах! Он женщинам позволяет делать очень многое. Это не так заметно у нас в Туркестане, но здесь, в стране френгов, это очевидно.

II

Судьба – а она всемогуща – свела меня в Одессе с прекрасной френгской девушкой, мадемуазель Жозефиной. Она, как отцовский приятель, привязалась ко мне при первом же моём посещении Одесского театра. С театром я познакомился ещё в Москве. Это дом разных зрелищ, где говорят то, что было, и то, чего не было, и выставляют на показ то, что следует показывать – ибо всё на свете Божья благодать, – но только не публично и не всем... Френги думают иначе. Их в Одессе очень много, и страна их отсюда не очень далека.

В театре пришлось сесть рядом с Жозефиной. Это была девушка, плотно закрытая с шейки до кончиков ног чёрным богатым платьем. В сравнении с другими сотнями полураздетых женщин, оглядывая коих я беспрестанно повторял священные слова против искушения, она казалась стыдливой, скромной, как мусульманка. Я только не понимал, зачем она пришла сюда и, кажется, одна. Позже всё объяснилось... После того, как играющие мужчины и женщины при всех обнялись и поцеловались, соседка моя обратилась ко мне по-турецки:

– Эфенди, как вам понравилась эта сцена?

Обрадованный звуками знакомого языка, полившимися из розовых уст чёрного соловья, я, чтобы указать на понимание приличий, отвечал: «Ханым, сцена ничего себе». Муж был, видимо, на войне и после долгой опасной разлуки вернулся к своей возлюбленной. Они, вероятно, пели друг другу о своих страданиях и тоске; это не дурно, но они забыли приличия и поторопились целоваться раньше, чем опустили занавес. «Целоваться негрешно, – добавил я, оглядывая внимательно интересную соседку, – но это должно происходить за занавесью... Соловей ласкает розу в полночный час или зарею; хотя слышим мы песни любви, но шёпот страсти скрыт от нас», – продекламировал я для большей ясности моей идеи. Прекрасная соседка улыбнулась и, конфузясь за своих, заметила, что в каждой стране свои обычаи.

8 Собор Святой Софии, Айия-Софья – бывший патриарший православный собор, впоследствии – мечеть, ныне – музей; всемирно известный памятник византийского зодчества, символ «золотого века» Византии. Официальное название памятника на сегодняшний день Музей Айя-Софья.

9 Церковь Мадлен – церковь Святой Марии Магдалины в 8-м округе Парижа на одноименной площади, вписанной в ансамбль более крупной площади Согласия. Наряду с другими зданиями площади представляет собой эталон архитектуры французского классицизма.

– Можно ли узнать, кто вы, – обратился я к ней, достаточно стыдясь,
– Вы так хорошо говорите по-мусульмански, что, будь я вашей жертвой, себя не жалко!

– Зовут меня Жозефиной, я француженка, из Парижа. Еду домой из Стамбула, где прожила несколько лет между мусульманами. Поистине отличные люди.

Я понял скромность моей соседки, её закрытый наряд есть влияние стамбульского благочиния и благочестия. Недаром прожила между мусульманами! Её скромность, граничащая с[о] стыдливостью мусульманки, и нескромные, но прекрасные формы, рельефно очерченные туго надетым платьем, производили на меня сердечное удовольствие и возбуждали внутреннюю теплоту. Я был доволен ею.

– А вы позволите мне узнать, с кем я говорю в этот счастливый час, – обратилась она ко мне.

– Я, ташкентский бай¹⁰, Молла Аббас; еду в Стамбул и Египет поучиться и поклониться святым местам.

– Желаю вам доброго пути. Отличные страны, но вы так молоды еще; как отпустили вас в столь далёкие страны?

– Благодарю вас, ханым, это, видимо, судьба, да к тому же у меня близких нет, а средства Аллах дал.

Многие из публики оглядывали меня и мою собеседницу и, кажется, сплетничали на наш счет. Я даже думаю, что многие дамы завидовали прекрасной Жозефине, ибо с начала представления бесстыдно смотрели на меня через висячие очки и короткие трубы¹¹, а мужчины завидовали мне, ибо, несмотря на их неприличные взгляды, мадемуазель Жозефина не обращала на них никакого внимания! Однако, стыдясь и краснея до пота под нахальными оглядываниями, я заметил Жозефине-ханым, что думаю удалиться отсюда поскорее. Она, дышавшая несколько лет мусульманским воздухом, вполне поняла моё стеснение и предложила провести остаток вечера с ней, подальше от шума и дерзких взглядов. Она сказала, что чрезвычайная скука загнала её сюда и что будет очень рада узнать кое-что о Туркестане, а мне сообщить свои впечатления и заметки о Стамбуле. Я был истинно рад этой прелестной компании.

«Какой путник, томимый жаждой, не склонится к источнику ключевой воды; какой безумец бросит розу, не поднеся её к устам?»

Мы поехали в её отель. Она занимала две приличные комнаты. Предупреждаю: не грешите, думая о нас дурное. Жозефина держала себя так ловко, что даже Кашгарский Правитель не рискнул бы на неприличия. Я не пил ни вина, ни водки. Любезная хозяйка угощала меня сладкими водами и фруктами и, как очаровательная перс, увлекала и забавляла остроумными рассказами и интересными сведениями о Френкистане.

¹⁰ Богач (в Средней Азии).

¹¹ Лорнеты и бинокли. Примечание автора.

III

1887.– 1 февраля, № 5.

Прошла неделя. Я почти всё время проводил с Жозефиной, которая с каждым днём более и более увлекала меня интересными рассказами о френгах и френгской земле. Оказывается, это весьма интересный народ и в жизни, и в истории его много поучительного.

Знакомство с Жозефиной окончательно утвердило во мне желание познакомиться с Европой и затем уже совершить очистительное путешествие по святым мусульманским землям. Решение моё было основано на следующих соображениях: 1) средства имеются – отчего не посмотреть Божий мир? 2) путешествие по френгским землям совершенно безопасно и удобно: ни разбойников, ни безводных пустынь тут нет. Здесь девушки и женщины совершают далёкие переезды, и никто их не смеет обидеть. Таковы порядки во всех френгских странах; 3) в Европе есть много такого, чего нет в наших краях, надо всё это видеть, ибо всё видеть и знать есть достоинство человека. Путешествовать, наблюдать, узнавать – это значит брать уроки в мировой, живой аудитории.

Мадемуазель Жозефина, как «преданная приятельница», вызвалась провожать меня до европейской Бухары, т.е. до Парижа, а там помочь мне поскорее изучить френгский язык. Язык этот – язык всех учёных френгов, и, зная его, можно путешествовать по всем Западным землям.

Моя преданная приятельница была «учительницей» (я видел, что она действительно очень многое знает), и надо было предложить ей приличное вознаграждение, но она от этого уклонилась. Это, конечно, не помешало мне вознаградить её внимание и участие приличными бакшишами¹², чтобы в то же время не нарушить «благородных отношений бескорыстной дружбы». Я так и решил.

Я имел уже случай узнать, что Жозефина очень любит сибирские меха, а потому за два дня до выезда из Одессы я послал ей готовую шубку в 350 руб. как память дружбы и приятного знакомства. Хотя она немного сердилась, что я разоряюсь на ненужные подарки, и серьёзно доказывала, что следует беречь деньги, отправляясь в чужие края, но я понимал, что она деликатничает, ибо все женщины любят подарки, а иногда и самих дарящих.

Мы собирались в дорогу, в Париж, многие виды которого я уже знал из картин и рисунков, показанных мне Жозефиной. Прежде всего, Жозефина предложила мне нарядиться в френгский костюм, чтобы не обращать на себя праздное любопытство толпы белой чалмой и длинным шёлковым чапаном¹³. Это было решительно мною отклонено. Я готов был отказаться

¹² Подарками.

¹³ Кафтан, который мужчины и женщины носят поверх одежды, как правило, в течение холодных зимних месяцев.

от всей Европы со всеми её чудесами, но лишь бы избежать греха оставления чалмы и благородной длинноты халата. Моя решительность заставила Жозефину смягчить свои предложения: она показала мне портреты многих стамбульских пашей и беев¹⁴ и предложила одеться, как они, имея на голове красную феску, – единственное отличие от френгов. Я не мог и с этим согласиться. Кто знает, что это были за люди! Да к тому же ещё в Ташкенте и Бухаре я слышал, что османлы много «испортились», сделав в одежде и обычаях большие уступки Западу.

Было решено, что я еду так, как есть: в белой чалме, жёлтом халате и зелёных туфлях. Я приобрел только белые, как снег, френгские рубашки (у них рубашки и белее, и лучше наших – надо говорить правду), а также чёрные шёлковые платочки для шеи. Жозефина же подарила мне (она очень внимательна) по несколько пар молочного и небесного цвета перчаток, объяснив, что в Европе все порядочные люди и муллы должны носить перчатки как знак благовоспитанности. Против этого я ничего не имел, ибо все, что украшает человека, приличествует мусульманину.

Ещё при первой встрече с Жозефиной в театре она произвела на меня сердечное удовольствие и возбудила внутреннюю теплоту. Последующие встречи только усилили эти ощущения. Теперь предстояло ехать вместе в одной железнодорожной арбе, останавливаться, кушать вместе и вообще быть в таком положении, в каком находились бы огонь и порох на близком расстоянии. Пока не знаю, как поступают френги и одинаков ли химический состав их крови с нашей, но я не мумия и чувствовал, что постоянное близкое соседство хорошенькой и болтливой женщины причинит мне довольно беспокойств.

Я не имел причины уклониться от путешествия с женщиной. Волнения, причиняемые ими, приятны. Известно ещё из древних сказаний и книг, что женщины, даже губя, уничтожая человека, совершают это, погружая его в море удовольствий. Известно, что пери¹⁵ – волшебницы и царицы – убивали мужчин не иначе, как защекодав его... Конечно, я не желал утонуть ни в море удовольствий, ни задохнуться в чаду любви так же, как далёк был от греха и преступных отношений к какой бы то ни было женщине. Тем не менее, я был молодой, здоровый мужчина, а она [была] хорошенькой женщиной. Эти два важные обстоятельства могли, если не сокрушить, то сделать серьёзные повреждения в моей философии и благовоспитанности. Мораль и природа не всегда сходятся, и последняя иногда действует так же неотразимо, как судьба! Эти мысли серьёзно овладели мной, и беспокойство

14 Титулы в Османской империи и некоторых других мусульманских странах, указывающие на принадлежность к высокому статусу в обществе.

15 Фантастические существа в виде прекрасных девушек в персидской мифологии, позднее сохранившиеся в преданиях у тюркоязычных народов Малой и Средней Азии, Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья и Южного Урала.

моё усиливалось по мере приближения часа отъезда. Я думал, как быть, чтобы не лишиться приятного сообщества прекрасной френгской девушки и в то же время не окунуться в море греха и нечестия. Долго я ломал мою бедную голову над этим вопросом, бродя по Приморскому бульвару, и наконец нашёл счастливый выход из дебрей чувства, греха, морали и приличий. Я почти побежал в отель к мадемуазель Жозефине.

IV

– Ну, что, вы уже совсем готовы, Аббас-эфенди, – встретила она меня радушно и усадила около себя. Да, около себя, рядом! Откуда это у френгов такое неосторожное обращение с мужчинами? Нет сомнения, что в жилах европейцев течёт кровь, близкая к рыбьей, иначе у их женщин не вошло бы в обычай столь опасное отношение к мужчинам. От них не закрываются, их не избегают и остаются вместе, как женщина с женщиной. Интересный народ! Спаси Бог! Установись такое отношение мужчин и женщин в Ташкенте хоть на три дня, то на четвёртый день, без сомнения, праведный гнев Аллаха низвергнул бы весь город в бездну! По всей вероятности, европейская кровь и жиже, и холоднее восточной, иначе трудно объяснить обычай свободного вращения мужчин и женщин без замков, решёток и покрывал...

– Да, – ответил я Жозефине, – я готов ехать с вами, но я хотел бы предварительно ещё кое-что узнать.

– Извольте, в чём дело?

– Вы признаете одно из четырех Откровений¹⁶?

– Я католичка, верующая в Евангелие.

– Отлично. У вас есть родители?

– Умерли. Вы сегодня делаете мне интересные вопросы.

– Да будет им на том свете облегчение!

– Но к чему эти вопросы, почтенный мулла? Вы как-то взволнованны; что с вами?

V

1887. – 8 февраля, № 6.

– Да, прекрасная ханым, я действительно взволнован. Обстоятельства и судьба создали для меня важный вопрос, разрешение которого зависит настолько же от меня, насколько и от вас. Я надеюсь, что вы облегчите моё положение.

– Буду очень рада, но, признаюсь, я вовсе не понимаю, в чём дело.

¹⁶ Библия, Псалмы Давида, Евангелие и Коран. *Примечание автора.*

Таурат (Тора), Забур (Псалтирь), Инджиль (Евангелие) и Коран – священные книги в исламе.

– Хотя следовало бы, чтобы это говорил вам не я, это обыкновенно передается через других, но я здесь одинок, в пути, а потому, краснея до ушей, вынужден сообщить вам, что «волею Аллаха, по установлению пророка» я желаю взять вас себе в жёны, если на том же основании вы согласитесь признать меня своим мужем. Я прошу вас, Жозефина, согласиться на это, ибо вы мне понравились с первого дня нашего знакомства... Я, конечно, не знаю, что вы думаете обо мне, это дело судьбы, но, как честный человек, я предложу вам калым¹⁷ по вашему высокому достоинству.

– Если вы говорите серьезно, Молла Аббас, то сейчас я вам ничего не могу сказать... Надо подумать, – сказала Жозефина, краснея и в раздумье.

– Такие вещи нельзя говорить иначе, как серьезно. Подумайте. Будем жить хорошо. Иначе мне неудобно ехать с вами, ибо чувствую при вас приятное беспокойство. Ваша дивная красота сильно греет моё сердце, – дополнил я, смотря на неё сладкими глазами¹⁸.

– Вы, конечно, вполне достойный человек, молла Аббас, но как же я буду вашей женой, когда нас разделяет столь многое?

– Что же нас разделяет? – прервал я, готовый уничтожить все препятствия, и видя, что с устранением препятствий дело может устроиться.

– Как, что разделяет? Во-первых, религия; во-вторых, европейские женщины живут и держат себя не так, как мусульманки; в-третьих, много обычаев совершенно противоположных друг другу...

– Эти различия не касаются сердечных отношений. Мусульманский закон позволяет мне взять вас в жёны, коль скоро вы не язычница. Вы можете вовсе не изменять вашим обычаям, если только они не мешают вам быть верной женой и выполнять обязанности, принимаемые на себя в отношении мужа.

Это моё объяснение вполне склонило на мою сторону Жозефину, и мы два следующих дня обсуждали подробности предстоящего союза. Оказалось, что она полюбила меня тоже при первой встрече. Я видел, что неминуемая судьба давно предусмотрела и приготовила все эти события... Мы могли не встретиться в театре, но встретились; мы могли не понравиться друг другу, но понравились. Итак, да поможет нам Аллах.

Брачный акт, составленный нами совместно, состоял в следующем: 1) Жозефина обязывается перед Богом и людьми быть моей послушной женой и никогда не оборачиваться ко мне спиной¹⁹; 2) не мешать никоим образом исполнению мной религиозных требований и обрядов моей веры; 3) я обязуюсь, взяв её в жены, прилично содержать, не вмешиваясь в её религиозные верования и следование френгскому обычаю не закрываться

¹⁷ Плата, выкуп, уплачивавшийся первоначально роду, позднее – родителям или родственникам невесты.

¹⁸ Туркестанское выражение. Примечание автора.

¹⁹ То есть не уклоняться от выполнения супружеских обязанностей. Примечание автора.

от посторонних мужчин. Однако за мной сохраняется право воспретить ей вредные знакомства, если бы таковые случились по её женской неопытности; 4) я обязался при совершении брака и подписании договора дать ей 1500 руб. мегра²⁰ и калыма в виде особого бесповоротного дара десять кусков шёлковой материи по её выбору, два браслета, медальон и две брошки ценностью до 500 руб.

При двух почтенных свидетелях, приглашённых совместно, мы словесно и письменно изложили вышеописанное и, призвав на наш союз благословение Аллаха, стали мужем и женой. Свидетелей, конечно, мы отлично угостили: молодая наливала чай, уделяла сладости, а я подавал гостям-свидетелям. По френгским обычаям мужа во многом помогают своим женам...

В день заключения брака мы выехали из Одессы. Жена сообщила мне, что френгская благовоспитанность и деликатность требуют немедленного выезда в путешествие, чтобы дорогой молодые попривыкли друг к другу, прежде чем настанет час, о котором не принято ни говорить, ни писать. Против этого обычая я ничего особенного не имел, ибо приходилось ехать не на верблюдах, а по железной дороге, сидя точно в комнате. Меня немного смущало лишь одно замечание моей жены, сделанное во время переговоров об условиях брака. Когда я сказал, что дети, если их нам Бог даст, должны быть мусульманами, она сказала, что вопрос о детях – вопрос отдалённый и что их можно иметь и не иметь... Что бы это могло значить? Станный народ эти френги!

VI

1887. – 20 февраля, № 7

Через двадцать четыре часа по выезде из Одессы мы подкатили к границе России и вступили в немецкое государство. После степей и песков Туркестана я был сильно поражён богатыми лесами и лугами России, но, признаюсь, переехав в немецкую Европу, я был поражён не менее! Тут и люди, и постройки, и селения, и поля, и пашни выглядят иначе, чем в России, и мои туркестанские глаза разбегались направо и налево, не зная, на чём остановиться.

Кругом поля и нивы, отлично обработанные; дикого кустарника, камня, песку нигде не видно. Каждый клочок земли, каждый бугор и холмик тщательно засеяны, вычищены, огорожены живыми изгородями так, что вся страна как бы разбита на громадные шахматные доски для игры гигантов и богатырей. Кругом всё селения и люди, люди и селения, обстроенные чистенькими, правильно расположенными красивыми домами... Вот и лес. Но это не дикий лес. Он походит на хорошо присмотренный сад. Каждое дерево очищено от лишних прутьев и ростков; хворост, тщательно связан-

20 В исламском семейном праве: имущество, которое муж выделяет жене при заключении брачного договора.

ный пучками, лежит тут же. Видно, что люди ухаживают здесь за каждым деревом и извлекают пользу с каждого вершка земли, с каждого отростка растения, высоко ценя и охраняя дары Божьи. Хвала им.

Жозефина, да будет к ней милостив Аллах, объясняла мне, что френгские земли густо населены и что поэтому, чтобы прокормить всё население, необходимо умело пользоваться ими, извлекая наибольший доход при помощи искусства и знания, без чего тесному населению Европы пришлось бы очень плохо. Надо удивляться только результатам человеческого старания и знания! Вот яблоня, которая родит плоды величиною в арбуз среднего размера; вот громадная откормленная корова, которая даёт два ведра молока в день! И эта яблоня, и эта корова путём ухода, воспитания и знаний выращены из простой кислицы и обыкновенной, маломолочной коровы! У нас в Туркестане говорят, что френги – шайтаны и колдуны, но это не верно; это такие же люди, как мы, но они умеют трудиться и знают много более нас из науки, жизни.

Мы ехали очень скоро, делая в час пятьдесят вёрст, и в один день проехали несколько областей. Сначала мы ехали через Галицию. Эта земля когда-то составляла часть Польши, а со времени раздела этого государства между Россией, Пруссией и Австрией досталась последней. Польского населения тут очень много, и оно отличается от немцев одеждой и языком.

Говорят, что поляки – народ очень беспокойный и не перестают думать о восстановлении своего государства. Аллах знает, что должно быть и чего не должно быть! Люди могут только думать и желать.

Дальше мы проехали богемские земли. Богемцы тоже не немцы, а скорее русские, ибо язык их и племя одного происхождения с русским, но давнишняя жизнь с немцами приучила их одеваться и говорить по-немецки, так что незнающий не отличит их от настоящих немцев. Их показывала мне Жозефина.

Нам оставалась ночь пути, чтобы доехать до Вены, столицы Австрии. На одной из станций в наш вагон вошёл молодой рыжий френг и сел рядом с нами. Осмотрев меня довольно дерзко, и, кажется, удивлённый моим присутствием в их земле, он, как старый приятель, обратился к моей жене и начал что-то говорить на неизвестном мне языке. По взглядам его и насмешливому тону голоса мне казалось, что он говорит обо мне и, вероятно, не совсем одобрительно... Жозефина, зная, что я не люблю разговоров с незнакомцами, отвечала ему короткими фразами. Я бы желал, конечно, чтобы она прямо отвернулась от него или закрылась шалью, но тут френгская земля и френгские обычаи и понятия; что поделаешь! Поистине глупец был первый френг, выдумавший обычай садиться около чужой жены и начинать с ней разговоры как старый приятель или свой человек.

– Что он говорит? – обратился я к Жозефине.

– Он заинтересовался вами и спрашивает, кто вы, откуда и куда едете.

– Скажи ему и спроси его, кто он такой и куда едет, – поручил я жене.

Оказалось, что это студент большого венского медресе²¹ и едет заканчивать учение. Сам же он немец, и зовут его Генрих Штейн. Таким образом, мы познакомились и пожали друг другу руки. Целый час без умолку он разговаривал с моей женой и по временам улыбался мне и кивал головой, когда Жозефина переводила мне кое-что из его слов.

Он рассказал мне, что в его медресе есть несколько мудеррисов²², которые преподают в своем отделении арабский, персидский и турецкий языки, и что 50 студентов обучаются этим прекрасным языкам. Это меня очень заинтересовало.

– Как так, – думаю себе, – немецкое медресе и священный язык мусульман. Для чего он им?

– Самый важный мудеррис наш живет в г[ороде] Пеште, он побывал в счастливой Бухаре и в Самарканде. Долго жил в Стамбуле, – сообщил мне Генрих.

– Как его зовут? – спросил я.

– Вамбери²³, член многих учёных обществ и знаток мусульманских земель и языков. Он, вероятно, был бы очень рад видеть вас.

Я заметил, что Генрих-эфенди может дать мне кое-какие интересные сведения, и в то же время, недовольный его близким соседством с моей женой и неумолкаемыми их разговорами, я схватил его за плечо и потащил к себе, т.е. оттащил от жены и, прикрывшись интересом к мудеррису Вамбери, начал с[о] студентом самостоятельный разговор, конечно, всё-таки через Жозефину, но платья их уже не соприкасались... Жозефина заметила мне, что неприлично приглашать людей к себе, хватая их за плечо, но, кажется, ни она, ни он не догадывались об истинной причине моего поступка. Мы часа два говорили с Генрихом, и от него я узнал многое о Вамбери-эфенди, о венском медресе, об Австрии, но на все мои вопросы о местонахождении в их земле мусульманского святого он не мог, а может быть, и не хотел мне ничего сказать.

VII

1887. – 28 февраля, № 8

Рано утром мы приехали в Вену. Город едва ещё просыпался. Уложив вещи и сев в хороший экипаж, мы поехали в Королевский Караван-Сарай, или отель, как здесь говорят. Чистота и порядок венских улиц, правда, до-

21 Высшее мусульманское учебное заведение.

22 Здесь в значении профессор.

23 Арминий Вамбери (1832–1913) – известный венгерский востоковед, путешественник. Был сторонником гипотезы о тюркском происхождении венгерского языка, и одной из целей его путешествия на Восток было накопить материал в поддержку своей гипотезы.

вольно узких и кривых, производят самое лучшее впечатление, а целые горы красивых и капитальных построек, нависших над улицами, невольно возбуждали мою зависть, когда я вспоминал мизерные лачужки родного Ташкента. Но зависть – чувство нехорошее, я старался заглушать его и развлекать себя обозрением френгских диковин.

Когда мы подъехали к «Отель-Кайзер», нас ласково и с поклоном встретил человек в богатой длинной одежде, обшитой широкими золотыми галунами. Слезая с экипажа и отвечая на его поклон, я думал, что судьба сводит меня с одним из важнейших князей или визирей²⁴ немецкой земли, и был очень обрадован здешним гостеприимством и благовоспитанностью, когда этот почтенный господин живо схватил наши саквояжи и внёс в переднюю комнату.

Немного после я узнал, что это просто слуга-привратник при гостинице! Чудаки, право, френги! Выдумали же обычай наряжать слуг, как князей, – тут я стал уже явно замечать, что у френгов всё как раз наоборот, чем у нас. Судите: у нас жёны целуют руки мужей, а у френгов мужья должны целовать ручки жён; у нас в бархат и золото одеваются господа, а тут наряжают слуг, сами же ходят в незавидном, чёрном костюме без всяких украшений, точно их кто лишил достоинства и порядочности. Но о контрастах после.

Поднявшись по богатой мраморной лестнице, покрытой коврами, мы заняли отведённое нам помещение. Оно состояло из двух светлых, роскошных комнат, убранных бархатной мебелью и богатыми зеркалами. В одной из комнат, стояла под балдахином, за шёлковыми занавесками, мягкая кровать с чистыми белыми подушками. Тут же стоял красивый мраморный умывальник для омовений.

Эта богатая обстановка рисовала мне чудные картины времяпровождения с прекрасной моей Жозефиной после пути в душном вагоне в сообществе множества нескромных глаз.

Надо заметить, что столь хорошее помещение в отеле, приличном для царственных гостей, стоило в сутки всего 3 руб. Как френги умудряются соединять столько богатства и удобства с дешевизной – положительно не понимаю!

После дороги Жозефина пожелала принять ванну и отдохнуть. Я же, чувствуя себя совершенно бодрым и крайне интересуясь немецкими база-рами, решил выйти прогуляться час, два и тем дать время жене спокойней отдохнуть.

В Европе не принято запира́ть жён на ключ, когда уходишь из дому. Впрочем, здесь такие порядки, что никто не может покуситься на чужую жену, если только она сама не призовет кого-либо.

Я вышел в город совершенно спокойный на этот счёт; к тому же я чувствовал, что моя жена – человек честный и скромный.

В час времени я исходил порядочно улиц и базаров, удивляясь баснос-

24 Титул министра или высшего сановника в странах мусульманского Востока.

ловному богатству и роскоши торговли и жизни. Не знаю, кто больше осматривал друг друга: я ли венцев или они меня, но от сего ничего дурного не вышло, и я, накупив кое-каких мелочей для Жозефины, поспешил в «Отель-Кайзер». Тот же слуга в княжеском одеянии встретил меня и проводил до лестницы. Я быстро пошёл наверх и, когда вошёл в мой номер, то с удивлением увидел своего вчерашнего знакомого Генриха, укладывавшего вещи в свой чемодан. «Чего он сюда явился?» – подумал я прежде всего. И когда взглянул в спальню, я заметил, что жена и вещи мои исчезли, кровь бросилась в голову, и в глазах у меня помутилось... Между тем этот проклятый Генрих, улыбаясь, протянул мне руку и пригласил сесть.

– Нет, мне не до сиденья; ты скажи мне, куда дел мою жену и вещи? – подступил я к нему на своем языке, по незнанию френгского. Но по голосу моему он, видно, догадался, о чём идет дело, и отступил на несколько шагов, что-то бормоча на своем чертовом наречии.

– Скажи, бесстыдник, где эта бесстыдница, которая готова бежать от меня, не успев ещё сделаться женой? А вещи мои? А, молчишь! Как бы ни были скверны френги, но у них всё же есть начальство. Не убежишь, – сердился я, наступая на оторопевшего френга и видя, что он намеревается удрать, оставив мне свой жалкий чемодан с гадкими вещами, я быстро снял свой кашмирский кушак и в одну минуту скрутил руки дерзкого френга, который, поняв, что я не шучу и готов растоптать его как гадину, отчаянно закричал.

На крик его прибежали люди и с ними вместе привратник в княжеском одеянии. Все начали что-то говорить, обращаясь то ко мне, то к Генриху. Я отвечал им по-татарски: «Где моя жена Жозефина, где мои вещи?» И сердито разводил руками, ни слова не понимая из их ответов и проклиная низкую изменницу и венского студента – виновников моей беды.

VIII

1887.– 8 марта, № 9.

Френги, сбежавшиеся на крики Генриха, после неведомых для меня объяснений развязали ему руки, несмотря на мои громкие протесты, и возвратили мой кушак. «Что делать, как быть?» – думал я, теряясь окончательно, когда один из френгов, захохотав, подошёл ко мне и ласково предложил знаками следовать за ним.

Выйдя из номера, мы поднялись в следующий этаж, и он привёл меня к какому-то номеру. «Войдите», – указал он. Вхожу, и что же? Вижу, что мои вещи лежат тут, как были положены; заглядываю в другую комнату – Жозефина спит самым спокойным образом. Вы, конечно, поняли, что я по ошибке попал в чужой номер, находящийся как раз под нашим, этажом ниже. А ошибиться тут новому человеку нетрудно: громадный дом в пять этажей, с сотней комнат, устроенных, отделанных совершенно одинаково.

во. Всё устроено так, что при рассеянности очень легко попасть в чужой номер. На мою беду нужно же было этому студенту тоже остановиться в этой гостинице. Наскочи я на другого человека, я, может, догадался бы об ошибке, но этот Генрих ещё в пути произвел на меня не совсем хорошее впечатление... Как бы там ни было, мне стало неловко и совестно. Особенно будет неприятно, если жена узнает о случившемся и поймёт мои подозрения. Я тихо вышел из комнаты и, сойдя вниз к Генриху, ещё укладывавшемуся, сказал ему: «Пардон, мусье». Это по-френгски значит «Извините, господин». Затем я говорил это всем френгам, кои попадались мне тут на глаза, а лакеям дал на чай.

Что будет дальше? Моллю Аллаха, чтобы он помог мне выбраться целым и невредимым из страны френгов и возвратиться на отдых в земли мусульман!

Спустя некоторое время Жозефина проснулась.

– А, вы уже вернулись? Скоро, – обратилась она ко мне.

– Да, глаза мои, без вас не очень весело ходить.

– Вы очень любезны... Однако я, кажется, долго спала.

– Нет, моя милая, после дороги следовало хорошенько отдохнуть, – заметил я, мысленно радуясь, что она не проснулась ранее, во время моей баталии в нижнем этаже.

– Как понравилась вам Вена?

– Отличный город. Машаллах! Заметно, что люди тут все благовоспитанные. Я заходил в некоторые отели, они мне более понравились, чем этот. Что если мы переедем отсюда, здесь мне не совсем нравится...

– Можем и переехать, мой друг, только этот отель известен как лучший, – возразила она, не подозревая причины моего желания переехать в другую гостиницу.

После обеда мы поселились в другом отеле, в таких же прелестных, удобных номерах, как и в первом. Тут я хорошо заметил двери и номер нашего помещения, чтобы не случилось опять какого-либо казуса.

На следующий день после чая мы приступили к справкам о местонахождении святого Гуль-Бабы, но никто не мог дать нам каких-либо указаний. Френги, видимо, в первый раз слышали, что в их земле покоится мусульманский святой. Жозефина с рвением чисто мусульманской женщины просмотрела множество книг, где были указаны все гостиницы, мосты, библиотеки, минеральные воды, бани и прочее, находящееся в немецкой земле, но о Гуль-Бабе нигде ни слова. Наконец, мы решили навести справку о святом в турецком посольстве. Тут должны мы получить кое-какие сведения, тем более, что Гуль-Баба – святой турецкого происхождения.

1887. – 24 марта, № 11

О местонахождении в Австрии святого Гуль-Бабы мы решили справиться в турецком посольстве. Тут мы встретили привратника-немца, слуг

французов и секретаря-турка. Этот последний, видимо, был крайне удивлён и озадачен моим появлением в Вене с целью отыскания и поклонения праху мусульманского святого. Он, кажется, и не слышал о нём. Не добившись тут ничего, с[о] слабой надеждой узнать что-либо мы обратились в здешнее турецкое консульство. В консульстве служили все немцы, и Турцию представляла лишь красная феска, украшавшая голову консула, толстого венского немца.

– Тут совершенно напрасно и справляться, – заметила мне милая Жозефина.

– Однако надо же мотивировать чем-либо наше посещение, – ответил я.

Жозефина обменялась несколькими фразами с консулом, и мы вышли. «О чём вы говорили?» – спросил я. «Я сказала ему, что вы желаете узнать, какие сирийские товары и продукты могут иметь сбыт в Вене, на что он ответил, что сведения эти следует взять на бирже и на базаре».

Удивляясь консулу, не имеющему ничего общего с представляемой страной, кроме красной фески, я, однако, думал, что это так вообще принято, но когда Жозефина мне сообщила, что в Турции иностранные консулы не турки, а принадлежат к представляемой национальности, то я понял, что турки, назначая консулами чужих людей, вероятно, имеют особые, уважительные причины. Узнаем лучше, когда будем в Стамбуле.

Из консульства мы отправились в большое Венское медресе, где желающие шакирды учатся по-арабски, по-персидски, по-турецки и другим восточным языкам и наукам. Тут я познакомился с несколькими профессорами. Их знания в восточных науках и языках были столь основательны, что я не сомневался в их долгом обучении в Стамбуле или в Бухаре. Но узнав, что они все свои познания приобрели здесь, в училище, где ныне преподают, я воистину был удивлён!

Когда мне показали училищную библиотеку, в коей одних мусульманских книг было 1700, я думал, [что] книги со всего мира собраны сюда. Между мусульманскими книгами были и такие, которых у нас на Востоке нигде нет, хотя имена знаменитых авторов ещё сохраняются. «К чему немцам мусульманские книги и науки?» – думал я и, не разгадав эту загадку, спросил одного преподавателя:

– С какой целью делаются у вас большие затраты и прилагается большое старание учиться мусульманским языкам и наукам?

– С целью приобрести знания, – отвечал он.

– Да разве у вас своих знаний и наук нет или недостаточно?

– Напротив, благодарение Аллаху, у нас наук и знаний немало, но мы ищем ещё большего. Знание – бесконечно; оно всегда кажется нам недостаточным. Знание и наука – это святой луч и золото. Где бы золото ни добывалось, оно во всех странах одинаково ценно. Вот почему мы, европейцы, несмотря на время и место возникновения знания или выхода книги, стараемся узнать, приобрести их точно так же, как подражаем, принимаем

хорошие мысли, обычаи и искусства, где бы таковые ни нашли. Найдя золото, нельзя от него отказаться, – будь то золото восточное или западное. Мы почерпнули много знаний из мусульманских книг; мы усвоили много искусств и ремёсел, созданных мусульманами.

Наука, истина и искусство – это солнце. Солнце одинаково светит всему миру; так и знания: составляют общее достояние всех стран и племён.

– Машаллах²⁵, эфендим²⁶, машаллах, – воскликнул я, пожимая руки почтенного немца за умное объяснение.

1887. – 12 апреля, № 13.

Порасспросив ещё кое о чём немецкого учёного, я свел вопрос на Гуль-Бабу, надеясь тут получить необходимые сведения о местонахождении гробницы этого святого. На вопрос мой почтенный немец ответил, что так как Венгрия значительное время находилась во власти османских турок, то весьма возможно, что там найдутся мусульманские кладбища и другие памятники, но что он указать мне таковые не может.

– Откуда или от кого я мог бы получить сведения и указания на этот счёт? – сказал я.

– В Вене едва ли это вам удастся, в Пеште проживает наш учёный-ориенталист г[осподин] Вамбери. Разве вот он мог бы дать вам интересующие вас сведения. Он побывал в мусульманских землях, не исключая и Самарканда. Ваше туркестанское наречие он так же хорошо знает, как свой венгерский язык.

– Хвала Аллаху, – воскликнул я, более и более удивляясь френгам. – Когда г[осподин] Вамбери посетил Самарканд?

– Лет двадцать тому назад.

– Интересно... Как он рискнул туда поехать! В то время в наши края не мог показаться ни один чужестранец, не рискуя жизнью или свободой.

– Он, вероятно, знал это и путешествовал в качестве стамбульского дервиша²⁷, имея турецкий паспорт. Его мусульманские познания вполне благоприятствовали ему сохранить инкогнито. Ему помогли также туркестанские хаджи²⁸, возвращавшиеся из Мекки; он явился в Туркестан в числе их, как собрат.

– Машаллах, машаллах, иначе дорого обошлось бы этому учёному его любопытство. Интересно, что влекло г[осподина] Вамбери в наши далёкие страны и степи?

– Его миссия была учёной, что видно из изданных им книг о своём путешествии. Надо вам знать, что венгерский народ принадлежит к татарским

25 Хвала Аллаху.

26 Вежливая форма обращения среди отдельных тюркских народов Востока.

27 Мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма.

28 Паломники, совершившие хадж в Мекку к Каабе.

племенам и в отдалённое время переселился сюда. Г[осподин] Вамбери интересовался древней родиной своего племени и хотел на месте сделать изыскание о степени близости и разницы венгерского языка с татарскими. Таким образом, он побывал в Хиве, Бухаре и вернулся назад через Афганистан, повидавшись с ханами и улемами²⁹, успев вполне сохранить свое инкогнито.

– Это, должно быть, очень интересный и учёный человек.

– Да, он известнейший ориенталист, описание его путешествий переведено на многие языки.

Я решил поехать к этому учёному и поблагодарил любезного немца за указания.

Мы возвратились в гостиницу. Жена, видя, что я крайне заинтересовался венгерским дервишем, сообщила мне, что он, посещая Среднеазиатские страны, помимо учёной цели, имел также политическую. В то время русские войска, взяв Перовск и Аулие-Ата, приближались к Коканду и Ташкенту. Зависть и боязнь за Индию тревожила англичан, и они весьма подозрительно и недоброжелательно относились к движению вперед русских войск. Говорят, что г[осподин] Вамбери был послан английским правительством, чтобы ознакомиться с туранскими странами.

Судьба тянула меня в Пешт. Я решил съездить. Путешествовать в Европе нетрудно: железные дороги повсюду, не то что наша Азия!

1887. – 12 апреля, № 13.

Г[осподин] Вамбери принял нас очень ласково. Хотя я мог с ним говорить по-турецки или по-сартски³⁰, моя неразлучная спутница Жозефина сопровождала меня повсюду. Впрочем, это меня несколько не отягощало, напротив, было приятно, так как с каждым днём я более и более привязывался к моей френгской подруге, несмотря на небольшие её отступления от идеала мусульманской женщины. Венгерский дервиш жил за городом, на даче, где мы впервые и встретились.

После обычных приветствий и вопросов о благосостоянии здоровья и благополучии пути учёный венгерец, или мой дальний родственник, как он себя называл, выразил мне своё удивление по поводу моего появления в Европе.

– Достопочтенный эфендим, – ответил я, – двадцать лет назад вы навестили Туркестан. Не страшась пустынь, разбоев и подозрительности моих сородичей, вы рисковали многим ради интересов знания и науки. Ваши

²⁹ Собираательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама.

³⁰ Особое тюркское наречие, близкое к джагатайскому литературному языку. Сарты – исконно оседлое население Средней Азии, вошедшее в состав современного узбекского народа.

страны столь благоустроены и безопасны, что надо удивляться только нашему неведению о них. Меня ж привело сюда желание поклониться праху мусульманских святых, о коих я добыл кое-какие сведения в древних писаниях.

Порасспросив меня подробно о целях и времени пребывания моего в френгских странах, г[осподин] Вамбери сказал: «Желаю вам доброго здоровья, прежде всего, а затем, как старый дервиш, позволю себе дать вам маленький совет. Я пробрался из Пешта в Самарканд с целью на месте слышать и изучить тюркские наречия. Ничему другому выучиться в тех странах я не мог. Вас же Аллах послал в Европу, где вы можете выучиться многому такому, чего и во сне не видят ваши почтенные муллы. Сын мой, ты ещё молод и попал в такие страны, где учатся истинам, следуя Аристотелю³¹, Платону³², Ибн-Сине³³, Фараби³⁴ и другим светилам знаний, позабытым у вас на Востоке. Судьба даёт тебе возможность сделаться великим учёным. Учиться у нас не так трудно, как у вас; в наших школах в два-три года ты узнаешь столько сведений и истин, что станешь первым улемой Туркестана! Ты едешь в Париж. Это лучший город для учения. Я дам тебе рекомендательные письма к некоторым друзьям, кои помогут тебе выбрать лучший путь к просвещению. Это не помешает ни твоему паломничеству, ни удовольствиям жизни. Френгские шакирды (т.е. студенты) поставлены совершенно иначе, чем бухарские или ташкентские. Ваша подруга – да будет на ней благословение Аллаха – будет первым учителем: она поможет вам скоро изучить френгский язык, а остальное уже будет вам нетрудно».

Подумав о предложении г[осподина] Вамбери, я не мог не согласиться с ним. Оставаясь два-три года в Френкистане, действительно, следует познакомиться с ним ближе, чтобы извлечь возможную пользу из знаний и жизни френгов.

1887. – 30 мая, № 15.

Венгерский мулла сообщил мне, что, действительно, будучи в Стамбуле, он слышал о святом Гуль-Бабе, будто бы покоящемся в Венгрии, но что он не может указать, где именно находится таковой, ибо жизнь и время не сохранили никакого памятника или местного предания.

Так как отыскать гробницу святого без каких-либо ясных указаний было

31 Аристотель (384–322 гг. до н. э.) – древнегреческий учёный и философ. Наиболее влиятельный из философов древности; основоположник формальной логики.

32 Платон (428/427–348/347 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

33 Ибн-Сина (Авиценна) (980–1037 гг.) – персидский врач, учёный, философ и поэт. Представитель восточного аристотелизма.

34 Аль-Фараби (870–950 гг.) – философ, математик, теоретик музыки, учёный Востока. Один из крупнейших представителей средневековой восточной философии. Автор комментариев к сочинениям Аристотеля и Платона.

невозможно, то, совершив обычное фатиха³⁵ (молитву), я решил немедленно ехать во Францию, надеясь, что паломничество к гробницам «сорока мучеников» будет успешней.

По железной дороге мы проехали Австрию, Баварию и некоторые другие владения, которые пересекали в какой-нибудь час, не больше. Жозефина сообщала мне, что некоторые среднеевропейские королевства занимают не более земли, чем большой русский уезд.

Я думал: «Жозефина – женщина, а всё знает: сколько, где земли, народы, какая торговля, какие обычаи, верования и что, где происходило и происходит. Точно живёт на свете уже пятьсот сорок лет!» Мне было совестно, что я, мужчина, не имею сотой доли её знаний. Впрочем, иначе и быть не могло, ибо у френгов, кроме религии, девушки и мальчики обучаются многим другим наукам и знают всё, что делается, и что есть на свете. О френгских училищах я сообщу вам позже; а теперь расскажу, как мы приехали в Париж.

Из Пешта до Парижа ехали три дня. Поезда тут мчатся столь быстро (до 70 верст в час), что я боялся попасть вместо Парижа на тот свет. Жозефина рассказывала дорогой о жизни и деятельности Парижа. По словам ее, этот город служил мировой столицей, красавицей среди всех городов, школой всех народов и племён; источником искусств и мод, распространяющихся отсюда по всему миру, как лучи от весеннего солнца.

– Машаллах! – говорил я, радуясь, что еду в такой знаменитый город, с которым, мне казалось, я связан чем-то вроде родства или своячества через мою жену, урождённую парижанку.

– Скоро ли мы там отыщем твоих родственников? – спросил я Жозефину, размышляя о том, чтобы встретиться с ними как можно ласковее и сердечней.

– О, конечно. Но я не предупредила их о скором приезде. Лучше, думала, приехать, устроиться, а потом уже навестить их, имея благоустроенное помещение для приёмов.

Я не описал вам всего, что видел дорогой. Но то, что я буду писать из Парижа и о французах, будет во многом относиться и к другим френгам: они так похожи друг на друга.

В этом письме сообщу вам, что в два дня мы отлично устроились в Париже. Квартира наша состояла из четырёх комнат. В день найма мы её обмелировали. На другой день обойщики и другие мастера украсили её занавесками и мелочами. Для кухни наняли толстую кухарку, а для комнат – совсем хрупкую девушку. Вечером уже мы пили собственный чай в собственной квартире.

Беседуя за первым нашим семейным чаем относительно дальнейшего устройства нашей жизни, мы решили, что я немедленно должен ехать в Лион и Пуатье, чтобы отыскать и поклониться праху «сорока мучеников»

35 «Аль-Фатиха» – первая сура по порядку расположения в Коране.

арабов. Так как я уже знал достаточно френгских слов и фраз, чтобы найти дорогу, то Жозефина осталась на это время в Париже, чтобы окончательно устроить хозяйственные и домашние дела. По возвращении моём мы должны сделать визиты её родственникам и затем с общего совета избрать училище или профессоров для моего обучения френгской премудрости и наконец открыть какую-либо торговлю, например, ташкентскими платками и бухарскими материями, которые, как редкость, могли иметь здесь успех и поддержать мои средства, быстро сокращавшиеся в этой славной (когда имеешь деньги) стране.

На другой день после этих совещаний мы трогательно простились, ибо со времени нашего союза, в течение двух недель, ещё никогда не оставляли друг друга на час и далеко не были насыщены семейным воздухом. Мы оба готовы были расплакаться, но удержались, и я, весьма тронутый сердечностью и теплотой моей френгской подруги, поехал на вокзал южной железной дороги. Когда я был в Ташкенте, никто бы не убедил меня, что френгские женщины обладают таким же нежным, любящим сердцем, как наши мусульманки. Мне казалось, что им недоступны ощущения сердечных волн; но я ошибался.

В вагоне я познакомился с одним французом по имени Клод Рено, который вызвался за 100 франков указать мне поля сражений арабов с френгами и помочь отыскать склеп или гробницу «сорока мучеников».

Удивительно любезные люди в этой стране! Мусье Клод, видя, что я чужестранец и заморен дорогой, уступил мне своё место в вагоне, и таким образом, занимая два места, я мог уснуть, благословляя френгскую благовоспитанность.

Когда меня разбудил кондуктор, поезд стоял у какой-то станции, откуда мне надо было пересест в другой вагон, чтобы доехать до Пуатье. Мусье Клода около меня не было. На станции я его также не нашёл. Желая узнать который час, я заметил, что часы мои отправились за ним. Несколько обеспокоенный, я справился с карманами моего халата, чтобы узнать о здравии денежного кисета, и, увы, заметил, что вместо него в кармане моём бушует песчаный буран Кызыл-Кумских степей!

Я понял, что френгские воры совсем не так работают, как наши туркестанские и, получив первое назидание о чрезвычайной деликатности здешних воров, на мелкие остатки, уцелевшие в остальных шести моих карманах, вернулся в Париж, где главная моя сумма хранилась у банкира. Благодарение Аллаху!

Было 11 часов ночи, когда я подъехал к моей квартире, радуясь предстоящему свиданию и забывая неприятный случай с первой моей поездкой к святым. Когда открыли двери, передав вещи служанке, я побежал к Жозефине. Вхожу в залу. Она сидит на диване. Около неё какой-то молодой француз, напротив – ещё трое. На столе кофе, напитки, фрукты и сигары. Я понял, что это братья Жозефины, и, не обращая внимания на её вопросы

о неожиданном моём возвращении, поочередно обнял и крепко поцеловал каждого француза, давая им понять о моих родственных чувствах.

Усевшись тут же, я попросил себе кофе, рассказал о проделке Клода, и, памятуя мудрое правило, что жену следует расхваливать перед её родственниками, каждому из них кое-как указал на то или другое достоинство их родственницы, а моей жены. Между тем я заметил, что, хотя родственники улыбались и кивали мне головой, Жозефина была чем-то недовольна. Один же из гостей едва удерживался от хохота, хотя ничего смешного не происходило. Чудак!

– Давно изволили прийти твои братья? – спросил я жену.

– Они здесь с вечера, но это просто мои знакомые, и ты напрасно их обнимал и целовал.

– Зачем же ты их приняла в моё отсутствие? Не одного еще, а целых четырёх!

Как ужаленный, я вскочил с места и хотел сказать очень многое этим господам, но, не зная языка их, дал лишь понять, чтобы они сейчас же уходили.

Жозефина сильно покраснела и по-турецки наговорила мне массу дерзостей, провожая своих поганных гостей.

– Так нельзя поступать с моими гостями, – обратилась она ко мне, когда двери закрылись за ними.

– Каково! Её гости в моём доме и недалеко [от] моей спальни! Я не желаю, чтобы ты принимала, да ещё в моё отсутствие, чужих людей. Ты замужем.

– Но позвольте, мулла, вы не в Ташкенте, а во Франции. Здесь другие понятия, другие обычаи. Пора же понять.

– Я это знаю, но ещё лучше мне известно, что я не француз, а туркестанец. Пора тебе усвоить это.

1887. – 9 июня, № 17.

Я был озабочен устройством своих дел и обучения. Вы, конечно, спросите: «А как же поладили с Жозефиной?»

Почтенные читатели, вам известно, что «Переводчик»³⁶ – это нечто в роде общего собрания тысячи людей, что это аудитория множества учё-

36 «Переводчик-Терджиман» (1883–1914) – еженедельная, а затем и ежедневная газета, издававшаяся в Бахчисарае, общетюркский печатный орган российских мусульман. Основателем, издателем и редактором газеты был И. Гаспринский. Основной тематикой газеты были вопросы реформирования системы традиционного мусульманского образования, перестройки органов конфессионального самоуправления, организация сети общественных, а затем и социально-политических организаций, развитие художественной литературы тюркских народов Российской империи и др. С 1914 по 1918 гг. газета редактировалась Асаном Сабри Айвазовым.

ных, улемов, почтенных мулл, блестящих беков и туря, а также прекрасных и скромных, как луна, ханым и апстай³⁷, и потому перед лицом столь благородного собрания читателей повествовать о моих дрязгах с Жозефиной было бы верхом неприличия, вследствие чего, опуская на эти обстоятельства тёмное покрывало забвения, прямо перехожу к дальнейшим событиям. Замечу лишь, что месяц жизни и самообольщения френгской женщиной стоили мне более тысячи рублей. Должно быть, эти деньги нажиты нечестиво, что разошлись беспутно! Будет впредь наукой. Моя татарская голова сразу не сообразила, что порядочные женщины и у европейцев не могут валяться по дорогам и на базарах.

Одно обстоятельство меня крайне смущает: весьма заурядная, плохо воспитанная и мало учёная френгская женщина своими манерами и бойким языком сумела опьянить и перепутать мои мозги. Что же будет со мной, если судьба сведёт меня с действительно благонравной и воспитанной розой Френкистана? Человек не камень; глаз видит – душа хочет... Да укрепит меня Аллах среди ласкающего, но бездонного моря френгской жизни.

Вы, конечно, догадались, что я развёл Жозефину. Три месяца после этого события я уже немного говорил по-французски и посещал школу языковедения и биржу. В школе я учился и сам преподавал в качестве помощника профессора по джигатайскому наречию³⁸; а на бирже завёл дела по доставке сюда шёлка-сырца, ибо во Франции много фабрик шёлковых изделий, и сырец имеет постоянный сбыт. В школе нашей было двадцать профессоров. Преподавали множество разных наук и языки всех известных народов. Между слушателями были как молодые люди, так и негодичанты почтенных лет, усердно изучавшие язык той страны, с коей имели торговые сношения.

Надо удивляться любознательности г[оспод] френгов: и стар, и млад с рвением и постоянством ищут знаний; всё им хочется знать; стараются говорить на всех языках. Удивительный народ!

В числе заметных слушателей школы по отделению восточных языков был один богатый негодичант, имевший торговые дела с Персией. Встречаясь с ним в школе и на бирже, мы достаточно познакомились, и он однажды весьма любезно пригласил меня к себе обедать, добавив, что имеет также маленькое дело.

– Буду носить ваше желание на макушке моей головы. Вы делаете мне большую честь, – ответил я.

При этом он дал мне свою карточку. Это плотная бумажка, на коей френги означают, кто они, где живут и чем занимаются.

Меня в Париже обзывали «мусье Аббас», но это не должно смущать

37 Здесь в значении «девушка».

38 Средневековый среднеазиатско-тюркский письменно-литературный язык, достигший наибольшего оформления и единообразия как язык классический в тимуридских уделах Мавераннахра во 2-й пол. XV–XVI вв.

моих ташкентских друзей, ибо «мусье» – почти то же, что «молла», а также означает «господин», «ага»³⁹ и «эфенди».

Вечером того дня, придевшись щегольски, т.е. надев снежной белизны чалму, такую же рубашку с розовым галстуком при тёмно-зелёном, богатом халате, украсив ноги здешними башмаками, а руки светлыми перчатками, я явился в дом мусье Шалона. Так звали этого купца. Любезный хозяин приветствовал меня самыми изысканными фразами по-французски и по-персидски, вводя в большую богатую залу. Великолепная обстановка этой комнаты, украшенной дорогой мебелью, обоями и зеркалами, тонувшими среди невиданных мной и диковинных растений, довольно-таки поразили меня, но я, подавляя своё удивление, старался не дать заметить французу расширение моих зрачков. Усадив меня, мусье Шалон спросил, как мне нравится Париж. Я отвечал: «Чудесный город; постройки царские, базары выше слов и удивления, порядки – безупречны, летом улицы без пыли, после дождя нет грязи... Кому не понравится такой необыкновенный город? Машаллах! Не сомневаюсь, что это мировая красавица, и только великое племя могло создать его. Ум, гений и слава французов воплощены в этом городе, привлекающем поклонников со всех концов света. Машаллах!»

– Действительно, мусье Аббас, это лучший из городов, но должно заметить, что кое-что мы переняли у мусульман, прежде чем создать его. Мощи и освещение улиц, устройство фонтанов и водопроводов, цветников и садов заимствовано нами от мусульман, господствовавших в прежнее время в Испании. У мастеров и мудеррисов Кордовы⁴⁰, Севильи⁴¹ и Гренады⁴² мы выучились много чему...

– Вы очень справедливы, мусье. Действительно, как оказывается, цивилизация мусульман Испании много содействовала преуспеванию Западной Европы. Брать добрые примеры и хорошие образцы хоть от чужого народа – дело разума и достоинства. Дай Бог, чтобы и мы, мусульмане настоящего, возвратили себе удесятерившееся в ваших руках научное наследие наших отцов!

– Будьте уверены, мусье Аббас, что французы искренне желали бы этого.

– Не сомневаюсь, ибо известно, что этот благородный народ возжигает светоч цивилизации и знания в самых отдалённых уголках мира. Я горжусь, что судьба привела меня в их почтенную среду.

Договорив последнее слово, я заметил входившую к нам молодую жен-

39 Форма обращения к старшему по рангу, обозначение племенной знати и титул.

40 Город в исторической области Андалусии на юге Испании. Завоёван арабами в 711 г. С 756 г. центр Кордовского эмирата.

41 Город и провинция на юге Испании, находившиеся под арабским господством с 712 по 1248 г.

42 Город в исторической области Андалусии на юге Испании. С 1238 г. по 1492 г. – столица последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове – Гранадского эмирата.

щину. Мусье Шалон встретил и подвел её ко мне. Я встал. Таков обычай у френгов – вставать при появлении женщины. И хитро, и деликатно.

– Представляю тебе ташкентского гражданина, мусье Аббаса, – сообщил ей обо мне мусье Шалон и затем, обратившись ко мне, сказал: «Это моя дочь, Маргарита».

У френгов необходимо быть очень деликатным с женщинами. Они у них часто ничего, но иногда очень много стоят.

– Ваше знакомство наполняет меня счастьем, – поклонился я дочери хозяина.

– И я весьма рада [н]ашему знакомству, мусье Аббас. Папа говорил мне о вас так много хорошего... – заплатила она той же сладостью.

Я чувствую, что мои читатели торопятся узнать ближе эту девушку и какова она собой.

Но как быть? Можно ли описать небесное светило? Нет, не найдётся для того достаточно выразительных слов! Надо его видеть и любоваться... Вообразите нежное, белое, луноподобное личико, украшенное маленьким розовым ротиком и голубыми, глубокими, как небо, глазками, которые окаймлены чёрными, бархатистыми бровями, точно наведёнными рукой великого художника! Добавьте к этому волнистые каштановые волосы, живописно ниспадающие далеко-далеко вдоль стройного, гибкого стана.

Интонации голоса, каждое движение, каждый взгляд этой прелестной девушки являл тысячу красот и обещал миллионы радостей!

1887. – 30 июня, № 19.

Мусье Шалон угостил меня великолепным обедом. Видно было, что этот француз знал и любил хорошо покушать. Но, скажу откровенно, лучезарная мадемуазель Маргарита, сидевшая за столом против меня, поглощала всё моё внимание, и самые вкусные блюда едва были мной замечены.

Француз не может обедать без вина. Он скорее откажется от супа, но стакан вина должен быть. Прелестная Маргарита любезно предложила и мне выпить красного или белого вина. О, как трудно было отказать этой волшебнице! Я сразу почувствовал, что она многое может мне приказывать, но всё-таки отказал ей, заметив, что закон мусульманский запрещает вино.

– Я слышала, – перебила она, – что Коран запрещает пьянство, а не то что рюмку, другую вина в качестве шербета...

– Капля по капле человек привыкает пить сильнейший яд. К вину можно пристраститься ещё легче. По-моему, если что запретно в большой дозе, не должно быть допустимо и в малой. Прошу извинить меня. Я строг в своих привычках и соблюдении закона.

– Мы же так привыкли к вину, что трудно бы обойтись без него, – заметила моя собеседница, наливая себе стакан.

Мусье Шалон, обращаясь к дочери, сказал, что мусульмане строго и неуклонно следуют повелениям своего закона, и многие пороки, пустившие глубокие корни в европейских странах, не ведомы на Востоке.

После обеда мусье Шалон сообщил мне, что желает просить меня учить Маргариту персидскому и турецкому языкам. Он объяснил это своё желание тем, что имеет прочные и значительные дела на Востоке, а дочь у него единственная наследница, которой, вероятно, придётся продолжать отцовские дела, особенно если попадется неделовой муж.

Предложение почтенного француза меня крайне удивило и смутило, так что я не знал, что ему ответить. Маргарита, разливая кофе и чай, сидела тут же, увеличивая моё затруднение. Я думал, что за пустяки, что за странное желание учить её по-персидски и по-турецки, точно готовить к отправке в подарок в Персию или Туркестан... Но это ничего, Бог с ним, но я-то что буду делать, приняв предложение? Оставаться целые часы с очаровательной, бойкой девушкой, беседовать, учить, брать за руку и исправлять почерк, перебивать чудный голос и исправлять произношение... Всё это очень приятно и интересно, но можно позабыть всё, что знаешь, в постоянном присутствии такой очаровательницы; Аллах премудр, всё совершается по Его воле... Мусье Шалон, объясняя моё молчание стеснением сказать мои условия, предложил 200 франков за три урока в неделю по два часа каждый раз.

– Ваши условия очень хорошие, но я не знаю, позволят ли мне мои дела и собственное обучение уделить столько времени преподаванию, – отвечал я уклончиво. Тут отец и дочь стали просить меня не отказывать им и обещали со своей стороны пособить мне сколь возможно поскорей усвоить френгский язык. Маргарита была искусной музыкантшей и обещала даже давать мне уроки музыки. Я должен был согласиться.

Через три дня мы приступили к делу. В обширном доме мусье Шалона мне отвели хорошенькую комнату для уроков окнами в небольшой сад с цветником и клумбами. На первых уроках присутствовала вместе с Маргаритой её компаньонка и учительница, старая и безобразная англичанка. Она молча просиживала весь урок, едва заметно улыбаясь при остроумных вопросах и замечаниях Маргариты. Раза два она замечала ей что-то по-английски. Этот истинно шайтанский язык я вовсе не понимал.

Прошёл целый месяц, три раза в неделю я ровно в два часа приходил на урок и уходил в четыре. Иногда мусье Шалон оставлял меня обедать, а вечером вместе отправлялись в театр или на гулянье. В Париже театров и гуляний так много, что если каждый день бывать в одном, то и в год всех не обойдёшь. Но, впрочем, приличные люди во всех не бывают.

Моя прекрасная ученица делала поразительные успехи. Да и я, говоря с ней без умолку и охотно, быстро усваивал все тонкости французской речи.

Она много расспрашивала о моих воззрениях на жизнь, о наших обычаях, привычках и странах. Ещё более она интересовалась мной и подробно осведомилась о моём происхождении, намерениях и предстоящих путешествиях. В течение месяца мы ознакомились и освоились, как старые друзья. Маргарита производила на меня очень сильное впечатление, но, видя, что нас разделяет целая пропасть в виде происхождения, верования, привычек, стран и будущности, я подавлял все невольные движения моего сердца и приучал себя, в подражание соловью, скромно любоваться созерцанием розы и слагать для неё песни без надежды, чтобы она их когда-либо услышала!

Маргарита очень интересовалась восточными повестями и произведениями наших поэтов. Она заучивала целые песни Гафиза⁴³ и избранные места Месневи⁴⁴. Я замечал, что безотчётная, всепожирающая любовь героинь и героев восточных сказаний производили на неё сильное впечатление.

В течение следующих двух месяцев мы переговаривали с Маргаритой о многом и вполне узнали взгляды и симпатии друг друга. Она, между прочим, подарила мне свой портрет и [зас]тавила меня сняться, чтобы передать ей мой. У френгов этот обмен ничего не означает, так они говорят. Но я думаю, что они часто ошибаются в этом случае. Маргарита говорила, что долго-долго не позабудет своего туркестанского учителя и друга; я говорил в этом же роде, хотя было бы правдивей сказать, что буду не в силах забыть столь очаровательную женщину, образ которой уже бурлил мою кровь, преследовал повсюду и начинал ломать некоторые воззрения на жизнь и будущее.

Уроки наши вместо двух часов стали незаметно затягиваться по три и более часов, так что несносная англичанка заходила каждый раз предупредить, что уже 3 часа. Я оставлял общество Маргариты нехотя, но крепился и резонил себя, желая скрыть свои чувства даже от себя самого.

Мусье Шалон был очень⁴⁵

1887. – 12 июля, № 20.

Мусье Шалон был очень доволен ходом обучения и иногда заходил к нам во время урока поговорить по-персидски. Он, видимо, любил этот благозвучный язык Востока.

Хотя Маргарита была очень бойкая, разговорчивая девушка, но я долго не мог разгадать её и боялся как огня, чтобы она не заметила чувства,

43 Хафиз Ширази (ок. 1325–1389/1390 гг.) – персидский поэт и суфийский шейх, один из величайших лириков мировой литературы.

44 «Месневи-и Манави» («Поэмы о скрытом смысле») Джеляледдина Руми (1207–1273). Является одним из наиболее фундаментальных произведений мировой мистической литературы.

45 В оригинале здесь текст обрывается. Вероятно это опечатка редакции, так как в следующем номере продолжение истории начинается с этих строк.

с каждым днём сильнее и сильнее возжигавшиеся во мне. Нужно было ждать, чтобы не попасть в смешное положение.

Недалеко от дома Шалона было одно оригинальное учреждение, подобного которому нет у нас на Востоке. Проходя часто мимо, я однажды зашёл туда, чтобы посмотреть, что там делается. Меня любезно встретили учительницы и мамки. Вы думаете, что я попал в школу? Нет, это была не школа. Здесь, в больших и светлых комнатах, в люльках и кроватках, лежало, спало или кормилось до полутора года младенцев самого нежного возраста, а на дворе бегало и играло столько же детей в возрасте от двух до пяти лет под присмотром нескольких женщин. Учреждение это крайне меня удивило и заинтересовало. Расспросив окружающих женщин, я узнал, что это учреждение называется «азиль»⁴⁶ (убежище), имеющее целью присмотра за детьми в течение дня, когда матери, люди бедные, уходят на работ[у] на целый день.

Оказалось, что всякая бедная одинокая женщина, уходя из дома на работу, приносит сюда своего ребёнка и оставляет здесь до своего возвращения вечером домой. Учреждение за это берёт очень маленькую плату, не тяжелую для самой бедной работницы. Благодаря этому учреждению бедная мать не лишается возможности заработать кусок хлеба. Уплачивая 5–10 коп[еек] в день, она спокойна, что её ребёнка и накормят, и присмотрят до её возвращения. Так как у френгов очень много женщин живёт самостоятельно и сами себе зарабатывают [на] пропитание, то подобное учреждение как нельзя более соответствует требованию жизни и разума. Нельзя не похвалить френгов за подобные заведения и порядки. Выдуманно хорошо: каждая бедная женщина не может нанять кого-либо для присмотра за своим ребёнком во время [своего] отсутствия на работе, а десять-пятнадцать вместе уже могут иметь женщину для присмотра за детьми. Дёшево и разумно.

Впечатление, произведённое на меня осмотром «убежища детей», я передал Маргарите и, беседуя на тему о воспитании и обучении, я узнал от неё многое об учебном деле французов.

Всеми низшими и высшими школами французов заведует особое министерство, в каждом департаменте и округе существуют директора и учебные комиссии, помогающие и надзирающие за учебным и воспитательным делом.

Все французы без различия пола учатся грамоте. Для взрослых людей, оставшихся неграмотными по той или другой причине, существуют «воскресные школы», где они приобретают знания, упущенные в молодости. В неделю раз отдыхая от трудов и работы, французские бедняки посвяща-

⁴⁶ Учреждения для детей, возникшие во Франции сначала как «refuges» (убежища, прибежища) для детей, затем «garderies» (детские сады), которые позднее стали называть «salles d'asile» (палаты, залы приюта, присмотра) и «écoles maternelles» (материнские школы). Это были учреждения, точнее помещения в элементарных школах, для детей от 2 до 6 лет, матери которых были работницами в мастерских и на фабриках, не хотевшие оставлять своих детей без присмотра в своё отсутствие.

ют 2–3 часа на обучение. Учат их, конечно, бесплатно. Воскресные школы большею частью существуют при помощи частной благотворительности.

Любовь и преданность науке и школе позволила французам занять первое место во всех сферах жизни. Назвать француза невеждой, неучем – значит нанести ему кровную обиду.

Видя всеобщее обучение и грамотность французов и задумываясь над этим, я приходил к мысли, что они заимствовали из мусульманского шариата многие свои обычаи и положения. Всеобщее и даровое обучение – это одно из оснований ислама, установленное Кораном, хадисами⁴⁷ и практикой древнемусульманской жизни. Это положение всецело усвоено французами. Среди ста современных мусульман едва найдётся 10–15 грамотных, но из ста французов не встретите 10 неграмотных!

Меня удивило ещё следующее: нищенство, попрошайничество строго запрещено шариатом⁴⁸; но на Востоке базары и передние мечетей всегда полны самыми разнообразными нищими. Во Франции же нищих совсем не видно, точно какой строгий халиф буквально исполнил здесь постановление шариата! Не имеющих занятий и избегающих труда берут в тюрьмы и заставляют работать, а действительно несчастных людей, не способных к труду, призывают в богадельнях, не допуская унижаться и страдать на базарах и перекрёстках. На этот случай установилась самая широкая благотворительность, и на доброе, общественное дело французы охотно жертвуют всегда.

Так как занятия мои с Маргаритой стали слишком затягиваться, то мусье Шалон обратил на это внимание и деликатно заметил, что «очень благодарен за моё старание, но просит не утруждать себя и ученицу лишними занятиями, ибо времени ещё впереди немало».

Было заметно, что старая англичанка нарочно просиживала около нас всё время уроков.

Становилось неловко.

1887. – 28 июля, № 22.

Прошло восемь месяцев, как я приехал в Париж, и месяцев шесть, как я поступил на вольные научные курсы и начал давать уроки Маргарите. Я говорил уже порядочно по-французски; успел получить из Ташкента три партии шёлка и выгодно продать, а Маргарита благозвучно и нежно объяснялась по-персидски. Надо признаться, что я уже безумно любил эту

47 Предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины, сумма которых образует Сунну, являющуюся авторитетной для всех мусульман и составляющую одну из основ шариата.

48 Свод юридических норм, нравственных принципов и правил поведения мусульман, основанных на Коране.

девушку, она отвечала мне, но отношения наши были, конечно, самые чистые, невинные, вполне согласные с благородством и порядочностью.

Знания мои и кругозор развивались с каждым днём более и более. Я посещал уже классы, где преподаются науки. Я видел теперь, каким непроходимым невеждой прибыл в эту страну! Будучи в Ташкенте, я считал себя знающим человеком и учёным муллой – какая иллюзия! Десятилетний французский мальчуган понимал людей и знал вещи больше, чем я.

Изучая здесь историю, я знакомился с прошедшим и начинал понимать настоящее и немного судить о будущем; география познакомила меня с народами и странами и их жизнью, из курсов физики и химии я составил правильные понятия о существе и действии многих вещей и о причинах многих явлений, казавшихся прежде тёмными, необъяснимыми.

Слушая лекции по политической экономии, я ознакомился с законами производства, торга и накопления богатств. Как много нового, как много удивительного я узнал и понял! Я видел теперь, каким неучем был до сего!

Однажды зашёл ко мне знакомый по бирже комиссионер и предложил поездку в одну из окрестных деревень, где происходил местный годовой праздник. По обычаю французов у них каждая деревня имеет свой священный день и празднует его раз в год всей общиной. Тогда сюда съезжаются тысячи народа из ближайших местностей и ещё более парижан, любопытных до всякого зрелища.

Я согласился ехать, благо это здесь так нетрудно, так недорого. Железные дороги почти повсеместны, конки и омнибусы во все стороны, а обыкновенных извозчиков до ста тысяч, т. е. столько, сколько жителей в моём родном Ташкенте. Когда мы прибыли в намеченную деревню, я был удивлён: «Какая же это деревня, думаю, целый город!» Великолепные лавки, кофейни, шоссированные улицы, красивые дома и несколько тысяч постоянных жителей. Французы зовут это «деревней», а у нас в Туркестане немного и городов с несколькими тысячами жителей.

Мы обошли всю деревню, смотрели народные забавы, игры, балаганы, посидели в кофейнях, любуясь повсюду пёстрой оживлённой толпой мужчин и женщин в самых разнообразных нарядах. После обеда комиссионер мой предложил мне познакомиться с одной местной жительницей, его знакомой, имеющей тут хорошенький домик и довольно обширный сад. По его словам, это была почтенная, умная старушка, довольно сведущая и начитанная. Я был не прочь посмотреть на деревенский быт французов. Мы пошли. Войдя в калитку сада, мы встретили добрую старушку. Комиссионер представил меня. Хозяйка, изъявив удовольствие принять столь редкого гостя, весело повела нас в дом и, видимо, была довольна познакомиться с жителем далекого Туркестана.

Старая, как сама хозяйка, служанка быстро подала нам чай, кофе, закуски, а мадам (так зовут французы замужних или бывших мужем женщин), бойкая говорунья, забросала меня вопросами и шутками.

– Как находите вы нашу страну? – спрашивала она.
– Великолепной и высокоцивилизованной.
– А как понравился вам здешний народ? Будьте откровенны.
– Он завоевал моё полное уважение своею жизнью и порядочностью.
– Ну, а француженки?
– Они восхитительны!
– Ну, хорошо; однако, мусье Аббас, будьте с ними осторожны, между ними не мало дурных женщин... Вы молоды и на чужбине. Я от души желаю, чтобы ваше пребывание во Франции прошло совсем без неприятностей.
– Благодарю вас, мадам. Я занят своим обучением. Науки, надеюсь, оберегут меня от здешней шумной жизни и случайностей.
Видимо, искреннее благорасположение ко мне старушки произвело на меня самое приятное впечатление. Долго и много беседуя с ней, мы прямо вернулись домой. На прощанье она пригласила меня бывать у неё на даче каждый раз, когда пожелаю деревенского воздуха и садов. Как оказалось, это была богатая женщина, поселившаяся после смерти мужа в деревне.

1887. – 15 августа, № 24.

Письма и заметки читателей, доставленные мне редакцией, удостоверяли, что мои нескладные писания интересуют очень многих. Тем более я постараюсь в последующих письмах говорить подробнее обо всех интересных явлениях Френкистана и моих приключениях. Надеюсь, что читатели найдут в этих письмах кое-какие полезные для них новости.

Молла Аббас.

Я уже писал, что отношения мои к прекрасной Маргарите, несмотря на все мои старания и противодействия своим чувствам, зашли слишком далеко. Она была в таком же положении. Мы любили друг друга. Скрывать это долго не удалось. Тут я понял, что чувства более управляют людьми, чем разум.

Отец Маргариты, заметив наши отношения и относясь к ним снисходительно, как к невинному, чистому, как кристалл, увлечению молодости, решил, однако, прекратить наши свидания. Деликатно маскируя свои цели, он сначала установил один урок в неделю под предлогом, что Маргарита уже сделала достаточные успехи. Позже, чтобы упростить неловкое наше положение, я заявил, что Маргарита достаточно подготовлена, чтобы продолжать занятия самостоятельно, и перестал бывать в приятном для меня доме.

Бедный отец! Он думал отдалить нас друг от друга и тем затушить наши

чувства... Он не подумал о том, что раз возгорится весеннее солнце – снега должны таять, несмотря на мимолётные облака.

Я виделся с Маргаритой вне их дома, для чего была нанята подходящая квартира. При свободе женщин у френгов устроить это было нетрудно. Однако мы приняли меры, чтобы никто не мог узнать, кто мы. Это было необходимо для ограждения имени моей возлюбленной. Хотя я обыкновенно не оставлял свой национальный костюм, но на свидания являлся переодетым в френгское платье.

Свидания наши не заключали чего-либо преступного, и я, и Маргарита были далеки от дурного, но оба чувствовали необходимость по временам видаться и переговаривать о своем положении и возможном будущем. Мы оба сознавали, что будущее наше очень темно и затруднительно, но ни один из нас не решался прекратить это опасное знакомство: чувства повелевали над всеми прочими соображениями.

Дни, недели и месяцы прошли своим чередом. Торговые дела мои пошли очень хорошо. Кроме выписки туркестанского шёлка на своё имя, я повёл комиссионное дело по выписке разных азиатских товаров для других купцов. Моё знание арабского, турецкого и персидского языков в связи с вновь усвоенным французским дали мне большое значение среди коммерсантов. Через мои руки стали проходить большие суммы, и доходы мои быстро возрастали.

Вообще дела мои шли хорошо; обучение успешно, а чистая, невинная любовь прекрасной француженки окутывала благоухающим, розовым облаком всё моё существование. Мне казалось, что я счастлив, но, увы, это было человеческим заблуждением! Судьба готовила мне величайшее несчастье и страшнейший свой удар. Не думайте, что дело заключалось в торговой неудаче или в каких-либо неприятностях с Маргаритой. Все учёные люди остаются слепыми, когда надвигается грозный фатум. Френги не верят ему, но этим всё-таки себя не застраховывают против него. Он к ним и к нам, верующим, одинаково неумолим. «Что же случилось?» – спросите вы. А вот увидите.

1887. – 30 августа, № 25.

Раньше я писал уже о поездке моей с одним комиссионером на сельский праздник в окрестности Парижа, в деревню, и знакомство с одной пожилой мадам, проживавшей постоянно в той деревне. Я писал также, что меня повёз в деревню один знакомый комиссионер и познакомил с помянутой старушкой, которая тогда же пригласила меня бывать у неё, когда захочу подышать деревенским воздухом.

После этого мне пришлось, выезжая в разные окрестности города, раза три посетить почтенную даму и проводить на её даче по несколько часов.

Она всегда интересовалась моими рассказами о Туркестане и сообщала много интересного о парижской жизни. У не[ё] же я встречался с некоторыми местными жителями, которые приглашались ею к завтраку или к обеду. Мадам была известна [как] богат[ая] и добр[ая] женщин[а]. Жила она, впрочем, скромно, имея прислугой старую кухарку и садовника.

Однажды, когда я вернулся с биржи к себе на квартиру, нашёл у себя повестку, вызывающую меня к следователю на следующее утро. Я не имел никакого дела у этого важного чиновника, ведущего дела о разных преступлениях, и недоумевал о причине вызова. На следующее утро я явился к нему и представил повестку.

– Так это вы молла Аббас? – обратился он ко мне.

– Да, – отвечал я.

– Откуда вы, чей поданный и сколько вам лет?

– Я из Ташкента, русский поданный. Мне 28 лет.

– Давно вы в Париже и чем занимаетесь?

– Скоро год. Слушаю лекции на частных курсах и веду небольшую торговлю азиатскими товарами.

– Хорошо. Много у вас в Париже знакомых и кто они?

Я назвал всех, за исключением мусье Шалона и Маргариты.

– Часто ли вы с ними видите и как вообще проводите время? Расскажите подробней.

Я рассказал, как проходили и проходят мои дни в Париже и, конечно, не считал вовсе нужным упомянуть об отношениях к Маргарите.

Записав всё сказанное и подумав некоторое время, следователь продолжал:

– Бывали ли вы в деревне (такой-то) и знакомы ли с мадам (такой-то)?

Следователь спрашивал о женщине, упомянутой в начале этого письма.

– Я был там несколько раз и всегда навещал мадам как почтенную, умную собеседницу.

Допрос следователя начал крайне интересоваться меня, и я немного начал беспокоиться, не зная, к чему всё это ведёт.

«Зачем он всё это спрашивает, для чего ему всё это нужно?» – думал я.

– Когда вы были у мадам в последний раз?

– Двадцать дней тому назад.

– Припомните хорошенько и скажите правду, не были ли вы у неё после этого ещё раз?

– Нет.

– Хорошо. Не слыхали ли вы на этих днях что-либо о вашей знакомой?

– Нет, ничего.

Следователь, упорно и пытливо посмотрев мне прямо в глаза, предложил выйти в другую комнату. Я вышел. Этот странный допрос уже сильно смущал меня. Что случилось и что я мог слышать о моей деревенской

знакомой? Наконец, при чём тут я и эти серьёзные вопросы? Я чувствовал выступление лёгкого пота на моей спине. Я знал, что следователь – чиновник важный и спроста людей не вызывает. По законам френгов, это лицо исследует важные дела и преступления, но, однако, при чём же я-то? Я терялся в догадках, когда следователь вновь позвал меня к себе.

– Так вы ничего не слыхали и не были у этой барыни на этих днях? – встретил он меня.

– Нет, г[осподин] следователь.

– Это не ваш ли платок? – продолжал он, вынимая из ящика довольно грязный, запачканный чем-то красным, шёлковый носовой платок.

– Не знаю, мой ли, но он такой же, как мои, – отвечал я, осмотрев платок.

– Я думаю, что он ваш. Таких платков в Париже я никогда и ни у кого не видал, – заметил следователь.

Я приходил в большее и большее беспокойство и недоумение.

– А этот кисет⁴⁹ не ваш ли, мусье Аббас? – продолжал следователь, вынимая шёлковый кисетик для мелких денег.

Осмотрев кисет, я признал его, ибо он был подарен мне при выезде из Ташкента одним знакомым шакирдом.

– Кисет мой, но я его давно не держал и не знаю, как он попал к вам, – обратился я к следователю.

– А вот узнаете... Скажите мне, пожалуйста, где вы были позавчера и как и где провели ночь вчерашнего дня?

– Я был всё время в городе в разных местах.

– Отвечайте точнее: где и в какое время дня и ночи?

– Утром позавчера до 9 часов я был у себя, до часу пробыл на курсах. Затем завтракал в ресторане у биржи...

– А затем?

– А затем я был в таком месте, о коем сообщать не желаю.

– Когда вы вернулись к себе на квартиру?

– Хорошо не знаю, но поздно ночью.

– Одни вы вернулись или с кем-либо другим?

– Я вернулся один. Живу одиноко.

– Так вы не хотите указать места, где были всё время после обеда до глубокой ночи?

– Нет.

– Вы напрасно это делаете, это вам не поможет. Я знаю, где и как провели вы это время. Признание было бы полезно для вас же.

– Но, однако, позвольте, г[осподин] следователь, узнать, что означает этот допрос, я начинаю беспокоиться. Как человек свободный, я имею право бывать где мне угодно и не обязан отчитываться перед кем бы то ни было, не зная причины вопросов.

⁴⁹ Небольшой мешочек для хранения вещей, затягиваемый шнурком.

– Вы их отлично знаете, хотя не без искусства притворяетесь... Ведь вы убили и ограбили вчера ночью вашу добрую знакомую в деревне. Обронённые вами платок и кисет, помимо всего прочего, ясно уличают вас; запирательство и притворство бесполезны. Вы с сей минуты арестованы. Сейчас отправимся вместе на вашу квартиру и там найдем, вероятно, новые данные вашего преступления и виновности. Не для добра, видно, прибыли вы к нам из далёкого Ташкента; у нас своих убийц было довольно... Предупреждаю, молла Аббас, по французским законам признание и раскаяние много облегчает участь преступника...

Но я уже не слышал. В глазах потемнело, и я едва стоял на ногах. Я обвиняюсь в убийстве и грабеже! На месте преступления найдены мой платок и кисет... Я готов был помешаться.

1887. – 6 сентября, № 26.

Затем, отдав под надзор здорового полицейского, следователь повёл меня на мою квартиру. Тут он допросил обо мне соседей и произвёл осмотр всех моих вещей, записывая всё, что слышал и видел. Между прочим, он нашёл у меня 40 тысяч франков деньгами и билеты банка в 38 тысяч франков. Он очень обрадовался этой находке и уже совсем уверенный в моей виновности спросил:

– Вы скажете, конечно, что всё это ваши деньги?

– Нет, не всё моё, но тут нет ни одного сантима убитой вдовы, – отвечал я, уже несколько успокоившись после первого замешательства.

– Чьи же это деньги?

– Сорок тысяч принадлежат трём купцам и переданы мне в задаток за выписанные через меня товары. Спросите о том у них.

Я указал их имена и адреса.

– Что вы скажете относительно 38 тысяч, вложенных в банк? – Тут следователь стал рассматривать банковый билет на вклад.

– Это мои собственные деньги, вывезенные с родины.

– Почему же вы их только третьего дня вложили в банк? Где они у вас хранились до того?

Я понял, что следователь думает, что эта сумма – деньги убитой. Но когда я объяснил ему, что у меня было гораздо более денег и что они сначала хранились у частного банкира, которого я ему и указал, он как-то замешался.

Записав все мои указания и подумав, следователь спросил:

– Так вы решительно продолжаете скрывать ваше местопребывание всё время после обеда и ночь, когда совершилось убийство вдовы?

– Да, я не хочу указать это. Моя и чужая честь обязывают к тому.

– Допустим, что не вы убийца, что ту роковую ночь вы провели в другом месте, но тогда чем вы объясните, что ваши вещи со следами крови нашлись в комнате убитой?

– Я это объяснить не могу и молю Аллаха помочь вам разгадать это страшное дело. Я не винен, как вы сами.

– Не дарили ли вы кому-либо ваши платки и кисет?

– Нет, никому.

– Вы, может быть, потеряли их, и кто-либо нашёл и, наконец, кто-либо взял их у вас незаметно?

– Положительно не знаю, взял ли их кто или они были обронены, потеряны мной.

– Нет ли между вашими знакомыми такого человека, который мог бы быть замешан в это убийство и для отвода глаз правосудия воспользовался вашими вещами, бросив их на месте преступления? Подумайте, вспомните хорошенько.

– Все мои знакомые – их, впрочем, немного – люди столь порядочные, что я не могу подозревать кого-либо.

– Наконец, ещё один вопрос. Вы не хотите указать, где вы были в ночь убийства. Знает ли кто-либо это место?

– Никто, кроме того человека, который был всё время со мной.

– Очень странно. Скажу откровенно, молла Аббас, как человек богатый, вы едва ли решились бы на убийство из-за грабежа, но могли быть другие мотивы... Ваш отказ указать место пребывания в ночь убийства и вещи, найденные на месте преступления, не оставляют сомнения в вашей виновности и по меньшей мере в вашем соучастии в этом деле.

– Клянусь вам, что об этом убийстве я узнал впервые от вас.

– Ваша клятва – недостаточное доказательство. Из ста преступников 99 готовы клясться... Нужны факты.

Следователь задумался. Я стоял, погружённый в тяжёлые думы о моём бедствии.

Опечатав все мои вещи, бумаги и деньги, следователь заметил мне, что из них ничего не пропадет, что они будут храниться у властей до окончания суда и, смотря на меня в упор, сообщил:

– По французским законам убийство наказывается смертной казнью... Вам, чтобы оправдаться, необходимо доказать, что вы не были и не могли быть в деревне в роковую ночь, т. е. указать мне, где вы провели ту ночь, чтобы я мог убедиться! Теперь я сделал постановление подвергнуть вас предварительному заключению, куда вас и поведут сейчас.

Я совсем потерялся. Но вскоре, опомнившись, собрал все свои силы и в уповании на милосердие Аллаха и свою невинность твёрдо последовал в тюрьму. Следователь дозволил мне взять с собой кое-какие книги и сказал, что мне позволят в тюрьме читать, писать, а также покупать под надзором смотрителя необходимые мне вещи.

Спустя полчаса, меня подвели к громадному, как казарма, и красивому, как ханский дворец, дому и заперли в одну из его комнат с маленьким окном с решёткой и толстой тяжелой дверью. Я был в тюрьме и горько заплакал.

1887. – 14 сентября, № 27.

Прошло две недели, как я содержался в тюрьме. Французская тюрьма не то, что китайская. Здесь содержат обвиняемых и обвинённых весьма прилично. Помещения чистые, пища хорошая, обращение вежливое, хотя и строгое. Если бы человек не дорожил честью и свободой, французские тюрьмы могли бы считаться лучшими караван-сараями и убежищами, где кормят, чистят и прислуживают совершенно даром!

Смотритель тюрьмы был ко мне особенно ласков и охотно отвечал, когда я что-либо спрашивал. Оказалось, что французские тюрьмы служат также школой. Смотритель убеждал меня, что большая часть преступлений есть прямое следствие невежества и нужды. А потому люди опыта и совести нашли полезным за время заключения преступника в тюрьме обучать его чему можно, чтобы, возвратясь в среду общества, он явился грамотным и знающим какое-либо ремесло для честного приискания себе куска хлеба. «Имеющий честный кусок хлеба не имеет надобности воровать или отнимать чужой», – говорил он. И действительно, когда я начал раздумывать об этом, то вспомнил, что все известные мне в Ташкенте и других местах воровства и грабежи совершены были людьми тёмными и нуждающимися. Эти преступления обыкновенно учащаются в неурожайные годы. Очевидно, что нужда имеет большое влияние на человеческие деяния.

Поистине удивительный народ – френги. Они из камня хотят выжать воду! Воришку они не казнят, не мучают, но сытно кормят, учат и выпускают из тюрьмы исправившимся человеком и знающим мастером. Великое милосердие и знание человеческой натуры! Исповедуй френги ислам, они были бы лучшими мусульманами. В них очень много добрых задатков. Недостатки их мы тоже укажем, если будет угодно Аллаху.

Хотя тюремные порядки и разговоры с умным смотрителем немного меня развлекали, однако тяжёлое положение, в которое я попал по воле рока, не давало мне покоя.

Следователь несколько раз уже вызывал меня к себе и несколько раз заходил в тюрьму для новых допросов. Сказать ему что-либо новое я не мог. Он между тем успел допросить человек двадцать и тоже ничего нового не открыл. Всё дело указывало, что убийцей несчастной старухи был я! Показав мне всё дело и показания допрошенных лиц, следователь заявил, что положительно уверился в моей виновности. Хотя никто не сказал ему, что видел меня в день или ночь убийства в доме покойной, но так как не было следов кого-либо другого, то все приходили к заключению о моей виновности. Оконченное дело перешло в суд, и я ждал страшный день, когда должна была решиться моя судьба... Меня могли оправдать, но ещё легче могли обвинить, и тогда французский топор должен отсечь мою голову! Адвокат, приглашённый мною для защиты, признавал моё положение довольно опасным и советовал не скрывать, где я провёл ночь, когда совер-

шено убийство. Я отвечал ему, что открыть это обстоятельство не хочу, и просил его найти другой выход из положения, если он убежден в моей невиновности и достаточно способен.

Однажды утром я попросил, чтобы мне купили несколько номеров газет. Принесли. В одной газете я прочел: «Деятельное следствие по делу об убийстве 20 числа прошлого месяца вдовы №№, проживавшей в деревне Б., успешно окончено. Несомненным убийцею оказывается некий молла Аббас, уроженец Ташкента, посещавший в Париже частные курсы и имевший кое-какие дела на бирже. Несколько загадочно в этом деле то обстоятельство, что человек этот хорошо обеспечен. Найденные на месте преступления вещи не оставляют, однако, сомнения в его виновности, хотя можно допустить, что мотивом преступления могло быть и нечто другое, помимо грабежа. Виновный, упорно не признаваясь, отказывается также указать место, где был в то время, когда совершено это зверское преступление, мотивируя это своё поведение тем, что тут замешана честь и доброе имя одной девушки».

О милосердный Аллах! За что такие тяжкие испытания? Теперь все друзья мои в Париже узнают об этом и будут проклинать день, в который со мной познакомились! Со слезами на глазах я бросил эту газету и взял другую. В отделе городских новостей читаю: «Хорошо известного в торговых кружках почтенного негодянта⁵⁰ мусье Ш. постигло большое горе. Единственная наследница его, прекрасная мадемуазель М. позавчера после обеда, читая газету, внезапно заболела и впала в беспамятство. Доктора опасаются за благополучный исход. Отец в отчаянии».

Я почти ошалел, газета выпала из рук. Я понял, что газета говорит о мусье Шалоне и Маргарите, я понял, что внезапная болезнь её – это следствие роковой заметки обо мне в газете.

Она в последнее время не знала, где я и что со мной. Бедная девушка... Но моё-то положение каково теперь! Ночь, когда совершено убийство, я был с ней на нашей общей квартире. Я оберегал её честь и имя, поставив на карту свою жизнь, и в то же время я же, может быть, буду причиной её смерти! Я грешен, Великий Аллах, но будь милостив к нам! Она умрет, не начавши жить; я же погибну под французским топором в качестве убийцы и грабителя! Умилосердись, создатель... Я плакал, как ребенок...

1887. – 23 сентября, № 28.

День суда приближался. Положение моё становилось отчаянным, и я терял всякую надежду на оправдание. Бесчестие и гильотина, казалось, нависли над моей головой неотразимо. Мне скажут: «К чему вы упорствуете и не хотите указать место, где провели день и ночь, когда совершено было убийство? Этим вы обрекаете себя на гибель и даёте возможность

⁵⁰ Торговец, оптовый купец, предприниматель.

действительному убийце скрыться от правосудия. Вы поступаете неумно». Об этом я сам думаю с первого дня привлечения к этому страшному делу, но до сих пор полагаю, что не имею права говорить... Читатель, вероятно, уже догадался, что 20 число прошлого месяца, когда совершено убийство вдовы, я провел с Маргаритой на нашей тайной квартире. Действительно, всё [время] после обеда и весь вечер до полуночи мы были вместе. Затем вышли и часа два прогуливались по Елисейским Полям⁵¹. Ночь была чудная, расставаться не хотелось. Прислуга меблированных комнат знает меня, знает об этих свиданиях, хотя густая вуаль всегда скрывала лицо Маргариты, а мой френгский костюм не давал им повода подозревать моё происхождение и национальность.

Убийство, как дознано следствием, совершено между вечером и полуночью 20 числа. Я мог вполне доказать, что был весь день и ночь в Париже и никак не мог совершить в то же время [того] убийства в деревне за двадцать пять вёрст от города, но для этого я должен был указать на свидания мои с Маргаритой и погубить доброе имя честной, счастливой девушки за то, что она полюбила меня и доверилась моему мужеству. Конечно, жертвуя её именем, я был бы спасён, но это не честно, не благородно. Раз она мне доверилась, я должен был не выдавать ее. Злоупотреблять доверием грешно и подло, хотя бы даже в таком случае, как мой.

Несчастье обрушилось на меня; чем виновата бедная девушка, что я для своего спасения должен покрыть позором её имя и отравить всю жизнь? Да, я могу легко спастись, но поступлю подло. Я этого не хочу. Должен искать другого исхода и не терять надежды на правосудного Аллаха, который не допустит меня погибнуть невинно...

Узнав о моём положении из газет, почти все знакомые навестили меня в тюрьме и выразили своё сожаление и надежду, что дело в конце концов выяснится, и я буду освобожден, но, увы, они, горько ошибались или просто говорили слова утешения.

Я не позволил бы себе указать Маргариту, но от неё зависело в крайнем случае добровольно стать свидетельницей и спасти меня. Сама она имела право располагать своей честью и именем, но, увы, тысячу раз увы, она теперь находилась в таком положении, что могла умереть ранее, чем гильотина обезглавит меня! Слабый луч надежды, светивший мне, погас с её страшной болезнью, и я готовился уже к смерти, к смерти бесчестной и позорной.

Я думал: согрешили мы, устраивая тайные свидания, хотя любовь наша была чиста, как любовь соловья и розы, но наказание, постигшее нас, слишком тяжко...

Аллах не всех карает так строго, но на то Его Святая Воля.

Через шестнадцать дней будет происходить мой суд. Каждый день и

51 Главная и самая широкая улица Парижа. Здесь проходили всемирные выставки 1844, 1855, 1867 и 1900 гг.

час приближал меня к неминуемой казни. Я молился и составлял письма к родственникам в Ташкент о том, что думаю уехать в Бразилию для религиозной деятельности среди негров, вывезенных из Африки и до сих пор сохраняющих ислам. Сообщая об отъезде на край света, я думал скрыть хоть от родного города мой позорный конец и охранить честь покойного отца. Все же деньги мои, оставленные им мне, должны были пойти к наследникам убитой вдовы и на расходы суда! Кто бы мог думать, что деньги, заработанные моим отцом, – да будет на нём благословение Аллаха! – пойдут к наследникам какой-то француженки. Поистине судьба непостижима.

Я сидел разбитый, почти полоумный, когда ко мне ввели мусье Шалона, отца Маргариты.

– ...Здравствуйте, мусье Аббас, что с вами, как вы сюда попали? Это невероятно, – обратился он ко мне и дружески пожал руку.

– Невероятно, да, но, однако, как видите, я здесь несомненно.

– Да... Не сомневаясь, что тут недоразумение, я желаю, мой друг, указать вам, что ваше положение серьёзно...

– Даже больше, чем серьёзно, оно безнадежно, но что же делать?

– Как, что делать? Вы говорите, точно дело идёт о сотне франков; вы рискуете честью и головой, скрывая от следствия некоторые обстоятельства жизни. Вы не должны молчать. Правда, молчание ваше благородно, но...

– Но спасая свою шкуру, я должен убить чужую честь и имя. Этого я сделать не могу. Пусть Аллах делает, что хочет, я предаюсь Его Воле. Прошу вас, мусье Шалон, не говорите об этом. Я очень признателен за ваше посещение, это большое утешение для меня... Да, извините, пожалуйста, я и забыл... Как поживает мадемуазель Маргарита?

– О, мой друг, она и я в отчаянном положении. Она сильно больна и в беспамятстве уже более недели, я теряю все надежды...

– Что же случилось? Успокойтесь, мусье Шалон. Молодые, здоровые организмы выносят не одну болезнь. Бог не без милости. Горевать не надо... Что говорят врачи? – я пожал ему руку.

– Они, видимо, ничего не могут сказать об исходе болезни. Если сегодня–завтра она придёт в себя, то надеются на выздоровление... Вчера как будто бы сознание вернулось, знаками попросила бумагу и карандаш. Дали. Едва шевеля рукой, она что-то хотела написать, но успела лишь начертить несколько слов, из коих можно было разобрать слова: «Нет, не он, ибо он был тогда...» Болезнь опять овладела ею. И она лежит без слов и движения...

Бедный француз плакал. Я не мог плакать. Что-то сдавило мне горло, я задыхался и только мысленно представлял себе несчастную девушку, которая в борьбе со смертью, забывая себя, делала последнее усилие спасти меня. Я понял, что она хотела писать о нашем свидании и открыть то, что скрывал я. Боже, Боже, будь милосерден к нам. Мы не сделали зла.

1887. – 1 октября, № 29.

Итак, друзья и знакомые, кои были в Париже, навестили меня. Сказав слова два в утешение, они ушли, чтобы позабыть, вероятно, чужого им Аббаса. Более близкий, как мне казалось, мусье Шалон тоже исполнил долг знакомства... Действительно близкое, как бы родное мне существо в этой чуждой, далёкой стране, бедная Маргарита при смерти или, может быть, уже нет её на этом свете! Бедная девушка, погибла ты через меня или, вернее, моё несчастье сразило и тебя... Я остаюсь одиноким и беспомощным перед ужасным обвинением и холодными, безучастными, хотя и вежливыми французскими чиновниками.

Теперь я сознавал, что значит друг, товарищ, приятель. Как было бы теперь сладко побеседовать с кем-либо близким! Но, увы, тяжкое одиночество, несчастье на чужбине и гроза неминуемого наказания окружали меня со всех сторон. Я часто пугался и вскакивал со своего места, представляя себя на ожидавшей меня гильотине. По ночам, когда удавалось уснуть, страшные сны наводили на меня ужас... Благодарю Аллаха, что я не лишился рассудка.

Мне был доставлен обвинительный акт, который я прочитывал много раз, чтобы найти какое-либо возражение. Все улики были против меня. Оставалось ждать и надеяться на Аллаха и святых, коим я думал поклониться здесь, предпринимая путешествие в страну френгов...

Сегодня около полудня меня вызвали из тюрьмы и под конвоем в закрытой карете повезли в суд. Так как у френгов во время суда присутствует много публики, мужчин и женщин, то я привёл свой вид и одежду в лучший вид: чистота и опрятность всегда приличны. В суде меня посадили на особое место, предназначенное для обвиняемых. Около меня стал жандарм, впереди занял место защитник. На противоположной стороне комнаты поместился прокурор. Около него сидели общественные (присяжные) судьи; вправо от меня были государственные судьи, а против них в некотором отдалении сидела публика – человек триста мужчин и женщин. Комната суда была столь обширна, что в ней могли уместиться четыре или пять туркестанских саклей с двориками. Вся обстановка напоминала приёмную великого хана.

Меня должны были судить присяжные. Это судьи, избираемые из среды общества. Это лучшая форма суда да и вообще лучшая выдумка френгов. Присяжные судят независимо от различных формальностей, руководствуясь лишь разумом и совестью. Скажут они «Виновен» – правительственные судьи назначают законное наказание; скажут «Не виновен» – обвиняемый тотчас освобождается. При суде присяжных виновному нелегко вернуться, хотя бы он ловко защищался, а невинный легко освобождается, хотя против него существуют формальные улики. Суд присяжных – это суд совести и сердца. Часто сердце видит более, чем глаз, а совесть подсказывает более, чем разум.

Прочитали обвинительный акт, сущность коего сообщена мной в предыдущих письмах. Председатель спросил меня о моём происхождении, религии, возрасте и о том, что признаю ли я себя виновным в убийстве известной читателям вдовы с целью её ограбления. Я ответил, конечно, что нет. Тогда начали читать все бумаги, относящиеся к делу, и показания свидетелей. Затем из особой комнаты по одному начали приводить свидетелей и вновь допрашивать пред судом. Вся эта процедура продлилась несколько часов, и судьи прервали заседание на несколько часов для отдыха. Через час суд возобновился. Уже несколько привыкши к торжественной обстановке суда, я, предав себя воле Аллаха, значительно успокоился и обдумывал, что сказать в своё оправдание. Только теперь я заметил, что в передних рядах между публикой сидели многие мои знакомые и мусье Шалон.

Все были задумчивы и серьёзны и лишь изредка перешептывались между собой.

Прокурор в своей речи доказывал, что вина моя несомненна, что нежелание указать местопребывание в день и ночь убийства весьма обыкновенная уловка, а потому, требуя безусловного обвинения, он указывал судьям, что вина моя усиливается тем, что я, мол, убил и ограбил женщину, принимавшую меня как доброго знакомого.

Защитник мой ничего особенного сказать не мог и просил присяжных дать мне большое снисхождение, так как дело представляет много загадочного, причём он лично убеждён в моей невиновности и прочее.

Когда председатель обратился ко мне с предложением сказать моё последнее слово, я встал. Все как бы притаили дыхание и обратились в слух. Я начал: «Господа судьи, не я убийца несчастной женщины, но все данные дела против меня. Найденные на месте преступления мой платок и кiset говорят против меня; отказ мой указать, где я был, когда совершалось это гнусное преступление, подтверждает их указание... Сказать, где я был в ту роковую ночь, — значит оправдать себя и погубить невинное и дорогое для меня имя. Сделать этого не могу, хотя и знаю, что рискую жизнью. Я надеялся, что следствие будет более успешно и откроет действительного преступника. Но этого не случилось, а потому, покоряясь своей горькой участи, прошу не оставить это дело и после обвинения меня, чтобы хоть поздно, но доброе имя моё было восстановлено. Не я убийца. Пусть Всемогущий поможет вам быть правосудными».

Я знал, что сказанное мной не оправдание, но большего я не мог и не хотел говорить.

В это время судебный чиновник доложил председателю, что две женщины желают дать показание по этому делу. Приказали ввести их.

Вошли две женщины, одетые в длинные чёрные платья и прикрытые густой вуалью. Только можно было заметить, что одна из них молода, а другая уже старая особа. Взоры и внимание всего суда и публики обрати-

лись к ним. Я не знал, кто они и что хотят сказать, но прибытие их несколько облегчало, успокаивало меня. Я надеялся, что они не пришли говорить против меня.

1887. – 16 октября, № 31.

Председатель суда, приступая к допросу загадочных свидетельниц, предложил одной из них удалиться на время в особую комнату. На это одна из незнакомок ответила, что она не свидетельница, но сопровождает свидетельницу как не совсем здоровую свою подругу. Тогда председатель, обращаясь к более молодой женщине, спросил: «Вы желаете показать что-либо по делу моллы Аббаса?»

– Да, – ответила едва слышно свидетельница и попросила позволения давать ответы сидя по случаю нездоровья. Ей это разрешили.

– Как ваше имя и фамилия? Прошу также поднять вашу вуаль, ибо суду надо видеть вас.

– Я не желаю сказать моё имя и не желала бы показать своё лицо.

– Тогда вы не можете быть свидетельницей, ибо суд может выслушивать только лиц, известных ему.

Свидетельница опустила голову и молчала. Видно было, что она боролась с вопросом: «Что делать?». Мне кажется, что все присутствующие чувствовали, что эта женщина должна сказать нечто очень важное по делу. Председатель повторил свой вопрос и требование. Тогда молодая свидетельница тихо подняла вуаль и едва слышно произнесла: «Маргарита Шалон».

Я подскочил на своей скамье. Счастье наполнило всё моё существо; я забыл и суд, и убийство и готов был броситься к моему ангелу-спасителю в ноги, но адвокат мой взял меня за руку и, поздравляя со спасением, просил успокоиться.

– Сколько вам лет и где вы живете? – допрашивал суд.

– Мне 18 лет. Улица NN, дом номер №№.

– Что вы хотите показать по сему делу?

– Я хочу сказать, что следствие и суд имеют дело с совершенно невинным человеком.

– Чем вы можете доказать это?

– Тот день или ночь, когда совершено известное убийство, Молла Аббас провёл со мной и в то же время не мог совершить убийство далеко за городом...

В это время между публикой произошло движение и некоторые люди воскликнули: «Доктора, доктора!» Суд приостановился, и я мог заметить, что несколько человек вынесли за двери суда бедного мусье Шалона! Несчастный отец, услышав показание своей дочери, свалился как мёртвый, а может быть, и умер... О, я видел, что несчастье не перестаёт преследовать меня: я спасён, но погиб или погибает отец моей возлюбленной!

Маргарита, вся закутанная, сидя спиной к публике, не заметила происшедшего. Председатель продолжал:

– Давно вы знакомы с г[осподином] молла Аббасом и имели ли с ним свидания раньше этого рокового дня?

– Да.

– Где вы принимали его: дома или в другом месте, и знает ли об этом кто-либо?

– Мы виделись в специально нанятой квартире, улица [такая-то]. Это могут подтвердить слуги тех меблированных комнат, хотя действительных наших фамилий они до сих пор не знают... Больше мне говорить нечего. Спросите двух лакеев Поля и Жана, которых я привела. Они ждут внизу.

Привели лакеев. Они признали молла Аббаса и свидетельницу, подтвердив суду, что молодые люди видались в отеле уже несколько месяцев и что в день убийства, действительно, мадемуазель и мусье провели всё время у них.

Присяжные быстро признали меня невиновным, и председатель объявил, что я свободен и могу получить обратно мои деньги и вещи. Не слушая его, я бросился к Маргарите. Публика аплодировала и кричала «Браво!». Мне было не до того: я увидел едва-едва живую мою возлюбленную, которая, раз взглянув на меня, закрыла глаза. Мне показалось, что она умерла. В глазах моих помутилось, и я не помню, что было дальше.

1887. – 25 октября, № 32

Когда я пришёл в себя и открыл глаза, то увидел, что нахожусь на кровати полураздетый. Около меня сидела сестра милосердия и что-то шила. Заметив моё пробуждение, она ласково сообщила, что в суде со мной сделалось дурно и что я перевезён к ним в больницу. Поблагодарив сестру, я спросил её, не знает ли она, в каком положении мусье Шалон и мадемуазель Маргарита, бывшие со мной на суде. Она ответила, что о них ничего не знает и заметила, что я могу оставить больницу без вреда для здоровья. При этом она встала и вышла, чтобы дать мне возможность свободно одеться.

Хорошие женщины эти сёстры. У френгов многие дамы и девушки, жажда добрых дел и помощи страдающим, добровольно отказываются от удовольствий жизни и посвящают свои силы, труды и знания в пользу бедствующих. Они обучают детей, смотрят за больными, а во время войны помогают и спасают раненых – как своих, так и вражых. Это служение добру и человечеству.

Хотя я чувствовал слабость, но решил немедленно ехать в дом г[осподина] Шалона и узнать об их положении. Простившись с сестрой милосердия и дежурным врачом, я нанял экипаж и поехал. Нерадостные вести ожидали меня в доме мусье Шалона! Он умер тогда же от удара, не быв в силах перенести впечатления от показаний дочери. Маргарита лежала едва

живая, но с надеждой на выздоровление, как сообщил мне врач, постоянно находящийся при ней. Ей, конечно, не сказали о смерти отца, сообщив, что экстренное дело вызвало его отъезд в Москву. Так как в газетах сообщались те или другие рассказы о нашей истории, то доктор приказал уничтожать все газеты, кои приносили в дом, а Маргарите запретил читать и говорить, не принимая в дом никого из посторонних. Доктор согласился допустить меня до больной с тем условием, чтобы я помог ему успокоить Маргариту по случаю внезапного отъезда отца в Москву. Она уже спрашивала, не оставлял ли отец ей письма и не писал ли с дороги. Бедная девушка! Она ждёт отца. Я должен лгать, обманывать, чтобы помочь ей выздороветь. Не думал я о таких приключениях, выезжая из Ташкента; не думал я, что желание поклониться праху «сорока мучеников» будет столь чревато последствиями. Посмотрим, что будет дальше. Если бы из Ташкента я поехал не на Запад, а на Восток, в Кашгар⁵², Учъ-Турфан⁵³ или Хатань, то, наверно, мои приключения были бы иного рода. Там одна, а тут другая жизнь. В Европе жизнь открытая, общая, бурная. Хочешь – не хочешь, а соприкасаешься с ней. Имеешь много удовольствий, развлечений, но зато очень легко попасть и в беду. Кто-то убил и ограбил богатую старуху. Меня за это чуть не повесили. Женщины тут не скрываются от мужчин и свободно бывают почти везде. Поэтому Маргарита могла видаться со мной тайно от отца. Открытие этой тайны убило его; но если бы тайна осталась тайной, я был бы обезглавлен. Известие о смерти отца может убить Маргариту, а её смерть будет тяжким ударом для меня! О, сорок святых, облегчите, упростите моё положение. Выезжая из Ташкента, я не думал ни о старухе, ни о мусье Шалоне, ни о Маргарите, а я думал о вас и шёл к вам!

Когда доктор ввёл меня к Маргарите, она тихо повернула к нам голову и улыбнулась. Я поцеловал протянутую ко мне слабую ручку.

[У френгов обычай целовать женские ручки]. Рука Маргариты – рука человека, спасшего меня от виселицы или судебного топора.

– Здравствуй, мой друг, – приветствовала она меня, – ты, видимо, совсем оправился... Очень рада... Но я ещё очень слаба... Плохо.

– Не беспокойся, мой ангел, – отвечал я, тронутый нежным, ласковым голосом Маргариты, – через несколько дней и ты тоже поправишься и простишь меня за причинённые тебе страдания.

– Ты в них не виновен. Прощать нечего, но я не прощу тебе твоё упорное молчание перед следователем и судом. Я могла не узнать о твоём положении, я могла умереть, не успев дать своё показание, и тогда ты был бы казнён, как подлый преступник...

52 С древних времён был одним из крупнейших и влиятельных экономико-политических центров. Много раз переходил из рук в руки, подпадая под власть Китайской империи, Тюркского каганата, Персидской и Монгольских империй, тибетской теократии.

53 Город на северо-западе Китая, в Сяньцзян-Уйгурском автономном районе.

– Мне было легче умереть, чем изменить твоему доверию. Не будем говорить об этом. Это уже прошло.

Глазами, полными слёз и любви, смотрела на меня Маргарита и затем, как бы оживившись, взяла меня за руку и сказала: «Аббас, ты спасён; страдания оправдают нашу любовь. Нам остаётся помочь правосудию открыть действительного убийцу... Я найду его... Только бы поскорей выздороветь... Скажи, пожалуйста, тебе ничего не писал мой папа? Зачем ему понадобилась столь внезапно Москва?»

– Писал. Выражает надежду, что дело моё окончится благополучно. Вернётся недели через две. Вызвала же его в Москву мошенническая проделка комиссионера. Тебе он, видимо, не пишет потому, что доктор запретил это. Всякое чтение и даже разговоры тебе вредны.

– Ты напиши ему об окончании дела, сообщи о моём показании. Узнает из газет – будет ему неприятно. Он простит нас... Он ведь добрый папа.

1887. – 6 ноября, № 33.

Я ещё не писал вам о парижской бирже и о прекрасном базаре драгоценностей, именуемом Пале-Рояль⁵⁴. Об этих двух базарах можно написать целую книгу, но я должен буду быть краток, чтобы успеть вовремя поговорить ещё о многом другом.

Парижская биржа – это довольно большая площадь, отлично вымощенная асфальтом и содержащая в совершеннейшей чистоте. Вообще улицы и площади Парижа не знают, что такое грязь, пыль и навоз. Френги не жалеют денег на чистоту города и доказывают цифрами, что чем более чисто и опрятно держать город, тем менее болезней между жителями. Здесь заведён такой порядок, что все нечистоты и сор уносятся водой подземными трубами далеко за город. Весь Париж построен на подземных галереях, служащих для водоснабжения и очистки города. Каждое утро тысячи городских рабочих подметают и промывают все улицы города, и он постоянно чист, зимой и летом.

Посреди биржевой площади стоит большое каменное здание биржи. Здесь целый день сотни банкиров и богачей ведут торг разными кредитными бумагами, как частными, так и государственными. Денежные знаки покупаются и продаются целыми выюками сразу на целые десятки миллионов рублей! Сделки на сотни тысяч считаются ничтожными.

Вокруг площади расположены банкирские конторы. Зайдём в одну из них. Вокруг стен большой комнаты стоят рядами прочные мешочки с золотом. У нас в хлебной лавке не найдёшь столько мешков с хлебом, сколько тут золота! Зато французы загребают его, как хлеб, лопатой и при размене крупных сумм вешают, а не считают. Денежные знаки пачками размеще-

⁵⁴ Площадь, дворец и парк, расположенные в Париже напротив северного крыла Лувра.

ны на полках, и в каждой такой конторе имеются на десятки миллионов. Этим-то господам должны все государства Европы и у них же занимают, когда нужны деньги. Нельзя не удивляться баснословному накоплению богатства у френгов и у их банкиров. Люди, имеющие миллион, тут вовсе не редкость, их считают просто богатыми людьми. Состояния в десятки миллионов тоже не редкость. Осматривая парижскую биржу, можно думать, что золото со всей земли собрано сюда как бы по волшебству, и наши домашние менялы и процентчики кажутся смешными с небольшими кисетами или столиками.

– Как и когда вы успели собрать столько золота? – спросил я у одного француза. – Ведь земля ваша не богата минералами.

– Да, земля наша не богата золотом, но каждый француз всю жизнь делает золото; весело, достаточно живёт, но все-таки много остаётся и накаплиется. Так идет дело уже несколько столетий.

– Как французы делают золото? Что вы хотите этим сказать?

– Каждый француз есть мастер своего дела. Произведения наши охотно покупаются во всех частях света. За искусство и знание наше из всех стран и от всех народов текут к нам золотые ручьи и образуют золотое море, которое вы теперь видите. Богатство француза в его руке и в его голове; рука умело делает, а голова умно соображает. Вот откуда золото. Только полудикие народы копают золото, искусные получают его легче и готовым.

– Машаллах, машаллах. Это верно. Искусство и работа – золотой источник, говорит наша пословица.

Действительно, искусство и знания современных европейцев делают их господами мирового базара и мировой торговли. Все прочие народы, как чернорабочие, работают для них! Правда, что знающий есть повелитель незнающего.

Не очень далеко от биржи есть базар драгоценностей Пале-Рояль. Это тоже площадь, но с цветниками, окружённая со всех сторон великолепными ювелирными магазинами. Глазам не поверишь, если осмотреть один из этих магазинов. Сколько тут золотых вещей, алмазов и бриллиантов! Сколько искусства, тонкости в отделке! Есть кольца, стоящие десятки тысяч рублей. Есть женские украшения, стоящие сотни тысяч, и эти вещи покупаются и дарятся не царями, не ханами, а простыми французами!

Обходя вокруг Пале-Рояля, в одном из боковых входов я заметил старого, седого, как лунь, араба, в длинном своём одеянии и белой чалме. Он сидел у небольшого столика и продавал разные африканские мелочи вроде духов, пахучих масел, сушёных фруктов и прочее.

Обрадованный встречей с единоверцем, я приветствовал его селямом⁵⁵. Он ответил и предложил мне место около себя. Мы разговорились и позна-

55 Приветствие на мусульманском Востоке, сокращенное из «селям-aleyкум», означающее «мир вам».

комились. Его звали Джелиал Магриби. Он из Магриба⁵⁶. Имея от роду 90 лет, он уже лет пятнадцать как странствует по френгским землям, торгуя мелочами. С первого же раза я заметил, что шейх⁵⁷ Джелиал – человек очень ученый и хорошо знающий Европу. Хорошо говорил он по-французски, по-английски, по-испански и по-итальянски.

С большим интересом он расспрашивал меня о Туркестане, Бухаре и, слушая мои рассказы, покачивал седой головой, бормоча: «Не то было прежде».

Узнав о целях моего приезда в страну френгов, он сообщил, что мне не удастся найти гробницы «сорока мучеников», ибо всякие следы их исчезли, но указал, что в соседней стране, в Испании, я могу найти памятники прежнего величия и цивилизации мусульман, причем почтенный старик глубоко вздыхал, точно он лично потерял там всё дорогое и хорошее.

Видя моё желание беседовать с ним, шейх Джелиал дал мне свой адрес и просил быть у него вечером следующего дня.

1887. – 13 ноября, № 34.

На следующий день вечером я воспользовался предложением шейха Джелиала и посетил его. Он занимал две небольшие комнатки: в одной были сложены его товары, а в другой помещался сам. Почти половина этой комнаты была занята полками различных книг – как мусульманских, так и френгских. Сочинения знаменитых европейских улемов⁵⁸ и философов тут были налицо. Я видел, что имею дело не с простым торговцем, а с учёным и мыслящим мусульманином.

Всё, что я видел в Европе, мне очень нравилось; я был в восхищении от цивилизации Запада и крайне сожалел об отсталости моих азиатских сородичей. На вопрос шейха Джелиала, как понравилась мне европейская жизнь, я дал самый лучший отзыв. Старик улыбнулся и заметил, что и ему так показалось с первого раза, ибо, продолжал он, внешняя, показная сторона европейской жизни блестяща, восхитительна, но не всё то золото, что блестит...

Эти слова шейха меня очень заинтересовали, и я прочно уселся для беседы с почтенным старцем. Не буду приводить здесь всех его речей, но сообщу вам резюме воззрений его, которые он подкреплял многими доводами и цифрами.

«Сын мой, – говорил шейх, – степень достоинства цивилизации имеет одно мерило – это сумма довольства и счастья, обеспечиваемых ею для

⁵⁶ Традиционно Магрибом называются земли между Сахарским Атласом на юге и атлантическим или средиземноморским берегом на севере, то есть северные части Марокко, Алжира и Туниса.

⁵⁷ Почётное название видного богослова в исламе.

⁵⁸ Здесь в значении «учёный».

людей. Как позднейшая цивилизация Европы много выше римской и греческой, но, увы, она столь же далека от своих истинных задач, как и её старшие сёстры. Имея начало в цивилизации Рима и Греции, европейская цивилизация влила в новые формы старую суть, и я не могу допустить, чтобы современный европеец, конечно, относительно был счастливее римлянина, хотя и обладает, по-видимому, большими ресурсами жизни.

Великие успехи в сфере знаний, чудовищное развитие промышленности, о коих не мог мечтать ни один древний, дали возможность Европе казаться совершенно новой и отличной от других стран и времён, но тем хуже для неё, что при этом, соответственно, не возросло людское счастье, и людские слёзы теперь так же горько льются, как в древности, и что хуже всего – и теперь люди так же мало способны и склонны осушать их, как то было в отдалённые времена.

И в древности, и теперь человек стремится лишь к личному благу, побуждаемый своей животной природой. Как в древности, так [и] теперь человек движим лишь «пользой». Деятельность, цели и нравственность прикреплены к «пользе» и вертятся вокруг неё... Но не всё полезное справедливо. Поэтому цивилизация Европы, если не породила, то широко развила различные секты протестантов, именуемых здесь социалистами, анархистами, которые готовы свергнуть человечество в ещё большие несчастья; это слепцы, желающие найти дорогу для заблудившихся зрячих...

Приведу тебе один пример ложности европейского пути – здесь в каждой стране ежегодно тратят миллионы на обучение людей – «с пользой» применять свои силы и способности; каждый европеец вооружается всеми средствами науки и индустрии, чтобы урвать себе побольше «пользы», но, увы, совершенно упущено из виду приучать их быть «справедливыми» и давать им силы оставаться всегда и везде таковыми.

Образование господствует над воспитанием; ум – над сердцем; эгоизм – над справедливостью. Ни богатства, ни промышленный прогресс [не] дадут счастья людям, а справедливость и науки, укрепляющие её. Весь блеск и шум Европы зиждется пока на колоссальном прогрессе индустрии техники; во всём остальном человек Европы недалеко ушёл от людей древности и человека других частей света. Тем не менее, европейцы стоят ныне во главе человечества и внесли много хорошего в общее достояние поколения Адама и Евы. Но грядущее откроет людям иные, более широкие горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие позади Европы, должны учиться у европейцев и воспользоваться их опытом и ошибками, чтобы прогрессировать в лучшем направлении и создавать лучшие формы жизни и людских отношений, чем те, кои мы видим здесь.

Уже пятнадцать лет я живу и странствую по Европе, изучая её и в жизни, и в творениях её мыслителей, чтобы, если угодно будет Аллаху, высказать мнение, которое, может быть, будет бесполезно для народов, готовых идти по стопам Европы».

Когда я вернулся от шейха, то застал у себя письмо от Маргариты. Я не был у неё в течение целой недели и очень обрадовался её письму, так как она, очевидно, настолько поправилась, что могла уже писать.

Вскрыв письмо, я, однако, был поражён несколько холодным тоном, хотя вся записка представляла образец самой изысканной любезности, на которую столь способны френгские женщины. Она звала меня быть у неё непременно утром в 11 часов. Почему в 11, если есть дело, и к чему эта деловая пунктуальность, если дело идёт о свидании любящих друг друга людей? Приглашение Маргариты обеспокоило меня, а шейх Джелял смутил мои мысли, так что ночь я провёл беспокойно, видя во сне то серьёзного учёного старца, то различные злключения с Маргаритой.

1887. – 23 ноября, № 35.

Когда я в назначенное время пришёл к Маргарите, она встретила меня со слезами, сказав, что любовь наша роковым образом была причиной смерти её отца, и потому она, как грешница, думает отказаться от мира и посвятить себя Богу. Это значило, что любовь, а может быть, и всякое знакомство наше должны были прекратиться.

Я был так поражён этим заявлением, что не знал, как возражать и утешать бедную девушку. Правда, я говорил ей, что мы не виновны во всём этом, что мой приезд в Париж и всё последующее суть предопределения, но это мало убеждало её, так как в Европе, хотя не отвергают участие Провидения в судьбах людей, но верят этому не так, как у нас.

Сказав ей, что во всяком случае она остаётся для меня дорогой и любимой женщиной, я ушёл, надеясь, что позже она успокоится, одумается, и любовь наша найдёт себе исход. Однако опасение потерять любимую девушку начало меня мучить. Большинству людей я не в состоянии объяснить те мучительные и вместе приятные чувства, кои испытывал после этого свидания с Маргаритой. В груди моей одновременно чувствовался и рай, и ад. Я не знал, что делать, что предпринять; учение бросил; окружающее перестало интересоваться. Только образ любимой девушки, носясь повсюду предо мной, то оживлял мою бедную душу, то мучил её невыносимо. Но я напрасно пытаюсь объяснить вам моё состояние: оно неопишимо. Меня может понять лишь тот, кто сам когда-либо любил, а это бывает не со всяким. Теперь я понял, почему Аллах в великой милости и премудрости своей обещал полное прощение грехов погибшим от безнадежной и честной любви! Велик Аллах!

Разум указывал мне, что нужно развлечься и стараться облегчить себя. Париж давил меня своей громадой. Великолепие его и безучастие окружающих ещё более отягощали меня, и я решил уехать, но я не знал, еду ли отсюда совсем или на время, я об этом не думал; я бежал от своего горя, от ада, который пылал и клочотал во мне самом.

Вспомнив совет и указание шейха Джеляла, я собрался в Испанию. Отсюда это недалеко. В стране этой когда-то был наиболее блестящий и знаменитый мусульманский халифат⁵⁹. Остатки этого царства в форме памятников архитектуры и иных сооружений рассыпаны по всей Испании и безмолвным, но правдивым языком рассказывают о бывшем величии мусульманской жизни и науки, указывая на возможность и в будущем развития и цивилизации между мусульманами.

Я приобрёл лучшие французские книги об Испании и рукописную историю испанского халифата на арабском языке от шейха Джеляла. При помощи этих книг я составил план обозрения Испании.

В несколько дней я окончил дела и приготовления к отъезду. Деньги мои через банк я перевёл в Мадрид, столицу Испании. В Европе нет надобности возить деньги с собой. Деньги переводят из города в город по твоему желанию за самое незначительное вознаграждение. Пропасть деньги не могут: банк или банкир даёт тебе небольшую бумажку с указанием, от кого и где получить деньги. Это даже лучше денег, ибо если потеряешь или украдут её, то деньги можно спасти, дав знать телеграммой о случившемся. Хотя я не получил от Маргариты ни одной строки, но перед выездом решил написать ей прощальное письмо, в коем сообщил, что еду в Испанию поклониться великим людям и учёным древнего мусульманского мира.

1887. – 30 ноября, № 36.

Я мчался по железной дороге к Пиренейским горам⁶⁰. За нами Испания с волшебной Андалузией, столь знаменитой в истории ислама и цивилизации мусульман. Я должен был проехать всю Францию. Какая чудная страна! Сколько тут видно труда, умения и богатства. Вся страна кажется бесконечным садом и владением одного знающего хозяина. Повсюду сады, чисто и аккуратно обработанные поля, обширные виноградники из конца в конец государства. Куда не помотришь – громадные, богатые сёла и деревни, соединённые меж собой шоссейными дорогами. Каналы, железные дороги и мосты – повсюду, где только нужно. Вся страна выглядит новенькой, чистенькой и праздничной. Здесь нет мрачных развалин, разброшенных зданий и мест, нет пустырей и видов разрушения. Всюду жизнь

59 Кордовский халифат (до 929 года – эмират) – средневековое мусульманское государство на территории современных Испании и Португалии (929–1031) со столицей в г. Кордова. Основано потомком Омейядов Абдар-Рахманом I, принявшим в 756 г. титул эмира. В 929 г. Абд ар-Рахман III объявил себя халифом. В X–XI вв. государство переживало период наивысшего подъема. После 1031 г. халифат распался на ряд эмиратов, значительным из которых был Гранадский эмират, где мусульманское владычество продлилось вплоть до 1492 г.

60 Горная система во Франции, Испании, и Андорре, между Бискайским заливом и Средиземным морем.

и деятельность; всюду люди и кипучая работа. Так и кажется, что Аллах благословил эту страну.

Через сорок три часа из Парижа я был уже на франко-испанской границе среди гор. Тут нас встретили испанские таможенные чиновники и как везде осмотрели вещи. Один из них, видимо, заинтересовался мной и спросил: «Вы вероятно мавр?»

– Нет, – ответил я, – ташкентский татарин.

– Из Средней Азии... Куда же вы едете?

– В Испанию.

– Вы торговец?

– Нет, смиренный поклонник.

– Чему же думаете вы у нас поклоняться?

– Святому праху и памятникам величайших мусульман, когда-то живших на вашей земле.

– А, да. Есть что посмотреть. Однако вы, вероятно, первый татарин, попавший в нашу землю из далёкой Азии... Приветствую вас и жалею, что поезд скоро отойдет и мне не удастся угостить столь редкого у нас гостя...

Испанец произвёл на меня отличное впечатление. Они, видимо, не менее деликатны, чем французы. Впрочем эти два народа родственны по крови, языку и вере, что, однако, не мешало им и, вероятно, не помешает ещё душить друг друга не хуже, чем то проделывали карабагцы над бакинцами или бухарцы над кокандцами.

Зная по-французски, я мог кое-что понимать и по-испански, а поэтому сравнительно очень скоро освоился с этой страной и, благодаря книгам, знал, где что есть, куда как ехать и т. д. В этом отношении все европейские страны предоставляют большое удобство для путешественника. Французский язык как международный везде понимают. В лучших гостиницах служащие должны его знать, не говоря уже об учёных людях.

Сначала я прибыл в Мадрид, чтобы видеть главный город этого царства. Современная Испания – это второстепенное государство с 16 миллионами жителей. Проехавши границу, я уже видел, что испанцы далеко отстали от французов. Вся их обстановка, вся их работа и жизнь далеко ниже французской. Сейчас видно, что этот народ не умеет ни работать, ни жить как их соседи. Сравнительная бедность, неряшливость, мизерные лачужки деревень, плохие сады, тощие поля, пустоши и многие развалины прямо говорили, что испанцы не далеко ушли в своей цивилизации и жизни. Однако, железные дороги и государственные учреждения и порядки указывали, что это есть часть Европы.

Испанцы – народ весёлый. Нигде нет так много песен и музыки, как тут; тем не менее, они очень религиозны и гораздо более посещают церкви, чем французы. Читая историю испанцев, я нашёл в них некоторое сходство с татарами: они любят часто свергать и восстанавливать своих правителей, как то делали татары [со] своими ханами.

Испания считается страной небогатой, хотя в прежнее время владела почти всей Америкой и многими островами⁶¹. Они привозили оттуда золото тысячами пудов, отнимая [его] у дикарей или выменивая на безделушки из стекла и т. п. В то время Испания считалась самой богатой страной. Но золото кончилось; Америка отошла от Испании, и она осталась тем, чем была, [то есть]. не умеющей и не любящей работать. Отсюда бедность. Пример Испании ясно показывает, что богатство не в золоте, а в умении работать. Богат и счастлив лишь тот народ, который умеет работать и производить продукты, потребные и покупаемые всеми народами. Таковы англичане. Их земля собственно не богата, но благодаря знанию и труду их произведения ценятся во всём мире и собирают им богатую дань со всех народов.

Испания – полуостров на юго-западной части Европы и омывается с Запада Атлантическим океаном, а с юга – Средиземным морем. Гибралтарский пролив отделяет её от Африки и мусульманских земель Марокко. Климат Испании умеренно-жаркий, позволяет расти здесь самым нежным плодам вроде винограда, гранат, персиков, апельсин и фиг. Хотя есть мало-водные и пустынные местности, но ещё более мест, обильных водой, богатейшими землями.

В следующем письме я расскажу вам, как завоевали эту страну мусульмане и какие успехи они сделали в цивилизации.

1887. – 7 декабря, № 37.

В прошлом письме обещал рассказать о завоевании Испании.

В 84 году Хиджры, в царствование халифа Валида⁶², мусульмане уже проникли до Атлантического океана, покорив весь северный берег Африки. Правивший африканскими владениями халифата Муса ибн Насыр⁶³, успев обратив в ислам всё местное население, задумал перебросить часть

61 С началом эпохи Великих географических открытий Испания стала одной из первых колониальных империй. Её колониальные владения находились в Америке, Африке, Азии и Океании. Французская оккупация Испании войсками Наполеона Бонапарта в 1808 г. привела к тому, что колонии Испании стали отрезаны от метрополии, а начавшееся впоследствии движение за независимость в 1810–1825 гг. привело к созданию ряда новых независимых испано-американских республик в Южной и Центральной Америке. Остатки испанской империи, в том числе Куба, Пуэрто-Рико и Испанская Ост-Индия, продолжали оставаться под испанским контролем до конца XIX в., когда большая часть этих территорий была аннексирована США после испано-американской войны. Оставшиеся тихоокеанские острова были проданы Германии в 1899 г.

62 Аль-Валид ибн Абдаль-Малик (668–715) – омейядский халиф, правивший в 705–715 гг. При нём была продолжена активная территориальная экспансия Арабского халифата, завоёваны обширные территории на Пиренейском полуострове, в Средней Азии и долине Инда.

63 Муса ибн Нусайр (640–716) – государственный деятель Арабского халифата, полководец, покоритель Магриба и Андалусии.

своего войска на ту сторону Гибралтарского пролива, чтобы предпринять завоевание Испании.

Беспорядки в этой стране и соперничество правителей, ослаблявших друг друга, разорили всю страну и облегчали арабам их задачу. В Испании было немало людей, которые желали вторжения мусульман и даже приглашали их, указывая на все слабые стороны своего правительства.

Правитель Муса, исподволь собрав все необходимые сведения об Испании и её положении, обратился к халифу с просьбой разрешить поход в эту страну. В рапорте своём он доказывал, что Испания красотой напоминает страны Ливана, климатом – счастливую Аравию, плодородием – Египет и минеральными богатствами – Индию. Муса предполагал по завоевании Испании двинуться во Францию и Германию, чтобы, покорив эти страны, дойти до Константинополя.

Сделав все нужные приготовления к походу, весной 92 года Хиджры небольшой отряд мусульман под командой Тарик ибн Зияда переплыл пролив, названный его именем, и высадился на берегах Испании. Тотчас вскочив на коня, Тарик обратился к войскам с[о] следующими словами: «Мусульмане, впереди враги, позади глубокое море. Нам остаётся один путь: победа и торжество».

Воодушевлённые войска с быстротой весеннего потока двинулись за своим вождём и в короткое время, разбив в многочисленных битвах врага, завладели почти всей страной. Королевская власть кое-как удержалась в горных, труднодоступных частях страны. Тем не менее, власть эта стала в зависимое от мусульман отношение.

Успеху мусульман, кроме храбрости и оружия, много содействовала их разумная, веротерпимая администрация. Обеспечение имущества и свободы покорённых много ослабляло силу их сопротивления, так что гуманность мусульман покоряла им не менее людей, чем острая сабля.

Вслед за Тариком сам Муса со вторым отрядом высадился в Испании и покорил местности, обойдённые первым военачальником. Однако честь завоевания, несомненно, принадлежит Тарику ибн Зияду. Это обстоятельство в связи с блестящей славой и обширной его популярностью возбуждали зависть и опасения Мусы, который кончил тем, что донес халифу на Тарика, обвиняя его в различных преступлениях, выдуманных довольно удачно. Вследствие этого оба военачальника были вызваны в Дамаск⁶⁴ и преданы суду. Муса, однако, успел оправдаться, а несчастный Тарик умер в бедности и забвении в 97 году. Тут ещё раз оправдалась татарская поговорка, что топор, соорудивший юрту, часто остаётся вне её.

В 113 году мусульмане перевалили через Пиренейские горы во Фран-

64 Один из старейших городов мира, столица Сирии. С 661–750 гг. Дамаск был столицей халифата династии Омейядов.

цию и, заняв Тулузу⁶⁵ и Бордо⁶⁶, подошли к Туру⁶⁷ и Пуатье⁶⁸. Тут, слишком удалённые от Испании, они ослабили в многочисленных стычках с врагами и не могли устоять против чрезвычайной силы, собранной против них Карлом Мартеллом. Проиграв большое сражение в окрестностях Пуатье, мусульмане быстро отступили в Испанию.

На поле этой знаменитой битвы я искал гробницу «сорока мучеников», но за давностью времени никаких следов найти не мог.

Испания подчинялась, как провинция, халифам Дамаска и управлялась их наместниками. Но с падением династии Омейядов⁶⁹, когда халифатство перешло в руки Аббасидов⁷⁰, один из уцелевших принцев падшей династии Абдурахман⁷¹ успел скрыться в Испанию, где и был провозглашен в 140 г. главой самостоятельного с тех пор испанского халифата.

Испанские мусульмане достигли значительной степени цивилизации. В науках, ремёслах и торговле они сделали большие успехи и были учителями Европы.

Халифатство это просуществовало восемьсот лет и пало по тем же причинам, кои погубили монархию готов⁷²: взаимные раздоры, общая деморализация. Разрушителем мусульманского государства в Испании был король Фердинанд⁷³. Последним мусульманским государем [в Гранаде] [был]

65 Город на юге Франции. В 721 г. Тулуза выдержала осаду арабской армии.

66 Город на юго-западе Франции, центр исторической области Аквитания.

67 Город во Франции на реке Луара, в месте слияния её с рекой Шер. 10 октября 732 г. Карл Мартелл одержал под Туром победу над маврами, чем и поставил точку в завоевании мусульманами Западной Европы.

68 Исторический центр области Пуату (запад Франции).

69 Правящая династия арабских халифов (661–750), берущая начало от мекканского курейшитского рода Омейя. В 750 г. в результате восстания Абу Муслима династия была свергнута Аббасидами.

70 Вторая (после Омейядов) династия арабских халифов (750–1258), происходившая от Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба (ум.в 653 г.), дяди пророка Мухаммеда. В 750 г. Аббасиды свергли Омейядов на всей территории халифата, кроме Аль-Андалуса. Эпоха Аббасидов – период расцвета исламской государственности и культуры.

71 Абд ар-Рахман I (по прозвищу «ад-Дахиль» («Пришелец»)) (731–788) – эмир с 756 г., основатель династии кордовских Омейядов, правившей большей частью Испании до 1031 г., и эмирата на Пиренейском полуострове.

72 Древнегерманский союз племён. Со II века н. э. до VIII века н. э. играл значительную роль в истории Европы. Это было объединение германских племён, вероятно, скандинавского происхождения. В первые века нашей эры они начали путь от Скандинавского полуострова и постепенно расселились к Северному Причерноморью и реке Дунай, достигнув аванпостов Римской империи.

73 Фердинанд II Арагонский (1452–1516) – король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя. Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской. При нём было гарантировано политическое единство Испании (1479), взятием Гранады закончилась Реконкиста (1492), произошло открытие Америки (1492), началась эпоха Итальянских войн (1494). Он начал эру могущества Испании, закончившуюся Филиппом II.

Му[хаммед] Абдаллах⁷⁴, сдавший город и власть Фердинанду, чтобы удалиться в Африку.

В следующем письме я сообщу вам кое-что о развитии знаний и памятников испанских мусульман.

1887. – 15 декабря, № 38.

При завоевании мусульман Испания представляла собой страну, богатую природой, но бедную культурой. Вскоре после завоевания они обратили её в цветущий сад, полный людьми, плодами и красотами. Роскошные сады, богатые нивы, тысячи разных мельниц, заводов, фабрик, многочисленные деревни, обширные благоустроенные города, фонтаны и оросительные каналы покрыли всю страну, подчинённую мусульманскому управлению. Прежнюю мертвенность заменила жизнь, пустыни обратились в нивы. Хорошие дороги изрезали страну по всем направлениям, содействуя торговле и сношениям людей.

Население увеличивалось со сказочной быстротой и поражало современников своим довольством и хорошей жизнью. По словам арабских историков, в одной долине реки Гвадалквивира⁷⁵ были расположены двенадцать тысяч деревень. В царствование эмира Юсуфа⁷⁶ каждую пятницу в трёхстах тысячах мечетях читалась хутба⁷⁷! Страна была усеяна 80 большими и 300 малыми городами. Столица халифата Кордова имела двести тысяч домов, шестьсот мечетей, пятьсот больниц, восемьсот ме-

74 Мухаммед XII Абу Абдаллах, известный как Боабдиль (1459–1527/1533) – последний эмир Гранады в 1482–1483 и 1485–1492 гг.

75 Гвадалквивир – пятая по протяженности река в Испании (657 км.), площадь бассейна 57 тыс. км.

76 Мухаммад I ибн Юсуф ибн Наср, известен под прозвищами аль-Галибби-ллах (Побеждающий во имя Аллаха) и аль-Ахмар (Рыжий) (ок.1194–1273) – эмир Гранады в 1232–1273 гг. Мухаммаду I удалось сохранить Гранадский эмират как единственное независимое мусульманское государство на Пиренейском полуострове. За годы правления Мухаммада I экономика эмирата быстро развивалась. Резко выросло и население Гранадского эмирата – в первую очередь за счёт переселения сюда многих тысяч мусульманских семей из занятых христианскими государствами районов. Благодаря этому был уравнен дисбаланс в численности арабского и берберского населения, имевший ранее место.

77 Мусульманская проповедь, совершаемая имамом по праздникам и во время пятничного полуденного богослужения в мечети.

дресе и девятьсот общественных бань. Гренада⁷⁸, Севилья⁷⁹, Толедо⁸⁰ соперничали в блеске и богатстве с Кордовой.

Государственные доходы халифата были более всей суммы доходов тогдашних государств Европы. Управление – внутреннее, военное и морское – не имело себе подобного. Купцы и произведения испанских мусульман проникали во все страны. Блеск, богатство и знания их освещали восток и запад. Едва ли какая другая страна родила столько учёных. Мы имеем под рукой небольшой список, заключающий имена 203 улемов, написавших до тысячи книг по всем отраслям наук, знаний и искусств.

Жаль только, что большинство этих книг было уничтожено испанцами под влиянием фанатизма и вражды ко всему мусульманскому.

Земледелие, медицина, хирургия, естественные науки, математика, астрономия, логика и философия достигли особенного развития между испанскими мусульманами. Халифы дорого платили за каждую книгу и глубоко почитали всякого учёного, всякого мастера. Дворец халифа не был только жилищем хорошеньких женщин – он представлял собой также храм науки и собрание великих мужей знания и искусств.

Как велико было уважение к науке, видно из того, что библиотека халифа Абдурахмана III⁸¹ в Кордове заключала шестьсот тысяч книг! Общественных библиотек в государстве было семьдесят, открытых всегда для публики и учащихся.

Мы раньше заметили, что европейцы, обучаясь в Испании у мусульман, перенесли в Европу много знаний и ускорили расцвет новейшей науки и цивилизации. В этом отношении заслуга испанских мусульман и их жизни вполне признается европейскими учеными.

К несчастью, с падением халифата поголовное изгнание мусульман из Испании погубило их умственные плоды и культуру, так что современная Испания в век пара и электричества – лишь развалина в сравнении с тем, что было за шестьсот лет! Однако до сих пор целы многие памятники, рисующие нам бывшее величие и цивилизацию единоверного нам народа.

78 Город в исторической области Андалусии на юге Испании. С 1238 г. по 1492 г. столица последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове – Гранадского эмирата.

79 Город на юге Испании. После распада Кордовского халифата в Севилье укрепилась династия Тайфа, при которой город достиг расцвета. В 1091 г. Севилью завоевали берберы. 22 ноября 1248 г. войска Фердинанда III Кастильского после полуторамесячной осады взяли Севилью, которая с тех пор оставалась во власти христианских испанцев.

80 Город и провинция в центральной части Испании.

81 Абд ар-Рахман III (891–961), прозванный «ан-Насир» («Победоносный») – эмир с 912 г., халиф с 929 г. из династии кордовских Омейядов. Восстановил полуразвалившийся при его предшественниках Кордовский эмират. В 931 г. взял Сеуту, в 932 г. – Толедо. С 955 г. заставил королей Леона и Наварры платить ему дань. Отвоевал у Фатимидов часть Магриба.

Полюбуйтесь знаменитой мечетью в Кордове⁸², ныне обращённой в католический храм, или великолепной Альгамброй⁸³ в Гренаде – и перед вами оживёт грандиозная, величественная картина могучей жизни и чудной цивилизации, которые в дальнейшем своём развитии, может быть, создали бы жизнь более нравственную, более счастливую, чем имеют люди теперь, если бы неумолимая рука судьбы и испанского вандализма не уничтожили её с корнями.

Я счастлив, что судьба привела меня поклониться этой далёкой земле с её великими памятниками. Тут прочувствовал я много хорошего и испытал немало радостей, волнуемый часто и сожалениями, и надеждами.

1887. – 21 декабря, № 39.

Описывать все памятники мусульманской жизни и цивилизации, осмотренные мной в разных городах Испании, потребует очень много места. О них следует написать особую книгу.

Упомяну лишь о великой мечети в Кордове и дворце Альгамбра в Гренаде. Кордуанская мечеть заложена в 770 г. Хиджры халифом Абдурахманом⁸⁴. Эта грандиозная молельня сооружена вся из дорогого мрамора с куполом, покоящимся на восьмидесяти колоннах. Вид мечети грандиознее, внутренняя отделка великолепнее стамбульской Айя-Софии, большой каирской мечети и других сооружений подобного рода. Освещение храма так рассчитано, что производит на зрителя глубокое впечатление. Строгая симметрия всех частей, красота и величие общего вида, воздушные арки,

82 Мескита или Кордовская соборная мечеть – римско-католический собор (в прошлом – мечеть), расположенный в андалусском городе Кордова. В Средневековье была второй по величине мечетью в мире. Строительство мечети было начато в 784 г. в период правления халифа Абдуррахмана I. Это была самая великолепная из более чем 1 000 мечетей в городе. Здание известно своими гигантскими арками с более чем тысячей колонн из яшмы, оникса, мрамора и гранита. Они были сделаны из частей римского храма, который существовал на этом месте ранее так же, как и другие разрушенные римские здания. Двойные арки были новым введением в архитектуру. Они помогали поддерживать огромный вес более высоких потолков. Двойные арки состоят из более низкой арочной подковы и верхней полукруглой арки. Мескита также богато украшена позолоченными молитвенными нишами. Расположенный в центре купол усыпан красивыми синими плитками в форме звезд. После испанской Реконкисты была преобразована в церковь, а некоторые детали интерьера вроде колонн и арок были стилистически заменены на византийский лад.

83 Архитектурно-парковый ансамбль, расположенный на холмистой террасе в восточной части города Гранада в Южной Испании. Основное развитие получил во времена правления мусульманской династии Насридов (1230–1492), при которых Гранада стала столицей Гранадского эмирата на Иберийском полуострове, а Альгамбра – их резиденцией (сохранившиеся дворцы относятся преимущественно к XIV в.). В состав обширного комплекса, заключённого в крепостные стены с башнями, входили также мечети, жилые дома, бани, сады, склады, кладбище. В настоящее время является музеем исламской архитектуры.

84 Абд ар-Рахман I.

соединяющие колоннаду храма, непритворно и беспристрастно говорят нам о духе народа-строителя, великом, красивом и житнетворном, каковым представляется кордуанская мечеть, — воплощение духа и вкуса арабов.

Я целую неделю осматривал и любовался этой большой мечетью, каждый день открывая в ней новые красоты и новые мысли гения строителей. Вслед за французским путешественником Густавом Доре⁸⁵ не могу не заметить, что пристройка и небольшие переделки, сделанные испанцами, чтобы уничтожить мусульманские надписи, много повредили цельности красот мечети.

Другой памятник, привлекающий ежегодно массу туристов и художников, — это Альгамбра, дворец халифов Гренады. Дворец этот состоит из нескольких дворов и множества построек, сооружённых одновременно разными халифами. Тем не менее дворец представляет нечто цельное во всём своём разнообразии; идея красоты и симметрии в кажущемся беспорядке выдержана от начала до конца. Мозаика и арабески, украшающие Альгамбру, сохранились до сих пор так же, как многие надписи, пощаждённые невежеством испанцев. Так, над Воротами Закона, можно прочесть арабскую надпись куфическими и африканскими письменами, указывающую, что ворота окончены в 749 г. [1348 г.].

Так как мусульмане избегали рисунков одушевлённых предметов, то всё их искусство в живописи вылилось в изображениях растений и различных узорах, называемых арабесками. Затейливость и красота арабесок Альгамбры в мозаике или на мраморе до сих пор поражают всякого наблюдателя и служат образцами этого рода искусства, хотя подражания никогда не достигают достоинства оригинала.

В первое моё посещение Альгамбры я пошёл туда с проводником и описанием дворца на французском языке. Нас встретил смотритель и дал прислужника, чтобы показать это чудо мусульманского зодчества, единственное в мире по своему характеру и стилю. Каждый шаг в пределах дворца и его дворов приводил меня в восторг, и только мысль о том, что это призрак прошлого и погибшего, отравляла восторженность моего духа!

Я сообщил смотрителю, весьма любезному испанцу, что приехал из далёкого Туркестана, чтобы поклониться памятникам ислама в Испании, и просил его позволить посещать дворец каждый день. Таким образом, всё время я проводил много часов в обозрении дворца и созерцании окружающих красот, ибо Альгамбра сооружена на горе над Гренадой. Сочетание самых счастливых условий делают всю эту местность едва ли не лучшей во всём мире. Арабские историки считают окрестности Гренады лучше, чем таковые Дамаска и Багдада. Вода умеряет жар. В Гренаде чем жарче, тем более воды, благодаря близости вечно снежной Сиерра-Невады⁸⁶, регулирующей климат и оплодотворяющей всю местность, которая производит самые нежные плоды и цветы юга.

85 Поль Гюстав Доре (1832–1883) — французский гравёр, иллюстратор и живописец.

86 Горный хребет на юге Пиренейского полуострова, часть Кордильеры-Бетики. Находится на территории Андалусии.

В течение месяца каждый день я посещал Альгамбру и его окрестности, часто ночуя во дворце у одного из служителей, который, конечно, за деньги кормил и поил меня. Тут я бродил и перед утренней зарею, и в лунные ночи, сопровождаемый воспоминаниями, впечатлениями и разными мыслями, теснившимися в голове под влиянием истории и местности, действительно, чудесной. Правы были арабы, назвав парк с небольшим увеселительным дворцом «Генералиф»⁸⁷ (испорченное от арабского «Дженнет эль-Ариф», т. е. «Рай Арифа»).

Была чудная лунная ночь. Устав бродить по обширным дворам и галереям Альгамбры, я присел в тени колоннады Львиного Двора⁸⁸, на коврике моём, который тут лежал постоянно для молитв. Увлекаемый молчанием ночи и красотою до сих пор великолепного двора, хотя фонтаны львов не бьют уже ключевой водой, я представлял себе то время, когда двор этот был оживлён блестящей свитой халифа, послами королей и учёными мусульманами, дававшими жизнь и силу всему народу... Воображение было столь сильно, что мне казалось, что передо мною действительность. Но вдруг всё исчезло, мысли мои путались... Полёт какой-то ночной птицы на минуту нарушил тишину, и затем опять всё стихло, как в гробу... Ночь была восхитительна; полулёжа, я оставался очарованный... Вдруг со стороны Миртового Двора⁸⁹ донёсся до меня лёгкий шум, похожий на шёпот и говор людей. Кто бы это мог быть? Сторожа давно спят, и они далеки отсюда; посторонних на ночь сюда не пускают... Шорох и шёпот приближался. Я забился под самую стену, в тень и стал выжидать не то с любопытством, не то с боязнью. Каково же было моё удивление, когда во двор вошли двенадцать дев, одна прекраснее другой, и стали вокруг Фонтана Львов⁹⁰! Я притаил дыхание и замер... Кто они, откуда, зачем? Одна из дев громко прочла

87 Хенералифе (от араб. Jannatal-'Arif) – бывшая загородная резиденция эмиров династии Насридов, правивших Гранадой в XIII–XIV веках. Сады Хенералифе находятся на холме Серро-дель-Соль; вместе с расположенными немного западнее крепостью-резиденцией Альгамбра и жилым районом Альбайсин, которые образуют средневековую часть города.

88 Patiodelos Leones – знаменитый двор посредине Львиного дворца династии Насридов в составе резиденции Альгамбра.

89 Центр композиции дворца Комарес – официальной резиденции эмира. Является самым знаменательным местом Альгамбры. Посредине дворика находится мраморный водоём размерами 34×7,1 м., куда подаётся вода из двух фонтанчиков по коротким сторонам прямоугольника. По длинным сторонам он обсажен постриженной изгородью из мирта, по которому двор получил название.

90 Фонтан Львов (Fuentedelos Leones, Альгамбра), изображающий двенадцать стилизованных львов, держащих на спинах двенадцатигранную чашу, расположен посредине центрального двора Дворца Львов (Palaciodelos Leones) – частных покоев эмира. Долгое время существовала версия, что фигуры львов сделаны ещё в XI в. и происходят из дома визирия Шмуэля ха-Нагида, а поскольку он был иудеем, они якобы символизировали двенадцать колен Израиля. Однако при реставрации фонтана в начале XXI в. выяснилось, что и львы, и чаша сделаны во время строительства дворца, то есть во второй половине XIV в. Чаша также украшена стихами Ибн Замрака.

мусульманскую молитву, и я понял, что вижу невольно мусульманок, вероятно, арабок. До сего безмолвный бассейн зашумел золотистыми струями воды, и прекрасные мусульманки совершили лёгкое омовение. Я не верил глазам, но явление было очевидно. Постлав тут же свои шёлковые покрывала, девы стали на молитву и, окончив её, тихо направились обратно...

Фонтан иссяк вновь. Гробовая тишина воцарилась. Я встал и, еле слышно скользя по мраморным плитам, пошёл за ними, чтобы узнать, кто и откуда они.

1887. – 31 декабря, № 40.

Медленно обошедши Миртовый двор, арабские красавицы вошли в Башню Принцесс⁹¹. Казалось, что великолепный гарем повелителя Андалузии был перед моими глазами. Не видно было только чёрных слуг, детей Судана. Ни шума, ни говора; мёртвая тишина и безмолвный скромный лунный свет царствовали над таинственной картиной, коей я был невольным свидетелем. Вслед за красавицами и я вошёл в Башню, думая, что они уже прошли далее, но, увы, эта неосторожность выдала меня. Когда я вошёл во вторую комнату, то был встречен возгласом: «Чужой, неверный, о, милосердный Аллах!» Хотя я был крайне смущён, но, отступив на шаг, объявил, что я друг и мусульманин, и что Премудр Аллах, приведший меня сюда, помимо знания и желания. Незнакомки несколько успокоились и переглянулись между собой. В этот момент одна из мраморных плит пола тихо поднялась, и из-под неё показалась белая чалма чьей-то головы. Я положительно не знал, что думать и как быть, увлечённый, поражённый глубокой таинственностью всего явления в знаменитой Альгамбре, покинутой тому пятьсот лет назад!

Вслед за чалмой из подземелья выдвинулся целый старец, седой, как лунь, и, когда одна из дев обратилась к нему с указанием на моё присутствие, он повернулся в мою сторону и, пристально взглянув на меня, воскликнул: «Сын мой, Молла Аббас, ты ли это?» Тут только я разглядел, что передо мной стоит почтенный шейх Джелял, которого, как, вероятно, помнят читатели, я видел в Париже. Это был, несомненно, он.

– Это я, Аббас, но премудры дела Аллаха! Ничего не понимаю в том, что тут вижу...

– Тебе, мой сын, суждено видеть ещё многое... Тогда всё поймешь. Подойди сюда.

Я вошёл в середину комнаты. Девы с любопытством и не без боязни рассматривали меня. «Спускайся», – приказал мне шейх, указывая на подземелье. Видя мою нерешительность, он прибавил: «Я и эти мусульманки

91 Башня Принцесс (Torre de las Infantas, Альгамбра). В XVI в. называлась башней Руиса-и-Кинтарная (Torrede Ruiz y Quintarnaya) по имени её жильца, а современное название получила в XVII в., поскольку её связали с легендой о принцессах Заиде, Зораиде и Зорагаиде, позже пересказанной Вашингтоном Ирвингом в «Альгамбре».

пойдём за тобой... не бойся». Не отдавая себе отчёта, я опустился в жерло неведомого подземелья и начал сходить осторожно вниз по каменным ступеням. Было так темно, как не бывает над землей. Сойдя ступеней сорок, я остановился... Боязнь проникла в душу, и в голове блеснула мысль, куда и зачем я иду... Но сзади послышались шаги и блеснул красный свет фонаря. Через минуту подошёл ко мне шейх Джелял, а за ним вереницей с фонарями шли девы.

«Иди, мой сын, не смущайся, – ободрил меня шейх, – дорога одна». Спустившись ещё ступеней сорок, мы очутились в обширном подземелье с каменными стенами и таковым же сводом. Меня обдало сыростью. Шейх Джелял быстро подошёл к одной стене и с удивительной ловкостью вытаскивал несколько камней. Образовался проход. Спутницы наши одна за другой скрылись через это отверстие. Шейх пропустил туда же и меня, дав фонарь, чтобы подержать с той стороны. Сам он, укрепив несколько камней, ползком пролез ко мне и ловко заложил последний камень.

Тут мы поднялись ступеней десять наверх и очутились в другой подземной зале. Все двенадцать дев были тут и творили утреннюю молитву, когда мы вошли.

Всё это происшествие настолько было удивительно и глубоко интересно, что мысли мои совершенно путались, но, видя около себя почтенного шейха, своего парижского знакомого, я не боялся за последствия моего любопытства и ждал удобной минуты, чтобы расспросить обо всём этом... Мы, очевидно, куда-то шли, но шли под землю, скрывая следы и заделывая таинственные проходы...

Второе подземелье, в коем мы очутились, было также с каменными сводами и столь же обширно, как и первое. У входа, откуда мы вошли, лежала груда земли свежевырытой. Взяв лежавшую тут же лопату, шейх Джелял начал засыпать вход, откуда мы поднялись. Я помог ему в этом деле, и через четверть часа вход был засыпан, утрамбован, и две каменные плиты совершенно маскировали его. Теперь я понял, что путь наш скрыт. Если бы кто-либо, случайно открыв подземелье под башней Принцесс, и проник бы в первую залу, то, увы, он не мог бы догадаться, что и далее есть неведомый путь.

Окончив молитву, одна из дев сняла висевшую на стене корзину и разложила на полу различные фрукты и хлеб. Небольшая корзиночка была подана шейху с закуской для него и меня. Я видел, что имею дело с людьми, которые говорят, молятся и едят... Но тем не менее всё это было крайне странно и необыкновенно. Несколько успокоенный, я был пожираем любопытством... Освежив себя несколькими сочными персиками, такими душистыми, какими они не бывают у нас на земле, я обратился к шейху:

– Я знаю, что мы идём под землю, но, однако, куда же мы должны прийти по этой удивительной дороге? Это вовсе не похоже ни на караванные пути Туркестана, ни на железные дороги Френкистана.

– О, мой сын, это, действительно, удивительная дорога. Ты видел начало, увидишь и конец её... Из Башни Принцесс мы спустились в казнохранилище халифов Гренады, оттуда мы прошли в это подземелье, которое зовётся Комнатой спасенья. Сюда никто никогда не войдет, кроме посвящённых.

1888. – 8 января, № 1.

Пояснение шейха Джеляла, что первое подземелье было когда-то казнохранилищем халифов Андалузии, а второе – Комнатой спасенья, мало объясняло моё странное положение и ещё менее удовлетворяло разгорячённое любопытство.

– Благодарю вас за это сообщение, но, ради Аллаха, скажите мне, куда же мы идем... При всем моём доверии к вам, я чувствую себя неловко, – обратился я к шейху.

– Не бойся и не смущайся, мой сын, – отвечал шейх, – спутницы твои не менее достойны доверия, чем я... Мрачная тёмная дорога приведёт тебя в светлую чудную страну.

– О, Всемогуший, не помешался ли я! Какая же может быть страна, да ещё светлая, в недрах земли?. Изучал я и географию, и геологию, но ни о чём подобном не слышал...

Девы между тем, видимо, собрались в дальнейший путь и, стоя с фонарями в руках, ожидали указания шейха.

– Ты скоро об этом услышишь... Как выберемся на свет Божий, я попрошу Фериде Бану⁹² (очевидно, так звали одну из дев) сообщить тебе историю страны, в которую идём этой диковинной дорогой... Не смущайся, сын мой. Теперь нам надо торопиться вперёд и, по возможности, менее говорить. Мы находимся глубоко под землёй; воздуху здесь мало, и он значительно испорчен. Может сделаться дурно... Надо торопиться – объяснить же успеем, – сказал шейх и знаком предложил девам идти. Мы с шейхом пошли вслед за ними. Проход из Комнаты спасенья шёл прямо и горизонтально. Выложен он штучным камнем наподобие европейских тоннелей. По проходу мы шли попарно, освещая путь фонарями. Огонь горел тускло, кое-где просачивалась вода. Было сыро. Мы молча шли, по крайней мере, часа два. Я чувствовал уже большую усталость, когда заметил впереди луч белого света. Фонари угасли, и прекрасные мусульманки с возгласом «Велик Аллах!», весело побежали вперед... Это был выход из подземного хода. Через пять минут и я с шейхом Джелялом выш[ел] на свет Божий. Но, видно, что чем дальше, тем более я должен был поражаться моим путешествием! Выйдя из прохода, мы очутились в глубочайшем сухом колодце, иначе я не умею назвать небольшое пространство саженей в сорок длины и ширины, усыпанное обломками камней и окруженное со всех сторон отвесными скалами, уходящими под небеса... Подняв голову вверх, я увидел

⁹² Вежливая форма обращения к женщине.

в высоте клочок светлого голубого неба и был несказанно обрадован чувством, похожим на такое, какое, вероятно, каждый ощущал, проснувшись после страшного сна... Колодец, в котором я находился, имел, по крайней мере, триста сажен глубины и был совершенно безжизнен; однако воздух здесь всё же был легче и приятнее, чем в подземельях... Все мы расселись отдохнуть. Шейх Джелял и я совершили утренний намаз⁹³. Ещё не было поздно. Желая быть скромным, я молчал, но шейх, зная, в каком я был возбуждённом состоянии, обратился ко мне: «Сын мой, скоро ты присоединишься к счастливому народу... Вон напротив проход, через который мы в четверть часа выйдем в страну Спокойствия».

– На земле ли эта страна, мой шейх? Удивительно.

– Да, но страна эта никому не известна. Географы и историки востока и запада никогда ничего не слышали о ней...

– Велик Аллах! Страна эта, однако, должна находиться в пределах Испании... Мы находимся в нескольких часах пути от Гренады... Ничего не понимаю! В наше время измерены и изучены чуть не все части света, между тем никто и не подозревает о существовании страны Спокойствия около Гренады или под нею, не знаю, как выразиться...

– Трудно будет тебе ориентироваться, пока не узнаешь все подробности... Не утруждай свою голову, будь терпелив.

После этого замечания шейх подозвал наших спутниц и отрекомендовал меня следующим образом: «Вы не пугайтесь этого человека; это мусульманин из далёкой страны Туркестана; хотя все мусульманские страны покрыты мраком незнания, как и страны европейские, но тем не менее науки не совсем заброшены у них; некоторые из жителей тех стран кое-чему учатся и слынут на своей родине за великих учёных... Нашего случайного путника зовут Аббасом; он учился кое-чему в Ташкенте и затем в Париже, так что, я надеюсь, он стоит на пути к добропорядочности, человечности и может понять кое-что из жизни нашей страны... Будьте к нему снисходительны и не удивляйтесь его невежеству, позже он освоится с нашей жизнью и приблизится к цивилизованным людям...» Эта странная рекомендация, представлявшая меня невеждой и чуть не дикарём, коробила меня, но что же я должен был делать в моём загадочном положении? Продолжая свою речь, шейх обратился ко мне: «Эти двенадцать дев – высшие по успехам ученицы храма науки и нравственности. Ежегодно в ночь рождения Пророка таковые ученицы в награду проводятся в Альгамбру для обозрения родной страны и древней родины... Из Башни Принцесс видны многие места Андалузии... Это величайшая награда для мусульман нашей страны... Ты можешь говорить с ними свободно; хотя ты плохо говоришь по-арабски, но они настолько учёны, что поймут тебя... Имей в виду, что

⁹³ Фаджр – предрассветная молитва в исламе. Является первой по счёту из пяти обязательных ежедневных молитв, образующих в совокупности второй из пяти столпов ислама.

всякий твой взгляд, всякое движение служит для нас словарём, чтобы читать в твоей душе; в нашей стране нет зла, ты ничего не бойся, но старайся лишь быть хорошим и благовоспитанным гостем, насколько умеешь и можешь... Фериде Бану будет любезна рассказать тебе историю нашей страны, и ты узнаешь многое...»

Когда старик умолк, девы сказали мне общий «селям» и выразили благопожелания. Я тоже отвечал на «селям» и, желая показать им, что туркестанцы не совсем невежды, скомбинировал приветствие в стихах, восхваляя их чудную красоту и выражая мою радость по случаю счастливого знакомства... Выслушав меня, девы усмехнулись, причём одна из них заключила, что, вероятно, таков туркестанский обычай...

1888. – 17 января, № 2.

Отдохнув немного, мы двинулись в дальнейший путь. Входя в подземный ход противоположной горы, я заметил, что фонари, находившиеся в руках дев, зажглись как бы сами по себе. Тут только я обратил внимание, что свет их отличался от такового обыкновенных, известных нам ручных фонарей. Оказалось, что спутницы мои обладали особым устройством электрическими фонарями, которые светили или потухали от прикосновения к той или другой пуговке. Фонари светили силой науки, без свечей, сала или фотожена⁹⁴! Это обстоятельство намекнуло мне, что люди, с которыми судьба меня сводит, не отстали, по-видимому, от Европы в физике и механике, хотя, по словам их, непосредственных сношений с этой частью света они не имеют.

С полчаса мы шли подземной дорогой – галереей и наконец достигли большой сводчатой залы вроде двух, уже пройденных раньше. Тут шейх Джелял, обращаясь ко всем нам, сказал: «Путешествие наше благополучно окончено, мы сейчас выйдем на свет Божий и будем в Стране Спокойствия. Ход и выходы в нашу страну составляют самую важную государственную тайну, а потому, чтобы войти туда, вы должны завязать ваши глаза...»

Все девушки окутали свои головы и лица, я обвязал глаза платком... Несколько минут мы стояли в этом положении. Слышно было, что шейх Джелял что-то делал в стороне, в глубине подземелья... Наконец, предложив девушкам взяться за руки, он подал им одну руку, а другой взялся за мою и предложил идти... Мы тихо двинулись гуськом, следуя указаниям движения руки шейха. Шли то направо, то налево, делая круги и зигзаги, и я потерял всякое сознание направления. Спустя минут пять мы вошли в какую-то галерею и начали, очевидно, подыматься в гору. Наконец шейх предупредил нас, что впереди лестница. Мы поднялись ступеней двадцать и остановились. Шейх произнёс: «Мы благополучно возвратились...» Что-то открылось, и я почувствовал, как пахло свежим воздухом... Пошли

94 Световыделяющее вещество.

далее и, сделав несколько оборотов в разные стороны, наконец остановились. Слышно было журчание воды, свежий здоровый воздух давал себя чувствовать ещё более. Страх чего-то и любопытство так перепутывались во мне, что я не могу определить, что, собственно, происходило во мне. «Можете развязать себе глаза», – сказал шейх... Когда я снял повязку, то увидел себя в светлой обширной и меблированной по-восточному комнате. У одной из стен журчал гранитный фонтан, а около фонтана, держа чистые полотенца, стояли два старца, напоминавшие по летам и одежде шейха Джеляла. Спутники мои, сбросив покрывало весело обступили фонтан, освежаясь водой и передавая старцам свои впечатления... Их бойкая, радостная речь раздавалась волшебной музыкой.

– Какова Гренада? Понравилась ли вам наша старая Андалузия? – спрашивали старцы, и девы восторженно передавали свои чувства и впечатления...

Я стоял и глазел вокруг как ошалелый. Шейх Джелял, предложив мне вымыть лицо и освежиться, вывел меня из оцепенения. Холодная вода, действительно укрепила несколько мои мысли и нервы. Пройдя в следующую комнату, куда уже прошли наши спутники, я очутился в столовой. Тут для всех нас был накрыт стол, и мы подкрепились обильным завтраком, состоявшим из мяса, пилава и фруктов. Здесь я не мог не заметить, что большинство моих спутниц были редкие красавицы... Видя моё изумлённое и жалкое положение, шейх Джелял предложил Фериде Бану посвятить меня в тайну их страны и моего положения... Мы встали из-за стола и тут же уселись на широких, мягких диванах, обитых пурпуровым блестящим сафьяном. Старцы убрали со стола и по мусульманскому обычаю подмели всю комнату. Взглянув в окно, я увидел чудную картину. Перед моими глазами лежала обширная ровная долина, окруженная со всех сторон обрывистыми, поросшими богатым лесом горами, вершины коих горели серебряным венцом снегов... Очевидно, я находился в благодатной котловине вечно снеговых гор, но какая это была котловина! Зелёные луга, покрытые узорами садов, виноградников и розовых плантаций, с множеством благоустроенных селений и высоких изящно-арабских тонких белых минаретов придавали местности характер волшебной панорамы... Я не мог оторвать глаз от окна. Мне не мешали любоваться и наслаждаться. Прекрасны страны Зеравшана, великолепны окрестности Парижа, но тут было лучше...

– Скажите, пожалуйста, как обширна эта страна? – спросил я прекрасную Фериду Бану.

– По туркестанской мере на часы, страна наша имеет в ширину два, а в длину 3 часа протяжения (час соответствует 6 верстам).

– Прошу вас, расскажите мне историю этой прекрасной и таинственной страны, я сгораю от любопытства, – продолжал я, обращаясь к ней.

Прочие девы, как и я, приготовились слушать, ибо в подобных случаях всякая учёная девушка этой страны импровизирует, основываясь на дан-

ных истории. Полилась гармоничная, музыкальная арабская речь. Передам её по возможности ближе к оригиналу. Фериде Бану говорила:

– Краткая история, столь же достоверная, как день, бесстрастно передаёт нам, что славные, доблестные отцы наши, несомые на крыльях победы и торжества, пришли из стран Магриба в Испанию и с быстротой лучей утренней зари облили своею властью всю страну. Как под лучами вешнего света зарождаются и цветут благодатные нивы, так мудростью и трудом их оживились города и сёла всей страны и стали расти, полные довольства, жизни и радостей. Блеск мусульманской Испании отражался далеко. Науки и искусства наши привлекали поклонников и учеников со всех концов света. Весёлые песни будили тяжелый сон френгов по ту сторону великих гор (Франция). Там люди не жили тогда, а прозябали, боясь весёлой песни, как тяжкого греха. Они не понимали ещё, что беззаботный смех и песни счастья есть хвала Творцу счастливого человека! И жили отцы наши в добре, довольстве и счастье, озарённые знаниями, окрылённые победами и благословенные Аллахом, но Премудрость Его свыше понимания человека: все, имеющее начало, должно иметь и конец; всё, созданное из земли, возвращается к ней же. На свете ничто не ново, ничто не старо и ничто не вечно, кроме Аллаха и его Правды...

1888. – 24 января, № 3.

– Великий халифат, – повествовала прекрасная Фериде Бану, – совершив свой блестящий цикл, должен был прийти к упадку... Всё земное преходяще, всё людское в себе самом заключает отраву смерти и разрушенья. Честность и эгоизм, правда и неправда, милосердие и жестокость, леность и трудолюбие, невежество и просвещение, героизм и подлость, трусость и храбрость свойственны людям. И смотря по тому, которые из этих качеств более развиты в них, определяется состояние человеческих обществ. Когда в обществе господствуют лучшие качества и стремления, оно пользуется благополучием и прогрессирует; когда перевес берут противоположные качества, оно падает, разлагается... Вчерашние господа сегодня превращаются в жалких слуг; богатыри представляют презренных трусов; честность уступает место подлости; знание затмевается невежеством, леность опутывает трудолюбие – и горе такому народу: он ослабевает, мельчает и расплывается, как холодная, бездушная снеговая глыба!

После трёхсотлетнего славного и блестящего существования мусульмане Испании мало-помалу стали изменять свои наклонности, привычки, воззрения и стремления. Яд пресыщения, лености, беззаботности, самомнения, взаимных раздоров начал отравлять славный организм. Отравленный организм не мог уже давать здоровых плодов. Явились неправосудные кadi⁹⁵, алчные правители, беззаботные и сластолюбивые государи; интрига

⁹⁵ Гражданские судьи.

и дерзкое невежество затёрли людей науки, лесть и двуличие стали впереди знания и честности; эгоизм залил в сердцах людей благородные стремления к общей пользе; ханжество и показная молитва заменили добрые дела и героизм... Отрава эта в течение двух столетий постепенно расшатывала основы общества и государства. Халифатство разбилось на несколько отдельных владений. Города и провинции начали соперничать и вредить друг другу, и, увы, никто не хотел понять, что этим путём все сообща роют себе ужасную, кровавую и бесславную могилу!

Взаимная вражда владетелей Испании и упадок нравственности населения дали возможность испанцам и слабым до того их королям вмешиваться в дела мусульман и ещё более ослаблять их, сея несогласия и зависть... Халифатство существовало около пяти столетий, но за полвека до его падения люди понимающие видели приближающуюся грозу и думали о мерах предотвращения бедствия. Но, увы, людей этих было мало, и их ещё менее слушали, ибо они говорили правду, а правда не всегда приятна.

Усилившийся король Кастилии Фердинанд серьёзно начал грозить Андалузии, и пришлось подумать о защите и путях отступления... Это было в 889 году Хиджры. Халифом был Эбу-Абдуллах-Эль-Загиль⁹⁶. Другой претендент на господство в Андалузии и владение Альгамброй Абдуллах Эль-Сагыр⁹⁷ оспаривал у него власть и трон. Времена были и тяжелые, и опасные.

Однажды во дворце халифа был тайный совет, на коем обсуждался вопрос обороны Гренады в случае нападения испанцев и о путях отступления на случай взятия ими города... Вы знаете, что за Гренадой и Альгамброй стоят снеговые горы Сиерра-Невады. Они непроходимы. Совет решил прорыть под ними тайный ход, чтобы при надобности жёны и дети могли незаметно уйти по ту сторону гор... Враг не мог бы их настигнуть там, и они успели бы эмигрировать в Африку. Сорок невольников были нарочно доставлены из Судана и поставлены к работе. Дело велось под строжайшим секретом, и, кроме посвящённых, никто не знал об этом удивительном предприятии. По окончании работ невольники были увезены обратно в Судан и там освобождены. По этой-то подземной дороге мы прошли сюда из-под Башни Принцесс. Проведя туннель до этой долины, халиф Абдуллах увидел, что цепь гор слишком обширна, чтобы вполне осуществить свою мысль, а потому остановился на этом, тем более, что наступившие кровавые события отвлекли его внимание к другим делам.

Через двадцать-тридцать лет знавшие о прорытии туннеля умерли, и он

96 Мухаммад XIII аз-Загалл (1444—ок. 1494) — правитель Гранадского эмирата (1485—1487). В 1490 г. эмир Мухаммад аз-Загалл сдал кастильцам города Альмерию и Гуадис и все окрестные замки, которыми он владел. Под властью его племянника Боабдила осталась только Гранада и её окрестности.

97 Вероятно, имеется ввиду Мухаммед XII Абу Абдаллах, известный как Боабдиль.

был почти позабыт. О нём знал лишь халиф и старик-садовник, смотритель гаремных цветников.

Между тем наступил 1491 год – год взятия испанцами Гренады и падения последней опоры мусульманской власти в Андалусии. После долгой осады и кровопролитных войн, под давлением голода и обещаний короля Фердинанда гарантировать мусульманам свободу верования, охраны чести и имущества в связи с многими льготами, решено было сдать город. Это случилось в правление халифа Абдуллы Эль-Сагыра. В то время другие части бывшего испанского халифатства Кордова, Малага⁹⁸, Кадикс⁹⁹, Валенсия¹⁰⁰ уже были взяты испанцами, и сдача Гренады завершила собой конец халифатства. Слушайте, как совершилось это по словам историков и очевидцев этих горьких дней.

1888. – 31 января, № 4.

Печально повествуя о последних днях испанского халифатства Фериде Бану продолжала:

– Король Фердинанд осадил и обложил Гренаду многочисленным войском. Сношение города с окрестностями было прервано, и население начало чувствовать недостаток провизии. Чтобы показать осаждённым, что осада не будет снята ранее взятия Гренады, король велел построить в виду его каменное становище – городок, в коем и поселился с воинственной своей супругой Изабеллой¹⁰¹.

Положение мусульман становилось критическим. Население, опечаленное явной опасностью, падало духом. Было решено обратиться за помощью к стамбульскому падишаху, но царствовавший тогда султан Баязид¹⁰²,

98 Город на юге Испании, в Андалусии. В 711 г. Малага была завоёвана вторгшимися из Северной Африки арабами, при которых стала значительным экономическим центром (производство шёлковых тканей и другое). С XI в. центр эмирата – тайфы Малага. 19 августа 1487 г. Малага была отвоёвана кастильскими войсками и присоединена к Кастилии.

99 Город на юго-западе Испании, в Андалусии.

100 Город и провинция в Испании. В 714 г. Валенсия была завоёвана арабами, которые включили город в состав Кордовского халифата. Под исламским владычеством возобновилось активное развитие Валенсии, практически остановившееся в период правления вестготов. Город был отвоёван христианами в 1238 г.

101 Изабелла I Кастильская (1451–1504) – королева Кастилии и Леона. Супруга Фердинанда II Арагонского, династический брак с которым положил начало объединению Испании в единое государство.

102 Баязид II (1447–1512) – султан Османской империи в 1481–1512 гг. Царствование его представляло сплошной ряд войн с Венгрией, Польшей, Венецией, Египтом и Персией. Они велись с переменным успехом и не представляли особенно выдающихся моментов, но тем не менее в общем содействовали усилению османского могущества.

занятый войной в Египте и не име[ющий] достаточно морских сил, не мог помочь гренадцам.

Несмотря на превосходство сил и положения, король Фердинанд, зная, что безответная храбрость и сила арабов могли сделать очень многое, старался подготовить военную удачу разными интригами и подкупам. Он хорошо понимал, что единоплеменные и религиозное воодушевление удесятят силу арабов. Он успел привлечь на свою сторону многих влиятельных мусульман из числа падких на золото и распространял среди осаждённых послания, коими обещал пощаду и милости при добровольной сдаче города, и грозил не оставить камня на камне в противном случае.

Последний халиф Андалузии Эбу-Абдуллах был столь же беспечен, сколь и неспособен. Тайно от народа он вёл переговоры с Фердинандом о сдаче города и условиях его для жителей и себя лично. Мусульмане, недовольные трусостью и бездеятельностью, готовились низвергнуть Эбу-Абдуллаха и заменить его более даровитым лицом. Но руководитель заговора в одну ночь исчез безвозвратно, и дело не могло быть приведено в исполнение. Время сдачи города приближалось. В Альгамбре собрался совет, на коем обсуждалось положение дел. Халиф заявил собранию, что средства защиты истощены и что дальнейшее сопротивление становится невозможным. Все присутствующие, поникнув головами, молча согласились с мнением повелителя, только один военачальник Муса Эбу Эль-Газаль¹⁰³, в жилах которого текла неиспорченная кровь предков, смело возразил: «Нет, повелитель мой, мы можем ещё бороться. Во всяком случае, добровольно сдать город – значит предать себя собственными руками. Глаза, кои боятся вражьего меча, будут видеть собственную неволю; богатства, кои думаем спасти сдачей, будут расхищены и отняты. Труссы будут видеть своих жён и дочерей в объятиях вражеских воинов или разливающими вино в позорных попойках победителей. Поступки испанцев с другими городами, уже сдавши[ми]ся им, говорят нам, насколько можно положиться на их слово и обещания. Я не думаю, чтобы исконный враг и истребитель по взятии Гренады воспылал к нам милостью и любовью. Я предпочитаю борьбу и славную смерть позорной сдаче и неволе. Нет смысла добровольно предать в руки врага трёхмиллионное население Андалузии. В отчаянии мы можем сделать чудеса – Аллах помогает действительно погибающим и бедствующим. До последнего издыхания мы должны думать лишь о защите отечества, победе или славной, честной смерти...» На пылкую, благородную речь Мусы собрание ответило молчанием, и он удалился без дальнейших объяснений.

Было решено сдать город. Для переговоров с Фердинандом и Изабеллой назначены послы. Историки говорят, что крайне обрадованный прибытием послов для переговоров о сдаче Гренады Фердинанд воскликнул: «Видно, арабы переродились, они пали. Я не ожидал добровольной сдачи!»

103 Вероятно вымышленный персонаж.

Муса, возвратившись домой, собрал своих родичей и приятелей и простился с ними, собираясь в дорогу. Он сообщил одному из старейших способ, как спасти близких ему людей от предстоящей неволи и гонений. Обращаясь ко всем остальным, он завещал хранить веру отцов, не оставлять науки и знаний и неустанно трудиться.

Вооружившись как следует и сев на любимого коня, почтенный Муса бросил прощальный взгляд на всех родичей и поехал... Никто не знал, куда и зачем он поехал. Недалеко от города его встретил сильный испанский патруль. «Кто ты и куда едешь?» – окликнули его. «Моё имя вам известно, а куда еду – моё дело», – ответил Муса, бросаясь, как разъярённый лев, в среду врагов. Убив двадцать человек, он сам пал в неравной борьбе, предпочтя не на словах только смерть постыдной неволе.

По договору о сдаче Гренады всем мусульманам была гарантирована свобода исповедания, обеспечение жизни, имущества и чести. Мечети, училища и другие религиозные учреждения должны были оставаться неприкосновенными. Желавшие могли во всякое время беспрепятственно переселиться в Африку.

Составив целый караван, нагруженный своим имуществом, халиф Эбу-Абдуллах оставил Альгамбру и рыдающий город. Сдав ключи королю Фердинанду, он направился в назначенное для себя место пребывания. Когда он удалялся от Гренады, испанские войска входили в [город]. Взглянув на эту картину с возвышенности, по коей шла дорога, Эбу-Абдуллах зарыдал. Мать его, бывшая тут же, воскликнула: «Плачь, несчастный, плачь! Мужам, не сумевшим защитить себя и свое царство, достаётся удел жён – слезы...»

В ночь выезда халифа сородичи и приятели благородного Мусы, в числе коих были и искусные мастера, и учёные мужи, захватив сколько могли вещей, книг и инструментов, явились в Альгамбру, где были встречены престарелым садовником. Этот, раньше условившись с покойным Мусой, провёл всех явившихся тайным ходом в это междугорье. Дело осталось тайной для горожан и испанцев.

1888. – 15 февраля, № 6.

Община мусульман, с которой вы познакомитесь в нашем междугорье, названном Дар-ур Рахат, суть потомки родственников и друзей последнего героя Гренады – Мусы... Да успокоит и наградит его Аллах! Он верно предвидел, что испанцы не дадут пощады мусульманам, раз обеспечивши своё господство. Действительно, как только сопротивление и сила мусульман были надломлены и испанцы утвердили свою власть над всей страной, они тотчас позабыли условия капитуляции и посягнули на имущественные и религиозные права мусульман. Общественная молитва была воспрещена,

училища закрыты, имущества мечетей отобраны в казну или отданы монастырям; вообще мусульманские земли за малейшие проступки отбирались, а владельцы их с семьями обращались в неволю... Вскоре по уничтожении халифата с одного конца страны до другого раздались стоны и плач подавленного народа. К воплям мусульман присоединялись слёзы евреев, одинаково преследуемых испанцами. Цель их была очевидна: они хотели уничтожить как тех, так и других, и было величайшим благодеянием, что уход из страны не был воспрещён. Сотни тысяч мусульман и десятки тысяч евреев принуждены были покинуть родные пепелища, оставить прах своих отцов и уйти в африканские земли, как нищие и изгнанники! То были страшные, злополучные времена. Обширные города запустели и рушились, богатые сёла и долины превратились в груды мусора и пустыни; иссякли воды, поросли, исчезли сады и плантации. Живая, бойкая жизнь заменилась однообразием испанского невежества и фанатизма; справедливого кадия заменил бесчеловечный инквизитор – наипугливее изобретение людской кровожадности... Словом, день заволокло непроглядной ночью, и нужно было триста лет ожесточённой борьбы остатков света с этой тьмой, чтобы победить её. Теперь, в настоящий век, когда знания осветили очень многое, когда гуманные чувства осилили многие дурные инстинкты и заблуждения, народы запада поняли, что все люди суть твари одного и того же Бога, обязанные правдой и справедливостью в отношении друг друга. Да, теперь европейцы далеко не то, чем они были три-четыре столетия назад. Они, насколько нам известно, теперь не стесняют чуждые и иноверные им народы; дают им те же права, коими пользуются сами, даже хлопочут о повсеместном уничтожении рабства, как унижительном для человечества учреждении, но, увы, старинное безначалие, исконные эгоизм и предрасудки ещё проявляются во многом... Но Бог с ними; мы горячо благодарим Аллаха, что в нашей небольшой, неведомой стране предки наши нашли убежище и спасение от жестокости и гонений испанцев и трудами своими обеспечили нам спокойную, честную и счастливую жизнь, коей мы и пользуемся теперь в нашей котловине Спокойствия.

Лёгким наклоном головы прекрасная девушка отметила окончание своего рассказа, и я остался, очарованный историей здешнего народа и крайне заинтересованный, чтобы ближе узнать его настоящее и надежды на будущее.

– Теперь я всё понимаю, – сказал я шейху Джелялу. – Вы – благородные потомки благородных мавров Испании. О вас никто ничего не знает, но вы знаете всё, что творится за горами, в остальном мире. Я не понимаю одного, почему теперь, когда века фанатизма, религиозных гонений и кровожадной грубой вражды давно миновали, вы не хотите завязать сношений с другими народами... Теперь никто бы вас не преследовал, не стеснял. Вы вместе со мной были во Франции и знаете современную Европу.

– Да, мой сын, я-то очень хорошо знаю Европу, даже очень хорошо... У

нас её видели многие, а по книгам знают все, но оставить наше убежище, открыться другим народам мы не можем и не желаем. Одна из причин та, что в силу завещания нашего отца-спасителя и героя Сиди Мусы мы до 1500 года Хиджры не имеем права войти в сношения с каким бы то ни было народом. Мы храним эту святую заповедь Мусы.

– Почему же он назначил этот срок, что он пишет в своём завещании?

– Этого никто у нас не знает. Завещание хранится под сорока печатями и ключами, хранящимися у сорока имамов¹⁰⁴ нашей страны. Оно будет вскрыто в 1500 году, как приказано надписью на конверте, и тогда же мы получим право самостоятельно обсудить нашу дальнейшую судьбу.

Народ и страна, интересные сами по себе, стали для меня ещё более интересными.

1888. – 22 февраля, № 7.

– Что это за сорок имамов, у коих хранятся ключи и печати завещания?

– Страна наша состоит из сорока деревень, общин и одного города. Каждая община имеет имама, – отвечал шейх Джелял.

– Кто управляет страной?

– Князь Али, из рода Мусы.

– На чём у вас основано общественное и государственное право?

– У нас всё управление основано на шариате и здравой мысли верующих.

Хотя ещё было не поздно, но солнце уже приближалось к гребню западной горы. В этой стране вследствие окружающих высоких гор солнце скрывается за два часа до своего действительного захода, и вечерний полусвет окутывает всю страну. Так как мы отлично отдохнули после проходки из Альгамбры, то шейх Джелял предложил отправиться далее, чтобы за светом добраться до города и устроить мою обстановку – как гостя страны Спокойствия.

Пройдя несколько комнат, мы вышли во двор и затем – в поле. Ворота за нами заперлись, и мы пошли цветущим лугом к ближайшей деревне. Девушки весело разговаривали и обгоняли одна другую, спеша к селению.

Когда мы подошли к деревне, меня особенно поразило её расположение и характер построек. Все дома расположены правильным кругом вокруг площади, украшенной мечетью, школой и домом общественного собрания. Все дома расположены в центре небольших садилов в одинаковом расстоянии друг от друга и от центра площади. Вся площадь вымощена чем-то вроде асфальта или цемента и представляет чистую, гладкую поверхность. Мечеть окружена двумя рядами высоких вековых пальм... Но меня особенно поразила странная архитектура домов. Каждый дом стоял на целой

¹⁰⁴ Духовные главы общин.

системе невысоких сводов, аршина полтора выше уровня земли. Когда я спросил о причине этого оригинального способа постройки жилищ, шейх Джелял объяснил: «В сфере своей духовной, нравственной жизни люди должны руководствоваться указаниями духовного, священного закона, а в сфере материальной жизни соотноситься с вечными и непреложными законами природы и её сил, избегая вредного и обращая в свою пользу всё доброе... Земля, и в особенности такая низменная местность, как наша котловина, упитана сыростью и вредными для человека газами. Если постройки наши поставить прямо на земле, как то принято в ваших странах, то вредные испарения прямо проникают в жилища и постепенно отравляют людей, особенно ночью, когда окна и двери запираются и доступ свежего воздуха ограничен. Вот почему мы строим наши жилища над землёй на сводах, чтобы вредные испарения, свободно циркулируя, не проникли в наши жилища».

Я был очень удивлён этим объяснением. Шейх продолжал: «В первое время, когда мы населили эту страну, она была болотиста, и люди жестоко страдали от свирепых лихорадок. Тогда улемы и учёные мужи стали исследовать причины этой болезни и, узнав их, нашли средства избавить народ от ужасных страданий и постоянной заразы. Болота были осушены, вредные растения и камыши уничтожены, ручьи очищены, а для питья проведена здоровая вода из гор. Наконец, с постройкой домов над сводами мы вполне освободились от пагубного влияния сырости и подземных газов. Ныне в нашей стране не существует лихорадки и многих других болезней... Тебя это удивляет? Но ты, извини меня, порядочный невежда. Ты не знаешь, что Аллах дал человеку, своему любимому творенью, великую силу, при помощи которой он может господствовать над многим; создавать и уничтожать очень многое... Это ум, заключенный величием Творца в маленьких помещениях, называемых головами... При помощи ума Аллах позволяет человеку делать многое, но ум следует обогащать знаниями, чтобы он служил хорошо».

Между тем мы подошли к деревне и прошли прямо к дому общественного собрания. Это была отдельная красивая постройка в мавританском стиле, состоящая из нескольких комнат и двух обширных зал, богато убранных и разделённых стеклянной галереей. Двери были открыты, и мы вошли свободно в одну из зал. Вскоре прибыл к нам старик имам и муэдзин, так как приближалось время намаза. Девушки удалились во вторую залу, а мы остались в первой. Имам и муэдзин¹⁰⁵ впервые видели чужестранца и [при] всей деликатности не могли не выразить удивления и интереса к моей судьбе и появлению в их прекрасной и таинственной стране.

Шейх Джелял объяснил им, что я случайно был в Альгамбре и наткнулся на тайный проход под Башней Принцесс и что он, зная меня по Парижу, признал за лучшее взять с собой в страну Спокойствия.

¹⁰⁵ Служитель при мечети, возглашающий с минарета часы молитвы.

1888. – 6 марта, № 9.

После взаимных приветствий и благопожеланий почтенный мулла стал расспрашивать меня о Ташкенте, Бухаре и других местах Туркестана.

– Мы слышим здесь, что бухарцы славятся между мусульманами науками и учёностью, – говорил мулла. – Как устроены у них медресе и чему в них учат?

Я рассказал, как и чему учат в современных медресе мусульман. Старик покачал головой и сказал: «Разве ваши страны и люди не нуждаются в докторях, химиках, строителях, землемерах; разве ваши правители и ханы не нуждаются в учёных слугах, экономистах и прочее, так как из твоего рассказа я вижу, что, кроме учёных духовников, у вас нет учёных деятелей в других сферах жизни. Значит, в ваших медресе медицина, химия, геометрия, наука о труде и богатстве вовсе не преподаются?»

– Да, эфендим, мы учимся только тому, что нужно для нашей религии, т. е. мы учимся только богословию и духовному законодательству.

– Я очень рад это слышать; благодарение Аллаху, что вы удержали хоть это, но крайне удивляюсь, как могут жить у вас люди без прочих наук, необходимых человеку; ещё более удивляюсь существованию среди вас государств, ибо все невежды суть рабы по природе... Чем вы объясняете, что в ваших странах заброшены и позабыты науки, столь усердно и широко развитые первыми мусульманами-арабами?

– У нас говорят, что науки, кроме духовной, смущают мысли и веру мусульманина.

– Какое ужасное заблуждение! Как же вы живёте на свете с завязанными глазами? Пашете, не зная свойств земли; пьете, не зная, что такое вода; живёте, не зная, что делается на земле; мусульмане так не должны жить, ибо они люди... Очень жаль, очень жаль; как же ваши правители и учёные мужи не сообразили того, что благородная наука мусульманского права необходима в известных случаях, но при помощи науки права нельзя строить мост, командовать войсками, составлять краски, лекарства и сооружать машину; для сего необходимо знать химию, медицину, математику, механику, воинские науки и прочее. Значит, мусульмане потеряли все науки, кои они прежде знали. Очень жаль. У нас, мой сын, ты увидишь нечто совсем другое.

– Я в этом не сомневаюсь, я даже думаю, что мусульмане этой страны опередили во многом и европейцев, самых передовых людей нашего времени, – заметил я.

– Ты не печалься, мой сын; придет время, и твои сородичи поймут значение и суть учения... Сон ваш, как бы ни был продолжителен, должен окончиться. Теперь у вас нет наук и научного образования, но, вероятно, основа его, грамотность, всеобщая?

– Далеко нет; едва ли половина народа знает, [как] читать, а писать могут очень немногие.

– Как так? Да ведь ты говорил, что шариат вы изучаете... Как же вы грешите против его основного правила, что грамота и наука обязательны поголовно без различия пола и происхождения? Теперь, мой сын, извини меня, я совсем не понимаю, какие же вы, наконец, мусульмане!

Помолчав немного, мулла ласково взял меня за руку и повёл из залы, чтобы показать здешнее мектебе¹⁰⁶ для детей. «Мне очень больно слышать о бедственном положении вашей страны и её неведении, – говорил мулла дружеским тоном, – а потому, прошу, не претендуй на меня, если в моих словах есть что-либо тяжёлое для тебя. Я мусульманин. На языке у нас должно быть то, что и на сердце».

Мы подошли к мектебе по правую сторону мечети. Это была красивая высокая и белая каменная постройка со светлыми комнатами. В одной из комнат была довольно большая библиотека из разных книг и образцы множества орудий и машин земледельческого труда.

– Вот наше мектебе для детей от 8 до 12 лет, – сказал мулла, вводя меня в один из классов. – Тут обучаются все дети деревни без исключения, как мальчики, так и девочки (в особых отделениях). Учение [продолжается] четыре года. Мальчики обучаются письму, чтению, вере, счёту, сельскому хозяйству в связи с начальной химией и физикой и ремёслам. Ферма и ремесленные классы сейчас за деревней. Девочки, кроме наук, обучаются домашнему хозяйству, рукоделиям и начальной медицине в степени, необходимой для будущей хозяйки и матери...

В это время подошёл к нам шейх Джелял и сказал, что машина подходит. Мы пошли к зданию меджлиса¹⁰⁷. Девы, наши спутницы, тоже вышли из комнаты. Головы их были прикрыты вуалями. Тут только я заметил, что по площади проходили рельсы. Вскоре показались небольшие длинные вагоны, двигавшиеся без паровоза. Поезд остановился около здания меджлиса. Мы сели и, несомые невидимой силой покатали в столицу, именуемую Дар-Эль-Саадет.

1888. – 14 марта, № 10.

Итак, мы мчались по удивительной железной дороге в город Счастья. Мы ехали среди сплошных садов и нив и проскочили мимо трёх деревень, напоминавших по виду описанное в предыдущем письме. Мы проехали также несколько других дорог. По словам шейха Джеляла, вся страна Рахата покрыта сетью электрической железной дороги и телефона, коими все деревни соединены с единственным городом и столицей страны.

Когда мы подъехали к небольшому центральному вокзалу красивой постройке в мавританском вкусе, на городских минаретах раздавались при-

106 Традиционная начальная школа мусульман.

107 Общественного собрания.

зывные молитвы к вечерней службе, но было ещё достаточно светло, так что я мог видеть всё окружающее. Так как тут извозчиков и фаэтонов не было, то все мы, выйдя из вокзала, собрались расходиться пешком. Родственники наших спутниц стояли тут в ожидании своих дочерей или сестёр. Путешественницы с радостью приветствовали их и сообщили, что привели «с той стороны» одного молодого мусульманина. Взоры и внимание всех обратились ко мне; многие приветствовали меня селямом.

Выразив надежду на дальнейшее знакомство, прекрасные мавританки, высказав мне пожелания всяких благополучий, пошли со своими провожатыми. Тогда шейх Джелил повёл меня в государственный караван-сарай¹⁰⁸, где я должен был проживать в качестве гостя всей страны. Мы пошли широкой цементированной улицей, обсаженной красивыми деревьями, за которыми вдоль улицы тянулись мозаичные тротуары. За тротуарами, ограниченными затейливыми железными решётками, виднелись садики и цветники, в глубине коих ютились изящные, красивые домики. Этот город не напоминал собой ни Европу, ни Азию. Тут не было громадных, сплошных и высоких, как горы, домов Европы, и ничто не указывало полуразвалин лачужек и грязи нашей Азии. Всё было своеобразно, красиво, отменно, чисто и вольно. Мы шли молча. Шейх Джелил не прерывал моё удивление и восхищение.

Пройдя несколько улиц, одинаково красивых и чистых, мы подошли к торговой базарной части города, где находился караван-сарай. Становилось темно. «Разве улицы здесь не освещаются?» – спросил я.

– Освещаются, мой сын, да не только улицы города, но вся страна. Скоро ты увидишь это.

Но вот мы вышли на большую площадь и подошли к караван-сарая. По указанию шейха мне отвели две комнаты, а сам он отправился доложить о моём появлении в их стране старшему кадию. Я знал, что эти добрые и учёные мусульмане не сделают мне ничего дурного, но всё-таки, оставшись один, я задумался о моём положении и ожидавшей меня неизвестной будущности. Я сидел в полутьме, но вдруг блеснуло что-то вроде молнии – в комнате моей зажглась маленькая лампочка, покрытая белым фарфоровым колпаком. Стало светло как днём. Взглянув в окно, я увидел, что свет – слабее солнечного, но сильнее лунного – освещал весь город и всю местность, которую можно было видеть. Оказалось, что вся страна освещается ночью электричеством, чудной силой, дающей блестящий свет без сала, масла и прочего! Чего не сделает наука, чего не добьётся человеческий ум! Хотя сердце моё томилось неизвестностью, но оно в то же время радовалось, видя столько знаний и искусства у здешних мусульман. Они, видимо, лучше устроились, чем европейцы, а нам, туркестанцам, как далеко ещё до них!

Спустя полчаса, шейх Джелил вернулся и сообщил мне, что г[осподин]

108 Постоялый двор, предназначенный для торговых караванов в странах Востока.

кадий приветствует меня и что назначил его в мои руководители, пока обживусь в этой стране. Далее сообщил, что утром мы должны явиться к кадию, а теперь, если что понадобится, то могу пользоваться услугами слугителя, которого он вызвал по телефону, устроенному в каждом номере караван-сарая.

Поручив меня его попечениям, шейх Джелял отправился к себе домой. Он имел тут сына и дочь.

Слуга, осведомившись о моём желании, подал мне обед, состоявший из супа, жареного фазана и пилава. Затем, подав шерbetы и фрукты, он удалился, попросив звать, если что будет нужно. Оставшись опять один, я задумался, вспомнил Ташкент, Париж и терялся в догадках о том, что будет дальше и что ещё придется видеть.

1888. – 24 марта, № 11.

Утром рано я мог видеть из окна моей комнаты всю базарную площадь и множество толпившегося тут народа. Это были арабы. Хотя они меня очень интересовали, и я охотно бы вмешался в их толпу, но считал это несвоевременным и поджидал шейха Джеляла, который должен был представить меня местному судье-кадию. Базар представлял большую четырёхугольную площадь, окаймлённую со всех сторон высокими, но одноэтажными постройками, в коих помещались лавки. Прямо против караван-сарая была мечеть, и стройный минарет её высоко и красиво выступал среди прочих строений. Слуга, заметив, что я встал, принёс мне хлеба, масла и свежего молока. В стране этой чай и кофе не известны, точно так же, как и спиртные напитки. Когда я окончил мой утренний завтрак, пришёл шейх Джелял и принёс мне узел со свежим бельём и платьём. Это было очень кстати, ибо я порядком загрязнился, а моё френгское платье далеко не гармонировало с длинными тогами и бурнусами¹⁰⁹ здешних жителей.

– Вы очень добры и внимательны, – сказал я шейху, принимая его приношения.

– Это прислал вам г[осподин] кадий как общему гостю нашей страны. Ему известно, что вы попали в нашу страну неожиданно и, следовательно, без необходимых запасов.

– Это очень мило! В наших и френгских странах подобной заботливости о чужестранцах не водится. Всё, шейх эфенди, удивительно в вашей стране, начиная с входа в неё и кончая вот этой лампочкой, которая сама зажигается, когда темно, и меркнет, когда становится светло!

– Да, сын мой, у нас жизнь сложилась не так, как в ваших странах; ты

¹⁰⁹ Плащ с капюшоном, сделанный из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета. Первоначально был распространён у арабов и берберов Северной Африки, оттуда проник в Европу во время Крестовых походов.

это узнаешь ближе через короткое время. Нам надо будет явиться к кадию, а до того, если желаешь, можешь принять душистую ванну; баня тут же, при караван-сарае.

Я охотно принял это предложение и отправился в сопровождении слуги в баню. Шейх остался поджидать меня в номере. Нужно ли говорить вам, что я прекрасно обмылся в небольшой мраморной бане и по здешнему обычаю надушился пахучими травами и маслами. Нарядившись в местный костюм, я мог идти куда угодно, не привлекая внимания всякого встречного. Дав мне поостыть после бани, шейх сказал, что пора к кадию. Мы пошли. Выйдя на базар, я заметил значительное однообразие предметов торговли. Большинство лавок торговали провизией и сельскими произведениями, а некоторые имели мануфактурный товар и предметы роскоши, видимо, все местного приготовления. Деньгами служили ярко-красные кожаные кружки с правительственной печатью и подписями трёх кадиев-казначеев. Кружки были в один, пол- и четверть динара. Так как эта страна внешней торговли и сношений не знает, то эти денежные знаки вполне удовлетворяли местную торговлю.

От базара мы пошли улицей Тарик-ибн Зияда, так названной в честь покорителя Испании, и, выйдя на площадь, называемую площадью Абдулрахмана Третьего, известнейшего из халифов Испании, подошли к красивой и большой постройке, над воротами коей куфическими письменами было начертано «Баб-Эль Хукук» – Двери Закона, а по-нашему – мяхкеме, суд, кади-хане. Я в смущении вступил туда вслед за шейхом и, войдя в одну из зал, предстал перед кадием.

Он сидел в глубине залы на мягком диване, вправо от него сидел секретарь, а у двери стоял слуга или сторож.

– Вот, посланный нам Аллахом спутник и гость молла Аббас Туркестани, – представил меня шейх кадию.

– Приветствую вас, – обратился ко мне кадий, – прошу садиться и призываю на вашу голову благословение Аллаха.

– Садитесь, – добавил он, обращаясь также к шейху. Мы сели против кадия на пол, устланный мягким, пушистым ковром.

– Пока не освоитесь с нашей страной, вы, Аббас Туркестани, будете нашим гостем; ничего дурного с вами случиться не может. Слушайте только указания этого почтенного шейха; он будет вам за брата и отца, пока вы будете в нём нуждаться. Уважайте те обычаи, кои у нас встретите; не удивляйтесь чему-либо громко, чтобы не возбуждать внимание здешних мусульман. Теперь я должен допросить вас и вполне надеюсь, что услышу только правду. Предупреждаю, что ложь – самое тяжкое преступление и наказывается оно у нас очень строго: лжец попадает в тюрьму, хотя его мы не запираем, он становится одинок, хотя кругом и видит тысячи людей...

Кадий говорил ласково и мягко, но у меня почему-то волосы становились дыбом и смущение поедало внутренности.

- Спрашивайте; я скажу, что знаю, – ответил я кадию, считая необходимым сказать что-либо. Секретарь взял перо, чтобы записывать.
- Какую вы религию исповедуете? – спросил кадий.
- Я мусульманин.
- Сколько вам лет?
- 27.
- Откуда вы родом?
- Из г[орода] Ташкента.
- Живы ли ваши родители?
- Нет. Да упокоит их Аллах.
- Давно ли вы выехали из Ташкента?
- Два года тому назад.
- Кого вы знаете в Ташкенте? Назовите несколько человек.
- Джелалледин Ибн Тачеддин, Ахмед Ибн Гали, Мохсин Ибн Ляtif, Шериф Джан Ибн Ахунджан, Магамед Мухиеддин Хавадже, Молла Галям Юлчибай, Шериф Ходжа¹¹⁰...
- Довольно. Эти мусульмане знают ли вас?

1888. – 31 марта, № 12.

- Я думаю, что знают, – отвечал я кадию.
- Справиться у бывших в Ташкенте, известны ли лица, указанные молла Аббасом, – заметил кадий своему секретарю. Тот записал это приказание. Смущение моё росло.
- Где вы учились? – продолжал кадий, обращаясь ко мне.
- Я пробыл 12 лет в медресе в Ташкенте.
- Какие науки вы проходили?
- Арабскую и персидскую грамматику, толкование Корана, право и логику.
- А ещё чему учились?
- Больше ничему; у нас других наук [не] преподают.
- Как так? Вы учились 12 лет и не проходили математики, физики, географии и истории?
- Нет, г[осподин] кадий.
- Но, может быть, вы знаете какие-либо прикладные науки? Медицина, механика, архитектура, химия преподаются ли у вас?
- Нет, г[осподин] кадий, но кое-чему я обучался в Париже, у французов...
- Чему вы у них учились?
- Я прошёл краткий курс географии, истории, зоологии, физики и частью математику и гигиену.

¹¹⁰ Вероятно, вымышленные персонажи.

– Кто воспитал вас в детстве?
– Меня вырастила мать, а потом я поступил в медресе.
– В чём состоит у вас воспитание?
– У нас детей кормят, одевают, кто как может, иногда ласкают, иногда ругают и бьют. Таким образом идёт наше воспитание...

Заметно было, что ответ мой крайне удивил кадия; он как будто начал меня бояться, но я испугался ещё более, когда он как бы с упреком посмотрел в глаза шейха Джеляла, выражая тем, как мне казалось, что он напрасно привёл с собой такого дикаря, как я!

Шейх Джелял, обращаясь к кадию, сказал: «Действительно, в странах Запада и Востока воспитание людей стоит на первобытной ступени, но молла Аббас столь доброго нрава, что легко освоится между нами и никакого вреда не сделает мусульманам». Кадий, как бы несколько успокоенный, продолжал:

– С какой целью вы оставили вашу родину и появились в стране френгов? Сколько мне известно, туркестанцы вовсе не посещают эти страны.

– Я выехал из Ташкента с тем, чтобы поклониться мусульманским святым, кои, по преданиям, покоятся в некоторых местах земли френгов.

– Сколько времени вы находились в стране френгов?

– Около двух лет.

– Разве так много тут святых?

– Нет, но я, попав в Париж, решил поучиться кое-чему у френгов, ибо у них есть много такого, чего нет у нас в Туркестане.

– Так. Как же вы прожили эти два года среди французов; они живут совсем иначе, чем туркестанские мусульмане.

– Не умею, как вам объяснить, но жилось не дурно.

– Весьма возможно. Но, сын мой, скажи прямо, не случилось ли с тобой чего-либо особенного, приятного или неприятного? Вспомни.

Холодная дрожь пробежала по моему телу! Я боялся, что кадий знает о моих отношениях к Маргарите, к бедной Маргарите, которую я только сейчас вспомнил... Впрочем, как же это он мог узнать? Да, наконец, в отношениях этих не было ничего преступного с точки зрения туркестанской и с точки зрения французской.

– Вы молчите, значит есть, что ответить мне? – прервал мои думы кадий.

– Да, я могу сказать только, что в Париже я полюбил одну девушку и через это чуть не попал под гильотину, хотя ничего безнравственного не совершил.

– Как же это было?

Я рассказал кадию известную читателям историю моей любви и приключений в Париже. Выслушав внимательно мой рассказ, кадий заметил: «Вы подвергались, конечно, слишком тяжёлому наказанию, но имейте в виду, что отношение ваше к французской девушке было совершенно без-

нравственное, и это чуть не привело вас к гильотине... С точки зрения туркестанской и французской, оно, может быть, не безнравственно, как вы выразились, но оно во всяком случае фальшивое и – как таковое – поставило вас в страшно фальшивое положение, которое чуть не стоило вам головы, разбило жизнь той девушки и послужило причиной смерти её отца! Нравственные отношения не могут приводить к таким печальным последствиям... Понимаете ли, мой сын, что я вам говорю?»

Я не знал, что ответить, и чувствовал себя перед ласковым, но неумолимым кадием гораздо хуже, чем в парижском суде, когда меня по недоразумению судили в убийстве!

1888. – 18 апреля, № 14.

– Человек, сознавший, понявший свою вину, почти оправдывается, ибо ошибки, увлечения присущи человеку, – продолжал кадий, как бы желая облегчить моё смущение. – Недостаточно развитые мусульманские убеждения, усвоенные вами в Ташкенте, и крайне фальшивое положение, в кое поставлена вообще френгская женщина, почти оправдывают вас, но в нашей стране будьте осторожны и господином своих чувств. Вы увидите, что у нас взаимное отношение мужчин и женщин несколько иное, чем в Туркестане и Френкистане...

Я молча выслушал эти указания. Кадий продолжал:

– Слышали ли вы что-либо о стране Рахата до появления между нами?

– Нет, господин кадий.

– Расскажите мне, как вы попали в нашу страну.

– Из Парижа я прибыл в Испанию поклониться памятникам мусульманской старины и цивилизации, – кадий пристально посмотрел на меня и вздохнул. – Желая ближе изучить великолепную Альгамбру, я поселился у сторожей и целые дни, иногда и ночи бродил по дворам и коридорам этого чудного дворца. Однажды ночью, сидя под колоннами Львиного Двора, я услышал в смежном саду людской шёпот и шаги. В это время тут не должны были быть люди, а потому я заинтересовался и стал наблюдать. Во двор вошли двенадцать дев и, совершив краткий намаз, тихо пошли обратно... Любопытство, превозмогая робость, заставило меня незаметно последовать за ними, и в Башне Принцесс, помимо ожидания и желания, я наткнулся на тайный ход в эту страну. Шейх Джелял, провожавший этих дев, привёл меня подземным ходом в вашу прекрасную страну.

– Следовательно, до этой удивительной встречи в башне вы ничего не знали о нашей стране?

– Нет, г[осподин] кадий. Я до сих пор удивляюсь всему случившемуся со мной и боялся бы будущего, если [бы] Фериде Бану, одна из наших спутниц, не познакомила меня с удивительной историей здешних мусульман.

– Ну, хорошо. Да благословит вас Аллах! Вы будете жить у нас гостем,

пока не избере́те себе какое-либо занятие. Шейх Джели́л назначается вашим воспитателем и руководителем. Все просьбы свои обращайтесь к нему и слушайте его указания. Это необходимо для вашего благополучия, но ещё необходимее следующее: бойся лжи, как Бога; избегай пуще ада дурных помышлений в отношении людей и люби человека, как Божий рай. Это я советую вам, как мусульманин, и приказываю, как блюститель священного закона... В стране нашей нет ни лжи, ни несправедливости. Вот почему мы живем иначе, чем мусульмане Востока и Запада, и много лучше, чем народы Френкистана... Вы это сами увидите.

Я молча поклонился кадию в знак послушания.

— Когда молла Аббас достаточно подготовится, определи его в Великое Медресе, — приказал кадий шейху Джели́лу и дал понять, что мы свободны.

Выйдя от кадия, мы направились обратно в караван-сарай. Я находился под впечатлениями [от] допроса, и хотя не было видимых причин опасаться чего-либо дурного, мне было жутко. Всё в этой стране было так ново, так непонятно для меня, что невольно робость закрадывалась в сердце. В самом деле: мусульмане как мусульмане, но со времени нападения Испанского халифата они хоронятся в этом неведомом междугорье, не входя в сношения ни с френгским, ни с мусульманским миром! Отделенные от всех стран и народов, они, однако, достигли такой степени цивилизации, что мои сородичи-туркестанцы — дикари в сравнении с ними, а френги могли бы многому поучиться у них! Странно и непонятно, как здесь поставлены женщины; почему кадий обратил особенное внимание на мою любовь к Маргарите и наговорил таких вещей, кои я не совсем понимаю?

Подойдя к площади базара и караван-сарая, я не мог не обратить внимания, что какой-то араб обходил всех и здоровался с ними. Все ласково приветствовали его и жали руку. Думая, что в эту загадочную страну прибыл подобный мне странник, я обратился к шейху и спросил, кто он.

— Это раскаявшийся и прощенный, — отвечал он.

— В чём состояли его вина и наказание?

— Он совершил страшное преступление... Торгуя хлебом, он обмерил одного покупателя на полдинара.

— Как же его наказали?

— Кадий, дознав и удостоверив этот грустный факт, официально объявил об этом.

— Да, но после посадили его в тюрьму или били по пяткам?

— Нет, мой сын, у нас не существует тюрем, как в ваших странах; в них нет нужды.

— Как же так?

— Очень просто: как только мы узнали, что он действительно совершил обман, мы перестали подавать ему руку и начали сторониться, как прокажённого... Жена его тогда же возвратилась к своим родителям, не желая делить с ним осквернённый хлеб и заработок... Он сделался одинок и без-

молвен среди этого шумного базара и принуждён был идти в «колонию кающихся», чтобы не умереть со стыда и голода. Пробыв там четыре месяца и искупив работой на общую пользу свою ошибку, сегодня он возвратился в общество возродившимся гражданином: ни страсти, ни чёрт его другой раз не одолеют. Он, бедный, заслуживает полного прощения и снисхождения, ибо в детстве и молодости он постоянно болел и не мог получить совершенного воспитания и образования. Поэтому он и поддался искушению. Он был единственным преступником в нашей стране в последние четыре года...

Я слушал шейха, разиня рот от удивления, и не заметил, как [мы] подошли к дверям караван-сарая.

1888. – 25 апреля, № 15.

Войдя в отведённый мне номер караван-сарая, я нашёл два письма и номер газеты, адресованные на моё имя. Слуга объяснил, что они доставлены в моё отсутствие. Оба письма были написаны на квадратном листике бумаги, сложенном вдвое, и не имели конвертов. На внешней стороне бумаги было нечто вроде почтовой печати и адрес: «В караван-сарай. Молле Аббасу Туркестанскому».

Одно письмо было от Фериде Бану, известной читателям из предыдущих моих писем; другое – от редакции местной газеты «Будущность». Фериде Бану писала, что её отец и братья, узнав от неё о моём прибытии в их страну, желали бы познакомиться со мной, а потому она покорнейше просит уведомить, когда я могу принять приглашение пообедать с ними. Адрес: г[ород] Саадет, площадь Севильи, дом Османа Газеви.

Редакция [газеты] «Будущность», извещая, что будет доставлять мне своё издание, просит дать краткие сведения о положении мусульман, живущих в России, Туркестане и Бухаре, об их понятиях, знаниях и образе жизни как предметах очень интересных и мало известных в стране Рахата.

Эти два письма возбудили во мне множество вопросов. В этой стране, видимо, имеется своя бумага и газета, следовательно, и печатня. Конверты не в употреблении. Странно. Девушка пишет письмо и просит [дать] ответ, чтобы познакомить меня с родственниками. Это ещё странней. Письма, очевидно, доставлены городской почтой, однако они без марок. Наконец, страна, не имеющая внешних сношений, имеет газету, т. е. листок новостей... Страна эта с каждым часом становится для меня удивительней и загадочней.

Я стоял, погруженный в эти соображения, когда вошёл шейх Джелял, остававшийся на базаре.

– Что вас задержало? – спросил я его.

– Я увидел свежепривезённые яйца и заказал, чтобы тебе вывели десяток цыплят, – отвечал он, садясь на диван.

Честное слово, я был так поражён этим ответом, что серьёзно испугался за здоровье мозгов почтенного шейха! Как это, вывести для меня цыплят? «Разве ваши куры на базаре выводят цыплят?» – спросил я, однако.

– Вот, видишь ли, мой сын, у нас куры только несут яйца, а цыплят мы выводим сами, без их посредства...

– «Несчастный, он совсем уже помешался и так внезапно!» – думал я, вытаращив глаза. Шейх чему-то улыбнулся и продолжал: «Я вижу, мой друг, что ты круглый, хотя и милый, невежда. Хотя ты кое-что знаешь из Божественных Откровений (Коран), но, видимо, ты даже не слышал о существовании другой книги – Книги Божественных Деяний. Если бы ты знал что-либо из этой книги, то не был бы так поражён, что у нас выводят цыплят без насадки».

– Ради Аллаха, объяснитесь, г[осподин] шейх, я окончательно смущён вашими речами... Как так можно выводить цыплят без насадки, и какая такая книга Божественных Деяний?

– Известно, что из яйца вылупляется цыплёнок не потому, что на нём сидит курица или другая птица, а потому, что теплота насадки действует на яйцо. По Воле Аллаха из содержимого яйца образуется будущая птица под влиянием известного количества и степени тепла. Путём опыта и наблюдений мы определили это количество и меру теплоты и без помощи насадок, в особо приспособленных печах, в три дня выводим каких угодно птиц.

– Да помилует вас Аллах, что вы говорите! – вскричал я.

– Не думай, что мы святотатствуем; мы это делаем на основании указаний Книги Предвечных Деяний, точно так же, как на основании предписания Предвечных Откровений совершаем намаз и молитвы.

Мне стало казаться, что помешался я, но тем не менее решил спросить.

– А где эта чудная книга, о коей я нигде не слышал?

– Книга эта раскрыта повсюду, надо только уметь и желать читать её. Страницы её необъятны. Малейшие точки и чёрточки её букв – целые горы и моря... Книга эта – совокупность Природы, созданной Божеством. Изучение природы, её сил и законов даёт человеку знания, необходимые для жизни, точно так же, как Книга Откровения указывает нам основы нравственности и пути к спасению в будущей жизни. Как и когда нужно молиться, что хорошо и не хорошо, мы узнаём из Откровения, а как и когда надо работать, как растить деревья и животных, что вредно и что полезно для человека, мы черпаем из указаний Природы, которая есть Дело Аллаха, как Коран – Слово Его. Позже всё это ты поймешь лучше.

– Всё это очень удивительно, – отвечал я. – Немного начинаю понимать вас, но всё-таки многое для меня темно... Искусственно выведенные цыплята не будут ли харам? (нечистый, запрещённый).

– Нет, мой сын, успокойся, что харам – то указано в Законе. Подумай: из дикой кислицы путём опыта и знания человек вырастил прекрасное яблоко; точно так же на основании известных законов природы и знания их он

из семян шелковичного червя получает блестящую ткань и может выводить из яиц цыплят, если знает и понимает значение наседки... Существует ли у вас в Туркестане шелководство и садоводство?

– Да.

– Вот со временем, когда знания сделают у вас большие успехи, вы будете знать и другие способы культуры и производств.

Я показал шейху полученные письма и высказал свои недоумения.

Он объяснил: «У нас бумага своего производства и делается из растительности. Газета и печать существуют давно. Газета и книги даются всем даром; почта общественная, даровая. Письма всегда пишутся открытые, ибо никто не пишет и не делает что-либо противное закону или чести, чтобы скрывать свои мысли или письма. Впрочем, никто не позволяет себе прочесть чужое письмо. Девушки и женщины так же пишут, как и мужчины. В отношении тебя Фериде Бану пользуется правом знакомства. Что касается письма редакции, то будет любезно сообщить ей, что можешь, на её вопросы».

Вскоре за сим шейх вышел, обещав прийти вечером, а я принялся рассматривать номер арабской газеты. На первой странице я увидел статью о Туркестане и тюркских народах и жадно принялся читать.

1888. – 15 июля, № 24.

Статью арабской газеты я прочёл с большим вниманием; она сообщала очень много интересного, но по некоторым соображениям я не могу послать вам её полный перевод и приведу лишь заключительную часть.

«Таким образом, – повествовала газета, – при Худояр¹¹¹, Музафар-Эддин¹¹² и Магомед-Рахим ханах¹¹³ туркестанские ханства находились в таком положении, что должны были подчиниться России и признать её влияние. Если часть народа и была недовольна событиями, но было и немало таких людей, особенно среди торгующего класса, которые радовались приходу русских и их влиянию. По словам шейха Мансура, посетившего туркестан-

111 Худояр-хан – правитель Кокандского ханства в 1845–1875 гг. Сын Шир-Али. Его правление характеризуется смутами, конфликтами с бухарским эмиратом и капитуляцией перед Россией в ходе русско-кокандской войны. Был свергнут в результате Кокандского восстания 1873–1876 гг. Худояр-хан обратился за помощью к туркестанскому генерал-губернатору и летом 1875 г. бежал в Ташкент под защиту русских войск.

112 Музаффар (1834–1885), полное имя Сайид Музаффаруддин Бахадур Хан (1860–1885) – восьмой правитель из узбекской династии мангытов в Бухарском эмирате. При правлении Музаффара в 1868 г. Бухарский эмират оказался под протекторатом Российской империи.

113 Мухаммад Рахим-хан II (1845–1910) – одиннадцатый правитель из узбекской династии кунгратов в Хивинском ханстве, годы правления – 1864–1910 гг. Мухаммад Рахим-хан II был последним независимым ханом Хорезма. В 1873 году, несмотря на сопротивление, ханство оказалось под протекторатом России.

ские края в тысячу двести девяносто... году, с водворением русских спокойствие и безопасность осенили дороги, степи и жилища; прекратились отвратительные и ужасные казни и избиения во имя дурно понятой правды и веры. Строгий контроль русских при сохранении за населением права жить и следовать шариату расположил к ним чувства населения, и оно во все не жалеет о прежнем порядке...

...К сожалению, умственное состояние туркестанских мусульман самое плачевное. Они кое-как справляются ещё с духовной наукой, хотя и в этом отношении крайне односторонни, но о других знаниях и помину нет! Это тем более странно, что были эпохи, когда знания и словесность достигали значительного блеска и развития. Например, в эпоху Тимура¹¹⁴ и тимуридов¹¹⁵ Самарканд представлял [собой] наиболее учёный город мусульманского мира. Сами правители отличались глубокой учёностью, сознавая, что это лучшее украшение человека, не исключая и царей. Сам Тимур и – особенно – сын его Улугбек¹¹⁶ были всесторонне учёны и образованны. Хромота могла быть преодолена, но если бы Тимур был слепой, т. е. не был просвещён, то не мог бы пройти и подчинить себе половину мира!

Вообще, царства и народы, идущие к гибели, прежде всего губят у себя науки и знания и затем сами подходят, как бараны, под удары судьбы с завязанными глазами.

Случайно прибывший в нашу страну молла Аббас – туркестанский мусульманин, уроженец г[орода] Ташкента. Хотя он много учился на родине и некоторое время жил среди френгов, но тем не менее он думает ещё поучиться у нас, чтобы достигнуть более совершенного просвещения в духе ислама. Нет никаких оснований думать, что он явился сюда с дурными намерениями. Мы охотнее думаем, что им руководил случай или жажда знаний».

Вся статья газеты указывала на то, что здешние люди отлично знают наш Туркестан и его дела. Впрочем, они так же хорошо знают и другие страны. Вообще, я находился среди людей, которые знают очень много, но о них-то никто ничего не знает!

114 Тимур / Тамерлан (1336–1405) – государственный деятель, полководец, завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Создатель государства со столицей в Самарканде.

115 Средневековая среднеазиатская династия, правившая на территории Мавераннахра и современных Ирана и Ирака с 1370 г. до начала XVI в. Основателем династии был знаменитый полководец Тамерлан. Один из представителей династии Тимуридов, Захир ад-дин Бабур, в 1526 г. основал индийскую династию Великих Моголов.

116 Мухаммед Тарагай ибн Шахрух ибн Тимур Улугбек Гураган (1394–1449) – среднеазиатский государственный деятель, правитель тюркской державы Тимуридов, сын Шахруха, внук Тамерлана. Известен как выдающийся математик, астроном, просветитель и поэт своего времени. Основал одну из важнейших обсерваторий Средневековья.

Просматривая другие статьи газеты, я прочёл следующие поразительные вещи: «Из дер[евни] Палестина нас извещают, что местный инженер-строитель соорудил машину, которая при помощи воздуха подымает воду на триста шагов вверх, на гору, так что обширная площадь горы отныне делается способной к культуре». «Известный наш химик Джафар Эддин из костей животных и смеси вновь открытого минерала составляет порошок, который служит чрезвычайным удобрением для земли. Им сделан опыт на самой плохой, худой земле, где раньше ничто не произрастало. Урожай получился, как на самой лучшей земле».

«Из дер[евни] Эль-Маср нам пишут, что на прошлой неделе там был следующий случай: восьмилетний мальчик Сайд, сын Хасана, нечаянно проглотил кусок режущего стекла. Так как уничтожить в желудке это постороннее тело химически не представлялось удобным и всякое промедление грозило мальчику смертью через поранение кишок, то местный врач Хусейн сделал вскрытие желудка и извлек то стекло ранее, чем оно попало в кишки. Бедный Сайд ныне выздоравливает и в другой раз будет осторожней, чтобы не проглотить подобную вещь».

Я был чрезвычайно удивлен этими известиями. Очевидно было, что мусульмане Дар-ур Рахата в машиностроительстве, механике, земледелии и медицине сделали такие успехи, о коих у нас в Туркестане неудобно даже говорить. Вообще эта страна чрезвычайно меня заинтересовала, и я решил подробно изучать её, если что-либо не помешает. Тут на каждом шагу чудо и новость, и жизнь людей столь же не похожа на нашу, сколько и на европейскую. Она лучше. Я так думаю, а вы подумайте.

Мне надо было исполнить предложение прекрасной Фериде Бану. Я ответил ей письмом, что очень рад и благодарен её приглашению. Не знаю, насколько правильно я составил моё письмо, ибо, хотя я много учился по-арабски, правильно писать едва умею! Конечно, между своими это не было бы заметно, а здесь, где девушки даже учёны, я очень опасаясь за мои познания, столь долговременно приобретённые в Ташкентском медресе.

1888. – 25 августа, № 27.

На другой день пришёл за мной Хасан, брат Фериде Бану, и мы отправились к ним.

Мы пошли по одной из прекрасных и чистых улиц Дар-Эль-Саадета, имея по обе стороны улицы ряды цветников, садов с живописными, оригинальными домиками в глубине. Конец улицы упирался в небольшую площадь, выложенную цветными мраморными плитами; посреди площади выступала не очень большая, но чрезвычайно красивая белая мраморная мечеть с таковым же минаретом – стройным, тонким, покрытым затейливыми узорами художественной резной работы. Множество изящных, точ-

но выточенных на станке колонн чёрного мрамора поддерживали смелые арки балкона, устроенного вокруг мечети... Я не мог оторвать глаз от этой благородной и живописной постройки, соединявшей в себе простоту с чудной, живой красотой, тяжесть и мощь гранита – с лёгкостью и прелестью искусства. Мне казалось, что строитель мечети задался целью воплотить в ней идею ислама: простота в величии и величие в простоте. Подойдя ближе к мечети, я увидел, что мастера Дар-ур Рахата перещеголяли своих гренадских праотцов: колонны, арки, ниши, карнизы и камни так плотно и гладко были пригнаны друг к другу, что с большим усилием можно было заметить швы и линии соединений! На взгляд казалось, что вся мечеть высечена из цельной, исполинской глыбы мрамора... Отсутствие гробниц и могил, обыкновенно окружающих наши туркестанские мечети, напомнило мне, что я вообще не видел ещё здешние кладбища. Поэтому, пройдя мечеть и следуя на противоположную сторону площади, я спросил, в каких местах устроены кладбища.

– Здесь близ городов и сёл кладбищ вы не встретите – для них отведены особые участки в стороне и не очень близко от жилых мест.

– Но это, я думаю, неудобно для жителей?

– Как неудобно! Это необходимо; кладбища близ жилища живых людей могут принести большой вред. Разве вам не известно, что трупные миазмы заражают воздух, а трупный яд отравляет почву и подпочвенные воды?

– Мне это отчасти известно, но в наших странах подобные вещи не известны.

– Жаль, очень жаль, ибо подобные знания – лишь азбука жизни и начальные шаги благоустройства, общественного здоровья и цивилизации. Скажите, пожалуйста, Сиди Аббас, действительно ли страны Туркестана, Ирана, Арабистана и Магриба покрыты мраком невежества, как у нас здесь говорят?

– Сравнительно с тем, что я вижу здесь, все те страны ещё полудикие, но, однако, люди тех стран думают о себе иначе...

– Да поможет им Аллах! Меня удивляет, что френги, ученики и рабы наших отцов в Андалузии, успели догнать и, как видно, оставить позади себя мусульман.

– Это верно. Теперь науки, ремесла, торговля, богатство и сила на стороне френгов; они господствуют во всём мире...

– Да, это нам здесь тоже известно; но и в их жизни и цивилизации тоже заметны страшные язвы, которые отравляют их, по-видимому, здоровое, красивое тело... Но вот мы уже близко.

Пройдя площадь, мы вошли в улицу Преподавателей: на этой улице было жилище отца Фериде Бану и Хасана. Дом их, как и прочие, отделялся от улицы железной решёткой, за которой виднелся благоустроенный сад с домом посередине.

1888. – 31 августа, № 28.

Хасан проводил меня в приёмную комнату, или комнату для гостей. Проходя по двору, я видел, что люди здесь живут в такой чистоте, в таком довольстве, о коих у нас и понятия не имеют. Кажется, ведь цветы – статья не очень важная; а тут они так подобраны и выхолены, что круглый год цветёт то один, то другой сорт, лаская взор и благорастворяя воздух тонким благоуханием. Ветки деревьев оживлены множеством певчих птишек, порхающих из сада в сад и не боящихся людей, ибо последние их никогда не ловят, никогда не бьют, но часто кормят или подкармливают.

В гостиную встретили меня шейх Абдулла, отец Хасана, и брат его Али. Шейх Абдулла был почтенный старец лет восьмидесяти, совсем седой, но ещё совершенно бодрый и здоровый. Али был молодой человек лет 25, на вид моложе Хасана на два-три года. Комната, в которой я находился, была застлана растительной циновкой с затейливыми узорами. Кругом стен, чисто выбеленных, стояли мягкие диваны, обитые красным сафьяном. Шейх Абдулла предложил мне сесть и сел рядом. Хасан и Али сели напротив. Называя меня сыном, почтенный старец выразил своё удовольствие видеть меня и узнать кое-что о мусульманах, живущих в далёких краях Азии. При этом он заметил, что дочь его уже сообщала ему кое-что, слышанное от меня.

Шейх Абдулла бойко расспрашивал меня о делах Туркестана и Френкистана, причём я убедился, что он знает об этих странах много более, чем я, грешный!

Меня особенно удивили подробности, сообщённые им, из жизни бухарского хана Эмира Насруллы¹¹⁷, деда нынешнего хана, и эпизоды из злоключений кокандского хана Худаяра, мало кому известные даже в самом Коканде. Но что меня поразило в речах старца, это то, что уже сто лет назад здесь знали (предвидели) русское завоевание Средней Азии! Заметив моё недоумение, Шейх Абдулла улыбнулся и сказал:

– В городской библиотеке ты найдёшь книжку под заглавием «Предположения и предвидения Ибн-Мервана», написанную сто два года назад. Там ты увидишь, что предвидения почти в точности исполнились...

– Но меня всё-таки поражает эта сила предвидения, ума, знания... Я не пойму, как может смертный видеть [на] сто лет вперёд! Великий, святой человек был Ибн-Мерван...

– Нет, мой сын, он был такой же человек, как все. И ты тоже можешь предвидеть очень многое, если к тому подготовишься.

Это объяснение вовсе не рассеяло туман, покрывавший мои очи и мозги; я недоумевал ещё более: как я могу знать, что будет через пять, десять, пятьдесят лет! Не понимаю...

117 Эмир Наср Улла Бахадур Хан (1806–1860) – пятый правитель Бухарского эмирата (1827–1860).

Чтобы просветить меня, шейх продолжал: «Знаешь ли ты кое-что из времен омейядов; слышал ли о величии Александра Македонского и вашего Аксак Тимура? Ты не жил в то время, как же ты знаешь то, что было тогда, когда тебя не было? Ты знаешь это из достоверных сказаний и книг; из свидетельств многих историков и поэтов. Таким образом, ты видишь, что существует средство знать то, что было до нас; поэтому не смущайся, что есть средство более или менее верно знать то, что будет после нас...

Ты, конечно, знаешь, что такое водяная мельница. Колесо её вертится, когдапустишь воду, а если же воду отвести, то она перестанет действовать. Не так ли? Зная это и осматривая любую мельницу, можно предсказать, долго ли она может работать. При этом мы примем в соображение материал, из которого она построена, устройство арыка, количество воды и прочее.

Точно таким же образом можно изучить положение и состояние данного народа или государства, таковое же его соседей в связи с их прошедшим, чтобы из добытых, очевидных для опытного глаза фактов усмотреть ближайшее и вероятное будущее... Ты ещё молод; когда ум твой обогатится более, то и глаза увидят глубже и дальше».

– Да, но всё-таки я не совсем вас понимаю... Всё зависит от Воли Аллаха; каждое утро может произойти нечто такое, чего нельзя было предвидеть ещё вчера.

– Да, мой сын, на всё Воля Аллаха; нет Воли и Знания предвечнее Его. В это я верую так же, как и ты, но ты не знаешь того, что всё на свете совершается по определенным порядкам и вечным законам, а не так себе, как бы по капризу. Уже тысячи лет солнце появляется на востоке, чтобы уходить на запад, хотя, если угодно будет Аллаху, солнце 20 раз в день может изменять своё направление... Точно так же в жизни народов и государств действуют определённые законы; определённый порядок. Зная эти законы и данный народ, можно с большой вероятностью предсказать, пойдёт ли тот народ вперёд или назад... Приведу для тебя простенький пример того, как можно предвидеть будущее: ты недавно был во Франции и знаешь, как горячо желает каждый француз возвращения Эльзаса и Лотарингии¹¹⁸, отнятых германцами в войну 1870 года. Так как германцы употребляют все усилия сохранить за собой эти земли, то можно предвидеть, что дело это без новой войны не разрешится. Если же изучить дела и положение других государств Френкистана, то можно предсказать год, когда произойдет эта война. Конечно, ошибка очень возможна, но ошибка эта будет не очень далека от действительности...

118 «Имперская земля» Германской империи, расположенная на территории сегодняшней Восточной Франции, состоящая из Эльзаса и восточной Лотарингии, связанных общей историей. После франко-прусской войны 1870–1871 гг. значительная часть Лотарингии и почти весь Эльзас были переданы Германии. По условиям Версальского мирного договора, Франция в 1918 г. вернула себе эти земли.

1888. – 14 сентября, № 30.

С любопытством следуя за речами и мыслью шейха Абдуллы, я не заметил, как вошла моя старая знакомая, Фериде Бану, и поставила перед нами небольшой столик с чашками горячего молока и разными печениями.

– Приветствую Вас, – обратилась она ко мне, – я очень рада, что вижу Вас в доме моего родителя.

Я не ожидал, что мусульманка покажется мне, и, смущённый, пробормотал несколько любезностей.

– Прошу кушать, – продолжала она, – Вы, может быть, привыкли к чаю, кофе, но в нашей стране этих растений нет, и мы легко обходимся без них.

– Благодарю Вас; здесь всё так хорошо, всего так много, что, право, о чае и кофе думать не приходится.

Фериде Бану, одетая теперь гораздо лучше, чем во время спуска нашего из Альгамбры в подземелья, казалась ещё более прекрасной. Голос её звучал ещё прелестней и нежней, чем мне показалось тогда.

– Сиди Аббас, – обратилась она к братьям, – очень испугался, когда встретил нас в Башне Принцесс... Впрочем, и мы порядком перетрусили. Он думал, что встретил джиннов (гемниев)¹¹⁹, но шейх Джелал успокоил его.

– Действительно, я тогда был поражён, хотя недоумение моё ещё продолжается... Однако Ваше знакомство облегчило и успокоило меня.

– Вы говорите мне любезности и вследствие этого – маленькую неправду, – заметила она с обворожительной улыбкой, – впрочем, Вы жили среди френгов, а у них говорить любезности даме и слегка обходить правду, говорят, в обычае... Я думаю, что Вас облегчило не знакомство со мной, а порядок, царствующий в нашей стране, где Вам не сделают никакого вреда. Вы это очень скоро почувствовали, хотя, вероятно, не знаете, как пойдёт ваша жизнь далее...

– Я полагаю, что пользуюсь чрезвычайным гостеприимством здешних мусульман, я изучу различные неведомые у нас науки и затем вернусь на родину обрадовать моих сородичей своими повествованиями о великолепной стране Рахата.

– Конечно, мой сын, – прервал меня старик, – мы не успели ещё заслужить твою любовь; ты же ещё мало знаком с нашей страной и жизнью, но поживши между нами далее, ты пожелаешь остаться у нас навсегда.

Это было сказано самым дружелюбным, сочувственным тоном, но почему-то дрожь пробежала по моему телу от внезапной мысли, что меня

¹¹⁹ Духи в арабской мифологии, позже ставшие частью учений ислама, в которых выступают как правило в роли нечисти. Согласно вероучению ислама, джины были созданы из чистого бездымного пламени, не воспринимаемые ни одним из пяти основных чувств человека, живущие параллельно с людьми, но появившиеся раньше них и так же восприимчивые к вере/неверию в Бога.

могут не выпустить из этой страны. По возможности хладнокровней я ответил:

– О, мой отец, я не видел страны прекрасней этой и не встречал людей более достойных и симпатичных, чем здешние мусульмане, но для всякого дорога своя родина, а потому, может быть, позже я пожелаю вернуться в Ташкент... Я думаю ещё побывать в Египте и Константинополе...

– Твои желания совершенно естественны, но выход твой из нашей страны будет зависеть не от тебя. От нас отправляются за горы разведчики и старцы, но их назначает и посылает эмир. Кроме того, выход из нашей страны прикрыт и никому не известен, кроме старцев-смотрителей; ты, вероятно, заметил, что у нас сношений с внешним миром не существует.

Было очевидно, что возврат мой был невозможен; я должен был навеки проститься с Ташкентом, если не поможет неведомый случай выбраться отсюда... Но какой случай? Посмотрим. Храни меня Бог!

– Я охотно останусь в этой прекрасной стране; я уже люблю её, но заговорил о выходе на случай, если не привыкну к здешней жизни. Буду молить Аллаха, чтобы кости мои остались в священных землях Рахата, – ответил я шейху, стараясь замаскировать своё смущение. Собеседники мои уверяли меня, что здешние мусульмане и эмир устроят мою жизнь хорошо и что я не буду скучать по беспорядочным странам загорья.

Из дальнейших разговоров я узнал, что шейх Абдулла был мудеррисом по истории и философии Великого Медресе, куда я должен был поступить по подготовке. Хасан был инженер, Али – агроном, а Фериде Бану – будущий доктор, только недавно окончивший курс наук.

Раньше я рассказал вам со слов Фериде Бану историю возникновения загадочной мусульманской общины этой страны. Теперь со слов её отца, шейха Абдуллы, сообщу вам дальнейшие сведения. Как только родственники и друзья Сиди Мусы, героя Гренады, выбрались по тайному ходу в неведомую котловину Сиерра-Невады, названной ими Страной Спокойствия, они расположились во временных землянках и шатрах. Затем своевременно закрыли и заделали вход из первой подземной залы в спасительную котловину. Всех эмигрантов было 185 человек, и в числе их – 78 женщин. Эта маленькая община первым делом признала Сиди Якуба, племянника Сиди Мусы, своим начальником и эмиром и избрала ему в советники шесть человек из старейших и учёных членов общины. Все члены общины были люди достаточно сведущие; между ними были искусные мастера, садоводы, земледельцы, три доктора, два архитектора и несколько богословов. Так как каждый эмигрант, спасаясь из Гренады, захватил с собой книги, инструменты, семена и прочие принадлежности жизни, согласно письменному указанию Сиди Мусы, то они имели под рукой достаточно средств устроить сносно свою жизнь, тем более, что, благодаря усердию последнего садовника Альгамбры, в котловину было пригнано до сорока голов овец и доставлено достаточно домашней птицы, чтобы можно было их тут плодить.

Так как котловина гор была болотиста от сбегавших со всех сторон ручьёв, то на первое время злосчастные эмигранты расположились двумя поселениями на возвышенности, но тем не менее болотная лихорадка, видимо, ослабляла каждого, унося частые жертвы. Было очевидно, что спасение общины зависит от осушения болот и оздоровления воздуха, тем более, что крутые склоны гор, загромождённые камнями и скалами, представляли плохую почву для посевов и жизни.

1888. – 5 октября, № 33.

Несколько учёных вместе с докторами и инженером-архитектором осмотрели всю местность во всех подробностях и составили план и предположения о необходимых работах и сооружениях. Окончив самые нужные домашние работы и засеяв, сколь было возможно, пшеницы, хлопка и рису, вся община, не исключая и женщин, принялась за общественные работы. Работал всякий, кто только мог что-либо делать, даже эмир Якуб и бывший при нём инженер, обходя работающие партии и указывая, как работать, сами тоже не оставляли лопаты и кирки. Три первые года община провела в тяжких трудах; лишь слабосильные были заняты домашними работами. Зато на четвёртый год маленькая страна представляла совершенно другой вид: ручьи, сбегавшие беспорядочно с гор в котловину, текли по искусственным канавам по склонам гор и орошали сравнительно громадные площади, превращённые мало-помалу в цветущие нивы, сады и плантации. Болота, изрытые сетью канав, вскоре обсохли и покрылись великолепной здоровой растительностью. Стало очевидным, что человеческое знание и труд могут самые худые, нездоровые места обратить в благодатный край.

Инженер общины Сиди Ахмед, да будет над ним благословение Аллаха, измерил всю площадь котловины, вычислил количество стекавших вод, размер возможного испарения, просачивания в глубь земли и нашёл, что стекающие воды куда-то уходят, без чего вся котловина должна бы представлять собою глубокое озеро... Его предположение, плод точных научных данных, оправдалось самым блестящим образом: в западной части котловины, где были самые топкие и глубокие болота, упиравшиеся в отвесные гранитные горы, он открыл бездонную расщелину, загромождённую обломками скал и занесённую тиной и водорослями. Как только расщелина была очищена, болотные воды быстро исчезли под горой, в неведомые пространства. С тех пор эта небольшая страна превратилась в земной рай. Лихорадка и многие другие болезни совершенно исчезли, как происходившие от миазмов и дурной воды. Люди спустились с неудобных гор в долину и зажили здоровой, веселой и трудовой жизнью.

Первое поселение, основанное эмигрантами, названо ими в память покинутой Гренады «Новой Гренадой». Селение это существует до сих пор в

северной части долины. Вслед за жилищами общими силами были сооружены там же первая мечеть, медресе для мальчиков и девушек и больница. Тут по личному опыту каждый знал, что труд и знания – основа и гарантия жизни, а потому поголовное обучение и – соответственно – работа были признаны общим правилом и законом. Урожай хлеба, хлопка и рис[а] обеспечили жизнь колонии, а быстро расплодившиеся стада овец помогли развитию общего довольства. Через тридцать лет число жителей увеличилось до 400, кои уже жили в трёх хорошо обстроенных селениях, имея три мечети, шесть медресе и одно Собрание Учёных, где в неделю раз сходились все учёные общины для бесед и различных опытов, кои записывались особыми писцами и увеличивали запас знаний и наблюдений.

Через столетия население настолько увеличилось, что вся долина покрылась селениями, и приступлено было к сооружению города Саадет. Земледелие, садоводство, ремёсла достигли высокого развития, как основанные на рациональных началах, и обеспечили всем и каждому богатую и весёлую жизнь. Все науки, известные испанским мусульманам, получили здесь дальнейшее развитие и послужили к великому благосостоянию и счастьем жителей. Трудовая жизнь, взаимопомощь и любовь укоренили в них лучшие качества и добродетели, так что зла тут не существовало. Шайтан-искуситель¹²⁰ точно остался за горами и не рискнул пройти в это чудное тайное убежище.

В настоящее время Дар-ур Рахат имеет триста тысяч жителей, населяющих 40 обширных, благоустроенных сёл и город Саадет. Эмиры из рода Сиди Мусы всё время правят народом чрезвычайно правдиво и умно, служа образцом трудолюбия, высоких нравственных качеств и знаний. Великая любовь народа к поколению своих эмиров выразилась в сооружении на общие средства великолепного дворца, находящегося в Саадете и названного в честь бабки нынешнего эмира Зегры Каср-Эль-Зегра.

По словам шейха Абдуллы, это была замечательная женщина. Её перу принадлежит великолепный сборник высокопоэтических стихотворений, обширный нравственно-философский трактат о жизни, учение о деятельности и общественной роли женщин; её трудами и влиянием основана высшая женская школа и институт воспитательниц. Эти две школы дают общине строго нравственных женщин, учёных помощниц, подготовленных матерей и искусных хозяек.

Почти до вечера шейх Абдулла посвящал меня в историю этой прекрасной страны, и я слушал с неустанным вниманием. Хасан и Али сообщали некоторые подробности и давали объяснения, чтобы облегчить мне понимание слышанного. Как ни интересно было всё это, но я не мог подавить в себе любопытства узнать поскорей, почему Фериде Бану, сторонняя для меня мусульманка, не закрывалась от меня. Следуя повсеместному обы-

¹²⁰ В исламском богословии, представитель категории злых духов, враждебных Аллаху и людям.

чаю, она должна была скрываться от меня, как от стороннего мужчины... Не будь здешние люди мусульманами, тогда обстоятельство это было бы понятно.

Перед вечером Фериде Бану пригласила нас в сад, в беседку, обедать. Здесь меня представили Айше Бану, хозяйке дома, почтенной старушке, которая отнеслась ко мне с чрезвычайной нежностью. Сразу было видно, что это добрейшая женщина, и я чувствовал себя среди этих людей, как среди родных или старых приятелей.

1888. – 22 октября, № 36.

Обед состоял из мясных, молочных и мучных блюд, а также из разнообразных фруктов и варений. После обеда было подано фруктовое прохладительное питьё. Вкусно покушав, и, развлекаемый чудным местоположением и дружескими, интересными речами моих знакомых, я почти забывал загадочность и неопределённость моего положения. Удовольствие моё достигло, однако, высшей степени, когда, убрав стол, Фериде Бану принесла музыкальный инструмент вроде мандолины¹²¹ и огласила воздух тихими аккордами и нежным голосом... В эти минуты мне казалось, счастье прикрыло всех нас. Она пела чудные газели, игриво импровизировала или с увлечением передавала старинные бравурные песни мавров... Заметив моё увлечение музыкой, шейх Абдулла спросил: «У вас в Туркестане музыка, вероятно, в почёте и уважается?»

– Напротив, – отвечал я, – у нас музыка и песнопение считаются неприличием, не идущим к серьёзности мусульманина.

– Конечно, музыка, низводимая на степень службы разгулу и безобразию, должна осуждаться, но как средство для проявления благородных чувств и сокровенных движений души человека не может не почитаться почтенным искусством... Песня и музыка суть проявления довольства и радости; довольство и радость тварей не могут быть противны Всеблагому творцу; разумная, вольная песня – это половина молитвы. Она облагораживает человека, облегчает его душу. Не следует, конечно, злоупотреблять ею. Глубокий богослов может и назидать, и развращать людей; искусный химик может и оживлять, и отравлять людей. Из этого не следует, чтобы богословие и химия были неприличны мусульманину...

Я был очарован и музыкой, и беседой. Только вечерний призыв муэдзина напомнил мне, что пора подумать о молитве и возвращении домой. Я встал и попросил позволения идти. Али вызвался проводить меня. Все члены этой доброй семьи взяли от меня слово бывать у них и обращаться как к родным, если что-либо понадобится. Фериде Бану поднесла мне в

¹²¹ Струнный щипковый музыкальный инструмент небольших размеров, разновидность лютни – лютня-сопрано, но с менее длинной шейкой и с меньшим числом струн.

дар великолепную корзиночку, наполненную тонким бельём. Я не знал, как благодарить её. Отказ же мой мог оскорбить этих простых и честных людей.

Я должен заметить ещё, что в доме шейха Абдуллы не было прислуги, если не считать одну пожилую женщину, родственницу шейха, жившую с ними. Тут все работали; да и склад жизни был таков, что каждый мог обходиться без сторонней помощи.

Когда я вернулся в караван-сарай, то встретил у себя моего смотрителя, или воспитателя, шейха Джелыла. Он сообщил мне, что послезавтра представит меня эмиру, который пожелал видеть первого чужестранца в своей стране.

– В какое время нужно будет идти? – спросил я шейха.

– Эмир прийдёт за нами, вероятно, утром, – отвечал он.

– Скажите, пожалуйста, каковы этикетки приёма – я не желал бы представиться его светлости полным невеждой.

– Никаких особенных правил, мой сын. Конечно, ты понимаешь, что должен быть почтителен, а затем говорить обдуманно и правдиво, если желаешь приобрести благоволение его светлости эмира.

– О да, я желаю просить его светлость о большой милости... Можно ли просить его о чем-либо?

– Конечно, можно, но только всё, что нужно будет для тебя, сделается и без всякой просьбы. Уже сделано распоряжение об обеспечении твоей будущности. Назначен участок земли для обработки, отведено место для усадьбы; тебе остаётся немного поучиться, попривыкнуть к здешней жизни... И выбрать себе подругу жизни, – добавил шейх, улыбаясь.

Выслушав это сообщение шейха, я крайне смутился. Надежда на возвращение на свет Божий, надежда увидеть ещё раз мой родной Ташкент совсем ослабела. Я бы почувствовал себя очень плохо, но меня поддерживала слабая надежда на эмира: я думал, что он разрешит моё возвращение в Альгамбру, а оттуда дорога мне известна. Очевидно, заметив моё смущение, шейх спросил:

– О чём, мой сын, ты думаешь просить эмира?

– Я хочу просить его разрешить мне возврат на родину, так как тоска и беспокойство начинают отравлять моё существование.

– О, мой сын, твоя просьба очень важна; я не знаю, что ответит тебе эмир, но, во всяком случае, это будет первый пример выхода из нашей страны, если тебе это суждено.

– К чему же меня приневоливать? Я ведь свободный человек. Тем более, что я пришёл сюда без уговора остаться навсегда.

– Это так, мой сын, но разве ты находишь нашу страну и жизнь не хорошими, что желаешь нас оставить? Мы все были рады тебе, и ты бы устроился здесь отлично.

– Мне будет очень тяжело, если я кого-либо огорчу моим желанием

уйти. Страны прекрасней, людей благовоспитанней и счастливей я нигде не видел, но, шейх мой, выезжая из Ташкента, я дал обет поклониться Каабе¹²² и гробу Пророка... Изменить этому обету и долгу я не могу и не хочу.

Шейх задумался. Он, видимо, сознавал моё право на выход, но, с другой стороны, местные условия и таинственность страны Рахата налагали на каждого живущего здесь особые обязанности, которые трудно было согласовать с моим желанием оставить эту страну. С моим уходом нарушалось местное право и обычай, нарушалась тайна их прекрасного убежища.

После некоторого раздумья шейх сказал: «Во имя Бога, будем терпеливы, время и соображения укажут путь разрешить твою задачу... Завтра скажи эмиру. Но не особенно надейся на желательный тебе ответ... Будь я эмиром, я не знал бы, что тебе ответить – я не желал бы подвергнуть риску жизнь и свободу всего нашего общества, ибо раз тайна нашей страны будет узнана, бытие наше расстроится, хотя современные испанцы, надеюсь, не поступят с нами так жестоко, как поступили их предки при завоевании Гренады и Андалузии...»

Шейх Джеял ушёл от меня весьма взволнованным. Я был взволнован ещё более. Я думал: чем, наконец, разрешится моё приключение? Не сделают ли мне какого-либо вреда из-за моего желания уйти? Могут, наконец, лишиться меня жизни! Впрочем, кажется, здешние люди не способны на подобные поступки.

1888. – 4 ноября, № 38.

На следующее утро пришёл шейх Джеял, и вскоре за ним посланный от эмира, чтобы проводить нас во дворец. Мы отправились втроём пешком. Я, кажется, уже писал вам, что в этой стране не было лошадей и крупного скота вообще. Впрочем, в этих животных тут и не было особенной надобности: вода и электричество почти во всём их заменяли как рабочую силу. Пройдя по великолепным улицам и площадям города, мы вышли за город и вошли через большие металлические ворота в прекрасный парк и сад. В глубине аллеи гордо выступал изящный белый дворец, расположенный среди сада на открытой площадке. Перед дворцом бил большой водоём [фонтан] из красного мрамора. Обойдя его, мы подошли к крыльцу, и только тут я рассмотрел великолепную отделку и резьбу дворца Зегры. Белый мрамор, из коего выстроен весь дворец, усеян самыми красивыми и затейливыми узорами. Надо удивляться крепости резца и уменью мастера, выводившего эти узоры на мраморе! И на дереве

122 Мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам (Заповедная Мечеть) в Мекке. Это одно из основных мест, собирающее, согласно кораническим предписаниям, паломников во время хаджа. Кааба носит символическое имя аль-Бэйт аль-Харам, что означает в переводе с арабского «священный дом».

подобная резьба казалась бы удивительной. Шесть широких ступеней, украшенных вазами из красного мрамора, подняли нас к дверям, кои открылись перед нами. В передней нас встретили двое слуг в богатых одеяниях и провели в одну из боковых зал. Тут нам подали разные сласти и печенья, между тем как проводник наш пошёл к эмиру доложить о моём приходе. Комната, в которой я был, меблирована в мавританском вкусе атласом жёлтого цвета. Пол был вымощен плитками цветного мрамора и арабесками.

Через полчаса вернулся наш проводник и пригласил к эмиру. По мраморной, устланной коврами лестнице мы поднялись на второй этаж и вошли в большую залу со сводчатым стеклянным потолком. Тоненькие, стройные, но высокие колонки из мрамора поддерживали чрезвычайно красивый потолок – чудо архитектурного искусства и художества. Я нигде не видел ничего подобного: такое удивительное сочетание мрамора, бронзы, хрусталя, красок, позолоты, теней и света, что глаза мои разбегались; но я был особенно поражён, когда мы подошли к середине залы, где стоял огромный стол в металлической оправе и на мраморных ножках... Но это был не стол, а целое волшебство! Верхняя доска стола была из стекла или хрусталя, и, взглянув на неё, я чуть не сошёл с ума! На этом стеклянном поле отражалась вся Страна Спокойствия с её горами, сёлами, садами и прочее, не исключая передвижения людей. Я не верил глазам, но шейх Джелял явился на помощь и объяснил, что путём установки системы оптических стёкол и зеркал вся страна отражена на этом удивительном столе, так что эмир во всякое время имеет перед глазами всю страну во всей её совокупности. Всякое явление, всякий случай, сколько-нибудь выдающийся, он может видеть воочию, не выходя из этой залы... Величие и искусство здешних людей давили меня; моё ничтожество было больше, чем очевидно; робость, удивление и любопытство наполняли всё моё существо.

Направо от стола стоял диван с инкрустациями и перед ним – такая же богатая табуретка. Напротив и несколько в отдалении стоял ряд кресел. Поглощённый обозрением богатств и чудес залы, я не заметил, как открылась большая боковая эмалированная дверь и вошёл эмир... Я понял, что это он, потому что шейх Джелял воскликнул: «Приветствую тебя, мой эмир!» Я поклонился и немного отступил. Эмир был молод[ым] человек[ом] лет тридцати в зелёной шёлковой чалме с маленькими золотыми звёздочками. Одевание его было длинное и белое, отчего ещё рельефнее казалось его доброе, красивое лицо, обрамленное небольшой чёрной бородой. Предомною был эмир счастливейшей и образованнейшей страны. Ничего грозного, пугающего, но зато столько доброго, ласкающего и располагающего в этом человеке... Я помню Кокандского эмира Худояр-хана – дай Бог ему успокоение – его все страшились; он был грозен, а этот, видимо, владычествовал, подчинял чем-то другим.

Ласковый взгляд эмира ободрил меня, а приглашение сесть совсем успокоило моё бедное сердце. Я и шейх сели в кресла против эмира, занявшего диван.

1888. – 18 ноября, № 40.

Приступив к разговору, г[осподин] эмир расспрашивал меня о делах и положении Туркестана, о судьбе Худояр-хана, о детях Аталык Гази Якуб-хана¹²³, о Бухарском эмире Абдул-Агат-хане¹²⁴. Я отвечал, что знал. Затем он расспрашивал о бухарской болезни ристе¹²⁵, происходящей от дурной, испорченной воды, и выразил удивление, что бухарцы не заботятся провести в город ключевую воду и не устроят водопроводов. Спрашивал он также о среднеазиатских батче¹²⁶ и был очень доволен, когда я сообщил ему, что ныне батче уже не существуют. Однако этот вопрос эмира так смутил меня, что я рад был провалиться сквозь землю, но пол был слишком прочен, и я пропотел за грехи моих сородичей. Спрашивал он также о том, имеют ли среднеазиатцы охоту поучиться у русских и у френгов искусствам и ремёслам, неведомым им. Я отвечал, что они боятся сближаться с ними и считают себя всезнающими. «Это очень жаль, – заметил эмир, – ибо человек, считающий себя выше и лучше других, большей частью становится хуже их; кто думает, что он много знает, вынужден оставаться невеждой»... Обращаясь к шейху, эмир сказал: «Китайцы – весьма поучительный пример; они убеждены, что составляют лучший народ мира, что знают более всех, что цивилизованны только они и что все прочие народы суть дикари и варвары... К чему же привело их это глупое самомнение и отчуждение? Величайшая масса в 400 000 000 не имеет той силы и значения, какое, напр[имер], принадлежит маленькой европейской стране Бельгии!»

– Точно так, мой господин, – сказал шейх.

Эмир продолжал: «Хотя Пророк наш приказал мусульманам искать знаний где бы то ни было без различия, хотя сподвижник его Али¹²⁷ разъяснил, что всякое знание, всякое искусство должны быть присущи правоверному, но, к сожалению, различные причины затемнили понятия мусульман,

123 Магомет Якуб бек Бадаулет (ок.1820–1877) – правитель государства Йеттишар («Семиградь») в Восточном Туркестане, и Кашгара, в 1860-70-х гг. С 1870 г. он именовался Аталык Гази Бадаулет, то есть «защитник веры и счастливцев».

124 Сеид Абдул-Ахад-хан (1859 –1910) – девятый бухарский эмир из династии мангытов, правивший в 1885–1910 гг.

125 Дракункулез, или ришта – гельминтоз из группы нематодозов, вызываемый самками круглых червей *Dracunculus medinensis*. Заболевание распространено в тропиках и субтропиках Африки и Азии.

126 Мальчик или безбородый юноша, исполнявший в женской одежде танцы на пирах.

127 Али ибн Абу Талиб (599–661) – политический и общественный деятель, двоюродный брат, зять и сподвижник пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф (656–661).

и они, сами того не подозревая, стали очень близки к тупому Китаю...» Далее, обращаясь ко мне, эмир добавил: «В борьбе за существование и бытие люди должны вооружаться одинаковыми знаниями, равносильными искусствами и энергией; иначе более знающие, более искусные задавят слабых. Если туркестанские мусульмане будут дремать, то прибывающие из России и других стран купцы и мастера мало-помалу заберут все их заработки».

После этих рассуждений эмир любезно осведомился о том, доволен ли я своим новым отечеством? Я выразил, как мог, мой восторг от всего виденного в Дар-ур Рахате и с умышленной наивностью добавил, что, вернувшись в Туркестан, буду стараться поучать своих сородичей, описывая им жизнь и цивилизацию здешних мусульман.

— Да разве ты не знаешь, что оставить нашу страну нельзя? Мы не имеем сношений с другими странами по причинам, о коих теперь говорить нет надобности, — заметил эмир.

— Я слышал, господин мой, об этом, но так как я чужестранец, попавший сюда, не зная об этом и совершенно случайно, то пользуюсь случаем всепокорнейше просить о повелении выпустить меня обратно... Я должен ехать в Мекку.

— Я не разрешу сейчас твою просьбу — она слишком серьезна. Я передам её меджлису, и затем ты будешь уведомлен. А до того имей в виду, что, оставаясь у нас, ты будешь всем обеспечен, ни нужды, ни зла, ни обид знать не будешь...

С этими словами эмир встал, чтобы уйти. Мы же, поклонившись, удалились. За дверями залы нас встретил один из дворецких и повёл к обеду, после коего предложил осмотреть дворец и сады.

Это было очень интересно, но меня ещё более интересовал будущий меджлис.

1888. — 4 декабря, № 42.

После обеда мы осмотрели дворцовую библиотеку, зал Собраний Старейшин, где в важных случаях эмир совещается с призываемыми им представителями всего населения страны. Затем мы прошли по цветникам и парку дворца и возвратились домой перед вечером.

— Как вы думаете, — спросил я шейха Джеляла, — разрешит ли мне Собрание Старейшин возвратиться на родину?

— Весьма трудно ответить тебе, потерпи, узнаешь. В крайнем случае, повторяю, тебя отлично устроят здесь, и в конце концов ты будешь доволен и счастлив... Охота тебе сожалеть о Туркестане и Френкистане. Они не стоят того...

Услышав от шейха мало утешительного в смысле моего желания, я отправился в дом шейха Абдуллы. Мне хотелось повидать его сыновей, да,

признаться, и общество Фериде Бану обещало немалое удовольствие. Я был принят очень радушно и провёл вечер очень хорошо. Тут я узнал много нового об обычаях этой удивительной страны. Оказывается, эмир имеет одну жену, которая принимает участие в общественных делах, поскольку таковые касаются женщин и их интересов. Принцесса Хатиджа, супруга эмира, заведует целым особым учреждением, которое занимается делом воспитания, обучения, труда и юрисдикции женщин. В этой стране все мусульманки поголовно учатся, но курс и программа женских мектебов отличны от мужских и приурочены к особенностям их природы и жизни. В сфере науки и общественной деятельности им отведено известное поле, в медицинской, педагогической деятельности женщины Рахата стоят наравне с мужчинами. В суде они также участвуют, имея прехорошеньких кадиев и свой прекрасный меджлис для суда и разбора дел, возникающих исключительно между женщинами. Дела же, в коих участвуют мужчины или их интересы, подсудны обыкновенному кадию, решение которого против участвующей в деле женщины, до исполнения, поступает на проверку кадия-женщины, которая, если усмотрит какие-либо нарушения не только закона, но и нравственной правды, может передать его для перерешения другому кадию. В делах наследственных, семейных, супружеских процессах о разводе, в весьма редких здесь случаях о несогласиях супругов, интересы женщины охраняются наблюдением кадия-женщины и высшим судебным меджлисом, состоящим из учёных женщин под председательством самой принцессы.

Тут нельзя обезличить женщину, как то проделывается на моей милой родине, и нельзя также третировать её, как дорогую игрушку, которую следует холить, как ребенка, кое-чему научить, до кое-чего допустить, ради вящей потехи господ мужчин, как то принято в Европе. Нет, среди здешних мусульман она не раба Востока и не игрушка Запада; она – человек вполне, гражданка и хозяйка как самой себя, так и своих прав.

Здесь одинаково невозможны одалиска Кашмирского сераля и вольная дева парижского бульвара.

В стране Дар-ур Рахата, стране строго мусульманской, не существует сословий. Здесь люди отличаются друг от друга лишь прирождёнными дарованиями или суммой приобретённых знаний и добродетелей. Экономические условия жизни сложились так, что чем более человек добродетелен, тем более имеет шансов получать все блага жизни. Мужчины и женщины в степени, соответствующей отличиям их природы, разграничены в две группы, пополняющие одна другую. Обе группы самостоятельны в правах и обязанностях, и совместная деятельность, сожитительство и всё, вытекающие из оных, определяются свободным договором вольного с вольной. Конечно, договор о сожительстве вытекает из естественного влечения одного пола к другому. Тут не покупают жену, не выдают замуж, а мужчина и женщина договариваются жить вместе.

Меня особенно удивило то, что при заключении брачного договора определяется подробно степень участия жены в делах и трудах мужа и участие её в прибылях и убытках, вытекающих из оных. Так что в большинстве случаев женщина является совладелицей всего приобретённого мужем после женитьбы. Мусульманки этой страны не только *de jure*, но и *de facto*¹²⁸ хозяйки своей собственности и прав.

Удивление же моё не имело границ, когда мне рассказали, что для вступления в брачный договор стороны, прежде всего, должны представить свидетельства о летах и о нестрадании какими-либо наследственными и заразными болезнями или недостатками, препятствующими правильной жизни. Договор старого человека с молоденькой женщиной или женитьба юноши на старухе не допускаются. Поэтому тут бы пришлось плохо ташкентскому баю и парижскому альфонсу. Это объяснило мне тот факт, что все жители этой страны отличаются чрезвычайным здоровьем и недостижимой для наших стран нравственностью. Я спросил моих собеседников, бывают ли здесь случаи нарушения известной заповеди. Нет, потому что в отношениях полов не существует азиатского принуждения или европейской вольности и цинизма. Они регулированы договором и свободными правовыми отношениями.

– Может же женщина, выйдя замуж, позже почувствовать влечение к другому?

– Конечно, но что же из этого? Она прежде всего будет иметь в виду свой договор с мужем, и если чувство её настолько будет сильно, что может отравить её существование, то она и объяснится с[о] своим мужем. Поверьте, что ни один разумный и добрый человек не пожелает насильно удерживать ее, и договор будет нарушен с общего их согласия. Азиатская женщина бывает принуждена к измене, боясь быть откровенной с мужем, а европейка делает то же, потому что материально не самостоятельна и как таковая имеет особый, безнравственный кодекс законов и понятий об обязанностях. Несправедливость и насилие, даже в самых малых дозах, порождают сопротивление, борьбу и ведут к безнравственности. Вот вам два разнородных примера: бухарская цивилизация (позвольте мне так называть) привела к гнуснейшему среднеазиатскому пороку, о коем неудобно и говорить; а английская цивилизация собрала на улицы и базары Лондона до ста тысяч профессиональных проституток!

1888. – 9 декабря, № 43.

Несколько вечеров подряд я провёл в семье шейха Абдуллы. Интересные рассказы о стране Рахата, приятное общество Фериде Бану не давали заметить, как проходило время. Однажды речь зашла о завещании основателя

¹²⁸ Термины «*de jure*» и «*de facto*» используются вместо «формально» и «на практике».

этой прекрасной колонии Сиди Мусы, хранимом, как я писал, под сорока печатями и ключами сорока здешних имамов. Вы, вероятно, помните, что на конверте завещания был приказ вскрыть его не ранее 1500 года Хиджры.

– Что бы могло заключать это интересное завещание? – спросил я шейха Абдуллу.

– Это узнают наши потомки через двести лет, – уклонился шейх.

– Они узнают положительное; но мне кажется, путём соображения здешние люди могли бы хоть приблизительно определить содержание завещания.

– Пожалуй, так, мой сын, но к чему стараться проникнуть в чужую тайну, которая в своё время откроется.

– Я хочу [спросить], существуют ли в стране Рахата какие-либо сказания, предположения о содержании завещания? Чрезвычайно интересно, что великий завещатель назначил семь веков для сохранения своей тайны.

– Предположения, конечно, существуют, и если ты так сильно интересуешься ими, то могу сообщить тебе кое-что.

Я весь обратился в слух.

– Ты, конечно, понимаешь, что такое завещание не может касаться распоряжения о разделе вещей или овец. Совершенно естественно предположить, что завещание нашего героя и спасителя касается общего, народного дела.

– Несомненно так, – подтвердил я, точно прочитав любопытный документ.

Шейх продолжал: «Что мог сказать, посоветовать нам Сиди Муса такого, чего нельзя было сказать в его время, т. е. почти пять веков назад? Вероятно, это нечто такое, чего не поняли бы наши предки, что было бы не ясно и для нас, но которое, вероятно, будет принято нашими потомками, кои будут жить к 1500 году?

Если бы предмет завещания касался только нас, жителей Рахата, то он мог бы, мне кажется, не носить на себе столь долгого срока; надо думать, что завещание касается наших будущих отношений к остальному человечеству. Почему так предполагается? Потому, что теперь уже долина наша густо заселена; через 200–300 лет, несмотря на всё наше искусство и знания, страна наша не в состоянии будет вместить и прокормить всё население. Потомки наши должны будут открыть тайный ход и явиться в семью других народов. По ежегодному приросту населения Рахата, не знающего эпидемий, войн и т. п., к 16-му веку ислама Рахат должен будет открыться. А так как срок вскрытия завещания совпадает с этим роковым временем, то есть большая доля вероятности, что завещание толкует о предстоящих знаменательных событиях... Ты удивляешься этим предположениям, ты хочешь сказать: «Как мог Сиди Муса, не пророк, предвидеть за несколько столетий вперед?» Трудно ответить на это, но не забывай, что каждый из нас на основании известных физиологических, социальных и математиче-

ских законов может видеть далеко вперёд; люди же чрезвычайного ума и духа, каким был Сиди Муса, могут в том же направлении видеть много дальше нас».

– Хорошо, мой шейх, я понимаю, что завешание должно касаться народного дела и, пожалуй, отношений к другим народам, но загадка всё же остаётся загадкой – мы ничего не знаем о том, что именно советует Сиди Муса.

– Да, мы ничего не знаем, а лишь предполагаем.

– Я хочу [спросить], что же мы можем предположить о сути этого документа?

Я горел нетерпением узнать мысли шейха; едва ли бы я больше интересовался услышать о собственной судьбе. Видя моё болезненное любопытство, почтенный шейх улыбнулся и сказал: «Я сообщу тебе ещё кое-какие предположения, но помни, что это будут лишь предположения, а истину знает лишь Бог».

В это время раздался электрический звонок и шейх прервал свою речь. «У вас ли молла Аббас Туркестани?» – спрашивал голос по телефону. «Здесь», – ответил ш[ейх] Абдулла. «Пусть слушает, – раздался снова голос. Великий народный меджлис, обсудив просьбу Аббаса, данную эмиру, о позволении оставить нашу страну, находит невозможным удовлетворить [её], ибо это может повлечь за собой злключения. Меджлис просит его, ради общего блага отказаться от своего желания и получить какое пожелает пособие, дабы самым лучшим образом устроиться в нашей стране».

– Дай ответ, – сказал мне шейх, – твой голос будет услышан в зале меджлиса.

Подойдя к чудесному звонку, я громко ответил: «Настаиваю на своём желании; ради вашего блага вы не имеете права лишать меня свободы, ибо я тварь Бога и случайный, невольный чужестранец среди вас. Глубоко благодарный за оказанное гостеприимство и предполагаемые благодеяния, прошу настоятельно освободить меня, тем более что я должен идти в Мекку на поклонение».

Спустя минут десять из меджлиса вновь раздался голос: «Дело ваше решено меджлисом. Решение узнаете на деле. Дурного не опасайтесь».

1888. – 23 декабря, № 45.

Услыхав этот странный ответ, я крайне смутился. Как решено моё дело, что должен буду я испытать? Что значит: не опасайтесь дурного? Голова моя пошла кругом, и я был близок к обмороку. Видя моё жалкое положение, шейх Абдулла и его дети старались успокоить меня, уверяя, что ничего для меня обидного сделано быть не может, что, по всей вероятности, мне разрешено оставить страну Рахата и т. д.

Немного успокоенный, я вернулся к себе в караван-сарай, но, увы, не

мог заснуть до самого утра. Тысячи мыслей беспорядочно теснились в моей бедной голове, и я только переворачивался с боку на бок. Уставший, разбитый поднялся я утром с кровати и, получив обычный молочный завтрак, стал дожидаться шейха Джеляла, моего руководителя и наставника. Вскоре он пришёл. Так как всё существо моё представляло лишь живой, умоляющий вопрос, то он самым любознательным тоном сообщил: «Вчера меджлис решил позволить тебе оставить нашу страну. Приневолить кого-либо мы не имеем права. Отныне ты наш гость ещё более, чем был до сих пор. Ты сам этого желал, а потому поздравляю».

– Тысячу раз благодарю эмира и всех членов меджлиса, – обрадовался я. – Уверяю вас, я сохраню тайну вашей страны и не навлеку на неё внимания чужестранцев...

– Как тебе будет угодно, этого обязательства мы с тебя не берем, – ответил загадочно шейх.

– Могу же я рассказать о вашей стране в Испании, во Франции, и тайна ваша будет открыта.

– Ты, конечно, можешь рассказать...

– И потому могут явиться к вам френги и наложить своё господство.

– Если это угодно Богу, – уклонился шейх.

– Но я, отец мой, буду нем, как рыба.

– Разрешая твою просьбу, наш народный меджлис имел в виду всё, что ему необходимо; выйдя от нас, ты можешь и молчать, и говорить, как тебе будет угодно. Мы в собственной стране не наложили на тебя какие-либо обязательства, тем [не] менее имеем право обязывать тебя к чему-либо вне нашей страны.

– Когда же меня поведут или повезут отсюда?

– Это мне не известно, но думаю, что тебе недолго ещё жить среди нас. Пользуйся остающимися днями, чтобы осмотреть ещё кое-что из учреждений нашей страны.

Не имея сил и средств разгадать таинственность моего положения в этой удивительной стране и предоставив события воле Аллаха, я попросил шейха показать мне здешнее великое медресе.

После полуденного намаза мы оставили караван-сарай и направились в медресе. Оно было за городом. Среди обширного сада с вековыми деревьями я увидел громадное и великолепное двухэтажное здание с множеством флигелей и построек. По изяществу архитектуры и богатству отделки можно бы думать, что это дворец эмира, но это было медресе или, вернее, дворец наук и знаний. Медресе делилось на три отделения, или факультета: богословско-философское, физико-математическое и социально-экономическое. Сначала мы вошли в аудиторию богословского факультета. Мудеррис читал лекцию о затворничестве и правах женщины. Цитируя Коран и священные толкования, он говорил...

Затем мы перешли в аудиторию социально-политических наук. Тут я

прослушал лекцию о положении Европы и, признаться, был поражён смелыми, парадоксальными выводами мудерриса. Приводя множество цифровых и исторических данных, он резюмировал лекции следующим образом: «Европейская цивилизация быстро приближается к роковому кризису».

1888. – 30 декабря, № 46.

Мудеррис говорил: «Европа – это возрождённый, но более могущественный Рим со всеми его доблестями, пороками и язвами. Из истории вы знаете, что римский патриций воплотился в европейском феодале; рабы его продолжали изнывать во плоти чёрного европейского люда...

Правовые и нравственные понятия Рима почти всецело перешли в европейскую жизнь. Даже великая тенденция его господствовать над всем миром также лелеется и преследуется Европой...

Как в былые времена, так и в современной Европе не личность человека создает его права, а наоборот, известные права, вытекающие из того или другого социально-экономического быта, обосновывают, создают эту личность. Не только личность человека, но его наилучшие идеи, его нравственные понятия подчинены социальному положению. Бедный европеец не только живёт иначе, но и верует, и думает не так, как его привилегированный по состоянию или рождению собрат...

Блеск, могущество и наружное благосостояние Европы вытекает из чрезвычайного прогресса индустрии и торговли, но в распределении богатств и благ жизни граждан Европы не далеко ушёл от гражданина Рима и Греции. Вот почему, приподняв внешнюю оболочку Европы, мы встретим римлян с их понятиями, стремлениями и этикой. Правда, ныне формы другие, но содержание почти то же. Вот почему современная Европа, пройдя длинный цикл веков, подступила к тем же событиям, коими закончил свою роль великий Рим.

Перед падением Рима ему грозили его собственные рабы; Европе угрожает социализм. Перед падением Рим перестал верить; Европа же отравляется атеизмом...

Итак, мы видим не только в явлениях крупных, но даже в незначительных фактах роковое сходство Европы с отжившим Римом. Антагонизм людей, кровавая борьба из-за куска хлеба, поражающая роскошь рядом с чудовищной бедностью, высокогуманные идеи рядом с зверской бессердечностью, вера бок о бок с безверием, стыд и цинизм под одной кровлей... – вот результаты наследия Рима и многовековой деятельности Европы!

Обратите внимание, что представляет из себя политическая Европа. Народы вооружились поголовно, чтобы при первом случае взяться за уничтожение друг друга, и ради сего затрачиваются заработки будущих поколений, и каждый зачатый гражданин Европы уже числится воином предстоящей сечи.

Если приравнять отдельные государства или народы Европы к кварталам древнего Рима, то опять роковая аналогия вражды и борьбы одного с другим, одного против другого; те же временные меры, деликатные и ловкие обходы, *modusvivendi*¹²⁹ для отдаления неминуемой катастрофы...

Могущество Рима заключалось в благоустроенной армии, богатство – в эксплуатации всех известных им стран. Армия и эксплуатация привели его к гибели. Так же и современная Европа могуча военной силой и богата эксплуатацией остальных частей света... Но посмотрите, какой поучительный пример: эта владычица мира, эта носительница света и гуманности боится нескольких десятков тысяч бедных, скромных китайских рабочих и ограждает себя от них кордоном и запрещением работать в сфере своего влияния! Значит, плохо и фальшиво положение, если в близком будущем предстоит надобность ограждать труд европейца кровью и железом, как до сих пор ограждались границы и собственность...»

Когда я вышел с лекции почтенного мудерриса, кругозор мой настолько раздвинулся, что все приобретённые мною знания и все воззрения, усвоенные в бытность в Париже, расшатались в великом пространстве, и я едва-едва мог собрать в моей бедной голове мои жалкие знания, чтобы составить те или другие воззрения на людей и дела Европы, куда я собираюсь выйти из этой таинственной страны.

Перед вечером мы вернулись в караван-сарай, где ожидал меня посланный от великого кадия.

– Прошу вас взять с собой вещи, внесённые вами из Френкистана, – обратился он ко мне.

Тотчас связав в узелок мои вещи, в числе коих была пиджачная пара, купленная ещё в Париже, я приготовился, радуясь началу освобождения.

Шейх Джелал, обняв и поцеловав меня, сказал: «Прощай, мой сын, мы больше, вероятно, не увидимся. Имей обо мне добрую память; я искренне желал тебе добра... Теперь тебя поведут. Что бы далее ни случилось, не бойся: ты в безопасности. Несомненно, что твой выход от нас будет обставлен чрезвычайной таинственностью и особыми условиями, но от этого ты ничего не проиграешь... Бог с тобой, прощай».

Чиновник кадия повёл меня. Все знакомые по караван-сараю вышли проводить и смотрели на меня с очевидным любопытством. Как ни были успокоительны слова шейха Джелала, однако боязнь неизвестности овладела мной, и я машинально пошёл за чиновником по улицам прекрасного города.

Подойдя к зданию судилища, я был введён в большую залу, где, по приказанию кадия, я переоделся в собственную одежду, оставив всё, что принадлежало производству этой страны. Чиновник осмотрел все мои карманы и пожитки, чтобы в них не было чего-либо из вещей страны Рахата.

129 Временное соглашение, когда при существующих обстоятельствах невозможно достичь полной договоренности.

Всё это ещё более сбило меня с толку, и я совсем уже бессознательно был введён в следующую и затем в третью, совершенно темную, комнату; здесь меня заперли, и я остался в совершенной темноте. Был уже вечер, но и днём тут было бы не светлее, ибо окошек не существовало.

1889. – 31 января, № 4.

Я уже писал, что мне разрешили выход из страны Рахата и, не знаю почему, заставив облачиться в костюм, в коем я был, когда вошёл в эту таинственную страну, заперли в совершенно темную комнату.

Когда тяжёлые двери заперлись за мной, я задумался над новым странным положением, в которое попал. Удивительные люди! К чему они меня заперли, к чему эта тюрьма? Ведь вся страна эта, окружённая буквально со всех сторон снеговыми горами и не имеющая сообщения с остальным миром, – суть огромная тюрьма, из которой всё равно никуда не убежишь. Если же меня наказывают за желание оставить страну Рахата, то так бы и сказали, что нельзя уходить, а давать разрешение и затем подвергать одиночному заключению не имеет смысла... Впрочем, тут что-либо не так. Высокая степень цивилизации и гуманности здешних мусульман, наконец, их жизнь и обычаи не допускают подобной несправедливости... Но в таком случае, зачем меня заперли в эт[ой] тёмн[ой] комнат[е]? Не понимаю. Чем более думаю, тем более путаюсь в догадках... Отобрали все вещи до мелочей, принадлежащие производству этой страны. Зачем это понадобилось? Не из жадности же наконец! Здесь все столь добрые люди.

Ощупав в одном углу постель и утомлённый неразрешимыми вопросами своего положения, я уснул глубоким сном. Когда проснулся, то увидел, что тюрьма моя освещена маленькой электрической лампочкой, вделанной в одну из стен. Встав и подвергнув подробному [о]смотру моё помещение, я заметил в одной стене небольшую дверь. Толкнув её, я очутился в другой небольшой комнате, также без окон, но освещённой тоже электричеством. Тут я увидел небольшой фонтан с отличной водой и герметически закрываемый мраморный ватерклозет. Очевидно, что эта комнатка дополняла мою тюрьму. Если мне будут давать кушать, то значит тут придётся пожить порядком. Не весело. Возвратившись к постели и устремив глаза вверх, я впал в полузабытьё, ломая голову над вопросом, чем всё это кончится. Шорох за дверью заставил меня очнуться. Скрипнула задвижка, дверь открылась, и в комнату быстро вошёл какой-то мужчина, имея в одной руке фонарь, а в другой поднос с кушаньями.

– Здравствуйте, вы, вероятно, проголодались, извольте кушать, – обратился он ко мне, ставя на пол поднос. Я действительно был голоден и, скрывая обуревавшие меня чувства и думы, решил кушать. Я был очень рад пришельцу, ибо думал узнать от него кое-что о своей судьбе и положении.

– Скажите, пожалуйста, какое теперь время? – обратился я к нему.
– Милостью Аллаха, надеюсь счастливое, – отвечал он совершенно серьёзно.

– Надеюсь, что счастливое, но всё-таки желательно знать, ночь теперь или день?

– Я не вправе отвечать на этот ваш вопрос.

Я был так удивлен этим ответом, что взгляд мой, кажется, испугал его.

– Позвольте узнать, кто вы такой? – продолжал я.

– Я слугитель суда кадия.

– Да благословит Аллах вашу службу, милостивый государь, желал бы я знать, что это за помещение, в котором нахожусь?

– Тюрьма, милостивый государь.

– Для чего она у вас предназначается?

– Для содержания виновных и лиц, подлежащих уединению.

– Но я, однако, не знаю, в чем я провинился?

– Я тоже об этом ничего не знаю.

– Нельзя ли узнать и сообщить мне?

– Это вне моих обязанностей – я приставлен подавать вам кушать. Прошу ещё кушать, если угодно, мне пора уходить.

Хотя я был уже сыт, но тихо продолжал мой обед или ужин, чтобы задать сторожу ещё несколько вопросов.

– Сегодня, кажется, среда? – спросил я его.

– Может быть, – отвечал он с убийственным равнодушием.

– Как же может быть! Вчера вечером меня заперли, был вторник; если теперь утро, то, несомненно, среда, а не понедельник.

– Может быть, милостивый государь.

Досада, удивление и невольное смущение быстро смен[я]лись во мне. Не добившись ничего, я оставил допрос. Сторож, захватив посуду, ушёл, затворив снаружи дверь тюрьмы. Я остался один с[о] своими думами, вопросами и сомнениями. Не легко было моё положение, но делать было нечего.

1889. – 23 февраля, № 7.

Так прошло довольно продолжительное время; сколько именно – я не знаю, ибо и не знал, когда был день, когда была ночь. Меня аккуратно и хорошо кормили, но добиться чего-либо от моего сторожа я не мог, так что положение моё оставалось крайне загадочным и странным. Не в состоянии объяснить, понять своё положение, я предался воле Божией и стал совершенно равнодушен к жизни и всему окружающему.

Время шло. Однажды вместе со сторожем вошла ко мне какая-то женщина. Когда, удивлённый, я немного присмотрелся, то узнал Фериде Бану.

Да, это была она. Хорошо известным мне мягким, бархатистым голосом она приветствовала меня и опустилась на ковёр против меня. Сторож удалился за двери. Ответив на приветствие, я не знал, о чём заговорить, смущённый её неожиданным появлением в моей тюрьме.

– Вы, вероятно, меня не ожидали, – начала она. – Но ввиду скорого вашего выхода из нашей страны я пожелаю проститься с вами...

– Я очень вам благодарен, Фериде Бану, я никогда не забуду вашу доброту и внимание ко мне... Но я всё-таки не понимаю, как это я выйду из вашей страны, заточенный в эту каменную клетку, хотя не желаю сомневаться в ваших словах...

– Наша страна имеет тайны, которые известны лишь немногим из нас, а потому я не могу объяснить, каким образом вы будете возвращены в Андалузию, но смею уверить вас, что вы скоро будете там, и я пришла проститься с вами.

– Благодарю вас ещё раз и сожалею, что не буду иметь [возможности и] средств выразить их вам.

– Я верю вашей симпатии ко мне и очень жалею, что такой прекрасный человек оставляет нашу страну. Я бы желала удержать Вас здесь... Для Вашей же пользы. У нас Вас ждут знания, спокойствие, правда и тихая, мирная жизнь, в Ваших же странах борьба, лишения, страдания и несправедливости неминуемы... Оставайтесь, молла Аббас!

Я не знал, что думать и, ещё менее, что ответить этой девушке. Меня просят остаться, точно можно уйти из этой тёмной гробницы. Что за странный народ! Одно из двух: или я помешан, или всё здешнее население совсем иного склада ума, чем прочие люди! Как бы ни было, нужно было ответить, и я сказал, хотя внутренне смеялся своему ответу, что остаться не могу, ибо я должен совершить поклонение Каабе, и что никому не открою секрета их страны.

– Вы, может быть, чем-либо недовольны; сообщите – всё будет исполнено, чтобы удержать Вас от эмиграции.

– Я всем доволен и всем весьма благодарен, начиная с эмира и кончая моим сторожем, но судьба тянет меня назад.

– В таком случае дай Бог Вам всего лучшего и прощайте.

Фериде Бану встала и тихо вышла за двери. Едва она удалилась, как вошёл шейх Джелиал и, обняв меня, тоже простился. Не зная, что будет дальше, я чуть не сходил с ума.

Приход сторожа, принесшего мне обедать или ужинать, несколько помог мне собрать мысли. Я покушал, сколько мог, и вскоре почувствовал сильное клонение ко сну. Едва сторож, убрав посуду, вышел и запер двери, я погрузился в сон, не успев даже омыть руки после принятия пищи.

Открыв глаза, я увидел себя в светлой, обширной комнате на кровати; около меня сидела довольно пожилая френгская женщина.

– Где я нахожусь? – спросил я её по-арабски.

– Не беспокойтесь, лежите смирно, мой сын, всё благополучно, – ответила она по-французски.

– Ради Бога, скажите, где я и что со мной? Иначе я с ума сойду... О Боже, что всё это значит?

– Успокойтесь, мой сын, вы в Гренаде, в странноприимном доме св[ятого] Августина.

– Давно ли я здесь?

– Сегодня шестой день.

– А раньше где я был?

– Не знаю, мой сын.

– Какое сегодня число?

– 28 августа.

Я начал соображать. 22 августа я попал в этот дом, а когда меня заперли в тюрьму Рахата, было 2-ое число мусульманского месяца, т. е. 9 августа. Значит, остаётся ещё 13 дней... Вспомнив, что когда я жил во дворце Альгамбры, была половина июля, я понял, что моё удивительное путешествие в страну Рахата продолжалось около сорока дней.

1889. – 29 февраля, № 8.

Собеседница моя, по-видимому, удивлённая моими вопросами, позволила. Вошёл какой-то мужчина. Оказалось, что это был доктор. Подойдя ко мне, он ласково обратился:

– Как Вы себя чувствуете, господин?

– Хорошо, – ответил я коротко, более занятый своими мыслями, чем присутствием этих людей.

– Не болит ли у Вас что-либо?

– Нет, господин.

– Но Вы, вероятно, чувствуете себя очень слабым?

– Да. Мне было бы трудно сегодня встать...

Пощупав мой пульс, осмотрев язык и глаза, доктор задумался и затем пожал плечами, как бы выражая удивление.

– Будьте спокойны: через несколько дней вы будете достаточно крепки, чтобы встать; состояние ваше ничего опасного не представляет, – сообщил он мне.

Признаться, меня мало интересовали сообщения доктора; голова моя была полна соображениями обо всём происшедшем, столь удивительном и таинственном.

– Скажите, пожалуйста, как я попал сюда, откуда и зачем взяли меня? – спросил я в свою очередь.

– Вас нашли в беспамятстве в горах и доставили сюда для излечения. Это, слава Богу, достигнуто.

– Чем же я был болен?

– Это довольно трудно объяснить, я пока не решаюсь определить... Случай, трудно подходящий под известные определения медицины и психиатрии...

Я понял, что доктор действительно не знает, как определить моё состояние и положение. В том же положении был я сам. Но я догадывался, что был усыплён каким-[то] неведомым зельем в стране Рахата и тайно доставлен наружу гор...

– Будьте любезны сообщить нам, кто Вы такой и давно ли Вы в нашей стране? Судя по клочкам одежды, которая была на Вас, Вы, должно быть, чужестранец.

– Да, я мусульманин из Ташкента, зовут меня Аббасом. Прибыл в Гренаду в начале июля.

– Отлично. Где Вы провели всё это время, где остановились, расскажите по возможности подробней.

– Я остановился в Мадридской гостинице. Мои вещи должны быть там. Деньги мои по переводу из Парижа должны находиться в конторе Маруса. Первые дни по приезде я провёл в городе, а затем принялся за осмотр Альгамбры и её древностей, мне было разрешено жить там некоторое время у сторожей. Целую неделю я провёл в Альгамбре...

– Отлично; но после что Вы делали, где жили, с кем вели знакомства?

Этот вопрос заставил меня крепко задуматься. Рассказать доктору о моём пребывании в таинственной стране Рахата я не хотел. Зачем открывать тайну людей, которые столько веков охраняют её? Поэтому я ответил доктору, что не желаю отвечать на этот вопрос.

– Ваша воля, – заметил он, – но для Вашей же пользы было бы желательно, чтобы Вы были вполне откровенны.

– Дней сорок я провёл в таинственной стране, которую по некоторым причинам указать не желаю...

Доктор едва заметно усмехнулся. Заметив насмешку, я почти взбесился и строго проговорил: «Прошу верить или прекратить ваши вопросы».

1889. – 18 апреля, № 14.

Через несколько дней я настолько поправился, что мог встать с постели и получил позволение доктора читать газеты.

Доктор навещал меня два раза в день и подолгу беседовал со мной о различных предметах. Он часто наводил разговор на мою болезнь, а, помоему, на моё приключение, и, видимо, старался убедить меня, что дней сорок я находился в болезненном состоянии, хотя он сознавался, что не может определить точно моё страдание, весьма загадочное по характеру и сопровождавшим его обстоятельствам. Слушая его, я сам отчасти склонялся к его мнению, но, вспоминая всё рассказанное в предыдущих письмах, я

подавлял в себе всякое сомнение... Допустим, что я был болен, что страна Дар-ур Рахата – плод больной мысли, но как объяснить, что неизвестно где я находился в течение сорока дней, как я не умер с голоду за это время? Не будь я в описанной мной чудесной стране, в Испании, в окрестностях Гренады, я не мог провести более месяца никем не поднятый, никем не замеченный... Как только люди Рахата решили выпустить меня из своей страны – я был найден в горах, близ города. Очевидно, что если бы я был тут, меня нашли бы гораздо раньше и, видя болезненное состояние, доставили бы в больницу. Наконец, доктор затрудняется определить мою болезнь. Это опять доказывает, что болезнь моя была чисто искусственной, как следствие какого-либо снадобья, данного мне мусульманами Рахата для усыпления, чтобы вынести из своей страны незаметно для меня и сбить с толку испанцев, в руки коих я должен был попасть в беспомощном и довольно глупом положении. Недаром, как, вероятно, помнят читатели, кадий отобрал [у] меня все вещи и вещицы, кои могли служить указанием на таинственную общину и страну.

Мусульмане Рахата, не запретив мне говорить о своей стране, очевидно, знали и предвидели, что рассказам моим френги не поверят и, следовательно, вреда для них от выпуска меня на свободу не произойдет. Чудный народ! Действительно, рассказы мои о мусульманах Рахата могли возбудить лишь улыбки френгов и подозрения в моём здоровье... Однако это досадно да и самому мне не совсем всё ясно. Впрочем, я признаю, что удивительное путешествие моё совершилось фактически.

Побуждаемый расспросами доктора и ещё более его недоверием к отрывочным моим показаниям, я решил убедить его и рассказать ему все приключения, начиная с[о] встречи с таинственными мусульманками во дворе Фонтана Львов и кончая странным заключением в тюрьме кадия. Он с напряжённым вниманием выслушал меня; был крайне удивлён всем услышанным, но деликатно выразил, что всё это были болезненные призраки... Это недоверие было мне неприятно, я почти сердился и предложил доктору показать ему в Альгамбре вход в пройденное мной подземелье. Он согласился отправиться со мной туда через неделю, когда я совсем поправлюсь.

Между тем я распорядился послать в гостиницу за некоторыми моими вещами, и, между прочим, мне принесли письмо... От кого бы вы думали? От прекрасной Маргариты из Парижа. Она извещала меня, что успела оправиться от постигших её несчастий и, сохраняя ко мне искреннее чувство уважения, решила писать и, между прочим, сообщить нечто, вероятно, интересное для меня. Но об этом после. Закончу это письмо похвалой френгской почте. Письмо было адресовано в Мадрид на имя «Туркестанца Молла Аббаса». Не отыскав меня в Мадриде, письмо обошло почти все главные города Испании, что видно было по отметкам на конверте: «не

оказался», «выехал» и, наконец, остановилось в Гренаде, у хозяина гостиницы, где был мой номер! Великое дело – порядок и цивилизация.

1889. – 25 апреля, № 15.

В письме ко мне прекрасная Маргарита между прочим сообщала, что в Судане объявился народный вождь арабов, именующийся Мехди Мухамед-Ахмедом¹³⁰, объявивший войну Египту и занявшим эту страну англичанам. Так как французы были весьма недовольны усилением английского влияния в Средиземном море и особенно вторжением их в Египет, то суданское восстание и Мехди особенно их заинтересовали, и некоторые французские патриоты думали пробраться к Мехди и помогать ему против англичан. На эту экспедицию уже были собраны кое-какие средства, в числе коих были также 25000 франков, пожертвованных Маргаритой. Сообщая обо всём этом, она желала знать, не приму ли я также участия в этой экспедиции, как учёный мусульманин и как лицо, знающее арабский язык.

Письмо это меня очень взволновало. Африка и Судан – страны интересные; борьба и война – увлекательны; но мне-то какое дело до этого? Разве мало приключений пережила моя бедная голова? Что за охота французам идти к Мухамед-Ахмеду? Станный и интересный народ господра френги! Отчего бы, впрочем, и мне не побывать в странах Африки? Если буду жив и здоров, проберусь в Мекку на следующий год...

Интересно видеть страну чёрных людей и узнать, что это за человек Мехди Мухамед-Ахмед...

Я ответил Маргарите, что скоро возвращусь в Париж, и тогда будет видно, приму ли я участие в экспедиции или нет.

Между тем, я совсем поправился, переехал в гостиницу и любовался из окна видами гор и Альгамбры, соображая всё случившееся со мной в последнее время. Однажды зашёл ко мне доктор и, напомнив моё обещание показать тайный ход в страну Рахата, повёз меня в Альгамбру. Дорогой я думал, что поступлю нехорошо, показав ему заветное место, но уклониться тоже было неловко. В Альгамбре доктор долго беседовал с[о] зрителем в стороне от меня, и затем они оба подошли ко мне, призвав рабочего с киркой и лопаткой. Мы отправились в Девичью Башню, и зритель попросил меня указать приблизительное место входа в подземелье. Дрожа и волнуясь, я указал плиту, из-под которой появился в своё время шейх Джелял... Рабочий осторожно приступил к подъёму тяжёлого мрамора, и, когда плита была достаточно приподнята, мы увидели под ней утоптанную землю и больше ничего! Доктор, обращаясь ко мне, сказал: «Вот видите,

130 Мухаммад Ахмад ибн ас-Сайид ибн Абдуллах (1844–1885) – руководитель освободительного движения в Судане, основатель суданского Махдистского государства.

г[осподин] молла Аббас, я прав, вы ошибались... Теперь, надеюсь, согласитесь со мной, что путешествие ваше не могло быть действительно...» Я промолчал. Меня взяло сомнение, но вскоре я сообразил, что жители Рахата могли, предвидя всё это, уничтожить лестницу и ход, отлично понимая, что по моему указанию рыться дальше никто не будет... Шейх Джелял... Где он теперь? Если его нет в Париже, значит, он остался в Рахате, и тысяча докторов не смутят меня... Надо торопиться в Париж. Там я узнаю всё окончательно.

Через неделю я был в Париже и, прежде всего, направился в Пале-Рояль, где всегда торговал шейх Джелял. Но его там не было. Спрашиваю соседей, где он. Говорят, что поехал за товаром. Из дальнейших расспросов выяснилось, что отъезд шейха вполне совпадает с[о] временем моего отъезда в Испанию и пребывания в удивительной стране Рахата. Теперь не остаётся сомнения, что он, именно он, провёл меня в эту таинственную страну. Сомневаться далее – значит отвергать очевидность.

Конец

Молла Аббас Франсови.

*Почтенный автор, столь любимый всеми читателями
«Переводчика», обещал нам сообщить свои дальнейшие приключения,
кои будут напечатаны под заглавием «Африканских Писем».*
Редакция.

ТАИНСТВЕННАЯ СТРАНА¹

1903. – 24 ноября, № 46.

(Нечто вроде предисловия).

В 1887 году в «Переводчике» печатались «Французские письма» ташкентца Молла Аббаса, прозванного Франсови. Письма эти заинтересовали всех наших читателей, и многие до сих пор наводят у нас справки о судьбе их загадочного автора. «Французские письма» были посвящены описанию европейской жизни в связи с приключениями их автора. Конец писем заключал описание памятников арабской цивилизации в Испании и сообщение о таинственной мусульманской стране, куда случайно попал г[осподин] Молла Аббас. Сообщение о последней, по уважительным причинам, были тогда сильно урезаны нами, чтобы не смутить молодых тогда читателей. Теперь, после 20-тилетнего чтения газеты, они легче и хладнокровнее прочтут и легче поймут интересные сообщения автора. Опуская описание европейской жизни (эта часть писем будет издана особо), приступаем к полному, без пропусков, печатанию писем г[осподина] Молла Аббаса о таинственной стране.

Редакция.

В книге Судеб судьба моя, видимо, очерчена как-то иначе, чем у большинства моих сородичей! В то время, когда всякий порядочный мусульманин, имея средства, стремится к священной Аравии, мне суждено было попасть в страну френгов² – тех френгов, о коих у нас, на Востоке, ходят столь интересные слухи и сказания.

1 Знаменитый роман И. Гаспринского «Дар-ур-Рахат мусульманлары» (Мусульмане страны Благоденствия). Изначально был опубликован на страницах газеты «Переводчик-Терджиман» в сокращенном виде как часть «Французских писем» Моллы Аббаса Франсови в 1887–1889 гг. Расширенная версия произведения была опубликована просветителем под названием «Таинственная страна» в «Терджимане» в 1903–1905 гг. В 1906 г. роман был издан отдельной книгой (Гаспринский И. «Дар-ур-Рахат мусульманлары». Роман. – Багъчасарай: Матбаа-и-«Терджиман», 1906. – 100 с.). В 2001 г. текст романа был транслитерирован И. А. Керимовым и издан под общим названием «Молла Аббас» (Гаспринский И. Молла Аббас: роман. 2 томлукъ / [под ред. И. Керимова]. – Симферополь: Кырымдевлетокуьв-педагогика нешрияты, 2001. – 400 с.). Аналогичная работа с транслитерацией на латиницу была осуществлена Явуз Акпынаром и Байрам Ораком в 2003 г. (Darürrahahat müsülmanları // İsmail Gaspiralî, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. – S. 167–275).

2 *Европейцев. Примечание автора.*

В то время, когда мои однокашники, шакирды³ большого Ташкентского медресе, славили Аллаха духовной службой или облагораживали свои очи благочестивыми посещениями священных мест, я, раб Божий, скитался из оной страны Френкистана⁴ в другую, далёкий не только от святынь, но даже почти не слыша правоверного разговора! Я не жалею: Судьба всегда права. Я даже благодарю её, ибо, бродя по Венгрии, я искал прах давно забытого мученика и святого Гуль Бабы⁵; а на французской земле думал найти священный прах «сорока мучеников», павших геройской смертью, защищая отступавших мусульман от грозной руки Карла Мортелла⁶.

Пройдя благословенные места Андалузии, я добрался до той скалы у Средиземного моря, откуда великий мусульманский полководец Тарик, обращаясь к войскам своим, сказал: «Впереди бесчисленный враг, победа и слава; позади нас море, корабли и бесчестие отступления; мусульмане должны победить или умереть, но не отступать, а потому нам более корабли не нужны; приказываю их жечь, а вам, братья, идти вперёд!»

Я оставил Ташкент 22 лет, окончив, как мог, курс всех наук. Богатство, оставленное мне отцом (мир праху его!), – и одиночество давали мне право и возможность довершить моё учение и воспитание путешествиями по благословенным мусульманским землям. Через Оренбург и Москву я попал в Одессу. Пребывание в России, расспросы у казанцев значительно расширили мои знания, и Западные страны все более и более начали меня интересовать.

Зная из древнего сказания о существовании мусульманских святынь в Европе, я решил препоручить себя их охране и пуститься в волшебные страны френгов. Моя решимость могла не выдержать, но делу помогла ... – О, женщины, женщины! – сказал один знаменитый френг, и он был прав, ибо меня, готового уже перескочить из Одессы в священный Стамбул и далее, она увлекла на бульвары весёлого Парижа и вместо грандиозного купола св.

3 Студент медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения.

4 Вероятно, И. Гаспринский так обозначал ряд европейских государств.

5 По преданию, был дервишем по имени Зеки, прозванный Гуль Бабой за свою любовь к розам. В 1541 г. пришёл в Буду (Будапешт) вместе с турецкими воинами. Восьмиугольная гробница Гуль Баба построена при османском правлении между 1543 и 1548 годами по приказу третьего паши Буда недалеко от моста Маргит. Гробница имеет плоский купол, покрыта свинцовыми пластинами и деревянными плитками. Во время второй битвы за Буду в 1686 г. при Габсбургах гробница чудом осталась неповрежденной, но была превращена в часовню католиками-иезуитами, которые переименовали её в Часовню Святого Иосифа. В 1885 г. османское правительство поручило венгерским инженерам восстановить гробницу, и, когда работа была завершена в 1914 г., она была объявлена национальным памятником. Гробница была вновь восстановлена в 1960-х, а в 1990-х гг. подверглась повторной реставрации. В настоящее время Гробница Гуль Баба является собственностью Республики Турция.

6 Карл Мартелл (686 или 688 – 741) – майордом (старший сановник двора Меровингов) франков (союз древнегерманских племен) в 717 – 741 гг., вошедший в историю как спаситель Европы от арабов в битве при Пуатье (10 октября 732 г.). Прадед Карла Великого.

Софии⁷ я любовался стройной громадой храма Магдалины⁸! Велик Аллах!

Париж – великолепный город Запада, сосредоточие цивилизации, всемирный храм науки, источник бойкого, вольного слова. Изучая, обходя этот славный город, я дошёл до его базара драгоценностей, который называется Пале-Роялем⁹. Тут в одном из боковых входов я заметил старого, седого, как лун, араба в длинном белом одеянии и белой чалме. Он сидел у небольшого столика и продавал разные африканские мелочи вроде духов, пахучих масел, сушеных фруктов и прочее.

Обрадованный встрече с единоверцем, я приветствовал его селямом¹⁰. Он ответил и предложил мне место около себя. Мы разговорились и познакомились. Его звали Джелил Магриби. Он из Магриба¹¹. Имея от роду семьдесят лет, он уже лет пятнадцать как странствует по френгским землям, торгуя мелочами. С первого же раза я заметил, что Шейх Джелил – человек очень учёный и хорошо знающий Европу. Хорошо говорил он по-французски, по-английски, по-испански и по-итальянски.

С большим интересом он расспрашивал меня о Туркестане¹², Бухаре и, слушая мои рассказы, покачивал седой головой, бормоча «не то было прежде».

Узнав о целях моего приезда в страну френгов, он сообщил, что мне не удастся найти гробницы «сорока мучеников», ибо всякие следы их исчезли, но указал, что в соседней стране, в Испании, я могу найти памятники прежнего величия и цивилизации мусульман, причём почтенный старик глубоко вздыхал, точно он лично потерял там всё дорогое и хорошее.

Видя моё желание побеседовать с ним, Шейх¹³ Джелил дал мне свой адрес и просил быть у него вечером следующего дня.

7 Собор Святой Софии, Айя-Софья – бывший патриарший православный собор, впоследствии – мечеть, ныне – музей; всемирно известный памятник византийского зодчества, символ золотого века Византии. Официальное название памятника на сегодняшний день – Музей Айя-Софья.

8 Церковь Мадлен – церковь Святой Марии Магдалины в 8-м округе Парижа на одноименной площади, вписанной в ансамбль более крупной площади Согласия. Наряду с другими зданиями площади представляет собой эталон архитектуры французского классицизма.

9 Площадь, дворец и парк, расположенные в Париже напротив северного крыла Лувра.

10 Приветствие на мусульманском Востоке, сокращенное из «селям-aleyкум», означающее «мир вам».

11 Традиционно Магрибом называются земли между Сахарским Атласом на юге и атлантическим или средиземноморским берегом на севере, то есть северные части Марокко, Алжира и Туниса.

12 Название самобытного историко-географического региона Центральной Евразии и Центральной Азии, широко употреблявшееся в XIX – начале XX вв. С понятием Туркестан обычно связывают земли таких современных государств, как Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия и Казахстан, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, тюркоязычные регионы юга Сибири, а также север Афганистана и Ирана.

13 Почётное название видного богослова в исламе.

На другой день вечером я воспользовался этим предложением Шейх Джеляла и посетил его. Он занимал две небольшие комнатки: в одной были сложены его товары, а в другой помещался он сам. Почти половина этой комнаты была занята полками различных книг, как мусульманских, так и френгских. Сочинения знаменитых европейских улемов¹⁴ и философов тут были налицо. Я видел, что имею дело не с простым торговцем, а с учёным и мыслящим мусульманином.

Все, что я видел в Европе, меня очень увлекло; я был в восхищении от цивилизации Запада и крайне сожалел об отсталости моих азиатских сородичей. На вопрос Шейх Джеляла, как понравилась мне европейская жизнь, я дал самый лучший отзыв. Старик улыбнулся и заметил, что и ему так казалось на первых порах, ибо, продолжал он, внешняя, показная сторона европейской жизни блестяща, восхитительна, но не всё то золото, что блестит...

Эти слова шейха меня очень заинтересовали, и я прочно уселся для беседы с почтенным старцем. Не буду приводить здесь всех его речей, но сообщу вам резюме воззрений его, которые он подкреплял многими доводами и цифрами.

— Сын мой, говорил шейх, — степень достоинства цивилизации иметь одно мерило, — это сумма довольства и счастья, обеспечиваемых ею для наибольшего количества людей. Как позднейшая, цивилизация Европы намного выше римской и греческой, но увы, она столь же далека от своих истинных задач, как и её старшие сёстры. Имея начало в цивилизациях Греции и Рима, европейская цивилизация влила в новые формы старую суть, и я не могу допустить, чтобы современный европеец, конечно, относительно был счастливее римлянина, хотя и обладает, по-видимому, большими ресурсами и удобствами жизни.

Великие успехи в сфере знаний, чудовищное развитие промышленности, о коих не мог мечтать ни один древний, дали возможность Европе казаться совершенно новой и отличной от других стран и времён, но тем хуже для неё, что при этом соответственно не возросло людское счастье, и людские слёзы теперь так же горько льются, как в древности, и, что хуже всего, и теперь люди так же мало способны и склонны осушать их, как это было в отдалённые времена.

Как в древности, так и теперь человек стремится лишь к личному благу, побуждаемый своей животной природой. Как в древности, так и теперь человек движим лишь пользой. Деятельность, цели и нравственность прикреплены к пользе и вертятся вокруг неё... Но не всё полезное справедливо. Поэтому цивилизация Европы если не породила, то широко развила различные секты протестантов, именуемых здесь социалистами, анархистами, которые готовы ввергнуть человечество в ещё большие несчастья; это слепцы, желающие найти дорогу для заблудившихся...

¹⁴ Здесь в значении «учёный».

Приведу тебе один пример неправильности европейского пути. Здесь в каждой стране ежегодно тратят миллионы на обучение людей с пользой применять свои силы и способности; каждый европеец вооружается всеми средствами науки и индустрии, чтобы урвать себе побольше пользы, но, увы, совершенно упущено из виду приучать их быть справедливыми и давать им силы оставаться всегда и везде таковыми.

Образование тут господствует над воспитанием, ум над сердцем, эгоизм над справедливостью. Не богатства, не промышленный прогресс дадут счастье людям, а справедливость и науки, укрепляющие её. Весь блеск и шум Европы зиждется пока на колоссальном прогрессе индустрии и техники; во всём остальном человек Европы не очень далеко ушёл от людей древности и человека других частей света. Тем не менее европейцы стоят ныне во главе человечества и внесли много хорошего в общее достояние поколения Адама и Евы. Но грядущее откроет людям иные, более широкие, горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие позади Европы, должны учиться у европейцев и воспользоваться их опытом и ошибками, чтобы прогрессировать в лучшем направлении и создавать лучшие формы жизни и людских отношений, чем те, кои мы видим здесь.

Спустя несколько недель после этого свидания с шейхом я собрался в Испанию. Она отсюда не далека. В стране этой когда-то был наиболее блестящий и знаменитый мусульманский халифат¹⁵. Остатки этого царства в форме памятников архитектуры и иных сооружений рассыпаны по всей Испании и безмолвным, но правдивым языком рассказывают о бывшем величии мусульманской жизни и науки, указывая на возможность и развитие цивилизации среди мусульман в будущем.

Я приобрёл лучшие французские книги об Испании. При помощи этих книг я составил план обозрения этой страны.

В несколько дней я окончил дела и приготовления к отъезду. Деньги мои через банк я перевёл в Мадрид, столицу Испании. В Европе нет надобности возить деньги с собой. Деньги переводят из города в город по твоему желанию за самое незначительное вознаграждение. Пропасть деньги не могут. Банк или банкир даёт тебе небольшую бумажку с указанием, от кого и где получить деньги. Это даже лучше денег, ибо если потеряешь или украдут её, то деньги можно спасти, дав знать телеграммой о случившемся.

15 Кордовский халифат (до 929 года – эмират) – средневековое мусульманское государство на территории современных Испании и Португалии (929–1031) со столицей в г. Кордова. Основано потомком Омейядов Абд ар-Рахманом I, принявшим в 756 г. титул эмира. В 929 г. Абд ар-Рахман III объявил себя халифом. В X – XI вв. государство переживало период наивысшего подъема. После 1031 г. халифат распался на ряд эмиратов, значительным из которых был Гранадский эмират, где мусульманское владычество продлилось вплоть до 1492 г.

1903. – 1 декабря, № 47.

Я мчался по железной дороге к Пиренейским горам¹⁶. И за ними уж[е] Испания с волшебной Андалузией¹⁷, столь знаменитой в истории Ислама и цивилизации мусульман. Я должен был проехать всю Францию. Какая чудная страна! Сколько в нее вложено труда, умения и богатства. Вся страна кажется бесконечным садом и владением одного знающего хозяина. Повсюду сады, чисто и аккуратно обработанные поля, обширные виноградники из конца в конец государства. Куда ни посмотришь – громадные, богатые сёла и деревни, соединённые между собой шоссейными дорогами. Каналы, железные дороги и мосты – повсюду, где только нужно. Вся страна выглядит новенькой, чистенькой и праздничной. Здесь нет мрачных развалин, заброшенных зданий и мест, нет пустырей и видов разрушения. Всюду жизнь и деятельность, всюду люди и кипучая работа. Так и кажется, что Аллах благословил эту страну.

Через тридцать три часа по выезде из Парижа я был уже на франко-испанской границе, среди гор. Тут нас встретили испанские таможенные чиновники и, как везде, осмотрели вещи. Один из них, видимо, заинтересовался мной и спросил: «Вы, вероятно, мавр?».

– Нет, – ответил я, – ташкентский татарин.

– Из Средней Азии... Куда же вы едете?

– В Испанию.

– Вы торговец?

– Нет, смиренный поклонник.

– Чему же думаете Вы у нас поклониться?

– Святому праху и памятникам величайших мусульман, когда-то живших на вашей земле.

– Ах, да. Здесь есть что посмотреть. Однако, Вы вероятно первый татарин, попавший в нашу землю из далёкой Азии... Приветствую Вас и жалею, что поезд скоро отойдёт и мне не удастся угостить столь редкого у нас гостя...

Испанец произвёл на меня отличное впечатление. Они, видимо, не менее деликатны, чем французы. Впрочем, эти два народа родственны по крови, языку и вере, что, однако, не мешало им и, вероятно, не помешает ещё душить друг друга не хуже, чем это проделывали карабагцы с ширванцами или бухарцы с кокандцами.

Зная по-французски, я мог кое-что понимать и по-испански, а поэтому сравнительно очень скоро освоился с этой страной и, благодаря книгам, знал, где что есть, куда как ехать и т.д. В этом отношении все европейские

¹⁶ Горная система во Франции, Испании и Андорре между Бискайским заливом и Средиземным морем.

¹⁷ Историческая область в южной Испании, где с VIII по XIII вв. господствовали арабы.

страны представляют большое удобство для путешественника. Французский язык, как международный, везде понимают. В лучших гостиницах служащие должны его знать, не говоря уже об учёных людях.

Сначала я прибыл в Мадрид, чтобы видеть главный город этого царства. Современная Испания – это второстепенное государство с 17 миллионами жителей. Переехав границу, я уже видел, что испанцы далеко отстали от французов. Вся их обстановка, вся их работа и жизнь далеко ниже французской. Сейчас видно, что этот народ не умеет ни работать, ни жить, как их соседи. Сравнительная бедность, неряшливость, мизерные лачужки деревень, плохие сады, тощие поля, пустоши и многие развалины прямо говорили, что испанцы не далеко ушли в своей цивилизации и жизни. Однако железные дороги и государственные учреждения и порядки указывали, что это есть часть Европы. Испанцы – народ весёлый. Нигде нет так много песен и музыки, как тут; тем не менее, они очень религиозны и гораздо более посещают церкви, чем французы. Читая историю испанцев, я нашёл в них некоторое сходство с татарами: они так же любят часто свергать и восстанавливать своих правителей, как это делали татары.

Испания считается страной не богатой, хотя в прежнее время владела почти всей Америкой и многими островами¹⁸. Они привозили оттуда золото тысячами пудов, отнимая его у дикарей или выменивая на безделушки из стекла и т.п. В то время Испания считалась самой богатой страной. Но золото закончилось; Америка отпала от Испании, и она осталась тем, чем была, т.е. неумеющей и нелюбящей работать. Отсюда её бедность. Пример Испании ясно показывает, что богатство не в золоте, а в умении работать. Богат и счастлив лишь тот народ, который умеет работать и производить продукты, потребные и покупаемые другими народами. Таковы англичане. Их земля, собственно, не богата, но благодаря знанию и труду, их произведения ценятся во всём мире и собирают им богатую дань со всех народов.

Испания – полуостров на юго-западной части Европы, омывается с запада Атлантическим океаном, а с юга – Средиземным морем. Гибралтарский пролив отделяет её от Африки и мусульманских земель Марокко. Климат Испании умеренно-жаркий и позволяет расти здесь самым нежным плодам вроде винограда, граната, апельсинов, персиков и фиг. Хотя есть маловод-

18 С началом эпохи Великих географических открытий Испания стала одной из первых колониальных империй. Её колониальные владения находились в Америке, Африке, Азии и Океании. Французская оккупация Испании войсками Наполеона Бонапарта в 1808 г. привела к тому, что колонии Испании стали отрезаны от метрополии, а начавшееся впоследствии движение за независимость в 1810–1825 гг. привело к созданию ряда новых независимых испано-американских республик в Южной и Центральной Америке. Остатки испанской империи, в том числе Куба, Пуэрто-Рико и Испанская Ост-Индия, продолжали оставаться под испанским контролем до конца XIX в., когда большая часть этих территорий была аннексирована США после испано-американской войны. Оставшиеся тихоокеанские острова были проданы Германии в 1899 г.

ные и пустынные местности, но ещё более мест, обильных водой и богатыми землями.

Пробыв в Мадриде лишь сутки, я поспешил в Андалузию, к памятникам старины. Описывать все памятники мусульманской жизни и цивилизации, осмотренные мной в различных городах Испании, потребовало бы очень много места. Об них следует написать особую книгу.

Упомяну лишь о великой мечети в Кардове¹⁹ и дворце Альгамбра²⁰ в Гранаде. Кардуанская мечеть заложена в 770 г. геджры халифом Абдурахманом²¹. Эта грандиозная молельня сооружена из дорогого мрамора с куполом, покоящимся на восьмидесяти колоннах. Вид мечети грандиознее, внутренняя отделка великолепнее стамбульской Ая-Софии, большой каирской мечети и других сооружений подобного рода. Освещение храма так рассчитано, что производит на зрителя глубокое впечатление. Строгая симметрия всех частей, красота и величие общего вида, воздушные арки, соединяющие колоннаду храма, непритворно и беспристрастно говорят нам о духе народа-строителя, духе великом, красивом и жизнотворном, каковым представляется кардуанская мечеть – воплощение того духа и вкуса арабов.

Я целую неделю осматривал и любовался этой большой мечетью, каждый день открывая в ней новые красоты и новые мысли гения строителей. Вслед за французским путешественником Густавом Доре²² не могу не

19 Мескита или Кордовская соборная мечеть – римско-католический собор (в прошлом – мечеть), расположенный в андалусском городе Кордова. В Средневековье была второй по величине мечетью в мире. Строительство мечети было начато в 784 г. в период правления халифа Абдуррахмана I. Это была самая великолепная из более чем 1 000 мечетей в городе. Здание известно своими гигантскими арками с более чем тысячей колонн из яшмы, оникса, мрамора и гранита. Они были сделаны из частей римского храма, который существовал на этом месте ранее, так же, как и другие разрушенные римские здания. Двойные арки были новым введением в архитектуру. Они помогали поддерживать огромный вес более высоких потолков. Двойные арки состоят из более низкой арочной подковы и верхней полукруглой арки. Мескита также богато украшена позолоченными молитвенными нишами. Расположенный в центре купол усыпан красивыми синими плитками в форме звёзд. После испанской Реконкисты была преобразована в церковь, а некоторые детали интерьера вроде колонн и арок были стилистически заменены на византийский лад.

20 Архитектурно-парковый ансамбль, расположенный на холмистой террасе в восточной части города Гранада в Южной Испании. Основное развитие получил во времена правления мусульманской династии Насридов (1230–1492), при которых Гранада стала столицей Гранадского эмирата на Иберийском полуострове, а Альгамбра – их резиденцией (сохранившиеся дворцы относятся преимущественно к XIV в.). В состав обширного комплекса, заключенного в крепостные стены с башнями, входили также мечети, жилые дома, бани, сады, склады, кладбище. В настоящее время является музеем исламской архитектуры.

21 Абд ар-Рахман I (по прозвищу «ад-Дахиль» («Пришеллец»)) (731–788) – эмир с 756 г., основатель династии кордовских Омейядов, правившей большей частью Испании до 1031 г., и эмирата на Пиренейском полуострове.

22 Поль Гюстав Доре (1832–1883) – французский гравёр, иллюстратор и живописец.

заметить, что пристройки и небольшие переделки, сделанные испанцами, чтобы уничтожить мусульманские надписи, много повредили цельности красот мечети.

Другой памятник, привлекающий ежегодно массу туристов и художников, – это Альгамбра, дворец халифов Гренады. Дворец этот состоит из нескольких дворов и множества построек, сооружённых разновременно разными халифами. Тем не менее, дворец представляет нечто цельное во всём своём разнообразии; идея красоты и симметрии в кажущемся беспорядке выдержана от начала до конца. Мозаика и арабески, украшающие Альгамбру, сохранились до сих пор так же, как многие надписи, пощаждённые невежеством испанцев. Так, над Воротами закона²³ можно прочесть арабскую надпись куфическими и африканскими письменами, указывающую, что ворота сколочены в 749 году. (1348 г.).

Так как мусульмане избегали рисунков одушевлённых предметов, то всё их искусство в живописи вылилось в изображениях растений и различных узорах, называемых арабесками. Альгамбры в мозаике или на мраморе до сих пор поражают всякого наблюдателя и служат образцами этого рода искусства, хотя подражания никогда не достигают достоинства оригинала.

В первое моё посещение Альгамбры я пошёл туда с проводником и описанием дворца на французском языке. Нас встретил смотритель и дал прислужника, чтобы показать это чудо мусульманского зодчества, единственное в мире по своему характеру и стилю. Каждый шаг в пределах дворца и его дворов приводил меня в восторг, но только мысль о том, что это призрак прошлого и погибшего, отравлял восторженность моего духа!

Я сообщил смотрителю, весьма любознательному испанцу, что приехал из далёкого Туркестана, чтобы поклониться памятникам ислама в Испании, и просил его дозволить посещать дворец каждый день. Таким образом, всё время я проводил много часов в обозрении дворца и созерцании окружающих красот, ибо Альгамбра сооружён на горе, над Гренадой²⁴. Сочетание самых счастливых условий делает всю эту местность едва ли не лучшей во всём мире. Арабские историки считают окрестности Гренады лучше, чем таковые Дамаска²⁵ и Багдада. Вода умеряет жар. В Гренаде чем жарче, тем более воды благодаря близости вечно-снежной Сиерра Невады²⁶, регулирующей всю эту местность, которая производит самые нежные плоды и цветы юга.

23 Ворота Справедливости (Puerta de la Justicia) – монументальная кирпичная сводчатая арка, выстроенная в форме подковы. Ворота были построены по указу гранадского султана Юсуфа I в 1348 году. Являются главным входом в Альгамбру.

24 Город в исторической области Андалусии на юге Испании. С 1238 г. по 1492 г. столица последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове – Гранадского эмирата.

25 Один из старейших городов мира, столица Сирии. С 661–750 гг. Дамаск был столицей халифата династии Омейядов.

26 Горный хребет на юге Пиренейского полуострова, часть Кордильеры-Бетики. Находится на территории Андалусии.

В течение месяца я каждый день посещал Альгамбру и его окрестности, часто ночуя во дворце у одного из служителей, который, конечно, за деньги кормил и поил меня. Тут я бродил и перед утренней зарёю, и в лунные ночи, сопутствуемый воспоминаниями, впечатлениями и разными мыслями, теснившимися в голове под влиянием истории и местности, действительно, чудесной. Правы были арабы, назвав парк с большим увеселительным дворцом Генералиф²⁷ – исковерканное от арабского «Дженнет эль Ариф», т. е. рай Арифа.

Была чудная лунная ночь. Устав бродить по обширным дворам и галереям Альгамбры, я присел в тени колоннады Львиного Двора²⁸ на коврик моём, который тут лежал постоянно для молитвы. Увлекаемый молчанием ночи и красотами до сих пор великолепного двора, хотя фонтаны львов не бьют уже ключевой водой, я представлял себе то время, когда двор этот был оживлён блестящей свитой халифа, послами королей и учёными мусульманами, дававшими жизнь и силу всему народу... Воображение было столь сильно, что мне казалось, что передо мною действительность. Но вдруг всё исчезло, мысли мои запутались... Полёт какой-то ночной птицы на минуту нарушил тишину, и затем опять всё стихло, как в гробу... Ночь была восхитительна; полулёжа, я оставался очарованный... Вдруг со стороны Миртового Двора²⁹ донёсся до меня лёгкий шум, похожий на шёпот и говор людей. Кто бы это мог быть? Сторожа давно спят, и они далеки отсюда; сторонних на ночь сюда не пускают... Шорох и шёпот приближался. Я затаился под самую стену, в тень, и стал выжидать не то с любопытством, не то с боязнью. Каково же было моё удивление, когда во двор вошли двенадцать дев, одна краше другой, и стали вокруг Фонтана львов³⁰! Я притаил дыхание и замер... Кто они, откуда, зачем? Я не верил глазам, но явление было

27 Хенералифе (от араб. Jannatal-'Arif) – бывшая загородная резиденция эмиров династии Насридов, правивших Гранадой в XIII–XIV веках. Сады Хенералифе находятся на холме Серро-дель-Соль; вместе с расположенными немного западнее крепостью-резиденцией Альгамбра и жилым районом Альбайсин, которые образуют средневековую часть города.

28 *Patiodelos Leones* – знаменитый двор посредине Львиного дворца династии Насридов в составе резиденции Альгамбра.

29 Центр композиции дворца Комарес – официальной резиденции эмира. Является самым знаменательным местом Альгамбры. Посредине двора находится мраморный водоем размерами 34×7,1 м., куда подается вода из двух фонтанчиков по коротким сторонам прямоугольника. По длинным сторонам он обсажен подстриженной изгородью из мирта, по которому двор получил название.

30 Фонтан Львов (*Fuente de los Leones*, Альгамбра), изображающий двенадцать стилизованных львов, держащих на спинах двенадцатигранную чашу, расположен посредине центрального двора Дворца Львов (*Palacio de los Leones*) – частных покоев эмира. Долгое время существовала версия, что фигуры львов сделаны ещё в XI в. и происходят из дома визиря Шмуэля ха-Нагида, а поскольку он был иудеем, они якобы символизировали двенадцать колен Израиля. Однако при реставрации фонтана в начале XXI в. выяснилось, что и львы, и чаша сделаны во время строительства дворца, то есть во второй половине XIV в.

очевидно. Постелив тут же свои шёлковые покрывала, девы стали на молитву и, окончив её, тихо направились обратно... Встав и еле слышно скользя по мраморным плитам, и я пошёл за ними, чтобы узнать, кто и откуда они.

Медленно обошедши Миртовый двор, арабские красавицы вошли в Башню принцесс³¹. Казалось, что великолепный гарем повелителя Андалузии был перед моими глазами. Не видно было только чёрных слуг, детей Судана. Ни шума, ни говора; мёртвая тишина и безмолвный, скромный лунный свет царствовали над таинственной картиной, коего я был невольным свидетелем. Вслед за красавицами и я вошёл в Башню, думая, что они уже прошли далее, но увы, эта неосторожность выдала меня. Когда я вошёл во вторую комнату, то был встречен возгласом: «Чужой, неверный, о милосердный Аллах!». Хотя я был крайне смущён, но отступив на шаг, объявил, что я друг и мусульманин и что Премудр Аллах, приведший меня сюда помимо знания и желания. Незнакомки несколько успокоились и переглянулись между собой. В этот момент одна из мраморных плит пола тихо поднялась и показалась белая чалма чьей-то головы. Я положительно не знал, что думать и как быть. Увлечённый, поражённый глубокой таинственностью всего явления, оставался, как вкопанный.

Вслед за чалмой из подземелья выдвинулся целый старец, седой, как лун, и когда одна из дев обратилась к нему с указанием на моё присутствие, он повернулся в мою сторону и, пристально взглянув на меня, воскликнул: «Сын мой Молла Аббас, ты ли это?». Тут только я разглядел, что передо мной стоит почтенный Шейх Джелал, которого, как вероятно помнят читатели, я видел в Париже. Это был несомненно он.

— Это я, Аббас, но премудры дела Аллаха! Ничего не понимаю в том, что тут вижу...

— Тебе, мой сын, суждено видеть ещё многое... Тогда всё поймёшь. Подай сюда.

Я вошёл в середину комнаты. Девы с любопытством и не без боязни рассматривали меня. «Спускайся», — приказал мне шейх, указывая на подземелье. Видя мою нерешительность, он прибавил: «Я и эти мусульманки пойдём за тобой... не бойся». Не отдавая себе отчёта, я спустился в жерло неведомого подземелья и начал сходить осторожно вниз по каменным ступеням.

1903. – 14 декабря, № 49.

По длинной каменной лестнице я спустился в подземелье. За мной спустились мавританки и Шейх Джелал. Освещая путь фонарями, мы прошли два больших подвала, закрывая за собой потаённые двери.

31 Башня Принцесс (Torre de las Infantas, Альгамбра). В XVI в. называлась башней Руиса-и-Кинтарная (Torre de Ruiz y Quintarnaya) по имени её жильца, а современное название получила в XVII в., поскольку её связали с легендой о принцессах Заиде, Зораиде и Зорагаиде, позже пересказанной Вашингтоном Ирвингом в «Альгамбре».

Пояснение шейха Джеляла, что первое подземелье было когда-то казнохранилищем халифов Андалузии, а второе – Комнатой спасенья мало понятно было мне в моём странном положении и ещё менее удовлетворяло разгорячённое моё любопытство.

– Благодарю Вас за это сообщение, но ради Аллаха скажите мне, куда же мы идём... При всём моём доверии к Вам я чувствую себя неловко, – обратился я к шейху.

– Не бойся и не смущайся, мой сын, – отвечал шейх, – спутницы твои не менее достойны доверия, чем я... Мрачная, тёмная дорога приведёт тебя в светлую, чудную страну.

– О, Всемогущий, не помешался ли я! Какая же может быть страна, да ещё светлая, в недрах земли?... Изучал я и географию, и геологию, но ни о чём подобном не слыхал...

Девы между тем, видимо, собрались в дальнейший путь и, стоя с фонарями в руках, ожидали указания шейха.

– Ты скоро об этом услышишь... Как выберемся на свет Божий, я попрошу Фериде Бану (очевидно, так звали одну из дев) сообщить тебе историю страны, в которую идём этой диковинной дорогой... Не смущайся, сын мой. Теперь нам надо торопиться вперёд и по возможности менее говорить. Мы находимся глубоко под землёй; воздуха здесь мало, и он значительно испорчен. Может сделаться дурно... Надо торопиться – объясниться же успеем, – сказал шейх и знаком предложил девам идти. Я с шейхом пош[ёл] вслед за ними. Проход из Комнаты спасенья шёл прямо и горизонтально. Выложен он штучным камнем наподобие европейских тоннелей. По проходу мы шли попарно, освещая путь фонарями. Огонь горел тускло, кое-где просачивалась вода. Было сыро.

Мы молча шли, по крайней мере, часа два. Я чувствовал уже большую усталость, когда заметил впереди луч белого света. Фонари угасли, и прекрасные мусульманки с возгласом «Велик Аллах!», весело побежали вперёд... Это был выход из подземного хода. Через пять минут и [мы] с шейх[ом] Джелялом вышли на свет Божий. Но видно, что чем дальше, тем более я должен был поражаться моим путешествием! Выйдя из прохода, мы очутились на дне глубочайшего сухого колодца – иначе я не умею как назвать небольшое пространство саженей в сорок длины и ширины, усыпанное обломками камней и окружённое со всех сторон отвесными скалами, уходящими под небеса... Подняв голову вверх, я увидел в высоте клочок светлого, голубого неба и был несказанно обрадован чувством, похожим на такое, какое, вероятно, каждый ощущал, проснувшись после страшного сна... Колодец, в котором я находился, имел, по крайней мере, триста саженей глубины и был совершенно безжизненен, однако воздух здесь всё же был легче и приятнее, чем в подземелье... Все мы расселись отдохнуть. Шейх Джелял и я совершили утренний

намаз³². Еще не было поздно. Желая быть скромным, я молчал, но шейх, зная в каком я был возбуждённом состоянии, обратился ко мне: «Сын мой, скоро ты присоединишься к счастливому народу... вон напротив проход, через который мы через четверть часа выйдем в страну Спокойствия».

– На земле ли эта страна, мой шейх? Удивительно!

– Да, но страна эта никому не известна. Географы и историки Востока и Запада никогда не слышали о ней...

– Велик Аллах! Страна эта, однако, должна находиться в пределах Испании... Мы находимся в нескольких часах расстояния от Гренады... Ничего не понимаю! В наше время измерены и изучены чуть ли не все части света, между тем, никто и не подозревает о существовании страны Спокойствия около Гренады или под нею. Не знаю, как выразиться...

– Трудно будет тебе ориентироваться, пока не узнаешь всех подробностей... Не утруждай своей головы, будь терпелив.

После этого замечания шейх подозвал наших спутниц и отрекомендовал меня им следующим образом: «Вы не пугайтесь этого человека; это мусульманин из далёкой страны Туркестана, хотя все мусульманские страны покрыты мраком незнания, как и страны европейские, но тем не менее, науки не совсем заброшены у них, и некоторые из жителей тех стран кое-чему учатся и слынут на своей родине великими учёными... Нашего случайного спутника зовут Аббасом; он учился кое-чему в Ташкенте и затем в Париже, так что я надеюсь, он стоит на пути к добропорядочности, человечности и может понять кое-что из жизни нашей страны... Будьте к нему снисходительны и не удивляйтесь его невежеству; позже он освоится с нашей жизнью и приблизится к цивилизованным людям...

Эта странная рекомендация, представлявшая меня невеждой и чуть ли не дикарём, корбила меня, но что же я должен был делать в моём загадочном положении? Продолжая свою речь, шейх обратился ко мне: «Эти двенадцать дев – высшие по успехам ученицы храма науки и нравственности. Ежегодно в ночь рождения Пророка³³ таковые ученицы в награду проводятся в Альгамбру для обозрения родной старины и древней родины... Из Башни принцесс видны многие места Андалузии... Это величайшая награда для мусульман нашей страны... Ты можешь говорить с ними свободно, хотя ты плохо говоришь по-арабски, но они настолько учёны, что поймут тебя... Имей в виду, что всякий твой взгляд, всякое движение служит для нас словарём, чтобы читать в твоей душе; в нашей стране нет зла, ты ничего не бойся, но старайся лишь быть хорошим и благовоспитанным гостем,

32 Фаджр – предрассветная молитва в исламе. Является первой по счёту из пяти обязательных ежедневных молитв, образующих в совокупности второй из Пяти столпов ислама.

33 Мавлид ан-Наби (Мавлид) – день рождения пророка Мухаммада. Отмечается 12 числа третьего месяца мусульманского лунного календаря, и весь этот месяц считается месяцем Мавлид.

насколько умеешь и можешь... Фериде Бану будет любезна рассказать тебе историю нашей страны, и ты узнаешь многое...

Когда старик умолк, девы сказали мне общий селям и выразили благопожелания. Я тоже отвечал на селям и, желая показать им, что туркестанцы не совсем невежды, составил приветствие в стихах, восхваляя их чудную красоту и выражая мою радость по случаю счастливого знакомства... Выслушав меня, девы усмехнулись, причём одна из них заметила, что, вероятно, таков туркестанский обычай...

1903. – 29 декабря, № 51.

Отдохнув немного, мы двинулись в дальнейший путь. Входя в подземный ход противоположной горы, я заметил, что фонари, находившиеся в руках дев, зажглись сами собой. Тут только я обратил внимание, что свет их отличается от света обыкновенных известных нам ручных фонарей. Оказалось, что спутницы мои обладали особым устройством электрическими фонарями, которые светили или потухали от прикосновения к той или другой пуговке. Фонари светили силой науки, без свечей, сала или керосина! Это обстоятельство наметнуло мне, что люди, с которыми судьба меня свела, не отстали, по-видимому, от Европы в физике и механике, хотя, по словам их, непосредственных сношений с этой частью света они и не имеют.

Полчаса мы шли подземной дорогой-галереей и наконец достигли большой сводчатой залы, вроде двух уже пройденных раньше. Тут шейх Джелял, обращаясь ко всем нам, сказал: «Путешествие наше благополучно окончено, мы сейчас выйдем на свет Божий и будем в Стране спокойствия. Ход и выходы в нашу страну составляют самую важную государственную тайну, а потому, чтобы войти туда, вы должны завязать ваши глаза...

Все девушки окутали свои головы и лица, я обвязал глаза платком... Несколько минут мы стояли в этом положении. Слышно было, что шейх Джелял что-то делал в стороне, в глубине подземелья... Наконец, предложив девушкам взяться за руки, он подал им одну руку, а другой взялся за мою и предложил идти... Мы тихо двинулись гуськом, следуя указаниям шейха. Шли то направо, то налево, делая круг и зигзаги, и я потерял всякое сознание направления. Спустя минут пять, мы вошли в какую-то галерею и начали, очевидно, подыматься в гору. Наконец, шейх предупредил нас, что впереди лестница. Мы поднялись ступеней двадцать и остановились. Шейх произнёс: «Мы благополучно возвратились...». Что-то открылось, и я почувствовал, как пахнуло свежим воздухом... Пошли далее и, сделав несколько оборотов в разные стороны, остановились. Слышно было журчание воды, свежий, здоровый воздух давал себя чувствовать ещё более. Страх чего-то и любопытство так перепутывались во мне, что я не мог определить, что, собственно, происходило со мной. «Можете развязать себе глаза», – сказал

шейх. Когда я снял повязку, то увидел себя в светлой, обширной и обставленной по-восточному комнате. У одной из стен журчал гранитный фонтан, а около фонтана, держа чистые полотенца, стояли два старца, напоминавшие по летам и одежде шейха Джеляля. Спутницы мои, сбросив покрывала, весело обступили фонтан, освежаясь водой и передавая старцам свои впечатления... Их бойкая, радостная речь раздавалась волшебной музыкой.

«Какова Гренада? Понравилась ли вам наша старая Андалузия?» – спрашивали старцы, и девы восторженно передавали свои чувства и впечатления.

Я стоял и глазел вокруг, как ошалелый. Шейх Джелял предложив вымыть лицо и освежиться, вывел меня из оцепенения. Холодная вода, действительно, укрепила несколько мои мысли и нервы. Пройдя в следующую комнату, куда уже прошли наши спутницы, я очутился в столовой. Тут для всех нас был накрыт стол, и мы подкрепились обильным завтраком, состоявшим из мяса, пилава и фруктов. Здесь я не мог не заметить, что большинство моих спутниц были редкие красавицы... Видя моё изумлённое и жалкое положение, шейх Джелял предложил Фериде Бану³⁴ посвятить меня в тайну их страны и моего положения...

Мы встали из-за стола и уселись на широких мягких диванах, обитых пурпуровым блестящим сафьяном. Старцы убрали со стола и по мусульманскому обычаю подмели всю комнату. Взглянув в окно, я увидел чудную картину. Перед моими глазами лежала обширная, ровная долина, окружённая со всех сторон обрывистыми, поросшими богатым лесом горами, вершины коих горели серебряным венцом снегов... Очевидно, я находился в благодатной котловине вечноснеговых гор, но какая это была котловина! Зелёные луга, покрытые узорами садов, виноградников и розовых плантаций, с множеством благоустроенных селений и высоких, изящных арабских тонких, белых минаретов придавали местности характер волшебной панорамы... Я не мог оторвать глаз от окна. Мне не мешали любоваться и наслаждаться. Прекрасны страны Зеравшана³⁵, великолепны окрестности Парижа, но тут было лучше...

– Скажите, пожалуйста, как обширна эта страна, – спросил я прекрасную Фериде Бану.

– По туркестанской мере на часы страна наша имеет в ширину два, а в длину три часа протяжения (час соответствует 6 верстам).

– Прошу Вас, расскажите мне историю этой прекрасной и таинственной страны; я сгораю от любопытства, – продолжал я, обращаясь к ней.

Прочие девы, как и я, приготовились слушать, ибо в подобных случаях всякая учёная девушка этой страны импровизирует, основываясь на данных истории. Полилась гармоничная, музыкальная арабская речь. Передам её по возможности ближе к оригиналу. Фериде Бану говорила:

³⁴ Вежливая форма обращения к женщине.

³⁵ От названия реки Зеравшан/Зарафшан. Вероятно, имеются ввиду государства, которые находились на территории современного Таджикистана и Узбекистана.

1904. – 6 января, № 2.

– В 84 году Геджры, в царствование халифа Велида³⁶, мусульмане уже проникли до Атлантического океана, покорив весь северный берег Африки. Правивший африканскими владениями халифата Муса ибн-Насыр³⁷ задумал перебросить часть своего войска на эту сторону Гибралтарского пролива, чтобы предпринять завоевание Испании.

Беспорядки в этой стране и соперничество правителей, ослабивших друг друга, разоряли всю страну и облегчали арабам их задачу. В Испании было немало людей, которые желали вторжения мусульман и даже приглашали их, указывая на все слабые стороны своего правительства.

Правитель Муса, исподволь собрав все необходимые сведения об Испании и её положении, обратился к халифу с просьбой разрешить поход в эту страну. В рапорте своём он доказывал, что Испания красотой напоминает страны Ливана, климатом – счастливую Аравию, плодородием – Египет и минеральными богатствами – Индию. Муса предполагал по завоевании Испании двинуться во Францию и Германию, чтобы, покорив эти страны, дойти до Константинополя.

Сделав все нужные приготовления к походу, весной 92 года Геджры небольшой отряд мусульман под командой Тарик ибн-Зияда³⁸ переплыл пролив, названный его именем, и высадился на берегах Испании. Тотчас вскочив на коня, Тарик обратился к войскам со следующими словами: «Мусульмане, впереди враги, позади глубокое море. Нам остаётся один путь: победа и торжество».

Воодушевлённые войска с быстротой весеннего потока двинулись за своим вождём и в короткое время, разбив в многочисленных битвах врага, завладели почти всей страной. Королевская власть кое-как удержалась в горах, труднодоступных частях страны. Тем не менее, власть эта стала в зависимое от мусульман отношение.

Успеху мусульман, кроме храбрости и оружия, много содействовала их разумная, веротерпимая администрация. Обеспечение имущества и свободы покорённых немного ослабляло силу их сопротивления, так что гуманность мусульман покоряла им не менее людей, чем острая сабля.

Вслед за Тариком сам Муса со вторым отрядом высадился в Испании и покорил местности, обойдённые первым военачальником. Одна-

36 Аль-Валид ибн Абдаль-Малик (668–715) – омейядский халиф, правивший в 705–715 гг. При нём была продолжена активная территориальная экспансия Арабского халифата, завоёваны обширные территории на Пиренейском полуострове, в Средней Азии и долине Инда.

37 Муса ибн Нусайр (640–716) – государственный деятель Арабского халифата, полководец, покоритель Магриба и Андалусии.

38 Тарик ибн Зияд (670–720) – арабский полководец берберского происхождения, завоевавший королевство вестготов.

ко честь завоевания, несомненно, принадлежит Тарику ибн-Зияду. Это обстоятельство в связи с блестящей славой и обширной его популярностью возбуждали зависть и опасения Мусы, который кончил тем, что донёс халифу на Тарика, обвиняя его в различных преступлениях, выдуманных довольно удачно. Вследствие этого оба военачальника были вызваны в Дамаск и преданы суду. Муса, однако, успел оправдаться, а несчастный Тарик умер в бедности и забвении в 97 году. Тут ещё раз оправдалась татарская поговорка, что топор, соорудивший юрту, часто остаётся вне её.

В 113 году мусульмане перевалили через Пиренейские горы во Францию и, взяв Тулузу³⁹ и Бордо⁴⁰, подошли к Туру⁴¹ и Пуатье⁴². Слишком удалённые от Испании, они ослабли в многочисленных стычках с врагами и не могли устоять против чрезвычайной силы, собранной против них Карлом Мартелом. Проиграв большое сражение в окрестностях Пуатье, мусульмане быстро отступили в Испанию.

1904. – 13 января, № 4.

Испания, как провинция, подчинялась халифам Дамаска и управлялась их наместниками. Но с падением династии Омейядов⁴³, когда халифатство перешло в руки Аббасидов⁴⁴, один из уцелевших принцев падшей династии, Абдурахман⁴⁵, успел скрыться в Испанию, где и был провозглашён в 140 году главой самостоятельного с тех пор испанского халифата.

Испанские мусульмане достигли значительной степени цивилизации. В науках, ремёслах и торговле они сделали большие успехи и были учителями Европы.

39 Город на юге Франции. В 721 г. Тулуза выдержала осаду арабской армии.

40 Город на юго-западе Франции, центр исторической области Аквитания.

41 Город во Франции на реке Луара в месте слияния её с рекой Шер. 10 октября 732 г. Карл Мартелл одержал под Туром победу над маврами, чем и поставил точку в завоевании мусульманами Западной Европы.

42 Исторический центр области Пуату (запад Франции).

43 Правящая династия арабских халифов (661–750), берущая начало от мекканского курейшитского рода Омейя. В 750 г. в результате восстания Абу Муслима династия была свергнута Аббасидами.

44 Вторая (после Омейядов) династия арабских халифов (750–1258), происходившая от Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба (ум.в 653 г.), дяди пророка Мухаммеда. В 750 г. Аббасиды свергли Омейядов на всей территории халифата, кроме Аль-Андалуса. Эпоха Аббасидов – период расцвета исламской государственности и культуры.

45 Абд ар-Рахман I (по прозвищу ад-Дахиль (Пришелец) (731–788) – эмир с 756 г., основатель династии кордовских Омейядов, правившей большей частью в Испании до 1031 г., и эмирата на Пиренейском полуострове.

Халифатство это просуществовало 800 лет и пало по тем же причинам, кои погубили монархию готов⁴⁶: взаимные раздоры, общая деморализация. Разрушителем мусульманского государства в Испании был король Фердинанд. Последним мусульманским государем (в Кордове)⁴⁷ – Мулей Абдаллах⁴⁸, сдавший город и власть Фердинанду, чтобы удалиться в Африку.

При завоевании мусульман[ами] Испания представляла собой страну богатую природой, но бедную культурой. Вскоре после завоевания они обратили её в цветущий сад, полный людьми, плодами и красотами. Роскошные сады, богатые нивы, тысячи разных мельниц, заводов, фабрик, многочисленные деревни, обширные благоустроенные города, фонтаны и оросительные каналы покрыли всю страну, подчинённую мусульманскому управлению. Прежнюю мертвенность заменила жизнь, пустыни обратились в нивы. Хорошие дороги изрезали страну по всем направлениям, содействуя торговле и сношениям людей.

Население увеличивалось со сказочной быстротой и поражало современников своим довольством и хорошей жизнью. По словам арабских историков, в одной долине реки Гвадалквивира⁴⁹ были расположены 12,000 деревень. В царствование эмира Юсуфа⁵⁰ каждую пятницу в трёхстах тысячах мечетях читалась хутба⁵¹! Страна была усеяна 80 большими и 300 малыми городами. Столица халифата Кордова имела 200,000 домов, 600 мечетей, 500 больниц, 800 медресе и 900 обще-

46 Древнегерманский союз племён. Со II века н. э. до VIII века н. э. играл значительную роль в истории Европы. Это было объединение германских племен, вероятно, скандинавского происхождения. В первые века нашей эры они начали путь от Скандинавского полуострова и постепенно расселились к Северному Причерноморью и реке Дунай, достигнув аванпостов Римской империи.

47 Вероятно, имеется в виду в *Гранаде*.

48 Мухаммед XII Абу Абдаллах, известный как Боабдиль (1459–1527/1533) – последний эмир Гранады в 1482–1483 и 1485–1492 гг.

49 Гвадалквивир – пятая по протяженности река в Испании (657 км.), площадь бассейна 57 тыс. км.

50 Мухаммад I ибн Юсуф ибн Наср известен под прозвищами аль-Галибби-ллах (Побеждающий во имя Аллаха) и аль-Ахмар (Рыжий) (ок.1194–1273) – эмир Гранады в 1232–1273 гг. Мухаммаду I удалось сохранить Гранадский эмират как единственное независимое мусульманское государство на Пиренейском полуострове. За годы правления Мухаммада I экономика эмирата быстро развивалась. Резко выросло и население Гранадского эмирата – в первую очередь, за счет переселения сюда многих тысяч мусульманских семей из занятых христианскими государствами районов. Благодаря этому был уравнен дисбаланс в численности арабского и берберского населения, имевший ранее место.

51 Мусульманская проповедь, совершаемая имамом по праздникам и во время пятничного полуденного богослужения в мечети.

ственных бань. Гренада, Севилья⁵² и Толедо⁵³ соперничали в блеске и богатстве с Кордовой.

Государственные доходы халифата были более всей суммы доходов тогдашних государств Европы. Управление внутреннее, военное и морское не имели себе подобного. Купцы и произведения испанских мусульман проносили во все страны. Блеск, богатство и знания их освещали восток и запад. Едва ли какая другая страна выдвинула столько учёных и обладала столькими книгами.

Жаль только, что позже большинство этих книг было уничтожено испанцами под влиянием их фанатизма и вражды ко всему мусульманскому.

Земледелие, медицина, хирургия, естественные науки, математика, астрономия, логика и философия достигли особенного развития между испанскими мусульманами. Халифы дорого платили за каждую книгу и глубоко почитали всякого учёного, всякого мастера. Дворец халифа не был только жилищем хорошеньких женщин, он представлял собой также храм науки и собрание великих мужей знания и искусства.

Как велико было уважение к науке, видно из того, что библиотека халифа Абдурахмана III-го⁵⁴ в Кордове, заключала 600,000 книг! Общественных библиотек в государстве было семьдесят, открытых всегда для публики и учащихся.

К несчастью, с падением халифата, поголовное изгнание мусульман из Испании погубило их умственные плоды и культуру, так что современная Испания в век пара и электричества, – лишь развалина в сравнении с тем, что было за 600 лет!

1904. – 16 января, № 5.

– Великий халифат, – повествовала прекрасная Фериде Бану, – совершив свой блестящий цикл, должен был прийти к упадку... Всё земное преходяще; всё людское в себе самом заключает отраву смерти и разрушения. Честность и эгоизм, правда и неправда, милосердие и жестокость, леность и трудолюбие, невежество и просвещение, героизм и подлость, трусость и храбрость свойственны людям, и смотря по тому, которые из этих качеств

52 Город на юге Испании. После распада Кордовского халифата в Севилье укрепилась династия Тайфа, при которой город достиг расцвета. В 1091 г. Севилью завоевали берберы. 22 ноября 1248 г. войска Фердинанда III Кастильского после полуторамесячной осады взяли Севилью, которая с тех пор оставалась во власти христианских испанцев.

53 Город и провинция в центральной части Испании.

54 Абд ар-Рахман III (891– 961), прозванный ан-Насир (Победоносный) – эмир с 912 г., халиф с 929 г. из династии кордовских Омейядов. Восстановил полураспавшийся при его предшественниках Кордовский эмират. В 931 г. взял Сеуту, в 932 г. – Толедо. С 955 г. заставил королей Леона и Наварры платить ему дань. Отвоевал у Фатимидов часть Магриба.

более развиты в них, определяется состояние человеческих обществ. Когда в обществе господствуют лучшие качества и стремления, оно пользуется благополучием и прогрессирует; когда перевес берут противоположные качества, оно падает, разлагается... Вчерашние господа, сегодня превращаются в жалких слуг, богатыри представляют презренных трусов, честность уступает место подлости, знание затмевается невежеством, леность опутывает трудолюбие, и горе такому народу: он ослабевает, мельчает и расползается, как холодная, бездушная снеговая глыба!

После трёхсотлетнего славного и блестящего существования мусульмане Испании мало-помал[у] стали изменять свои наклонности, привычки, воззрения и стремления. Яд пресыщения, лени, беззаботности, самомнения, взаимных раздоров начал отравлять славный организм. Отравленный организм не мог уже давать здоровых плодов. Явились неправосудные кадии⁵⁵, алчные правители, беззаботные и сластолюбивые государи; интрига и дерзкое невежество затёрли людей науки, лесть и двуличие стали впереди знания и честности; эгоизм залил в сердцах людей благородные стремления к общей пользе, ханжество и показная молитва заменили добрые дела и героизм... Отрава эта в течение двух столетий постепенно расшатывала основы общества и государства. Халифатство разбилось на несколько отдельных владений. Города и провинции начали соперничать и вредить друг другу, и, увы, никто не хотел понять, что этим путём все сообща роют себе ужасную, кровавую и бесславную могилу!

Взаимная вражда владетелей Испании и упадок нравственности населения дали возможность испанцам и слабым до того их королям вмешиваться в дела мусульман и ещё более ослаблять их, сея несогласие и зависть... Халифатство существовало около пяти столетий, но за полвека до его падения люди, понимающие видели приближающуюся грозу и думали о мерах предотвращения бедствия. Но увы, людей этих было мало, и их ещё менее слушали, ибо они говорили правду, а правда не всегда приятна.

Усилившийся король Кастилии Фердинанд⁵⁶ серьёзно начал грозить Андалузии, и пришлось подумать о защите и путях отступления... Это было в 889 году Геджры. Халифом был Эбу Абдуллах Эль-Загиль⁵⁷. Другой претендент на господство в Андалузии и владение Альгамброй

⁵⁵ Гражданские судьи.

⁵⁶ Фердинанд II Арагонский (1452–1516) – король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя. Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской. При нём было гарантировано политическое единство Испании (1479), взятием Гранады закончилась Реконкиста (1492), произошло открытие Америки (1492), началась эпоха Итальянских войн (1494). Он начал эру могущества Испании, закончившуюся Филиппом II.

⁵⁷ Мухаммад XIII аз-Загалл (1444–ок. 1494) – правитель Гранадского эмирата (1485–1487). В 1490 г. эмир Мухаммад аз-Загалл сдал кастильцам города Альмерию и Гуадис и все окрестные замки, которыми он владел. Под властью его племянника Боабдила осталась только Гранада и её окрестности.

Абдуллах Эль Сагыр⁵⁸ оспаривал у него власть и трон. Времена были и тяжёлые, и опасные.

Однажды во дворце халифа был тайный совет, на коем обсуждался вопрос обороны Гренады в случае нападения испанцев и о путях отступления на случай взятия ими города...

1904. – 23 января, № 7.

– Вы знаете, что за Гренадой и Альгамброй стоят снеговые горы Сьерра Невады. Они непроходимы. Совет решил прорыть под ними тайный ход, чтобы при надобности жёны и дети могли незаметно уйти по ту сторону гор... Враг не мог бы их настигнуть там, и они успели бы эмигрировать в Африку. Двести невольников были нарочно доставлены из Судана и поставлены к работе. Дело велось под строжайшим секретом, и, кроме посвящённых, никто не знал об этом удивительном предприятии. По окончании работ невольники были увезены обратно в Судан и там освобождены. По этой то подземной дороге мы прошли сюда из-под Башни Принцесс. Проведя тоннель до этой долины, халиф Абдуллах увидел, что цепь гор слишком обширна, чтобы вполне осуществить свою мысль, а потому остановился на этом, тем более, что наступившие кровавые события отвлекли его внимание к другим делам.

Через двадцать-тридцать лет знавшие о прорытии тоннеля умерли, и он был почти забыт. О нём знал лишь старик-садовник, смотритель гаремных цветников.

Между тем наступил 1490 год – год взятия испанцами Гренады и падения последней опоры мусульманской власти в Андалусии. После долгой осады и кровопролитных войн, под давлением голода и обещаний короля Фердинанда гарантировать мусульманам свободу верования, охрану чести и имущества в связи с многими льготами решено было сдать город.

Это случилось в правление халифа Абдуллы Эль-Сагыра. В то время другие части бывшего испанского халифатства – Кордова, Малага⁵⁹, Кадикс⁶⁰, Валенсия⁶¹ – уже были взяты испанцами, и сдача Гренады завершила собой конец халифатства. Слушайте, как совершилось это по словам историков и очевидцев этих горьких дней.

58 Вероятно, имеется ввиду Мухаммед XII Абу Абдаллах, известный как Боабдиль.

59 Город на юге Испании, в Андалусии. В 711 г. Малага была завоёвана вторгшимися из Северной Африки арабами, при которых стала значительным экономическим центром (производство шёлковых тканей и другое). С XI в. центр эмирата – тайфы Малага. 19 августа 1487 г. Малага была отвоевана кастильскими войсками и присоединена к Кастилии.

60 Город на юго-западе Испании, в Андалусии.

61 Город и провинция в Испании. В 714 г. Валенсия была завоевана арабами, которые включили город в состав Кордовского халифата. Под исламским владычеством возобновилось активное развитие Валенсии, практически остановившееся в период правления вестготов. Город был отвоеван христианами в 1238 г.

Король Фердинанд осадил и обложил Гренаду многочисленным войском. Сношение города с окрестностями было прервано, и население начало чувствовать недостаток провизии. Чтобы показать осаждённым, что осада не будет снята ранее взятия Гренады, король повелел построить в виду её каменное становище – городок, в коем и поселился с воинственной своей супругой Изабеллой.

Положение мусульман становилось критическим. Население, опечаленное явной опасностью, падало духом. Было решено обратиться за помощью к стамбульскому падишаху, но царствовавший тогда султан Баязид⁶², занятый войной в Египте и не име[вший] достаточно морских сил, не мог помочь гренадцам.

Несмотря на превосходство сил и положения, король Фердинанд, зная, что безответная храбрость и сила арабов могли сделать очень многое, старался подготовить военную сдачу разными интригами и подкупам. Он хорошо понимал, что единодушие и религиозное воодушевление удесятят силу арабов. Он успел привлечь на свою сторону многих влиятельных мусульман из числа падких на золото и распространял среди осаждённых послания, коими обещал пощаду и милости при добровольной сдаче города, и грозил не оставить камня на камне в противном случае.

Последний халиф Андалузии Эбу-Абдуллах был столь же беспечен, сколь и не способен. Тайно от народа он вёл переговоры с Фердинандом о сдаче города и условиях его для жителей и себя лично. Мусульмане, недовольные трусостью и бездейтельностью Эбу-Абдуллаха, готовились низвергнуть его и заменить более даровитым лицом. Но руководитель заговора в одну ночь исчез безвозвратно, и дело не могло быть приведено в исполнение.

Время сдачи города приближалось. В Альгамбре собрался совет, на коем обсуждалось положение дела. Халиф заявил собранию, что средства защиты истощены и что дальнейшее сопротивление становится невозможным. Все присутствующие, кивнув головами, молча согласились с мнением повелителя, только один военачальник Муса Эбу-Газаль⁶³, в жилах которого текла неиспорченная кровь предков, смело возразил:

1904. – 27 января, № 8.

– Нет, повелитель мой, мы можем ещё бороться. Во всяком случае добровольно сдать город значит предать себя собственными руками. Глаза, кои боятся вражьего меча, будут видеть собственную неволю; богатства, кои думаем спасти сдачей, будут расхищены и отняты. Трусы будут видеть

⁶² Баязид II (1447–1512) – султан Османской империи в 1481–1512 гг. Царствование его представляло сплошной ряд войн с Венгрией, Польшей, Венецией, Египтом и Персией. Они велись с переменным успехом и не представляли особенно выдающихся моментов, но тем не менее в общем содействовали усилению османского могущества.

⁶³ Вероятно, вымышленный персонаж.

своих жён и дочерей в объятиях вражеских воинов или разливающими вино на позорных попойках победителей. Поступки испанцев с другими народами, уже сдавшимися им, говорят нам, насколько можно положиться на их слово и обещания. Я не думаю, чтобы исконный враг и истребитель по взятии Гренады в[о]спылил к нам милостью и любовью. Я предпочитаю борьбу и славную смерть позорной сдаче и неволе. Нет смысла добровольно предать в руки врага трёхмиллионное население Андалузии. В отчаянии мы можем сделать чудеса; Аллах помогает действительно погибающим и бедствующим. До последней капли крови мы должны думать лишь о защите отечества, победе или славной, честной смерти...

На пылкую, благородную речь Мусы, собрание ответило молчанием, и он удалился без дальнейших объяснений.

Было решено сдать город. Для переговоров с Фердинандом и Изабеллой⁶⁴ назначены послы. Историки говорят, что крайне обрадованный прибытием послов для переговоров о сдаче Гренады Фердинанд воскликнул: «Видно, арабы переродились – они пали. Я не ожидал добровольной сдачи».

Муса, возвратившись домой, собрал своих сородичей и приятелей и простился с ними, собираясь в дорогу. Он сообщил одному из старейших способ, как спасти близких ему людей от предстоящей неволи и гонений. Обращаясь ко всем остальным, он завещал хранить веру отцов, не оставлять науки и знаний и неустанно трудиться.

Вооружившись как следует и сев на любимого коня, почтенный Муса бросил прощальный взгляд на всех родичей и поехал... Никто не знал, куда и зачем он поехал. Недалеко от города его встретил сильный испанский патруль. «Кто ты и куда едешь», – окликнули его. «Моё имя вам известно, а куда еду – моё дело», – ответил Муса, бросаясь, как разъярённый лев, в среду врагов. Убив 20 человек, наконец он сам пал в неравной борьбе, предпочитая не на словах только смерть постыдной неволе.

По договору о сдаче Гренады всем мусульманам была гарантирована свобода исповедования, обеспечение жизни, имущества и чести. Мечети, училища и другие религиозные учреждения должны были оставаться неприкосновенными. Желавшие могли во всякое время беспрепятственно переселиться в Африку.

Составив целый караван, нагруженный своим имуществом, халиф Эбу-Абдуллах, оставил Альгамбру и рыдающий город. Сдав ключи королю Фердинанду, он направился в назначенное для себя место пребывания. Когда он удалялся от Гренады, испанские войска входили в город. Взглянув на эту картину с возвышенности, по коей шла дорога, Эбу-Абдуллах зарыдал. Мать его, бывшая тут же, воскликнула: «Плачь, несчастный,

64 Изабелла I Кастильская (1451–1504) – королева Кастилии и Леона. Супруга Фердинанда II Арагонского, династический брак с которым положил начало объединению Испании в единое государство.

плач! Мужам, не сумевшим защитить себя и своё царство, достаётся удел жён — слёзы ...»⁶⁵.

В ночь выезда халифа сородичи и приятели благородного Мусы, в числе коих были искусные мастера и учёные мужи, захватив сколько могли вещей, книг и инструментов, явились в Альгамбру, где были встречены престарелым садовником. Этот, раньше условившись с покойным Мусой, провёл всех явившихся тайным ходом в междугорье. Дело осталось тайной для горожан и испанцев.

Община мусульман, с которой вы познакомитесь в настоящем междугорье, названном Дар-эль-Рахатом, суть потомки родственников и друзей последнего героя Гренады Муссы... Да успокоит и наградит его Аллах! Он верно предвидел, что испанцы не дадут пощады мусульманам, раз обеспечат своё господство. Действительно, как только сопротивление и сила мусульман были надломлены и испанцы утвердили свою власть над всей страной, они тотчас позабыли условия капитуляции и посягнули на имущественные и религиозные права мусульман. Общественная молитва была воспрещена, училища закрыты, имущества мечетей отобраны в казну или отданы монастырям, вообще мусульманские земли за малейшие проступки отбирались, а владельцы их с семьями обращались в неволю... Вскоре по уничтожении халифата с одного конца страны до другого раздались стоны и плач подавленного народа. К воплям мусульман присоединились слёзы евреев, одинаково преследуемых испанцами. Цель их была очевидна: они хотели уничтожить как тех, так и других, и было величайшим благодеянием, что уход из страны не был воспрещён. Сотни тысяч мусульман и десятки тысяч евреев принуждены были покинуть родные пепелища, оставить прах своих отцов и уйти в африканские земли, как нищие и изгнанники!

1904. – 3 февраля, № 10.

То были страшные, злополучные времена. Обширные города запустели и рушились; богатые сёла и долины превратились в груды мусора и пустыни; иссякли воды, поросли, исчезли сады и плантации. Живая, бойкая жизнь заменилась однообразием испанского невежества и фанатизма; справедливое казнь заменил бесчеловечный инквизитор – наипростейшее изобретение людской кровожадности... Словом, день заволокло непроглядной ночью, и нужно было триста лет ожесточённой борьбы остатков света с этой тьмой, чтобы победить её. Теперь, в настоящий век, когда знания

⁶⁵ 2 января 1492 г. Абу Абдаллах Боабдиль отрекается от трона, передает ключи от Альгамбры. По преданию, мать эмира Айша аль-Хорр сказала: «Теперь ты можешь, словно женщина, оплакивать царство, которое не смог защитить, как мужчина». Документальных подтверждений того, что такая фраза была действительно сказана, не существует.

осветили очень многое, когда гуманные чувства осилили многие дурные инстинкты и заблуждения, народы Запада поняли, что все люди суть твари одного и того же Бога, обязанные правдой и справедливостью в отношении друг к другу. Да, теперь европейцы далеко не то, чем они были три-четыре столетия назад. Они, насколько нам известно, теперь не стесняются чужие и иноверные им народы; дают им те же права, коими пользуются сами, даже хлопочут о повсеместном уничтожении рабства, как унижительного для человечества учреждения, но увы, старинное безначалие, исконный эгоизм и предрассудки ещё проявляются во многом... Но Бог с ними; мы горячо благодарим Аллаха, что в нашей небольшой, неведомой стране предки наши нашли убежище и спасение от жестокостей и гонений испанцев и трудами своими обеспечили нам спокойную, честную и счастливую жизнь, коей мы и пользуемся теперь в нашей котловине спокойствия.

Лёгким наклоном головы прекрасная девушка отметила окончание своего рассказа, и я, очарованный историей этого народца и крайне заинтересованный, чтобы ближе узнать его настоящее и надежды на будущее, сказал шейху Джеялу:

– Теперь я всё понимаю. Вы благородные потомки благородных мавров Испании. О вас никто ничего не знает, но вы знаете всё, что творится за горами, в остальном мире. Я не понимаю одного, почему теперь, когда век фанатизма, религиозных гонений и кровожадной, грубой вражды давно миновали, вы не хотите завязать сношений с другими народами... Теперь никто бы вас не преследовал, не стеснял. Вы вместе со мной были во Франции и знаете современную Европу.

– Да, мой сын, я-то очень хорошо знаю Европу, даже очень хорошо... У нас её видели многие, а по книгам знают все, но оставить наше убежище, открыться другим народам мы пока не желаем. Одна из причин та, что в силу завещания нашего отца спасителя и героя Сиди Мусы мы до 1500 года Геджры не должны войти в сношения с каким бы то ни было народом. Мы храним эту святую заповедь Мусы.

– Почему же он назначил этот срок; что он пишет в своём завещании?

– Об этом сейчас не место и не время рассказывать, позже узнаешь, – ответил шейх.

– Кому принадлежит и кем управляется эта страна?

– Страна наша состоит из сорока деревень, – общин и одного города и принадлежит общине. Управляет страной князь Али из рода Мусы.

– На чем у вас основано общественное и государственное право?

– У нас все управление основано на шариате⁶⁶ и здравой мысли верующих.

Хотя ещё было не поздно, но солнце уже приближалось к гребню западной горы. В этой стране вследствие окружающих её высоких гор солнце

⁶⁶ Совокупность юридических норм, нравственных принципов и правил поведения мусульманина, основанных на Коране.

скрывается за два часа до своего действительного захода и вечерний полусвет рано окутывает всю страну.

1904. – 20 февраля, № 15.

Так как мы отлично отдохнули после проходы из Альгамбры, то шейх Джелил предложил отправиться далее, чтобы засветло добраться до города и устроить мою обстановку, как гостя страны Спокойствия.

Пройдя несколько комнат, мы вышли на двор и затем на поле. Ворота за нами заперлись, и мы пошли цветущим лугом к ближайшей деревне. Девушки весело разговаривали и обгоняли одна другую, спеша к селению.

Когда мы подошли к деревне, меня особенно поразили её расположение и характер построек. Все дома расположены правильным кругом вокруг площади, украшенной мечетью, школой и домом общественного собрания. Все дома расположены в центре небольших садилов в одинаковом расстоянии друг от друга и от центра площади. Вся площадь вымощена чем-то в роде асфальта или цемента и представляет чистую, гладкую поверхность. Мечеть окружена двумя рядами высоких пальм...

Но меня особенно поразила странная архитектура домов. Каждый дом стоял на целой системе невысоких сводов, аршина полтора выше уровня земли. Когда я спросил о причине этого оригинального способа постройки жилищ, шейх Джелил объяснил: «В сфере нравственной жизни люди должны руководствоваться указаниями духовного, священного закона, а в сфере материальной жизни соображаться с вечными и непреложными законами природы и [её] сил, избегая вредного и обращая в свою пользу всё доброе... Земля, и в особенности такая низменная местность, как наша котловина, упитана сыростью и вредными для человечества газами. Если постройки наши поставить прямо на земле, как это принято в ваших странах, то вредные испарения проникают в жилища [и] постепенно отравляют людей, особенно ночью, когда окна и двери запираются и доступ свежего воздуха ограничен. Вот почему мы строим наши жилища над землёй на сводах, чтобы вредные испарения, свободно циркулируя, не проникли бы в наши жилища».

Я был очень удивлён этим объяснением. Шейх продолжал: «В первое время, когда мы населили эту страну, она была болотиста и люди жестоко страдали от свирепых лихорадок. Тогда улемы и учёные мужи стали исследовать причины этой болезни и, узнав их, нашли средства избавить народ от ужасных страданий и постоянной заразы. Болота были осушены, вредные растения и камыши уничтожены; ручья очищены, а для питья проведена здоровая вода с гор. Наконец, с постройкой домов над сводами мы освободились от пагубного влияния сырости и подземных газов. Ныне в нашей стране не существует лихорадки и многих других болезней... Тебя

это удивляет? Но ты, извини меня, порядочный невежа. Ты не знаешь, что Аллах дал человеку, своему любимому творенью, великую силу, при помощи которой он может господствовать над многим, создавать и уничтожать очень многое... Это ум, заключённый величием Творца в маленьких помещениях, называемых головами... При помощи ума Аллах позволяет человеку делать многое, но ум следует обогащать знаниями, чтобы он служил хорошо.

Между тем мы подошли к деревне и прошли прямо к дому общественного собрания. Это была отдельная красивая постройка в мавританском стиле, состоящая из нескольких комнат и двух обширных зал, богато убранных и разделённых стеклянной галереей. Двери были открыты, и мы вошли свободно в одну из зал. Вскоре прибыл к нам старик имам и муэдзин⁶⁷, так как приближалось время намаза. Девушки удалились во вторую залу, а мы остались в первой. Имам и муэдзин впервые видели чужестранца и при всей деликатности не могли не выразить удивления и интереса к моей судьбе и моему появлению в их прекрасной, таинственной стране.

Шейх Джелил объяснил им, что я случайно был в Альгамбре и наткнулся на тайный проход под башней Принцесс и что он, зная меня по Парижу, признал за лучшее взять с собой в страну Спокойствия.

1904. – 27 февраля, № 17.

После взаимных приветствий и благопожеланий почтенный мулла стал расспрашивать меня о Ташкенте, Бухаре и других местах Туркестана.

– Мы слышим здесь, что бухарцы славятся между мусульманами науками и учёностью, – говорил мулла. – Как устроены у них медресе и чему в них учат?

Я рассказывал, как и чему учат в современных медресе мусульман. Старик покачал головой и сказал: «Разве ваши страны и люди не нуждаются в докторях, химиках, строителях, землемерах, разве ваши правители и ханы не нуждаются в учёных слугах, экономистах и прочее, так как из твоего рассказа я вижу, что кроме учёных духовников у вас нет учёных деятелей в других сферах жизни. Значит, в ваших медресе медицина, химия, геометрия, наука о труде и богатстве вовсе не преподаются?

– Да, сударь, мы учимся только тому, что нужно для нашей религии, т.е. мы учимся только богословию и духовному законодательству.

– Я очень рад это слышать; благодарение Аллаху, что вы удержали хоть это; но всё же крайне удивляюсь, как могут жить у вас люди без прочих наук, необходимых человеку; ещё более удивляюсь существованию среди вас государств, ибо все невежды суть рабы по природе... Чем вы объясняете, что в ваших странах заброшены и позабыты науки, столь усердно и широко развитые первыми мусульманами-арабами?

67 Служитель при мечети, возглашающий с минарета часы молитвы.

– У нас говорят, что науки, кроме духовной, смущают мысли и веру мусульманина.

– Какое ужасное заблуждение! Как же вы живёте на свете с завязанными глазами? Пашете, не зная свойств земли; пьёте, не зная, что такое вода; живёте, не зная, что делается на земле; мусульмане так не должны жить, ибо они люди... Очень жаль, очень жаль: как же ваши правители и учёные мужи не сообразили того, что благородная наука мусульманского права необходима в известных случаях, но при помощи науки права нельзя соорудить мост, командовать войсками, составлять краски, лекарства и строить машину. Для этого необходимо знать химию, медицину, математику, механику, воинские науки и прочее. Значит, мусульмане потеряли все науки, кои они прежде знали. Очень жаль. У нас, мой сын, ты увидишь нечто совсем другое.

– Я в этом не сомневаюсь, я даже думаю, что мусульмане этой страны опередили во многом и европейцев, самых передовых людей нашего времени, – заметил я.

– Ты не печалься, мой сын: придёт время, и твои сородичи поймут значение и суть учения... Сон ваш, как бы не был продолжителен, должен окончиться. Теперь у вас нет науки и научного образования, но, вероятно, основа его, грамотность, всеобщая?

– Далеко нет; едва ли половина народа знает читать, а писать могут очень немногие.

– Как так? Да ведь ты говорил, что шариат вы изучаете... Как же вы грешите против его основного правила, что грамота и наука обязательны поголовно для всех мусульман без различия пола и происхождения? Теперь, мой сын, извини меня, я совсем не понимаю, какие же вы мусульмане!

Помолчав немного, мулла ласково взял меня за руку и вывел из залы, чтобы показать здешний мектеб⁶⁸ для детей.

– Мне очень больно слышать о бедственном положении вашей страны, – говорил мулла дружеским тоном, – а потому прошу: не [обижайся] на меня, если в моих словах есть что-либо тяжёлое для тебя. Я мусульманин, на языке у нас должно быть то, что и на сердце.

Мы подошли к мектебу по правой стороне мечети. Это была красивая, высокая, белая каменная постройка со светлыми комнатами. В одной из комнат была довольно большая библиотека из разных книг и образцы множества орудий и машин земледельческого труда.

– Вот наш мектеб для детей от 8 до 12 лет, – сказал мулла⁶⁹, вводя меня в один из классов. – Тут обучаются все дети деревни без исключения – как мальчики, так и девочки в особых отделениях. Учение [длится] четыре года. Мальчики обучаются письму, чтению, вере, счёту, сельскому хозяйству в связи с начальной химией и физикой, а также и ремёслам. Фермы и

68 Традиционная начальная школа мусульман.

69 Духовное лицо у мусульман, выполняющий функции имама в мечети.

ремесленные классы сейчас за деревней. Девочки, кроме наук, обучаются домашнему хозяйству, рукоделию и домашней медицине в степени, необходимой для будущей хозяйки и матери...

1904. – 9 марта, № 20.

В это время подошёл к нам шейх Джелял и сказал, что поезд подходит. Мы пошли к зданию меджлиса. Девы, наши спутницы, тоже вышли из комнаты. Головы их были прикрыты вуалями. Тут только я заметил, что по площади проходили рельсы. Вскоре показались длинные небольшие вагоны, двигавшиеся без паровоза. Поезд остановился около здания меджлиса⁷⁰. Мы сели и несомые невидимой силой покатали в столицу, именуемую Дар-Эльсеадет.

Итак, мы мчались по удивительней железной дороге в город Счастья. Мы ехали среди сплошных садов и нив и промчались мимо трех деревень, напоминавших по виду описанное перед сим.

Мы проехали также несколько других дорог. По словам шейха Джеляла, вся страна Рахата покрыта сетью электрической железной дороги и телефона, коими все деревни соединены с единственным городом – столицей страны.

Когда мы подъехали к небольшому центральному вокзалу, красивой постройке в мавританском вкусе, на городских минаретах раздавались призывные молитвы к вечерней службе; но было ещё достаточно светло, так что я мог видеть всё окружающее. Так как тут извозчиков и фаэтонов не было, то все мы, выйдя из вокзала, собрались расходиться пешком. Родственники наших спутниц стояли тут в ожидании своих дочерей или сестер. Путешественницы с радостью приветствовали их и сообщили, что привели «с той стороны» одного молодого мусульманина. Взоры и внимание всех обратились ко мне; многие приветствовали меня селямом.

Выразив надежду на дальнейшее знакомство, прекрасные мавританки, выразив мне пожелание всяких благополучий, пошли с со своими провожатыми. Тогда шейх Джелял повел меня в государственный караван-сарай⁷¹, где я должен был проживать в качестве гостя всей страны. Мы пошли широкой асфальтированной улицей, обсаженной красивыми деревьями, за которыми вдоль улицы тянулись мозаичные тротуары. За тротуарами, ограниченными затейливыми железными решетками, виднелись садики и цветники, в глубине коих ютились изящные, красивые домики. Этот город не напоминал собой ни Европу, ни Азию. Тут не было громадных сплошных и высоких, как горы, домов Европы, и ничто не напоминало полуразвалин, лачужек и грязи нашей Азии. Все было своеобразно, красиво, отменно чисто и вольно. Мы шли молча. Шейх Джелял не прерывал моего удивления и восхищения.

70 Общественного собрания.

71 Постоялый двор, предназначенный для торговых караванов в странах Востока.

Пройдя несколько улиц, одинаково красивых и чистых, мы подошли к торговой базарной части города, где находился караван-сарай. Становилось темно. «Разве улицы здесь не освещаются?» – спросил я.

– Освещаются, мой сын, да не только улицы города, но вся страна. Скоро ты увидишь это.

Но вот мы вышли на большую площадь и подошли к караван-сарая. По указанию шейха мне отвели две комнаты, а сам он отправился доложить о моем появлении в их страну старшему кадию. Я знал, что эти добрые и ученые мусульмане не сделают мне ничего дурного, но все-таки, оставшись один, задумался о моем положении и ожидавшей меня неизвестной будущности. Я сидел в полутьме, но вдруг блеснуло что-то вроде молнии: в комнате моей зажглась маленькая лампочка, покрытая белым фарфоровым колпаком. Стало светло, как днем.

1904. – 16 марта, № 22.

Взглянув в окно, я увидел, что свет, слабее солнечного, но сильнее лунного, освещал весь город и всю местность, которую можно было видеть. Оказалось, что вся страна освещается ночью электричеством – чудной силой, дающей блестящий свет без сала, масла и прочего. Чего не сделает наука! Чего не добьется человеческий ум! Хотя сердце моё томилось неизвестностью, но оно в то же время радовалось, видя столько знаний и искусства у здешних мусульман. Они, видимо, лучше устроились, чем европейцы, а нам, туркестанцам как далеко ещё до них!

Спустя полчаса шейх Джелал вернулся и сообщил мне, что г[осподин] кадий приветствует меня и что он назначил его в мои руководители, пока я обживусь в этой стране. Далее сообщил, что утром мы должны явиться к кадию, а теперь если что понадобится, то могу пользоваться услугами слугителя, которого он вызвал по телефону, устроенному в каждом номере караван-сарая.

Поручив меня его попечени[ю], шейх Джелал отправился к себе домой. Он имел тут сына и дочь.

Слуга, осведомившись о моем желании, подал мне обед, состоящий из супа, жареного фазана и пилава. Затем подав шербет и фрукты, он удалился, попросив звать, если что будет нужно. Оставшись опять один, я задумался, вспомнил Ташкент, Париж и терялся в догадках о том, что будет дальше и что ещё придется видеть.

Утром рано я мог видеть из окна моей комнаты всю базарную площадь и множество толпившегося тут народа. Это были арабы. Хотя они меня очень интересовали и я охотно бы вмешался в их толпу, но считал это несвоевременным и поджидал шейха Джелала, который должен был представить меня местному судье-кадию. Базар представлял большую четырехугольную площадь, окаймленную со всех сторон высокими, но одноэтажными

постройками, в коих помещались лавки. Прямо против караван-сарая была мечеть, и стройный минарет высоко и красиво выступал среди прочих строений. Слуга, заметив, что я встал, принес мне хлеба, масла и свежего молока. В стране этой чай и кофе не известны, точно так же, как и спиртные напитки. Когда я окончил мой утренний завтрак, пришёл шейх Джелял и принес мне узел со свежим бельем и платьем. Это было очень кстати, ибо я порядком загрязнился, а моё френгское платье далеко не гармонировало с длинными тогами и бурнусами⁷² здешних жителей.

– Вы очень добры и внимательны, – сказал я шейху, принимая его приношение.

– Это прислал Вам г[осподин] кадий как общему гостю нашей страны. Ему известно, что вы попали в нашу страну неожиданно и, следовательно, без необходимых запасов.

– Это очень мило! В наших и френгских странах подобной заботливости о чужестранцах не водится. Все шейх эфенди, удивительно в вашей стране, начиная с входа в нее и кончая этой лампочкой, которая сама зажигается, когда темно, и меркнет, когда становится светло.

– Да, сын мой, у нас жизнь сложилась не так, как в ваших странах; ты это узнаешь ближе через короткое время. Нам надо будет явиться к кадию, а до того, если пожелаешь, можешь принять душистую ванну; баня тут же при караван-сараяе.

Я охотно принял это предложение и отправился в сопровождении слуги в баню. Шейх остался поджидать меня в номере. Нужно ли говорить вам, что я прекрасно обмылся в небольшой мраморной бане и по здешнему обычаю надушился пахучими травами и маслами. Нарядившись в местный костюм, я мог идти куда угодно, не привлекая внимания каждого встречного. Дав мне поостыть после бани, шейх сказал, что пора к кадию. Мы пошли.

1904. – 23 марта, № 24.

Выйдя на базар, я заметил значительное однообразие предметов торговли. Большинство лавок торговало провизией и сельскими произведениями, а некоторые имели мануфактурный товар и предметы роскоши, видимо, повсеместного приготовления. Деньгами служили ярко-красные кожаные кружки с правительственной печатью и подписями трех кадиев-казначеев. Кружки были в один, пол- и четверть динара⁷³. Так как эта страна внешней

⁷² Плащ с капюшоном, сделанный из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета. Первоначально был распространен у арабов и берберов Северной Африки, отсюда проник в Европу во время Крестовых походов.

⁷³ Денежная единица различных стран, большинство из которых – арабговорящие или бывшие частью Османской империи. Слово «динар» произошло от денария, названия монеты Римской империи. Деньги, упоминаемые в Коране, также имеют название динаров.

торговли и сношений не знает, то эти денежные знаки вполне удовлетворяли местную торговлю.

От базара мы пошли улицей Тарик – Ибн Зиада, так названной в честь покорителя Испании, и, выйдя на площадь, называемую площадью Абдурахмана Третьего, известнейшего из халифов Испании, подошли к красивой и большой постройке, над воротами коей [куфическими письменами] было начертано «Баб-Эль-Хукук» – Двери Закона, а по-нашему, – мяхкеме, суд, кази-хане. Я в смущении вступил туда вслед за шейхом и, войдя в одну из зал, предстал пред кадием.

Он сидел в глубине залы на мягком диване, вправо от него сидел секретарь, а у двери стояли слуга или сторож.

– Вот посланный нам Аллахом спутник и гость, Молла Аббас Туркестани, – представил меня шейх кадию.

– Приветствую Вас, – обратился ко мне кадий. – Прошу садиться и призываю на Вашу голову благословение Аллаха. Садитесь, – добавил он, обращаясь также к шейху. Мы сели против кадия на пол, устланный мягким, пушистым ковром.

– Пока не освоитесь с нашей страной, Вы, Аббас Туркестани, будете нашим гостем; ничего дурного с Вами случиться не может. Слушайте только указаний этого почтенного шейха; он будет Вам за брата и отца, пока Вы будете нуждаться. Уважайте те обычаи, кои у нас встретите; не удивляйтесь чему-либо громко, чтобы не возбуждать внимания здешних мусульман. Теперь я должен допросить Вас и, надеюсь, что услышу только правду. Предупреждаю, что ложь – самое тяжкое преступление и наказывается она у нас очень строго: лжец попадает в тюрьму. Там мы его не запираем, но он становится одинок, хотя кругом тысячи людей...

Кадий говорил ласково и мягко, но у меня почему-то волосы становились дыбом и смущение поедало внутренности.

– Спрашивайте; я скажу, что знаю, – ответил я кадию, считая необходимым сказать что-либо. Секретарь взял перо, чтобы записывать.

– Какую Вы религию исповедуете? – Спросил кадий.

– Я мусульманин.

– Сколько вам лет?

– 27.

– Откуда вы родом?

– Из Ташкента.

– Живы ли ваши родители?

– Нет. Да успокоит их Аллах.

– Давно ли Вы выбыли из Ташкента?

– Два года тому назад.

– Кого Вы знаете в Ташкенте? Назовите несколько человек.

– Джелаледдин Ибн Тачеддин, Ахмед, Ибн Гали, Мохсин Ибн Ляtif,

Шериф Джан Ибн Ахунджан, Магомед Мухиеддин Хавадже, Молла Гальямь Юлчи-бай, Шерифь Ходжа...⁷⁴

– Довольно. Эти мусульмане знают ли Вас?

– Я думаю, что знают, – отвечал я кадию. «Справиться у бывших в Ташкенте, известны ли лица, указанные Молла Аббасом», – заметил кадий своему секретарю. Тот записал это приказание. Смушение моё росло.

– Где Вы учились? – продолжал кадий, обращаясь ко мне.

– Я пробыл 12 лет в медресе в Ташкенте.

– Какие науки Вы проходили?

– Арабскую и персидскую грамматики, толкование Корана, право и логику.

– А ещё чему учились?

– Больше ничему; у нас других наук не преподают.

– Как так? Вы учились 12 лет и не проходили математики, физики, географии и истории?

– Нет, г[осподин] кадий.

– Но, может быть, Вы знаете какие-либо прикладные науки? Медицина, механика, архитектура, химия преподаются ли у Вас?

– Нет, кадий, но кое-чему я обучался в Париже, у французов.

– Чему Вы у них учились?

– Я прошёл краткий курс географии, истории, зоологии, физики и, частью, математику и гигиену.

– Кто воспитывал Вас в детстве?

– Меня вырастила мать, а потом я поступил в медресе.

– В чем состоит у Вас воспитание?

– У нас детей кормят, одевают, кто как может, иногда ласкают, иногда ругают и бьют. Таким образом идет наше воспитание...

Заметно было, что ответ мой крайне удивил кадия; он как будто начинал меня бояться, но я испугался ещё более, когда он как бы с упреком посмотрел в глаза шейха Джелила, выражая тем, как мне показалось, что он напрасно привел с собой такого дикаря, как я!

Шейх Джелил, обращаясь к кадию, сказал: «Действительно, в странах Запада и Востока воспитание людей стоит на первобытной ступени, но Молла Аббас столь доброго нрава, что легко освоится между нами и никакого вреда не сделает мусульманам». Кадий, как бы несколько успокоенный, продолжал:

– С какой целью Вы оставили Вашу родину и появились в стране френгов? Сколько мне известно, туркестанцы вовсе не посещают этих стран.

– Я выехал из Ташкента с тем, чтобы поклониться мусульманским святым, кои, по преданиям, покоятся в некоторых местах земли френгов.

– Сколько времени Вы находились в стране френгов?

– Около двух лет.

– Разве так много тут святых?

⁷⁴ Вероятно, вымышленные персонажи.

– Нет, но я, попав в Париж, решил поучиться кое-чему у френгов, ибо у них есть много такого, чего нет у нас в Туркестане.

– Так, как же Вы прожили эти два года среди французов: они живут совсем иначе, чем туркестанские мусульмане.

– Не умно, как Вам объяснить, но жилось не дурно.

– Весьма возможно. Но, сын мой, скажи прямо, не случилось ли с тобой чего-либо особенного, приятного или неприятного?.. Вспомни.

Холодная дрожь пробежала по моему телу! Я боялся, что кадий знает о моих отношениях к Маргарите, к бедной Маргарите, которую я только сейчас вспомнил...⁷⁵ Впрочем, как же это он мог знать. Да наконец, в отношениях этих не было ничего преступного с точки зрения туркестанской и с точки зрения французской.

1904. – 2 апреля, № 27.

– Вы молчите, значит есть что ответить мне, – прервал мои думы кадий.

– Да, я могу сказать только, что в Париже я полюбил одну девушку и через это чуть не попал под гильотину, хотя ничего безнравственного и не совершил.

– Как же это было?

Я рассказал кадию известную читателям историю моей любви и приключений в Париже. Выслушав внимательно мой рассказ, кадий заметил: «Вы подвергались, конечно, слишком тяжелому наказанию, но имейте ввиду, что отношение Ваше к французской девушке было совершенно безнравственное и это чуть не привело Вас к гильотине... С точки зрения туркестанской и французской, оно может быть и не безнравственно, как Вы выразились, но оно, во всяком случае, фальшивое положение, которое чуть не стоило Вам головы, разбило жизнь той девушки и послужило причиной смерти её отца! Нравственные отношения не могут приводить к таким печальным последствиям.... Понимаете ли, мой сын, что я Вам говорю?».

Я не знал, что ответить и чувствовал себя перед ласковым, но неумолимым кадием гораздо хуже, чем в парижском суде, когда меня по недоразумению судили в убийстве!

– Человек, сознавший, понявшей свою вину, почти оправдывается, ибо ошибки, увлечения присущи человеку, – продолжал кадий, желая облегчить моё смущение. – Недостаточно развитые мусульманские убеждения, усвоенные Вами в Ташкенте, и крайне фальшивое положение, в какое поставлена вообще френгская женщина, почти оправдывают Вас, но в нашей стране будьте осторожны и господином своих чувств. Вы увидите, что у нас взаимное отношение мужчин и женщин несколько иное, чем в Туркестане и Френгистане...

⁷⁵ Маргарита Шалон – женский персонаж «Французских писем» И. Гаспринского.

Я молча выслушал эти указания. Кадий продолжал:

– Слышали ли Вы что-либо о стране Рахата до Вашего появления между нами?

– Нет, господин кадий.

– Расскажите мне, как Вы попали в нашу страну.

– Из Парижа я прибыл в Испанию поклониться памятникам мусульманской страны и цивилизаций... (Кадий пристально посмотрел на меня и вздохнул). Желая ближе изучить великолепную Альгамбру, я поселился у сторожей и целые дни, иногда и ночи, бродил по дворам и коридорам этого чудного дворца. Однажды ночью, сидя под колоннами Львиного Двора, я услышал в смежном саду людской шёпот и шаги. В это время тут не должны были быть люди, а потому я заинтересовался и стал наблюдать. Во двор вошли двенадцать дев и, совершив краткий намаз, тихо пошли обратно... Любопытство, превышая робость, заставило меня незаметно последовать за ними, и в Башне Принцесс, помимо ожидания и желания, я наткнулся на тайный ход в эту страну. Шейх Джелял, провожавший этих дев, привел меня подземным ходом в вашу прекрасную страну.

– Следовательно, до этой удивительной встречи в башне Вы ничего не знали о нашей стране?

– Нет, г[осподин] кадий. Я до сих пор удивляюсь всему случившемуся со мной и боялся бы будущего, если бы Фериде Бану, одна из наших спутниц, не познакомила меня с удивительной историей здешних мусульман.

– Ну хорошо. Да благословит Вас Аллах! Вы будете жить у нас гостем, пока не изберете себе какое-либо занятие. Шейх Джелял назначается вашим воспитателем и руководителем. Все просьбы свои обращайтесь к нему и слушайте его указаний. Это необходимо для Вашего благополучия, но ещё необходимее следующее: бойтесь лжи, как Бога; избегайте пуще ада дурных помышлений в отношении людей и любите человека, как Божий рай. Это я советую Вам как мусульманин и приказываю как блюститель священного закона.... В стране нашей нет ни лжи, ни несправедливости. Вот почему мы живём иначе, чем мусульмане Востока и Запада, и намного лучше, чем народы Френгнстана... Вы это сами увидите.

Я молча поклонился кадию в знак послушания;

– Когда Молла Аббас достаточно подготовится, определите его в Великое Медресе, – приказал кадий шейх Джелялу и дал понять, что мы свободны.

1904. – 9 апреля, № 29.

Выйдя от кадия, мы направились обратно в караван-сарай. Я находился под впечатлениями допроса, и, хотя не было видимых причин опасаться чего-либо дурного, мне все же было жутко. Все в этой стране было

так ново, так непонятно для меня, что невольно робость закрадывалась в сердце. В самом деле, мусульмане как мусульмане, но со времени падения Испанского халифата они скрываются в этом неведомом междугорье, не входя в сношения ни с френгским, ни с мусульманским миром!.. Странно и непонятно, как здесь поставлены женщины, почему кадий обратил особенное внимание на мою любовь к Маргарите и наговорил таких вещей, кои я не совсем понимаю?

Подойдя к площади базара и караван сарая, я не мог не обратить внимания, что какой-то араб обходил всех и здоровался с [каждым]. Все ласково приветствовали его и жали руку. Думая, что в эту загадочную страну прибыл подобный мне странник, я обратился к шейху и спросил, кто он.

– Эго раскаявшийся и прощенный, – отвечал он.

– В чем состояла его вина и наказание?

– Он совершил страшное преступление: торгуя хлебом, он обмерил одного покупателя на полдинара.

– Как же его наказали?

– Кадий, узнав и удостоверив этот грустный факт, официально объявил об этом.

– Да, но после посадили его в тюрьму или били по пяткам?

– Нет, мой сын, у нас не существует тюрем, как в ваших странах; в них нет нужды.

– Как же так?

– Очень просто: как только мы узнали, что он действительно совершил обман, мы перестали подавать ему руку и начали сторониться, как прокаженного... Жена его тогда же возвратилась к своим родителям, не желая делить с ним оскверненный хлеб и заработок. Он сделался одинок и безмолвен среди этого шумного базара и принуждён был идти в колонию кающихся, чтобы не умереть со стыда и голода. Пробыв там четыре месяца и искупив работой на общую пользу свою ошибку, сегодня он возвратился в общество возродившимся гражданином: ни страсти, ни чёрт его другой раз не одолеют. Он, бедный, заслуживает полного прощенья и снисхождения, ибо в детстве и молодости он постоянно болел и не мог получить совершенного воспитания и образования. Поэтому он поддался искушению. Он был единственным преступником в нашей стране в последние четыре года.

Я слушал шейха, разиня рот от удивления и не заметив, как подошли к дверям караван-сарая.

Войдя в отведенный мне номер караван-сарая, я нашёл два письма и номер газеты, адресованные на моё имя. Слуга объяснил, что они доставлены в моё отсутствие. Оба письма были написаны на квадратном листке бумаги, сложенном вдвое, и не имели конвертов. На внешней стороне бумаги было нечто вроде почтовой печати и адрес: «В караван-сарай: Мулла Аббасу Туркестанскому».

Одно письмо было от Фериде Бану, известной читателям из предыду-

ших моих писем; другое – от редакции местной газеты «Будущность». Фериде Бану писала, что её отец и братья, узнав от неё о моем прибытии в их страну, желали бы познакомиться со мной, а потому она покорнейше просит уведомить, когда я могу принять приглашение пообедать с ними. Адрес: г. Саадет, площадь Севильи, дом Османа Газеви.

Редакция «Будущности», извещая, что будет доставлять мне своё издание, просит дать краткие сведения о положении мусульман, живущих в России, Туркестане и Бухаре, об их понятиях, знаниях и образе жизни как предметах, очень интересных и мало известных в стране Рахата.

Эти два письма возбудили во мне множество вопросов. В этой стране, видимо, имеется своя бумага и газета, следовательно, и печатня. Конверты не в употреблении. Странно. Девушка пишет письмо и просит ответа, чтобы познакомить меня с родственниками. Это ещё странней. Письма, очевидно, доставлены городской почтой, однако, письма без марок. Наконец, страна, не имеющая внешних сношений, имеет газету, т. е. листок новостей... Страна эта с каждым часом становится для меня удивительней и загадочней.

Я стоял, погруженный в эти соображения, когда вошёл шейх Джелал, оставшийся на базаре. «Что Вас задержало?» – спросил я его.

1904. – 15 апреля, № 31.

– Я увидел свежепривезённые яйца и сказал, чтобы тебе вывели цыплят, – отвечал он, садясь на диван.

Честное слово, я был так поражён этим ответом, что серьёзно испугался за здоровье мозгов почтенного шейха! Как это вывести для меня цыплят? «Разве ваши куры на базаре выводят цыплят?» – спросил я. Однако.

– Вот видишь ли, мой сын, у нас куры только несут яйца, а цыплят мы выводим сами, без их посредства...

Несчастный, он совсем уже помешался и так внезапно!» – думал я, вытаращив глаза. Шейх чему-то улыбнулся и продолжал:

– Я вижу, мой друг, что ты круглый, хотя и милый, невежда. Хотя ты кое-что знаешь из Божественных Откровений (Коран), но, видимо, ты даже не слышал о существовании другой книги – книги Божественных деяний. Если бы ты знал что-либо из этой книги, то не был бы так поражён, что у нас выводят цыплят без наседки.

– Ради Аллаха, объяснитесь г[осподин] шейх, я окончательно смущён Вашими речами... Как это так можно вывести цыплят без наседки и что это такая за книга Божественных деяний?

– Известно, что из яйца вылупляется цыплёнок не потому, что на нём сидит курица или другая птица, а потому, что теплота наседки действует на яйцо. По воле Аллаха, из содержимого яйца образуется будущая птица

под влиянием известного количества и степени тепла. Путём опыта и наблюдений мы определили это количество и меру теплоты, и без помощи наседок, в особо приспособленных печах, в три дня выводим каких угодно птиц.

– Да помилует вас Аллах, что вы говорите! – вскричал я.

– Не думай, что мы святотатствуем; мы это делаем на основании указаний книги предвечных деяний, точно так же, как на основании предписаний предвечных Откровений совершаем намаз и молитвы.

Мне стало казаться, что помешался я, но тем не менее решил спросить.

– А где эта чудесная книга, о коей я нигде не слышал?

– Книга эта раскрыта повсюду, – надо только уметь и желать читать её. Страницы её необъятны. Малейшие точки и чёрточки её букв – целые горы и моря... Книга эта – совокупность природы, созданной Божеством. Изучение природы, [её] сил и законов даёт человеку знания, необходимые для жизни, точно так же, как книга Откровения указывает нам основы нравственности и пути к спасению в будущей жизни. Как и когда нужно молиться, что хорошо и нехорошо мы узнаем из Откровения, а как и когда надо работать, как растить деревья и животных, что вредно и что полезно для человека – мы черпаем из указаний природы, которое есть дело Аллаха, как Коран – Слово Его. Позже всё это ты поймёшь лучше.

– Всё это очень удивительно, – отвечал я. – Немного начинаю понимать Вас, но всё-таки многое для меня темно... Искусственно выведенные цыплята не будут ли харам? (Нечистый, запрещённый)⁷⁶.

– Нет, мой сын, успокойся; что харам – то указано в законе. Подумай: из дикой кислицы путём опыта и знаний человек возрастил прекрасное яблоко; точно так же на основании известных законов природы он из семян шелковичного червя получает шёлк, выводит цыплят, если знает и понимает значение насадки... Существует ли у вас в Туркестане шелководство и садоводство?

– Да.

– Вот со временем, когда знания сделают у вас большие успехи, вы будете знать и другие способы культуры и производств.

Я показал шейху полученные письма и высказал свои недоумения.

Он объяснил: « У нас бумага своего производства и делается из растительности. Газета и печать существуют давно. Газеты и книги даются всем даром; почта общественная, даровая. Письма всегда пишутся открытые, ибо никто не пишет и не делает что-либо противное закону или чести, чтобы скрывать свои мысли или письмо. Девушки и женщины так же пишут, как и мужчины. В отношении тебя Фариде Бану пользуется правом знакомства. Что касается письма редакции, то будет любезно сообщить ей на её вопросы что можешь».

⁷⁶ Действие, категорически запрещаемое и осуждаемое шариатом.

Вскоре за сим шейх вышел, обещав прийти вечером, а я принялся рассматривать номер арабской газеты. На первой странице я увидел статью о Туркестане и тюркских народах и жадно принялся читать.

1904. – 23 апреля, № 33.

Статью арабской газеты я прочёл с большим вниманием; она сообщала очень много интересного, но по некоторым [соображениям] я не могу послать вам её полный перевод и приведу лишь заключительную часть.

«Таким образом, – повествовала газета, – при Худаяр⁷⁷, Музафер Эддин⁷⁸ и Магомед Рахим⁷⁹ ханах туркестанские ханства находились в таком положении, что должны были подчиниться России и признать её влияние. Если часть народа и была недовольна событиями, но было и не мало таких людей, особенно среди торгующего класса, которые радовались приходу русских и их влиянию. По словам шейх Мансура, посетившего туркестанские края в тысяча двести девяносто... году, с водворением русских спокойствие и безопасность осенили дороги, степи и жилища; прекратились отвратительные и ужасные казни и избиения во имя дурно понятой правды и веры. Строгий контроль русских при сохранении за населением права жить и следовать шариату расположил к ним чувства населения, и оно во все не жалеет о прежнем порядке...»

«К сожалению, умственное состояние туркестанских мусульман самое плачевное. Они кое-как справляются ещё с духовной наукой. Хотя и в этом отношении крайне односторонни, но о других знаниях и помину нет! Это тем более странно, что были эпохи, когда знания и словесность достигала значительного блеска и развития. Например, в эпоху Тимура⁸⁰ и тимури-

77 Худояр-хан – правитель Кокандского ханства в 1845–1875 гг. Сын Шир-Али. Его правление характеризуется смутами, конфликтами с бухарским эмиратом и капитуляцией перед Россией в ходе русско-кокандской войны. Был свергнут в результате Кокандского восстания 1873–1876 гг. Худояр-хан обратился за помощью к туркестанскому генерал-губернатору и летом 1875 г. бежал в Ташкент под защиту русских войск.

78 Музаффар (1834–1885), полное имя Сайид Музаффаруддин Бахадур Хан (1860–1885) – восьмой правитель из узбекской династии мангытов в Бухарском эмирате. При правлении Музаффара в 1868 г. Бухарский эмират оказался под протекторатом Российской империи.

79 Мухаммад Рахим-хан II (1845–1910) – одиннадцатый правитель из узбекской династии кунградов в Хивинском ханстве, годы правления – 1864–1910. Мухаммад Рахим-хан II был последним независимым ханом Хорезма. В 1873 г., несмотря на сопротивление, ханство оказалось под протекторатом России.

80 Тимур / Тамерлан (1336–1405) – государственный деятель, полководец, завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Создатель государства со столицей в Самарканде.

дов⁸¹ Самарканд представлял наиболее учёный город мусульманского мира. Сами правители отличались глубокой учёностью, сознавая, что это лучшее украшение человека, не исключая и царей. Сам Тимур и сын его Улуг бек⁸² были всесторонне учёны и образованны. Хромота могла быть преодолена, но если бы Тимур был слепой, т.е. не был просвещён, то не мог бы пройти и подчинить себе половину мира!

Вообще, царства и народы, идущие к гибели, прежде всего губят у себя науки и знания и затем сами подходят, как бараны с завязанными глазами, под удары судьбы.

«Случайно прибывший в нашу страну Молла Аббас, туркестанский мусульманин, уроженец Ташкента. Хотя он много учился на родине и некоторое время жил среди френгов, но, тем не менее, он думает ещё поучиться у нас, чтобы достигнуть более совершенного просвещения в духе ислама. Нет никаких оснований думать, что он явился сюда с дурными намерениями. Мы охотнее думаем, что им руководит случай или жажда знаний».

Вся статья газеты указывала на то, что здешние люди отчётливо знают наш Туркестан и его дела. Впрочем, они также хорошо знают и другие страны. Вообще, я находился среди людей, которые знают очень много, но о них то никто ничего не знает!

Просматривая другие статьи газеты, я прочёл следующие поразительные вещи: «Из дер. Палестина нас извещают, что местный инженер-строитель соорудил машину, которая при помощи воздуха подымает воду на триста шагов вверх, на гору, так что обширная площадь горы отныне делается способной к культуре. Известный наш химик Джафар Эддин из костей животных и смеси вновь открытого им минерала составляет порошок, который служит чрезвычайным удобрение[м] для земли. Им сделан опыт на самой плохой, худой земле, где раньше ничего не произрастало. Урожай получился как на самой лучшей земле».

«Из дер. Эля Маср нам пишут, что на прошлой неделе там был следующий случай: восьмилетний мальчик Саид, сын Хасана, нечаянно проглотил кусок режущего стекла. Так как уничтожить в желудке это постороннее тело химически не представлялось удобным, и всякое промедление грозило мальчику смертью через поранение кишок, то местный врач Хусейн сделал вскрытие желудка и извлёк оттуда стекло ранее, чем оно попало в кишки.

81 Средневековая среднеазиатская династия, правившая на территории Мавераннахра и современных Ирана и Ирака с 1370 г. до начала XVI в. Основателем династии был знаменитый полководец Тамерлан. Один из представителей династии Тимуридов, Захир ад-динБабур, в 1526 г. основал индийскую династию Великих Моголов.

82 Мухаммед Тарагай ибн Шахрух ибн Тимур Улугбек Гураган (1394–1449) – среднеазиатский государственный деятель, правитель тюркской державы Тимуридов, сын Шахруха, внук Тамерлана. Известен как выдающийся математик, астроном, просветитель и поэт своего времени. Основал одну из важнейших обсерваторий Средневековья.

Бедный Саид ныне выздоравливает и в другой раз будет осторожней, чтобы не проглотить подобной вещи».

Я был чрезвычайно удивлён этими известиями. Очевидно было, что мусульмане Дар Эль Рахата в машиностроительстве, механике, земледелии и медицине сделали такие успехи, о коих у нас в Туркестане не удобно даже говорить. Вообще, эта страна чрезвычайно меня заинтересовала, и я решил подробно изучить её, если только что-либо не помешает. Тут на каждом шагу чудо и новость, и жизнь людей столь же не похожа на нашу, сколько и на европейскую. Она лучше. Я так думаю, а вы подумайте.

Мне надо было исполнить предложение прекрасной Фериде Бану. Я ответил ей письмом, что очень рад и благодарен за её приглашение. Не знаю, насколько правильно я составил моё письмо, ибо, хотя я и много учился по-арабски, но правильно писать едва умею! Конечно, между своими это не было заметно, а здесь, где даже девушки учёны, я очень опасаюсь за мои познания, столь долговременно приобретенные в Ташкентском медресе.

1904. – 30 апреля, № 35.

На другой день пришёл за мной Хасан, брат Фериде Бану, и мы отправились к ним.

Мы пошли по одной из прекрасных и чистых улиц Дар-Эль-Саадета, имея по обе стороны улицы ряды цветников, садов с живописными, оригинальными домиками в глубине. Конец улицы упирался в небольшую площадь, выложенную цветными мраморными плитами; посреди площади выступала не очень большая, но чрезвычайно красивая, белая мраморная мечеть с таковым же минаретом – стройным, тонким, покрытым затейливыми узорами художественной работы. Множество изящных, точно выточенных на станке, колон черного мрамора поддерживали смелые арки балкона, устроенного вокруг мечети... Я не мог оторвать глаз [от] этой благородной и живописной постройки, соединявшей в себе простоту с чудной, живой красотой, тяжесть и мощь гранита с лёгкостью и прелестью искусства. Мне казалось, что строитель мечети задался целью воплотить в ней идею ислама – простота в величии и величие в простоте. Подойдя ближе к мечети, я увидел, что мастера Дар-Эль-Рахата перещеголяли своих гренадских праотцов: колонны, арки, ниши, карнизы и камни так плотно и гладко были пригнаны друг к другу, что с большим усилием можно было заметить швы и линии соединений! На взгляд казалось, что вся мечеть высечена из цельной, исполинской глыбы мрамора... Отсутствие гробниц и могил, обыкновенно окружающих наши туркестанские мечети, напомнило мне, что я вообще не видел ещё здешние кладбища. Поэтому, пройдя мечеть и следуя на противоположную сторону площади, я спросил, в каких местах устроены кладбища.

– Здесь близ городов и сёл кладбищ вы не встретите; для них отведены особые участки в стороне и не очень близко от жилых мест.

– Но это, я думаю, не удобно для жителей?..

– Как не удобно! Это необходимо; кладбища близ жилищ живых людей могут принести большой вред. Разве вам не известно, что трупные миазмы заражают воздух, а трупный яд отравляет почву и подпочвенные воды?..

– Мне это отчасти известно, ибо подобные знания лишь азбука жизни и начальные шаги благоустройства, общественного здоровья и цивилизации.

– Скажите, пожалуйста, Саид Аббас, действительно ли страны Туркестана, Ирана, Арабистана и Магриба покрыты мраком невежества, как у нас здесь говорят?

– Сравнительно с тем, что я вижу здесь, все те страны ещё полудикие, но, однако, люди тех стран думают о себе иначе...

– Да поможет им Аллах! Меня удивляет, что френги, ученики наших отцов из Андалузии, успели догнать и, как видно, оставить позади себя мусульман.

– Это верно. Теперь науки, ремёсла, торговля, богатства и сила на стороне френгов; они господствуют во всём мире...

– Да, это нам здесь тоже известно. Но и в их жизни и цивилизации тоже заметны страшные язвы, которые, по-видимому, отравляют их здоровье, красивое тело... Но вот, мы уже близки.

1904. – 7 мая, № 37.

Пройдя площадь, мы вошли в улицу Преподавателей. На этой улице было жилище отца Фериде Бану и Хасана. Дом их, как и прочие, отделялся от улицы железной решёткой, за которой виднелся благоустроенный сад с домом посередине.

Хасан проводил меня в приёмную комнату, т.е. комнату для гостей. Проходя по двору, я видел, что люди здесь живут в такой чистоте, в таком довольстве, о коих у нас и понятия не имеют. Кажется цветы – статья не очень важная, а тут они так подобраны и выхолены, что круглый год цветёт то один, то другой сорт, лаская взор и надушив воздух тонким благоуханием. Ветки деревьев оживлены множеством певчих птишек, порхающих из сада в сад и не боящихся людей, ибо последние их никогда не ловят, никогда не бьют, но часто кормят или подкармливают.

В гостиной встретили меня Шейх Абдулла, отец Хасана, и брат его Али. Шейх Абдулла был почтенный старец лет восьмидесяти, совсем седой, но ещё совершенно бодрый и здоровый. Али был молодой человек лет 25, на вид моложе Хасана на два-три года. Комната, в которой я находился, была [за]стлана растительной циновкой с затейливыми узорами. Кругом стен, чисто выбеленных, стояли диваны, обитые красным сафьяном. Шейх Аб-

дулла предложил мне сесть и сам сел рядом. Хасан и Али сели напротив. Называя меня сыном, почтенный старец выразил своё удовольствие, видеть меня и узнать кое-что о мусульманах, живущих в далёких краях Азии. При этом он заметил, что дочь его уже сообщала ему кое-что, услышанное от меня.

Шейх Абдулла бойко расспрашивал меня о делах Туркестана и Френкистана, причём я убедился, что он знает об этих странах намного более, чем я, грешный!

Меня особенно удивили подробности, сообщённые им из жизни бухарского хана Эмира Насруллы⁸³, деда нынешнего хана, и эпизоды из приключений кокандского хана Худаяра, мало кому известного даже в самом Коканде. Но что меня поразило в речах старца, это то, что уже сто лет назад здесь знали (предвидели) русское завоевание Средней Азии. Заметив моё недоумение, Шейх Абдулла улыбнулся и сказал:

– В городской библиотеке ты найдёшь книжку под заглавием «Предположения и Предвидения Ибн-Мервана», написанную сто два года назад. Там ты увидишь, что предвидения почти в точности исполнились...

– Но меня всё-таки поражает эта сила предвидения ума и знаний... Я не пойму, как может смертный видеть сто лет вперёд! Великий, святой человек был Ибн-Мерван...

– Нет, мой сын, он был такой же человек, как все. И ты тоже можешь предвидеть очень многое, если к тому подготовишься.

Это объяснение вовсе не разъясняло туман, покрывавший мои очи и мозги; я недоумевал ещё более; как я могу знать, что будет через пять, десять, пятьдесят лет! Не понимаю...

Чтобы просветить меня, шейх продолжал: «Знаешь ли ты что-нибудь из времён Омайядов; слышал ли о величии Александра Македонского и вашего Аксак-Тимура? Ты не жил в то время. Как же ты знаешь то, что было тогда, когда тебя не было?.. Ты знаешь это из достоверных сказаний и книг, из свидетельства многих историков и поэтов. Таким образом ты видишь, что существует средство знать то, что было до нас, поэтому не смущайся, что есть средство более или менее верное знать то, что будет после нас...

Ты, конечно, знаешь, что такое водяная мельница. Колесо её вертится, когдапустишь воду, а если же воду отвести, то она перестанет действовать. Не так ли?

1904. – 21 мая, № 41.

Зная это и осматривая любую мельницу, можно предсказать, долго ли она может работать. При этом мы примем в соображение материал, из коего она построена, устройство арыка, количество воды и прочее.

⁸³ Эмир Наср Улла Бахадур Хан (1806–1860) – пятый правитель Бухарского эмирата (1827–1860).

Точно таким же образом можно изучить положение и состояние данного народа или государства, а также его соседей в связи с их прошедшим, чтобы из добытых очевидных для опытного глаза фактов усмотреть ближайшее и вероятное будущее... Ты ещё молод; когда ум твой обогатится более, то и глаза твои увидят глубже и дальше.

— Да, но всё-таки я не совсем вас понимаю... Всё зависит от воли Аллаха; каждое утро может произойти нечто такое, чего нельзя было предвидеть ещё вчера.

— Да, мой сын, на всё воля Аллаха; нет воли и знания предвечнее Божьего. В это я верую так же, как и ты, но ты не знаешь того, что всё на свете совершается по определённым законам, а не так себе, по капризу. Уже ты-сячи лет солнце появляется на востоке, чтобы уходить на запад, хотя, если угодно будет Аллаху, солнце 20 раз в день может изменить своё направление... Точно так же в жизни народов и государств действуют определённые законы, определённый порядок. Зная эти законы и данный народ, можно с большой вероятностью предсказать, пойдёт ли тот народ вперёд или назад... Приведу для тебя простенький пример того, как можно предвидеть будущее: ты недавно был во Франции и знаешь, как горячо желает каждый француз возвращения Эльзаса и Лотарингии⁸⁴, отнятых германцами в войне 1870 года. Так как германцы употребляют все усилия сохранить за собой эти земли, то можно видеть, что дело это без новой войны не разрешится. Если же изучить дела и положение других государств Френкистана, то можно предсказать год, когда произойдёт эта война. Конечно, тут ошибка возможна, но ошибка эта будет не очень далека от действительности...

С любопытством, следуя за речами и мыслью шейха Абдуллы, я не заметил, как вошла моя старая знакомая Фериде Бану и поставила перед нами небольшой столик с чашками горячего молока и разными печеньями.

— Приветствую Вас, — обратилась она ко мне, — я очень рада, что вижу Вас в доме моего родителя.

Я не ожидал, что мусульманка покажется мне и, смущённый, пробормотал несколько любезностей.

— Прошу кушать, — продолжала она, Вы, может быть, привыкли к чаю, кофе, но в нашей стране этих растений нет, и мы легко обходимся без них.

— Благодарю Вас, здесь всё так хорошо, всего так много, что, право, о чае и кофе думать не приходится.

Фериде Бану, одетая теперь гораздо лучше, чем во время спуска нашего из Альгамбры в подземелье, казалась ещё более прекрасной. Голос её звучал ещё прелестнее и нежнее, чем мне показалось тогда.

84 «Имперская земля» Германской империи, расположенная на территории сегодняшней Восточной Франции, состоящая из Эльзаса и восточной Лотарингии, связанных общей историей. После франко-прусской войны 1870–1871гг. значительная часть Лотарингии и почти весь Эльзас были переданы Германии. По условиям Версальского мирного договора, Франция в 1918 г. вернула себе эти земли.

– Сиди Аббас, – обратилась она к братьям, – очень испугался, когда встретил нас в башне Принцесс..., впрочем, и мы порядком перетрусили. Он думал, что встретил джинов (гениев)⁸⁵, но шейх Джелял успокоил его.

– Действительно, я тогда был поражён, хотя недоумение моё ещё продолжается... Однако Ваше знакомство облегчило и успокоило меня.

– Вы говорите мне любезности и вследствие этого маленькую неправду, заметила она с обворожительной улыбкой. – Впрочем, Вы жили среди френгов, а у них говорить любезности даме и слегка обходить правду, говорят, в обычае... Я думаю, что Вас облегчило не знакомство со мной, а порядок, царствующий в нашей стране, где Вам не сделают никакого вреда. Вы это очень скоро почувствовали, хотя, вероятно, не знаете, как пойдёт Ваша жизнь дальше...

1904. – 11 июня, № 47.

– Я полагаю, что, пользуясь чрезвычайным гостеприимством здешних мусульман, я изучу различные неведомые у вас науки и затем вернусь на родину обрадовать моих сородичей своими повествованиями о великопной стране Рахата.

– Конечно, мой сын, – прервал меня старик, – мы ещё не успели заслужить твою любовь; ты же ещё мало знаком с нашей страной и жизнью, но поживёшь между нами далее и ты пожелаешь остаться у нас навсегда...

Это было сказано самым дружелюбным, сочувственным тоном, но почему-то дрожь пробежала по моему телу от внезапной мысли, что меня могут не выпустить из этой страны. По возможности хладнокровный, я ответил: «О, мой отец, я не видел страны прекрасней этой и не встречал людей более достойных и симпатичных, чем здешние мусульмане, но для всякого дорога своя родина, а потому, может быть, позже я пожелаю вернуться в Ташкент... Я думаю ещё побывать в Египте и Константинополе...»

– Твои желания совершенно естественны, но выход твой из нашей страны будет зависеть не от тебя. От нас отправляются за горы разведчики и старцы, но их назначает и отправляет эмир. Кроме того, выход из нашей страны прикрыт и никому не известен, кроме старцев-смотрителей; ты, вероятно, заметил, что у нас сношений с внешним миром не существует.

Было очевидно, что возврат мой был невозможен; я должен был на век проститься с Ташкентом, если не поможет неведомый случай выбраться отсюда... Но какой случай? Посмотрим. Храни меня Бог!

⁸⁵ Духи в арабской мифологии, позже ставшие частью учений ислама, в которых выступают, как правило, в роли нечисти. Согласно вероучению ислама, джины были созданы из чистого бездымного пламени, не воспринимаемые ни одним из 5 основных чувств человека, живущие параллельно с людьми, но появившиеся раньше них и так же восприимчивые к вере/неверию в Бога.

– Я охотно останусь в этой прекрасной стране; я уже люблю её, но заговорил о выходе на случай, если не привыкну к здешней жизни. Буду молить Аллаха, чтобы кости мои остались в священных землях Рахата, – ответил я шейху, стараясь замаскировать своё смущение.

Собственники мои уверяли меня, что здешние мусульмане и эмир устроят мою жизнь хорошо и что я не буду скучать по беспорядочным странам загорья.

Из дальнейших разговоров я узнал, что шейх Абдулла был мудеррисом⁸⁶ по истории и философии Великого Медресе, куда я должен был поступить по подготовке, Хасан был инженером, Али-агрономом, а Фериде Бану – будущий доктор, только недавно окончивш[ий] курс наук.

Раньше я рассказал вам со слов Фериде-Бану историю возникновения общины этой страны. Теперь со слов её отца, шейх[а] Абдуллы, сообщу вам дальнейшие сведения. Как только родственники и друзья Сиди Мусы, героя Гренады, выбрались по тайному ходу в неведомую котловину Сьера-Невады, названной ими Страной Спокойствия, они расположились во временных землянках и шатрах. Затем своевременно закрыли и заделали ход из первой подземной залы в спасительную котловину. Всех эмигрантов было 185 человек, и в их числе 78 женщин. Эта маленькая община первым делом признала Сиди Якуба, племянника Сиди Мусы, своим начальником и эмиром и избрала ему в советники шесть человек из старейших и учёных членов общины. Все члены общины были люди достаточно сведущие; между ними были искусные мастера, садоводы, земледельцы, три доктора, два архитектора и несколько богословов. Так как каждый эмигрант, спасаясь из Гренады, захватил с собой книги, инструменты, семена и прочие принадлежности жизни согласно письменному указанию Сиди Мусы, то они имели под рукой достаточно средств устроить сносно свою жизнь, тем более что благодаря усердию последнего садовника Альгамбры в котловину было пригнано до сорока голов овец и доставлено достаточно домашней птицы, чтобы можно было их тут плодить.

Так как котловина гор была болотиста от сбегавших со всех сторон ручьёв, то на первое время злосчастные эмигранты расположились двумя поселениями на возвышенности, но, тем не менее, болотная лихорадка, видимо, ослабляла каждого, унося частые жертвы. Было очевидно, что спасение общины зависит от осушения болот и оздоровления воздуха, тем более, что крутые склоны гор, загромождённые камнями и скалами, представляли плохую почву для посевов и жизни.

1904. – 20 августа, № 67.

– Раз мы знаем законы и условия, необходимые для того, чтобы мельница двигалась, то легко можно определить, какую работу может производить та или другая мельница или при каких условиях она не перестанет

⁸⁶ Здесь в значении “преподаватель, профессор”.

работать... Законы движения неизменны. Жизнь людей и народов также подчинена определенным законам, часто неизбежным, неотвратимым. Зная условия жизни какого-либо народа, производительность его труда, степень его умственного развития, можно по сравнению с таковыми же условиями жизни и деятельности соседних народов более или менее верно и точно предсказать ближайшую судьбу изучаемого народа. Таким образом, сын мой, благодаря широкому, точному знанию, каждый из нас может видеть далеко вперед; может многое предугадать, предсказать.

– Это как будто бы и так, но я никак не могу отвергать следующее: все в мире совершается по воле Бога, без него не до порога. Вечером не знаешь того, что будет утром.

– Да, мой сын, творит и знает только Бог, я верую в это так же глубоко, как ты, но многое в природе и жизни остаётся тебе не ясным по недостатку знаний. Все видимое и невидимое нами творится волей Божьей, но не так, как ты понимаешь, а в силу вечных законов, установленных Им. Приведу тебе простой пример. Известно, что испокон веков солнце появляется на востоке и заходит на западе. Зная это, мы можем предсказать, что завтра и через три дня солнце покажется с той стороны, хотя, если пожелает, Аллах может дать солнцу другое направление. Наше предсказание ограничивается степенью нашего сознания и понимания и нисколько не умоляет вседержательства Создателя, ибо само знание и сознание наше суть Его дары и соизволение.

Как неодушевленный, так и одушевленный мир подчинены известным законам. Зная законы жизни, социальные и политические условия времени и места, можно предвидеть многое в жизни государств и народов. Ибн Мерван не был пророком, но как хороший историк и социолог, он мог предсказать судьбу ваших ханств много ранее, чем русская сила появилась в Средней Азии. Есть вещи, которые должны совершиться – не могут не совершиться. Люди широкого знания и взгляда видят и сознают это много ранее, чем люди, не обладающие нужным запасом знаний.

Поглощенный сообщениями шейх[а] Абдуллы, я не заметил, как вошла к нам прекрасная Фериде Бану и поставила перед нами низенький столик с чашками молока и сладостями.

1904. – 24 августа, № 68.

Обращаясь ко мне, прекрасная девушка сказала: «Привет Вам и живейшая благодарность на посещение нашего дома».

Совсем не ожидая, что молодая мусульманка появится предо мной без покрывала, по-домашнему, я немного растерялся и пробормотал ей несколько любезностей. Однако, что же это такое? Что это за мусульмане! Что в пути девушки этой страны не прятались и не закрывали лиц объясняется, пожалуй, путевыми условиями, а тут, дома... свободно вошла, непринуж-

денно говорит. Не понимаю, что это такое! В нашем Ташкенте, пожалуй, даже не поверят этим обстоятельствам. Странно, очень странно! Если в этой стране существует затворничество, то почему она не скрывается от меня: что же я, не мужчина что ли? Если тут такого обыкновения нет, то мусульмане ли они? Да что я толкую! Несомненно, что люди Рахата отличные и строгие мусульмане, было бы грехом усомниться в этом. Однако чем объяснить некоторые странности... Посмотрим, что будет дальше.

Мысли эти с быстротой молнии пробежали в моей голове, а Фериде Бану как бы отвечая на мои любезности, продолжала: «Кушайте, прошу Вас, и извините, что не могу предложить Вам кофе или чаю... В нашей стране их не существует!».

– Благодарю Вас, в них нет нужды. Тут так много хорошего, что остаётся только искренне благодарить Вас.

Девушка была не в том костюме, в коем я её видел в дороге. Одета изысканно, она казалось ещё более стройной и прекрасной, чем тогда. Грешен человек, я любовался ею, а она, продолжая речь, обратил[ась] к братьям:

– Когда в Альгамбре в башне Принцесс мы встретились с Молла Аббасом, то порядочно перепугались, да и он также смутился. Не будь тут учителя шейх[а] Джелила, он, наверно принял бы нас за джинов и пери⁸⁷.

– Да, госпожа, я действительно был поражён этой встречей... Кто же мог ожидать встретить в покинутом пятьсот лет назад дворце Халифоф, среди глубокой ночи прекрасных мусульманок... Я до сих пор удивляюсь всему происшедшему и, не скрою, часто думаю – не сон ли это, что это за непонятная правда? Только видя Вас, говоря с Вами, я успокаиваюсь и собираюсь с мыслями.

– Вы очень любезны ко мне. Так как Вам уже известно, что тут никакого вреда Вам причинено не будет, то должны вполне успокоиться.

– Это, конечно, также облегчило моё положение. Познакомившись с этой удивительной страной, я, несомненно, проникнусь к ней великой любовью и со временем сделаю её имя предметом общего уважения загорного мусульманского мира.

Тут вмешался в разговор отец Фериде Бану и ласково заметил: «Бог даст, ты привыкнешь, сын мой, к нашей стране и жизни и оставишь мысль когда-либо покинуть нас». От этих мягко, любовно сказанных слов у меня похолодело в сердце и помутилось в глазах, но, собрав все силы, я немедленно и возможно спокойнее ответил, что такую прекрасную страну, таких добрых людей нелегко когда-либо покинуть, но, выехав из Ташкента с целью богомолья, я должен, если Аллаху угодно, посетить Мекку и Медину и другие святы места.

⁸⁷ *Мифологические существа. Примечание автора.*

Прекрасные сверхъестественные существа в персидской мифологии, появляющиеся в образе женщин, позднее сохранившиеся в преданиях у тюркоязычных народов Малой и Средней Азии, Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья и Южного Урала.

– Желание Ваше естественно и законно, но Вы знаете, Молла Аббас Эфенди, что пути в нашу и из нашей страны закрыты... Ваше желание может удовлетворить лишь собрание старшин и эмир⁸⁸. Время терпит, а пока Вы наш любезный гость...

Я понял, что придется остаться в этой странной стране. Итак, я и свободен, и не свободен, и существую, и не существую для внешнего мира. Да будет Воля Божья!

Скрывая обур[ева]вшие меня чувства, я ответил шейху: «Страна эта так прекрасна, что, надеюсь, привыкну к ней, люди тут так хороши, что едва ли моё сердце перенесет разлуку».

1904. – 31 августа, № 70.

Со слов шейх[а] Абдуллы и его сыновей я понял, что жители и эмир отнесутся ко мне внимательно и помогут тут устроиться. Далее я узнал, что шейх состоит одним из преподавателей высшего медресе по курсу истории и философи[и] и что сын его Сеит Ахмед – инженер, другой Али – агроном, а дочь Фериде – врач по детским и женским болезням. Я уже передал кое-какие сведения об этой стране по рассказам этой девушки. Тут привожу ещё кое-что, услышанное от её отца.

Община мусульман, скрывшаяся потайным ходом в этом междугорье от жестокостей испанцев, состояла из 185 душ, из коих 78 были женщины. Беглецы захватили вместе с собой сколько могли книг, орудий труда, необходимых вещей, семян и прочего. Привели также голов сорок овец, небольшое количество домашней птицы. Кое-как устроившись, поселенцы начали страдать от лихорадок. Низовье страны было заболочено горными ручьями, не находившими выхода из долины, со всех сторон закрытой горами. Избрав старшиной Эмира Якуба и совет старейшин, общество энергично взялось за устройство своих дел и оздоровление местности. Были засеяны поля, огороды и устроены два поселения. Работали все, кто что мог. Весьма учёный поселенец Сеит Ахмед определил количество вод, стекающих с гор в котловину, определил и вычел из него количество возможного испарения и просачивания вод. Полученный результат показал, что если бы воды не находили выхода, то вся котловина представляла бы собой глубокое озеро. Это навело его на мысль поискать место истечения вод. После долгой работы, он открыл отверстие пещеры, куда медленно просачивались воды из долины. Разработав засорившееся отверстие, освободив его от нанесённых потоками камней, он дал свободный выход для вод и тем осушил болота и почву, что привело к оздоровлению страны и прекращению лихорад[ки]. С тех пор жизнь и благословение общества были обеспечены. Одно из поселений в память покинутой Гренады была названо Новой Гренадой.

88 Титул правителя в некоторых мусульманских странах Востока и Африки.

1904. – 3 сентября, № 71.

Вскоре затем было основано третье поселение и устроены мечеть, школа и больница. Жители Рахата знали, а тут ещё лучше поняли, что сила жизни в разносторонних знаниях и что обеспечение хорошей жизни в умелом труде. Этим сознанием были проникнуты старый и молодой, мужи и жёны. Поэтому среди этих переселенцев были позабыты слова «невежа» и «лентяй», только из объяснительного словаря они понимали грустное значение этих слов. Всеобщий труд, всеобщее обучение легли в основание жизни этой маленькой страны. Через 30 лет по занятии междугорья их община возросла до 400 душ; тогда же было основано Собрание учёных. Тут обсуждались и развивались учёные, религиозные, экономические и правовые вопросы; протоколы и заключения Собрания записывались в особые книги. Сто лет спустя, население почти учетверилось и был основан городок, названный Городом счастья. И было почему дать такое пышное имя столице страны. Для всех одинаковое, глубоко справедливое управление эмиров страны привело к тому, что тут все имели и труд, и хлеб, и отдых, украшаемый научными и эстетическими развлечениями. Вражда, зависть, алчность, себялюбие не находили себе места в сердцах людей этой удивительной общины.

Ко времени моего прибытия в эту страну население её достигало 300 тыс. душ, живущих в сорока обширных деревнях и Городе счастья. Тут, довольное население по собственной воле построило прекрасный дворец для своих правителей и назвало его Дворцом Зегры в память имени бабушки правящего эмира. Эта женщина, по словам шейха Абдуллы, была очень даровитым человеком и высоко поставила дело женского образования. Оставленные ею поэтический сборник и трактат о нравственности и философии свидетельству[ю] об её общественной деятельности. Школы выпускают прекрасных учительниц, врачей и хозяек.

Слушая все эти удивительные вещи, я всё-таки не мог оторваться от навязчивой туркестанской мысли о затворничестве. Тут его нет. Как и почему? Ведь эта община не европейская, а мусульманская. Уже вечерело, когда опять вошла к нам Фериде Бану и попросила в сад, к обеду. Тут меня, как родного, встретила старушка – жена шейха.

1904. – 14 сентября, № 74.

Обед состоял из мясных, молочных и мучных блюд, а также из разнообразных фруктов и варений. После обеда было подано фруктовое прохладительное питьё. Вкусно покушав, развлекаемый чудным местоположением и дружескими, интересными речами моих знакомых, я почти забыл загадочность и неопределённость моего положения. Удовольствие моё достигло, однако, высшей степени, когда, убрав стол, Фериде Бану принесла

музыкальный инструмент вроде мандолины⁸⁹ и огласила воздух тихими аккордами и нежным голосом... В эти минуты мне казалось, что счастье накрыло всех нас. Она пела чудные газели⁹⁰, игриво импровизировала или с увлечением передавала старинные бравурные песни мавров... Заметив моё увлечение музыкой, шейх Абдулла спросил: «У вас в Туркестане музыка, вероятно, в почёте?» «Напротив, – ответил я, – у нас музыка и песнопение считаются неприличием, не идущим к серьёзности мусульманина».

– Конечно, музыка, низводимая на степень службы разгулу и безобразию, должна осуждаться, но как средство для проявления благородных чувств и сокровенных движений души человека, не может не считаться почтенным искусством... Песня и музыка суть проявления довольства и радости; довольство и радость тварей не могут быть противны Всеблагому Творцу; разумная, вольная песня – это половина молитвы. Она облагораживает человека, облегчает его душу. Не следует, конечно, злоупотреблять ею. Глубокий богослов может и назидать, и развращать людей. Из этого не следует, чтобы богословие и химия были не приличны мусульманину...

Я был очарован и музыкой, и беседой. Только вечерний призыв муэдзина напомнил мне, что пора подумать о молитве и возвращении домой. Я встал и попросил позволения идти. Али вызвался проводить меня. Все члены этой доброй семь[и] взяли с меня слово бывать у них и обращаться, как к родным, если что-либо понадобится. Фериде Бану поднесла мне в дар великолепную корзиночку, наполненную тонким бельём. Я не знал, как благодарить её. Отказ же мой мог оскорбить этих простых и честных людей.

Я должен заметить ещё, что в доме шейх[а] Абдуллы не было прислуги, если не считать одну пожилую женщину, родственницу шейха, жившую с ними. Тут все работали; да и склад жизни был таков, что каждый мог обходиться без сторонней помощи.

Когда я вернулся в караван-сарай, то встретил у себя моего зрителя или воспитателя шейх[а] Джеляла. Он сообщил мне, что послезавтра представит меня эмиру, который пожелал видеть первого чужестранца в своей стране. «В какое время нужно будет идти?» – спросил я шейха.

– Эмир пришлёт за нами, вероятно утром, – ответил он.

– Скажите, пожалуйста, каковы этикетки приёма: я не желал бы представиться его светлости полным невеждой.

– Никаких особенных правил, мой сын. Конечно, ты понимаешь, то должен быть почтителен, а затем говорить обдуманно и правдиво, если желаешь приобрести благословение его светлости эмира.

89 Струнный щипковый музыкальный инструмент небольших размеров, разновидность лютни – лютня-сопрано, но с менее длинной шейкой и с меньшим числом струн.

90 Газель – строфа арабского стихосложения, является самой распространённой формой стихосложения на Ближнем и Среднем Востоке.

– О, да, я желаю просить его светлость о большой милости... Можно ли просить его о чём-либо?

– Конечно, можно, но только всё, что нужно будет для тебя, сделается и без всякой просьбы. Уже сделано распоряжение об обеспечении твоей будущности. Назначен участок земли для обработки, отведено место для усадьбы; тебе остаётся немного: привыкнуть к здешней жизни... и выбрать себе подругу жизни, – добавил шейх, улыбаясь.

1904. – 24 сентября, № 77.

Выслушав это сообщение шейха, я крайне смутился. Надежда на возвращение на свет Божий, надежда увидеть ещё раз мой родной Ташкент совсем ослабла. Я бы почувствовал себя очень плохо, но меня поддерживала слабая надежда на эмира: я думал, что он разрешит мне возвратиться в Альгамбру, а оттуда дорога мне известна. Очевидно, заметив моё смущение, шейх спросил:

– О чём, мой сын, ты думаешь просить эмира?

Я хочу просить его разрешить мне возвратиться на родину, так как тоска и беспокойство начинают отравлять моё существование.

– О, мой сын, твоя просьба очень важна, я не знаю, что ответит тебе эмир, но во всяком случае это будет первый пример выхода из нашей страны, если тебе это суждено.

– К чему же меня приневоливать? Я ведь свободный человек. Тем более, что я пришёл сюда без уговора остаться навсегда.

– Это так, мой сын, но разве ты находишь нашу страну и жизнь нехорошими, что желаешь нас оставить. Мы все были очень рады тебе, и ты бы устроился здесь отлично.

– Мне будет очень тяжело, если я кого-либо огорчу моим желанием уйти. Страны прекрасней, не видать, но, шейх мой, выезжая из Ташкента, я дал обет поклониться Каабе⁹¹ и гробу Пророка... Изменять этому обету и долгу я не могу и не хочу.

Шейх задумался. Он, видимо, сознавал моё право на выход, но, с другой стороны, местные условия и таинственность страны Рахат наложили на каждого живущего здесь особые обязанности, которые трудно было согласовать с моим желанием оставить эту страну. С моим уходом нарушалось местное право и обычай, нарушалась тайна их прекрасного убежища.

После некоторого раздумья шейх сказал: «Во имя Бога будем терпеливы, время и соображения укажут путь разрешить твою задачу... Завтра

91 Мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам (Заповедная Мечеть) в Мекке. Это одно из основных мест, собирающее, согласно кораническим предписаниям, паломников во время хаджа. Кааба носит символическое имя аль-Бэйт аль-Харам, что означает в переводе с арабского «священный дом».

скажи эмиру. Но не особенно надейся на желательный тебе ответ... Будь я эмиром, я не знал бы, что тебе ответить: я не желал бы подвергнуть риску жизнь и свободу всего нашего общества, ибо раз тайна нашей страны будет узнана, бытие наше расстроится, хотя современные испанцы, надеюсь, не поступят с нами так жестоко, как поступили их предки при завоевании Гренады и Андалузии...

Шейх Джелиал ушёл от меня весьма взволнованным. Я был взволнован ещё больше. Я думал, чем, наконец, разрешится моё приключение? Не сделают ли мне какого-либо вреда из-за моего желания уйти? Могут, наконец, лишить меня жизни! Впрочем, кажется, здешние люди не способны на подобные поступки.

1904. – 1 октября, № 79.

На следующее утро пришёл шейх Джелиал и вскоре за ним посланный от эмира, чтобы проводить нас во дворец. Мы отправились втроем пешком. Я, кажется, уже писал вам, что в этой стране не было лошадей и крупного скота вообще. Впрочем, в этих животных тут и не было особенной надобности: вода и электричество почти во всём заменяли их как рабочую силу. Пройдя по великолепным улицам и площадям города, мы вышли за город и вошли через большие металлические ворота в прекрасный парк. В глубине аллеи гордо выступал изящный белый дворец, расположенный среди сада на открытой площадке. Перед дворцом был большой водоем из красного мрамора. Обойдя его, мы подошли к крыльцу, и только тут я рассмотрел великолепную отделку и резьбу дворца Зегры. Белый мрамор, из коего выстроен весь дворец, усеян самыми красивыми и затейливыми узорами. Надо удивляться крепости резца и умению мастера, выведивших эти узоры на мраморе. И на дереве подобная резьба казалась бы удивительной. Шесть широких ступеней, украшенных вазами из красного мрамора, подняли нас к дверям, которые открылись перед нами. В передней нас встретили двое слуг в богатых одеяниях и провели в одну из боковых зал. Тут нам подали разные сласти и печения, между тем как проводник наш [п]ошёл к эмиру доложить о моем приходе. Комната, в которой мы находились, была меблирована в мавританском вкусе атласом жёлтого цвета. Пол был вымощен плитками цветного мрамора и арабесками⁹².

Через полчаса вернулся наш проводник и пригласил нас к эмиру. По мраморной, устланной коврами лестнице мы поднялись во второй этаж и вошли в большой зал со сводчатым стеклянным потолком. Тоненькие, стройные, но высокие колонки из мрамора поддерживали чрезвычайно красивый потолок – чудо архитектурного искусства и художества. Я нигде

92 Европейское название сложного восточного средневекового орнамента, состоящего из геометрических и растительных элементов.

не видел ничего подобного: такое удивительное сочетание мрамора, бронзы, хрусталя, красок, позолоты, теней и света, что глаза мои разбегались, но я был особенно поражён, когда мы подошли к середине залы, где стоял огромный стол в металлической оправе и на мраморных ножках. Но это был не стол, а целое волшебство! Верхняя доска стола была из стекла или хрусталя и, взглянув на нее, я чуть не сошёл с ума. На этом стеклянном полу отражалась вся Страна спокойствия с его горами, селами, садами и прочим, не исключая передвижения людей. Я не верил глазам, шейх Джелял явился на помощь и объяснил, что путем установки системы оптических стекол и зеркал вся страна отражена на этом удивительном столе, так что эмир во всякое время имеет перед глазами всю страну во всей [её] совокупности. Всякое явление, всякий случай сколько-нибудь выдающийся он может видеть воочию, не выходя из этой залы... Величие и искусство здешних людей давили меня, моё ничтожество было больше, чем очевидно, робость, удивление и любопытство наполняли все моё существо.

Очевидно, что здешний эмир не чета нашим ханам и шахам: он устроил так, что может все видеть и слышать сам и не быть в зависимости от доклада своих визирей и придворной челяди.

1904. – 22 октября, № 85.

Направо от стола стоял диван с инкрустациями и перед ним такая же богатая табуретка. Напротив, и несколько в отдалении, стоял ряд кресел. Поглощённый обзорением богатства и чудес залы, я не заметил, как открылась большая боковая эмалированная дверь и вошёл эмир... Я понял, что это он, потому что шейх Джелял воскликнул: «Приветствую тебя, мой эмир!». Я поклонился и немного отступил. Эмир был молодой человек лет тридцати в зелёной шёлковой чалме с маленькими золотыми звёздочками. Одевание его было длинное и белое, от чего ещё рельефнее казалось его доброе, красивое лицо, обрамлённое небольшой чёрной бородой. Передо мною был эмир счастливейшей и образованнейшей страны. Ничего грозного, пугающего, но зато столько доброго, ласкающего и располагающего в этом человеке... Я помню кокандского эмира Худаяр хана – дай Бог ему успокоение! – его все страшились: он был грозен, а этот, видимо, властвовал, подчинял чем-то другим.

Ласковый взгляд эмира ободрил меня, а приглашение сесть совсем успокоило моё бедное сердце. Я и шейх сели в кресла напротив эмира, занявшего диван.

Приступив к разговору, г[осподин] эмир спрашивал меня о делах и положении Туркестана, о судьбе Худаяр Хана, о детях Аталык Гази Якуб

Хана⁹³, о бухарском эмире Абдул Агат Хане⁹⁴. Я отвечал, что знал. Затем он расспрашивал о бухарской болезни ристе⁹⁵, происходящей от дурной, испорченной воды, и выразил удивление, как бухарцы не позаботятся провести в город ключевую воду и не устроят водопроводов. Спрашивал он также о среднеазиатских батче⁹⁶ и был очень доволен, когда я сообщил ему, что ныне батче уже не существуют. Однако этот вопрос эмира так смутил меня, что я рад был провалиться сквозь землю, но пол был слишком прочен, и я пропотел за грехи моих сородичей. Спрашивал он также о том, имеют ли среднеазиатцы охоту поучиться у русских и у френгов искусствам и ремёслам, неведомым им. Я отвечал, что они боятся сближаться с ними и считают себя всезнающими. «Это очень жаль, – заметил эмир, – ибо человек, считающий себя выше и лучше других, большей частью становится хуже их; кто думает, что он много знает, вынужден оставаться невеждой...»

Обращаясь к шейху, эмир сказал: «Китайцы – весьма поучительный пример; они убеждены, что составляют лучший народ мира, что знают более всех, что цивилизованны только они и что все прочие народы суть дикари и варвары... К чему же привело их это глупое самомнение и отчуждение? Величайшая масса в 400000000 не имеет той силы и значения, какое, напр[имер], принадлежит маленькой европейской стране Бельгии!»

– Точно так, мой господин, – сказал шейх.

Эмир продолжал: «Хотя Пророк наш приказал мусульманам искать знаний где бы то ни было без различия, хотя сподвижник его Али⁹⁷ разъяснил, что всякое знание, всякое искусство должны быть присущи правоверному, но, к сожалению, различные причины затемнили понятия мусульман, и они, сами того не подозревая, стали очень близки к тупому Китаю...» Далее, обращаясь ко мне, эмир добавил: «В борьбе за существование и бытие люди должны вооружаться одинаковыми знаниями, равносильными искусстваами и энергией; иначе более знающие, более искусные задавят слабых. Если туркестанские мусульмане будут дремать, то прибывающие из России и других стран купцы и мастера мало-помалу заберут все их заработки».

После этих рассуждений эмир любезно осведомился о том, доволен ли я

93 Магомет Якуб бек Бадаулет (ок.1820–1877) – правитель государства Йеттишар («Семиградье») в Восточном Туркестане, и Кашгара, в 1860-70-х гг. С 1870 г. он именовался Аталык Гази Бадаулет, то есть «защитник веры и счастливцев».

94 Сеид Абдул-Ахад-хан (1859 –1910) – девятый бухарский эмир из династии мангытов, правивший в 1885–1910 гг.

95 Дракункулез, или ришта – гельминтоз из группы нематодозов, вызываемый самками круглых червей *Dracunculus medinensis*. Заболевание распространено в тропиках и субтропиках Африки и Азии.

96 *Красивые мальчики. Примечание автора.*

Мальчик или безбородый юноша, исполнявший в женской одежде танцы на пирах.

97 Али ибн Абу Талиб (599–661) – политический и общественный деятель; двоюродный брат, зять и сподвижник пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф (656–661).

своим новым отечеством? Я выразил, как мог, мой восторг от всего виденного в Дар-Эль-Рахате и с умысленной наивностью добавил, что, вернувшись в Туркестан, буду стараться поучать своих сородичей, описывая им жизнь и цивилизацию здешних мусульман.

1904. – 29 октября, № 87.

– Да разве ты не знаешь, что оставить нашу страну нельзя? Мы не имеем сношений с другими странами по причинам, о коих теперь говорить нет надобности, – заметил эмир.

– Я слышал, господин мой, об этом, но так как я чужестранец, попавший сюда, не зная об этом и совершенно случайно, то пользуюсь случаем всепокорнейше просить о повелении выпустить меня обратно... Я должен ехать в Мекку.

– Я не могу удовлетворить сейчас твою просьбу; она слишком серьёзна. Я передам её меджлису и затем ты будешь уведомлён. А до того имей в виду, что, оставаясь у нас, ты будешь всем обеспечен: ни нужды, ни зла, ни обид знать не будешь...

С этими словами эмир встал, чтобы уйти. Мы же, поклонившись, удалились. За дверями залы нас встретил один из дворецких и повёл к обеду, после коего предложил осмотреть дворец и сады.

Это было очень интересно, но меня ещё более интересовал будущий меджлис.

После обеда мы осмотрели дворцовую библиотеку, зал Собраний Старейшин, где в важных случаях эмир совещается с призываемыми им представителями всего населения страны. Затем мы прошлись по цветникам и парку и возвратились домой перед вечером.

– Как вы думаете, – спросил я шейх[а] Джеляла, – разрешит ли мне Собрание Старейшин возвратиться на родину?

– Весьма трудно ответить тебе; потерпи – узнаешь. В крайнем случае, повторю, тебя отлично устроят здесь и в конце концов ты будешь доволен и счастлив... Охота тебе сожалеть о Туркестане и Френгистане? Они не стоят того...

Услышав от шейха малоутешительного в смысле моего желания, я отправился в дом шейх[а] Абдуллы. Мне хотелось повидать его сыновей, да, признаться, и общество Фериде Бану обещало немалое удовольствие. Я был принят очень радушно и провёл вечер очень хорошо. Тут я узнал много нового об обычаях этой удивительной страны. Оказывается, что эмир имеет одну жену, которая принимает участие в общественных делах, поскольку таковые касаются женщин и их интересов. Эмирша Хатиджа, супруга эмира, заведует целым особым учреждением, которое занимается делом воспитания, обучения, труда и юрисдикции женщин. В этой стране все мусульманки учатся, по курсу и программе женски[е] мектеб[ы] отличны

от мужских и приноровлены к особенностям их природы и жизни. В сфере науки и общественной деятельности им отведено известное поле; в медицинской, педагогической деятельности женщины Рахата стоят наравне с мужчинами. В суде они также участвуют, имея прехорошеньких женщин-кадиев и свой прекрасный меджлис для суда и разбора дел, возникающих исключительно между женщинами. Дела же, в коих участвуют мужчины, или их интересы подсудны обыкновенному кадию, решение которого против участвующей в деле женщины, предварительного исполнения, поступает на проверку кадия-женщины, которая если усмотрит какие-либо нарушения не только закона, но и нравственной правды, может передать дело для перерешения другому кадию. В делах наследственных, семейных, в супружеских процессах о разводе, в весьма редких здесь случаях о несогласии супругов, интересы женщины сохраняются наблюдением кадия-женщины и высшим судебным меджлисом, состоящим из учёных женщин под представительством самой эмирши.

Тут [нельзя] обозначить женщину, как то проделывается на моей милой родине, и нельзя также третировать её, как дорогую игрушечку, которую следует холить, как ребёнка, кое-чему научить, до кое [до] чего допустить ради вашей потехи, господ мужчины, как принято в Европе. Нет, среди здешних мусульманок она не раба Востока и не игрушка Запада; она человек вполне; гражданка и хозяйка как самой себя, так и своих прав.

Здесь одинаково невозможны как одалиска Кашмирского сераля, так и вольная дева парижского бульвара.

1904. – 9 ноября, № 90.

В стране Дар Эль Рахата, стране строго мусульманской, не существует сословий. Здесь люди отличаются друг от друга лишь прирождёнными дарованиями или суммой приобретённых знаний и добродетелей. Экономические условия жизни сложились так, что чем более человек добродетелен, тем более имеет шансов получить все блага жизни. Мужчины и женщины в степени, соответствующей отличиям их природы, разграничены в две группы, дополняющих одна другую. Обе группы самостоятельны в правах и обязанностях, и совместная деятельность, сожительство и всё вытекающее из оных определяются свободным договором вольного с вольной. Конечно, договор о сожительстве вытекает из естественного влечения одного пола к другому. Тут не покупают жён, не выдают замуж, а мужчина и женщина договариваются жить вместе.

Меня особенно удивило то, что при заключении брачного договора определяется подробно степень участия жены в делах и трудах мужа и участие её в прибылях и убытках, вытекающих из оных. Так что в большинстве случаев женщина является совладелицей всего приобретённого мужем по-

сле женитьбы. Мусульманки этой страны не только *de jure*, но и *de facto*⁹⁸ хозяйки своей собственности и прав.

Удивление же моё не имело границ, когда мне рассказали, что для вступления в брачный договор стороны, прежде всего, должны представить свидетельства о летах и о нестрадании какими-либо наследственными и заразными болезнями или недостатками, препятствующими правильной жизни. Договор старого человека с молоденькой женщиной или женитьба юноши на старухе не допускаются. Поэтому тут пришлось бы плохо ташкентскому бею и парижскому альфонсу. Это объяснило мне тот факт, что все жители этой страны отличаются чрезвычайным здоровьем и недостижимой для наших стран нравственностью. Я спросил моих собеседников, бывают ли здесь случаи нарушения известной заповеди. Ответ был: «Нет; потому что в отношениях полов не существует ни азиатского принуждения, ни европейской вольности и цинизма. Они регулированы договором и свободными правовыми отношениями».

— Может же женщина, выйти замуж, позже почувствовать влечение к другому.

— Конечно, но что же из этого? Она, прежде всего, будет иметь в виду свой договор с мужем, и если чувство её настолько будет сильно, что может отравить её, существование, то она объяснится со своим мужем. Поверьте, что ни один разумный и добрый человек не пожелает насильно удерживать её и договор будет нарушен с общего их согласия. Азиатская женщина бывает принуждена к измене, боясь быть откровенной с мужем, а европейка делает то же, потому что материально не самостоятельна и, как таковая, имеет особый безнравственный кодекс законов и понятий об обязанностях. Несправедливость и насилие, даже в самых малых дозах, порождают сопротивление, борьбу и ведут к безнравственности. Вот вам два разнородных примера: бухарская цивилизация (позвольте мне так выразиться) привела к грустнейшему среднеазиатскому пороку, о коем неудобно и говорить; а английская цивилизация собрала на улицы и базары Лондона до ста тысяч профессиональных проституток.

1904. – 12 ноября, № 91.

Несколько вечеров подряд я провёл в семье шейх[а] Абдуллы. Интересные рассказы о стране Рахата, приятное общество Фериде Бану не давали заметить, как проходило время. Однажды речь зашла о завещании основателя этой прекрасной колонии Сиди Мусы, хранимом, как я писал, под сорока печатями и ключами сорока здешних имамов. Вы, вероятно, помните, что на конверте завещания был приказ вскрыть его не ранее 1500 года Геджры.

⁹⁸ Термины «*de jure*» и «*defacto*» используются вместо «формально» и «на практике».

– Что бы могло заключать это интересное завещание, – спросил я шейх[а] Абдуллу.

– Это узнают наши потомки через двести лет, – уклонился шейх.

– Они узнают положительное, но, мне кажется, путём соображений здешние люди могли бы хоть приблизительно определить содержание завещания.

– Пожалуй, так, мой сын, но к чему стараться проникнуть в чужую тайну, которая в своё время откроется.

– Я хочу спросить, существуют ли в стране Рахата какие-либо сказания, предположения о содержании завещания? Чрезвычайно интересно, что великий завещатель назначил семь веков для сохранения своей тайны.

– Предположения, конечно, существуют, и если ты так сильно интересуешься ими то, могу сообщить тебе кое-что.

Я весь обратился в слух.

– Ты, конечно, понимаешь, что такое завещание не может касаться распоряжений о разделе вещей или овец. Совершенно естественно предположить, что завещание нашего героя и спасителя касается общего, народного дела.

– Несомненно так, – подтвердил я, точно прочитав любопытный документ.

Шейх продолжал:

– «Что мог сказать, посоветовать нам Сиди Муса такого, чего нельзя было сказать в его время, т.е. почти пять веков назад? Вероятно, это нечто такое, чего не поняли бы наши предки, что было бы не ясно и для нас, но которое, вероятно, будет принято нашими потомками, кои будут жить к 1500 году.

Если бы предмет завещания касался только нас, жителей Рахата, то он, мог бы, мне кажется, не носить на себе столь долгого срока; надо думать, что завещание касается наших будущих отношений к остальному человечеству. Почему так предполагается? Потому что теперь уже долина наша густо заселена; через 200-300 лет, несмотря на все наше искусство и знания, страна наша не в состоянии будет вместить и прокормить всё население. Потомки наши должны будут открыть тайный ход и явиться в семью других народов. По ежегодному приросту населения Рахата, не знающего эпидемий, войн и т.п., к 16-му веку ислама Рахат должен будет открыться. А так как срок вскрытия завещания совпадает с этим роковым временем, то есть большая доля вероятности, что завещание толкует о предстоящих знаменательных событиях... Ты удивляешься этим предположениям; ты хочешь сказать, как мог Сиди Муса, не пророк, предвидеть за несколько столетий вперёд? Трудно ответить на это, но не забывай, что каждый из нас, основываясь на физиологических, социальных и математических законах, может видеть далеко вперёд; люди же чрезвычайного ума и духа, каким был Сиди Муса, могут в том же направлении видеть много дальше нас.

1904. – 19 ноября, № 93.

– Хорошо, мой шейх, я понимаю, что завешание должно касаться народного дела и, пожалуй, отношений к другим народам, но загадка всё же остаётся загадкой – мы ничего не знаем о том, что именно советует Сиди Муса.

– Да, мы ничего не знаем, а лишь предполагаем.

– Я хочу спросить, что же мы можем предположить о сути этого документа?

Я горел нетерпением узнать мысли шейха; едва ли бы я больше интересовался услышать о собственной судьбе. Видя моё болезненное любопытство, почтенный шейх улыбнулся и сказал: «Я сообщу тебе ещё кое-какие предположения, но помни, что это будут лишь предположения, а истину знает лишь Бог».

В это время раздался электрический звонок, и шейх прервал свою речь. «У вас ли Молла Аббас Туркестани?» – спрашивал голос по телефону. «Здесь», – ответил [шейх] Абдулла. «Пусть слушает, – раздался снова голос, великий народный меджлис, обдумав просьбу Аббаса, данную эмиру о позволении оставить нашу страну, находит невозможной удовлетворить её, ибо это может повлечь за собой заключение. Меджлис просит его, ради общего блага, отказаться от своего желания и получить какое пожелает пособие, дабы самым лучшим образом устроиться в нашей стране».

– Дай ответ, – сказал мне шейх, – твой голос будет услышан в зале меджлиса.

Подойдя к чудесному звонку, я громко ответил: «Настаиваю на своём желании: ради вашего блага вы не имеете права лишать меня свободы, ибо я тварь Бога и случайный, невольный чужестранец среди вас. Глубоко благодарный за оказанное гостеприимство и предлагаемые благодеяния, прошу настоятельно освободить меня, тем более, что я должен ехать в Мекку на поклонение».

Спустя минут десять из меджлиса вновь раздался голос: «Дело ваше решено меджлисом. Решение узнаете на деле. Дурного не опасайтесь».

Услыхав этот странный ответ, я крайне смутился. Как решено моё дело, что должен буду я испытывать?.. Что значит не опасайтесь дурного? Голова моя пошла кругом, и я был близок к обмороку. Видя моё жалкое положение, шейх Абдулла и его дети старались успокоить меня, уверяя, что ничего для меня обидного сделано быть не может, что, по всей вероятности, мне разрешено оставить страну Рахата и т.д.

Немного успокоенный, я вернулся к себе в караван-сарай, но, увы, не мог заснуть до самого утра. Тысяча мыслей беспорядочно теснились в моей бедной голове, и я только переворачивался с боку на бок. Уставший, разбитый, поднялся я утром с кровати и, получив обычный молочный завтрак, стал дожидаться шейх[а] Джелыла, моего руководителя и наставника. Вскоре он пришёл. Так как всё существо моё представляло лишь живой, умо-

ляющий вопрос, то он самым любезным тоном сообщил: «Вчера меджлис решил позволить тебе оставить нашу страну. Приневольивать кого-либо мы не имеем права. Отныне ты наш гость ещё более, чем был до сих пор. Ты сам этого желал, а потому поздравляю».

– Тысячу раз благодарю эмира и всех членов меджлиса, – обрадовался я. Уверяю вас, я сохраню тайну вашей страны и не навлеку на неё внимание чужестранцев...

– Как тебе будет угодно; этого обязательства мы с тебя не берём, – ответил загадочно шейх.

– Могу же я рассказать о вашей стране в Испании, во Франции, и тайна ваша будет открыта.

– Ты, конечно, можешь рассказать...

– И потому могут явиться к вам френги и наложить своё господство.

– Если это угодно Богу уклонился шейх.

– Но я, отец мой, буду нем, как рыба.

– Разрешая твою просьбу, наш народный меджлис имел в виду всё что ему необходимо, выйдя от нас ты можешь и молчать, и говорить, как тебе угодно. Мы в собственной стране не наложили на тебя каких-либо обязательств; тем менее имеем право обязывать тебя вне нашей страны.

– Когда же меня поведут или повезут отсюда?

– Это мне неизвестно; но думаю, что тебе не долго ещё жить среди нас. Пользуйся остающимися днями, чтобы осмотреть ещё то, что [есть] из учреждений нашей страны.

1904. – 23 ноября, № 94.

Не имея сил и средств разгадать таинственность моего положения в этой удивительной таинственной стране и предоставив события воле Аллаха, я попросил шейха показать мне здешнее великое медресе.

После полуденного намаза⁹⁹ мы оставили караван-сарай и направились в медресе. Оно было за городом. Среди обширного сада с вековыми деревьями я увидел великолепное двухэтажное здание со множеством флигелей и построек. По изяществу архитектуры и богатству отделки можно было подумать, что это дворец эмира, но это было медресе или, вернее, дворец наук и знаний. Медресе делилось на три отделения, или факультета, – богословско-философское, физико-математическое и социально-экономическое. Сначала мы вошли в аудиторию богословского факультета. Мудеррис читал лекции о затворничестве и правах женщины. Цитируя Коран и священные толкования, он говорил...

Затем мы перешли в аудиторию социально-политических наук. Тут я прослушал лекцию о положении Европы и, признаться, был поражён сме-

⁹⁹ Зухр, полуденная молитва, обеденный намаз – полуденная четырёхракатная молитва мусульман, входит в число пяти обязательных ежедневных молитв.

лыми, парадоксальными выводами мудерриса. Приводя множество цифровых и исторических данных, он резюмировал лекцию следующим образом: «Европейская цивилизация быстро приближается к роковому кризису».

По выслушании лекции, признаюсь, все мои взгляды на Европу и все приобретённые мною знания и воззрения, усвоенные в бытность в Париже, расшатались в великом пространстве, и я едва-едва мог собрать в моей бедной голове мои жалкие знания, чтобы составить те или другие воззрения на людей и дела Европы, куда я собираюсь выйти из этой таинственной страны.

Перед вечером мы вернулись в караван-сарай, где ожидал меня посланный от великого кадия.

– Прошу Вас взять с собой вещи, внесённые Вами из Френгистана, – обратился он ко мне.

Тотчас связав в узелок мои вещи, в числе коих была пиджачная пара, купленная ещё в Париже, я приготовился, радуясь началу освобождения.

Шейх Джелял, обняв и поцеловав меня, сказал: «Прощай, мой сын, мы больше, вероятно, не увидимся. Я искренне желал тебе добра... Теперь тебя поведут. Чтобы далее не случилось, не бойся: ты в безопасности. Несомненно, что твой выход от нас будет обставлен чрезвычайной таинственностью и особыми условиями, но от этого ты ничего не потеряешь... Бог с тобой, прощай».

Чиновник кадия повел меня. Все знакомые по караван-сарая вышли проводить и смотрели на меня с очевидным любопытством. Как не были успокоительны слова шейх[а] Джеляла, однако боязнь неизвестности овладела мной, и я машинально пошёл за чиновником по улицам города.

Подойдя к зданию судилища, я был введён в большую залу, где, по приказанию кадия, я переоделся в собственную одежду, оставив всё, что принадлежало производству этой страны. Чиновник осмотрел все мои карманы и пожитки, чтобы в них не было чего-либо из вещей страны Рахата. Всё это ещё более сбило меня с толку, и я совсем уже бессознательно был введён в следующую и затем в третью, тёмную комнату. Здесь меня заперли, и я остался в совершенной темноте. Был уже вечер, но и днём тут было бы не светлее, ибо окошек не существовало.

1904. – 7 декабря, № 97.

Так прошло довольно продолжительное время; сколько именно – не знаю, ибо я не знал, когда был день, когда была ночь. Меня аккуратно и хорошо кормили, но добиться чего-либо от моего сторожа я не мог, так что положение моё оставалось крайне загадочным и странным. Не в состоянии будучи объяснить, понять своё положение, я предался воле Божьей и стал совершенно равнодушен к жизни и всему окружающему.

Время шло. Однажды вместе со сторожем вошла ко мне какая-то женщина. Когда, удивлённый, я немного присмотрелся, то узнал в ней Фериде Бану. Да, это была она. Хорошо известным мне мягким, ласкающим голосом она приветствовала меня и опустила тут же на ковёр. Сторож удалился за двери. Ответив на приветствие, я не знал о чём заговорить, смущённый её неожиданным появлением в моей тюрьме.

– Вы, вероятно, меня не ожидали, – начала она. Но ввиду скорого вашего выхода из нашей страны я пожелаю проститься с Вами.

– Я очень Вам благодарен, Фериде Бану; я никогда не забуду Вашей доброты и внимания ко мне... Но я всё-таки не понимаю, как это я выйду из Вашей страны, заточённый в эту каменную клетку, хотя не желаю сомневаться в Ваших словах...

– Наша страна имеет тайны, которые известны лишь немногим из нас, а потому я не могу объяснить, каким образом вы будете возвращены в Андалузию, но смею уверить Вас, что Вы скоро будете там, и я пришла проститься с Вами.

– Благодарю Вас ещё раз и сожалею, что не буду иметь средств выразить их Вам.

– Я верю Вашей симпатии ко мне и очень жалею, что такой прекрасный человек оставляет нашу страну. Я бы желала удержать Вас здесь... для Вашей же пользы. У нас Вас ждут знания, спокойствие, правда и тихая, мирная жизнь; в Ваших же странах борьба, лишения, страдания и несправедливости неминуемы... Оставайтесь, Мулла Аббас!

Я не знал, что думать, и ещё менее, что ответить этой девушке. Меня просят остаться, точно можно уйти из этой тёмной гробницы. Что за странный народ! Одно из двух: или я помешан, или всё здешнее население совсем иного склада ума, чем прочие люди! Как бы ни было, нужно было ответить, и я сказал, хотя внутренне смеялся своему ответу, что остаться не могу, ибо я должен совершить поклонение Каабе, и что никому не открою секрета их страны.

– Вы, может быть, чем-либо недовольны, сообщите: всё будет исполнено, чтобы удержать Вас от эмиграции. Вас, может быть, тяготит одиночество? Вы могли бы найти среди нас добрую подругу, которая украсит и уладит Ваши дни и соединит Вас сердечно с нашей общиной. При желании Вы можете увидеть и познакомиться со многими нашими девушками, если только задумаете честный союз...

Женитьба в стране Рахата мне в голову не приходила. Неожиданное предложение Фериде Бану, при той тюремной обстановке и поразило, и заинтересовало меня. Что за странный народ, что за удивительные обычаи! Чтобы сказать что-либо на столь любезное и деликатное предложение, я ответил:

– Где же мне, голышу, думать о женитьбе. Ни кола, ни двора... Хотя я малоучёный человек, но всё же понимаю, что необходимы средства для женитьбы и для содержания семьи...

– Раз Вы здоровы и работоспособны, то значит, Вы имеете все необходимые средства, а на случай хронической болезни или инвалидности Вы, как и все другие члены общества, обеспечены общиной и общей казной.

– Я не желал бы даже при болезни и старости жить на чей-либо счёт. Это тяжело.

– О, милый гость, Вы правы, но Вы будете жить не на чужой, а на свой счёт. Когда Вы ближе узнаете бытовое устройство нашей общины, то сами убедитесь в этом.

Я был совершенно сбит с толку и не знал, что сказать, и чтобы не обрывать разговор, спросил: «Как же на свой счёт, когда я ровно ничего не имею, даже подарка для моей проблематичной невесты?»

1904. – 19 декабря, № 98.

– Общество отведёт Вам участок земли с готовой, уже обставленной усадьбой, снабдит нужными орудиями и необходимой суммой того, что у Вас называется деньгой. За это Вы будете платить известную плату в общую казну и два с половиной процента с Вашего ежегодного прихода в кассу взаимопомощи... Таким образом, все блага жизни будут исходить от Вас самих и от Вашего трудолюбия. Вы будете обязаны только себе и в период отдохновения будете пользоваться своими же сбережениями в кассе взаимопомощи...

– Всё это очень интересно. Скажите пожалуйста, Бану, что это за «период отдохновения»?

– В нашей стране люди от рождения до десятилетнего возраста воспитываются, от 10-ти до 18-ти лет учатся, от 18 лет до 45 лет работают и от 45 до конца дней своих освобождаются от всякой работы, посвящая своё время учёным, литературным занятиям, молитве, приличным удовольствиям и отдыху...

– Вы мне сообщаете удивительные вещи! Но только я недостаточно понимаю, откуда берутся на это средства?

– Всё это Вы хорошо поймёте, если останетесь среди нас; это не так мудрено, как Вам кажется. Я вкратце объясню Вам, в чём дело. Вы, кажется, из Ташкента, да?

– Да, – ответил я машинально, поглощённый интересным сюжетом.

– У вас в Ташкенте, а также в Казани, Шемахе и Бахчисарае любой простой рабочий ежедневно зарабатывает столько, что может в этот заработок прокормиться три дня, не так ли?

– Да, получая 60 к[опеек]. в день, рабочий может быть сытым три дня...

– Больше ничего не надо. Теперь Вы поймёте, что на заработок 20-ти дней можно прожить в три раза больше, т.е. 60 дней, и далее, честно проработать 20 лет, можно и должно спокойно, без нужды, прожить 60 лет...

Глубокой тёмной ночью люди ходят ощупью, но лишь начинает чуть рассветать они различают неясные до того предметы...

Нечто подобное произошло в моей голове: я не совсем ещё уяснил себе слышанное от этой девушки, но в голове моей настолько просветлело, что я стал замечать новые истины, не заметные мне до того. Из дальнейших разговоров я узнал вот что: в этой удивительной стране работают все не за страх, а по влечению совести, приравнивая работу к чистой молитве. Из взносов рабочего периода в общую казну составляются средства на воспитание и обучение подрастающих и содержание отработывающих членов общества. Таким образом каждый житель страны воспитывается и учится на общие средства и после 45-тилетнего возраста получает из той же казны всё необходимое для жизни, так как каждый в свой рабочий период в течение 27 лет делает в казну достаточные для того взносы. Благодаря совершенным порядкам, идея взаимопомощи использована тут очень широко и весьма умело. Таковой общественный быт не мешает никому иметь у себя в руках также особый личный достаток. Это ещё более обеспечивает каждому «период отдохновения». Такое благоустройство привело эту общину в такое счастливое состояние, что здешние люди не знают тех забот, недостатков, полуголодной, сиротливой старости с [её] немощами, которые удручают и отравляют существование людей в наших странах. Тут пора учения, пора работы и период отдыха или старости одинаково бодрящи и жизнерадостны. Тут нет детей, оставленных без воспитания и обучения, нет больных и старых, оставленных без призрения, а самое главное – нет жалоб на судьбу и оскорбления Всеобщего Творца, которому мы обыкновенно приписываем все свои несчастья, тогда как на самом деле всё наше горе и несчастье проистекают от нас самих и нашего невежества, неумения устроиться по великим заповедям Его о правде, любви и труде. Я знал в Ташкенте Уста Сальман бабая, старца лет 75-ти. Он был, говорят, прекрасным плотником и работал с 15 до 60 лет, зарабатывая на нынешние деньги до 1 р. 50 коп. в день. После 45 лет честной и правильной работы бедный старик, потеряв способность к труду, должен был просить милостыню у мечети и лепёшки по дворам! Будь какое-либо благоустройство, сбережение – старость его была бы обеспечена. Таких несчастных везде много, и несчастны они только потому, что мы не знаем ещё истинного благоустройства и значения разумного сбережения средств и сил.

1904. – 14 декабря, № 99.

Пояснения учёной мусульманки осветили мои мозги подобно ясному солнцу, озаряющему чёрную землю. Теперь я начал понимать очень-очень многое, и вижу, как много дал нам Аллах и как мы мало ещё умеем пользоваться!

– Всё это прекрасно, но я тут не имею родных и не знаю, кто же подыщет мне подругу, – сказал я Фериде Бану, возвращаясь к теме о женитьбе.

Она слегка усмехнулась и ответила:

– Вы сами, почтенный мутла Аббас, и никто больше... Ведь у нас не ташкентские порядки.

– Каким же это образом? Ведь тут, у вас, нет парижских бульваров для встреч и знакомств, – продолжал я, заинтересованный темой разговора.

– Но зато у нас есть свой обычай.

– Какой?

– Раз Вы заявите желание жениться, то получите от кадия «разрешительный бант». Это откроет Вам двери всех наших красавиц...

– Что это за чудодейственный бант?

– По обычаям нашим, каждая девушка, вступив в 15-ый год жизни, шьёт из розовой шёлковой ленты художественный ручной бант и препровождает его к кадию. Каждый желающий жениться получает один из этих бантов, прикалывает к правой руке и тем самым получает право входа во все дома страны в течение 60-ти дней, причём девы и вдовы могут свободно с ним говорить и пребывать вместе. Это делается для того, чтобы облегчить свободный, сердечный взаимный выбор. Если в течение 60-ти дней выбор не состоится, то разрешительный бант возвращается кадию (иначе он отобрал бы его) и вторично можно получить бант не ранее 6-ти месяцев.

Этот странный обычай расстраивал моё любопытство, и в то же время в голове моей, как молния, блеснула острая мысль – что же они сделали с нашим шариатом!

Что это за удивительный кадий, разрешающий видеть всех девушек и незамужних женщин? Я деликатно высказал моей собеседнице своё недоумение.

– О, Молла Аббас эфенди, мы не менее вас заботимся о шариате, но кажется, понимаем его лучше вас, – ответила она шутливым тоном, видимо, чтобы не оскорбить меня.

– Я Вас не понимаю. Мусульманка должна быть покрыта, закрыта. На это есть прямые указания в законе.

– Знаю, знаю, эфенди. У нас те же книги, что у вас. Даже мне, малоучёной, известен ваш Хидая¹⁰⁰ и сочинения вашего Тафтазани¹⁰¹. Но есть такие сочинения, которые известны нам и до вас ещё не дошли... Тут не богословская аудитория, а потому позволю себе говорить попроще.

100 Фундаментальный труд Бурхануддин аль-Маргинани (1090–1164) – трактат «Хидоя фи шарх ил-Бидоя», больше известный под названием «Хидоя» (Право). Книга состояла из 4 разделов, 57 книг, каждая из которых подразделена на части и главы. На протяжении нескольких веков служила основным пособием в области правоведения.

101 Сад ад-дин Масуд ибн Умар ат-Тафтазани (1322–1390) – арабо-мусульманский философ. Автор сочинений по логике, юриспруденции, поэтике, грамматике, математике, риторике и коранической экзегетике, которые пользовались популярностью в качестве учебных пособий.

Указаны И. Гаспринским в примечаниях как «Среднеазиатские богословские сочинения».

- Буду рад послушать.
- У вас в Ташкенте, наверно, знают, что святой шариат разрешает видеть девушку, с которой предполагаешь сочетаться браком?
- Да, конечно, взглянуть на неё раз дозволено, хотя этим правом не часто пользуются... из приличия.
- Из Ваших слов [я] заключаю, что у Вас, «извините меня, китайский обычай до сих пор сильнее шариата, а затем скажите мне, пожалуйста, как у вас покупают лошадь, корову или верблюда?

1904. – 21 декабря, № 101.

Я ей ответил.

– Вот видите, покупая лошадь, вы расспрашиваете о её происхождении, исследуете здоровье, зубы, знакомитесь с ходом, силой и нравом; покупая корову вы спрашиваете о её молочности и т.д., а решаясь взять себе подругу на всю жизнь, существо, которое должно кормить, воспитывать и учить ваших детей, вести и охранять ваше хозяйство, быть у вашей постели, когда вы будете беспомощно лежать больным, вы обращаете на это менее внимания, чем на приобретение простого животного! Какая книга повелевает вам так опрометчиво поступать?

Я был прижат к каменной стене моей тюрьмы и не нашёлся, что ответить. Она продолжала: «Мужчина должен видеть и знать ту, на которой хочет жениться. Женщина должна знать того, за коего выходит замуж, иначе требуемое шариатом её «согласие» на брак будет фикцией, а не законом. У вас в Ташкенте на всё смотрят китайскими глазами, а мы смотрим своими мусульманскими, а потому видим лучше и прямее. По вашим правилам Вы у нас жены не найдёте; ни одна девушка не пойдёт за Вас, хотя бы Вы предложили её сто тысяч диргемов¹⁰² подарочных...».

– Пусть будет так, Бану. Представьте себе, что, следуя вашим обычаям, я бы избрал себе подругу. Представьте себе, что моя избранница это Вы, что я именно Ваш пленник... что дальше?

Фериде Бану расхохоталась, поблагодарила за внимание и более серьёзно ответила: «Я ли, другая ли более умная и красивая девушка, если бы почувствовала к Вам влечение, без стеснения высказала бы Вам своё согласие и вошла бы с Вами в обсуждение условий брачной жизни.

– А, понимаю. О сумме вознаграждения, о числе подарочных вещей... Это и у нас так, хотя об этом договариваются свахи и родители.

– Я говорю не об этих условиях; есть другие, более важные... Наша девушка скажет вам, как она думает и желает жить, какого отношения она ожидает от вас. Вы сделаете то же самое и в дозволенной шариатом форме

¹⁰² Дирхам или дирхем – первоначально арабская серебряная монета, введенная в обращение в конце VII в. Название представляет собой арабизированное греческое слово «драхма».

условитесь о взаимных обязанностях. При нашем условном браке не возможны те безобразия, которые творятся у вас и, что хуже всего, под покровом якобы шариата.

– Всё это для меня не совсем ясно; я человек другой цивилизации. Но, допустим, условились и поженились: дальше какие отношения?

– Вполне естественные.

– Значит, если я разлюблю, раздумаю, могу дать ей развод?

– О, конечно, это ваше право, но вы должны будете дать ей развод, если и она вас не пожелает.

– Ну, извините, это уже совсем не шариат; женщина таких прав не имеет, – заявил я решительно и торжествующе.

– Да, но достаточно того, что мужчина может дать развод, т.е. шариат допускает разрыв брачного союза. Дело вот в чём.

1904. – 24 декабря, № 102.

Не поняв её ответа, я заметил:

– Но мужчина может отказать в выдаче разводной.

– У нас не было ещё такого примера!

– Как так? Что же это значит?

– А это значит вот что: нет никакой пользы насильно удерживать в доме наёмную прислугу, даже раба; тем менее смысла удерживать вольную женщину, раз она не желает с вами жить... Развод, конечно, не даётся сгоряча; но, если попытки примирения остаются без результата, то наши мужья сообщают о том кадию и супруги расходятся без вражды, как подобает добрым мусульманам.

– В таком случае, у вас, вероятно, браки очень непрочны, – выразил я догадку.

– Напротив, разводы очень редки и жизнь течёт счастливо.

– Это почему же?

– А потому, что союз заключается вначале по любви и действительному согласию; личные интересы брачующихся охраняются обоюдно выработанным договором, и брачный союз поддерживается не силой, а доброй волей и взаимным уважением. Наш брак – союз вольного с вольной и не может быть превращён в союз рабского характера. Это было бы противно духу шариата и высшей справедливости.

Хотя девушка заговорила очень убедительно, но я всё-таки не мог одобрить её положений; всё это казалось мне не ладящим с шариатом. Станные мусульмане, странные мысли и воззрения! Продолжив ещё немного разговор, я спросил её: многожёнство, вероятно, запрещено по вашему шариату?

Она, немедленно встав, грустно ответила: «Наш шариат тоже, что и ваш. Многожёнство разрешено, а потому не может быть отменено ни нами, ни

вами, но это разрешение глубоко условное. В ваших краях забыли про условия, а помнят лишь про дозволение; у нас же наоборот. Другой разницы нет. Выходя замуж, каждая наша женщина ставит условие[м] брака единобрачие. Она по шариату имеет право ставить такое условие. Если же вы ваших женщин держите в неведении прав, данных им Аллахом, то грех на вашей душе, а наш шариат, как вы выразились, тут не причём. Желаю вам доброго пути и беру назад совет оставаться в нашей стране: тут трудно будет вам ужиться; вы ещё очень молоды. Прощайте.

Я понял, что девушка глубоко оскорбилась моим неуместным сарказмом относительно шариата их страны и скрылась за дверью раньше, чем я успел извиниться.

Очевидно, она признала меня ненавязчиво отсталым и тупым, чем и объясняется грустный тон её последних слов. Она, очевидно, соболезновала моему непониманию. Мне стало жаль и себя, и её. Она была такая добрая.

1904. – 28 декабря, № 103.

Едва она удалилась, как вошёл шейх Джелял и, обняв меня, простился. Не зная, что будет дальше, я чуть не сходил с ума.

Приход сторожа, принесшего мне обедать или ужинать, несколько помог мне собрать мысли. Я покушал сколько мог и вскоре почувствовал сильное клонение ко сну. Едва сторож, убрав посуду, вышел и запер двери, я погрузился в сон, не успев даже омыть руки после принятия пищи.

Открыв глаза, я увидел себя в светлой, обширной комнате; около меня сидела довольно пожилая френгская женщина.

– Где я нахожусь? – спросил я её по-арабски.

– Не беспокойтесь, лежите смирно, мой сын, всё благополучно, – ответила она по-французски.

– Ради Бога, скажите, где я и что со мной? Иначе я с ума сойду... О, Боже, что всё это значит!

– Успокойтесь, мой сын, вы в Гренаде, в странноприимном доме св. Августина.

– Давно ли я здесь?

– Сегодня шестой день.

– А раньше где я был?

– Не знаю, мой сын.

– Какое сегодня число?

– 28 августа.

Я начал соображать. 22 августа я попал в этот дом, а когда меня заперли в тюрьму Рахата, было 2-ое число мусульманского месяца, т.е. 9 августа. Значит, остаётся ещё 13 дней... Вспомнив, что когда я жил во дворце Альгамбры, была половина июля, я понял, что моё удивительное путешествие в страну Рахата продолжалось около сорока дней.

Собеседница моя, по-видимому, удивлённая моими вопросами, позволила. Вошёл какой-то мужчина. Оказалось, что это был доктор. Подойдя ко мне, он ласково обратился:

– Как вы себя чувствуете, господин?

– Хорошо, – ответил я коротко, более занятый своими мыслями, чем присутствием этих людей.

– Не болит ли у Вас что-либо?

– Нет, господин.

– Но Вы, вероятно, чувствуете себя очень слабым?

– Да, мне было бы трудно сегодня встать...

Пошупав мой пульс, осмотрев язык и глаза, доктор задумался и затем пожал плечами, выражая удивление.

– Будьте спокойны; через несколько дней Вы будете достаточно крепки, чтобы встать. Состояние Ваше ничего опасного не представляет, – сообщил он мне.

Признаться, меня мало интересовали сообщения доктора; голова моя была полна соображениями обо всём происшедшем, столь удивительном и таинственном.

– Скажите, пожалуйста, как я попал сюда, откуда и зачем взяли меня? – спросил я в свою очередь.

– Вас нашли в беспамятстве в горах и доставили сюда для излечения. Это, слава Богу, достигнуто.

– Чем же я был болен?

– Это довольно трудно объяснить; я пока не решаюсь определить... Случай, трудно подходящий под известные определения медицины и психиатрии...

Я понял, что доктор, действительно, не знает, как определить моё состояние. В том же положении был я сам. Но я догадывался, что был усыплен каким-то неведомым нам зельем в стране Рахата и тайно доставлен наружу гор...

– Будьте любезны сообщить нам, кто Вы и давно ли Вы в нашей стране...? Судя по клочкам одежды, которая была на Вас, Вы, должно быть, чужестранец...

– Да, я мусульманин из Ташкента, зовут меня Аббасом. Прибыл я в Гренаду в начале июля.

1905. – 4 января, № 1.

– Отлично. Где Вы провели всё это время, где остановились, расскажите по возможности подробней.

– Я остановился в Мадридской гостинице. Мои вещи должны быть там. Деньги мои по переводу из Парижа должны находиться в конторе Маруса. Первые дни по приезде я провёл в городе, а затем принялся за осмотр Альгамбры и её древностей, мне было разрешено жить там некоторое время у сторожей. Целую неделю я провёл в Альгамбре...

– Отлично; но после что Вы делали, где жили, с кем вели знакомства?

Этот вопрос заставил меня крепко задуматься. Рассказать доктору о моём пребывании в таинственной стране Рахата я не хотел. Зачем открывать тайну людей, которые столько веков охраняют её? Поэтому я ответил доктору, что не желаю отвечать на этот вопрос.

– Ваша воля, – заметил он, – но для Вашей же пользы было бы желательно, чтобы Вы были вполне откровенны.

– Дней сорок я провёл в таинственной стране, которую по некоторым причинам указать не желаю...

Доктор едва заметно усмехнулся. Заметив насмешку, я почти взбесился и строго проговорил: «Прошу верить или прекратить ваши вопросы».

Через несколько дней я настолько поправился, что мог встать с постели и получил позволение доктора читать газеты.

Доктор навещал меня два раза в день и подолгу беседовал со мной о различных предметах. Он часто наводил разговор на мою болезнь, а по-моему, на моё приключение, и, видимо, старался убедить меня, что дней сорок я находился в болезненном состоянии, хотя он сознавался, что не может определить точно моё страдание, весьма загадочное по характеру и сопровождавшим его обстоятельствам. Слушая его, я сам отчасти склонялся к его мнению, но вспоминая всё рассказанное в предыдущих письмах, я подавлял в себе всякое сомнение... Допустим, что я был болен, что страна Дар Эль Рахата – плод больной мысли, но как объяснить, что неизвестно где я находился в течение сорока дней, как я не умер с голоду за это время? Не будь я в описанной мной чудесной стране, в Испании, в окрестностях Гренады я не мог провести более месяца никем не поднятый, никем не замеченный... Как только люди Рахата решили выпустить меня из своей страны, я был найден в горах, близ города. Очевидно, что, если бы я был тут, меня нашли бы гораздо раньше и, видя болезненное состояние, доставили бы в больницу. Наконец, доктор затрудняется определить мою болезнь. Это опять доказывает, что болезнь моя искусственна, следствие какого-либо снадобья, данного мне мусульманами Рахата для усыпления, чтобы вынести из своей страны незаметно для меня и сбить с толку испанцев, в руки коих и должен был попасть в беспомощном и довольно глупом положении.

Недаром, как, вероятно, помнят читатели, кадий отобрал от меня все вещи и вещицы, кои могли служить указанием на таинственную общину и страну.

Мусульмане Рахата, не запретив мне говорить о своей стране, очевидно, знали и предвидели, что рассказам моим френги не поверят и, следовательно, зла им не произойдёт. Чудный народ! Действительно, рассказы мои о мусульманах Рахата могли возбудить лишь улыбки френгов и подозрения в моём здоровье...

Однако это досадно; да и самому мне не совсем всё ясно. Впрочем, я признаю, что удивительное путешествие моё совершилось фактически.

АФРИКАНСКИЕ ПИСЬМА¹

1889. – 12 октября, № 35.

Я обещал читателям «Переводчика» дать мои «Африканские письма». Из предыдущих моих «Французских писем» они видели, что голова бедного ташкентца исписана пером судьбы самым мелким письмом. Да, удивительные приключения пережила моя бедная голова, и, видимо, далеко ещё не пришёл конец им. До сих пор я был в стране френгов, где личность и свобода строго охраняются, удобств и удовольствий множество. Теперь судьба тянет меня в опасные и негостеприимные страны Африки, и я заранее могу сказать, что там меня ждут ещё более интересные приключения. Я думал оставить опасное путешествие в знойную Африку, ум мой восставал против этой затеи, но судьба неотвратима и делала своё, снисходительно выдвигая свои доводы... Да, доводы, ибо иначе нельзя назвать те соображения и чувства, которые, копаюсь во мне, в конце концов увлекли меня в знойные страны Африки. А случилось это вот как...

Отдохнув несколько дней в Париже и поуспокоившись от впечатлений, вынесенных из Страны Спокойствия² (*), я посетил прекрасную Маргариту – моё второе по числу, но первое серьёзное увлечение в Париже. Длинным путешествием рассеяв своё горе по случаю потери родителя, она вернулась в Париж и взялась за дела торгового дома. Она известила всех людей, имевших дела с её отцом, что заступила его место и будет продолжать его коммерцию. Благодаря усвоенному от меня персидскому языку, она лично написала письма в Бомбей, Багдад и Тавриз³ мусульманским купцам, извещая о постигшем её горе и выражая желание продолжать коммерцию отца.

1 Приключенческая повесть И. Гаспринского, опубликованная под псевдонимом Молла Аббас Франсови на страницах газеты «Терджиман» в 1889 г. Является продолжением «Французских писем». В 2003 г. транслитерирована на латиницу Байрам Ораком как «Sudan mektupleri» (İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. – S. 275–301).

2 «Дар-ур Рахат мусульманлары» [Таинственная страна / Мусульмане страны Благоденствия], часть произведения «Французские письма». Опубликовано в газете «Терджиман» в 1903–1904 гг. под названием «Таинственная страна» и отдельной брошюрой «Дар-ур Рахат мусульманлары» в 1906 г.

3 Тебриз – город у озера Урмия в Иране, административный центр иранской провинции Восточный Азербайджан.

Вот, я думаю, удивились наши купцы, когда получили торговый циркуляр французской девушки! Да, в жизни и обычаях Востока и Запада много несходного.

Тогда как у нас женщины не только не ведут никакой коммерции, но даже не знают, как ведут её отцы и мужья, здесь немало женщин, которые в компании с мужчинами или самостоятельно ведут обширные дела. Впрочем, история передаёт нам, что в древности и на Востоке были женщины, занимавшиеся торговлей. Надо отдать полную справедливость френгской женщине, что по части знаний и деятельности она совсем не похожа на восточных товарок. Особенно нравится мне их умение ухаживать за детьми, воспитывать; многие даже понимают медицину, насколько то нужно для дома и ежедневного обихода, френгской женщине не достаёт скромности и нравственности восточной; при этом условии она была бы близка к совершенству.

Маргарита приняла меня очень ласково; хотя о недавнем прошлом не было и намёков, но ясно было видно что она питала ко мне искреннюю дружбу и доверие. Она оставила меня обедать и обещала угостить татарским жирным пилавом. Я рассказал ей, конечно, мои впечатления об Испании, но умолчал о таинственной стране мусульман, не желая поднимать расспросы и споры по этому удивительному случаю. Я не теряю надежды встретить в Париже шейх[а] Джелила и вполне установить реальность той чудной, скрытой страны.

После обеда, сидя за чашкой кофе, я разговорился с Маргаритой о торговле с Востоком.

Она сообщила мне, что торговля Франции со всеми странами идёт успешно, но англичане, захватив нахальнейшим образом Египет, подорвали там коммерцию и обаяние Франции, даже она лично терпела от этого убытков. Надо сказать вам, что, правда, не все деловые френгские женщины знают и понимают политические отношения государств и народов и часто принимают участие в ходе событий, хотя не так заметно, как мужчин[ы].

Маргарита отлично понимала все дела и события нашего времени и бойко судила обо всём. «Боже мой, — думалось мне, когда я слушал её сообщения и соображения, — чтобы я был за мужчина и ученый мусульманин, если бы продолжал жить в Ташкенте и кушать пилав!» Эта девушка, не пройдя курс нашей религиозной науки, не знала, конечно, как я, ни правил намаза, ни тонкостей обязательных омовений, но зато во всех прочих знаниях она и теперь стояла выше меня и говорила такие вещи, которые мне и на ум не приходили, хотя я тоже немного поучился у френгов и, живя среди них другой год, надел очки френгской дальновзоркости. Мне думалось: «Будь я афганским ханом, а она мусульманкой, знающей шариат, то я взял бы её...» Вы думаете в гарем в наложницы? Нет, взял бы её в свои визири, ибо она и политику, и торговлю, и дело управления народом, и причины упадка, и подъёма их понимала много больше, чем все бородатые визири Абдурах-

ман-хана⁴, которые в трудных случаях управления или смотрят в колодез, или обращаются [к] ворожее.

Эта фантазия, что я – афганский хан, а она – мой визирь⁵, вызывает у меня невольную улыбку. Заметив это, Маргарита спросила, чему я смеюсь?

1889. – 20 октября, № 36.

– Сейчас мне пришло в голову, что если бы я был афганским ханом, то...

– Взяли бы меня в свой гарем? – шутливо перебила она.

– Нет, я думал пригласить Вас в первые визири Афганистана, – отвечал я.

– И, конечно, дать мне двенадцать хорошеньких мальчиков в пажи, – засмеялась она и потом, что-то сообразив, серьёзно спросила, что это мне пришло в голову Афганское ханство? Я объяснил ей, что очарован её знанием жизни народов и сопоставил её с невежественными, длиннорылыми визирями глубокой Азии.

– Так вы сочувствуете бедным афганцам, служащим слепым орудием в руках англичан? Вы, вероятно, жалеете и Египет, столь незаконно захваченный ими? – спросила Маргарита.

– Да, за англичанами в Египте нет ни права завоевания, ни права религиозного, ни права родства. Их бытие в этой стране покоится лишь на захвате, этому сочувствовать никак нельзя...

– Я тоже не признаю прав англичан на Египет, хотя, конечно, об этом они и не хлопчут. Я, как француженка, готова бы сделать всё, что могу, чтобы способствовать изгнанию их оттуда, ибо заняв Египет, они подорвали важные интересы Франции в районе всего Средиземного моря.

– Да, но что же делать; остаётся сожалеть и скорбеть, – отвечал я.

– Так ли? Ну, господин Молла Аббас, если бы я была афганской ханшей, не взяла бы Вас в свои визири, ибо, кажется, Вы не знаете того, что каждый человек может кое-что сделать, а не ограничиваться лишь бесполезными сожалениями, – возразила Маргарита полушутя, полусерьёзно.

– Я не совсем понимаю Вас, – отвечал я, удивлённый речью моей собеседницы.

– Если мы, т. е. Вы и я, находим англичан неправыми, то должны сколь можем способствовать изгнанию их из Египта; мне это будет приятно, как француженке, а Вам как мусульманину.

– Да, но что же мы можем сделать в этом случае? – недоумевал я, слушая эту интересную и столь же прекрасную девушку.

– Очень многое.

– Я Вас совсем не понимаю, извините меня... Кто я, и что такое великое государство и сила англичан!

– Тут дело не в силе; сила часто бывает слабее идеи, может явиться ве-

4 Абдурахман-хан (1844–1901) – эмир Афганистана с 1880.

5 Титул министра или высшего сановника в странах мусульманского Востока.

ликая идея, перед которой померкнет свет английского золота и замолчат её стальные корабли...

– Теперь я Вас ещё больше не понимаю, – отвечал я, сомневаясь в серьёзности беседы.

– Я сейчас объяснюсь, – отвечала Маргарита, – скажите мне откровенно только одно: если бы нашлось несколько человек, желающих и могущих изгнать англичан из Египта, то Вы помогли бы им или нет?

– Конечно помог бы, но что же я могу сделать?

– Будьте терпеливы... Дайте мне честное слово мусульманина никому из посторонних не сообщать ничего из того, что от меня сейчас узнаете.

– Даю.

1889. – 29 октября, № 37.

Немного подумав, Маргарита начала:

– Вам известно, что после войны 1870 года Германия стала врагом Франции. Чтобы изолировать нас, Германия, или вернее, её умный визирь Бисмарк⁶, мутит весь мир и до сих довольно удачно...

Чтобы занять Россию, он мутит Балканский полуостров и толкает туда Австрию; чтобы поссорить Англию и Францию, он толкнул первую в Египет и тем отдалил от Франции; советуя Италии занять Триполи, он мешает сближению её с Францией и, таким образом ставя в недружелюбные отношения главные силы Европы, спокойно укрепляет за Германией плоды войны 1870 года⁷. Итак, Англия, ободряемая Германией, под предлогом усмирения Араби Паши⁸, возмущившегося против Хедива⁹ за чрезвычайную уступчивость англичанам, заняла прекрасную, богатую страну Нила. Хотя другие державы не одобряют этого, но, занятые своими делами и искусно разъединённые политикой Бисмарка, не находят возможным серьёзно настаивать на очищении Египта. Турция ввиду общего положения Европы тоже не желает обострять вопрос, тем более, что англичане обещают султану и державам уйти из Египта, как только страна будет успокоена. Однако население Судана, чувствуя, что англичане не любят уходить из за-

6 Отто фон Бисмарк (1815 – 1898) – первый канцлер Германской империи.

7 Франко-прусская война 1870–1871 годов – военный конфликт между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с добивавшейся европейской гегемонии Пруссией. Война, спровоцированная прусским канцлером О. Бисмарком и формально начатая Наполеоном III, закончилась поражением и крахом Франции, в результате чего Пруссия сумела преобразовать Северогерманский союз в единую Германскую империю.

8 Ахмед Араби-паша (Ораби-паша) (1842–1911) – государственный и военный деятель Египта, руководитель антибританского национально-освободительного движения в Египте в 1879–1882 гг.

9 Хедива, хеди́ф – титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Турции (1867–1914).

нимаемых ими земель недовольное египетским правительством за поборы англичанам, восстало против Египта и чужеземцев. Они уже разбили на голову египетские войска, бывшие в Судане под начальством английского паши. Восстанием руководил шейх Мухаммед Ахмед¹⁰, которого многие тамошние мусульмане считают межди¹¹. Шейх объявил народную войну против Египта и иностранцев, завладевших ими. Известно, что число суданцев достаточно; они сильно воодушевлены и бьются храбро, но им не достаёт военных знаний и искусства. Им будет трудно при всей их храбрости бороться против Египта и англичан, вооружённых новейшим оружием и руководимых искусными людьми. Оказать помощь суданцам, т. е. дать им искусных людей, умеющих строить крепости, подготавливать войско для войны, делать порох и оружие – значит почти изгнать англичан из Египта, ибо тогда, несомненно, суданцы будут иметь успех и заставят англичан сесть на корабли! В этом я не сомневаюсь...

– Я всё же не понимаю, причём же тут я, – заметил я в ответ на длинное вступление Маргариты.

– А вот при чём: организуется небольшое товарищество из искусных людей, готовых идти на помощь шейху Магомеду Ахмеду; вы можете быть в числе их, даже во главе, как мусульманин, ведущий партию в мусульманскую страну... Согласны ли Вы, Молла Аббас, принять участие в этой экспедиции в Судан?

1889. – 12 ноября, № 39.

Я не знал, что отвечать. Но сообразив, что если французы из вражды к Англии собираются идти на помощь суданцам, то мне как мусульманину не подобало отказать. Но, однако, таковая экспедиция вовсе не входила в мои первоначальные предположения... Я покинул родной Ташкент, чтобы посетить Стамбул и далее священные места Аравии. Аллаху угодно было повернуть мою голову на запад, и я очутился в стране френгов. Теперь, думая стать на прямой путь, чтобы идти в священные земли, наталкиваюсь на интересную экспедицию в Судан, в страну далёкую-далёкую и неведомую... Странно, но неспроста это... Это опять игра роковой судьбы и предначертаний, коими, вероятно, исписана вся моя бедная голова. Премудр Аллах, но боюсь не слишком ли всё это для бедного ташкентца? Мысли эти быстро пробежали в моих мозгах, и под влиянием вопросительного взгляда прекрасной французской патриотки, я отвечал, что готов присоединиться к благородной и смелой экспедиции.

10 Мухаммад Ахмад ибн ас-Саййид ибн Абдуллах (1844–1885) – руководитель освободительного движения в Судане, основатель суданского Махдистского государства.

11 В исламской эсхатологии человек, который придёт для укрепления и обновления веры мусульман в дни, предшествующие наступлению Судного дня, последний преемник пророка Мухаммеда.

Маргарита с благодарностью пожала мою руку и просила быть у неё через три дня вечером для знакомства с товарищами по предстоящей экспедиции и обсуждения подробностей дела.

Возвратившись к себе в гостиницу, я не знал, что и думать о новом положении, в которое ставила меня предстоящая экспедиция. Право, кажется, было бы лучше, если бы я сидел спокойно в Ташкенте и молился святым издали, а то, извольте видеть, приключения за приключением и конца им не видно! Прочь смущение: на всё воля Аллаха; я должен был выехать и выехал. Жив, здоров, много видел – чего же больше? Что будет дальше – увидим. Итак, Молла Аббас Туркестани едет в Африку на помощь суданцам вместе с французами! Вероятно, ничего подобного и во сне не снилось моим покойным родителям...

Мекка – центр мира, все пути сходятся там. Побываю в Судане и через страну Хабеш (Абиссиния) проберусь в Геджас¹² к конечной цели, поставленной себе ещё в Ташкенте.

Чтобы ускорить течение дней, я решил повидать кое-кого из моих знакомых, для чего надлежало сделать им «визиты» возврата из путешествия. Я так и сделал. Нарядившись в лучшее платье и взяв извозчика, я в течение одного часа посетил восемь знакомых домов. Не удивляйтесь этому! У френгов свои обычаи и, признаться, довольно странные. Так, подкатишь к дому знакомого, позвонишь – войдёшь, поклонись – сядешь, улыбнёшься – поговоришь, поклонись – выйдешь и спешишь к другому. Это называется «визит», а по-нашему, просто бестолковая беготня из дома в дом без достур-хана, без кофе, чаю и вообще какого бы то ни было угощения!

Визиты – весьма серьёзная, важная сторона жизни френгов. Для визитов установлены и время, и масса правил, и особая одежда. Не дай Бог, явиться не вовремя или не в визитной паре! Скорее китаец простит нарушения десяти церемоний, чем европеец одну эту! Я положительно удивляюсь людской натуре: как это столь серьёзные и деловые люди находят значение и нужду в этой китайщине? Ещё меня чрезвычайно забавляла рабская любовь и подчинённость френгов обычаю ежемесячно менять цвет и фасон одежды. Это зовётся у них модой. Чтобы не прослыть невеждой, не знающим приличий, тут необходимо ежемесячно мужчинам и женщинам изменять свои костюмы! Зато у них тьматмущая портных и портних.

Правда, много хорошего у френгов, но кое-что у них пересолено. У нас в Туркестане один халат носят три-четыре года, пока не износится совсем. А если холодно, сверх старого надевают ещё один новый, такой же зелёный или полосатый, как первый. И ничего: учёный остаётся учёным, торговец – торговцем, несмотря, что годы не меняет своего халата. У френгов, как сказано, иначе: им каждый месяц подавай что-либо новое, хоть перекройку старого, хоть новость, лишь по названию, абы этикет и церемония нашли своё применение.

¹² Хиджас – территория на западе Аравийского полуострова, часть Саудовской Аравии. Историческое место возникновения ислама, где находятся священные города мусульман Мекка и Медина.

На третий день вечером, согласно обещанию, я отправился к Маргарите. Лакей провёл меня через залы в кабинет любезной хозяйки. Тут я застал трёх незнакомых мне молодых французов, которым Маргарита меня представила так: «Бравый туранец, Молла Аббас, доктор богословия, мой уважаемый приятель и товарищ ваш по предстоящей экспедиции».

Французы поклонились. Обращаясь ко мне и указывая на гостей, она продолжала: «Мусье Мартен, капитан артиллерии; мусье Марк, инженер; мусье Жак, доктор медицины – мои друзья; прошу быть знакомыми». Я отвечал, что рад и подал всем руку.

Приказав лакею никого не принимать, Маргарита пригласила нас к круглому столу для обсуждения плана и снаряжения африканской экспедиции. Разложив книги по географии и этнографии Африки, мы приступили к обмену мнениями. Оказалось, что мои собеседники мусье Мартен, Марк и Жак люди не старше тридцати пяти лет, усвоившие все знания и хитрости, существующие у френгов, согласились идти к Мехди в Судан, чтобы служить ему против англичан. Для успеха дела надо было решить: 1) какой путь избрать для экспедиции, чтобы не попасть в руки англичан или африканских разбойников; 2) какие меры принять, чтобы не заблудиться в пустынях и не погибнуть от голода и жажды; 3) сколько людей и какое оружие и вещи взять с собой и 4) как быть, чтобы суданцы не посмотрели на экспедицию как на лазутчиков и оказали необходимое доверие. Вопросы эти обсуждались нами до глубокой ночи, причём Маргарита, внимательно слушая, часто помогала нам своими умными соображениями.

В это собрание было единогласно решено выступить в путь через две недели, следуя через Алжир и Сахару в Борну¹³. Из Алжира взять с собой 4-х слуг арабов, повара и присоединиться к какому-либо каравану. Вооружение каждого из нас должно состоять из сабли, ножа, двух револьверов и винтовки. Доктор должен составить летучую аптечку разных лекарств и иметь все хирургические инструменты. Все должны быть одеты по-мусульмански, принять мусульманские имена и изучить, сколь возможно, правила молитв и омовений, дабы выдавать себя за мусульман. Что касается племени, то придётся назваться черкесами... Я был назначен шейхом¹⁴, а французы обязались играть роли дервишей мюридов. Для надобностей путешествия положено было заготовить лёгкие складные палатки, одну складную парусиновую лодку, оружие и мелочи для подарков и сотню Коранов стамбульской печати. Из Борну или другого места, как укажут обстоятельства, к шейху Мухаммеду Ахмеду будет послан особый посланец с предложением услуг.

¹³ Борну (Борно) — средневековое государство в Сахарской зоне Сахель, в Африке, на стыке современных территорий Нигерии, Нигера и Чада. С 1976 г. название Борно носит один из северных федеральных штатов Нигерии.

¹⁴ Здесь в значении «духовный наставник, глава суфийского братства».

Я с утра должен был приступить к обучению товарищей французов правилам ислама, а они – к заготовлению необходимых вещей. Средства экспедиции составляли 115 000 франков золотом и ассигновок разных учёных обществ для учёных исследований в Африке и 20 000, пожертвованных Маргаритой, бывшей душой всего дела.

Не буду утомлять ваше внимание описанием подробностей приготовления. Скажу, что через две недели мы были совершенно готовы, и французские газеты, не зная истинного положения дела, сообщали, что несколько молодых учёных отправляются в Алжир для исследований по астрономии и геологии.

Отправив багаж в Марсель за день до выезда, мы собрались в последний день у Маргариты, где пообедали и провели весь вечер до времени отхода поезда. Тут с одобрения её мусье Мартен принял имя Али Узден, Марк назвался Ногай Тимуром, а Жак как доктор принял имя Локмана. Каждый из нас по своему попросил помощи у Бога, и, простившись с удивительной девушкой быть может, навсегда, мы тронулись в путь, невесёлые, но бодрые и сильные духом. Маргарита проводила нас до вокзала, и экспедиция началась.

1889. – 10 декабря, № 43.

На другой день в полдень мы были в Марселе. Город этот расположен у Средиземного моря и служит главным портом Франции по азиатской и африканской торговле. Поэтому здесь часто встречаются представители всех восточных народов, [такие] как арабы, турки, греки, сирийцы, египтяне, негры и жители Индии. Хотя после Парижа Марсель не поражает ни красотой, ни размером, но всё же это очень большой город с сотнями тысяч населения и громадными зданиями и складами.

Отсюда вечером этого же дня мы отправились в Алжир на громадном пароходе французской компании. Путь наш лежал через море, прямо на юг. Без особенных приключений через два дня мы прибыли в Алжир. Всю дорогу погода, на моё счастье, стояла хорошая, так что морская болезнь меня вовсе не мучила, хотя я очень побаивался этого, отправляясь в первый раз морским путем. Подходя к Алжиру, я уже чувствовал мусульманскую землю: минареты мечетей, выступавшие из массы построек, ещё издали давали знать, что в городе немало мусульман. Впечатление чего-то близкого, родного тотчас охватило меня, когда я вступил на африканскую почву, помянув имя Аллаха! Масса арабов, толпившихся у пристани, какой-то дервиш, распевавший тут же молитвы, живо напоминали мне далёкий Ташкент, и всё это было тем приятнее, что пребывание среди френгов и чуждой обстановки прекратилось как-то сразу, тотчас по оставлению французского парохода. Все мы, т. е. я и трое французов, моих спутников, остановились в ближайшей гостинице и порешили немедленно приступить к дополнитель-

ным приготовлениям нашей экспедиции в центральные страны Африки. Было решено представить меня здешнему главному мудеррису¹⁵, кадию¹⁶ и важным купцам – мусульманам, имеющим дела и знакомства со странами Африки. Я должен был собрать от них кое-какие сведения и взять рекомендательные письма к разным арабским шейхам и эмирам¹⁷, кои жили по дороге в страну Борну. Имея от здешних улемов¹⁸ и купцов рекомендательные письма, я гарантировал себя от подозрений со стороны мусульман внутренней Африки, а раз личность моя будет пользоваться доверием, сопровождающие мне в качестве мюридов или моих слуг французы будут также обеспечены от неприязни.

Для исполнения этого плана доктор Жак взялся переговорить с губернатором Алжира, который как дорогого гостя познакомит меня с важными местными мусульманами. Обсудив это дело и предоставив хлопоты доктору, я отправился осматривать город, а остальные двое товарищей обещались заняться необходимыми покупками и приготовлениями.

Выйдя на базар в чисто ташкентском одеянии с белой чалмой и в зелёном эдресовом халате¹⁹, я привлёк общее внимание арабов. Они поняли, что я мусульманин далёкой, неведомой им страны. Первым делом я зашёл в мечеть, чтобы совершить два рекята²⁰ благодарственной молитвы Аллаху за благополучие и прекрасное здоровье. Тут некоторые старики-арабы подошли ко мне и, сказав селям, учтиво осведомились, кто и откуда я. Я сообщил им, что я дагестанец, но они не знали о существовании этой страны. Некоторые подумали, что я османлы, и сообщили, что в городе есть двое стамбульцев. Пришлось добавить, что я не османлы, но житель особой горной страны. Тут арабы поняли, кто я, ибо многие из них повторяли слово Дагестан, как бы желая усвоить его.

1889. – 17 декабря, № 44.

Не буду описывать вам алжирские базары – они обширны, богаты, но в общем напоминают наши азиатские базары с узкими переулками, небольшими лавочками, хотя арабские постройки солиднее и красивее наших.

Алжир, имеющий до трёх миллионов арабского населения, лет пятьдесят тому назад завоёван французами. Прежде это было почти независимое арабское владение с беєм, признававшим главенство турецкого султана. Главный город страны и сама страна носят общее название. Здешние ара-

15 Преподаватель, руководитель медресе, учитель мусульманского права, основанного на Коране.

16 Гражданский судья в мусульманских странах.

17 Титул правителя в некоторых мусульманских странах Востока и Африки.

18 Собираательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама.

19 Халат, надеваемый поверх одежды, распространённый в странах Средней Азии.

20 Порядок слов и действий, составляющих мусульманскую молитву.

бы в городах занимаются торговлей и ремёслами, часть сельских жителей заняты земледелием, но большинство ведёт кочевую жизнь наподобие наших киргизов. Как и в других мусульманских странах, здесь много медресе, но для совершенствования в науках, многие уходят учиться в Каир и Фес²¹, в Марокко. Многие алжирские мусульмане уже отлично говорят по-французски и начинают учиться в их школах, чтобы приобрести френгские знания и искусство.

Возвратившись в гостиницу, я застал доктора Жака, который сообщил мне, что на следующий день я должен быть у губернатора, который представит меня местному кадию. На следующий день в туркестанском облачении, подпоясанный кавказским кушаком с кинжалом, явился я к губернатору, у которого в кабинете застал алжирского кадия Салах-Эддин Шейха. Обменявшись со мной несколькими любезностями, губернатор представил меня г[осподину] кадию в следующих выражениях: «Позвольте представить Вам редкого гостя в нашей стране шейх[а] Аббаса Дагестанского. Это любитель наук, путешествий и представитель бравого, воинственного Дагестана...»

...Я понял, что доктор Жак говорил обо мне губернатору как о черкесе. Поклонившись кадию, я сказал ему по-арабски, что очень рад видеть правосудную его особу, улему благословенной арабской страны. Усадив нас, губернатор угощал кофе и расспрашивал о Кавказе и Дагестане. Кадий настолько понимал по-французски, что мы свободно вели беседу на языке губернатора.

Приняв на себя роль черкеса, я развязно сообщил моим собеседникам кое-что о природе и климате Дагестана (об этом я знал из французских книг), рассказал о военной доблести горцев, о шейхе Шамиле, мюридизме, так что г[осподин] кадий был чрезвычайно заинтересован, и когда мы вышли от губернатора, попросил провести у него вечер. Обещав прислать за мной, кадий поехал к себе, я же вернулся в гостиницу. Таким образом, на базаре и у губернатора я объявился дагестанцем, черкесом. На это были следующие причины: мои спутники, кроме французского языка, другого не знали, а потому выдавать себя за араба, турка или персианина не могли. В странах Африки мы рисковали встретить лиц, кои могли уличить их, между тем как черкеса, дагестанца едва ли придётся нам встретить. Поэтому я – их старшина и вожатый – назвался дагестанцем. Без этой уловки в странах Судана, узнав истинное происхождение моих спутников, легко могли перерезать их, несмотря на их добрые намерения. Итак, отныне я – Аббас Дагестани, а трое французов – мои мюриды – черкесы, не понимающие ни слова по-турецки и по-персидски; они говорят только своим особым языком, немного по-французски и чуть-чуть по-арабски.

21 Фес – старейший из четырёх имперских городов Марокко, крупнейший на севере Африки центр исламской культуры и образования.

У кадия я застал довольно большое собрание гостей, приятелей его, собравшихся познакомиться со мной, – «дагестанским шейхом». Это были важнейшие местные учёные и самые именитые купцы Алжира. В числе гостей кадия был также один негрский улема из центральной Африки, выдававшийся своим чёрным, как уголь, лицом даже среди далеко не белых арабов. Его толстые губы, белые, как жемчуг, зубы и блестящие глаза с краснотою по краям придавали его физиономии особенную резкость и с непривычки казались очень и очень некрасивыми.

После кофе и ужина, состоящего из множества блюд, когда собрание и я немного освоились и окончили взаимные любезности, завязался оживлённый разговор. Арабы наперерыв расспрашивали о Кавказе и войнах горцев с русскими. Я сообщил им, что знал о Гази Магоме²² и Шейхе Шамиле. Как бы в ответ местный мудеррис рассказал мне о войнах арабов с французами и славном вожде их Шейхе Абдуль Кадоре²³. Но когда я рассказал о дагестанских мюридах, их правилах и о том, как пять-десять мюридов бросались на роту и батальон, не имея права отступать согласно своему обету и уставу, то арабы были очень удивлены и сообщая признали горцев лучшими бойцами.

Удовлетворив, по возможности, любопытство собрания, я коснулся мимоходом некоторых религиозных вопросов, чтобы дать понять им, что я не только «шейх», но также имею право на звание «учёного».

Расположив всех в свою пользу, я осторожно принялся расспрашивать о странах внутренней Африки, о тамошних народах и путях к ним. Хотя из френгских книг я и знал уже кое-что, но не показывал этого, расспрашивал обо всём, внимательно слушая всё, что говорил тот или другой из гостей. Некоторые из них бывали уже в Сахаре и далее в странах Судана.

Рассказы, которые тут пришлось мне слышать, свидетельствовали, что показания европейских исследователей Чёрного материка недостаточно верны и точны. Так, [например], арабы указывали пути через пустыню, неведомую френгам; рассказывали о странах, вовсе не названных.

По словам рассказчиков, в Борну можно было проникнуть четырьмя путями. Наиболее удобный, хотя и не самый короткий, лежал через Страну Сумасшедших и Царство женщин. Путешественники обыкновенно или обходили эти страны по пустыне, когда по времени года в песках можно было найти воду, или же проходили те страны ночью, скрываясь днём и минувя поселения.

22 Гази-Мухаммад (Гази-Магомед) (1795–1832) – первый имам Дагестана и Чечни, мусульманский учёный и богослов, предводитель кавказских горцев в борьбе против Российской империи.

23 Абдул-Кафир аль-Джилани (1077–1166) – персидский ханбалитский проповедник и богослов, суфийский шейх, считается основателем суфийского ордена Кадирийя. Один из наиболее почитаемых суфийских святых.

В предстоящем путешествии мне советовали избрать именно этот путь, причём, негрский учёный, о коем я упомянул, вызвался присоединиться ко мне в качестве спутника и проводника.

Это было весьма кстати, ибо Абдуллах-Дари, так звали негра, всюду был бы живым свидетелем моей благонадёжности и переводчиком в тех местах, где арабского языка не знают.

Всё собрание одобрило желание Абдуллаха, и я, выразив ему благодарность, прочитал [соответствующую] случаю молитву. Однако я предупредил негра, что следование с шейхом, «человеком тариката»²⁴, налагает на него известные обязанности. Он встал и почтительно поцеловал полу моего халата и мою руку, утвердив тем своё послушание и полное подчинение мне во всё время пути. Он обещал проводить меня до Борну, а затем отправиться на свою родину. Вознаграждение за это он не требовал, но я должен был снарядить его на дорогу.

Поблагодарив кадия за братское гостеприимство и особенно за полученные от его гостей сведения и несколько писем к именитым людям стран Сахары и Судана, я возвратился к моим товарищам-французам в гостиницу. Получив добытые сведения, мы окончательно обсуждали предстоящее путешествие и решили избрать путь, рекомендованный арабами и известный Абдуллаху, случайно приставшему к нам.

— Как бы этот негр не сыграл с нами какой-либо каверзы, — заметил Локман (доктор).

— Не думаю, — успокоил я, — ибо при сомнительности он не был бы в числе гостей кадия и предложение его не было бы одобрено всеми гостями.

— Я тоже так думаю, — вмешался инженер, — но только если он замышляет что-либо недоброе, то я желал бы, чтобы он выдал нас, «кавказских мюридов», не сумасшедшим, но женщинам, царство коих будем проходить... Плен у чёрных, толстогубых жён всё же, думаю, будет легче, чем у «сумасшедших». Интересно бы посмотреть тех и других.

²⁴ Тарикат или сулюк — метод духовного возвышения и мистического познания Истины. Слово тарика в значении «путь» употребляется в Коране. Тарикату следуют многочисленные суфийские ордена, сильно влияющие на общественную жизнь мусульманского мира.

СТРАНА АМАЗОНОК¹

1890. – 10 августа, № 28.

От редакции

Мы не нашли возможным поместить целиком «Африканские письма» нашего почтенного сотрудника Молла Аббаса Ташкенди, но с этого номера будем помещать некоторые извлечения из тех писем. Так, мы поместим сначала описание «Страны Амазонок» и далее «Страны Сумасшедших».

На восемнадцатый день отъезда из Алжира мы вступили в песчаное море Великой Сахары. Кругом сыпучий песок, кое-где камни, сверху чистое голубое небо и больше ничего: ни людей, ни зелени, ни воды. Все мертво, тихо и печально. Солнце жжёт немилосердно, ослабляя всякую охоту и волю. Караван наш состоит из 14 верблюдов при трёх слугах и проводнике-негре Абдуллах-Дари из внутреннего Судана. Этот проводник был рекомендован нам в Алжире как знакомый с дорогами и условиями путей в Сахаре. Путь свой мы держали на юго-восток наперерез великой пустыне, уклоняясь с этого направления лишь для обхода опасных чем-либо мест. Товарищи мои по экспедиции в Судан к Мехди, артиллерист м-р. Мартен, инженер Марк и доктор Жан, коего мы прозвали Локманом, должны быть известны читателям по началу моих «Африканских писем». Таким образом, всех нас было в пути восемь человек, а шесть верблюдов были навьючены багажом, инструментами и припасами. Кроме того, каждый из нас имел достаточно точно провизии, оружие и воду. Впереди каравана ехал Абдуллах-Дари; за ним следовал я, а остальные гуськом друг за другом, причем верблюды с запасами были в середине цепи, и караван замыкался артиллеристом с двумя слугами. Третий слуга, сидевший на самом бойком верблюде, служил для рекогносцировок и разведок, где считалось то нужным.

¹ Продолжение приключенческой повести И. Гаспринского «Африканские письма». Опубликовано под псевдонимом Молла Аббас Франсови на страницах газеты «Терджиман» в 1890–1891 гг. Является продолжением «Французских писем». В 2003 г. текст транслитерирован на латиницу Явуз Акпынаром как «Kadınlar ülkesi» (İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, NeşreHız. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: ÖtükenYayınevi, 2003. – S.301–341).

Путешествие наше шло весьма благополучно; встречали довольно часто воду, которой освежали запасы, и не будь днем смертельно жарко, дорогу можно бы считать сносной. Кое-где встречались бедуины, но узнав о цели нашего путешествия и видя внушительное вооружение, почтительно давали дорогу, напутствуя нас молитвами.

На сороковой день похода мы счастливо прошли половину пути по песчаному морю Сахары, и недели через три ожидали вступления в лесистые обитаемые местности центрального Судана. Проводник наш Абдуллах-Дари не мог нарадоваться благополучному ходу экспедиции и приписывал это особой милости Аллаха к «дагестанским мюридам».

Инженер Марк, по астрономическим наблюдениям проверяя показания проводника негра, находил, что путь наш соответствует первоначальному плану, и мы поэтому ехали хотя не весело, но спокойные за будущее. Утром на сорок первый день с запада подул довольно сильный ветер с песчаной пылью. Абдуллах приказал осмотреть выюки и укрепить их, а нам предложил хорошенько закутаться и вооружиться глухими очками для сбережения глаз. Едва мы успели осмотреться, как ветер настолько усилился, что мешал спокойно сидеть на седле, а поднятые им песок и пыль превратили ясное утро в серую, полутемную ночь... Шагов на 20 уже ничего не было видно, и мы медленно двигались вперёд, окликаясь и руководясь компасом. К полудню ветер усилился настолько, что невозможно стало идти вперед: остановиться было ещё опасней, ибо караван мог быть засыпан песком, а потому сообща решили повернуть в подветренную сторону и идти, пока [не] встретится какое-либо естественное прикрытие. Но, увы, судьба рассердилась: мы блуждали три дня в песках без определённого направления и к вечеру, когда, наконец, ветер утих, заметили впереди пальмовую рощу и, видимо, поселение людей. Мы, измученные бурей и тревогой последних дней, были рады отдохнуть в тени деревьев, тем более, что животные наши ещё более нуждались в отдыхе, чтобы успешно провести дальше. Абдуллах-Дари сообщил, что не знает, что это за место, но предположил в нём одно из бедуинских поселений, разбросанных среди песков, как острова среди океана.

Верблюды охотно и бодро пошли по направлению к роще, видимо, предчувствуя свежую воду и отдых.

– Спросите проводника, – крикнул мне по-французски доктор, – прошли ли мы район «Страны амазонок?». Как бы, чёрт возьми, не наскочить на них.

– Ну, так что же? Разве Вы такой уж ненавистник их? – пошутил я и обратился с вопросом к Абдуллах-Дари.

– Валлахи, я сам соображаю это; мы проходили мимо их в трехдневном расстоянии, но за время песчаного бурана мои расчёты совсем сбились, – ответил негр.

Этот ответ обеспокоил нас, и мы остановились, чтобы обсудить наше

положение. Было решено послать на разведку слугу, но Абдуллах вызвался поехать вперёд сам и узнать, что такое виднелось впереди. Когда негр исчез, мы осмотрели оружие и приготовились ко всякой случайности. Так прошло с час; артиллерист Мартен шутил, что он возьмёт себе семьдесят семь жён, если попадёт в страну женщин, но доктор серьёзно отвлекал его от этой мысли, сообщая, что в этой удивительной стране семьдесят сем жён захватывают одного мужчину и дерутся, и убивают из-за него! Шутки и разговоры наши были прерваны показавшейся впереди пылью и услышанным гулом. Через несколько минут мы различили около сотни наездников, несшихся прямо на нас. Моментально став за лежавшими верблюдами, мы приготовились к обороне, но скакавший тоже верхом, впереди прочих Абдуллах-Дари кричал, чтобы мы не стреляли ради своего спасения. Не успели мы опомниться, как сотня воинов окружила нас, направив в нас пистолеты и щетину пик. Абдуллах объяснил, что мы в плену у женщин и что силой свободы не добудем. Действительно, бой и борьба были немыслимы, сотня женщин-воинов, как мы успели рассмотреть, охватила нас непроницаемым кольцом. Судя по их физиономиям, надо было думать, что это по-месь бедуинов и негров.

Спустя полчаса мы были всем караваном доставлены к видневшейся впереди роще и помещены в шалаше из ветвей вместе со всем нашим багажом. Кругом нас расположились сторожить воины-женщины. Абдуллах, видимо, изменивший [нам], а может быть, и продавший нас, объяснил, что мы захвачены пограничным караулом и что о нас послано донесение царице страны. Старая морщинистая женщина с шрамом от сабельного удара на носу, начальница границы, внимательно и ласково осмотрела всех нас и особенно аппетитно поглядывала на белокурого артиллериста. Другие воины тоже заглядывали в шалаш, делая глазами красавцам-пленникам, но старуха-начальница, заметив это неприличие, отогнала дерзких и приказала нам повернуться ко входу спинами. Она объяснила, что жадные воины-женщины могут сглазить нас и придётся отвечать перед царицей за каждый волосок прекрасных пленных. Начальница ожидала большую награду за свою службу и добычу.

Нам было бы очень невесело, если бы положение наше не было столь удивительно и интересно.

— Однако среди этих длинноволосых воинов нет ни одного смазливого личика... Что-то увидим дальше, — ворчал Мартен.

1890. – 24 августа, № 29.

Вскоре после вечера нам подали фиников, хлеба, молока и воды. Но усталые и волнуемые своим положением, мы аппетитом не отличались. Зато верблюды, очевидно, были очень довольны случаем.

Ночью от царицы прискакала гонец-девица и передала её распоряжения капитану-старухе. Так как язык этого народа заключал очень много арабских слов, то я, отчасти, мог понимать смысл их речи. Царица приказала бдительно стеречь нас, не причинять какой-либо обиды, а утром рано вместе с вещами препроводить к ней. Абдуллах-Дари объяснил мне тоже самое. Когда я передал это товарищам-французам, они переглянулись ввиду серьезности положения, но Мартен, не любивший печалиться, начал свои шутки:

– Право, господа, положение наше не так худо, как может казаться. Царица, видимо, дорожит нами; когда будем представляться, по всей вероятности, заслужим ещё больше внимания черномазой султанши...

– Но что же из этого, – перебил нетерпеливо доктор Жан, – я вовсе не вижу ничего сносного во внимании этой черномазой тигрицы, которой понравится не французский артиллерист или дагестанский мюрид, а просто «хорошенький мужчина», как нам нравятся, главным образом, «хорошенькие женщины»... По-моему, не время шуток, господа, а надо [обсудить], пока мы вместе, что нам делать, чтобы избавиться от этого проклятого плена.

– Жан прав. Надо поговорить серьёзно, – вмешался Марк, сидевший в задумчивости, хотя этот человек не знал, что такое страх.

Я подозревал ближе Абдуллаха-Дари и попросил его сообщить нам об обычаях и жизни этой страны, а также о его предположении [относительно] нашей ближайшей будущности.

Он сообщил мне шёпотом, что попадающихся в руки этих женщин-мужчин они берут к себе в гарем, в любовники; иных обращают в домашнюю прислугу, а иногда – в певцов и музыкантов. Любовников держат на особой диете, так сказать, тренируют, от чего, впрочем, их здоровье сильно страдает. В этом случае несчастный заменяется новым. Так как богатые и власть-имущие женщины берут или покупают по несколько любовников, то пленных, как дорогой товар, никогда не отпускают. Вас всех, вероятно, заберёт к себе султанша и будет держать очень бережно, ибо едва ли когда-либо ей доставались столь молодые и белые мужчины... Не беспокойтесь, вам недурно будет жить, а там, может быть, Аллах поможет вырваться отсюда...

– А о себе что ты думаешь? – спросил я.

– Я уж стар, да к тому негры тут не редкость; меня, вероятно, приставят услуживать вам в качестве прислуги, ибо господа мюриды ни слова не понимают по-здешнему, а царице будет приятно поговорить с ними...

Когда я передал товарищам сообщение проводника, они решили, что положение весьма серьёзное, помимо курьёзности.

– Клянусь Парижем и Дагестаном, – воскликнул Мартен, – этот черномазый чёрт продал нас, пользуясь прошедшим бураном. Но он дорого заплатит мне за это.

– Об этом после, – сказал доктор, – а теперь подумаем, что мы можем предпринять для нашего спасения.

После долгого совещания мы решили следующее: исподволь от Абдуллаха и других лиц проводить сведения о дорогах к Судану; употребить все средства и хитрости, чтобы не разлучаться и не отдавать вещей, ибо медикаменты Жана, оружие, припасенное Мартеном, и инструменты Марка были в [любом] случае необходимы, чтобы предпринять что-либо. Дальнейший план выработать тогда, когда положение и условия нашей жизни выяснятся.

Утром до восхода солнца нас всем караваном направили внутрь страны, к становищу чёрной царицы. Мы ехали то рощами, то обработанными полями. Все попадавшие на пути рабочие и пастухи были вооружены пиками и топорами. Изредка попадались и мужчины, но головы их были закрыты чадрой, и они, видимо, избегали взора посторонних, хотя (по-нашему, с женским) любопытством смотрели на нас из-за угла чадры, а женщины поглядывали на нас с чисто (мужским, по-нашему) нахальным взглядом, от коих нам нездоровилось, а Мартен немилосердно ругался. Нахальство некоторых встречавшихся дорогой женщин, доходило до того, что длинноволосые воины, конвоировавшие нас, отрезвляли их ударами древком пики и плетью.

— Как не уничтожили до сих пор эту гадкую страну и эту мерзкую жизнь, находящуюся не только вне указаний Откровений, но даже законов Будды и Конфуция? — обратился я с досады к Абдуллаху.

— Страна эта очень далека от других поселений; да кроме того, существует поверье, что эта страна оберегается самыми страшными джинами, почему бедуины и арабы избегают её, как огня.

Через полтора часа езды мы подъехали к поляне, окружённой пальмовой большой рощей. Проехав несколько ручейков, сверкавших на солнце алмазной нитью, мы увидели большое поселение из одноэтажных и двухэтажных хижин-плетёнок, обмазанных глиной и выбеленных. Судя по постройкам, надо было думать, что женщины, при всех своих странностях, недалеко ушли в знаниях и удобствах жизни. Это было главное поселение страны и называлось Бадбур, что, по-ихнему, значило «дом королевы». Когда мы въехали в селение, из-за заборов на нас глазело всё черномазое население и впереди раздались дикие звуки барабанов и медных тарелок: это придворная музыка играла нам встречу, или поздравление султанши. Нам это было всё равно, чтоб они провалились!

Въехали в огромный двор, обнесённый высокой плетневой стеной, колья коей были украшены черепами быков, лошадей, баранов и людей.

— Все это очень красиво, — заметил Мартен.

Во дворе было несколько двухэтажных построек и какие-то низенькие шалаши с плоскими крышами. Перед одним из домов стояла толпа нарядных женщин, при саблях и с перьями в волосах; по сторонам — музыка и воины-девы с угрюмыми, серьёзными лицами. Мы были в резиденции султанши.

1890. – 23 октября, № 36.

Как только наши верблюды остановились, толпа придворных обступила нас и начала уносить наш багаж во дворец. Сами мы, соскочив на землю, поклонились чёрной свите, что, очевидно, шокировало их, ибо мужчины, по их понятиям, не должны кланяться, а, стыдливо закрыв лицо, выказывать лишь смущение, как наши женщины. Мартен, заметив это, начал протягивать каждой черномазой чиновнице руку, чтобы поздороваться, но те, как ужаленные, бросились в сторону, очевидно, боясь гнева своей повелительницы. Абдуллах-Дари, видя это, подбежал к нам и просил прекратить всякие приветствия, что могло рассердить султаншу и вообще уронить нас во мнении этого народа.

– Что же это такое, – вскричал Мартен, – я разве должен закрыться чадрой и в самом деле преобразиться в женщину!

– Успокойте его; это крайне неприлично и не хорошо, – обратился ко мне Абдуллах. – Сообщите господам мюридам, что, когда их введут к султанше, они должны будут низко поклониться и стоять скромно, смотря в пол, как делают это в наших странах благовоспитанные мусульманки. Вообще, чем скромнее будете, тем большее внимание заслужите у султанши... Помните, что вы принадлежите ей; она может вас и любить, и казнить.

Не успел я это сообщить французам, как из дворца выбежала молоденькая девушка-воин, одетая роскошнее других, и пригласила нас следовать за ней. Она была нечто вроде адъютанта султанши. Мы вошли за нею в довольно большую полутемную комнату. Свита и воины [остались] на дворе. Здесь нам подали по чашке молока и свежих фиников. Сев на пол, мы должны были принять эту любезность султанши. Затем адъютант в юбке повёл нас на второй этаж в более светлую комнату, в коей вместо окон были довольно большие просветы в стенах, затянутые какой-то тонкой материей. Пол был устлан циновками и коврами; вокруг стен, чисто выбеленных, расставлены были круглые узорчатые подушки. Потолок комнаты был довольно живописно увешан дорогими материями, в одном из углов было сделано из тюфяков и подушек возвышение. Мы догадывались, что это место сиденья султанши.

Нас поставили в ряд против этого возвышения. Спустя минут пять из боковой двери появилась султанша, богато одетая и вооружённая саблей и кинжалами; в левой руке она держала копьё с позолоченным древком. Бросив на нас милостивый взгляд, она с достоинством подошла к возвышению в углу и села там, поставив копьё около себя. Султанша была довольно полная женщина лет тридцати, и, несмотря на свою черноту, была довольно хороша, насколько эти черномазые и толстогубые могли быть таковыми.

1890. – 30 октября, № 38.

По сторонам султанши стали две отвратительные старухи, тоже вооружённые. Это, видимо, были её министры или телохранители. Внимательно осмотрев нас с головы до ног и оставшись, довольной, она обратилась к Абдуллаху-Дари со следующими словами, сказанными не без достоинства: «Скажи молодым людям, пусть не боятся чего-либо дурного; они будут жить в моём дворце... Но только по законам моей страны они должны быть скромны и послушны, как подобает молодым людям. Их справедливые желания будут мною уважаемы, и они получают самые лучшие и дорогие наряды...»

Абдуллах-Дари перевёл это мне, а я сообщил французам. «Однако у неё язычок довольно милостивый, только было бы лучше, если бы она избавила нас от дорогих и лучших нарядов», – не мог удержаться Мартен.

Считая нужным отвечать султанше, я через Абдуллу обратился к ней [со] следующей речью: «О, великая славная повелительница, в далёких странах нашей родины мы слышали о твоей славе и мудром правлении. Судьбе угодно было направить нас в твою счастливую страну, чтобы удостоиться твоего лицезрения. Такое великое счастье редко кому достается, и мы озабочены только тем, что, не зная здешнего языка и благородных обычаев, можем невольно огорчать тебя. Заранее извини нас, дабы мы были спокойны и счастливы твоим покровительством».

Речь эта, видимо, понравилась султанше, ибо она, улыбаясь во весь рот, ответила, что будет извинять недостатки нашего воспитания, привитые дурными обычаями, и надеется, что позже мы усвоим всю деликатность чёрной страны.

– Однако этой ведьме, видно, нет дела ни до Махди², ни до нашего к нему путешествия, – пробурчал Мартен.

– Что говорит этот прекрасный мальчик с огненными глазами? – спросила султанша.

– Он восхищён Вами и желает видеть Вас повелительницей всех стран – жарких, холодных, восточных и западных, – перевел я слова Мартена.

Видно, что честолюбие было не чуждо сердцу чёрной королевы. Она кокетливо улыбнулась [в] адрес Мартена и, хлопнув в ладоши, что-то приказала вошедшему слуге, молодому негру, набеленному и нарумяненному не менее парижской кокетки.

Слуга немедленно возвратился с деревянным позолоченным подносом, с чашками молока и корзиной фиников. Угощение было поставлено перед нами на пол. Султанша сделала жест, чтобы мы сели за трапезу.

– Однако, если черное величество будет пичкать нас только молоком да

² Мухаммад Ахмад ибн ас-Сайид ибн Абдуллах, известный как Махди Суданский (1844–1885) – руководитель освободительного движения в Судане, основатель суданского Махдистского государства.

финиками, желудки наши должны будут призадуматься... – ввернул неугомонный Мартен.

– Что он говорит; я вижу, это веселый и бойкий малый... Такие мне особенно нравятся, – заметила султанша.

– Он говорит, что милости Ваши неисчерпаемы, а гостеприимство воистину королевское.

1890. – 30 ноября, № 42.

После аудиенции у королевы нас отвели в предназначенную нам комнату в верхнем этаже. Это показало нам желание королевы держать нас недалеко от себя. Заняв своё помещение, мы, прежде всего, озаботились судьбой своего багажа, в коем заключились наши инструменты, медикаменты и оружие. Так как потеря багажа была бы равносильна нашей гибели, то мы должны были так или иначе взять его в собственные руки. Для сего мы решили прибегнуть сначала к дипломатии, а в крайнем случае, и к менее мирным средствам. В этих видах, спустя час после аудиенции, я явился к королеве и после длинных объяснений успел убедить её, что все мы так рады своей судьбе, что желаем своими руками поднести ей все наши вещи, кои она пожелает принять, тем более, что в числе их есть много лекарств, которые сохраняют молодость, излечивают многие болезни, веселят дух и прочее.

Сообразив, что лаской из нашего багажа она извлечёт больше пользы, королева милостиво сказала, что не желает присвоить наши вещи, но думает лишь осмотреть их.

Вследствие этого для нашего багажа в нижнем этаже была отведена особая комната, которую я запер имевшимся у нас замком. Тут надо заметить, что после аудиенции проводник наш Абдуллах-Дари исчез. Позже мы узнали, что, получив от королевы за каждого из нас по фунту чистого золотого песку, ибо денег в этой стране не водится, он уехал. Таким образом, вероломство его подтвердилось. Правду говорят, что душа человека – потёмки. Кто мог думать, что Абдуллах-Дари столь подл; если бы кто-нибудь в нём сомневался, то меджлис улемов³ Алжира не рекомендовал бы его нам.

Теперь мы были предоставлены своей судьбе, своим силам и знаниям, чтобы избавиться от женского плена и добраться до страны Магди⁴.

Вечером мы все явились к королеве на поклон и поднесли ей ножик, ножницы, несколько флаконов духов и банку помады. Она была чрезвы-

³ Совещание мудрецов.

⁴ Махдистское государство (1881–1898) – возникло в Судане в 1881 г. после побед суданцев над египтянами и британцами. Было основано Мухаммад Ахмад ибн ас-Саййид ибн Абдуллахом, объявившим себя «*махди*» – последним преемником пророка Мухаммеда. Махдистский период в истории Судана закончился в четырехлетней войне 1896–1899 гг. потерей Суданом независимости.

чайно заинтересована этими вещами, радовалась им, как ребёнок или женщина.

Отпустив нас, пожелала нам доброй ночи и отдыха. Хотя вечер только что наступил, по обычаям страны надо было лечь спать, ибо ни ламп, ни свечей здесь не было. Здесь встают и ложатся, следуя солнцу; это тем более удобно, что в этих полуденных странах круглый год день почти равен ночи.

С вечера все двери дворца запираются деревянными задвижками; все ложатся спать, а на дворе кругом дворца ходят несколько вооружённых копьями воинов-женщин.

Запершись в своей комнате, мы некоторое время молчали, чтобы дать успокоиться жительницам дворца и уснуть нашей сторожих, поместившейся в соседней комнате. Услышав её храп, мы шёпотом стали обсуждать своё положение и совещаться. Поговорив часа два, мы решили изучить подробно свою обстановку, приобрести доверие королевы и влияние на окружающих, благодаря кое-каким фокусам и лекарствам, собрать сведения о путях из этой страны и о близлежащих землям. После этого мы должны были обсудить средства к побегу и спасению. А до того мы должны были усыпить всякое подозрение королевы и её придворных.

Теперь несколько слов об удивительных обычаях этой страны. Я уже говорил, что мужчины в этой стране находятся почти в положении наших женщин. Родив ребенка, амазонка передаёт его заботам своего невольника-мужа. Этот нянчит, укачивает, обшивает и только когда надо кормить ребенка, подносит его матери. Так как амазонки имеют большею частью двух-трех мужей, то один обыкновенно нянчит детей, другой готовит еду, доит коров, а третий занимается шитьём, пряжей и т. п.

Амазонки почти ничего не делают и большую часть дня проводят в играх, воинских упражнениях или любят танцами нарумяненных молодых невольников. Когда мы рассказывали, что в наших странах женщины сидят дома, смотрят за детьми и готовят кушать, они недоверчиво смеялись, а когда слышали, что мужчины бывают воинами, сражаются, судят и правят государством, то удивлению их не было конца! Старые амазонки покачивали головами и заявляли, что это верх бесстыдства, аномалии и греха. (Тоже толкуют о грехе, съев все зубы в погоне за хорошенькими мальчиками). Особенно возмущалась нашими рассказами седая горбатая жрица королевы. Эта важная сановница, не отпуская от себя ни на шаг молодого невольника-берберийца, шамкая, кричала: «Проклятая ваша страна! Ну какой же может быть воин из мужчины, когда он способен лишь возиться с детьми и прялкой, какой из него может быть судья и правитель, когда их разум также короток, как их волосы! Я вижу, что только наша счастливая страна обладает здоровой, правильной жизнью. Надо воспретить этим белым невольникам рассказывать про свои мерзкие обычаи и жизнь во избежание соблазна».

— Однако эта ведьма, не имеющая понятия о сальной свечке, задумывается о началах цензурных заграждений, — сердился Мартен.

1890. – 7 декабря, № 44.

«Визирь богослужений и духовных церемоний», горбатая, костлявая старуха, как я уже писал, выражала особое нерасположение и нетерпимость к нашим рассказам о свободе и главенстве мужчин. Кроме посягательства на свободу нашего слова, она старалась убедить нас, что мы заблуждаемся и живём во грехе, претендуя на преобладания над женщиной. В ревнивом благочестии и с искренним убеждением в своей правоте она приводила следующие данные за преимущество женщин.

– Мужчины сотворены как дополнение женщины, как нечто необходимое для её полноты и цельности. Вы видите сами, что природа создала её крепче, выносливее мужчины, наделила более длинными волосами, способностью производить и кормить себе подобных, лишило лицо её растительности, ибо украшения вроде усов и бороды приличны нежному полу мужчин (!). Даже в животном мире можно заметить, что самцы сильны лишь привлекательностью, красотой меха или перьев, ибо только внешнеюстью они возбуждают внимание самок и заслуживают их покровительство и охрану... Ваши страны и народы пребывают в глубоком нечестии, дав волю и главенство мужчине, и я удивляюсь, что за жалкая порода ваших жён, что они позволяют вам играть высокую роль женщины вопреки природе, благочестию и этикету... Трудно вообразить упадок и грубость ваших нравов, если мужчина у вас ничем не стеснён, ходит вольно всюду с непокрытым лицом, выставляя на общее загляденье свои прекрасные усы и роскошные бороды... Это прелести, которыми имеет право любоваться и играть только хозяйка, купившая прекрасного носителя!

О, боги, боги, как много ещё на свете греха и неправды! И как это громы и бури ваши не поразят нечестивый мир! Только в нашей благословенной, чёрной стране нашли приют правда и нравственность; только в нашей стране женщина и мужчина стоят на своих местах, и бесстыдство, беспутство строго караются.

Когда я перевел моим сотоварищам-французам глубоко прочувствованные и (с местной точки зрения) высоко нравственные слова старого визиря в юбке, они ввиду серьёзности предмета (с местной точки зрения) и нашего жалкого положения едва удержались от хохота. Однако мусью Мартен, видимо, смотревший на жизнь вообще, как на шутку, не мог не заметить: «Мусью Аббас, что бы подумали ваши ташкентские и другие сородичи, если бы узнали, что, по мнению, убеждению этой страны «молодцеватые усы» и «благочестивая борода» растут только для любви и забавы госпожи хозяйки в досужее от труда и воинских подвигов время!»

Старуха, вероятно, думая, что произвела на нас сильное впечатление, спросила меня о замечании «прекрасного Мартена».

Я отвечал, что он поражён и тронут её эрудицией и величием сообщенной идеи и говорит, что в его стране недавно умерла одна женщина по име-

ни Олимпия Одуар⁵, которая, хотя и была очень далека от высоты и шири только что слышанного, но доказывала, что мужчины и женщины должны быть равноправны и не должны главенствовать друг над другом...

– О, боги, это ещё хуже! – воскликнула старуха. – Равенство полов – да это безумие! Подрыв всех начал, снятие всякой узды, гибель рода человеческого... Нет, пусть господствуют хоть мужчины – это всё же представляет кое-какие гарантии; как не к лицу мужчине главенство и старшинство, но всё же тут чувствуется подобие власти и права. Нет, ваша Олимпия была безумная или у ней был злой умысел. Подумайте, к чему привело бы равноправие: у нас погибло бы право жены, у вас право мужа, хотя последнее право – нелегальное, узурпаторское и безнравственное...

Под конец беседы «визирь богослужений» приказала нам подумать обо всём слышанном, постараться заглушить в себе дурные убеждения и наклонности, привитые пагубными традициями и неестественными отношениями полов у нашего племени...

– Вы даёте нам нелегкую задачу, совсем не прекрасная мадам и духовная матушка, – проговорил Мартен серьёзно и скромно, приседая наподобие благовоспитанной парижанки.

Я перевёл старухе [замечание] Мартена как «рады стараться».

* * *

Вернувшись в своё помещение, мы продолжали беседу между собой. «Итак, друзья, – говорил Мартен, – будем стыдливы, как девушки, послушны, как мусульманка, и нарумянены, как парижанка; сегодня же начнём упражняться в шитье и вязании, как [в] благочестивейших занятиях мужчин этой прекрасной страны... Но не печальтесь, друзья, что же тут дурного? Испытаем на деле, на практике, каково положение миллионов наших сестёр и жён. Тут мы наберёмся таких знаний, которых не дают ни ташкентское медресе, ни парижский университет... Право, в этом деревянно-соломенном серале⁶ чёрной султанши мы кое-чему научимся...»

Серьёзная и вместе с тем шутовская речь Мартена была прервана входом начальницы дворца. Она обратилась ко мне с сообщением, что милостивейшая султанша желает сегодня провести вечер с мусью Мартемом, а потому приказала ему сходить в баню, обмыться, намазаться благовониями и, украсив себя шёлковыми длинными одеяниями, которые там приготовлены, явиться к ней.

5 Олимпия Одуар (1830–1890) – французская писательница. С особым рвением разрабатывала вопросы по бракоразводным делам и женской эмансипации как в лекциях, так и в публицистике.

6 Сераль – в странах Востока дворец мусульманского правителя.

1890. – 14 декабря, № 45.

Когда я сообщил Мартену приказ султанши, он воистину вытаращил глаза и был поражён более, чем если бы землетрясение разрушило наше жилище. Остальные мои сотоварищи были смущены не менее.

– Задача султанши куда посерьёзнее, чем предложение её визиря духовных дел, – заметил инженер Марк, обращаясь к Мартену. – Что скажешь, братец, относительно чести и благоволения, коими тебя удостаивают?

Оправившись от первого неприятного впечатления, Мартен отвечал: «Я думаю, друзья, что этот вечер я должен играть роль халифа на час⁷, но, однако, чёрт возьми, я от души уступил бы эту обязанность любому черномазому!»

– Эге, – заметил Марк, – то-то, что не халиф на час, а нечто вроде одалиски или фаворитки в мужском роде... Фу, не знаешь как и выразить: всё тут шиворот-навыворот в этой грязной стране.

– Однако отчего первый жребий пал на меня? – размышлял Мартен вслух.

– Дело не в том, – вмешался доктор, – эти вопросы и сравнения обсудим на досуге, а теперь надо заняться вопросом: что делать? Сегодня Мартен, завтра я и т. д. будем, вероятно, призываемы этой чёрной ведьмой... Что делать, что предпринять?

– Да-да – оправился Мартен, – положение наше трудно и позорно, как быть? Даю слово, что при малейшем насилии над моей честью раскрою череп этой чёрной мегеры.

– Я не вижу тоже какой-либо выход из этого адского положения; одно из двух – или надо упасть до положения бессловесных рабынь и наложниц, или показать этим чёрным рылам, что значит мужчина! – закипел инженер.

Французы – народ честный и бравый. За честь они стоять умеют, и когда надо, не боятся ни мук, ни смерти. Поэтому, видя, что возникает серьёзная революция, которая может окончиться для нас весьма печально, я заметил, что ограждение своих прав и чести оружием всегда будет в наших руках, но ввиду отсутствия какой-либо серьёзной надежды спасти свои шкуры, следует, прежде всего, обдумать иные средства к предотвращению грозящих позора и бедствий.

– Положим так, – заметил доктор Жан, – но что предпринять? С чего начать?

– Я бы предложил, прежде всего, прибегнуть к дипломатии, – подал я мысль, – например, доложить султанше, что незнание языка стесняет её рабов, что следовало бы дать им некоторое время на отдых после тяжелой дороги и так в этом роде.

⁷ Крылатое выражение, происходящее от одноимённого названия сказки из цикла «1001 ночь». Другие версии названия сказки – «Халиф на час, или рассказ про Абу-ль-Хасана-Кутилу» и «Сон наяву, или Калиф на час».

– Попробуем, – согласились французы. Я знающий немного местное наречие, решил взяться за переговоры, а Мартен, чтобы не раздражать чёрную повелительницу, должен был идти в баню, т. е. приступить к исполнению воли нашей дикой госпожи.

Ругаясь, он отправился в баню, дымившуюся на дворе, а я отправился к султанше. Она приняла меня в своей спальне (этикетки тут не ахти какие), лёжа на широкой и высокой постели. Я доложил ей, что мы обрадованы и польщены вниманием к нашему товарищу, но сокрушаемся, что слабые и заморенные дорогой, а, главное, не зная языка, заслужим её немилость, а потому усиленно просим забыть нас на время, дабы мы позже явились во всей красоте... Приподнявшись и улыбаясь, султанша заметила, что я достаточно умею говорить, а борода моя столь прекрасна, что затмит все воображенные мной недостатки.

Я побледнел. Смущение моё, видимо, подзадорило её, и она, вскочив, подбежала ко мне и ласково потрепала мою бороду! Я готов был провалиться от стыда перед самим собой! Для подобного ли осквернения я растил и холил эту благородную бороду – знак мужества, солидности и благочестия... О, Аллах, слишком тяжелы твои испытания, помоги мне!

Отскочив от чёрной ведьмы, как ужаленный змеею, я рассмешил её своим испугом, ей не понятным. Усмехнувшись, она повелительно отчеканила: «Мои приказания даются раз; поди скажи своим. Жду Мартена, самого игривого из вас... Мы не будем обсуждать с ним дела войны или управления. Объяснимся глазами...»

Крайне смущённый и с полной неудачей, я пришёл к товарищам, как прогнанный, неудачный посол. Меня утешало одно: на этот раз моя борода ускользнула из нечестивых рук султанши.

1890. – 21 декабря, № 46.

Когда я сообщил французам печальный результат моей миссии, они крепко задумались.

– Итак, она непременно требует к себе Мартена? – спросил Жан.

– Да. И, видимо, ждёт его с нетерпением, как голодная волчица.

– Прескверное положение! Идти ласкать и ласкаться к женщине, которую и видеть не желаешь... Но что делать? Сопротивление вызовет гнев, недовольство и наказание. Чёрт возьми, даже мысли о сопротивлении тут не допускается! Ну, друзья, мы понесём здесь наказание за сотни бедных женщин, которые находятся в наших странах не в лучшем положении. Теперь опытом собственной шкуры я постигаю горькое положение многих женщин и девушек, попадающих в зверские руки мужчин; их не спрашивают о любви, влечении, не рассуждают о правах, а поступают точно так, как теперь чёрная повелительница наша, увлекаемая своими страстями, требу-

ет нас к себе, нисколько не интересуясь ни нашим сердцем, ни нашими правами... Впрочем, какие у нас права, когда мы рабы! – загоревал Марк.

Слова Марка напомнили мне мою родину и несколько кольнули моё сердце. Мне показалось, что он делает намёк на тех плохих мусульман, которые, не зная или нарушая шариат, иногда грубо и своевольно обращаются с женщинами. «Вы не совсем правы, – заметил я Марку, – ибо у вас в Френкистане женщин почти не обижают, а у нас в Туркестане права женщины ограждены шариатом. Без согласия женщины никто не может взять её в жены, а после вступления в сожитие муж должен соображаться с физическим и душевным её состоянием, избегая всякой грубости и насилия... Правда, встречаются грубые мужчины-звери, но об этих исключениях говорить не стоит. Даже положение рабынь лучше того, в коем мы ныне находимся...»

– А если так, – прервал меня доктор Жан, – то лучше поговорим о своём положении и оставим в покое женщин Френкистана и Туркестана.

– Сейчас [вернётся] из бани Мартен, и [он] должен пойти в распоряжение султанши. В качестве игрушки; он не выдержит это насилие... Мы все сегодня же можем быть перерезаны, как бараны, этими чёрными мегерами.

Ни я, ни Марк ничего не могли сказать на горькие слова Жана и глубоко задумались.

Приход Мартена вывел нас из задумчивости. Вид его рассмешил нас, несмотря на отчаянность положения. Голова его была обвязана красным шёлковым платком, из-под которого кокетливо выступали чёрные кудри. Одет он был в длинную белую шёлковую рубашку, поверх которой была короткая до колен голубая туника с жёлтыми шнурками.

– Ну, братец, в этом виде ты мог бы взволновать сердце не только чёрной госпожи, никогда не выдавшей такого красавца, но и многих наших женщин, – приветствовал Мартена Жан. Тот, не обращая внимания, обратился ко мне, надеясь, что я успел что-либо сделать.

– Я ничего не мог сделать, дорогой Мартен, – сообщил я с грустью, – она оскорбила мою бороду и подтвердила требование, что бы ты немедленно явился...

– А если так, то значит, она сегодня же хочет погибнуть; хорошо, – вспикел Мартен и схватил висевший на стене кинжал.

– Постой, брат, будь хладнокровней, – обратился к нему доктор, – я хочу сделать одно предложение, которое даст нам часов десять времени, чтобы обсудить дальнейшее... Подраться успеем, если нельзя будет этого избежать.

Выслушав доктора Жана и обсудив его предложение, мы все согласились с ним, и Мартен успокоился.

Мы ещё не успели окончить совещание, как вошла к нам дворцовая начальница и, указав на дверь, повела Мартена к султанше. Дело было перед заходом солнца. Через час все обитатели дворца и всей этой страны должны были лечь спать, ибо, как я уже писал, свечи тут ещё были неизвестны. Проводив Мартена до спальни султанши, начальница ушла, опустив циновки всех входов, заменявшие наши двери. Всё чёрное население дворца убралось в нижний этаж на покой, в верхней были только мы и султанша с Мартемом.

1891. – 10 января, № 1.

Бледным, растерянным был введён несчастный Мартен в спальню чёрной султанши. Вид бравого француза, приведённого для своеобразного жертвоприношения, был воистину печальный. Тем не менее, султанша встретила его ласковой улыбкой и жестом указала сесть возле себя. Некоторое время полюбовавшись молодым человеком, она погладила его кудри, потрепала за усы и обняла. Бедный француз чувствовал себя в аду, но собравшись с силами и тихо освобождаясь из чёрных назойливых объятий, он мимикой объяснил, что хочет пить. Султанша была обрадована этой смелостью своей жертвы и лично достала из шкафа кувшин хмельного напитка, приготовляемого из молока. Налив по чашке, она предложила пить. Несколько чашек напитка ободрили Мартена, но ещё более подействовали на султаншу. Она, охмелев, начала невыносимо приставать к Мартему, так что последний переживал очень странные минуты своей жизни.

Раздобывшаяся султанша, желая ещё лучше угостить своего невольного любовника, вышла в смежную комнату что-то достать. Пользуясь её отсутствием, Мартен достал из кармана маленький флакончик и налил в чашку султанши немного снотворных капель.

Султанша внесла целую корзину плодов и сладостей и поставила перед Мартемом. Угощение продолжалось ещё с полчаса. Султанша под влиянием хмеля и сонных капель вскоре глубоко уснула. Вся страна и все обитатели дворца уже спали. Лунные лучи, проникавшие через окна, обадали комнаты мягким, нежным полусветом. Перетащив уснувшую владительницу на ложе, Мартен решил осмотреть всё помещение.

Пройдя осторожно из комнаты в комнату и изучая их положение и выходы, Мартен открыл наружную лестницу, спускающуюся в глухую часть двора, но внизу сидела караульщица-амазонка и, видимо, спала, положив голову на ступеньку.

Возвратившись в спальню, Мартен, значительно успокоенный и освежённый, разлёгся среди комнаты и вскоре уснул сном праведника. Султанша храпела на полдворца.

Утром, чуть свет, барабанный бой и конский топот, раздававшиеся со двора, разбудили Мартена, но, искоса посмотрев на свою повелительницу и видя, что она спит, решил не вставать, представляясь спящим. Немного спустя, топот и воинский шум настолько усилились, что султанша, потягиваясь, проснулась, приподнялась и, толкнув ногой Мартена (тут понятие о нежности и приличиях тоже своеобразные, приказала ему встать. Затем, хлопнув в ладоши, она позвала начальницу дворца и, переговорив с ней о чём-то, указала Мартену на дверь. Начальница провела его к нам, товарищам, ожидавшим его с нетерпением.

Проходя мимо окон, Мартен заметил, что во дворе дворца собрались две сотни конных воинов-женщин и, выстроившись лицом к дворцу, очевидно, ждали султаншу или её приказа. Длинноволосое воинство было вооружено пиками, саблями и щитами. Колчаны со стрелами виднелись за спиной каждой. Цель и причина этого парада или сбора, однако, были неизвестны.

1891. – 26 апреля, № 14.

Вскоре выяснилось, что сбор прекрасного воинства имел целью набег на богатый караван, который, по дошедшим слухам, должен был проходить мимо этой страны. Так как набег обещал обильную добычу товар[ов] и раб[ов], то сама правительница отправилась в пустыню во главе своего войска. Всех ушедших в набег воинов-женщин было до тысячи душ. Вместе с правительницей выехала также вся дворцовая стража, или гвардия, так что в поселении и во дворце осталось очень немного людей.

Узнав об этом, мы немедленно решили попытаться уйти из плена и скорее погибнуть в песках, чем влачить позорную жизнь в неволе у этих мегер. Обсудив всё дело, мы решили опоить опиумом наших стражей-женщин, очень склонных вести с нами компанию, и затем бежать, выйдя через потайные двери, высмотренные Мартеном в предыдущую ночь в покоях султанши. Наши верблюды вместе с прочими на ночь загонялись в загон рядом с дворцом, так что взять их и навьючить было нетрудно, раз караульные-девы будут опоены. Конечно, с наиболее громоздкими вещами мы решили расстаться. Было условлено захватить с собой самое необходимое из багажа.

Мы оставили проект пробраться в Судан к Махди. Цель побега заключалась в присоединении к каравану и предупреждении его, если удастся, о предстоящем нападении амазонок. Из расспросов словоохотливых воинов и караульных в юбках мы узнали, что караван должен пройти на следующую ночь с западной стороны оазиса. Ночью же должно было произойти внезапное нападение амазонок.

Как только султанша во главе воинства оставила своё разбойничье гнездо, мы завязали самое фамильярное отношение с дворцовыми служительницами. Заперев все входы и выходы, они в числе более сорока собрались

к нам побеседовать. Целый день мы угощались и пировали, свободно располагаясь по всему жилью султанши, как лакеи в отсутствие хозяев. Под вечер доктор изготовил черномазым дамам шербет со значительной дозой морфия, так что ещё до захода солнца все жительницы дворца и наши караульные дамы лежали пластом по разным углам дворца в глубоком сне.

Быстро разобрав весь свой багаж, затюковав необходимейшие вещи и приготовив выючные седла, мы ждали наступление вечерней темноты, чтобы, предавшись воле Божьей, бежать.

Спустя три часа после захода солнца, наш небольшой караван, состоявший из семи навьюченных здоровых и сильных верблюдов, быстро удалялся от становища чёрной султанши. Мы все были верхами на отличных бедуинских конях, думая спастись на них, если [бы] пришлось встретиться с врагами.

Всю ночь мы усиленно гнали верблюдов, так что к утру были уже далеко от оазиса, в неведомой пустыне. Нам было известно, куда направилась султанша поджидать караван, а также направление, откуда он следовал. Поэтому, соображаясь с компасом и солнцем, мы задумали встретить караван ещё до вечера и предупредить о засаде, ожидающей его ночью.

Гнать верблюдов в известном направлении мы поручили доктору, а я, Мартен и артиллерист выдвинулись вперёд врассыпную, чтобы обозревать большое пространство пустыни. Не теряя друг друга из виду и переговариваясь условными знаками при помощи красных платков, привешенных к копьям, мы быстро продвигались вперёд, не жалея животных. До полуденной жары мы шли без препятствий и не имея никаких признаков или данных о близости каравана или вообще живых существ, кроме змей, довольно обильных в этой злосчастной стране.

Дав отдохнуть животным в песчаной ложбине и подкрепив себя немного сном, после совещания о дальнейшем пути и действиях мы вновь пустились в путь в избранном направлении на переезд караванного пути. Спустя часа два, но ещё до захода солнца, мы, благодарение Аллаху, напали на обильные следы недавно прошедшего каравана. По некоторым признакам можно было заметить, что караван прошёл тут час-полтора тому назад. Было решено гнаться за ним во всю мочь, а я, сидя на лучшем коне и зная арабский язык, должен был умчаться вперёд и нагнать караван раньше товарищей.

Мой бедуин, чуя недалекое присутствие каравана, помчал меня быстро вперёд; я отпустил поводья, надеясь на инстинкт питомца пустыни. Потеряв из вида товарищей и не видя впереди каравана, я удвоил бдительность; стало как-то жутко среди безмолвной мёртвой и необозримой пустыни. Вдруг мой конь заржал и бросился в сторону к песчаному холму. Из-за холма послышалось также ржание. Тут я заметил, что несётся ко мне амазонка. Сообразив, что это лазутчик, высматривавший караван, я моментально

схватился за своё шаспо⁸, и дав черномазой достаточно приблизиться, снял её с седла метким выстрелом. Лошадь её подскакала ко мне. Я взял её под уздцы и, убедившись, что несчастная убита наповал, повернул коней опять по следам каравана. Вечер был близок, когда впереди я заметил пыль и затем глухой, тупой шум движущегося каравана. Хлестнув коней, я быстро приблизился к двигавшейся массе и, убедившись, что это действительно караван, начал стрелять, давая знать о себе. Через несколько минут караван уже стал, и я сообщил караван-баши⁹ о нашей судьбе и ждавшей их засаде. Все едущие обняли меня и поблагодарили [за] предупреждение. Обсудив своё положение, мы решили поджидать моих товарищей. Спустя час после меня, они подъехали, но пара верблюдов пала, измученная слишком форсированным переходом.

Обойти засаду было далеко, а потому было решено выждать здесь рассвет и затем идти напролом. С нами было два ящика шаспо с зарядами. Эти двадцать ружей мы немедленно раздали едущим и объяснили, как ими пользоваться. Чуть свет двадцать три стрелка стали под начальство braveго артиллериста; тридцать человек, вооружённые туземными ружьями и саблями, образовали второй корпус под начальством караван-баши.

Остальные путники, тоже вооружённые кто саблём, кто пистолетом, кто простой дубинкой, образовали третий отряд для охраны верблюдов и подмоги двум первым отрядам.

Сделав десяток выстрелов из шаспо, арабы достаточно освоились с ними и радовались, как дети, этому великолепному оружию, посланному им Аллахом среди великой пустыни.

Впереди были колодцы. Амазонки, несомненно, поджидали нас недалеко от них, предполагая, что караван ночью расположится у колодцев.

Мы решили утром подойти к колодцам, т. е. к воде, а затем уже действовать по обстоятельствам, если амазонки окажутся поблизости. Тронулись мы вперёд в известном порядке, чтобы иметь возможность отражать внезапное нападение.

1891. – 10 мая, № 15.

Но кругом было тихо и пустынно. Песок, камни и небо. Близкое присутствие врага ничем не обнаруживалось. К полудню мы подошли к колодцам. Тут были заметны следы коней. Очевидно, брали воду, но амазонок поблизости не было видно.

Поставив кругом караульных и не развьючивая верблюдов, по указанию артиллериста, мы всем караваном принялись сооружать вокруг колодцев укрепление из песк[а] и мелкого камня. Затем, развьючив животных, тюками мы ещё более усилили возведённые нами сыпучие валы, так что устрои-

8 Винтовка системы Антуана Альфонса Шаспо (1833–1905).

9 Начальник купеческого каравана.

ли сравнительно довольно сносное укрепление с водою в центре. Укрепление было расположено так, что откуда бы ни появился неприятель, мы могли поражать его за тысячу шагов. Шаспо заменили нам пушки. Хозяйством каравана заведовал, конечно, караван-баши, молодой араб из Судана Сеид Ахмед, а комендантом был артиллерист; я же был общим переводчиком. Расположившись на отдых и поставив вне лагеря верховых караульных для наблюдения за пустыней, мы всем караваном сели на военный совет. Всех мужчин было 60 человек; двенадцать женщин, большей частью невольницы-негритянки, принялись за изготовление пищи.

Другой воды поблизости этих колодцев не было; до оазиса амазонок отсюда было не менее 20-ти часов ходу, т. е. не менее ста верст. Следовательно, амазонки или должны были вскоре на нас напасть, или удалиться домой, так как не могли, будучи верхами, оставаться долго в безводной степи. Поэтому, предполагая, что они находятся где-то поблизости в засаде и ждут вечера, чтобы напасть на нас в темноте и врасплох, мы решили немедленно поискать их и, открыв засаду, вынудить к немедленному нападению. Мы не сомневались, что благодаря укреплению и шаспо заставим их уйти домой после нескольк[их] попыток нападения. Поэтому когда люди и животные несколько отдохнули и освежились, благодаря обильной и хорошей воде, под командованием Мартена мы послали трёх арабов на лучших конях на разведк[у]. Не прошло и часа, как они прискакали назад, открыв в пяти-шести верстах от лагеря, в глубокой ложине, армию султанши человек в триста. Амазонки, тоже заметив наш разъезд и поняв, что засада их открыта, двинулись вслед за ними. Очевидно, они поняли, что внезапного нападения сделать не удастся, и решили засветло покончить с караваном. Едва успели мы стать по местам и приготовиться к отпору, как вдали показались ряды амазонок с блестящими копьями за спинами. В стороне среди амазонок виднелся большой красный зонт. Под ним ехала, очевидно, сама султанша. Враг наступал шагом, приберегая коней для стремительной атаки. Нами было решено подпустить их на тысячи шагов и затем встретить залпами шаспо; со ста шагов должны были начать стрельбу и другие. Мартен обещал иметь в виду султаншу и подстрелить её, как ворону, как только она осмелится приблизиться. Завидя наше расположение, амазонки остановились. Султанша выехала вперёд, видимо, осматривая наше расположение и выбирая пункт удара и атаки.

Опытное в набегах око этой мегеры заметило, что мы расположились не так, как прочие караваны; она начала посылать разъезды кругом всего укрепления, желая отыскать наиболее слабый пункт, но, видимо, убедившись, что мы укрепились со всех сторон, двинула шагом свой отряд по прежнему направлению. Как только амазонки поравнялись с одинокой корявой пальмой, отстоявшей от нас ровно на тысячу шагов, артиллерист скомандовал: «Я Аллах» (с нами Бог), — и двадцать четыре пули впились в амазонок. После трех-четырех залпов они остановились и сейчас же повернули на-

зад. Отойдя за пальму, они остановились, видимо, готовясь к атаке. Тогда, чтобы не дать им одуматься, артиллерист, определив расстояние, приказал вновь стрелять, ибо шаспо хорошо бьют и на 1500 шагов. Пули наши вновь начали поражать врага. Он, замешавшись, вновь стал отступать и остановился вне наших выстрелов.

— Господа, амазонки готовятся броситься на нас в карьер и смять нас наскоком. Это им не удастся. Стреляйте не торопясь и хорошо прицеливаясь; они не доскочат до нас, — ободрил и приказал нам артиллерист. Едва я успел это перевести каравану, как раздался дикий, резкий крик амазонок, и они всей массой во весь карьер бросились на нас, [с копьями] наперевес. Впереди с несколькими амазонками неслась сама султанша, ободряя своё воинство.

1891. – 8 июля, № 22.

Амазонки налетели на наше импровизированное укрепление с чрезвычайной быстротой и отвагой, но учащённый огонь наших скорострелок, сняв с коней до пятидесяти воинов, заставил остальных повернуть назад, до самого укрепления. Отчаянная, энергичная команда рассвирепевшей султанши не могла удержать и вернуть их назад, так что и она, наконец, повернула коня и ускакала вслед за своими. Отважная повелительница амазонок, по-видимому, даже не была ранена, хотя Мартен очень желал её подстрелить. Вслед за ней, одобряя храбрость, французы кричали «браво» и после долго удивлялись духу и смелости этих степных наездниц. Жизнь и смелость этих амазонок и живущих среди них мужчин ясно показывали, что воспитание и понятие могут придать много мужественности, силы и крепости женщинам и, наоборот, ослабить те же качества у мужчин. Было ясно, что женщины других стран боязливы, слабы, изнежены, слабонервны, бесхарактерны не потому, что это так должно быть, а потому, что воспитание, понятия и условия жизни, действуя долго и постоянно, делают их таковыми. Мы видели, что мужской пол страны амазонок страдает теми же недостатками, коими отличаются женщины наших стран.

Дерево и зверь подчиняются и изменяются под влиянием воспитания и условий жизни. Человек тем более поддаётся в своём развитии и выработке характера влиянию среды, понятий и условий обстановки и жизни.

Отступление амазонок означало наше освобождение. Послав разведчиков, мы убедились, что враг ушёл к себе и, следовательно, дорога вперёд была открыта. Убрав убитых и засыпав их песком, мы оказали помощь четырём раненым амазонкам, сделав надлежащие перевязки. Они, по-видимому, были очень удивлены наш[ему] участи[ю], ибо по своим диким понятиям, не знают о милосердии к врагу. Даже бедуины-мусульмане недостаточно понимали наше попечение о раненых, замечая, что лучше оста-

вить этих безверных женщин на съедение зверей. Я объяснил им, что все люди суть твари Аллаха и что надо иметь сострадание не только к людям, но и к животным.

Посоветовавшись с караван-баши, мы решили отпустить наших пленниц, тем более, что брать их с собой не было надобности да и далёкого пути они едва ли и выдержали бы.

Одна из них видела меня и французов в бытность нашу в серале их повелительницы, а потому мусью Мартен поручил ей передать султанше поклон и посоветовал не брать в другой раз в свой гарем французов... Мы могли дать пленницам и лошадей, ибо от убитых амазонок осталось их более, чем было нужно.

На другой день после отступления врага мы с некоторыми предосторожностями, пустились в путь. Конечно, уже нечего было думать о путешествии в Судан к Мехди. Мы направились с караваном в Тунис, куда и прибыли благополучно через тридцать пять дней.

Тут мы узнали, что Мехди Мухамед Ахмед недавно умер и в Судане начались несогласия и голод.

Мои французы из Туниса отправились обратно во Францию, несколько сконфуженные неудачей экспедиции, а я направился в Константинополь. Скажу по правде, и мне хотелось в Париж; особенно, к прекрасной Маргарите Шалон, но ещё более сильные и серьёзные чувства тянули назад, на родину в Ташкент, а потому я решил ехать на время в Стамбул, а после, совершив благочестивое путешествие в Мекку, направиться домой. Прошло порядочно лет, узнают ли меня в Ташкенте? Найду ли в живых друзей моего отца – Баба Рахима Перваначи, Магомед бая Ходжабаева, Селим Ходжа Муслумбаева и других? И когда я их увижу?

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА С МОЛЛА АББАСОМ ФРАНСЕВИ¹

Посещение Гуль Бабы

1908. – 10 июня, № 42.

Я учился в одной из средних школ Стамбула. Школа находилась ближе к окраине города – среди садов, мечетей, кладбищ. Класс был очень светлым. С одной стороны широкие окна смотрели на двор мечети, выстланный камнями, на которые падала длинная, тёмная и резкая тень кипарисов, с другой стороны – на сверкающие золотым солнцем серебристые и синие волны Мраморного моря. Окрестность нашей школы была такой заброшенной и тихой, что, когда учителя заходили на урок и шум детей стихал, было ясно слышно воркующих голубей во дворе мечети и стук налинов² готовившегося к омовению муэдзина.

С Молла Аббасом я впервые познакомился здесь. Он остался у меня в памяти.

...Не прошло и месяца, как я перешёл в 4 класс. Был солнечный, жаркий, весёлый день. Окна класса были полностью открыты, дующий с моря сладкий, приятный ветер раскачивал большие белые, надувающиеся, как парус, занавески, распространяя прохладу и простор. Шел урок геометрии. Преподаватель Колагасы Тахсин Эфенди плохо видел. Из-за этого дети называли его Кёр Тахсин (Слепой Тахсин). Пользуясь его близорукостью, на этом уроке я прочёл попавшие как-то мне в руки «Французские письма». Этот рассказ так сильно захватил мою юную и чувствительную душу, что я забыл про урок, учителя, школу и прочее. Под монотонное объяснение, раскачиваясь вместе с дующим порывистым ветром Мраморного моря, в

1 Незаконченный рассказ И. Гаспринского, опубликованный на страницах газеты «Терджиман» в 1908 г. В 2003 г. транслитерирован на латиницу Байрам Ораком и Назим Мурадоглу как «Molla Abbas Franseviye Tesaddüf: Gül Baba Ziyareti» (İsmail Gaspiralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. –S. 341 – 361). Художественный перевод текста Г.Ю. Сеитваниевой.

2 Налины – деревянные башмаки, которые использовались при омовении и при посещениях хаммамов (бань).

состоянии, похожем на сон, я увидел прочитанную мной Страну Блаженства и как будто прожил в ней.

Вот с того дня, под сильным впечатлением книги, я записался учеником к Молла Аббасу.

Сейчас я в городе Будапеште, являющемся столицей Венгрии. Я не ищу визитов, как Молла Аббас. Я не путешествую для того, чтобы что-то увидеть. Я странствовал, чтобы успокоить душу, которая нигде не может найти покоя. Раз уж я оказался здесь, решил не уезжать, не увидев Гуль Бабу³.

Тюрбе Гуль Баба⁴ находится в стороне крепости Будин, во дворе особняка одного из богатых венгров. С помощью детей я нашёл особняк. У открывшей мне дверь молодой и красивой немки на ломаном немецком я спросил: «Здесь ли Гуль Баба?». Девушка вежливо ответила: «Здесь, проходите!» Поднявшись по лестнице из нескольких ступеней, мы очутились в верхнем дворе. В центре двора стоит тюрбе, похожее на стамбульские. На куполе есть месяц. На месяце написано: «На всё воля Аллаха». Девушка открыла запертую дверь, мы прошли дальше. Ровно в центре тюрбе она сдвинула несколько досок пола, нагнувшись, дотронулась рукой до земли и сказала: «Вот Гуль Баба!».

Я присел в углу. Закрыв глаза, я громко стал читать суру «Тебареке».⁵ Воздев руки, прочёл молитву. Открыв глаза, встал. Что я вижу? В тюрбе, в стороне Киблы,⁶ стоит белобородый, в белой чалме, в чёрном одеянии учитель... Он тоже, присев, читает Коран. Я поздоровался. Он знаком принял приветствие и также знаком велел, чтобы я дождался окончания чтения Корана. С нетерпением я стал ждать, повторяя про себя: «Интересно, кто это?» Через пять-шесть минут господин учитель закончил молитву.

– Ве алейкум селям (Мир Вам), сын мой! Откуда путь держите?

– С севера. Из снежных, мёрзлых, холодных стран... Надеюсь, что при-

3 По преданию, был дервишем по имени Зеки, прозванным Гюль Бабой за свою любовь к розам. В 1541 г. пришёл в Буду (Будапешт) вместе с турецкими войсками.

4 Восьмиугольная гробница Гюль Баба построена при османском правлении между 1543 и 1548 годами по приказу третьего паши Буды недалеко от моста Маргит. Гробница имеет плоский купол, покрыта свинцовыми пластинами и деревянными плитками. Во время второй битвы за Буду в 1686 г. при Габсбургах гробница чудом осталась неповреждённой, но была превращена в часовню католиками-иезуитами, которые переименовали её в Часовню Святого Иосифа. В 1885 г. османское правительство поручило венгерским инженерам восстановить гробницу, и когда работа была завершена в 1914 г., она была объявлена национальным памятником. Гробница была вновь восстановлена в 1960-х, а в 1990-х гг. подверглась повторной реставрации. В настоящее время гробница Гюль Баба является собственностью Республики Турция.

5 Получившая в народе название 67 сура Корана «Мульк».

6 Направление на Священную Каабу в Мекке, соблюдаемое во время совершения молитвы.

дёт успокоение к моей душе, нигде не могушей найти покой, я приехал на запад, к этим местам.

Засмеявшись, господин учитель похлопал меня по спине:

– Да, это свойственно Вашему возрасту... Молодость, бурное время... Пройдёт, всё пройдёт... Пойдёт дождь, может быть, сильный, однако не бойтесь, после него Вы обязательно найдёте покой. Обретёте спокойствие... Как и я, войдёте в осень жизни. Когда Ваша голова, лицо покроются снегом, больше не будет ни бури, ни сполохов зарницы, не ударит молния. Это время вечного покоя и безмолвия. Ах! Я бы тысячи раз пожертвовал этим спокойствием ради тех мук молодости... Но разве это возможно? Если судьба, оторвав Вас от Родины, бросила сюда, идите, идите вперёд, развивайтесь!.. Почувствуйте силу Создателя, искусность творения!..

Когда старец говорил эти слова, я смотрел ему в лицо: должно быть, ему было за семьдесят, однако он был очень бодр, здоров, полон жизни... Светло-карие глаза излучали свет. По глубоким морщинам на лбу прочитывалось, что он познал немало горечи, но и сладость жизни. Белая, как молоко, длинная борода на чёрном халате свидетельствовала о том, что, поняв смысл жизни, он освободился от бессмысленных тревог и переживаний. Несмотря на это, у старца загорелись глаза, когда он заговорил о молодости, задвигались брови, зашевелилась борода... Было видно, что выпавший на бороду снег не погасил полностью вулканы его души...

Но кто же он? Едва он закончил, я тотчас же спросил:

1908. – 17 июня, № 44

– Господин, позволительно ли мне спросить, кто Вы?

– Да, мой сын. Раньше я не очень желал быть известным, а сегодня не вижу необходимости скрывать имя. Я Молла Аббас Франсеви...

Этот ответ меня очень порадовал. Удача дала мне возможность предстать перед праведником, которого я очень давно хотел видеть и вот уже как десять-пятнадцать лет являлся его заочным учеником. Преклонившись, я поцеловал ему руку и вкратце рассказал о своей жизни, о том, с какого времени являюсь его учеником и как давно хотел его видеть. Пожелал ему блага.

Наставник погладил мою голову и сказал:

– Присядем, почитаем молитву.

Мы оба присели. Он помолился за меня. А я сказал «Амин!». Во время чтения молитвы мне было трудно принять на веру то, о чём я думал, и то, что я видел: мы в центре Европы, в столице одной из самых цивилизованных стран... Вместе с никому не известным, откуда-то пришедшим и куда-то идущим Молла Аббасом молимся в тюрьме одного из великих святых!..

Закончив молитву, мы встали и окинули взглядом стены. Везде были

мусульманские и не мусульманские имена и письма, начертанные арабскими и латинскими буквами. Его милость Молла Аббас, указав на одно из них, сказал:

– Вот, это моя запись, которую я сделал во время написания «Французских писем».

Затем дополнил:

– По некоторым причинам я написал, что в прошлый раз мне не удалось посетить Гуль Бабу...

На стене были изображены два фрагмента из аятов Корана и святых хадисов. Это были старинные рисунки, оставшиеся с тех времён, когда турки были правителями этих мест. Затем мы открыли книгу посетителей. Интересными были записи покойного шейха Абдюха⁷ и одного османского паши. Первая напоминала о могущественном периоде мусульман, когда турки достигли сердца Европы и правили здесь. Вторая выражала признательность за то, что друзья-венгерцы сохранили в хорошем состоянии мусульманское тюбе.

Мы около часа находились в тюбе. Я совсем забыл о девушке-служанке. А она, бедная, за время нашего поклонения Аллаху и общения, проявив уважение, тихо, ничем не выказав нетерпения, стояла и ждала около двери. По традиции мы дали ей немного подарков и вышли из особняка. Некоторое время, размышляя об увиденном, молча, шли дальше. Затем я спросил у наставника о подробностях жизни Гуль Бабы. И он поведал следующее:

– Мой сын, достоверных сведений о Гуль Бабе очень мало. Известно точно, что Гуль Баба пришёл ещё до того, как турки стали править Венгрией, и умер здесь. С большой долей вероятности Гуль Баба – перс. Персидские дервиши любят путешествовать и наблюдать. Возможно, один из дервишей, идя прямо на Запад, в конце концов достиг этих мест. По преданиям венгров, Гуль Баба заболел в Будине.⁸ Городские жители пытались помочь ему. И здесь произошло самое удивительное. Во время агонии Бабы неожиданно появился молодой дервиш... Конечно, все поразились. Когда душа покинула Гуль Бабу, этот юноша, расположившись у изголовья, что-то читал. Должно быть, он читал благословенный Ясин⁹. После смерти Бабы омыл его и предал земле. Затем исчез. Это необычайное событие произвело на людей большое впечатление...

Наставник закончил свой рассказ, мы дошли до Дуная, направляясь в сторону Агм¹⁰ по берегу реки. С левой стороны широкая река неторопливо, плавно и величественно несла свои воды. На противоположном берегу

7 Возможно, это выдуманный персонаж.

8 Будин – город в округе Раудниц в Богемии.

9 Ясин – тридцать шестая сура Корана, часть похоронного обряда у мусульман.

10 Возможно, название одного из районов или кварталов в Будапеште.

на широких равнинах расположен город Пешт¹¹, с высокими, строго спланированными светлыми зданиями, с большим количеством колоколен, фабричных труб с непрерывным, расплывчатым гудением. Справа, на склоне, погружаются в вечерний покой уставшие за трудовой день окраины Будина, состоящие из сравнительно небольших, простых белых домиков... Впереди нас, на чёрной горе, высится оставшаяся от турок разрушенная чёрная крепость...

Солнце скрылось за горой, на поверхности земли цвета крови гора и крепость кажутся черными. Эта страшная чёрная тень, напоминая о кровавом и чёрном времени средневековья, покрыла Дунай. А мы пешими продолжили путь в направлении горы.

Постепенно темнело. Вокруг появились одиночные яркие пятна. Немного погодя, Пешт и дунайские мосты захлебнулись в свете бесчисленных газовых и электрических фонарей. Город на чёрном горизонте превратился в большое пятно света, яркость которого отражалась в небе. На Дунае появились длинные и короткие, желтоватые и белые освещённые дорожки. Однако гора и крепость напротив нас оставались чёрными, страшными и величественными, игнорируя находящуюся у их ног яркую, заполненную светом жизнь. Появившиеся на другой горе маленькие жёлтые искры ещё больше усиливали и сгущали её мрачность. Наставник впереди, я сзади – мы шли прямо в направлении горы.

Когда достигли моста Елизаветы¹², мой наставник обратился ко мне:

1908, 4 июля, № 49

– Сын, поручаю тебя Аллаху¹³. Сейчас я должен пойти отдохнуть. Ночь ты, конечно, проведёшь в Будапеште. У тебя есть право. Молодые должны жить и веселиться. Я стар, я останусь здесь...

– Мы сможем завтра увидеться?

– Да-да, днём, ровно в двенадцать, приходите во дворец короля в комнату Гуль Бабы.

– Благодарю Вас. До свидания¹⁴!

11 Восточная равнинная часть Будапешта. От другой части города, Буды, Пешт отделён Дунаем. Иногда в венгерском языке слово *Пешт* используется вместо *Будапешт* для обозначения столицы страны.

12 В Венгрии мост Елизаветы называют мостом Эржебет или Эржебет-хид, так как по-венгерски имя императрицы Елизаветы Баварской звучит как Эржебет. Общей длиной всего в 290 метров, так как расположен на узком участке реки Дунай, он является четвёртым по размерам действующим мостом в Будапеште, соединяющим Буду и Пешт.

13 *Храни тебя Всевышний. Примечание переводчика.*

14 *Вверхемся Аллаху. Примечание переводчика.*

2. Комната Гуль Бабы и важные вопросы

На следующий день в 10 часов я вышел из отеля, спустился к берегу Дуная. Погода была ясной и приятной. Неспешно рассматривая окрестности, по мосту Елизаветы я перешёл на сторону Будина. На мосту было оживлённо. Пешими, на велосипедах, в фэтонах, автомобилях, не стесняя друг друга, люди без суеты, вполне упорядоченно, двигались в двух направлениях, не доставляя хлопот полицейским, нацепившим на шапки зелёные петушиные хвосты.

С этого моста просматривалась самая красивая панорама венгерской столицы, расположенной по обе стороны Дуная: выстроенные вдоль набережной четырёх-, пятиэтажные белые, свободно расположенные в стиле венгров здания сияли на стороне Пешта. Среди них, в первую очередь, бросались в глаза выстроенные в венгерской готике многочисленные башни и куполовидный Дворец Парламента, напоминавший о славной истории и великой свободе венгров.

Будин – двухъярусный, маленький, ослепительно белый, чистый город. На верхнем ярусе расположен один из самых ярких и величественных дворцов Европы – Дворец венгерских королей, окруженный садами; на нижнем ярусе – маленькие домики горожан. Немного издали весь город выглядит так, будто это один большой дворец.

На куполе дворца есть символ – Корона святого Стефана¹⁵. Крест на короне накрён вправо. По преданию, такое неестественное положение крест принял от удара меча немецкого всадника в одной из древних немецко-венгерских войн.

Перейдя мост, я за три минуты по подъемнику поднялся в сад дворца. Время было одиннадцать. Немного побродив по саду, ровно в двенадцать часов я вошёл во дворец.

Когда я оказался в комнате Гуль Бабы, наставник был уже там. Мы обменялись рукопожатиями. Показав на фрагмент одной из картин, он сказал:

– Видишь? Вот Гуль Баба – этот лежащий мучающийся, немощный старец... Другой – тот, который стоит около него во время наступления смерти, человек с длинными чёрными волосами, в зелёной чалме – дервиш, о котором говорилось в предании. Смотри, с каким удивлением, почтением и даже с некоторым испугом смотрят жители Будина, собравшиеся вокруг мужчины и женщины с детьми... Эта картина была заказана в память Гуль Бабы, и комната эта названа его именем. Это чайная комната короля.

Мы выглянули из окна. Была видна самая богатая часть спального района Пешта с наветренной стороны Дуная – прекрасный, как рай, остров

¹⁵ Корона святого Стефана – один из главных символов венгерской государственности.

Маргит¹⁶. Здесь, действительно, было приятно пить чай в пять часов. Светлые струны солнца, попадая в большие окна позолоченных зданий Пешта, отражались в глазах.

Этот вид занимал меня недолгое время. Повернувшись к Молла Аббасу, я сказал:

– Учитель, я сегодня потревожил Вас не для того, чтобы мы вместе любовались прекрасными видами из окна. Моей целью было узнать Ваше драгоценное мнение относительно нескольких вопросов, занимающих мои мысли, на которые я не могу ответить. Интересно, получите ли я их разрешение?

Наставник с мягкостью и простотой ответил:

– Почему нет? Однако, сын мой, действительно ли Ваши проблемы из разряда решаемых? В голову человека приходит множество вопросов, на которые не найдены ответы и которые остаются не озвученными. Есть и такие вопросы, на которые, если и найдены ответы, не отвечают. Да, держать в тайне некоторые вещи лучше, чем давать им объяснение.

Помолчав некоторое время, он дополнил:

– Сын, я думаю, эта дворцовая комната не очень подходит для обсуждения серьезных проблем. Если Вы хотите, мы спустимся в сад.

1908. – 11 июля, № 5

Мы спустились в сад. Я очень радовался тому, что узнаю мнение одного из добродетельных, мудрейших представителей исламского мира относительно вопросов, которые вот уже на протяжении десяти-двенадцати лет беспокоят мой разум и нарушают покой.

Мы сели напротив Дуная на одну из выстроенных в ряд скамеек.

– Говорите, сын мой, я слушаю Вас.

– Боюсь, что если я буду рассказывать подробно о проблемах, которые меня беспокоят, я потрачу Ваше время впустую. Поэтому я хочу их выразить, объединив в один вопрос.

– Как Вам будет угодно.

Наставник думал. Взгляд его устремился сквозь Пешт к горизонту, голова в большой белой чалме немного отклонилась назад... Слова «как Вам будет угодно» были сказаны, казалось, невзначай. Видимо, его ум пытался предугадать те вопросы, которые я хотел задать. Немного выждав, наставник обратился ко мне и, будто забыв ранее сказанное, добавил:

– Вы хотите поговорить о будущем ислама, не так ли?

16 Остров Маргит – остров на Дунае в городе Будапеште. Остров расположен в центре города между двумя частями венгерской столицы – Будой и Пештом и соединяется с ними мостом Маргариты в южной части и мостом Арпада в северной.

– Да, учитель! Тем не менее, всё же дайте мне разрешение выстроить свой вопрос в упорядоченной и подходящей форме и задать его.

Он одобрительно кивнул головой. Я, демонстрируя, что придаю значение каждому слову, продолжил:

– Вот, господин, одновременно и общая и сложная, и не одна, а две проблемы: под влиянием каких причин и факторов меняется и движется исламский мир сегодня? Осознавая это движение, как на него должны влиять мусульмане?

Я сказал это и замолчал. Молла Аббас тоже был безмолвен. Так прошло несколько минут... По чистым дорожкам сада, посыпанным песком, бегали модно одетые венгерские дети. Шаркая своими ножками, топчa песок, разбрасывали песчинки.

– Да, сказал он. У Вас есть право задать два сложных вопроса. Если начнём анализировать, появится ещё ряд вопросов. Что значит развитие? Что значит культура? Какие общества Вы можете отнести к развитым и культурным? Можно ли сказать, что сегодняшняя Европа в сравнении с мусульманским миром более развита и цивилизована? А если исламский мир действительно находится в состоянии упадка и краха, то каковы причины и факторы? Есть ли возможности и средства их устранения для спасения мусульманского мира? Какие? Какие задачи сегодня у мусульман, исламских государств? Не так ли, сын мой?

– Да, наставник. Вам выпало счастье видеть неизведанный уголок мусульманского мира – Страну блаженства. Являясь очевидцем той жизни и быта, Вы сравнили её с европейской культурой. Результат сравнения был не в пользу последней, европейской. Именно поэтому Вашему слуге под влиянием всеобщего мнения о европейской культуре как, несомненно, зрелой и развитой, перед таким мудрецом, как Вы, не хватило смелости чернить мусульманский мир, несомненно, вымирающий и угасающий, особенно в сегодняшнем его положении.

– Проблема эта как сложная, так и давняя... для обсуждения потребуются часы... у Вас есть сейчас столько времени?

– В Пеште у меня осталось всего одно дело: посещение Решида эфенди¹⁷...

1908. – 31 августа, № 65

– Решида эфенди можно видеть между двенадцатью и двумя часами. И я уже ровно в два должен быть на совещании. В таком случае Вы сейчас пойдёте к Решиду эфенди. А-а, Вы знаете, где его дом?

– Нет.

– Напротив, вот в этом огромном особняке на втором этаже (он по-

¹⁷ Решид эфенди – псевдоним известного венгерского востоковеда, путешественника Арминия Вамбери (1832–1913), используемый во время путешествий по Средней Азии.

казал рукой на одно из зданий, находящихся на стороне берега Пешта). Трамвай, в который Вы сядете на остановке подъемника, доставит вас прямо к дверям его дома.

– Решид эфенди, действительно, праведный человек. Он странствовал с подготовленностью, мало кому возможной для западных европейцев, а затем с непредвзятостью, к сожалению, мало присущей европейцам, передал увиденное. Решид эфенди хорошо знает ислам, мусульманский мир. Общаться с ним всегда полезно.

– Вечером, в 5 часов...

Ах, как же мне хотелось, чтобы он сказал «приходите к нам домой», по крайней мере, для того, чтобы иметь возможность познакомиться с временным жилищем Молла Аббаса Франсеви и таким образом узнать что-нибудь о жизни этой личности, окутанной тайнами, однако он этого не сказал.

– Приходите в ресторан театра Большой Оперы на проспекте Андраши, вместе поужинаем. Затем, если Вы не утомитесь, пообщаемся до полуночи. Сын мой, то, о чём Вы спрашиваете, занимает сегодня умы большинства мусульман. Я также над этим до сих пор ломаю голову, но... Как бы то ни было, до свидания, да хранит Вас Аллах! Не задерживайтесь.

Пожав ему руку, я пошёл прямо к подъёмнику. Он остался сидеть, устремив взгляд вдаль, погружённый в мысли, в состоянии задумчивости. Выходя из сада, обернувшись, я посмотрел ещё раз – он был также неподвижен...

3. Встреча с Решидом эфенди

В трамвае я думал...

Зачем я хочу посетить Решида эфенди? Есть ли что-либо побуждающее меня к действию, кроме интереса, который бывает у большинства татарской молодёжи, даже у пожилых, видеть старших, присутствовать на собрании старших. Хотя сам по себе этот интерес совсем не плох. Татарские хаджи, проходя через Стамбул и общаясь с такими, как шейх Джемалеттин¹⁸, учитель Муса¹⁹, Ахмет Митхат²⁰, довольно много узнали. И татар-

18 Джемалеттин Афгани (1839–1897) – мусульманский реформатор, идеолог панисламизма.

19 Учитель Мусса – должно быть, в тексте упоминается имя признанного теолога своего времени Муссы Казима (1858–1920). Был связан с младотурками, в 1910 г. стал шейхом.

20 Ахмед-Мидхат Эфенди (1845–1913) – турецкий писатель, переводчик, издатель и общественный деятель. В 1873 г. был сослан на о. Родос. Здесь он написал книгу своих воспоминаний под заглавием «Изгнание». Ввёл в Турции европейскую литературную форму – роман, написал более 50 романов и пьес для театра.

ская молодёжь, поехавшая за образованием в Стамбул, либо для обучения в подходящих медресе, либо для продолжения учёбы в современных школах, по пятницам и в дни каникул занималась поиском известных личностей, имела честь общаться с ними. Этим оружием пользовалась не только молодёжь, но и весь народ. Вместе с тем было бы неплохо, если бы здесь же я смог обсудить с Решидом эфенди одну тему.

Стал искать тему... Из всех восточных языков Решид эфенди главным образом был знатоком тюркских. Он был одним из тех, кто лучше всех знает политическое положение Востока, англо-русские отношения и роль мусульманского и тюркского мира в них.

На встречах с ним самыми полезными могут быть темы науки о языке, или истории, или же восточной политики. Раз так, думал я, лучше всего поговорить о только что обсуждаемой теме, то есть о мусульманах, нынешнем состоянии тюрков и их будущем.

Трамвай, переехав через мост, свернул направо. Через несколько минут я был перед домом известного востоковеда. Поднявшись на второй этаж, позвонил в дверь, дал свою визитку открывшей дверь пожилой женщине. Через некоторое время изнутри вместе со звуком шагов послышался голос:

– Проходите, проходите, господин.

Я вошёл. Перед дверью комнаты я встретился с невысоким, белобородым, бодрым старцем. Он всё ещё говорил:

– Проходите, проходите.

1908. – 14 сентября, № 67

Мы пожали друг другу руки. Перед кабинетом он показал мне на стул. Сам сел на другой перед столом.

– Господин, как настроение? Откуда Вы?

С одной стороны, я рассказывал коротко о своём приключении, объяснял причины своего приезда в Будапешт, с другой, – рассматривал лицо, взгляд, настроение человека, с которым беседовал, комнату, в которой находился.

Решид эфенди совсем не походил²¹ на человека, которому не дашь больше шестидесяти (в то время как ему ровно 75 лет!). Короткая белая борода, коротко подстриженные усы, сверкают очень живые глаза. Большая голова, с правильными чертами лица, довольно большой нос, широкий, с многочисленными бороздами лоб, аскетическое выражение лица с некоторым оттенком цинизма.

Просторный кабинет востоковеда с широкими и большими окнами,

21 «Не походил». Возможно, в тексте опечатка, должно быть «Решид эфенди походил на человека, которому не дашь больше шестидесяти». Примечание переводчика.

смотрящими на Дунай, Будин, Турецкую крепость, украшают восточные предметы, восточная мебель, полки с книгами, шкафы и портреты известных людей. Большое внимание притягивает полка, заполненная произведениями собственного сочинения, портреты короля и королевы Англии, лично подаренные ими его милости востоковеду, фотография Решида эфенди в одежде дервиша, сделанная во время путешествия в Среднюю Азию.

– Вы лучше всех знаете Восток, восточные языки, ислам, мусульманский мир и особенно турков, являющихся сегодня хозяевами мусульманского мира. Для нас очень полезно знать западную культуру, вооружённый западной мыслью и наукой взгляд, далёкий от различных бредовых идей и суеверий, освобождённый от всех видов связей прошлого, взгляд крепкого, ясного и способного ума на мусульманский и тюркский мир. Я надеялся получить от добродетельного человека пользу и просветление в обсуждении этих тем.

– Хорошо, господин. Действительно, я посетил, видел Восток. Очень люблю мусульман, турков. Я вырос в окружении покойного Решит Паши²². Был вместе с Фуат²³ и Али Пашой²⁴. В дальнейших путешествиях, исследованиях мне оченьгодились наработки, которые я сделал в Стамбуле. В этом отношении я очень признателен туркам. Всегда желаю туркам благ, и моё служение до настоящего времени было им полезным. Я горжусь тем, что мои усилия дали возможность Европе, и особенно англичанам, ознакомиться и иметь представление о турках и мусульманском мире. Враги турок не любят меня, господин. И я уже не люблю их.

– Я, господин, чаще всего пишу на английском. Англичане высоко ценят мои книги. Я, как большинство учёных Востока, занимаюсь не только теорией восточных наук, я одновременно ещё и практикующий востоковед: наблюдая сегодняшнюю жизнь Востока, анализируя, я даю информацию Европе...

Решид эфенди быстро, чисто говорил на понятном османском. В его речи присутствовал едва улавливаемый иностранный акцент, как у стамбульских греков, знающих турецкий. До сегодняшнего дня я встречался с несколькими востоковедами, но из них лучше всех говорит на турецком Решид эфенди.

– Вот, господин, что я хотел бы спросить: мусульмане, где бы они ни

22 Мустафа Решид Паша (1800–1858) – османский дипломат и государственный деятель, один из главных архитекторов социально-политических реформ эпохи Танзимата.

23 Кечеджизаде Мехмед Эмин Фуад Паша (1814–1869) – османский государственный деятель и писатель, великий визирь.

24 Возможно, Мехмед Эмин Аали-паша (1815–1871) – государственный деятель Османской империи, великий визирь. Один из лидеров программы реформ Танзимата.

находились, как бы они ни жили, в сравнении с европейцами во всех отношениях позади... Интересно, какие причины этому?... Второе...

– Невежество, господин, неве...

– Хорошо, господин, однако почему весь мусульманский мир остаётся невежественным, а другие народы читают, учатся?..

– Если Вам угодно, хотите я скажу то, что я думаю? Но я боюсь, что это обидит Вас...

– Не стоит опасаться, господин, что Вы!

РАЗДЕЛ II

ПЛОДЫ ВРЕМЕНИ

Рассказы из жизни русских мусульман

М. Искендерова¹

1885. – 16 сентября, № 1.

Предисловие

Предупреждаем читателя, что скромное предисловие наше лишено высокопоэтических образов и глубокомысленных поучений, коими так богаты восточные авторы.

Рассказ наш лишён героических картин, титанической любви и страданий «Лейля и Мечнуна»² – он не описывает деяний героев, великанов и царей, но в то же время он далек от области преувеличений, невозможного, джинов и шайтанов. Наш рассказ – простое, безыскусное описание жизни простых людей, их стремлений и симпатий, и мы можем указать на одно его достоинство – это правдивость.

Читатель сам убедится в этом, пробежав несколько страниц наших рассказов. Мы не имеем претензии на художественное творчество, на тонкий [психологический] анализ, одно, что было нам доступно и по силам – это правдивость, верность копий, воспроизводимых нами.

Поэтому просим читателя не быть в отношении нашего произведения требовательным и строгим: мы писали, как видели, слышали и как могли.

Если перо наше хоть немного осветит наш сумрачный муравейник и послужит предметом мысли и думы для наших читателей – мы будем щедро вознаграждены за многие бессонные ночи и томительные дни, проведённые над этими рассказами.

1 Незаконченное произведение И. Гаспринского, опубликованное под единичным псевдонимом М. Искендеров на страницах газеты «Терджиман» в 1885 г. Предположение о возможном псевдониме выдвинул турецкий исследователь доктор Явуз Акпынар.

2 «Лейла и Маджнун» – письменный и фольклорный памятник народов Передней, Средней и Юго-Восточной Азии, в основе которого лежат древнеарабские легенды и предания о трагической любви юноши-поэта Кайса ибн Муада, прозванного Маджнуном (то есть одержимым), жившего якобы в конце VI – начале VIII вв. Мотив этой легенды лёг в основу многих произведений.

Бекство³

Н..., ныне незначительный городок Закавказья, в былое время, до русского господства, играл весьма видную роль в истории края. Местные владетельные ханы вели упорные, жестокие войны с соседними владетелями, или сообщая с ними отражали нашествие шахов Персии, или делали удалые набеги в области грузинских князей. Главным импульсом жизни города была война; наичценнейшим качеством человека – храбрость; лучшими воспоминаниями – число убитых противников и врагов.

Беспрерывные войны и волнения разрушали в несколько дней сотни счастливых жизней, кончавшихся под ножом убийцы или в тюрьме. Вчера могущественные, богатые беки сегодня были почти нищими, в положении своих многочисленных нукеров⁴; но в то же время своеобразная фортуна дарила богатство и власть новым любимцам, вчера ещё конюхам, бостанджи⁵ или сокольничим хана.

С покорением края русскими жизнь пошла тише, глаже, без скачков и опасных неожиданностей. Общая безопасность и новые порядки заменили прежнюю общую тревогу. Ханский дворец, полуразрушенный, с высоким садом и иссякшими фонтанами, стоит уныло, как бы задумавшись над происходившими буйными событиями. Недалеко от дворца, вместо виселицы, стоит ныне управление уездного начальника; вместо гарцевавших по городу ханских нукеров тихо проходят солдатики местной команды или торопливо идет полицейский стражник; вместо грозного кадия весы правосудия держит совсем нестрашный мировой судья. Если что и напоминает ещё старину, так это «качаги – разбойники», бесстрашные, часто несчастные удалцы, тревожащие спокойствие уезда и сон уездного начальника. Напоминает ещё старину многочисленные беки – помещики и ханы, владельцы громадных поместий, в коих проводят свою жизнь так же, как во времена ханов. Спесь, часто взаимная вражда, ничегонеделание, лошади, охота, соколы, собаки и дорогое оружие – вот аксессуары и интересы их жизни. Лучшими качествами их, как и прежде, остаются лишь храбрость и хлебосольство, а затем, снимите с некоторых генеральские мундиры, с некоторых – офицерские погоны и дайте добрую волошку, – если хотите видеть бекство и деяния времен Шах Надира⁶... Словом, окрестности когда-то столичного города Н. и ныне изобилуют беками и даже ханами.

3 Дворянский титул у некоторых народов Ближнего Востока и Средней Азии, категория привилегированного населения.

4 Военный слуга, дружинник. Происходит от монгольского «нокор» или «нйкар» – друг, товарищ.

5 Садовник, придворный слуга, основной задачей которого была наружная охрана дворца вельможи.

6 Надир-шах Афшар, известный также как Надир-кули хан, выходец из туркменского племени афшаров – полководец, шах Ирана в 1736–1747 гг., основатель династии Афшаридов.

Каждая фамилия имеет свою краткую или длинную историю, которая служит предметом интереса, разговора и изысканий, а иногда и насмешек благородного сословия.

Как бы замкнуто и изолированно не жили по своим поместьям беки, но новая жизнь и условия её не могли не коснуться их, и, к сожалению, отразились с невыгодной стороны: дедовские богатства стали таять, более и более стесняя и путая наивных внуков, не замечающих, что новые времена и условия жизни требуют усиленной деятельности, если желаешь избежать падения. Удовлетворение неведомых прежде нужд и потребностей, ношение мундира на красной подкладке или блестящих эполет, желание хоть изредка показать себя в Тифлисе⁷ или за столом местного губернатора – вызывают совершенно новые и немалые расходы, кои выходят за пределы обыкновенной бековой сметы и требуют чрезвычайных доходов, коих нет или, вернее, кои бек не умеет извлечь из своих богатейших владений. Таким образом, долги растут, продажи земель учащаются, недовольство временем и обстоятельствами, не совсем понятными для бека, увеличивается...

1885. – 20 сентября, № 2.

Однако, среди постоянных денежных затруднений беки все же с честью поддерживают свое благородство. Масса прислуги, всякой домашней челяди, лошадей, собак указывает на знатное происхождение хозяина. Шумные охоты, блестящие свадебные пиршества, кастовая изолированность от остального населения, значительная спесь и самомнение, нередко буйство и убийства из-за малейшего оскорбления напоминают доброе старое время, когда предки этих благородных беков давали отпор силам Ирана или увозили грузинских царевен.

Был конец августа 187...г. Беки и ханы Н-ского уезда собрались в имении Ахмат Бека на соколиную охоту и скачки. Тут можно было видеть отлично выдрессированных охотничьих птиц и представителей лучшей крови карабахских лошадей. Охота и скачки с участием массы любопытного населения продолжались целую неделю. Ахмат бек, представитель славного и богатого рода князей Бахтлинских, разместив в нескольких аулах своих многочисленных гостей, на славу потчевал их и яствами, и питиями, и местной музыкой. Благородные гости, чтобы ответить [на] любезности хозяина, одаривали его лошадьми, соколами, собаками и щедро награждали музыкантов и хозяйских нукеров. С одной стороны, угощения, с другой – подарки и бакшиши⁸ лились рекой. Какой-то туземный артист, попавший случайно на празднество, за один день получил с гостей князя несколько сотен рублей бакшиша. В честь уездного начальника, приезжавшего на пиршество, беки дали музыкантам триста рублей и почти столько же сот-

⁷ Название Тбилиси в русской транскрипции до 1936 г.

⁸ Денежное вознаграждение, чаевые.

ским, провожавшим начальника. Сам он получил от одного бека отличного карабахского жеребца. И все это в честь и во славу хлебосольного хозяина праздника Ахмат бека.

Интересный дервиш⁹

Скачки и охота продолжались целую неделю. Начавшись с прошлой пятницы, они должны были закончить в эту. В ауле Ахмат бека была большая соборная мечеть, построенная ещё его прадедом. Перед тем, как разъезжаться, гости Ахмат бека собрались в мечеть, чтобы совершить праздничную молитву. Сам Ахмат бек аккуратно каждую пятницу бывал в мечети, как и большинство его благородных гостей. На сегодняшнюю молитву собралось тем более народа, что в мечети можно было видеть всю знать ближайших местностей и послушать проповедь путешествующего дервиша, случившегося в этот день в ауле.

Это был молодой, статный дервиш, почти ещё юноша, гостивший второй день у местного муллы. Почетный мулла во внимание к бедному дервишу, в учености коего успел убедиться из разговора с ним, предложил ему [произнести] пятничную проповедь и намекнул, что собрание беков и других прихожан не оставит его без вознаграждения как благочестивого путешественника.

Дервиш охотно принял доброжелательное предложение муллы и горячо благодарил его. За час до полуденной молитвы, когда народ стал собираться в мечеть, внимание каждого обращал на себя этот странник, весьма скромный на вид, сидевший у дверей мечети. Однако бросалось в глаза необыкновенная для странствующих дервишей чистота и опрятность его и нарядность костюма, граничившая с богатством. Белая шёлковая чалма, чистая, тонкая рубаша и сверх этого приличное одеяние из хорошего сукна резко отличали его от большинства дервишей, обыкновенно обросших волосами – грязных и оборванных. На вопросы любопытных мулла сообщал, что молодой дервиш – сын одного знаменитого шейха из Дагестана и направляется по святым местам через Багдад и Сирию в Египет. Сообщение муллы, что он сегодня прочтет проповедь, возбуждало ещё больший интерес к нему.

Когда прибыл кн[язь] Ахмат бек, мечеть уже почти была полна его гостями и народом. У наружных дверей мечети толпились местные нищие и калеки. В мечети на возвышении для проповеди сидел молодой дервиш, перебирая тихо четки, выточенные из кокосового ореха.

Едва успел Ахмат бек занять свое обычное место, мулла взглядом дал знать проповеднику, что можно начинать. Почти всё собрание разом взглянуло в сторону дервиша и затем тихо опустило головы и сосредоточилось, чтобы слушать. В мечети воцарилась торжественная, нерушимая тишина...

⁹ Мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма.

Молодой проповедник оправился, сел удобней и, как бы раздумывая, стал пристально оглядывать всё собрание молящихся. Проповедник молчал.... Незаметно было, чтобы он смущался, но многие думали, что молодой дервиш не знает, как начать, и конфузится.... Но вот раздалась плавная, гармоничная речь.

«Братья по вере, – начал проповедник, – между вами я вижу людей простых и людей благородного происхождения. Всемиловейший Аллах даёт на этом свете людям разное положение, разные способности, разное богатство и счастье, но это внешнее различие не должно вводить нас в заблуждение, ибо различие это есть лишь одно из условий человеческой жизни, но перед лицом Аллаха и шариата¹⁰, перед добром и правдой – нет и не будет ни бедных, ни богатых, ни простых, ни знатных, а признаются лишь равноправные мусульмане. Превосходство одного мусульманина над другим основано лишь на степени его учености и нравственности. Поэтому, братья, кто бы не были вы, не забывайте, что в конце концов вы просто мусульмане, достоинство коих равно лишь приобретенным познаниям и соделанному добру.

1885. – 23 сентября, № 3.

Князья и беки, помните ежеминутно, что без знаний и добрых дел вы не будете отличены; не падайте духом, бедные и простые люди, ибо перед Аллахом равны все мусульмане. Мусульмане, я сказал, что Аллах даёт людям разные положения и разные богатства. Да. Но думали ли вы когда-нибудь о том, что с того и потребуется больше, кому дано более? Об этом-то я и хочу напомнить вам. Князья и беки, Аллах даровал вам благородное имя, окруженное почетом; наградил богатствами, достаточными на многое... Пусть каждый из нас подумает и судит себя: с пользою ли для себя и общины верующих служило наше почетное имя и значительные богатства? Если нет – страшитесь Судного дня, ибо надо будет ответить, как и для чего мы пользовались благами Всевышнего, дарованными нам по рождению и состоянию столь щедро... Пусть каждый из нас, не осуждая никого, судит лишь самого себя... Что сказать о влиятельном, богатом лице благородного, высшего сословия, если оно не желает или не умеет жить с пользою для себя и своих меньших братьев, часто зависимых от него, нуждающихся в нем? Такое лицо достойно сожаления; оно жалко в своем благоденствии и величии; такое лицо бледнее и ниже простого, неизвестного рабочего, дающего по пятницам копейку нищему брату!..»

Несмотря на все благоговение мусульман к храму и священной проповеди, было заметно, что смелые речи дервиша очень неприятно действовали на некоторых из присутствующих, так как они искоса бросали на про-

¹⁰ Совокупность юридических норм, нравственных принципов и правил поведения мусульманина, основанных на Коране.

поведника недовольные взгляды. Однако дервиш, нисколько не смущаясь, с большим воодушевлением продолжал: «На пути моем я встречал много знатных и богатых мусульман... Что же они представляют из себя? Один заражён манией к борзым собакам, из-за которых немилосердно бьет своих слуг; другой заражён манией к лошадям и за хорошего коня готов отдать и сердце, и дружбу, и вражду, и дюжину людей, если бы существовало невольничество; третий помешан на эполетах, полученных в Петербурге, где он спустил более половины своего состояния, не узнав даже и того, что эполеты не простое лишь украшение, а внешний знак доблести, знания и воспитания. Он и ночью спит, не снимая эполет, но, увы, не догадался выучиться подписывать свою фамилию хоть днём. Четвертый страдает болезненной жадностью к деньгам, кои копит и копит, лстя сильным, обижая слабых и лишая воспитания родных детей; пятый помешан на своей родовитости, тратит сотни и тысячи на знакомство со знатыми людьми, но не способен пожертвовать сотни рублей на покривившуюся мечеть или сгнивший мост в своём имении... Я мог бы перечислять десятки подобных «столпов народа», «благородства крови», «отличенных рождением», но довольно и сказанного.

Здесь, в мечети, я вижу много беков и знатных лиц и молю Всевышнего Творца, да ниспослет Он свое благословение на них, чтобы они высоко держали знамя благородства и силы, чтобы они были достойными, сильными и честными представителями, покровителями и руководителями меньших братьев! Благородство – положение хорошее, но оно сопряжено с большой ответственностью. Благородство налагает тяжелые обязанности и только тот благороден, кто с честью и смирением несет эти обязанности. Уважение и стремление к знанию и науке, любовь к труду, защита слабого, помощь бедному, твердость в несчастьях, неизменная правдивость – вот качества, кои делают человека благородным и воистину покоряют ему сердца окружающих людей. Невежество, леность, безнравственность, кривда губят, разъедают благородство, как ядовитая ржавчина. Каждый из нас может видеть примеры, как эта ржавчина съедает потомков наиславнейших родов... Князья и беки, чтобы сохранить свое положение, чтобы спастись от падения и гибели – примитесь за дело, соответствующее вашему высокому призванию идти во главе простого люда и освещать ему дорогу. Учитесь и учите; трудитесь и помогайте трудящимся; будьте справедливы и поддерживайте правых; будьте милосердны и прощайте виновных; сейте добро и поддерживайте доброе – и тогда будьте уверены, что Аллах облегчит вас, народ же полюбит сильнее и будет уважать более искренно. Щедрость и хлебосольство Н-ских князей и беков известны всему Кавказу, но нет у них ни пристанища для бедных, ни утешения для больных, ни охраны для сирот, ни воспитательных учреждений для собственных детей. Мусульмане, посмотрите, что делается кругом, что делают армяне, грузины... Они были позади нас, теперь идут впереди. Вспомним и поймем, братья, что без разумного труда отцовские богатства не долго поддержат нас, что без знаний

одно рождение не облагородит нас, что Аллах даёт лишь разумно просящему. Наука и труд, народ и родина ждут вас, ждут вашей деятельности в этом направлении.

Помните, что мусульмане обязаны уважать не происхождение ваше, а ваши знания, ни силу вашу, а справедливость, не богатство ваше, а щедрость.

1885. – 27 сентября, № 4.

Наступает час молитвы; я кончаю и молю Аллаха, чтобы он даровал нам силу достойно пройти наш жизненный путь. Улемы¹¹ да будут честными учителями и светильниками знаний; а прочие да будут разумными, трудящимися мусульманами. Аминь!»

Вся масса молящихся, как бы в одно слово, повторяла «Аминь».

Между тем муэдзин¹² по указанию муллы¹³ уже обходил ряды молящихся, собирал пожертвования в пользу проповедника.

Все вносили в платок муэдзина свою лепту; беки, кажется, затронутые проповедью, отличались особенной щедростью, так что в несколько минут сбор уже оказался в несколько сотен рублей. Обошедший все ряды, муэдзин подошёл к дервишу и подал ему приношение. Тот, совершив краткую молитву, взял в руки платок и, обратившись к народу, сказал: «Аллах судил мне быть далеким от суеты мира сего. В больших деньгах я надобности не имею, в маленьких не нуждаюсь: на свете всюду есть добрые люди, кормящие бедного странника... А потому, принимая с глубокой благодарностью ваше братское приношение, я, во славу вашу, жертвую их на образование капитала богадельни для калек этой деревни, кои теперь, как вы видите, ждут нашей поддержки и приношений, стоя униженно на ступенях входа».

С этими словами дервиш сошёл с кафедры и занял место для молитвы. В это время раздался призывной голос муэдзина, и правоверные приступили к пятничной молитве.

Новый мюридизм¹⁴

По окончании службы народ, оглядывая мимоходом случайного проповедника, стал расходиться, а беки сгруппировались частью около Ахмат бека у выхода и частью снаружи во дворе мечети в ожидании выхода хлебосольного хозяина.

Дервиш тоже направился медленно к выходу в ожидании муллы, чтобы идти к нему. Но в это время подошёл к нему слуга Ахмат бека и передал приглашение князя идти к нему в кунацкую¹⁵ обедать. Дервиш пристально

11 Ученый, знаток теоретических и практических сторон ислама.

12 Муэдзин – служитель при мечети, возглашающий с минарета часы молитвы.

13 Духовное лицо у мусульман, выполняющий функции имама в мечети.

14 Послушничество, одно из направлений в суфизме.

15 Часть дома для приёма гостей.

взглянул на слугу, смутившегося от этого глубокого, тяжелого взгляда, и сказал: «Да будет к нему милостив Аллах! Скажи князю, что правила нашего ордена возбраняют принимать какое-либо даяние, кусок же насущного хлеба мы можем принять прямо из рук дающего непосредственно...»

Дервиш уже был у выхода со двора мечети, когда нагнал его сам Ахмат бек и [с] обычн[ым] приветстви[ем] лично пригласил обедать у него.

Большая кунацкая зала, богато убранная персидскими коврами и расшитыми шёлковыми подушками вокруг стен, была полна гостей, собиравшихся разъезжаться по своим поместьям. Во дворе суежилась масса прислуги и нукеров, седлавших лошадей, закладывавших экипажи или водивших собак и скакунов. В глубине залы на почетном месте сидел дервиш и вел отрывочную беседу с некоторыми беками. Остальные внимательно слушали и перешептывались, чиновные беки, т.е. разные ассесоры¹⁶, корнеты и поручики, обменивались краткими замечаниями насчет дервиша по-русски.

– Могу ли узнать Ваше благородное имя? – спрашивал некий бек.

– Слуга ваш Аббас, сын шейх[а] Ахмеда, – отвечал дервиш.

– Откуда и куда ведет Вас счастливый путь?

– Иду из Дагестана на поклонение святым местам Ирака и Аравии.

– Жив ли Ваш благословенный отец и много ли у него мюридов¹⁷?

– Да продлит Аллах Ваши дни, господин. Отец мой умер несколько лет назад. Текие¹⁸ наше разрушено, мюриды разбрелись и поумирали. После пленения шейх[а] Шамиля¹⁹ отец мой, бывший уже в преклонных летах, не мог нести службу; я же был ребенком.

– Но вокруг Вас, с благословения Аллаха, соберутся новые мюриды. Мы живем лишь Вашими молитвами, – утешил другой князь.

– То и ведает Аллах, – ответил дервиш, – хотя имею уже несколько мюридов-последователей, но не скоро можно будет возродить и обновить распавшееся братство моего отца, ибо времена теперь не прежние и условия ордена, коему я следую, крайне тяжелы. Не всякому человеку под силу быть мюридом.

– Мюридизм имел свое значение, когда нужно было Дагестану бороться против русских. Мюриды были лучшие воины. Теперь же, когда край усмирен, религиозные братства потеряли половину своего смысла, тем более, что каждый мусульманин может совершать свои молитвы самостоятельно, без корпорации, – профилософствовал сосед Ахмат бека, отставной ротмистр²⁰ Зия бек.

¹⁶ Гражданский чин в царской России.

¹⁷ Послушники.

¹⁸ Обитель дервишей.

¹⁹ Шамиль (1797–1871) – предводитель кавказских горцев, в 1834 г. признанный имамом теократического государства – Северо-Кавказский имамат, в котором объединил горцев Западного Дагестана, Чечни и Черкесии, был шейхом накшбандийского тариката.

²⁰ Офицерский чин в кавалерии, равный капитану.

Шейх Аббас медленно обратил голову в сторону говорившего и, упорно глядя на него, возразил: «Вы глубоко ошибаетесь, бей. Отцы наши не ведали своих врагов, несших к ним мир и спокойствие, охрану и знания; боролись с ними и молили Аллаха лишь о победе на поле брани...»

– Если Вы признаёте, что мюридизм имел значение для борьбы против неведомых нам тогда русских, то Вы должны согласиться, что и теперь мюридизм должен иметь важное значение в ином направлении для борьбы с действительным и злейшим врагом нашим....Враг существует, следовательно, мюриды, жертвы и молитвы нужны.

– Кто же этот враг? – перебил нетерпеливо ротмистер.

– Это наше глубокое невежество, окутавшее нас, как заколдованное покрывало, оледенившее наши сердца, помрачившее наши мысли, притупившее наши способности.

1885. – 4 октября, № 6.

– Против этого-то врага, мой князь, нам нужны мюриды и борцы, более сильные, более решительные, чем были храбрые сподвижники моего отца, погибшие доблестно в борьбе с русскими... Умирая, старик мой завещал мне не покидать наше текие и собрать новых мюридов. Новые мюриды должны бросить кинжал и винтовку, заменив их пером и книгой, они не обязаны жертвовать жизнью и кровью, но должны быть готовы нести все труды и недостатки свои в пользу науки, знаний и тёмного люда, душимого днём и ночью, из года в год беспощадным врагом своим – невежеством, памяти[я], что чернила учёного столь же священны, как кровь мученика. Вот почему я заметил выше, что трудно будет мне собрать мюридов и возродить, обновить текие моего отца. Да успокоит его Аллах!

Слова дервиша произвели на присутствующих ещё более глубокое впечатление, чем его сегодняшняя проповедь. Все, хотя не ясно, но сознавали, что дервиш говорит о чём-то новом, высоком и святом и невольно начинали чувствовать особенное уважение к духовнику, проповедующему не так и не о том, что говорят обыкновенные муллы и дервиши. Все начинали чувствовать, что шейх Аббас – новая и могучая, хотя ещё неведомая сила.

(Новые мюриды)

Уже под вечер разъехались гости князя, унося с собой сильные впечатления идей шейх[а] Аббаса. Долго после этого на собраниях и меджлисах²¹ вспоминали, обсуждали беки и муллы мысли, брошенные им здесь как бы мимоходом.

Шейх Аббас уехал тогда же с двумя молодыми беками, гостями князя,

21 Здесь в значении «совещание, собрание».

жившими по пути его следования. Как ни упрашивал Ахмат бек погостить у него хоть несколько дней, но шейх не остался, а обещал лишь заехать на обратном пути со святых мест, а в крайнем случае, писать князю и письменно беседовать с ним, если то будет его интересовать. Но князь чувствовал беду в том, что едва мог читать и вовсе не умел писать! Беки, повёзшие шейха, принадлежали к более или менее просвещённой, развитой молодежи уезда и были крайне заинтересованы личностью и речами молодого шейха. Один из них, Гассан бек Бакиханов, ещё молодой человек, питомец одной из тифлиских гимназий, имел довольно изрядное земельное состояние, занимался хозяйством и отчасти адвокатурой в пределах своего уезда. Он отличался честными наклонностями, вёл скромную, безупречную жизнь и пользовался общим уважением соседей и простого люда, которых он часто защищал своим знанием и влиянием в судах и иных случаях. Бакиханов был холост, независим и по домашнему хозяйству не знал хлопот, благодаря своей старушке-матери, частенько осаждавшей его настоящими женитьбами и описаниями окрестных красавиц, дочерей соседей беков.

Другой, Худаверди бек Арсланов, человек лет тридцати пяти, представитель знатного, но значительно обедневшего рода, владевший, однако, состоянием, обеспечивающим ему безбедное существование. Худаверди бек ныне в отставке, ранее же служил по уездной администрации и немного по мировым учреждениям. Служба близко ознакомила его с населением, его нуждами и недостатками, так что он знал лучше, чем кто-либо другой, сколько теряет и проигрывает мусульманский люд от своего невежества. Поэтому он серьёзно сочувствовал массе, но для облегчения её страданий ничего не мог сделать. Худаверди был семьянином имел уже троих деток, девочку и двух мальчиков-подростков, и был крайне озабочен их воспитанием и развитием. Жена его, весьма добрая женщина, аккуратная хозяйка и хорошенка ханым, по части воспитания была нуль, ибо не знала даже грамоты, не говоря о чем-либо другом. Зная это, Худаверди бек тем более был озабочен, что не знал, как устроить дело воспитания детей, а желал он дать им хорошую подготовку.

Гассан и Худаверди, сочувствующие незавидному положению массы мусульман и недостатку их воспитания, были более других затронуты и увлечены речами шейх[а] Аббаса, были очень рады провести с ним несколько лишних часов и побеседовать на любимую тему. Тем более это было интересно, что слова и мысли шейха как духовного лица имели особую авторитетность и одобряющую силу.

Почётные беки и их священный гость просидели далеко за полночь, беседуя о великих правилах шариата, о нуждах народа, его воспитании и прогрессе. Шейх Аббас в ясных и рельефных чертах изобразил им время, его потребности, положение мусульманского общества и картину деятельности для введения в среду его просвещения и благ прогресса.

Беки были окончательно увлечены, очарованы своим чалманосным со-

беседником и дали ему слово по мере сил следовать его простым указаниям, чтобы жизнь не протекала попусту и бесцельно, а служила мало ли, много ли общей пользе единоверцев и родины.

– Шейх наш, – говорил с одушевлением Худаверди бек, – я с утра начну следовать по указанной Вами святой дороге, но когда и где нам можно будет видеть Вас ещё, чтобы поведать о ходе предстоящей деятельности и запастись на случай неудач новой решительностью к доброму делу? Вы едете так далеко.

1885. – 11 октября, № 8.

– Если Аллаху будет угодно, я скоро вернусь и выберу постоянное место пребывания, по всей вероятности, на родине; тогда я и вас извещу. Будем переписываться, если нельзя будет часто видеться, – ответил хладнокровно шейх и, обращаясь к обоим, добавил: – Братья мои, в вас я нахожу ещё двух просвещённых товарищей для благого дела и убеждён, что скоро вы будете любоваться сладкими плодами доброй деятельности. Начните с учреждения богадельни в ауле князя; окончив это, продолжайте далее... Аллах будет с вами.

– Шейх, – вмешался Гассан бек, – мы будем следовать Вашим указаниям. Наши сердца принадлежат Вам. Вы наполнили их новыми чувствами и осыятили новыми идеями; теперь мы знаем, что можем жить с пользой для многих. Этим мы обязаны Вам, и нам будет горько потерять Вас из виду и не делиться с Вами нашими радостями и печалью на поприще указанной Вами деятельности. Не товарищи мы Вам, нет, мы мюриды, ученики Ваши, коих Вы не должны оставлять одних без руководства в их будущих предприятиях.

Гассан говорил с таким юношеским увлечением и искренностью, что дервиш был, видимо, тронут и, обняв, поцеловал обоих друзей.

– Да благословит вас Аллах, я с радостью признаю вас и братьями, и мюридами дела, коему посвящена моя жизнь. Предупреждаю, что первое правило нашего ордена и верный залог человека – это удваивать энергию и труд при каждой неудаче, помня, что нет ничего могущественнее человеческого духа, способного одинаково разбить и сопротивление невежества, и мраморные глыбы.

Между тем шейх Аббас собирал от своих собеседников справки о выдающихся мусульманах губернии, подробно расспрашивая об их общественном положении, наклонностях и образе жизни, давая в то же время необходимые советы своим мюридам, в какой форме привлечь их к делу или воспользоваться их влиянием. Всё это было так ново и интересно, что Гассан и Худаверди, забыв про глубокую ночь, возбуждённые, электризированные, [дышали] полной грудью. Только за дверями досадливо ворчал старый слуга Гассана, давно дремавший и ничего не понимавший из ожив-

лённой беседы шейха с господами, хотя они и говорили его же языком. Он готов бы был ругнуть про себя почтенного дервиша, виновника его бессонницы, но боялся греха и изливал свою досаду только ворчанием.

Оренбург

Просим читателя перенестись мысленно далеко на север от Закавказья, в Оренбург – город, играющий весьма видную роль в обмене произведений Европы и Средней Азии. Он имеет многочисленное мусульманское население, удваивающееся летом и осенью наплывным людом из степей Туркестана, Бухары, Хивы и других частей центральной Азии. Местные мусульмане, в большинстве торговый люд, отличаются строгим исполнением религиозных обрядов, трезвостью и деловитостью. Мусульманские купцы и торговые дома Оренбурга имеют постоянные связи с Москвой и всеми важнейшими пунктами Центральной Азии. Знание русского и тюркского языков делает их почти необходимыми посредниками по русско-азиатской торговле и даёт им хорошие выгоды.

Между нами не редкость негоцианты²², делающие обороты на сотни тысяч, иногда на миллионы. Торгующий люд, преимущественно татары, отличаются достатком и благоустроенной жизнью, хотя своеобразной и замкнутой. Тут же множество киргизов, промышляющих мелкой торговлей и ещё более поденной работой. Падёж скота и голодовки, бывшие в степях, обездолив массу киргизского народа, вынудили многих спасаться с семьями в городах Оренбургского края. Но что могли заработать бедные дети степей в городе, не имея средств, не зная никаких ремёсел? Несчастные всюду бедствовали и гибли, наполняя базары толпою нищих детей и женщин, голодных и оборванных. Какой-либо организованной помощи несчастным не было, а случайные подаяния мусульман и других мало помогали массе нуждающихся. Сотни киргизских жён и детей шатались по улицам истощённые, болезненные, без пристанища, но это мало кому кололо глаза; одни рассуждали «было бедствие, что же делать», другие думали, что совершили, что следует, бросив несчастным копейку, две...

1885. – 14 октября, № 9.

Грустно и больно было видеть несчастные толпы этого крепкого, честного, не испорченного, по-детски наивного народа, лишённого не только помощи окружающей сытой толпы, но даже его сочувствия. Никто не вспоминал, что многотысячные богатства создавались за счет труда и достоинства

²² Переговорщик, оптовый купец, оптовый посредник, коммерсант, ведущий крупные международные торговые операции.

этих детей природы, что тысячные барыши на сотни получались обиранием, чуть не грабежом этих доверчивых, простых степняков.

В несчастье они были одиноки; мало того, очень многие бессовестно и жадно эксплуатировали и самое несчастье их, пользуясь последними силами и остатками этих бедняков, проводивших ночи или под открытым небом, или в шалашах на окраинах города.

Спустя месяц после описанных нами событий в Н-м уезде, биржевой извозчик доставил в лучшую гостиницу Оренбурга приезжего с вокзала. Судя по костюму, это был кавказец в длинной черкеске²³, с дорогим кинжалом у пояса. Его черная мохнатая папаха красиво оттеняла белое, правильное лицо и живые, пытливые глаза.

Хозяин гостиницы, приняв гостя и указав хороший номер, сообщил мимоходом номерному, что приезжий – важный черкесский князь, и приказал быть внимательным.

Князь посвятил несколько дней на обозрение города, знаменитого менового двора²⁴, представляющего всю Азию в миниатюре, и на знакомство с представителями мусульманского купечества. В последующие дни все более или менее солидные купцы побывали у князя, возвращая ему визиты, но тут встретилось одно неудобство: кавказцы не стесняются пользоваться мясом и пищей, приготовленной русскими, но оренбургские да и вообще северо-восточные мусульмане России в большинстве отказываются есть мясо животного, зарезанного не мусульманином. Это вынудило князя заказывать обеды и закуски в мусульманской кухмистерской²⁵, о чём он и предупреждал своих гостей каждый раз, когда приходилось их чем-либо потчевать.

По-видимому, изучая характер и силу торговли мусульман Оренбурга и расспрашивая о ней, князь зондировал мнения и взгляды насчёт торговых сообществ, компаний, общих дел и прочее, иллюстрируя свои мысли священными изречениями, обещающими большой успех в делах, ведомых сообща, чем вы в одиночку. Почтенные коммерсанты хотя не совсем ясно понимали идеи князя, но чувствовали, что речи его клонятся к добру, и охотно его слушали.

Внимание их к князю выражалось приглашениями к себе на обед, так что он, чтобы успеть побывать понемногу у всех любезных оренбуржцев, пил утренний чай у одного, вечерний – у другого, обедал у третьего, и всегда в компании многочисленных коммерсантов, друзей и знакомых хозяина.

Любезность, торговая способность, деловитость оренбургских мусульман, видимо, производили на князя самое лучшее впечатление. Он часто

23 У кавказских горцев и казаков: узкий длинный кафтан, затянутый в талии, без ворота и с клинообразным вырезом на груди.

24 Рынок, построенный с целью развития торговли России с государствами Средней Азии и Индии. Был заложен в 1743 г. в 3 км. юго-западнее города Оренбурга.

25 Недорогая столовая, ресторан.

успокоился мыслью, что при некотором развитии люди эти могут пойти далеко вперёд в области торговой деятельности.

Так прошло уже дней десять; князь, довольный своим пребыванием в Оренбурге и сделанными наблюдениями, подумывал выехать. Номерной, прислуживавший ему и несколько привыкший, (сначала он побаивался его, наслышавшись, что чуть что, черкесы [хватаются] за кинжал – и делу конец), часто являлся в номер, осведомиться, не угодно ли чего. Как-то князь спросил у него, что же он может предложить ему, и серьёзно заметил, что позовёт, если что понадобится. Андрей, так звали номерного, пользуясь шутливым вопросом князя, замялся и проговорил: «Я мог бы предложить, если бы Вы позволили...»

– Что? – перебил нетерпеливо князь.

Андрей замялся ещё более.

Князь был заинтересован и приказал высказаться прямо.

Андрей сообщил, что мог бы доставить князю позабавиться киргизскую красавицу, если то уважают... Князь был возмущён; подобные услуги номерных не были неожиданностью для него, но его возмутило, что растлевающая язва могла коснуться и мусульманок; он строгим взглядом удалил Андрея и стал ходить по комнате, волнуемый неожиданной для него новостью.

После нескольких минут лицо князя прояснилось; едва заметно улыбнувшись, он позвонил – Андрей вошёл.

1885. – 25 октября, № 11.

– Послушай, – обратился к нему князь, – но хорошо ли тебе известно, что девушка, о которой ты говоришь, киргизка. Смотри, не обман ли какой?

– Будьте уверены, ваше сиятельство, настоящая киргизка, как есть. Их трое. На прошлой неделе я привозил одну для купца из Саратова... Вы сами убедитесь – Менгли-гулька чистая девушка-с.

– Но откуда они, где живут? Ты, братец, меня заинтересовал, – заметил одобрительно князь.

– Все трое сироты, ваше сиятельство, и взяты были с улицы на воспитание вдовой бывшего дворника нашей гостиницы-с; живут неподалёку-с, – сообщил с большой смелостью Андрей.

«Киргизка Менгли-Гуль»

Был первый час ночи, когда двери номера тихо открылись, и показался Андрей. За ним вслед вошла молодая гостья. «Они-с», – представил лаконически номерной и вышел, притворив тихо дверь. Перед князем стояла смущённая, едва сформировавшаяся девушка.

Он указал ей кресло и предложил сесть. Осилив смущение, она села. Желая облегчить её явно тягостное положение, князь начал разговор или скорее своего рода допрос.

– Скажите, Менгли-Гуль, – начал он, – давно Вы здесь в Оренбурге и у кого живёте?

– Я здесь живу уже года три с одной татаркой.

– А раньше где вы жили, и где Ваши родители?

– Мы из Тургайской области²⁶. Родители мои и я жили там, пока в одну суровую зиму, потеряв весь скот и не имея никакой поддержки от родичей, отец мой привёл нас сюда, в Оренбург. Здесь вскоре отец, а за ним и мать моя умерли; их похоронили добрые люди. Я осталась одна и была взята настоящей моей хозяйкой, знавшей меня ещё при жизни родителей.

– Что это за женщина, и довольны ли Вы жизнью у неё?

– Кто она, мне неизвестно; она меня не обижает и обещает сделать богатой.

Очевидно, несчастная не сознавала своего положения и не знала, на какую дорогу становилась.

– Учились ли Вы чему-либо? В ауле вашем был ли мулла?

– Да, был, но я ничему не училась; впрочем, матушка выучила меня вере и намазу²⁷.

– А намаз Вы не оставляете?

– Аллах нас сохрани! Нас три девушки и апстай (госпожа) вместе твоим молитву каждый день.

– Вот что, Менгли-Гуль, – сказал князь после некоторого раздумья, – я позвал Вас сюда не для чего-либо дурного, как Вы, может, подумали, но лишь узнать, согласитесь ли Вы жить иначе, если найдёте помощь; мне хочется сделать доброе дело и устроить Вашу судьбу, чтобы Вы жили без греха и своим хозяйством и трудом.

Менгли-Гуль сильно покраснела и, недоумевая от неожиданного вопроса, тихо ответила, что будет очень рада жить так, чтобы не стыдиться людей.

Через три дня после этого князь в компании многих почтенных купцов праздновал свадьбу Менгли-Гуль с молодым киргизом Бекназаром. Князь подарил Менгли-Гуль сто рублей на первое обзаведение²⁸, а Бекназару – рабочую лошадь и повозку. Купцы тоже поддерживали новобрачных, и они зажили счастливо.

– Времена очень скверные, нравственность падает, – заметил приходской мулла во время свадебного меджлиса.

²⁶ Административная единица в Российской империи, существовавшая в 1868–1920 гг. В настоящий момент большая часть бывшей Тургайской области является территорией Казахстана.

²⁷ Каноническая молитва, один из пяти столпов ислама.

²⁸ Вещи, необходимые для житья, хозяйства.

– Да, да, – подхватил один из присутствующих, – не все так счастливы, как эта спасённая девушка; есть ещё многие, стремившиеся в бездну гибели и греха, не обращая внимания на добрые советы.

– Господа, – вмешался князь, – когда люди гибнут от чего бы то ни было, не место советам, назиданиям. Наставлениями многого не сделаешь; тут надо решительно подать руку помощи и вытащить из бездны. Только это средство действительно, если хотите кого спасти.

Князь долго говорил на эту тему, выражая полное сочувствие сбившимся с пути добродетели мусульманкам. Искренность и горячее слово его сильно подействовали на собрание, и оно решило собрать немедленно необходимые деньги, чтобы устроить судьбу ещё нескольких девушек, оставшихся у очага позорного торга.

1885. – 28 октября, № 12.

И по сей день многие помнят в Оренбурге агитацию среди мусульман к прекращению начинавшейся между ними проституции, но не все, конечно, знают, что делу дал толчок некий приезжий черкесский князь и «добрый чудак», как выражались про него некоторые лица, встречавшие его в Оренбурге.

Нормальная школа

С-ская губерния одна из самых промышленных губерний Поволжья. Она богата заводами и бойкой торговлей. Значительное мусульманское население губернии отличается вообще достатком и торгово-промышленной деятельностью. Из числа множества первоклассных коммерсантов особенно выделяется многочисленная фамилия баев (*)²⁹ Джанмамаевых. Эта богатая фамилия, известная далеко за пределами губернии, имела постоянную торговлю по всем уездам губернии и производила дела чаем, хлебом и другими предметами в широком размере. В каждом бойком месте губернии проживал и вёл дело кто-либо из Джанмамаевых, почти в каждой волости кому-либо из них принадлежало обширное имение.

Живя врозь в течение года, все члены этой фамилии собирались два раза, во время байрамов³⁰ в общую фамильную деревню Каратав, где каждый из Джанмамаевых имел родовую усадьбу и где на общем кладбище [покоились] родоначальники этой фамилии.

Наш рассказ застаёт эту фамилию на праздник Курбан-байрам³¹ 187...

²⁹ *Примечание автора. Бай – богатый, домовитый, знатный.*

³⁰ Праздников. Имеется в виду два ежегодных мусульманских праздника Ораза-байрам и Курбан-байрам.

³¹ Ежегодный мусульманский праздник жертвоприношения, отмечаемый 10-го числа 12-го месяца лунного календаря. Является частью мусульманского обряда паломничества в Мекку.

года, когда по обыкновению все Джанмамаевы были в сборе в дер. Каратав и проводили сообща праздники, угощая друг друга богатыми обедами и вечеринками.

На этот раз в Каратав собралось десять семейств Джанмамаевых, представлявших собой около сотни родичей обоего пола. Был третий день праздника. У Губейдуллы Джанмамаева давался большой семейный обед отдельно для мужчин и женщин по обыкновению мусульман. В числе нескольких случайных гостей находился молодой юрист – магометанин. Он путешествовал с целью изучения обычного права тюркских племён и совершенно нежданно попал на праздники к Джанмамаевым.

В большой светлой зале были [на]крыты несколько столов, из коих один предназначался для подростков, детей Джанмамаевых. Человек пятнадцать мальчиков от 6 до 15-летнего возраста, занявшие этот стол, живо заинтересовали нашего юриста, и он во всё продолжение обеда расспрашивал отцов и старших братьев о ходе воспитания и порядке обучения этих очень милых, чистеньких детей.

Оказалось, что каждая семья содержит муллу и русского учителя для обучения своих детей грамоте, так что, в общем, [господа] Джанмамаевы тратили на воспитание своих детей ежегодно несколько тысяч руб., но, увы, результаты очень мало соответствовали затратам, ибо дети мало знали по-мусульмански и почти ничего по-русски, не говоря о каком-либо научном образовании. Отдавать детей в общие учебные заведения почему-то не было принято.

Всякому знакомому с мусульманским бытом известно, что когда в доме гости, чужие люди, мусульмане удаляются на свою половину и лишь некоторые любопытные из них решаются незаметно подсмотреть на гостя или подслушать его разговоры. Надо ли говорить, что более любопытства в таких случаях выказывают девушки. Так было и тут. Старшая дочь Губейдуллы-бая, девушка лет семнадцати, распоряжавшаяся подачей обеда гостям из соседней комнаты, с любопытством прислушивалась к речам обедавших и раньше, чем кто-либо, задалась вопросом: «Почему этот адвокат (так ей называли гостя) заинтересовался воспитанием детей и во всё продолжение обеда мешал Джанмамаевым беседовать о чаях, цене хлеба на рыночной бирже и прочее?»

1885. – 1 ноября, № 13.

После обеда, когда общество уже сидело за громадным самоваром и услаждалось отличным чаем из крошечных китайских чашечек, Губейдулла-бай надоумился спросить заезжего юриста: «Что так заинтересовали Вас наши детки, не стоящие, мол, особенного внимания, как лентяи и баловники».

– Напротив, бай, – ответил юрист, – дети выглядят совсем не избалованными и кажутся вам лентяями только потому, что, тратя несколько тысяч, вы их ничему не учите.

– Этот ответ вызвал общий вопрос Джанмамаевых; они как бы говорили: «Как же это ничему не учим?»

– Я хочу сказать, – продолжал юрист, – что на средства, расходуемые вами теперь порознь, можно бы дать сравнительно отличное воспитание и образование этим детям, тем более, что как будущим коммерсантам, знание им крайне необходимо...

Девушка, подслушивавшая за дверями, наострила уши и весьма основательно думала: «Какой, однако, он странный человек; он заботится о наших детях, точно о своих... Что бы это значило?»

Губейлулла-бай Джанмамаев, поднося гостю свежую и уже чуть не десятую чашечку чая, тоже заинтересовался, как казалось раньше, пустым разговором своего гостя и спросил:

– Как же это, объясните?

– Очень просто, – начал тот, – Вы, конечно, убеждены, что каждый мусульманин и мусульманка должны знать свою религию и грамоту. Вы, конечно, понимаете, что живя, торгуя в России, где законы пишутся и суд творится по-русски, необходимо знать русский язык, ради собственной защиты и благополучия, и, наконец, вы, несомненно, знаете, что чем более сведений имеет человек, тем более он понимает, и лучше судит и лучше устраивает жизнь. Вы не раз, вероятно, слышали, господа, что вера наша обязывает учиться наукам и мусульманина, и мусульманку. Они обязаны знать религию, повеления Аллаха и затем, сообразно полу и жизни, приобретать иные сведения. Так, когда мальчик обучается, например, бухгалтерии, механике, технике, девочка должна изучать домохозяйство, кройку, шитьё, рукоделье и прочее.

Вы тратите все вместе около пяти тысяч на обучение детей, но чему они выучиваются? На пять тысяч можно содержать четырёх хороших учителей, кои будут учить детей религии и передавать многие другие знания, необходимые в жизни. У вас здесь, в Каратаве, помещения есть. Ничего не стоит открыть на общие готовые средства фамильный пансион для мальчиков и даже особо для девушек. Дети ваши выучились бы, как следует, своему и русскому языку, религии и другим наукам, кои можно бы преподавать на татарском языке. За разрешением дело не станет, средства же имеются... Вот почему меня заинтересовали ваши детки, как дети мусульман, братьев моих по вере, столь отставших по времени от знаний и искусств.

Далее странный гость развил гг. Джанмамаевым целую систему воспитания и объяснил порядок, каким образом это можно осуществить. Бай слушал охотно и внимательно, но [его] немного передёргивало, когда заходила речь о воспитании девушек. Это уж он считали вовсе излишним, но из вежливости не возражал словоохотливому гостю.

Не так действовала эта идея на подслушивавшую девушку. Её свежая головка усилено работала за дверями, следя за каждой фразой интересного гостя.

1885. – 8 ноября, № 15.

«Он [считает], – думала она, – что религия обязывает учиться одинаково и мужчин, и женщин. Этого до сих пор мне никто не говорил... Он говорит, что когда мальчики учатся счёту, ремёслам, девушки должны учиться хозяйству и рукоделиям ... Это правда, я знаю лишь то, что видела от нашей кухарки; если училась – знала бы больше. Он говорит, что интересуется нашими детьми, как детьми мусульман, своих братьев... Это должно быть так, ибо Аллах приказывает мусульманам любить и молиться друг за друга, как за братьев... Но мусульмане часто обижают друг друга... Этот человек, должно быть, добр; он, верно, любит мусульман».

Чем более работала, мыслила молодая головка, тем больше вопросов возникало перед нею, и странный гость становился в её глазах интереснее и интереснее. Она решилась, наконец, украдкой взглянуть – что это за человек. Внешность молодого юриста тоже произвела на неё отличное впечатление. Она нашла его очень красивым и почему-то желала бы долго-долго смотреть на него...

На следующий день гость уехал, но проект его о пансионе, или, как он называл, мусульманской нормальной школе, долго обсуждался в среде Джанмамаевых, желавших его осуществления. Слухи о нормальной школе, учреждаемой богачами С-ской губернии, проникли даже в столичную печать, но затем дело стало и замялось.

Даниял-Бей

Кто из мусульман юга России не помнит и не чтит высокое имя князя Воронцова³²? Этот вельможа и правитель делал столько добра и так гуманно, отечески относился к мусульманам, что не скоро они его позабудут. Князь Воронцов – лучшая эпоха управления Новороссии и Кавказа.

В бытность князя наместником при нём стоял переводчиком и чиновником для поручений Сулейман-бей Худояров, человек хорошего происхождения. Князь, постоянно протезируя и покровительствуя ему за преданности и усердную службу, способствовал своим влиянием женитьбе Худоярова на богатой, знатной невесте и удостоил личным присутствием его свадьбу, одарив и его, и невесту богатыми подарками.

У Сулейман-бея от этого брака был сын, названный Даниялом. Помятуя наставление князя и лично сознавая, что образование необходимо, Су-

32 Михаил Семёнович Воронцов (1782–1856) – русский государственный деятель из рода Воронцовых.

лейман бей не поскупился дать сыну приличное воспитание. Даниял-бей, окончив университет, наследовал от отца довольно значительное состояние и поселился в Тифлисе. Так как этот человек играет значительную роль в наших рассказах, то мы подробнее познакомим с ним читателя.

1885. – 11 ноября, № 16.

Даниял-бей, получив домашнее мусульманское воспитание и успешно окончив классическую гимназию, завершил своё образование, как замечено выше, в университете [на] юридическом факультете. По складу характера, склонный к независимости, да к тому же довольно обеспеченный материально, он решил посвятить себя адвокатуре. Эта деятельность манила его, кроме значительной независимости, и тем, что представляла поприще, отвечающее складу его характера и взглядам на жизнь. Еще в гимназии Даниял-бей мечтал о деятельности на пользу мусульман, как наиболее слабых и нуждающихся в защите людей.

По возвращении из университета в Тифлис он, наблюдая их ближе, ещё более укрепился в намерении послужить и пожить на их пользу, хотя значительная часть мусульман относилась к нему в начале с некоторым недоверием, как к человеку не их воспитания, не их образа жизни. Это, однако, не обижало и не смущало [молодого человека]. Он понимал, что тёмный люд не мог иметь правильного взгляда, и не сомневался, что без особого труда заслужит его доверие и симпатии.

Два года провёл Даниял-бей, занимаясь исключительно адвокатурой. Не принимая на себя сомнительных дел и вовсе отказываясь от ведения дел хотя и верных, но нечистых с нравственной стороны, он успел составить себе доброе имя честного, бескорыстного человека, даровитого юриста и приобрести общее уважение знавших его. Суд, администрация и общество, в особенности мусульмане, удостоили его полным доверием. Отказ Данияла принять ведение дела обескураживало заинтересованное лицо и, наоборот, его согласие обнадеживало уже отчаявшегося. Все были уверены, что он понимает дела и за нечистое не возьмется.

Чем более знакомился Даниял-бей с окружавшим его единоверным народом, тем более он видел его невежество, ограниченность и страдание, возбуждавшие в нем большую и большую решимость посвятить себя исключительно делу помощи и просвещению своих единоплеменников.

Он часто думал: «Мусульман на Руси не мало... они везде одинаковы; нужды, недостатки и достоинства их – однородны.

Народ не без добрых начал, не без задатков, но кто поможет ему открыть глаза и как совершить это? Дворянство наше само ничего не видит; духовенство ушло от массы не далеко... Интеллигенции, людей видящих, понимающих нет; как быть? Для жизненности тела нужны нервы; масса нужда-

ется в интеллигентных руководителях, а их нет! Впрочем, может, найдутся, назреют, я же буду делать в этом направлении всё, что смогу. Во всяком случае, совесть моя будет спокойна и долг исполнен, если не буду сидеть сложа руки... Дело народа – не дело одного человека, но, однако, общество людей, [его] интеллигенция образуется из единиц ... Следовательно, надо работать сколь возможно, не теряя духа и ища сотоварищей».

1885. – 22 ноября, № 19.

Мало-помалу Даниял-бей вполне увлёкся идеей служению просвещения мусульман, понимая, что все их бедствия и деморализация имеют источником невежество.

Возраставшая популярность обнадежила его [предпринять] кое-что в этом направлении. Эта крайне трудная, серьёзная задача сделала его почти мизантропом. Общество, собрание, карты его не интересовали; только в кругу избранных друзей он изменял своему одиночеству и оживлялся в дружной теплой беседе. Впрочем, и в более общих собраниях, когда речь касалась дела просвещения и интересов мусульман, он скоро оживлялся, вмешивался в разговор и овладевал его направлением, излагая свои доводы с горячностью, искренностью и эрудицией, отличавшей его на суде, когда приходилось защищать какое-либо правое дело.

Служба и знакомства покойного отца, его доброе имя открыли ему двери лучшего мусульманского и русского общества Тифлиса. Его везде принимали очень радушно, но он очень редко пользовался этим, поглощённый своими делами, мыслями и перепиской, заведённой с друзьями. Молодой, богатый, учёный и весьма красивой наружности, Даниял интересовал многих отцов прелестных ханым и немало русских барынь, находивших его очень интересным. Но, увы, Даниял-бей был статным медвежонком и не умел или не хотел ценить внимание прекрасных барынь. Это их, кажется, вовсе не обижало – красивому мужчине прощается многое – а напротив, ещё более дразнило. Даниял жил одиноко. Родные давно умерли, в городе близких не было. Трезвый лакей из казанских татар и искусный повар-армянин вели его домашнее хозяйство, и жизнь текла довольно гладко и приятно среди занятий и милых дум и надежд.

Мидадь или Иван Иванович

Чем более популяризовалось имя Данияла, тем более просителей обращалось к нему с самыми разнообразными, иногда курьёзными делами. Так, однажды явился к нему довольно известный коммерсант Молла Абибулла, видный житель Тифлиса, с предложением выхлопотать ему золотую медадь на шею и предложил за это триста рублей. Даниял вздумал объяснить

ему, что медали даются за известные заслуги, но практичный коммерсант качнул сомнительно головой и категорически спросил:

– Так Вы не можете сделать это дело?

– Нет, да и не желаю делать такие дела, – ответил Даниял и встал, чтобы проводить просителя.

Молла Абибулла, выходя от Данияла, думал: «Он, должно быть, не такой «законщик» (т.е. знающий законы), как говорят о нём. Говорит, не желаю, но пожелал бы, да не может, верно. Пойду к Иван Ивановичу, он ловкий малый, обработает... но не дёшево берёт, чтобы его боднул шайтан».

Думаем, что читателю будет интересно узнать, [кто такой] Иван Иванович. Это уже пожилой губернский секретарь в отставке, акклиматизировавшийся среди туземцев, переняв[ший] их язык, многие привычки и посвящённый во все их тайны и слабости. Он питомец уездного училища и сын одного из покойных столоначальников, прибывавших большей частью из Малороссии на окраины в качестве носителей порядка и цивилизации. Ради этого они близко сходились с туземцами, скоро усваивали их язык, знакомились с их вкусами и слабостями, становились «яхшы хазах» (добрым русским) – любезными, услужливыми, превращающими белое в чёрное и наоборот, и исписывающими в разных присутствиях массу бумаги по самому пустому делу.

Эти столоначальники оставили краю совсем акклиматизированное потомство, которое дружески и как бы по родству прозывалось у мусульман просто Иван, Андрей, Федурь (Фёдор), Михал (Михаил) и т.д., несмотря на каварду и чин. Потомству же гг. столоначальники оставляли чистенькую усадьбу, иногда садик поблизости, маленькую службу и большое доверие туземцев.

1885. – 26 ноября, № 20.

Как при водворении порядка дело не обходилось без гг. столоначальников, так для дальнейшего развития жизни нельзя было обойтись туземцам без участия Ивана Ивановича или его собрата Михаила Никаноровича... Увоз невесты, удар кинжалом, завещание, торговая переписка, медальные дела и все подобное шло через их руки.

Наш Иван Иванович жил своим домом и имел порядочные доходы с капитала, обращавшегося среди мусульман. Он пользовался репутацией любителя мусульман и искусного законника. На самом же деле, ни особенной любви, ни особенных знаний у него не было. Однако это был человек вовсе не злой, постоянно улыбающийся, внимательный к людям и следивший за интересами и злобами времени и по газетам, и по канцеляриям, чтобы в каком-либо деле не попасть впросак...

Молла Абибулла от Данияла прямо приехал к Ивану Ивановичу. Это

был его старый знакомый. У дверей его встретила жена Ивана Ивановича – барыня, бойко говорившая по-татарски.

– Дома? – спросил лаконично Молла Абибулла и, получив утвердительный ответ, осведомился о самой хозяйке: «Как поживаешь?»

– Слава Богу, что Вы поделываете? – приветствовала его она, пропуская в дом.

«И жирная, и чистая», – грешил мысленно Молла Абибулла о хозяйке, входя в светлую комнатку. Действительно, жена Иван Ивановича была ещё нестарая, белокурая, плотная и румяная барыня, представлявшаяся во всех отношениях приятной для любителя жирной, сочной баранины.

Молла Абибулла – недавно разбогатевший купец. Ведёт значительную торговлю шёлком, коврами и мануфактурой. Удачные дела развили в нём сильное честолюбие и страсть к почёту и отличиям. Он был первым лицом в своём приходе и выдающимся в городе; всегда бывал в числе депутатов, представлявших начальству; раз даже принимал у себя губернатора и носил уже медаль в петлице. Теперь он задался целью приобрести большую медаль на шею. Как не иметь её ему, когда Али-бай уже носит такую, имея гораздо меньшую лавку, чем он, Хабибулла! Медаль Али-бая не давала ему покоя, и он решился во что бы то ни стало добыть себе такую или повыше. Пусть мусульмане знают, каков он: Москва шлет ему дорогие товары, Петербург – блестящие, большие медали... Он не простой человек!

Иван Иванович встретил Моллу Хабибулла очень радушно. После взаимных приветствий и дружеских справок о детях, и делах преступили к сути свидания.

– Вероятно, есть и какое-либо дельце? – осведомился Иван Иванович.

– Как же, как же, языджи³³... Разве не пора уже нам иметь большую медаль? По этому делу мы и хотим поговорить с тобой, как со старым другом.

– О, эфенди, кому же, как не Вам, носить её, но Вы знаете, что редко человек вознаграждается сообразно своему достоинству... Вы жертвуете много на бедных, готовы всех поддержать, а между тем, медали носят Бог знает какие люди... Что делать, свет так устроен.

– Но однако, разве мне нельзя будет получить большую медаль? Конечно, тут нужны расходы, не без того, но на это средства имеем.

– Можно то можно, но трудновато. Теперь времена часто меняются: что было легко десять лет назад, сегодня очень трудно.

– Ну, ну, Ваня, ты ведь знаешь все законы... Разве закрыты все дороги? Подумай.

ДВА ГЕРОЯ¹

Хоть рассказ и называется «Два героя», но вы не думайте, что речь пойдёт о таких сказочных, воображаемых персонажах, которые в росте имеют пять аршин, у которых руки из железа, а ноги из стали.

Когда произносятся слова «герой», «джигит», мы представляем человека из прошлого столетия, который одним взмахом сабли мог срубить сто голов или в одиночку противостоять тысячной армии, или одним прыжком перепрыгнуть водоём, который глубже Волги в семьдесят раз. Мы не видим надобности писать о таких героях, так как историй о них очень много, и расскажем сегодня о героях не из этого рода.

Наши герои такие же люди, как и мы. Головы у них, руки, ноги обыкновенные, силы у них не больше нашей.

Они не такие герои, как описывают в старинные времена, они не поднимают одной рукой пять пудов или сорок батман, но это те, кто своим именем и поведением сделали столько больших и великих дел, что их нельзя не называть героями.

Как они, не будучи сильнее, крепче и больше других, сделали столько великих дел? Отвечая на этот вопрос, скажем: их мощь не в руках и ногах, а в силе духа, которой не обладает никто другой.

Эта сила в высокой степени величия нравственных устоев и понятия любви. Это сила, способная растворить железо, как воду, подчинить время и страны, покорить народы, довести врагов до уничтожения и озарить темноту и незнание светом.

Сила истинных героев в нравственных устоях, характере и любви.

Мы расскажем о таких героях на примере одного англичанина и одного турка.

¹ Произведение И. Гаспринского, опубликованное в 1889 г. отдельной брошюрой как «Ики бахадыр» (Гаспринский И. «Ики бахадыр». – Багъчасарай: Матбаа-и-«Терджиман», 1889. – 22 с.). Часть рассказа, описывающая жизнь Ахмед-Мидхат Эфенди в период его политической ссылки на о. Родос была опубликована И. Гаспринским ранее в газете «Терджиман» в 1886 г. В 2014 г. текст брошюры был транслитерирован на латиницу Явуз Акпынаром как «İki Bahadır» (İsmail Gaspıralı. Romanve Hikâyeleri, Seçilmiş Eserleri I, (neşr. Yavuz Akpınar, B. Orak, N. Muradov), İstanbul: ÖtükenYay, 2014. – S. 477 – 489).

Далее представлен художественный перевод текста Г.У. Зайидовой: предисловие автора к брошюре и первая часть рассказа «Ики бахадыр», посвященная Джону Вальтеру.

Джон Вальтер²

Сегодня нам известно, что Индийский субконтинент и его 250-миллионное население подчинены Английскому государству, однако Англия не завоевала и не реформировала страну. Торговая компания, захватив огромную Индию, более ста лет правила ею, а потом передала своему государству. Хотя у компании и были свои солдаты, служащие и устав, все равно это не было государство. Но эта компания получила от английского государства большие преимущества. Для охраны казны, кораблей, для внедрения своих прав и правил, компании было дано разрешение своими силами и на море, и на суше набирать солдат и захватывать имущество и земли.

Таким образом, английские купцы, известные под именем «Индийская компания»³, приехали в Индию, для начала с помощью денег и доброго отношения втерлись во влиятельные круги, а потом, воспользовавшись наивностью населения и незнанием местными правителями жизни и времени, внедряя разногласия, стали их настраивать друг против друга, делать врагами, и потихоньку всех подчинили своей компании.

Поэтому одна из самых богатых стран, Индия, на данный момент находится в подчинении Англии.

В 1774 году Индия была под управлением вышеописанной Индийской компании. В это время тяжело заболела дочь шаха Непала⁴, но местные лекари не могли излечить ее. Его превосходительство шах был очень опечален этим, поэтому глава компании, англичанин, узнав об этом, отправляет к нему одного из своих сотрудников – доктора Джона Вальтера.

Шах был очень доволен таким вниманием англичан. Он приветливо встретил Джона Вальтера и, заведя во внутренние покои дворца, показал больную. Джон Вальтер, увидев дочь шаха и поняв её состояние, сказал: «Султан, даст Аллах, я вылечу Вашу дочь».

Не зная, что делать, шах ответил: «Ах, сынок, у меня это единственный ребенок, если ты поставишь на ноги мою дочь, я дам тебе все, что ты пожелаешь».

Во дворце для лекаря были выделены отдельные покои. Его принимали и как гостя, и как сына шаха. Прошло пять – десять дней, дочери шаха ста-

2 Вероятно, вымышленный персонаж, так как нет сведений о существовании такой личности.

3 Британская Ост-Индская компания, до 1707 г. – Английская Ост-Индская компания. Акционерное общество, созданное 31 декабря 1600 г. указом Елизаветы I и получившее обширные привилегии для торговых операций в Индии. С помощью Ост-Индской компании была осуществлена британская колонизация Индии и ряда стран Востока.

4 Династия Шах – правящая династия Непала с момента его объединения в 1768 г. и до низложения монархии в 2008 г. Прототипом персонажа мог быть основатель династии Притхви Нараян Шах (1722–1775), правитель королевства Горкха, объединитель и первый король объединенного Непала, либо его сыновья – Пратап Сингх Шах и Бахадур Шах.

новилося лучше. Шах, увидев это, подозвал Джона Вальтера и сказал, что если тот окончательно вылечит дочь, то он выдаст её за него замуж, а ввиду отсутствия у шаха сына Джон Вальтер ему будет не просто зятем – шах будет ему покровительствовать во всем.

– Если моя дочь выздоровеет, то я все своё состояние, свой трон, свою корону и дочь оставлю тебе, – сказав это, шах заплакал.

– Не переживайте, султан, даст Аллах, Ваша дочь поправится. Хоть она и в тяжелом состоянии, но я не вижу причины для опасения, Вы не беспокойтесь, – такими словами лекарь успокоил шаха. Два месяца Джон Вальтер с большим вниманием и усилием поднимал дочь шаха на ноги.

Изо дня в день бедняжка надеялась и пыталась встать, раскрывалась, как цветок. Джон Вальтер, довольный своим лечением, с разрешения шаха каждый день час или два гулял с ней во дворцовых садах. Дочь шаха за это время успела проникнуться чувствами к лекарю, влюбилась в него. Лекарь был холостяком тридцати лет, бледен лицом, голубоглаз, высокого роста. В него нельзя было не влюбиться.

Его превосходительство шах, узнав о чувствах дочери, очень обрадовался, подозвал Джона Вальтера к себе и сказал, что сдержит свое обещание. В этом разговоре он обращался к нему «сынок».

Итак, Джон Вальтер, который в поисках зарплат в сто или двести рублей в месяц приехал из Англии в Индию, работал в компании простым служащим, через пять – десять дней может жениться на дочери великого шаха, может стать принцем, а потом и шахом! Что за удивительная судьба!

Кому дано такое счастье, такая доля?! И если даже кому-то так повезет, кто от такого откажется?! Но Джон Вальтер не стал сразу отвечать шаху, а попросил у него три дня на раздумье. Оставшись один, он стал так размышлять:

– Итак, я женюсь на дочери непальского шаха... Дочь шаха очень красива... Я буду сначала принцем, а потом и шахом Непала, т.е. мне придется отказаться от своей родины и от своего английского рода, придется признать своей родиной Непал, а непальский народ признать своим народом. ...Мне придется служить во вред англичанам и приносить пользу Индии. Я знаю положение и состояние англичан. Если Индия выйдет из-под контроля, то англичане будут раздавлены... Когда я стану принцем или шахом, я должен буду рассказывать о расположении английских солдат и военных, должен буду оповещать всех шахов о мероприятиях англичан и, подавляя, должен буду их выдворять из Индии. Должен буду собрать тридцать-сорок тысяч военных против англичан, чтобы они с причаливших кораблей не смогли ступить на индийскую землю... Сложная ситуация... Наше главенство в Индии пришло не силой, а в результате попустительства и безразличия шахов... В такой ситуации я не смогу стать шахом Непала и служить на пользу англичан, наоборот, мне придется выгнать англичан для пользы Индии.

Но как я могу ради своего счастья стать зачинщиком войны с родными мне англичанами?...

Я сам англичанин, родина моя Англия, всему, что я знаю и умею, я научился в английской школе. Как мне в свете всего этого подчиниться желанию шаха, любви его дочери, как мне стать врагом своей родины? Разве моя родина этого заслуживает? Разве это для меня обязательно?

Ну и что, что это дочь шаха, ну и что, что это престол и корона шаха... то, что я англичанин – это превыше всего... Ради удовлетворения своих желаний я не смогу причинить вред своей родине и своей нации! Девушку я полюбил, но я принесу в жертву свою любовь и свою жизнь! Да здравствует великая Англия, да здравствуют великие англичане!

В таких мыслях прошли три дня. Потом лекарь предстал перед шахом, с уважением и благодарностью объявил о своем решении и попросил вернуться в Калькутту⁵. Шах не мог понять, как Джон Вальтер мог отказаться от такого наследства и уехать, но все же, одарив его большими деньгами и золотом, отправил обратно. Это событие вышло за пределы дворца и дошло до непальцев, а потом стало известно и англичанам. Все удивились поступку доктора и стали его благодарить, так как если бы он стал даже не непальским принцем, а просто визирем на пять-десять лет, то английская компания не смогла бы захватить Индию. Англичане это понимали.

В память о Джоне Вальтере, в честь его жертвенности, его величия, его преданности и патриотизма, англичане в городе Эдинбурге возвели памятник с золоченой надписью «Быть англичанином – высший героизм».

Разве он не герой?

Богатырь⁶

1886. – 25 апреля, № 28

Я думаю сказать несколько слов о деятельности одного богатыря, находившегося в самых трудных условиях.

Да не подумает читатель, что я хочу говорить с ним о сказочном герое семиаршинного роста с громадными глазами и прочими сверхкачествами, описываемыми обыкновенно в различного рода преувеличениях. Рассказ наш касается обыкновенного смертного.

Известно, что по русским законам за самые тяжкие преступления виновный бессрочно ссылается в Сибирь на каторжные работы. В Турции подобные преступления наказываются пожизненным заключением в каторжной тюрьме. Такая тюрьма устроена, между прочим, на о. Родосе.

5 Колката (с 2001 г.) – город в дельте Ганга на востоке Индии, столица штата Западная Бенгалия.

6 Для максимального сохранения стилистики И. Гаспринского далее приведён русскоязычный текст рассказа, опубликованный в газете «Терджиман» в 1886 г. С небольшими дополнениями этот же текст был использован И. Гаспринским в арабографичной брошюре «Ики бахадыр».

Тому скоро десять лет. Однажды с казенным транспортом привезли в Родосскую тюрьму из Константинополя молодого арестанта в наручниках и тяжелых кандалах. Каторжное население тюрьмы было заинтересовано судьбой нового товарища и спешило разузнать, за что наказан, какое злое деяние учинил их собрат. Но все их старания ни к чему не привели. Оказалось, однако, что новый каторжник ни убийства, ни грабежа не совершал, ни против султана, ни против отечества ничего дурного не сделал, но, тем не менее, был прислан в тюрьму на пожизненное заключение.

Это был человек просвещенный, довольно широких познаний и обладал бойким, многообещающим пером.

За короткое время он приобрел громадное влияние на все каторжное общество и сделался для всех товарищей судьёю и наставником. Могучий, крепкий дух, сила познаний и искреннее слово подчинили ему каторжные сердца, на коих больше влияла нравственная сила товарища-арестанта, чем строгие наказания тюремного начальства. Безропотно, но достойно покорившийся судьбе, он ободрял слабых духом; познаниями просвещал и нравственностью очищал, освежал кровавые, преступные души товарищей по тюрьме и каторге.

Человек, пожизненно заключенный в тюрьму, подобен заживо погребенному. Погребенный уже не имеет связей и отношений с людьми. Невероятно, чтобы такой человек думал, скорбел о людях, чтобы он был озабочен их пользой и преуспеваниями. В самом деле, трудно допустить, чтобы человек, идущий на виселицу, забывая свое положение, задумывался над вопросами общего блага. Однако такие люди встречаются. Конечно, они редки, но иногда Аллах награждает человеческое общество теми, в сердцах которых одновременно сожительствоуют могучий, бесстрашный лев и кроткий, всепрощающий ангел.

Арестант наш по мере возможности занимался просвещением тюремных товарищей и ещё больше времени отводил писанию. Никто не знал, не понимал, о чём это он всё пишет и пишет бесконечно.

В самом деле, о чем и к чему он писал? Разве для того, чтобы издать свои сочинения на том свете? Впрочем, не будем догадываться, а ограничимся лишь повествованием.

Прошло два года. Преступники, отрубавшие или раздроблявшие человеческие головы без содрогания и жалости, стеснялись грубо говорить и держать себя в присутствии ласкового, всезнающего и строгого «учителя», как прозвали нашего арестанта товарищи.

Однажды в тюрьму был впущен родной брат этого арестанта, приехавший нарочно для свидания. С разрешения начальства братья удалились в особую комнату. Тут между ними произошёл следующий разговор:

– Дорогой мой, – сказал приехавший, – нет никакой надежды на твоё освобождение. Это верно. Семья в самом бедственном положении... Однако свобода возможна, если только ты решишься...

– Говори, мой друг, прямо, а так не пойму тебя, – заметил серьезно арестант.

– Хорошо. Скажу прямо: ни один паша⁷ заступиться за тебя не решается; падишах, вероятно, о тебе не помнит. Твоя жизнь, таланты и мечты похоронены в этой мрачной, ужасной тюрьме... Ты не обидишься, конечно, что в таком положении дела, я думаю, не о чем более, как о твоём освобождении...

– Что же далее? – заметил серьезный арестант.

– Пять дней назад посол пригласил меня к себе и, обласкав, предложил взять на себя ходатайство перед султаном о твоём освобождении, если ты обещаешь в будущем свою публицистическую деятельность подчинять его указаниям... Он надеется тебя освободить.

– Что же ты ответил ему?

– Я ответил, что надо повидаться с тобой. Тогда посол предложил поскорее ехать к тебе.

– Так значит за этим, собственно, и приехал на этот раз? – спросил спокойно арестант.

– Да, дорогой мой. Я ни о чем больше не думаю, как о твоём возвращении к жизни из этой страшной могилы.

– В таком случае ты напрасно хлопотал: это дело не может осуществиться.

– Как не может! Посол уверен в успехе своего ходатайства перед султаном и желает твоего освобождения.

– Может быть, но, черт побери твоего посла, я то не желаю входить с ним в сделку.... Понимаешь? – вскричал арестант, оживившееся лицо которого выражало сильную внутреннюю борьбу и горе.

– Не смущайся, брат, – продолжал он, – твоё желание естественно, ты мне родной, и я понимаю твоё пламенное желание освободить меня во что бы то ни стало, но ты извини меня, я отказываюсь... Я – погибший человек, но имя моё безупречно, и я никогда не загублю его изменой родной стране. Любовь к народу привела меня в эту могилу, но я буду более жалок, если выйду отсюда с целью копать могилу этому народу. Посол прав; он должен пользоваться любым случаем, но я не посол; я простой турок. Я не желаю покупать свободу изменой интересам народа, ради его я попал сюда... Нет, брат мой, пусть пропаду я, но пусть живет и благоденствует наша родина!

В другой раз с подобными предложениями ко мне не приезжай и скажи послу, что если ему нужны изменники, то пусть не ищет их в Родосской тюрьме... – закончил свою речь благородный арестант.

1886. – 2 мая, № 29.

В Родосской тюрьме содержалось до двухсот каторжников, среди которых были представители разных сословий и профессий.

⁷ Паша – высокопоставленное официальное лицо.

Однажды «учитель» в горячей речи высказал своим сотоварищам благую мысль заменить праздный досуг полезным делом, чтобы родосские каторжники оставили о себе добрую память и сослужили возможную службу отечеству. Он предложил построить здание для большого медресе⁸, если городское население пожертвует материалы, а начальство дозволит неурочную, добровольную работу.

Материалы и дозволение были даны. Через год красивое каменное здание медресе украсило город Родос. Плод добровольного труда арестантов был назван Медресе Сулеймание, мы бы назвали его «медресе-назидание».

Устройство педагогической части было завершено по указаниям интересного арестанта: преподавание началось по рукописным руководствам, составленным им же. Медресе это, процветающее ныне, замечательно тем, что готовит лучших народных учителей Турции. Это первая учительская школа османлы, созданная могучим духом и великой любовью, скрытыми под арестантской курткой.

В круг предметов преподавания, кроме арабского, турецкого языка и словесности, входит богословие, мусульманское право, математика, история, география, педагогика и гигиена.

Велик Аллах! Бывают люди, кои с громадным состоянием, при полной свободе и правоспособности не могут совершить сколько-нибудь путного дела; бывают и арестанты, кои без прав, средств и свободы успевают принести пользу своему отечеству и народу.

Теперь скажу вам, кто этот арестант, коего мы назвали богатырем. Это издатель и редактор турецкой газеты «Хакикат»⁹ Ахмед Мидхат Эфенди¹⁰. Этот почтенный человек – самое выдающееся лицо современной Турции. Это замечательный писатель не только по отношению к Турции. Плодовитость его пера, уже давшая до ста сочинений и популяризаций по разным отраслям знаний, поистине удивительна.

Ахмед-Мидхат Эфенди принадлежал к молодым, просвещенным османлы, начал писать в царствование покойного Абдуль-Азиза¹¹. Публика быстро обратила на него внимание, и он стал её любимцем. Но популяризация знаний по естествознанию навлекла на него вражду темной

8 Медресе – среднее или высшее учебное заведение по подготовке мусульманских служителей культа, учителей и служащих государственного аппарата.

9 Терджиман-Хакикат (Правдивый переводчик) – турецкая газета, издаваемая в 1878 – 1908 гг. в Стамбуле.

10 Ахмед-Мидхат Эфенди (1845–1913) – турецкий писатель, переводчик, издатель и общественный деятель. В 1873 г. был сослан на о. Родос. Здесь он написал книгу своих воспоминаний под заглавием «Изгнание». Ввёл в Турции европейскую литературную форму – роман, написал более 50 романов и пьес для театра.

11 Абдул-Азиз (1830–1876) – 32-й султан Османской империи, правивший в 1861–1876 годах.

части духовенства, и вслед за статьями о происхождении человека (по Дарвину) султан Абдул-Азиз выслал его на пожизненное заключение в Радосскую тюрьму, где он пребывал до воцарения нынешнего султана Абдуль Гамида¹². Этот падишах вернул его в Константинополь, помог открыть типографию и приняться за публицистику.

Нет слов, что история турецкого просвещения и литературы помянет добрым словом султана, возвратившего перу и науке столь стойкого и способного труженика.

Скажем, наконец, что Ахмед Мидхату ныне лет 40-45, и он отлично сохранился, несмотря на превратности молодости.

12 Абдул-Хамид II (1843 – 1918) – султан (1876–1909), последний правитель Османской империи. В 1909 г. был свергнут младотурецким либеральным светским движением.

АРСЛАН-КЫЗ

(Рассказ)¹

1893. – 2 апреля, № 12.

Дело было в 186* году, летом. Уже 26 дней китайское войско осаждало Учъ-Турфан², один из городов многострадального Кашгара³. Тридцать тысяч китайцев и десять тысяч калмыков под командой свирепого генерала Чи-Линга обложили город со всех сторон и прекратили всякое сношение с остальной страной. Ближайшие к городу местности и кишлаки⁴ были уничтожены, а несчастное население мусульман по варварскому обыкновению китайцев предано поголовному истреблению без различия пола и возраста. Пять пушек ежедневно громили ворота и стены города, чтобы открыть брешь, а другие две пушки бомбардировали сам город, поджигая то один, то другой дом. Осаждённые мусульмане бдительно охраняли спасительные стены родного города и энергично тушили огонь, если врагу удавалось поджечь что-либо.

Чтобы дать знать о положении города в Кашгар, некоторые джигиты пробовали проскочить или пробраться через цепь осаждавших, но попытки эти не удавались. Китайцы ловили таких смельчаков и доставляли Чи-Лингу для допроса. Ни грозные вопросы, ни дьявольские истязания не могли вырвать ни одного ответа или показания из уст славных богатырей, и они безмолвно, но без боязни умирали под секирой китайского солдата. Головы убитых таким образом подымались на пику и подносились сколь возможно близко к городским стенам, чтобы показать осаждённым полную их замкнутость. При виде этих мученических жертв, мусульмане тем более печалились, что никак не могли получить сведения о положении страны.

1 Рассказ, опубликованный И. Гаспринским на страницах газеты «Терджиман» под псевдонимом Молла Аббас Франсови. В 2003 г. транслитерирован на латиницу Айшен Услу Байрамлы как «Arslan Kız» (İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: ÖtükenYayınevi, 2003. – S. 361 – 405).

2 Город на северо-западе Китая, в Сяньцзян-Уйгурском автономном районе.

3 С древних времён был одним из крупнейших и влиятельных экономико-политических центров. Много раз переходил из рук в руки, попадая под власть Китайской империи, Тюркского каганата, Персидской и Монгольской империй, тибетской теократии.

4 Кишлак – сельский населённый пункт, первоначально обозначал место зимовки кочевников.

Они не знали, можно ли ожидать помощи из Кашгара, или этот город тоже осаждён врагом? Тем не менее, мусульмане с чрезвычайной бодростью выносили осаду, хотя знали, что если китайцам удастся прорваться в город, то пощады никому не будет.

На 27-ой день осады генерал Чи-Линг подослал к городским воротам парламентёра. Подойдя близко, сей последний перебросил в город письмо, привязанное к камню, и прокричав, что в следующее утро придёт за ответом, удалился.

Подняв вражеское послание, начальник караула, сопровождаемый большой толпой народа, быстро направился в дом защитника города Аладжа Бека. [Прочитав] письмо Чи-Линга, Аладжа Бек немедленно пошёл к почтенному шейху⁵ Иззету Ата. Народ последовал за ним и запрудил двор текие⁶. Переговорив с беком, Иззет Ата послал людей созвать улемов⁷ и старших воинов на совещание, а сам вышел к народу и заявил следующие: «Дети мои, не волнуйтесь и не радуйтесь... Письмо от китайца; оно, как всегда, включает угрозу и хитрость. Будем надеяться лишь на нашу веру и сабли, и торжество будет за нами. Идите по домам и по местам. На совещании с опытными людьми я оповещу вас о содержании письма и о нашем ответе».

Когда собрались у шейха почётные лица и беки-сотники, было прочитано письмо Чи-Линга. Китайский военачальник извещал уч-турфанцев, что вся Кашгария усмирена богдыханскими⁸ войсками и, следовательно, им не откуда ждать помощи. Поэтому предлагает им собрать 10 тысяч ямб-серебра как штраф за безумное восстание, и в двадцать четыре часа сдать город. В этом случае все будут прощены; но если вследствие упорства города, придётся брать его штурмом, то все жители будут преданы поголовному избиению, а город сравнён с землей.

Письмо Чи-Линга произвело на всех присутствующих крайне удручающее впечатление. Долго никто не мог начать обсуждение положения. Однако мало-помалу вопросы шейха оживили собрание и возбудили суждения.

Комната, в коей происходил меджлис⁹, отделялась от соседней большой занавесью во всю ширину. За ней сидела дочь шейха Гуль-Джемаль, девушка лет 16-ти, распоряжавшаяся чаем, подаваемым собранию. Она чутко прислушивалась к речам и мнениям совещающихся и, видимо, сильно волновалась.

Побеседовав часа два, собрание не могло прийти к какому-либо решению, но было заметно, что большинство склонно к сдаче города. Аладжа Бек, Иззет Ата и некоторые другие лица были против. Взволнованная нере-

5 Духовный наставник, глава суфийского братства.

6 Текие, ханака – обитель дервишей. Играли большую социальную роль, выполняя функции мест общественных и политических собраний.

7 Учёный, знаток теоретических и практических сторон ислама.

8 Богдыхан – термин, которым в русских грамотах XVI–XVIII веков называли императоров Китая династии Мин (1368–1644) и ранней Цин.

9 Здесь, в значении «совещание, собрание».

шительностью собрания, Гуль-Джемаль быстро накинула на голову большой платок и, отдернув занавес, вошла в собрание... Удивлённые взоры всех остановились на прекрасной девушке.

1893. – 25 апреля, № 14.

Приятным, нежным, но решительным голосом Гуль-Джемаль обратилась к собранию: «Извините меня, почтенные люди; моё место скорее на кухне, чем на военном собрании, но все мы переживаем, быть может, последние дни, сглаживающие все различия и положения...»

Ошеломленное собрание уч-турфанских мужей превратилось в удивление и слух. Девушка продолжала: «Когда воздвигают большое здание, и малые камни идут в дело... Я поняла, что вы склоняетесь к сдаче города китайцам, полагаясь на их обещание пощады. Откуда у вас эта уверенность, когда вам известно лучше, чем мне, что 30 лет назад, вызвав таким же образом сдачу яркентцев, они поголовно вырезали всё несчастное население! Тут говорят, что неизвестно, будет ли откуда помощь; да, неизвестно, но неизвестно также и то, что она не будет! Город имеет возможность держаться ещё дней семь-десять, к чему торопиться? Для чего нам бояться китайского ножа, для чего спасать несчастные головы? Разве для того, чтобы они преклонялись и ежеминутно подставлялись капризу жестокого врага! Нет, умереть, защищаясь, в тысячу раз лучше, чем своими руками надеть китайское ярмо и отдать себя им в слуги, а жён и дев на забаву... Я не в числе сдающихся. Дорогой отец, разреши мне защищаться; не допусти, чтобы отвратительный китаец когда-либо мог посягнуть на взлелеянное тобой тело... Я проберусь через вражью цепь, Аллах поможет мне; я проберусь в Кашгар и в другие города и вовремя принесу вам весть, а может, и подмогу... Во всяком случае, торопиться сдачей нет нужды; недаром пословица говорит, что «пока ещё раз солнце взойдёт, может родиться спасенье...» С этими словами прекрасная, решительная девушка быстро вынула из кармана нож, моментально срезала свои длинные, шелковистые кудри и бросила их в сторону.

Это сразу подняло дух собрания, и Аладжа бек, первый совладевший своим волнением, заявил: «Браво, это не дева, это ангел, ниспосылаемый на бедствующую землю... Эта дева, нет, львица, спасет нас. Долой малодушие! Не сдаемся китайцу; не завтра утром, а сейчас дать ему знать, что мы готовы умереть десять раз, но не сдадимся ни разу».

Собрание поддержало бека. Населению объявили о предложении врага и ответ собрания старшин. Народ одобрил это решение.

Перед тем, как разошлись, Гуль-Джемальбикич¹⁰ вновь вошла в собрание и заявила, что если через два-три дня голова её не будет поднята на

¹⁰ Уважительное обращение к женщине, указывающее на её высокий статус в обществе.

китайскую пику, то должны знать, что она удачно пробралась. «Будьте же все здоровы».

Слова дочери столь потрясли старика шейха, что он [у]пал в обморок.

1893. – 9 мая, № 16.

Кроме дочери, шейх не имел детей и на ней сосредоточил всю свою любовь и нежность, поэтому Гуль-Джемаль выросла несколько в иных условиях, чем многие другие девушки. Ей ни в чём не было отказа. Старик-отец исполнял все её желания и смотрел на неё не только как на дочь, но и как на сына. Этот нежный, исходящий из глубины сердца самообман старика-шейха, [привёл] к тому, что Гуль-Джемаль не встретила препятствий для изучения не только грамоты, но и многих исторических книг и рукописей, в чём ей помогал отец. Кроме тюркского, она достаточно усвоила также арабский и персидский, заучив многие стихотворения и поэмы наизусть.

Три года до описываемых событий умерла мать Гуль-Джемаль, с тех пор уже подростком она стала ещё свободней и начала заправлять всем хозяйством дома.

Летом шейх обыкновенно перебирался в свои обширные сады за городом, где [девушка] свободно училась верховой езде и стрельбе из лука и ружья. Воздух и упражнения развили в ней прирождённую ловкость, силу и здоровье. [Красавица] была смелой наездницей, отличным стрелком, обладала маленькой, но крепкой рукой, способной до крови натянуть уздечку непокорного коня.

Гуль-Джемаль совсем не походила на тех наших слабоногих девушек, которые едва носят собственное тело и боятся муравья и воробья. Особенную страсть она питала к изящной английской винтовке, представлявшейся игрушкой в сравнении тяжёлыми, неуклюжими кашгарскими или китайскими ружьями. Однако эта игрушка была наверняка на 1200 шагов, и преимущество это хорошо сознавала наша охотница, иногда на лету сбивая коршуна или другого хищника. «Когда надо, я обшиваю тебя, ибо я дочь твоя, – говорила она старику шейху, когда он делал ей замечания в случае какой-либо отчаянной проделки с ружьём или с лошадью, – но когда понадобится, я и защитить тебя сумею, как сын...» Тот молча отходил, внутренне вполне оправдывая ее. Разве она в то же время и не сын его; ведь Бог дал ему только её... Гуль-Джемаль была также отличной хозяйкой; умело и строго распоряжалась слугами дома. Ни один гость, ни один мюрид¹¹ её отца не мог жаловаться, что был обойдён в доме шейха: она всех вовремя поила и кормила, как предписывает обычай и порядки дома. Шитьё, рукоделье и музыка были также не чужды ей, ибо люди не менее говорили и хвалили её домовитость и приятность, чем смелую стрельбу и езду. Впрочем, она не нарушала мусульманской скромности, и никто не видел её с

11 Последователь, ученик, готовящийся к вступлению в суфийское братство.

открытым лицом. Даже летом в садах она носилась на бешенном коне, покрыв лицо волосяной вуалью.

Много было в Учъ-Турфане женихов, мечтавших об этой редкой, смелой и богатой красавице, но почти никто не решался сватать её. Особенно женихи приуныли, когда она отказала двум простым вопросом: «Могут ли взять и удержать меня?»

Действительно, для девушки, ученой, как мулла, ездящей, как акробат, стреляющей, как английский стрелок, и говорящей, как бойкий поэт, нужен был жених незаурядный. Во всем Учъ-Турфане только сын Иззет бека Шир Али, учёный и храбрый батыр 19-20 лет, имел шансы заявить претензию на руку нашей героини.

Возвратившись от шейха, Иззет бек сообщил сыну о меджлисе и решимости Гуль-Джемаль. Шир Али, больной вследствие полученной раны, привскочил на постели и со слезами на глазах воскликнул: «Вот девушка, заслуживающая, чтобы все мы были её жертвами!» Иззет бек задумался и сел у постели больного сына-батыра.

1893. – 16 июля, № 23.

После происшедшего в доме Иззет Ата совещания учъ-турфанцы ещё с большей энергией взялись за оборону. Слабые места городской стены неустанно починялись; даже женщины носили воду и месили глину для городской стены. Всё, что было в городе съедобного, обратили в общественное добро и расходовали на всех с большой экономией.

Намерение и воодушевление Гуль-Джемаль ободрило и укрепило всех. Надежда выдержать осаду и дожидаться спасения успокаивала, а беспощадность врага спланивала всех жителей. Все, кто имел лишние припасы и живность, предоставили их на общую пользу в распоряжение Аладжа бека, главного распорядителя. Неимущие каждые три дня получали муку и мясо с общественного склада.

Осада и оборона шли своим порядком. Военные действия китайцев пока не особенно грозили мусульманам, так как взять город приступом они, очевидно, не могли. Вся беда заключалась в том, что осаждённые не могли заставить врага снять осаду и оставаться в таком положении, в конце концов пришлось бы сдать город из-за недостатка продовольствия и воды, или, усилившись, китайцы могли решиться на штурм. В том или другом случае враг был бы беспощаден, учинив согласно китайским законам поголовное избиение восставшего народа.

Гуль-Джемаль Бикич, несмотря на старческие слёзы старика-отца, готовилась в путь и, [продумывая] способ, как прорваться через цепь китайцев, ежедневно по несколько раз наблюдала с полуразрушенного минарета за движениями и караулами китайцев. Имея хорошую подзорную

трубу, привезённую отцом из Индии при возвращении из Мекки, [девушка] внимательно изучала расположение врага и поняла, с какой стороны китайцы более бдительны, и караулы их многочисленны. На основании этих наблюдений она обдумывала план своего дела. Готовясь в любом случае пробраться в Кашгар, она разузнала у сведущих людей о путях туда со всеми нужными подробностями.

Приготовив себе мужскую одежду, полное вооружение и подвергнув небольшой тренировке туркмена-скакуна, Гуль-Джемаль на восьмой день совещания была готова к походу. В ночь перед её отъездом у шейха собрались ближайшие друзья. А у нее – родственницы. Воинственное воодушевление сообщилось всем гостям; никто не плакал – все верили и надеялись, что Аллах не даст в обиду смелую девушку и будет руководить ею. Только шейх, отец Гуль-Джемаль, не мог удержать слез, прощаясь с ней, но и эти слезы не были слезами малодушия. Около полуночи Гуль-Джемаль переделась и, осмотрев снаряжённую лошадь, под шёпот искренней задушевной молитвы всех бывших в доме навешала на себя приготовленное оружие.

В сопровождении коменданта Аладжа бека она направилась к Монасским воротам, противоположным тем, кои ведут на Кашгарскую дорогу. Ночь была тёмная; лошади шли по городу совсем неслышно, копыта их были обвязаны войлоком. В городе нужна была осторожность: всегда находились люди, способные продать врагу своих и свою родину.

Подъехав к воротам, Аладжа бек приказал караулу притворить одно крыло, а сам, тронутый торжественностью минуты и геройством девушки, обнял шею её скакуна и, плача, несколько раз поцеловал благородное животное, как бы поручая ему дорогую ношу. Ворота чуть слышно скрипнули, и Гуль-Джемаль, передав Аладжа беку какую-то бумагу, скрылась в темноте. Осмотрев вновь заложенные ворота, бек поехал в объезд караулов, расположенных по стенам и у других ворот. Кругом всё было тихо. У китайцев не видно было огней; казалось, всё спало.

Сказав шепотом «Во имя Бога», Гуль-Джемаль выехала из ворот и, взглянув на тёмно-серые глиняные стены родного города, где осталось всё [её] дорогое, тихо направила коня к камышам.

По правую сторону от военной дороги в Китай, в 3-4 верстах от города, тянулись неширокие, но топкие и непроходимые болота, заросшие мелким тальником и камышом. Залегая вдоль арыка и по ложбинам вёрст на десять, эти болота служили преградой для осаждающего и обороняющегося, их нельзя было проходить, а надо было обходить. Только в одном месте, близ середины, где болото было очень узко, была устроена узкая насыпь, по коей мог пробраться пеший или верховой, не желавший объезжать это место.

1893. – 23 июля, № 24.

Так как болота эти тянулись вправо от дороги в Китай, то с этой стороны, не ожидая нападения или вылазки, китайцы держали небольшой караул и то только около середины, где были узкая насыпь и мостик из ивовых ветвей через трясины.

Поэтому наша наездница и направилась в эту сторону, хотя, пробравшись за китайскую цепь, она должна было сделать круг в двадцать вёрст, чтобы попасть на Кашгарскую дорогу.

Шагом и часто останавливаясь, чтобы прислушаться к малейшему шуму, [девушка] подъехала к камышам и вдоль них направилась к насыпи. Она знала, что тут местность сторожат два, иногда три китайца. Чтобы миновать цепь, надо было убить этот караул или пробраться мимо незаметно. Имея ввиду и то, и другое, Гуль-Джемаль Бикяч за версту от караула, надев на туркмена торбу, привязала его к сучку тала и пешком направилась смотреть расположение врага. Пригнувшись к земле, она легко и быстро, как кошка, добралась до бугра близ мостика. На противоположной стороне чернел навес из камышей, служивший жилищем караула. Несколько в стороне можно было различить два силуэта; это, очевидно, были лошади. Значит, на этот раз у моста караулило двое китайцев. Припав к земле и усиленно вглядываясь в сторону врагов, она наконец заметила, что кто-то вышел из-под навеса и, постояв немного, затрубил. За сим из-под навеса раздался выстрел; мгновенный свет показал нашей наблюдательнице, что китайцев было, действительно, двое. Заявив о своей бдительности рожком и запугав невидимого врага выстрелом, китайский караул успокоился, не подозревая, что за ним наблюдает зоркий глаз храброй девушки-мусульманки. Сообразив, что надо делать, Гуль-Джемаль тихо вернулась к лошади и, не снимая торбы, повела её к насыпи. У самого моста она освободила копыта лошади от войлока и потянула подпруги седла, готовясь к решительному моменту. Скрыв себя и лошадь, она вновь стала наблюдать. Вскоре услышала под навесом говор: значит, враг не спал. Быстро сообразив, что придётся бороться, она решила убить обоих одним выстрелом, если будет возможно. Её выстрел был бы принят за караульный, и до самого утра китайцы не знали бы о происшедшем, а она выбралась бы далеко, не опасаясь погони. Одобрив эту мысль, [девушка] превратилась в слух и зрение, имея английскую винтовку наготове. Враг был не более как в 40-50 саженях. Вскоре она заметила, что под навесом начали раздувать огонь; значит, караульные думают заняться чаем. Это чрезвычайно обрадовало Гуль-Джемаль, ибо враг будет отвлечен, а освещение навеса даст ей возможность видеть, что надо делать. Едва переводя дух, в самом напряжённом состоянии, она провела минут десять; огонь под навесом разгорелся и довольно ясно осветил двух китайцев. Они сидели друг против друга, но наискось от нашего стрелка. Одной пулей пронзить обоих было невысказано, а стрелять два раза она не

хотела: это могло встревожить другие караулы или разъезды. Ведя под уздцы лошадь, она медленно переходила с места на место, выбирая удобный пункт для прицела. В это время туркмен наступил на сухой тальник и, испугавшись чего-то, бросился в сторону. Треск сучьев и топот привлекли внимание китайцев, и они стали подозрительно вглядываться в сторону нашей героини. Она застыла на месте, не отрывая глаз от врага. Лошадь успокоилась и равнодушно посмотрела по направлению огня. Один из караульных, видимо, желая осмотреть, нет ли чего кругом, не вставая потянулся к ружью, которое висело на одной из жердей навеса. Этим движением он заслонил своего товарища... Момент был удачный, Гуль-Джемаль мигом взвела курок, и ранее, чем китаец принял прежнее положение, раздался негромкий гул, и коническая пуля, пронизав обеих китайцев, впиалась в одну из жердей, поддерживавших навес. Один враг был убит, другой корчился и стонал. Гуль-Джемаль, зарядив вновь свою винтовку, осторожно и тихо двинулась вперёд по узкой и опасной тропе через болото, ведя коня под уздцы.

Тишина и осторожность были необходимы, потому что вблизи могли быть другие караулы. Забыв всякий страх и думая лишь об опасности и спасении, она пробралась на другую сторону болота и, не подходя близко к навесу, где тихо стонал раненый и продолжал гореть огонь, села на коня. Отъехав шагом с версту за линию караулов, как предполагалось, наездницы сняла торбу с морды туркмена и пустила его вскачь. Почувяв волю, доброе животное понеслось стрелой, а Гуль-Джемаль шептала благодарственную молитву Аллаху. К рассвету она была далеко от врагов.

1894. – 7 января, № 1.

Наш рассказ остановился на том, что Гуль-Джемаль Бикич, ловко проехав китайскую цепь, направилась в г. Кашгар, чтобы вызвать оттуда помощь осаждённым уч-турфанцам.

Теперь продолжим рассказ описанием положения [города] Кашгара. Как все города в восточном Туркестане, Кашгар состоит из двух частей: нового города – крепости, занятой китайским гарнизоном и властями, и старого города, населённого мусульманами.

Как только во внутренних областях Китая восстание *дунган*¹², т. е. омульманившихся китайцев, приняло широкие размеры, население Семиградии или Джеди-Шаара¹³ также восстало и по всей Кашгарии китайское господство было уничтожено. Оно было ещё в некоторой силе в Учъ-Турфанской провинции, где, как знают читатели, [китайцы] осаждали город Учъ-Турфан и кое-как держались в новом Кашгаре, где заперся китайский

12 Народ, исповедующий ислам суннитского направления ханифитского масхаба, проживающий в Киргизии, южном Казахстане и Узбекистане.

13 Йаттишяр (перевод – «Семиградье») – государство, существовавшее на территории Восточного Туркестана в 1860–1870-х гг.

правитель со своими войсками. Управление провинцией уже находилось во власти мусульман, но они не могли ничего предпринять против китайского гарнизона нового города по не имению пушек, а ещё более потому, что китайский анбань¹⁴ или военачальник, ловкими интригами, посулами и угрозами успел разделить мусульман на две партии. Одна держалась мнения, что следовало выжидать события, не воевать с китайцами, которые позже могут страшно отомстить; другая партия стояла за решение взять приступом крепость, перерезать китайцев и установить временное правительство от имени ходжи¹⁵.

В кокандском ханстве¹⁶ проживал тогда ходжа, потомок кашгарских ханов. В народе ходили слухи, что он собрал там войско и скоро прибудет в Кашгар восстановить власть своих предков. Во главе китайской партии стояли Таштимур-бек, правитель города и главный кадий¹⁷. Оба эти лица играли большую роль при китайском режиме и находились в тайных сношениях с китайским анбаном нового города. Во главе кокандской, или иначе «партии ходжа», находились другие кадии, улемы и всё окружное сельское население жестоко обира[лось] и обижа[лось] китайцами. Купцы старались остаться нейтральными, но, видимо, более сочувствовали стремлению восстановить ханство. Они, впрочем, служили делу постоянными сношениями с кокандскими мусульманами.

Город находился на военном положении: ворота были постоянно закрыты, охранялись караулом и только днём открывались для впуска или выпуска едущих. Мусульмане опасались внезапного нападения китайцев. Последние, в свою очередь, опасаясь мусульман, сидели в крепости, соблюдая все военные предосторожности, несмотря на удачную интригу, заставлявшую мусульман бездействовать.

В таком положении жили Кашгар и окрестная область, когда доскакала сюда наша амазонка, надеясь найти помощь для спасения родного города.

Имея письма от отца и Аладжа бека к кадию Нуреддин Ходжа, она проехала прямо к нему. Передав казию удостоверяющие письма о том, что она «уч-турфанский джигит», сообщила ему о положении осаждённого города и цели своего прибытия. Нуреддин Ходжа приказал подать кушать и чаю. Когда «джигит» утолил голод и удобно поместил на конюшню кадия своего скакуна, немедленно принялся за дело. Тем временем кадий пригласил некоторых почётных горожан, мулл и одного купца, прибывшего недавно из Оша¹⁸, городка Ферганы, откуда кашгарцы ждали помощи.

14 Амбань, анбань – вельможа, генерал, министр, чиновник; так титуловали себя зависимые от Китая владельцы.

15 Почётный титул мусульманина в странах Ближнего и Среднего Востока.

16 Кокандское ханство – государство в Средней Азии в 1709–1876 гг. с центром в г. Коканде.

17 Гражданский судья в мусульманских странах.

18 Город, расположенный на юге Киргизии, в восточной части Ферганской долины. Являлся одним из религиозных мусульманских центров Средней Азии.

На совещании выяснилось, что до уничтожения китайцев, засевших в новом городе, невозможно выделить людей на помощь Учъ-Турфану. Помощь же из Коканда могла подоспеть не раньше месяца при самых благоприятных обстоятельствах. Взятие нового города трудно предпринять, пока власть находится в руках Таштимур-бека, запугивающего народ силами китайцев, приближением свежих богдыханских войск, усмирением и наказанием уч-турфанцев и т. п. Он советует и агитирует не совершать ничего против китайцев, пока не придет ходжа с кокандскими войсками.

Узнав всё это, Гуль-Джемаль в сопровождении кадия Нуреддина пошла повидаться с главным кадием и с Таштимур-беком. Главный кадий города выразил джигиту своё одобрение за подвиг, похвалил уч-турфанцев, не высказав никакой инициативы, с подлой уклончивостью хитрого муллы прочитал молитву за спасение осаждённых и призвал на помощь им семьдесят святых, покоящихся в Кашгаре.

Видя, что, кроме помощи святых, покоящихся в различных местах страны, главный кадий ничего выдумать не может или не желает, Гуль-Джемаль, сопровождаемая тем же кадием Нуреддином, направилась к Таштимур-беку. Этот здоровенный, толстый бек, поедавший сразу одного барашка и поглощавший вслед затем целый самовар чаю, обласкал джигита уч-турфанцев, покрыл его новым халатом, но о деле ничего определенного сказать не смог. Он говорил, что надо помочь осаждённым, но что это трудно сделать, ибо враг силен, имеет пушки. Но он надеется, что скоро прибудут кокандцы; тогда, мол, дело поправится.

Таштимур-бек приказал поместить Гуль-Джемаль у себя и обещал посоветоваться с народом. Узнав, что лошадь «джигита» находится у кадия, он приказал привести и ее: «Отдохни, мой сын, и подкорми своего коня, а там посмотрим, что будет. Аллаху известно, как и что лучше».

Расположившись в отведённой у бека комнатке, Гуль-Джемаль стала размышлять о положении дел.

1894. – 14 января, № 2.

Она поняла, что у кашгарцев нет ни единения, ни энергии, ни сведений о положении китайцев. Не ведая о поражениях, нанесённых им дунганями, [китайцы] их побаивались, а сведущие люди были подкуплены или же имели выгоду от неопределённого положения дел. Она обдумывала целый план сообщений и предложений, чтобы вызвать к деятельности Таштимур бека, в руках которого находились средства, значительное оружие и народное ополчение. От него могло зависеть многое.

Несколько дней, проведённых в Кашгаре, показали Гуль-Джемаль, что ни бек, ни народ ни на что не решаются. Помощь из Коканда может подоспеть не скоро, а следовательно, Учъ-Турфан падет и будет вырезан ки-

тайцами. Вспоминая оставленного там старика-отца и других близких, она содрогалась, сердце её обливалось kloкочущей кровью, и она горячо молилась, прося Аллаха надомить, как ей быть.

На базаре она узнала, что во главе джигитов, собирающихся идти спастись Кашгар, стоит кокандец Якуб бек, доверенный «ходжи». Об этом беке базарная молва сообщала много легендарного. Гуль-Джемаль сообразила, что он, если прибудет в Кашгар, будет играть выдающуюся роль, и, конечно, интересовалась им. Ей не трудно было найти тех лиц, кои особенно усиленно говорили всюду об этом беке, и узнать от них подробности готовящейся экспедиции. Так, она встретила в одной чайхане¹⁹ кипчака Сары-баш Али, который выдавал себя за эмальдеша, т. е. молочного брата Якуб бека, и рассказывал, что он ведёт в Кашгар сорок тысяч храбрецов, вооружённых чудесными русскими ружьями.

Несомненно, что в Кашгаре были в ту пору эмиссары или единомышленники Якуб бека, сообщавшие ему отсюда о положении дел.

Не подозревая ничего этого, Гуль-Джемаль увлеклась сообщениями Сары-баша и спросила, нельзя ли каким-либо образом доставить письмо Якуб беку. Сары-баш вылезался доставить его лично, ибо через два дня собирался ехать по делам в Ош.

Гуль-Джемаль, подробно изложив положение дел в Учъ-Турфане и в Кашгаре, написала Якуб беку о победах дунган, о необходимости поспешить сюда хоть с небольшим числом людей для ободрения населения. Она искусно представила ему, как легко сломить последние силы китайцев, которые держатся лишь хитростью и интригами. Затем сообщила, что она думает предпринять для воодушевления народа и свержения власти Таштимур бека, подкупленного китайцами.

Гуль-Джемаль желала своим письмом дать Якуб беку верное представление о положении города Кашгара и подвигнуть его к большей поспешности. Однако, зная, что пути сообщения Кашгара и Ферганы, пролекая через горы и дебри, в таком состоянии, что время надо считать не днями, а месяцами. Поэтому её прекрасная головка работала над составлением плана действий собственными средствами, ибо время не терпело; с каждым днём приближался час падения Учъ-Турфана, а затем часть тамошних китайцев могла прибыть к Кашгару на помощь засевшим тут в Новом городе. Её соображения нашли, к несчастью, случайное подтверждение. Однажды вечером один из дворовых людей Таштимур бека предложил ей угоститься дорогим китайским чаем. Приняв эту любезность, она, как знаток чая, тут же заметила, что чай, предложенный ей, не из продаваемых. Расхваливая чай и исподволь расспрашивая бекского слугу, она узнала, что он недавно ездил к китайцам в Новый город и привёз деньги и дорогой чай беку. Желание глупого слуги похвастаться своим участием в важных делах убедило Гуль-Джемаль в постоянных сношениях бека с китайцами и объяснило ей

¹⁹ Чайная в Иране, Азербайджане и Средней Азии.

многое в поведении бека в отношении неё. Она поняла, что приглашена беком не ради гостеприимства, а ради негласного наблюдения за ней. Тут она вспомнила, что часто встречала на базаре одного из слуг бека, идущего мимо или за ней. Очевидно, он, хотя и не совсем усердно, наблюдал за нею. Лошадь её, переданная попечениям его конюхов, на конюшне бека, тоже была, можно сказать, арестованной. Сообразив всё это, она решила ещё раз настойчиво просить бека ускорить собрание народа и решить, что делать, чтобы она могла доставить ответ в Учъ-Турфан, но ничего определённого не добилась. Между тем приезд её возбудил на базарах разнородные толки. Одни говорили, что учъ-турфанцы разбили китайские войска и идут на помощь Кашгару, чтобы завладеть Новым городом; по другой вариации передавалось, что учъ-турфанцы прислали джигита просить помощи и что этот джигит, пробираясь сюда, убил сорок китайцев и привёз их головы Таштимур беку и т. д. Толкам, слухам и надеждам не было конца, но за дело никто не брался. Суровый режим Китая сделал народ трусливым, а система подкупов и систематический грабёж населения через мусульман-чиновников, назначавшихся китайцами, развратил его вконец, отучив верить в лучшую судьбу и в людей, будь они прикрыты китайской шляпой или мусульманской чалмой. У народа был один помысел-спасти свой кусок хлеба и свои рубища от жадности тех и других. Только что-либо чрезвычайное и внешнее могло возбудить веру и надежду народа на лучшую долю, чем те безобразные условия, среди коих он жил уже веками, не раз уже пострадав из-за различных авантюристов, подымавших его против Китая и затем, при первой неудаче, убежавших за горы, в Фергану. В этом случае народ выносил на своих плечах страшную месть врага, который не щадил ни возраста, ни пола, вырезая население целых городов.

1894. – 30 января, № 4.

Гуль-Джемаль, как уроженка края, отлично знала быт и характер народа. Поэтому, ещё раз повидавшись с беком, не сказавшим ей ничего определённого, она решила попробовать и тут обаяние женской храбрости. Она знала, что её цель – спасти Учъ-Турфан от сдачи; она задумала поднять народ на осаду и штурм Нового города, где сидели китайцы. Осмотрев город и окрестности, она задумала довольно смелое предприятие: удача обещала многое, неудача не могла ухудшить положение.

Был праздничный пятничный день, когда мусульмане особенно усердно посещают бани. Много посетителей бывает в мужских банях, но ещё больше собираются в женской бане мусульманки, где идёт не только омовение, и беседа, чаепитие и взаимный осмотр нарядов и затейливых головных уборов. Баня заменяет мусульманкам общественное собрание, клуб и т. д. Здесь они узнают все городские новости и перебирают по косточкам тех или других товаров или мужчин.

Одевшись по-праздничному в лучший халат и чалму, имея при себе саблю и пистолеты, Гуль-Джемаль вышла утром на базар. За ней следовал соглядатай, приставленный беком. Обойдя базары, она, как бы не замечая своего провожатого, медленно подошла к самой большой и наиболее посещаемой женщинами бане. Приостановившись, она подозвала следовавшего за ней слугу.

– Ты следишь за мной, – обратилась она сурово к оторопевшему шпиону.

– Нет, господин, иду смотреть базары.

– Ну, так нечего ходить по-пустому. Поди скажи своему беку, чтобы прислал мне сюда чистое бельё. Я зайду в эту баню помыться.

– Это женская баня, господин, – заметил слуга, ещё более смущённый повелительным тоном Гуль-Джемаль.

– Тем лучше. Они меня будут обманывать... Иди за бельём, – приказала Гуль-Джемаль и моментально скрылась за дверями бани. Оттуда раздался писк и гам испуганных мусульманок, бекский слуга и некоторые другие люди, видевшие дерзкого бросившегося в женскую баню, так смутились, что в первые минуты они не знали – верить или не верить своим глазам. Опомнившись, слуга побежал к беку; а народ, узнав о случившемся, стал собираться у бани. Не прошло и четверти часа, как у бани собралась ожесточённая и возбуждённая многотысячная толпа, готовая строго наказать дерзкого джигита, ворвавшегося в баню, вопреки всем приличиям. Однако никто не смел войти в баню. Банщица о чём-то кричала; толпа мусульман галдела и росла. Между тем двери бани закрылись, и каждый правоверный был волен думать, что хотел, о том, что делалось в бане. Случай этот быстро пронёсся по базарам, и скоро все ближайшие улицы и переулки были полны любопытными. Некоторые особенно горячились, зная, что их жёны сегодня в бане, а туда забрался уч-туфанский джигит! Ждали с нетерпением прибытия властей по сему великому случаю. Действительно, мало-помалу сюда собрались кадии, аксакалы²⁰, приехал также сам камендант Таштимур бек. Во дворе ближайшей мечети состоялось совещание. Решили отправить к дверям бани одного полуслеплого старичка чтобы, потребовать вывода дерзкого джигита. Ему грозили страшным наказанием. Из бани, не открывая дверей, многие женские голоса ответили, что там никакого джигита нет, но случилось нечто чудесное, о чём скоро все узнают.

Ответ из бани, передаваемый из уст в уста, ещё более озадачил всё растущую толпу. Одни кричали, что видели джигита, как он вошёл в баню; другие кричали, что женщины, жалея его, хотят спрятать, скрыть; третьи просто восклицали: «Хикмет!» (чудеса).

Таштимур бек и старшие кадии подошли к дверям бани ближе других, и через запёртые двери произошел следующий разговор:

– Откройте двери и прикройтесь, я пошлю людей связать дерзкого, – говорил комендант, обращаясь к бывшим за дверями бани женщинам.

²⁰ Старейшины, почтенные пожилые люди.

– Брать и вязать некого; подождите – узнаете, – отвечал женский голос из-за дверей.

– Как некого! Люди видели, как дерзкий вбежал и скрылся в вашей бане.

– Постойте, господин, постойте; сейчас всё разъяснится... Чудесное дело! Я сбегаю в баню и принесу вам ответ.

Переговоры эти быстро обходили всю толпу и варьировались на все лады. Любопытство толпы было возбуждено до крайней степени. До десяти тысяч народа собралось в ближайших к бане улицах, базарах и чайханах, ожидая развязки этого события.

Тем временем мы заглянем в баню. Как только Гуль-Джемаль Бикяч вошла во двор, она захлопнула наружную калитку и укрепила её толстым деревянным засовом, чтобы никто не вошёл с улицы. Во дворе бани никого не было. Вбежав в общую залу бани, где одевались или раздевались десятки мусульманок, он немедленно сбросил чалму и начал быстро раздеваться. Поражённые страхом и стыдом, женщины, взвизгнув, так растерялись, что многие даже позабыли прикрыться от взоров дерзкого мужчины... Не менее было их удивление, когда вслед за этим глазам их представилась стройная белая женщина, но с бритой, как у мужчины, головой. Купальщицы не верили глазам, не понимали, что это такое; со страху некоторые тряслись, некоторые плакали. Старуха банщица издали посматривала на Гуль-Джемаль. Она заметив её, мягко и ласково подозвала, называя бабушкой. Бабушка, однако боялась подойти. «Вы видите, – обратилась она опять к ней, – я такая же женщина, как вы все, я девушка... не бойтесь, не сомневайтесь; чёрная судьба лишила меня волос и нарядила в мужской костюм... Дай мне простыню, бабушка... Я сейчас расскажу вам мою удивительную историю... Успокойтесь. О, Боже, помоги мусульманам».

1894. – 11 февраля, № 6.

Собрав вокруг себя около ста пятидесяти женщин, бывших в бане, Гуль-Джемаль Бикяч объявила им, что она дочь уч-турфанского ишана²¹, и рассказала, как, предотвратив сдачу города китайцам, пробралась сюда за помощью. Удивлённые слушательницы прониклись благоговением к доблестной девушке и некоторые с искренностью начали читать молитву «от дурного глаза», чтобы не сглазить героиню. Далее она сообщила им, что очень легко взять Ени Шаар и навсегда избавиться от жестокого врага, но что Таштимур бек подкуплен китайцами и щадит их. Это возмутило всех мусульманок, и они начали проклинать бека до седьмого колена.

Живой, увлекательной речью Гуль-Джемаль настолько возбудила и воодушевила скромных и тихих мусульманок, что они были готовы, как тигрицы, ринуться из бани и растерзать противного коменданта. Подчинив это

21 Титул или прозвище, которым называют руководителей суфийских тарикатов (братств).

прекрасное воинство себе и указав, что и как надо делать, Гуль-Джемаль вывела их во двор бани уже с закрытыми по обычаю лицами, а сама тоже в женском одеянии, но при оружии и с открытым лицом, прекрасным и полным отчаянной решимости, взобралась на стену и стала над калиткой бани.

Увидев её появление, толпа точно онемела; ропот и говор моментально стихли; казалось, всё и вся превратились в слух и зрение... Обращаясь к стоявшим у самого входа бани, она повелительно сказала: «Мусульмане, отойдите немного; это место займут женщины...» Все подались назад; море голов заколыхалось. Тогда она продолжала: «Мусульмане, это я – тот джигит из осаждённого города Уч-Турфана, который прискакал сюда за помощью... Я дочь Иззет Ишана...» Самый страшный гром так не поразил бы людей, ждавших обычного скандала. Гул и возгласы удивления пронеслись по всем улицам и базарам. В это же время вдруг открылась дверь бани, и высыпавшие на площадь женщины громко и энергично засвидетельствовали, что говорит действительно девственница, дочь уч-турфанского ишана.

Когда гул голосов несколько стих, Арслан-Кыз вновь обратилась к толпе: «Мусульмане, я должна теперь закрыть своё лицо, но в это время, напоминающее дни Страшного Суда – нет различий, а есть только воины; я первая... А вот остальные, – она указала на толпу женщин, – если вы боитесь врага!

Толпа дико заорала: «Браво, Машаллах!».

Между тем, старая банщица подала Гуль-Джемаль импровизированное знамя. Это было красное шёлковое полотнище с надписью «Аллах», вышитое белым. Оно заранее было приготовлено нашей героиней.

Водрузив знамя на стене и обнажив саблю, Арслан-Кыз, прекрасная и грозная, крикнула: «Мусульмане, нет имени выше, чем написанное на этом знамени; станьте перед ним на колени и кайтесь... На колени!»

Моментально все женщины стали на колени, и послышались рыдания. Дрогнув, вся толпа также стала на колени. Гуль-Джемаль, как великий шейх, наставила народ каяться и громко, сообщая, пропеть обычную молитву.

За сим она скомандовала: «Встаньте! Не позже завтрашнего вечера падет перед сим знаменем и злой китаец. Волею Аллаха народ мусульманский будет избавлен от мучений и унижений... Но враг наш не там, не в Ени Шааре, а здесь между нами; это изменник, который продаёт веру, народ, его жён и детей. Я знаю его; я поймала его лазутчика и укажу его вам... Толпа заволновалась... «Кто он, где он?» Арслан-Кыз продолжала: «Этот город и всю Кашгарию продаст Таштимур бек; его слуга Ахмед служит лазутчиком...» Он более не комендант наш, он – изменник. Спасение ваше требует повиновения Сулейман беку. Долой изменника Таштимура! Завтра вечером мы, волей Аллаха, будем молиться в Ени Шааре! Верующие джигиты, сюда ко мне под это святое знамя!...»

Таштимур бек, поражённый всем происшедшим не менее других, быв-

ших на площади, был окончательно смущён открытием своей измены. Очнувшись от первого впечатления, наэлектризованная толпа бросилась к беку с угрозами, и началась сильная давка. Где-то в стороне поймали нукера²² Ахмеда, который тут же признался, что не раз ездил по приказу бека к китайцам и привозил подарки... Узнав это, толпа обезумела, и несчастный бек был убит тут же, а Сулейман бек объявлен начальником города.

Тогда Арслан-Кыз объявила народу собраться на площади после полуденной молитвы, а к тому времени приготовить оружие и коней. Продолжая оставаться на стене, она подозвала Сулейман бека, кадиев и некоторых почётных лиц и предложила им образовать меджлис для управления и войны. Очарованные чудной девушкой, благоговеющие перед именем её отца, все слушались её приказаний беспрекословно, а сама она глубоко верила, что все совершается столь удачно по воле Аллаха. Эта вера и успех придали Гуль-Джемаль Бикяч ещё более решимости, силы и хладнокровия.

Толпа продолжала стоять и смотреть на нее, как на спасительное священное видение.

«Расходитесь! – крикнула Арслан-Кыз, – Спешите седлать коней и точить оружие, после джума²³ я жду вас, чтобы идти на праздник гибели врага!..»

Сотни воспламенённых людей бросились по домам, чтобы взять припрятанное оружие. Воодушевление и жажда войны против китайцев стала общей. Почему-то победа казалась уже одержанной. Богатырь-девушка, её святой отец, а главное Аллах, начертанный на красном знамени, не оставляли в том сомнения. Молодежь бросилась к оружию и коням; купцы немедленно собрали деньги для помощи беднейшим воинам. Часа два назад сонный, подавленный, город быстро преобразился в единодушный военный лагерь.

Женщины, кое-как пробившись через толпу, разошлись по домам, а Арслан-Кыз, взяв в руки знамя, и пригласив с собой нового коменданта Сулейман бека, кадиев и хатибов, направилась к Джума мечети на совещание.

1894. – 18 февраля, № 7.

В городе говорили, что этот дивный случай есть чудо, явной святости Иззет Ишана. Энтузиазм возрастал. Молва делала свое дело.

По распоряжению Арслан-Кыз и Сулейман бека, имущество и бумаги Таштимура были арестованы и объявлены народной собственностью, а в Ени Шаар был послан гонец с предложением немедленной сдачи во избежание поголовного истребления в случае взятия крепости. Вместе с тем

22 Военный слуга, дружинник. Происходит от монгольского «нокор» или «нйкар» – друг, товарищ.

23 Джума-намаз (пятничная молитва) – обязательная коллективная молитва мусульман, предписанная в Коране. Совершается в пятницу во время полуденной молитвы в мечетях.

Арслан-Кыз распорядилась немедленно усилить караулы вокруг Ени Шаара и каждого задержанного приводить к беку.

После полуденной молитвы городская площадь и базары стали наполняться вооруженными людьми. Скромно прикрываясь Сулейман беком, Гуль-Джемаль распоряжалась военными приготовлениями. Каждый приход города формировал одну конную или пешую сотню. Каждая сотня избрала себе сотника и присягнула слушать его беспрекословно во всех случаях до окончания войны. Сотники присягнули пятисотенным начальникам и вместе с ними коменданту Кашгара Сулейман беку. Таким образом, благодаря охватившему всех воодушевлению, до вечера было сформировано ополчение в двадцать тысяч воинов и все начальствующие собрались на военный совет. Было решено с утра выступить из города и напасть на китайцев с двух сторон, дальнейший сбор ополчения и припасов в кишлаках Кашгара был поручен советом особой комиссией из граждан и духовных лиц.

На другой день, чуть свет, кашгарцы выступили из двух ворот в поле и стали выстраиваться в боевой порядок. Особый отряд, человек в двести, нёс лестницы. Человек триста имели мешки и лопаты, чтобы забросать часть рва мешками, наполненными землею.

Заметив движение мусульман, китайцы начали стрелять из пушек частью в войска, частью по направлению города. Но так как войско было ещё далеко от крепости, то вреда китайцы не приносили. Они, очевидно, производили пальбу для устрашения народа, который не имел пушек. Как только всё воинство вышло из города и заняло свои места на сборном пункте, Арслан-Кыз, уже сидя на своём туркмене, подъехала к войску вместе с Сулейман беком, держа в одной руке красное знамя. Завидя её, ряды войска радовались, что идет «девица». Её имя, её ореол ободрял всех и обещал победу. Въехав в середину войска, Арслан-Кыз закричала: «Внимание, братья! Вы слышите, гремят пушки. Они радуются, что до вечера сделаются мусульманским достоянием и пойдут спасать Учъ-Турфан. Для Бога всё возможно!»

Слова эти вызвали громкие возгласы надежды и радости. В это время подскакал, посланный ещё вечером из Ени Шаара гонец. Китайский военачальник, отказываясь писать что-либо бунтовщикам, приказал гонцу передать всем, что бегдыханские войска предназначены для наказания бунтующих, а не для сдачи им...

Выслушав это, Сулейман бек отправил гонца в город к себе и приказал ожидать там его распоряжения, не говоря никому ни слова о своей миссии.

Всё войско было разделено на две части, имея впереди носильщиков лестниц и землекопов с мешками. Главный, более многочисленный отряд повёл впереди Сулейман бек, другой отряд повёл Богатырь Бин-Баши, известный боец и головорез. Гуль-Джемаль присоединилась к последнему отряду, которому, несмотря на меньшую силу, была предназначена решающая роль. Главные силы должны были отвлечь всё внимание неприятеля, а второй отряд, пользуясь этим, должен ворваться в крепость.

Дойдя до сферы действия неприятельских выстрелов, пешие сотни бросились вперёд бегом, поочередно таща лестницы и мешки с землей. Делалось это так дружно и энергично, что, несмотря на огонь китайцев, которым с флангов отвечала конница, мусульмане, не дрогнув, добежали до рва и, забросав часть его, приставили лестницы и поползли на стену. Убитый и сорвавшийся вниз тотчас заменялся новым охотником. Вскоре сотня отчаянных мусульман уже дралась на крепостной стене и скатывались в ров поражённые китайцы. Однако, несмотря на всю отчаянную храбрость нападавших, проникнуть в город не удавалось: китайцы оборонялись ожесточенно и мусульмане несли большие потери. Но вдруг слева раздались торжествующие крики мусульман, и часть китайцев отхлынула туда. Отряд Батыр Бин-Баши почти незаметно дошёл до назначенного ему места атаки и легко занял стену. Это привело китайцев в смятение, и дало возможность отряду Сулейман бека, окончательно овладев стеной, войти в крепость. Вскоре мусульмане открыли и ворота. Китайцы, отбиваясь, отступили в казармы. Гибель их была неминуема. Сулейман бек послал к ним парламентёра, требуя сдачи и обещая жизнь. Но едва лишь парламентёр добежал до ворот казармы, как раздался страшный взрыв, от которого задрожала, казалось, вся земля. Китайцы взорвали сами себя, но не сдались. Таков их военный обычай. Китайцы погибли; но немало и мусульман было искалечено этим ужасным взрывом.

— Предсказание Арслан-Кыз исполнилось: ещё до вечера осталось несколько часов, а Ени Шаар и пушки принадлежали мусульманам. Впрочем, победа эта стоила недёшево: более тысячи мусульман было убито или искалечено. Это естественно, ибо нет праздника без жертв.

* * *

Заняв город, Сулейман бек и Арслан-Кыз вместе с другими военачальниками, проведя совещание, немедленно вывели войска за город, послали гонцов с радостной вестью во все стороны страны и назначили особый отряд, чтобы осмотреть всю крепость и забрать в общественную казну имущество врага.

Другой отряд был назначен для сбора убитых и помощи раненым. Перед вечером разъезд привёл к беку пойманного далеко за городом подозрительного человека. Он оказался жителем ближайшего кишлака. С первых же минут допроса он признался, что китаец с утра дал ему письмо с поручением доставить его в Учъ-Турфан китайскому военачальнику, если город займут кашгарцы, а казарма взлетит на воздух. При этом из-под седла своего коня он достал завернутый в кожу сверток и подал беку. Гонец был, конечно, связан и заперт.

В письме сообщалось, что город взят мусульманами, под предводительством одной чертовки, прибывшей из Учъ-Турфана, и что все китайцы

должны почётно погибнуть²⁴, что эта злая женщина успела увлечь весь народ и поведет всех в Учъ-Турфан. Она колдует новым красным знаменем.

* * *

На другой день, условившись о немедленной высылке помощи осаждённым уч-турфанцам, Арслан-Кыз простилась с Сулейман беком и, переодетая вновь джигитом, выехала в Учъ-Турфан. Взяв с собой письмо к китайскому командиру, она приняла на себя роль пойманного гонца.

* * *

Доставив письмо по [назначению] и получив пять ямбов награды, Арслан-Киз в эту же ночь пробралась к городской стене и, сев около рва, зашвистела соловьем... Минут через пять со стены послышался оклик: «Кто там внизу?» «Гуль-буль-буль», – отвечала наша героиня. По сброшенной веревочной лестнице она быстро взобралась на стену и принесла родному городу утешение, бодрость и спасение.

Читатели, вероятно, помнят, что, уезжая из Учъ-Турфана, Гуль-Джемаль Бикяч вручила Аладжа беку письмо. Оно было на имя Ширь-Али. В нем было написано, что если она останется жива, то проберётся именно к этому месту стены и будет свистеть соловьем.

Старика-отца и всех знакомых она нашла здоровыми, но город страдал от голода, и не явись она ещё дня через два-три, было бы решено сдать его неприятелю.

Утром в нескольких местах городской стены было поднято красное знамя. Китайский военачальник понял, что осаждённые получили весть из Кашгара. Через неделю осада была снята и враг отступил по дороге в Китай. Спустя три дня показались в городе кашгарские передовики, а за ними пришло и войско. Но врага уже не было: его прогнала Арслан-Кыз!

В следующем рассказе «Аталык-Газы» мы ещё встретимся с этой удивительной девушкой.

24 *Т.е. должны взорвать себя. Примечание автора.*

АХМЕД БЕК ТАШКЕСАНЛЫ И БЕДРОС КАРАКАШЪЯНЦ¹

1891. – 30 августа, № 29.

Ахмед бек был знатный сын знатных предков, служивших ханам в качестве везирей² и сердарей³. При переходе Н-ского ханства под власть России отец Ахмед бека был произведён в генерал-майоры, а сам Ахмед бек достиг высоты «полковника», хотя не только о полководстве, но даже о простой грамоте он имел весьма неустойчивые понятия. Человек он был приятного характера: любил поговорить, угостить, одарить и выпить. В последнем случае он делался особенно щедрым: после каждой попойки несколько кровных лошадей и несколько дорогих ковров оказывались у друзей. А друзей у него было немало; родовитые сородичи беки, богатые армяне, местные и губернские чиновники, святоши, шейхи и странники находили в кунацких⁴ Ахмед бека подобающее себе место и угощение.

Несмотря на очень мизерное образование, полковник Ахмед бек был весьма популярен как среди сородичей, так и среди русско-армянского общества. Благодаря громадным богатствам, заключавшимся во множестве деревень и угодий, разбросанных по всему уезду, Ахмед бек пользовался и значительным влиянием. Надо заметить, что он не злоупотреблял им, но и не пользовался с какой-либо определённой целью. Впрочем, он был не прочь похлопотать о ком-либо, если его просили. Ходатайства его всегда имели успех; освободить кого из-под ареста, взять на поруки, выхлопотать кому место переводчика или сверхштатного чиновника, удалить из уезда слишком зарвавшегося полицейского не стоило ему особого труда. Ахмед бек страдал одним недостатком: был чрезвычайно высокого мнения о своём происхождении и вследствие этого был очень щепетилен и горд, хотя последнее скрывалось за утончённым восточным воспитанием, но когда он, немного выпив, выходил из себя, то превращался в бурю и зверя. Кинжал и

1 Рассказ И. Гаспринского, опубликованный в газете «Терджиман» в 1891 г. В 2003 г. транслитерирован на латиницу Назим Муратоглу как «Ahmet Bey Taşkeseñli ve Bedros Ağa Karakaşyan» (İsmail Gaspralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. – S. 443 – 455).

2 Титул министра или высшего сановника в странах мусульманского Востока.

3 Название правителя, вождя в Средней Азии, Иране и некоторых тюркских странах.

4 Парадная комната в северокавказском доме, предназначенная для приёма гостей, а также для пребывания мужской части семьи.

револьвер нередко отводили душу бека, вызывая следствия, заканчивавшиеся всегда благополучно, если не считать, что каждое следствие сопровождалось переходом в сторонние руки одного из имений.

Во всяком случае общественное мнение признавало его родовитым, честным и приятным человеком.

Полковник был женат и имел двух прелестных детей – дочку и сына. Последний обучался родному языку и вере у приходского муллы и брал уроки русского языка у переводчика полицейского управления, дальнего родственника своего отца. Джеват бек, так звали мальчика, учился, когда хотел; родители, а в особенности мать, прекрасная, нежная ханым, не считала нужным особенно торопить сына, но если он хотел на охоту или просто проехаться, то в этом ему никогда не отказывали и полдюжины нукеров⁵ и конюхов провожали молодого бека, берегли и забавляли его.

Ахмед бек не считал нужным головоломное учение, ради которого надо было отослать сына куда-либо. Нежная ханым – мать вполне также думала, уверенная, что её Джеват, жемчуг её души, и без учения – бек, и без учения будет «полковник». Она была уверена, что учиться должны приставы, переводчики и захудалые беки... У них же десятки тысяч десятин земли; не компрометировать же себя ненужной наукой! Так как почтенные родители не готовили Джевата в муллы, то не особенно заботились о религиозном обучении; так как не желали видеть его участковым приставом, то и не думали о серьёзной русской грамоте. Таким образом, молодой Джеват рос, здоровел и привыкал смотреть на себя как на нечто особенно высокое, перед коим и муллы, и чиновники должны гнуть шею.

Ахмед бек лично не занимался и хозяйством; он не знал действительного количества своих овец, лошадей и прочего. Ещё менее он знал, сколько собирается хлеба с его имений и с поселян. Всё хозяйство вёл управляющий Бедрос, преданный беку армянин, поступивший к беку сначала кучером, но позже, благодаря знанию туземной и русской грамоты получше самого «полковника», был произведён в управляющие. Бедрос повёл дело умело: сократив хищение мелких управляющих, он увеличил доходы бека и стал его правой рукой. Обуздав своеволие заведующих отдельными имениями, заслужил любовь и уважение поселян, живших на землях бека. Бек щедро награждал умелого и преданного Бедроса, а поселяне задаривали его провизией и живностью.

Бедрос быстро богател, хотя никому не давал этого заметить. Он ходил всегда в стоптанных башмаках и грязном архалуке⁶ с заплатами на рукавах. Только по праздникам ходил в обновке, даримой каждый раз беком.

⁵ Военный слуга, дружинник. Происходит от монгольского «нокор» или «нйкар» – друг, товарищ.

⁶ Кавказский плотно прилегающий к телу кафтан с высоким стоячим воротником. Для шитья архалуков использовали кашемир, атлас, сатин. На поясе архалук дополнялся кушаком. Некоторые архалуки застегивались до самой шеи. Иногда сближается с бешметом – верхней одеждой у тюркских народностей, в виде кафтана со стоячим воротником.

Бедрос настолько вошёл в его доверие, что без него бек не решал никакого хозяйственного дела, да и в других делах бек часто обращался к уму и опытности Бедроса. Он не только собирал бекские доходы, но и отвозил кому следует бекские деньги, конечно, по поручению. Несмотря на весьма близкие деловые отношения, Бедрос знал дистанцию и не забывал, что он просто Бедрос, а патрон – полковник Ахмед бек. Поэтому в присутствии бека он никогда не садился, хотя бек и предлагал.

Под покровительством бека Бедрос женился на дочери священника, чем чрезвычайно гордился. Мария Бедросова была хорошая хозяйка и совокупно с деловитостью мужа положила основание благоденствию семьи.

1891. – 6 сентября, № 30

Жена Бедроса, Мария, хорошо знала армянскую и отчасти русскую грамоту. В противоположность жене бека она только и мечтала о том, как будет учить своих детей. Она знала, что только учение, и учение обширное, всестороннее, даёт людям солидное положение. Она знала, конечно, что деньги и земля тоже много значат в жизни, а потому берегла, экономила каждую копейку Бедроса.

Мы знали Ахмед бека 27 лет назад. Теперь его уже нет; он давно умер, оставив сыну Джеват беку десять тысяч десятин хорошей земли и множество лошадей и овец. После смерти Ахмед бека Бедрос оставил управление и завёл собственное дело. Он скупал шёлк, хлопок и поставлял оные в Москву. Записавшись купцом, он начал именоваться «Бедрос Каракашъянц» и в несколько лет стал видным человеком в родном городе. Одни говорили, что Каракашъянц оперился бекскими доходами, другие говорили об удачных торговых операциях. Как бы ни было верно было одно – Бедрос стал богатым и почётным человеком.

Тем временем подросли его два сына – Ованес и Мекыртыч. Благодаря влиянию жены и тестя, Бедрос не пожалел кровных, трудовых денег на их обучение. Молодые Каракашъянцы успешно окончили гимназию и поступили в университет. Родители были правы гордиться ими и радоваться, глядя на них: во всём городе только сын известного богача Пашаянца был «студентом».

Оставив службу у Ахмед бека, Бедрос всё же не забывал его хлеба-соли и по временам навещал Джеват бека, а жена его, Мария, бывала у старушки ханым, у бывшей своей хозяйки. Их радушно принимали и угощали, как старых, хороших приятелей. Бедрос не оставлял Джевата без советов по делам имения, а Мария развлекала старушку ханым, рассказывая ей городские новости. Каждый раз, когда Мария Каракашъянц бывала у ханым, она неизменно спрашивала её о сыновьях.

– Что подделывают и где твои дети; отчего не приведешь их ко мне?.. Ведь они выросли на глазах у меня... – говорила обыкновенно ханым.

– Они все учатся и теперь находятся в Москве, княгиня, – отвечала Мария.
– О, Марьям, что это за бесконечное учение! Бедные дети, вы иссушили их своим учением...

– Что же делать, княгиня, надо много учиться, чтобы выйти в наше время в люди... Пусть учатся.

– Наш Бедрос многому ли учился? Однако и тебя прокормил, и детей вскормил, не голодным остался...

– Тысяча раз благодарим вас и покойного князя. При вас мы прожили сытыми. Но теперь времена другие... Таких князей, каким был Ахмед бек, увы, нет, – польстила Мария.

– Но всё же, – возразила ханым, вздохнув, – я не понимаю, как ты можешь переносить разлуку с детьми по целому году. Кажется, у вас, армян, сердце каменное! Мой Джеват уже не мальчик, но и то, когда он уедет дня на три по делам в имение, мне становится душно и больно.

– Вы так привыкли, княгиня, – возражала Мария и поясняла, что княжеское, высокорождённое сердце, действительно, должно быть нежнее и чувствительнее, чем их простое сердце.

Свидание кончалось тем, что княгиня вручала Марии рублей 10-15 для пересылки детям «на сладкое».

Джеват бек вёл свои хозяйственные дела столь же небрежно, как покойный Ахмед бек. Но что хуже всего – владея лишь третьей частью состояния отца, ибо две части были постепенно распроданы и растрочены ещё покойным, Джеват бек жил так же широко и открыто, как покойный отец. Это однако, не приносило ему ни влияния, ни уважения, коими пользовался покойный, но зато с каждым годом отягощало новыми долгами и заботами о добыче нужных денег. Хотя Джеват женился на очень богатой и родовой ханым, но её отец и братья тоже торопились спустить дедовские богатства, так что со стороны жены Джевату не предвиделось особенной поддержки. Впрочем, они тем не менее жили очень дружно, душа в душу, особенно не задумываясь о будущем; благо земли ещё довольно и бедность не мерещилась даже во сне.

Но то, что не замечал Джеват бек, было видно со стороны людям. Они видели, что благосостояние беков Ташкесанлы рушится, видели, что Джеват бек не обладает порядочностью, выдержкой и сановитостью своего отца. Ахмед бек был некультурный человек в смысле европейском, но он обладал достоинством, обходительностью, стойкостью и честностью родовитого азиата. Увы, Джеват бек, оставшись столь же некультурным, как отец, не наследовал его восточного воспитания и достоинств. Ахмед бек никогда не лгал, ему все верили. Джеват иногда лгал, и его словам часто не верили. Ахмед никогда не унижался, Джеват иногда фальшивил и заискивал. Ахмед бывал груб, но всегда справедлив. Джеват часто бывает и груб, и не прав. Ахмед говорил, что пить вино – грешно, и не пил. Джеват тоже говорил, что пить вино – грешно, но пил здорово. Ахмед считал себя просто

высокородным беком. Джеват думал, что он, кроме того, и «образованный князь», ибо умел играть в карты, позволял себе пить шампанское и бывал за кулисами у актрис. Впрочем, он знал ещё 14 статей из уложения о наказаниях налоговыми мировыми судьями и 7 статей из уложения о наказаниях.

* * *

Спустя одиннадцать лет после смерти Ахмед бека пошли с молотка последние десятины его земель, и Джеват бек остался совсем без средств. Дом в городе, лошади и экипажи также были проданы, и бедный бек поселился в глухой части города, в наёмной хижине вместе со старушкой княгиней и молодой женой. Трудно и жутко им приходилось. Старушка княгиня усиленно молилась, не понимая, как и почему она попала в это положение; она приписывала своё бедствие грехам. «Аллах наказал нас за грехи», – говорила она. Молодая княгиня часто плакала, а Джеват бек, потеряв окончательно голову, пропивал последнее, продавая драгоценности матери или жены. Так прошло несколько лет. Джеват бек, во внимание к доброй памяти отца, был принят уездным начальником в переводчики, но долго тут удержаться не смог: его уволили.

Однажды навестила княгиню Мария Каракашъянц. Старый аталык⁷ – дядька Али, ровесник Ахмед бека, вырастивший на своих руках Джевата, открывая калитку для приёма гостей, вздохнул и прослезился, вспомнив былое... У его княгини не было в тот день хлеба, а жена бывшего управляющего подъехала к ним в собственном великолепном экипаже! Не завидно, но больно было доброму слуге покойного бека.

* * *

Через несколько дней после этого Ованес Каракашъянц, назначенный в этот уезд судебным следователем, взял к себе в переводчики Джевата и тем облегчил последние дни старушки княгини, посылавшей ему «деньги на сладкое». Мыкырдыч Каракашъянц был тогда членом суда в соседней губернии, и иногда присылала княгине ханым в подарок кусок, другой шёлковой материи.

Говорили, что Бедрос имеет свыше ста тысяч наличными, отличные дела и детей на хорошей дороге. Каменное сердце Марии Каракашъянц радовалось, нежное сердце княгини разрывалось и обливалось кровью.

⁷ Аталычество – древний обычай, зафиксированный в этнографии Кавказа, по которому ребёнок вскоре после своего рождения переходит на некоторое время (для воспитания) в другую семью, а затем возвращается к своим родителям (по истечению определенного обычая времени).

ИВАН И СУЛЕЙМАН¹

(рассказец)

1887. – 1 сентября, № 35

В нашем приходе проживали два мальчика однолетки, Иван сын Петра и Сулейман сын Хасана. Это были добрые дети. Мать Ивана, Марья Семеновна, и мать Сулеймана Алиме-Ханым, вдовы-соседки, не могли нарадоваться, глядя на своих деток. Эти последние, часто играли на улице, вели между собой дружбу.

Когда дети достигли 8-ми летнего возраста, их отдали учиться «науке и разуму». Иван начал ходить в школу, а Сулейман в мектебе. Наука приобреталась четыре года. За это время Иван выучился читать, писать и арифметике. Учил свой Закон и мог понимать Евангелие и составлять письма. Товарищ его Сулейман проходил весь первый год «азбуку», а остальные три года усердно читал Коран, который перечел три раза. Решив, что Сулейман кончил курсы, его взяли из мектеба². Ходжа засвидетельствовал, что он лучший ученик, но, увы, этот ученик не умеет писать, не слышал ничего о счете и не понимал даже значения первой строчки первой страницы Корана! В четыре года ничего этого ему показать не успели.

Итак, дети кончили начальное образование. Матери и были очень рады и возлагали все свои надежды на дорогих своих подростков.

Обе эти женщины были бедны, и будущая поддержка детей обещала им спокойную и сытую старость.

В радостных надеждах на будущее прошел ещё год. Дети достигли 13-летнего возраста и росли молодцами.

По торговым делам городок и область нашу посещал богатый и всем у нас известный московский купец Раков. Он имел в Москве обширные скла-

1 Рассказ И. Гаспринского, опубликованный на страницах газеты «Переводчик-Терджиман» в 1897 г. Также это произведение было опубликовано в приложении газеты И. Гаспринского – «Иляве-и Терджиман». В каждой из версий текста есть расхождения. В виду чего мы приняли решение напечатать оба варианта. В 2003 г. текст рассказа из «Иляве-и Терджиман» транслитерирован на латиницу и опубликован Назим Мурадоглу (İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Romanve Hikayeleri, NeşreHaz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. – S. 455 – 465). Транслитерация этого текста была также опубликована в 2006 г. в газете «Янъы донъя» (Гаспринский И. Иван ве Сулейман // Янъы донъя . – 2006. – сентябрь 23, 30).

2 Мусульманская начальная школа в странах Востока и Российской империи.

ды разных товаров и вел обширную торговлю с мусульманскими областями России. Г. Раков хорошо знал наш восток и любил мусульман. Он особенно ценил в них трезвость, честность и преданность при врожденной скромности. Поэтому в один из приездов к нам он пожелал принять на свою службу двух-трех мальчиков из нашего города. Ему прежде других рекомендовали наших знакомцев Ивана и Сулеймана как благонравных и бедных детей. Добрый купец лично повидался с Марьей Семеновной, матерью Ивана, а через приходского муллу передал о своем намерении матери Сулеймана. Г. Раков обязывался заняться коммерческим развитием принимаемых детей, а также назначить им соответствующее вознаграждение, как только они привыкнут к делу.

Новость эта произвела у нас целую сенсацию. О ней заговорил не только приход, но весь городок. Конечно, больше всех судили и рядили матери и знакомые наших героев.

Мария и Алиме вполне полагались на г. Ракова, они слышали о его богатстве и благонадежности, понимали, что дети в его руках выйдут в люди, но никак не могли решиться отпустить их далеко, в Москву... Дети заскучают, будут, может быть, плакать. Кто их приласкает, утешит?.. Нет, как ни надежен купец, как ни заманчива будущность, но отпустить детей далеко не хочется. Долго ломали свои бедные головы матери и не могли решить как быть. Тогда они обратились за советом к родственникам и местным «всезнайкам». За сим дело решилось.

На основании заключения, что «Бог и в Москве не оставит нас», Мария решила отдать Ивана в услужение и обучение доброму купцу.

А на основании заключения, что «Бог, дающий нам насущий хлеб, может дать его и на месте», Алиме ханым решила оставить Сулеймана при себе. Жаль отпускать мальчика далеко.

Маленький Иван и армянский мальчик Бедрос (вместо Сулеймана) уехали в Москву. Прошел год. Сулейман между тем поступил мальчиком без жалования в чайную одного из приятелей своего покойного отца. Через год ему было обещано по 5 р. в месяц, если он привыкнет к делу и будет уметь заваривать чай и готовить кофе.

Бедная Алиме бедствовала, часто голодала, но не роптала. Она была покорна судьбе. Утешалась тем, что через несколько лет женит своего любимца и вообще как-нибудь устроит его. Время шло, нужда и заботы ослабляли бедную женщину, и она вскоре скончалась. Все очень жалели эту добрую женщину и нежную мать. И вправду она была хороший человек.

Что касается Ивана, он скоро освоился с Москвой и, по прошествии года, начал высылать бедной Марии по восьми руб. из своего жалования. На эти деньги радостная и счастливая Мария в первый год купила две, а на второй год три коровки и завела маленькое молочное дело. Благодаря этому она зажила в довольстве. Особенно счастливым был для нее день, когда Иван в первый раз приехал к ней на побывку.

ИВАН И СУЛЕЙМАН¹

«Иляве-и Терджиман». – 1897, 20 апреля.

В нашем квартале проживали мальчики по имени Иван, сын Петра, и Сулейман, сын Хасана. Ивана воспитывала мама, которую звали Марья, мать Сулеймана звали Халиме-ханым. Женщины воспитывали их в любви, сострадании и доброте. Жили они по соседству, поэтому дети дружили.

Когда детям исполнилось по восемь лет, их отправили учиться. Сулейман пошёл учиться в мектебе, а Ивана отдали в русскоязычную школу. Их обучение длилось четыре года. Иван научился читать и писать, понимать Библию, писать письма, вести тетради, узнал счетную грамоту. Сулейман же год учил азбуку и за три года три раза перечитал Коран, и поэтому было принято решение забрать его из школы, что было сделано со словами «Все, этот ребенок теперь получил образование, молодец!». Писать он не умел, считать тоже; из того священного Корана, который перечитал три раза, он не понимал ни строчки. Не понимал, потому что не научили...

Так мальчики достигли двенадцатилетнего возраста. Это были неплохие дети. Марья, глядя на Ивана, а Халиме-ханым – на Сулеймана, не могли нарадоваться, возлагая на них все надежды. Через несколько лет они повзрослеют и сделают счастливыми и себя, и своих жен... В таких приятных мечтах прошёл ещё один год. Ивану и Сулейману исполнилось по тринадцать лет.

У одного проживавшего в Египте французского купца месье Бордо была большая торговля в нашей губернии, в нашем городе. Один-два раза в год он приезжал к нам. В Египте у него был большой магазин и склад для хранения товаров, которые он покупал или собирался продавать на Востоке. У

¹ Рассказ И. Гаспринского, напечатанный на страницах газеты «Переводчик-Терджиман» в 1897 г. Также это произведение было опубликовано в приложении газеты И. Гаспринского – «Иляве-и Терджиман». В каждой из версий текста есть расхождения. В виду чего мы приняли решение напечатать оба варианта.

В 2003 г. текст рассказа из «Иляве-и Терджиман» транслитерирован на латиницу и опубликован Назим Мурадоглу (İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. – S. 455 – 465). Транслитерация этого текста была также опубликована в 2006 г. в газете «Янъы донья» (Гаспринский И. Иван ве Сулейман. // Янъы донья. – 2006. – сентябрь 23, 30).

Художественный перевод текста Г. У. Зайидовой (транслитерация Назим Мурадоглу).

него работало около сорока человек, которые получали неплохую зарплату. Месье Бордо был хорошо знаком с Востоком и любил его народ. Он был уверен в его нравственности, преданности и в том, что на жителей всегда можно было положиться. Поэтому в один из приездов он решил увезти двух детей из нашего города. Он обещал, что научит их теории и практике торговли, воспитает в духе купечества и начнет платить жалование сразу после того, как они приступят к работе... С самого начала этому купцу рекомендовали наших Ивана и Сулеймана...

Приехав в наш квартал, он познакомился с мальчиками, они ему понравились. Это, действительно, были хорошие дети.

Лично встретившись с Марьей, а с Халиме-ханым через местного имама он попросил разрешения увезти детей.

Женщины не согласились. Как тринадцатилетних детей отправить в такой далекий Египет? Как можно перенести разлуку? Не будут ли дети скучать по родине? Зачем им ехать в Египет... Если им судьба заработать, то заработают, пусть мало, но здесь!.. От таких мыслей голова кругом шла и у Марьи, и у Халиме-ханым, они никак не могли определиться с ответом купцу. Женщины не отважились отпустить детей; однако было известно, что мальчики под попечительством известного и богатого купца месье Бордо выбьются в люди, что для матерей было очень важно. Собрав родственников и аксакалов квартала, получив от них советы и наставления, женщины наконец приняли окончательное решение.

«Бог, который есть здесь, есть и в Египте», – с такими словами Марья отдала сына в торговлю. Иван уехал вместе с месье Бордо.

«Удел от Аллаха, если на то судьба, то он пропитание и здесь даст», – с такими мыслями Халиме-ханым не отпустила сына, а вместо него поехал сын Бедрос уста Богос. Купец очень хотел взять Сулеймана, но не смог.

Прошло ещё два года. Иван каждый месяц присылал матери по одной лире. Сулейман же, не найдя достойной работы, устроился в кофейню к Ахмет-агъа и год трудился без оплаты, его там только кормили. Его взяли на работу в кофейню только потому, что у Сулеймана было хорошее воспитание, а Ахмет-агъа был другом его отца. Только через год он мог получать зарплату в шестьдесят курушев.

Его мама Халиме ханым еле-еле сводила концы с концами, иногда даже голодала.

Говоря «Таков наш удел», женщина мечтала о женитьбе сына, но с каждым днем ослабевала и умерла, не успев женить Сулеймана. Она была хорошим человеком, она была хорошей матерью.

Марья через год на деньги, которые получала от сына, купила две коровы, а через два года ещё три коровы и стала замечательной молочницей. Это счастье подкреплялось и письмами, которые она получала от сына. Тем более, что Иван даже приезжал её проводить.

«Иляве-и Терджиман». – 1897, 31 августа².

Иван, работая в Египте, Сулейман – на родине, прожили ещё несколько лет. Стали взрослыми. Сулейман все свое время проводил в кофейне и получал знания только от посетителей, а Иван, в Египте изучая арабский, немного французский и английский, был заместителем у месье Бордо, много путешествовал и изучал торговое дело.

Раз в год он приезжал к матери, обязательно посещал своего друга Сулеймана, привозил ему подарки, а свободное время проводил у него в кафе. Хорошо знающие Ивана люди называли его не иначе, как Иван Челеби³. Иногда Сулейман, глядя на Ивана, думал, что если бы его в свое время отпустили учиться, то он сейчас не возился бы в золе и угле. Но на все воля Аллаха.

Прошло ещё несколько лет. Сулейман женился на хорошей девушке, под стать себе. Но деньги, которые он получал в кофейне, ему и одному были малы, а если делить на двоих, то это совсем крохи. Ему стало ещё сложнее жить. Если покупал обувь, то денег не хватало на платье, если покупал платье, то не мог уже купить воды. Он находил облегчение в словах «Иншааллах, на следующей неделе деньги будут, я отдам», но иногда это выражение приносило большие трудности.

Как бы там ни было, Сулейман часто произносил фразу «у умершего с голода [нет] могилы». Слава Аллаху, [с голоду не умираем]. [И бедность] для людей, и богатство. Он не терял надежды: возможно, в будущем его заработок и состояние улучшатся, будет счастье. Чего не бывает! Не нужно терять надежды.

Как-то Иван Челеби, приехав в город, увидел бедственное состояние своего друга и предложил ему помощь. Он пригласил Сулеймана с женой в Египет, говоря, что месье Бордо нужны надежные люди. Жалование, конечно же, обещалось небольшое, но оно превышало то, что он зарабатывал в кофейне, а потом ожидалось повышение. Иван говорил, что Сулейман может пожить в Египте, заслужить доверие, будет на хорошем счету и, воз-

2 В номерах газеты, распространяемой на территории Российской империи, номер от 31 августа не значится.

Примечание переводчика. Перевод текста максимально повторяет по своему оформлению транслитерированный текст: сохранены деления на абзацы, пунктуация, имена собственные даны в исходном варианте. Пояснения и поправки в тексте, сделанные автором транслитерации, сохранены в исходном варианте: квадратные скобки, заключающие в себя некоторые слова, объясняются следующим образом: «Вариант произведения, который был у нас на руках, имел оторванные углы, и некоторые слова были совсем не читаемы, правый нижний край был надорван. Текст был отреставрирован по смыслу». В одном предложении транслитерированного текста стоял вопрос, вероятнее всего, автор не понял выражение, используемое И. Гаспринским, т.к. по смыслу текста это выражение не подходит: «буду у него в магазине внутренним сторожем, а потом, как ознакомлюсь с работой, буду приглядывать за сельскохозяйственными работами? и буду его заместителем...».

3 В значении ученый, обладающий знаниями.

можно, станет представителем месье Бордо у себя на родине. Необходимые для поездки деньги Иван обещал дать.

Такое предложение друга Сулейману очень понравилось. Он решился ехать в Египет, получил подробное описание той работы, которую должен был выполнять. Его обязанности пришлись по душе, он остался доволен тем, что у него скоро откроется новая страница в жизни. Сулейман от души поблагодарил своего друга Ивана.

После ночной молитвы, закрыв кафе, Сулейман с благой вестью поспешил к себе домой, к своей любимой жене:

— Слава Аллаху, похоже, наше положение улучшится, судьба улыбнулась нам! Ты же знаешь Ивана Челеби, так вот он предложил мне хорошую работу.

— А кто это?

— Кто это может быть, конечно, знаменитый Бордо! Он, оказывается, хочет взять меня на службу. Жалование две лиры в месяц, а через несколько лет даже хочет меня назначить своим представителем в этих краях, что скажешь?

— Дай Аллах, это очень хорошо, господин. Я надеялась, что Вы найдёте такую работу, [ведь] не оставаться же Вам до конца жизни продавцом в кофейне. Вчера ночью мне даже приснился сон, что Вы сели на коня с красными копытами.

— Свет очей моих, знаешь ли ты, как я обрадовался этой работе?! Обрадовался потому, что стоять у печи надоело больше жизни, даже душа моя стала от этого чернеть. Я даже на праздники не мог тебе купить десять аршинов ситца, а себе один пояс. В дальнейшем, если на то будет воля Аллаха, мы не будем испытывать таких трудностей.

— Дай Аллах, господин, столько жили в терпении, не жаловались, ведь не родились же мы без счастья. А какую работу хочет предоставить Вам купец?

— Сначала буду у него в магазине внутренним сторожем, а потом, как ознакомлюсь с работой, буду приглядывать за сельскохозяйственными работами и буду его заместителем... Ты Ивана Челеби знаешь, видишь, как он поднялся, золотом играет, как фундуком!

— Как хорошо. А я знаю этот магазин? Это не тот, что по соседству с Бедромом?

— Нет, не тот, свет очей, месье Бордо — египетский купец, и магазин его там же. Ты откуда можешь знать.

Глаза у женщины округлились от удивления.

— Не понимаю, Вы что, собираетесь в Египет поехать?

— Ну да, на пароходе сорок часов ехать.

— Да Вы что, господин, с ума сошли! Разве человек может оставить уже существующую работу и вдруг уехать в Египет? Я думала магазин, о котором вы говорите, здесь.

- Откуда здесь взяться таким магазинам и делам?
— Хотя таких магазинов и нет, но есть хлеб (пропитание), два года же как-то существуем, с голоду не умираем.
— Так-то оно так.

Все мысли и надежды Сулеймана разбились как о камень. Его любимая, добропорядочная жена, как якорь в море, не хотела уезжать с привычных мест. Как ни старался Сулейман, но не смог уговорить её поехать в Египет. Мать жены, её сестра, брат, собравшись на совет, приведя сорок доводов против поездки, закрыли пути в Египет. Сулейман в своей кофейне так и остался навсегда. А Иван Челеби, качая головой от непонимания, дал другу немного денег и уехал.

Сулейман ровно двадцать лет простоял у очага, волосы и борода его поседели. Бедняга, проработав всю жизнь, не накопил и пяти рублей; но из уважения к его седой бороде к нему прикрепилось обращение «Владелец кофейни Сулейман», и, в конце концов, его так и прозвали «Кахведжи Сулейман»⁴.

⁴ Произведение в конце имеет пометку «продолжение следует», но ни в «Терджимане», ни в приложении «Иляве-и Терджиман» продолжение не было обнаружено. По замыслу произведение является законченным. Примечание переводчика.

ВОСХОД¹

(Очерки из жизни новотатар)

1905. – 8 ноября, № 92.

Вместо предисловия

Приступая к описанию жизни и деятельности новотатар и той среды, где они вращались, предупреждаю читателя, что я далеко не художник, и заранее прошу снисходительности к моим очеркам, хронике – назовите, как вам угодно.

Далее я должен сказать, что некоторые картинки будут недостаточно рельефны, так как повествование моё касается ещё не завершившихся явлений жизни русских мусульман: необходима некоторая скромность. Итак, не претендуя на художественное изложение, обещаю читателю быть правдивым.

Автор.

У Чёрного моря

Начало сентября 1879 года. Вечер был близок, и с широкого, могучего моря потянуло приятной прохладой на смену дневной жары. На окраине города С., на высоком утёсе, над морем, сидели молодая девушка и молодой человек. Они молча любовались уснувшей голубою ширью великолепного моря, отражавшего золотые лучи заходящего солнца.

Девушка уже раза два оборачивалась в сторону своего молчаливого соседа и, наконец, нетерпеливо заметила:

– Вы, кажется, опять углубились далеко в дебри Азии.

– Да, вы правы, виноват... Впрочем, вы знаете, что я собеседник неважный.

– Я не это хотела сказать, а то, что не нахожу ничего интересного в вашей громадной, сонной Азии.

– И это ещё не значит, что это именно так.

1 Незаконченный автобиографический роман И. Гаспринского, опубликованный под псевдонимом Карт Агай на страницах газеты «Терджиман» в 1905–1906 гг. В 2003 г. транслитерирован на латиницу Байрам Ораком и Назим Муратову как «Gündoğdı» (İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, NeşreHız. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: ÖtükenYayınevi, 2003. – S. 405 – 443).

– Тем не менее, я так думаю.

– А я думаю иначе. Колыбель человечества, источник всех верований, очаг цивилизаций, вмещающий в себе половину населения нашей планеты, не лишён глубокого интереса.

– Пусть будет по-вашему... Вернёмся к предыдущей теме. Скажите, как Вы поступили бы, если полюбили русскую женщину?

– Я уже говорил Вам, что всегда буду бороться против подобного чувства.

– Это не ответ на мой вопрос. Вы боролись бы, но могли бы быть побеждены, а потому я спрашиваю: если бы полюбили.

– Увы, я разбил бы своё сердце и бежал бы.

– Это нелегко сделать.

– Да, конечно, но я бы это сделал.

– Почему? Нельзя же допустить, что Вы не понимаете цены глубокого чувства и личного счастья? Наконец, и религия ваша тут не помеха: насколько я знаю, брак мусульманина с христианкой или еврейкой допускается Кораном.

– Но, тем не менее, я против такого брака.

– Что же это такое? Фанатизм? *Plus musulmanque le Mahomet?*

– Ни то, ни другое, а потому я мог бы обидеться тоном вопроса, если бы его задал кто-либо другой.

– *Mersi*, но я всё-таки не понимаю Вашей психологии, не знаю Вашего мотива. Не могу же я допустить, чтобы Вы в принципе были против смешанного брака как следствия чистого, хорошего, естественного чувства.

– В принципе, да.

– Почему же Вы противник того же на деле?

– Потому что между принципом и делом есть нечто очень важное и сильное – жизнь. Она имеет свои требования, свои законы, часто противоположные влечениям нашего сердца.

– Допустим, что это так. Но почему, готовый разбить своё сердце, Вы не хотели бы разбить жестокие законы условностей ради такого счастья?

– Я не признаю за собой право на личное счастье.

Девушка удивлённо посмотрела в глаза своему собеседнику, а он продолжал:

– Я как-то говорил Вам, что отдал себя служению народу, я не могу сделать ничего такого, что, по его понятиям, могло бы лишить меня его доверия. Смешанный брак мог бы оторвать меня от народной почвы, личное счастье, новая среда могли бы отстранить меня от низшей братии. Я во всём и навсегда отказался от личного счастья, говоря проще – от эгоизма, в пользу счастья общего, народного. Со временем, конечно, жесткие условия жизни смягчатся, но теперь мои силы, знания, мысли и сердце принадлежат не мне, а народу.

– Это что-то очень решительное.

– Может быть. Я иначе говорить не умею.

– Что это Вы обиделись?

– Конечно, нет, но говорить с кем-либо ради красного словца – не моё обыкновение... Не пора ли, однако, домой? Ко мне должны были прийти, – сказал молодой человек, вынимая часы. Он и она молча поднялись и молча направились по взморью в город.

1905. – 11 ноября, № 93.

Даниял-бек

Перенеситесь, читатель, в С-кую губернию на Волге. Утро тёплого августовского дня 1881 года. По дороге из села Михайловского в посёлок Яртуганский, где расположена была огромная паровая мельница Батыр-бая Хантемирова, медленно шёл молодой человек в широкополой чёрной шляпе, держа в руке увесистую палку и лёгкое пальто наперевес. Дорога шла вдоль зарослей ивняка, растущего широкой полосой вдоль реки, отделяющей большое русское село от Яртугановского посёлка. Путник наш имел на вид лет около тридцати и представлял собой хорошо сложенного мужчину, по-видимому, южанина. Он шёл тихо, как бы прогуливаясь, но иногда пытливо всматривался в заросли ивняка. Вдали на пригорке виднелись строения и экономия² Батыр-бая. Слева из-за реки доносилась монотонная русская песня.

Дойдя до тропинки, которая вела в чашу ивняка, путник свернул от просёлка и скрылся в чаще зарослей. Тропинка привела его к полусгнившему дощатому забору со старой решётчатой калиткой. Путник наш прошёл через калитку и увидел себя в заброшенном парниковом огороде. Окинув быстрым взглядом весь огород, окружённый забором, он посмотрел на часы и присел на толстую колодку против калитки. Отсюда он мог видеть дорогу и наблюдать проходящих и проезжающих.

В то время, когда наш путник сворачивал в чашу ивняка, на пригорке Яртугановской экономии показались две фигуры. Они медленно спустились вниз и пошли вдоль тех же зарослей, направляясь к тому же парниковому двору. Впереди шла молодая, стройная, красивая девушка Лейля Хантемирова, а за ней – её служанка Гуль. Обе девушки были прикрыты шальями. Подойдя к калитке, Лейля тихо, легко, но смело вошла во двор, а служанка остановилась за калиткой. Увидя вошедшую, молодой человек быстро встал и пошёл к ней навстречу. Они взглянули друг на друга и смущённо остановились. Одним взглядом было сказано всё сокровенное, святое, дорогое. В словах, рукопожатиях не было надобности. Он и она уже знали и понимали друг друга.

– Извини, Даниял, что я не могла пригласить тебя в наш дом; ты, бедный

2 Экономия – до 1917 г. название крупного помещичьего хозяйства на юге России и в Украине, в котором использовались наёмный труд и сельскохозяйственные машины.

мой, уже три дня живёшь в грязной хате, у мужика... Я просила маму послать за тобой экипаж, но она отказала... Боится папы.

– Дорогая, ты напрасно это делала. Лучше было бы не говорить пока о моём приезде. Разве ты забыла про наши обычаи и воззрения?

– Нет, не забыла, но там, в селе, негде жить, очень уж грязно...

– Хорошо, хорошо, дорогая, пусть будет так. Но теперь к делу. Итак, ты бесповоротно решила соединить свою судьбу с моею?

– Да; не смей меня больше об этом спрашивать, я не раз писала тебе.

– Извини и прими мою восторженную благодарность, но всё же дело столь серьёзно, что я хотел услышать это из твоих уст. Благодарю, но прошу: подумай ещё раз, пока не поздно...

– О чем это?

– О том, что я беден и тебя могут ожидать непривычные лишения...

– Твоё положение мне известно, я всё обдумала.

– Подумай, дорогая, судьба моя неопределенна... Кто знает, что ждёт меня: может быть, дело и уважение, но возможны несчастья и забвение.

– Ну так что же? Я разве не могу разделить всё это с тобою! Я готова вытерпеть, вынести всё... Но какой же ты злой, мой Даниял!

– Довольно, дорогая, ты будешь моею! И если угодно будет Аллаху, все добрые дела, которые я могу совершить, положу у ног твоих как священный мегр³ (*).

– На днях вернётся мой папа. Я паду к его ногам, буду просить, молить его. Приезжай просить и ты... Он согласится, он добрый.

– Надеюсь, что так и будет, но в случае его упорства ты должна точно последовать указаниям, которые изложены в этой тетрадке.

При этом Даниял-бек передал Лейле маленькую тетрадку в черепаховой оправе.

– Придётся бежать? – спросила Лейля, принимая книжку.

– Постараюсь избавить тебя от этого... Но прошу быть терпеливой, хладнокровной и беречь своё здоровье. Я сделаю всё, что надо.

– Хорошо, мой милый.

– Значит, союз наш окончательно и решительно заключён?

– О, конечно.

– Если так, то позволь мне, Лейля, поцеловать хоть твою руку.

– Нет, Даниял, я этого не позволю. Если ты меня испытываешь, то поступаешь нехорошо; если же желание твоё искренно, как я думаю, то прошу: потерпи... Не обижайся... Придёт время, когда каждый поцелуй твой я приму как высшее благо... Сейчас ещё рано!

– Если бы можно было полюбить тебя больше, чем я уже люблю, то,

³ *Брачный подарок. Примечание автора.*

* Махр в исламском семейном праве – имущество, которое муж выделяет жене при заключении брачного договора.

конечно, полюбил бы... Прости меня, дорогая, беру назад мою просьбу; я увлёкся, прости!

Ласковый, любящий взгляд Лейлы безмолвно свидетельствовал о прощении, Даниял же умилённо, восхищённо созерцал фигуру чистой очаровательной девушки.

– Боже, Боже, что нам делать? Все едут, бегут сюда, – закричала служанка, вбегая во двор.

1905. – 9 декабря, № 103⁴.

Мы остановились на том, что там, где встретились Даниял и Лейля-ханым, стали собираться люди, о чем сообщила вбежавшая во двор служанка.

* * *

Лейля-ханым обратилась к Даниялу:

– Это, наверное, моя мама и служанки. Они, вероятно, заметили мой уход из дома... Господин мой, скорее уходи отсюда!

– Куда спешить? Лейля, я не вор и не беглец... Нет ничего плохого в том, что мы встречаемся.

– Нет, мой господин, нет! Уходи! Если любишь меня, уходи, прошу! В конце концов, я приказываю... Уходи!

– Хорошо, если ты просишь, моя Лейля, я уйду! Береги себя.

Попрощавшись, Даниял бросил на свою возлюбленную Лейлю страстный взор и тигром перепрыгнул через ограду в сторону чащи. Не успел он пройти и двадцати-тридцати шагов, как услышал голоса уже успевших собраться в огороде женщин. Он остановился, прислушался и удостоверился, что Лейля не нуждается в помощи, поскольку среди собравшихся были мачеха и братья Лейли.

Обходя заболоченные места в чаще, а иногда и проваливаясь, он все же перебрался на сторону русского поселка. С трудом он нашёл проторенную тропку, которая пересекала владения Батыр-бая и Михайловку. Молодой человек ступил на эту дорожку. Из владений Батыр-бая послышался шум. Свист мельницы становился все более невыносимым. Даниял, не обращая на это внимания, направился по дороге в сторону Михайловки. Не пройдя и трех-пяти саженей, позади себя он услышал голоса: «Ты посмотри, это же ведь тот адвокат, что наведывался накануне». Обернувшись, Даниял увидел двух рабочих с мельницы. Он остановился и спросил:

– Чего вы хотите?

4 Ввиду отсутствия русскоязычного текста (газета «Терджиман» после 1905 г. стала моноязычной) далее представлен перевод произведения, опубликованный Кирымовым Т. Н. (Солнце взошло // Гаспринский Исмаил. Арслан-Кыз. Солнце взошло (романы). – Симферополь, 2004. – С. 155–176)

Они тоже остановились и ответили по-русски:

– Мы тебе сейчас покажем, чего хотим... Это ты хотел похитить нашу госпожу и крестить!

В тот момент, когда они начали кричать «Стой!», Даниял, почувствовав неладное, молниеносно вынул из кармана револьвер:

– Товарищи, вы ошиблись, я истинный мусульманин!

Мельники, не слушая его, наступали. Ситуация усложнялась. Даниял хладнокровно крикнул:

– Стойте, несчастные, если не хотите умереть!

Он прицелился из револьвера и, чтобы остановить приближающихся мельников, выстрелил. Мельники, испуганные пролетевшей пулей, попятись. Даниял воспользовался случаем:

– Отступитесь, иначе вторая пуля попадет в цель. Я такой же мусульманин, как и вы. У меня свои дела с вашим хозяином.

И повторяя «не ваше дело», медленно начал удаляться.

Набравшись храбрости и договорившись, мельники снова начали преследовать молодого человека. Даниял почувствовал ярость. Обернувшись, он поднял револьвер, однако твердая решимость на лице и в движениях заставила наступающих мгновенно рассыпаться по обе стороны дороги и затаиться в чаще. Даниял повернулся и начал медленно уходить. За спиной замерло; было понятно, что мельники ушли. Прибавив шаг и дойдя до речки, он перепрыгнул её и оказался в Михайловке. Таким образом, он целым и невредимым вернулся в поселок и попал в дом русского мужика, у которого остановился.

Сейчас вы спросите, почему мельники приняли Данияла за русского? Этому есть причины. Даниял пришёл тайком, чтобы повидаться с Лейлей. Он жил в русском поселке и выдавал себя за адвоката Афанасьева. До встречи с Лейлей, накануне, он приходил в имение Батыр-бая и представился встретившему его главному мельнику адвокатом. В надежде увидеть Лейлу в розарии или в окне особняка юноша задавал множество вопросов главному мельнику. Он обошёл особняк вдоль и поперек, однако тщетно: от Лейли ни слуху ни духу!

Узнав от мельника, что Батыр-бай уехал в город, Даниял поинтересовался, когда тот вернется. Получив ответ, что бай будет через несколько дней, он приказал передать, что приходил Афанасьев, которого господин знает, и попрощался с мельником, чтобы вернуться в Михайловку. Мельник направился на мельницу, Даниял же – на нижнее пастбище. Так и разошлись.

В начале рассказа мы говорили о беседе молодого человека с русской девушкой на берегу моря. Как вы уже, наверное, догадались, тем юношей был Даниял, которого мы увидели спустя год на Волге в ивовой чаще. Тут есть чему удивиться: тот, кто не верил в любовь, не желающий развлечений, тот, кто посвятил себя служению народу, вдруг совершенно изменил своим

принципам, влюбился в Лейлу, как Меджнун⁵. Пусть она будет розой, а он соловьем, но его слова «я отдам себя в жертву народу...» совершенно не подходят для тайно встречающихся в тени ивовой чащи влюбленных. Мир души – совершенно иной мир. Иногда те вещи, которые непостижимы умом, возможны в мире души. К концу нашего рассказа это станет явным.

1905. – 19 декабря, № 106.

Выставка в Москве

Шел 1880 год. В Москве была устроена Всероссийская выставка по этнографии⁶. Здесь были представлены образцы быта, ремесла, искусства и культуры всех народов, живущих на территории России. Были выстроены павильоны, представляющие какой-либо народ. Для демонстрации национальных одежд и изделий было приглашено необходимое количество людей. С отделами для поляков, финнов, латышей, армян, грузин, евреев и других народов соседствовали отделы узбеков, киргизов, башкир, татар, якутов, азербайджанцев, кумыков и черкесов, и каждый из них представлял свой быт и традиции. Эта национальная выставка походила на экзамен для разных народов.

Внешне отдел мусульман был интереснее, чем остальные, и своей красочностью привлекал больше всего посетителей. Они интересовались Азией. И русские, и гости из Европы не уходили, не посетив этот отдел. И вправду, сами мусульмане, и их наряды, и культура, будучи совсем иными, казались дивными для глаз русских и европейцев. Туркестанцы с белоснежными шапками, красными, зелёными халатами, азербайджанцы с большими каракулевыми шапками, казанские байы с бисерными капюшонами, а также киргизские султаны с серебряными упряжками, черкесы и кумыки в серебряных трофеях и прекрасной одежде представляли красочную картину, и, конечно же, для тех, кому это было ново, казались привлекательными. Туркменские, самаркандские и кавказские паласы, ковры, киргизские орнаментные сапоги, кумыкская посуда, красочные калоши и сапожки из Казани, серебряные трофеи из Дагестана – все это отличалось от вещей русских и европейцев. Действительно, по приказу губернаторов байы, господа, вельможи, собрав в своих губерниях лучшее и назначив достойных людей, отправили всё в Москву. Здесь было на что посмотреть.

5 «Лейла и Меджнун» – письменный фольклорный памятник народов Передней, Средней и Юго-Восточной Азии, в основе которого лежат древнеарабские легенды и предания о трагической любви юноши-поэта Кайсы ибн Муада, прозванного Меджнуном (то есть одержимым), жившего якобы в конце VII – начале VIII вв. Мотив этой легенды лёг в основу многих произведений.

6 Вероятно, речь идет об одной из художественно-промышленных выставок 1880–1890-х гг., так как Всероссийская выставка по этнографии проходила в Москве в 1867 г.

Да и сами купцы и вельможи официально тоже были удостоены чести. Их старания и потраченные деньги не пропали даром, так как губернатор каждому помазал губы медом и согрел сердца, пообещав наградить медалями. Не нужно скрывать то, что все мы любим награды. Если уже есть на груди или на шее серебряный орден, то мы стремимся получить золотой и зависим от этого.

На самом деле внешне блестящая и интересная выставка, как и наше состояние, не была таковой. Если сравнивать павильоны других народов, их орудия труда и всюду покупаемые товары, то наши медные кувшины, красочные паласы казались хламом. Например, машина, выставляемая в павильоне поляков и латышей, не только заменяла сотню наших ремесленников, но и была очень проста в использовании. Общий взгляд на выставку показывал, что у нас большое отставание в развитии по сравнению с другими народами. Однако никто из наших этого не замечал. Беспечность доходила до такого уровня, что сарты⁷ и ногайцы не признавали друг друга, будучи мусульманами и представителями киргизо-казахского братства. Они не виделись и не собирались вместе, даже не хотели просто поздороваться друг с другом. Каждую пятницу собирались в мечети⁸, но и то только своими группами, после молитвы также возвращались группами в свои павильоны.

За сорок лет, благодаря выставке собравшись вместе, братья по языку и религии даже не помышляли воспользоваться случаем просто пообщаться, объединиться.

Мало того, что они не извлекали из этого никакой пользы, так они ещё и брали все плохое, что было в Москве, и даже больше: очень интересовались трактирами, театрами, ласковыми и гостеприимными бабами и девками. Вечером, как только закрывалась выставка, киргизы с узбеками, как на перегонки, с великим усердием оставляли кучу денег в трактирах.

Одним из богачей губернии С., известным в выставочной среде своим гостеприимством, был господин Якуб Байчурин. В номере Ласконни, где он проживал, всегда на чашку чая или на обед приходило по пять-десять мусульман, а иногда здесь организовывались собрания, где обсуждались новости из губерний. Поскольку Якуб-бай был щедрым и красноречивым, то здесь присутствовали представители различных классов – высшее духовенство, купечество и другие, говорили о разных коммерческих отношениях между киргизами, туркестанцами и кавказцами. Все это придавало собраниям изысканность и важность.

В один из дней, когда около семнадцати гостей собралось за чаем у Якуб-бая, почтальон принес письмо. Оно было из губернии. Якуб-бай,

⁷ Исконно оседлое население Средней Азии, вошедшее в состав современных узбеков.

⁸ Джума-намаз (пятничная молитва) – обязательная коллективная молитва мусульман. Совершается в пятницу во время полуденной молитвы в мечетях.

просмотрев письмо, ответил на вопросительные взгляды: «Из дома! Пишут, что все хорошо... а также пишут, что скоро приедет в Москву сам Даниял».

Собравшиеся ничего не ответили и снова взялись за свой чай, однако один из них сказал: «Этот человек, говорят, очень усердный». По этому поводу ещё немного поговорили и после слов «приедет – увидим» перевели беседу на другие вопросы. Действительно, имя Данияла Дагларова стало очень известным в народе. Он прославился благодаря тому, что написал брошюру под названием «Что делать?» и спас население поселка Ак-мырза С. губернии. В этом поселке жители были насильственно крещены русскими, хотя на самом деле оставались истинными мусульманами. Они обвинялись в том, что, официально приняв православие, тайно исповедовали Ислам, за что должны были быть высланы в Сибирь. Услышав об этом, Даниял, будучи знатоком законов, освободил поселок от высылки в Сибирь и на законном основании вернул ему право исповедовать Ислам. Очень многие из находившихся на выставке в Москве знали об этом и подтвердили слова «приедет – увидим...».

Возможно, было бы лучше, если бы мы сразу описали вам поступки неоднократно упоминавшегося Данияла. Но наш рассказ был начат по-иному. Я обязательно представлю в следующих главах нужные сведения о нем.

1906. – 11 января, № 2.

Мы обещали представить вам Данияла Дагларова.

Даниял родился на побережье Черного моря в губернии К. Хотя он и относился к роду тюрков-татар, его этнические корни не принадлежали к известным и древним племенам, в его жилах текла кровь тюркской закваски, а может быть, и с примесями. Племя тюрков, распространяясь от половецких степей Азии до самой Европы, заняло немало земель. Они слились с каждым народом, чьи земли они занимали.

Племя тюрков, овладев Ираном, впитало кровь персов; те, что захватили Анатолию⁹ и Румелию¹⁰, ассимилировались с греками, черкесами и арабами.

9 Одна из двух, наряду с Румелией, важнейших провинций в ранние годы Османской империи. Контролировалась непосредственно султаном из Стамбула. Занимала территорию западной Анатолии, её столицей был город Кютахья. Эта провинция была сердцем империи. Основана в 1393 г. В начале своего правления Баязид I (1389–1402) сделал её обычной провинцией.

10 Историческое название Балкан. Этимология слова происходит от арабского названия Византии – Рум (Рим), то есть Восточная Римская империя. Первоначально Румелией называли европейские владения Османской империи, включавшие в себя древнюю Фракию и часть Македонии, в отличие от азиатских владений – Анатолии. Наместник и командующий войсками Румелии назывался бейлербеем (беглербегом) и имел резиденцию в Эдирне, затем в Софии. В 1836 г. резиденция наместника Румелии была перенесена в Монастир (Битола), сама же область была ограничена западно-македонскими и албанскими землями. Название провинции Румелия исчезло после административных реформ 1864 г.

Захватив Россию, тюрки сначала основали Золотоордынское ханство, потом, разделившись на множество небольших государств, слились с финнами, булгарами и славянами. Сейчас это можно заметить по внешнему виду и чертам лица. Вместе с тем, где бы род тюрков ни находился, с каким бы народом ни ассимилировался, он смог сохранить свое происхождение. Язык все тот же – тюркский, внешний вид и лицо – тюркское, все они соответствуют древним тюркам.

Если вы из разных стран возьмете по одному тюрку и объедините их, вы заметите, что каждый из них имеет какие-то отличительные черты, свойственные их проживанию, а в общем, физически и духовно у них есть общее – тюркское.

Так вот и Даниял был такой же тюрк. В его жилах может течь кровь черкесов, грузин, может и греческая, но кровь предков – тюрков – берет верх над всеми, выражаясь в чертах лица и в характере.

Отец его Али Дагларов был владельцем большого капитала, аристократом и имел почетное звание капитана. Хотя совсем не умел читать и писать по-тюркски, плохо понимал по-русски, он был принят на службу к генерал-губернатору, рос у него в званиях и был удостоен звания капитана.

Всемогущий русский генерал-губернатор был из влиятельной семьи и очень богат. Он управлял сразу тремя-пятью губерниями, имел половину прав, как у государя. Он приближал мусульман к себе, а их сыновей устраивал на различные службы и, таким образом, прививал им русские нравы и культуру. Хотя у наших беков и беев¹¹ не было достаточного образования, они собирались вместе с другими чиновниками в доме за столом, на собраниях и на мероприятиях генерал-губернатора, достаточно хорошо усваивали музыку, игры в карты, шампанское, балы и театры. С кокардами и эполетами на плечах, с несколькими орденами на груди наши беи казались просвещенными и образованными, были вхожи в русские салоны, и для них это высшее общество было свято. Из-за этого они расточали все имущество, оставшееся им в наследство от предков.

У генерал-губернатора были свои особые причины на то, что он уделял много внимания и открывал дорогу своим мусульманским поверенным. К примеру, отец Али-бека Дагларова Усеин-бек, хотя и был темным и невежественным, как лесной медведь, зажиточным крестьянином, по приказу князя был зачислен в чиновники и несколько раз в году бывал на приеме у князя. С помощью Усеин-бека этот князь овладел большим количеством садов, а также громадными землями в лучшем районе губернии.

Сын Усеин-бека, доверенного лица генерал-губернатора, Али-бек был официальным переводчиком генерала. Для того, чтобы присвоить Али-беку первоначальный чин, по закону нужно было провести маленький

¹¹ Дворянский титул у некоторых народов Ближнего Востока и Средней Азии, категория привилегированного населения.

экзамен, который вспоминают в губернии и по сей день. Однажды князь спросил у главного секретаря об Али Дагларове и приказал тому явиться на первый экзамен для получения чина. В назначенный день отец с сыном пришли в дом генерал-губернатора. После того, как были просмотрены отчеты и прочие дела и подписаны документы, Усеин-бек и Али-бек были приглашены на прием к его высочеству. Экзамен должен был проходить в присутствии его высочества.

1906. – 20 января, № 6.

Когда Усеин-бек с сыном Али-беком вошли, князь поприветствовал их кивком головы и показал, где сесть. Обращаясь к Али-беку, он сказал:

– Вы готовы к экзамену?

– Да, мудрейший.

– Умеете ли вы читать и писать?

– Да, мудрейший.

– И математику знаете?

– Да, уважаемый.

– Знаете ли вы что-нибудь из поэзии и прозы?

– Знаю, господин.

– К примеру!

– Беспокойный человек Крылов... Мартышка и очки... По волнам синего моря...

– А ну-ка расскажите из этого «По волнам синего моря».

Али-бек, посмотрев в глаза отцу, слегка откашлялся и начал:

– Над волнами синего моря летит... летит...

Бедолага, забыв, что же там летит, задыхаясь и краснея, повторял «летит... летит...». Старый Усеин-бек, стыдясь за сына, пришёл в ярость и, вскочив, закричал:

– А... скотина! Тебе уже двадцать, а ты до сих пор не знаешь, что может летать? Птица летает, птица! Осел не может летать!

Услышавший эти слова князь после заразительного смеха сказал, обращаясь к своему секретарю:

– Достаточно, хватит... Запишите: хорошо. Пусть ему присвоят первый чин.

Экзамен на этом закончился. Князь смеялся не оттого. Поэт уподоблял лодку с белыми парусами птице, говоря «летит». Али-бек же, оттого что забыл русское слово «лодка», запнулся на слове «летит».

Как бы то ни было, отец и сын, сдав экзамен, вышли от князя. Через некоторое время Али-беку было присвоено первое звание (чин).

Али-бек был правдивым человеком. Несмотря на то, что он был раздражительным, сразу хватался за кинжал, его очень уважали товарищи. В 1848 году, когда князь командовал походом на Дагестан, Али-бек был

взят к нему в помощники и этому канцелярскому переводчику было присвоено звание офицера. Возвратился из этого похода Али-бек Дагларов уже поручиком, то есть сотником.

Добрый князь назначил Али-бека заместителем начальника в одном уезде. Это был очень хороший пост, на котором можно было обогатиться. Но Али-бек был не из тех людей. Он отправился в местное правление, увидел махинации уездного начальника и со словами «я не буду жить недозволенным», не дождавшись оформления бумаг и удовлетворения прошения об отставке, вернулся к князю.

– Дагларов, почему вы вернулись? – спросил тот.

– Просить об отставке. Я больше не желаю служить... Мне нужно заняться своими землями (хозяйством).

Князь, поняв, в чем дело, и не возражая, присвоил ему звание капитана. Таким образом, Али-бек вернулся домой, в свой поселок. Ещё до того он женился, и в 1850 году у него родился сын, которого он назвал Даниялом. Мать Данияла была влиятельной и уравновешенной. Не имея образования, своей настойчивостью и религиозностью она сильно влияла на сына.

Даниял и очень боялся, и очень любил свою маму, которая учила его правде, упорству, трудолюбию и любви к своему народу.

Али-бек хотя и любил своего сына, но не имел на него никакого влияния. Его мать Мергубе-ханым рассказывала разные религиозные или патриотические истории, которые очень трогали Данияла и наполняли его сердце и тело жаром. Услышав от матери о героях, он хотел быть таким же доблестным, таким же помощником мусульман, как и те. Заглядывая ей в глаза, мальчик говорил: «Мама, я буду таким же, я тоже буду так делать». Мать же, получая от этого большое удовольствие, гладила его по голове, поощряя Данияла словами: «Конечно, сынок, так нужно. Будешь таким, я тебя буду любить ещё сильнее».

Уроки матери принесли Даниялу большую пользу. Потом это все сказалось на его характере и в поведении. Когда Даниял играл с ребятами из соседнего села, в нем видны были, с одной стороны, доброта, а с другой – серьезность.

1906. – 30 января, № 7.

Когда Даниял-беку было около семи-восьми лет, его отдали в школу. Учитель обращался с сыном бая совсем по-иному, чем с другими учениками; посадив его рядом с собой, отдельно следил за учёбой.

Научившись за несколько месяцев азбуке, а потом занимаясь в течение года Хафтиек-и Шарифом¹² (первая книга, по которой дети учились читать

¹² Хафтияк-и Шариф – 1/7 часть Корана – избранные коранические стихи. (Обучение в мектебах и медресе проходило в непосредственной близости с религией, и часто тексты учебных пособий содержали рассказы религиозного характера, отрывки из жизнеописания пророков, образцы сур из Корана и т. д.)

в медресе, высшем духовном заведении), уже через два года он смог всё освоить и кое-как читал суры из Корана. Когда-то это образование считалось большим достижением.

Али-бек был очень доволен успехами сына, и, когда Даниял возвращался из школы, он был ласков и гладил его по голове.

В прошлом в начальных школах было принято изучать религиоведение, читать Коран и знать 5 обязательных религиозных предписаний (Ислама). Тогда не было обязательным изучение письма, математики, орфографии и других предметов.

В один из дней, когда жена была в хорошем расположении духа, Али-бек, воспользовавшись случаем, нежным и ласковым голосом обратился к своей ханым:

– Свет мой, что если мы пригласим писаря из правления, чтобы тот немного поучил нашего Данияла русскому.

Тогда жена его, нахмутив брови, спросила:

– В чем нужда?

– Ах, душа моя, ему не подобает, как и прочим, оставаться в пастухах. Если он будет читать по-русски, тогда, может, будет полковником или уездным управляющим... Не будет ли лучше? Будет награжден орденами и медалями.

– Господин мой, ваших, а также медалей вашего батюшки будет достаточно для Данияла. Ради всего этого была пожертвована пара громадных хозяйств (земель). С оставшимся у нас имением не открыть больше дверей полковника и не накрыть его стола.

– Если не полковник, то пусть будет начальником уезда... Тут и уважение и деньги.

– Значит, получается, вы хотите, чтобы Даниял был похож на Ивана Ивановича? – жена уколола этим своего мужа. Иван Иванович был известен тем, что был уволен со службы, и тогда, голодая, он донашивал старые вещи беев.

Тогда Али-бек, злясь на возражения жены, ответил:

– Ах, душенька, всё про Ивана Ивановича повторяешь, а ты разве не знаешь Кондрата?

Кондрат был известен тем, что, будучи назначен уездным, поначалу ходил в дырявых сапогах, а после, спустя два года, выкупил у многих беев хозяйство или же давал им займы, беря с них проценты.

Ханым, услышав имя Кондрата, встревожилась:

– Неужели, господин мой? Неужели вы хотите, чтобы наш сын был похож на Кондрата? Вы хотите, чтобы он зарился на рубаху живого и на саван уже мертвого! Нет, я этого не желаю. Пусть Даниял недоедает, но еда его будет благословенной... В любом случае у нас есть хозяйство, его хватит Даниялу... Но если вы предлагаете, чтобы он учил русский, то пусть учит настолько, насколько ему будет необходимо, но не более.

Между женой и мужем было ещё много подобных споров. Хотя страхи госпожи были безосновательны, но, по её соображениям, были на то причины. У беев, которые учились русскому, все имущество, оставшееся им от родителей, было распродано; были и положительные стороны – эполеты, медали – но они не могли их накормить. Зная обо всем этом, ханым очень боялась русской науки, хотя при этом она совсем не была против знаний и науки.

1906. – 1 февраля, № 8.

По поводу образования Даниял-бека между Али-беком и Мергубе-ханым было ещё очень много споров, но, в конце концов, когда ребенку пришёл час, его отдали в губернскую Центральную гимназию. Оказавшаяся в безвыходном положении госпожа положила на Бога и отправила сына в город (немного поучиться).

Мать все повторяла: «Еще год, пусть ещё год поучится». Даниял проучился в гимназии 8 лет. То Мергубе приезжала в город, то сын приезжал в село, и она в этом ничего плохого не замечала, хотя и остерегалась, но все терпела эту, казалось бы, бесконечную учебу. А главное, Даниял-бек, будучи увлечен учебой, просил мать ещё немного потерпеть. Ханым успокаивали слова одного сельского имама (духовный глава мусульман): «Я 30 лет проучился, однако освоил только край (науки)».

Пока Даниял-бек находился в гимназии, отец его Али-бек скончался и хлопоты по хозяйству легли на плечи матери и деда. Несмотря на это, мать взяла управление хозяйством на себя и с терпением отнеслась к обучению Данияла. Пусть выучится всем законам русских: «Вот он все говорит, что будет защитником мусульман»... Она поддерживала мысль о том, что ему это воздастся.

В 1870 году, когда Россия переживала время преобразований и реформ¹³, Даниял-бек закончил факультет права в университете (имени) М.

Поражение, которое потерпела Россия в военных действиях, реформы императора Александра II зародили в общественном мнении русских мысли о том, что невозможна жизнь нации в нищете, безграмотности; это заставило задуматься всю русскую элиту. Все говорили о способах развития и роста. Очень много молодежи шло в народ, чтобы разбудить (от невежества) мужиков. Это состояние русского общества, отвага во имя образования русских юношей и даже девушек служили большим уроком и примером для Даниял-бека. После возвращения домой и небольшого

¹³ Царствование императора Александра II (1855–1881) ознаменовалось рядом «великих реформ». Из этих преобразований, проведённых в 1860-е и 1870-е гг., важнейшими являются отмена крепостного права в 1861 г., земская и судебная реформа 1864 г., издание в 1874 г. устава о воинской повинности, обязательной для всех сословий государства, учреждение ряда университетов, открытие женских гимназий и прогимназий, улучшение путей сообщения.

отдыха его беспокоил вопрос: «Вот я закончил учебу, научился, чему можно было научиться. Что дальше делать?». В первую очередь, ближе сердцу были служба народу. Совершенно естественно, что Даниял-бек, как и польская, русская, армянская элита и молодежь под лозунгом «За народ», бросив вызов всему миру, был озабочен службой своему народу. У других народов есть много своих слуг, друзей; он понимая что мусульманский народ остался наедине с самим собой, без героя, бесповоротно решил посвятить свою жизнь, знания и силы народу.

Видя, как Даниял-бек часами думает о том, что делать, его мать с намерением вывести его из этого состояния вошла в комнату и по-своему начала вести беседу. Отвечая на вопросы заботливой женщины, Даниял открыл свои мысли и порадовал мать своими чувствами. Она, убедившись в его истинном мусульманстве, упорстве, любви к народу, благодарила за это Бога.

Даниял-бек находил много пользы в разговорах с матерью. Некоторые представления и суждения народа она ругала и отрицала; после этих бесед глаза Даниял-бека открывались и он понимал, что совершенно незнаком с состоянием и жизнью народа, которому он намерен служить.

Он понял, что, прежде чем заняться этим делом, ему необходимо пойти в народ и изучить его жизнь, положение, нужды.

1906. – 3 февраля, № 9.

Осознав, что невозможно служить народу, не зная его нужд, Даниял-бек пошёл в народ, чтобы получить и расширить знания в этой области.

Находясь на сельских свадьбах, на собраниях духовенства, на пиршествах у беев, в стенах медресе, а также на других различных народных мероприятиях в течение года он мало говорил, много слушал, набирался практических знаний.

Он понял положительные и отрицательные стороны каждого сословия, как обстоит положение народа, из чего состоят недостатки народа, нужды. Он то был в качестве философа среди невежд, то был крестьянином, то маэстро среди шарлатанов, был благочестивым среди набожных; также был и среди тех, кто, проучившись двадцать лет, так и не научился читать и писать; среди многих тех, кто, будучи совершенно несведущим во всем, считал себя философом; увидев все это, он, казалось, отчаялся.

Благодаря преданности народу, своим острым глазом он все же отметил для себя то, что народ ещё жив.

Он понял, что если убрать с народа покрывающее его, как черный туман, невежество и убрать с тела народа язву, которая покрыта гнилой коркой, то он сможет обрести новую жизнь, новую силу.

Что делать, с чего начать, чем разжечь остывшее сердце, чем поднять занавес, закрывший взоры, как поднять на ноги рассеявшийся по пустыне невежества великий народ – эти мысли долго занимали его...

Доверив сельские и земельные дела матери, Даниял-бек переехал в центр губернии, куда был назначен адвокатом. Так как его не волновали чины, жизнь адвоката очень подходила ему. Он успешно решал те дела, которые брал на себя. Освоившись, часто выигрывал дела в суде; и за короткое время его имя успело прославиться и заслужить уважение среди русских и мусульман.

«Человек дела» – так его называли. Для тех, кто его не знал, он казался простым и заурядным, но на самом деле это был серьезный человек, который не бросается на все подряд, но если возьмется, то не выпустит. Он не был разговорчивым. Поэтому в русском обществе и, в особенности в обществе женщин, он не считался интересным. У него был трудный характер, но если дело касалось интересной для него темы, в особенности религии и национализма, то Даниял-бек хмурил брови, становился красноречив и мог часами говорить и объяснять, увлекая всех, кто его слушал. Он спокойно относился к шуткам и намекам, по пустякам не злился, был скромным человеком; но если разозлится, то его, как бурю в половецких степях, не удержать, ни на что не посмотрит, будь то перекасти-поле или дерево. Все снесет.

Ярость этого спокойного человека долго вспоминали его друзья, об этом говорили в городе и даже за его пределами. Однажды около десяти человек, среди которых были армяне, русские, евреи и мусульмане, ужинали в одном из больших ресторанов в дружеской компании.

Шла интересная беседа, рассказывались анекдоты, смешные истории. Когда очередь дошла до Данияла, он сделал несколько замечаний по поводу разговора. Вдруг кто-то с иронией сказал: «Вы посмотрите на этого сына татарина, что он там говорит...».

1906. – 6 февраля, № 10.

От ярости лицо Даниял-бека покраснело, но он, не выдавая своего внутреннего состояния, по обычаю с сухостью проговорил:

— Если бы вы меня не татаринном, а другим словом обозвали, я бы разбил эту чашку с супом у вас на голове.

Тогда его собеседник с улыбкой ответил:

— Ах, господин мой, неужели?

Не успел он договорить фразу, как Даниял-бек, вскочив с места и схватив тарелку с супом, пустил её в сторону иронизирующего.

Слава богу, что тот парень успел спрятаться под стол, а не то голова бы его слетела: тяжелая тарелка, ударившись о противоположную стену, разбилась вдребезги.

Один из товарищей спросил:

— Даниял-бек, вы что, сошли с ума? – и посадил его на место. Обидчик же, как ни в чем не бывало, продолжал есть и разговаривать.

Буря прошла.

Даниял-бек занимался адвокатством и зарабатывал себе имя и славу, но постоянно думал о делах народа.

Невооруженным взглядом было видно, что состояние народа, кроме благополучных и образованных классов, государственных чиновников и военнослужащих, тяжелое и безвыходное. В национальном высшем духовенстве было множество мулл, которые не только не смыслили в мирских делах, современных условиях, но были слабы и в вопросах религии.

Благополучные мусульмане, будучи озабочены своими должностями, не умели писать и читать на родном языке и не имели представления о национальной литературе. Таким образом, они, будучи во главе народа, были далеки от него. Часть высшего религиозного духовенства только и стремилась занять пост при мечети или медресе и жить спокойно. Высшее общество, встретившись на свадьбе, на скачках или на поминках, позже разъезжалось. Других собраний они не знали. Купцы и торговцы, будучи заняты своими делами, считали достаточным для народных дел, нужд, общественной жизни встречаться на свадьбе, за пловом или на погребальной молитве. Дабы заслужить воздаяние, иногда строили мечеть или школу. Они приходили на собрания, но если это происходило, то это для них считалось торжественным случаем, важным общественным вкладом. Других мероприятий не проводили, потому что не было того, кто бы об этом думал.

Зажиточные крестьяне, беки, беи вообще не хотели интересоваться жизнью народа. В молодости проводили время в канцеляриях или в полках, в клубах, на балу и в своих имениях. Народ жил своей жизнью – они жили своей жизнью. С одной стороны, без главы, с другой стороны, без духовенства оставшийся народ, будучи оторван от происходящего в мире, жил, не ведая, что происходит, жил тяжело.

Видя это, сердце Даниял-бека обливалось кровью, голова его была готова лопнуть от тяжелых мыслей. Что делать, если народ уснул? Как его разбудить? Если он болен, как его вылечить? Если ранен, чем перевязать рану? Если заколдован, то какими чарами можно оживить и душу, и тело?

Даниял-бек обессиливал, думая об этом часами. Так проходили дни и месяцы.

Каким бы ни казалось тяжелым решение этой проблемы, любовь к народу давала ему терпение и надежду, мысли обретали силу.

Главной причиной стойкости и веры Даниял-бека было то, что он поддерживал мнение: каким бы ни был мусульманский народ отсталым, его никак нельзя назвать мертвым. Самостоятельно исследуя историю, этнографию и экономику, он понял, что народ жив, однако находится в глубоком сне. Он был твердо убежден, что если его народ проснется, то будет идти вперед, как и другие народы.

Вся воля Даниял-бека полагалась на эти взгляды и веру...

ГОРЕ ВОСТОКА¹

1905. – 1 февраля, № 9.

Первые Халифы² мусульман дали Востоку такие принципы жизни и деятельности, что быстро создалось сильное общество и государство, подобных которому древний мир не знал. Импульс, данный мединскими правителями, был настолько интенсивен и могуч своей чистотой и правдой, что, с небольшими отклонениями, [он] продолжал действовать созидательно в период Омейядов³ Сирии и значительное время в период Аббасидов Багдада⁴.

Границы ислама раздвигались, сила росла, благосостояние и просвещение народа развивалось, сухопутная и морская торговля захватывали весь тогдашний мир. Мусульмане от мала до велика, от простого пахаря до султана или халифа были честны, уважали право, законность и любили науки, просвещение, боролись против зла и невежества. Такое состояние общества делало его стойким, прогрессивным, продуктивным. Если бы мусульмане продолжали развиваться в этом направлении, то цивилизация их принесла бы человечеству великую пользу, но Восток постигло великое горе...

Вместе с миром создавалось зло в образе шейтана (дьявола). Он начал

1 Новелла И. Гаспринского, опубликованная под псевдонимом Молла Аббас Франсови на страницах газеты «Терджиман» в 1905 г. В 1996 г. переиздано В. Ю. Ганкевичем в журнале «Брега Тавриды» (Исмаил Гаспринский Горе Востока // Брега Тавриды. – 1996, № 02-03. – С. 148–156). В 2003 г. транслитерирована на латиницу Назим Мурадоглу как «Belâ-i İslâm» (İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, NeşreNaz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003. – S. 465 – 476).

2 Титул первых четырёх халифов: Абу Бакра, Умара, Усмана и Али.

3 Халифат Омейядов (661–750) – феодальное государство, в котором правили халифы династии Омейядов. В руках халифа была сосредоточена духовная и светская власть, передававшаяся по наследству. Омейяды, продолжив завоевательную политику своих предшественников, завоевали Северную Африку, большую часть Пиренейского полуострова, Среднюю Азию, Синд, Табаристан и Джурджан.

4 Аббасидский халифат (750–1258) – феодальное теократическое государство, в котором правили халифы династии Аббасидов. В состав халифата входили территории современных арабских стран Азии, часть Средней Азии, Египет, Иран и Северная Африка.

злиться на успехи и благополучие мусульман и задумал расстроить все их дела и погубить [их]. Всё чёртово племя собралось в великой пустыне на совещание. Тут, после долгих суждений и споров, были намечены средства и меры к гибели ислама. Вскоре после этого все короли и народы Запада составили союз и пошли войной на мусульман⁵. Сто лет продолжалась эта ужасная борьба Запада и Востока, но мусульмане удержались; они ничего не уступили и вышли из борьбы, может быть, более сильными и бодрыми, чем были.

После этого враг всякого человеческого покоя и доброй жизни замутил далёкий Восток. Забродили монгольские племена и под главенством Чингиз-Хана бросились на мусульманский мир с противоположного конца.

Восток был растоптан монгольскими полчищами; эмиры⁶ и улемы⁷ были уничтожены; ученые и литературные книги мусульман пошли на растопку бань, и многие мечети обращены были в конюшни и склады монгол. Жизнь, науки и торговля замерли. На престолах сидели монгольские князья, дети и внуки Чингиза. Казалось, что мусульманство закончило свое существование. Однако совершилось нечто невероятное: монголы – князья и народ – мало-помалу приняли ислам; кое-где появились богатыри ханы; начали возрождаться учёность, литература, торговля, и чёртово племя было удивлено и опечалено этим неожиданным явлением. Оно уже и руки опустило и думало оставить мусульман в покое. Но один из чертей предложил обратиться за советом к Старому дьяволу-инвалиду. Всё племя полетело к старику просить совета. Выслушав все обстоятельства дела, Старый дьявол заявил, что внешними мерами, военными напастями нельзя свалить ислам; надо взяться за дело совсем иначе. Старый чёрт был из времен Римской империи и по опыту знал очень многое. Чтобы составить план действий, было решено держать большой совет.

1905. – 8 февраля, № 10.

Под главенством старейшего, беззубого дьявола почётные лица всего чёртового племени собрались на законный совет. Тут каждый сообщал все свои сведения о мусульманах, и в общем получилась весьма детальная и верная характеристика мусульман.

Выслушав всех, старший дьявол поник головою и долго размышлял. Наконец он тихо поднял голову и повёл следующую речь:

5 Крестовые походы – серия религиозных военных походов в XI–XV вв. из Западной Европы против мусульман.

6 Титул правителя в некоторых мусульманских странах Востока и Африки.

7 Улем – учёный, знаток теоретических и практических сторон ислама.

– Из всех ваших сообщений я прихожу к следующим заключениям. Первое – правитель мусульман строго и точно придерживается закона; сознает, что он старший и главный слуга народа; бережёт народную казну и пользу прежде всех и больше всех. Глубоко чувствует, что он правитель, но не создатель народа. Так ли я понял?

– Да-да, совершенно верно.

– Второе – учёные, литераторы и поэты мусульман служат словом, пером и делом только правде и народной пользе. Любят науки и собирают знания у всех народов и времён, направляют народ к труду и деятельности и воспитывают его не в сухих обрядах и формах, а в вере ислама и человечности, придавая значение не длине или цвету халата, носимого мусульманами, а сердцу, которое бьётся в них. Они учат народ делать всё, что в силах человека, предоставляя остальное воле Аллаха. Так ли это?

– Да-да, совершенно верно. Ни один учёный не покривит душой и совестью ради какого-либо личного блага; ни один поэт не напишет двух хвалебных строчек во славу деспота или негодяя, если бы ему и обещали по тысяче динаров⁸ за строчку...

– Третье моё заключение сводится к тому, что каждый мусульманин, простой и знатный, понимает своё человеческое достоинство, обладает чувством чести, законности и достаточной храбростью, как на поле брани, так и в гражданской мирной жизни. Заметив беззаконие, он не побоится высказать это в лицо богачу или кадию (судье), правителю, до халифа включительно. Мусульманин знает, что от злых людей нельзя ожидать добра, а гнуть перед ними шею – одно бесплодное унижение. Вместе с этим мусульмане не горды, почтительны, трудолюбивы, энергичны и охотники до знаний. Так ли я понял ваши сообщения о них?

– Так-так, достопочтенный старейшина.

– В таком случае я не могу обрадовать вас. Такой народ не будет сломлен ни Западом, ни Востоком, ни даже нашим чёртовым племенем. Судите сами: человек честен – не подкупишь; правдив и любит закон – на подлость и обман не подведешь. Знающий – его не обманешь. Знает себе цену – его на мякине не проведешь...

Слова Старого дьявола ввергли всё ехидное собрание в большое горе. Многие охали, некоторые от досады плакали. Усугубляя горе чертей, один из их мулл заявил, что в старой-старой книге читал предсказание о том, что с появлением мусульман черти должны ретироваться.

Долго смотрел старший дьявол на грустное, опечаленное собрание своих родичей и наконец, ободряя их, сказал:

– Дело наше – дело трудное, но не падайте окончательно духом, попробуем кое-что сделать, может быть, удастся сбить стойкость и силу мусульман.

⁸ Денежная единица различных стран, большинство из которых – арабоязычающие или бывшие частью Османской империи.

– О, если бы, о, если бы! – приободрилось собрание.
– Я предложу вам одно средство... Но необходимо пожертвовать тремя чертенятами.

– Пожертвуем хоть тринадцать! – обрадовалось собрание.

И, действительно, бросив тут же жребий, избрали трёх чертёнок и одного чертёнка в жертву ради гибели мусульман.

Отцов этих ребят тут же возблагодарили за великое жертвоприношение в интересах чёртового племени.

1905. – 11 февраля, № 11.

Неизвестно, много ли прошло времени после рокового совещания чертова племени, но на Востоке показались признаки больших перемен. Важным событием было появление некоего Мат-муллы, знаменитейшего богослова и учёного, слава которого прогремела с крайнего Запада до крайнего Востока. Этот редкий муж прославился как охранитель чистоты веры и спаситель правоверия от ересей вольнодумства. Это он объявил и доказал, что изучение мусульманами греческой философии и опытных наук ведёт к ослаблению и упадку веры, и им же было установлено положение, что «самый плохой хан или султан обладает святостью семи святых». Благодаря могучему влиянию и своеобразной эрудиции Мат-муллы был положен предел любознательности и научному движению мусульман первых веков, а правители их поставлены вне критики, как обладатели семи святостей. Ловкий Мат сумел задёрнуть тёмной завесой примеры и жизнь первых халифов, подорвать науки и вогнать в тесные границы мысли мусульман. Мало-помалу народ погрузился в невежество и перестал видеть и понимать. Правители, окрылённые «семью святостями», стали творить всякие безобразия и расхищать народную казну для своих прихотей. Глядя на всё это, мусульмане богобоязненно думали, что святые так и должны поступать. Думать так не было запрещено.

В то время, когда идея и система Мат-муллы делали этот успех, Восток был осчастливлен рождением Шат-муллы, величайшего поэта и писателя. «Венец поэтов» – так его прозвала толпа, писал по-арабски, по-персидски и по-турецки. Его оды, гимны и поэмы переписывались и читались во всех уголках мусульманского мира и цитировались как пастухами в пустыне, так и царедворцами сералей⁹. Шат-мулла был известен не только в храмах знаний, но и на невольничьих рынках. Суть самой художественной и влиятельной поэмы сводилась к следующей мысли:

«Не жди плода от труда и знания; получишь
только то, что даст судьба. Будь терпелив».

⁹ Сераль – в странах Востока дворец мусульманского правителя

Народу, достаточно отупевшему от невежества, запуганному плутом и жестокою уздою, учение Шат-муллы пришлось по душе: не видя плодов от своего труда, он возложил все надежды на судьбу и терпеливо ждал, что когда-нибудь взойдёт же солнце. Такое стойкое ожидание Шат-муллою не возбранялось.

Этот писатель-поэт совершил и другое великое дело: он звучными стихами воспел ханских жеребцов и получил по пяти динаров за каждую строчку оды. Слава поэта и золотой дождь ошеломили всех писцов. Все очинили новые камыши¹⁰ и начали строчить хвалебные оды, обгоняя друг друга, как борзые на охоте. Прошло немного времени – и Восток застонал от фолиантов лжи и лести. С этого времени тиранов стали величать милостивыми, разбитого – победителем, труса – храбрым, глупого – умным, чёрное – белым, паршивого – златокудрым... Ложь и лживость дошли до того, что «учёные мужи» написали фолианты о том, что известный голово-рез, имевший отцом монгола, а матерью черкешенку, происходит из семьи пророка... Подбавив к семи святостям ещё большую святость, совсем сбили с толку и без того растерявшийся народ.

Между тем успел народиться великий политик и устроитель государств «рябой визирь». Его сестра (а может быть, и не сестра) была главной одалиской. Сестрица из гарема, а братец из Управления навели такой лак на всё дело правления, что любо было смотреть. Братец ловко убедил Господина правителя, что неприятные и нескончаемые дела чёрной толпы (народа) следует поручить рабу-везирию, чтобы предаться покою и удовольствиям, а сестрица неистощимым кокетством привязала его за холеную бороду к своей кровати... Все трое были довольны и народ тоже, как всегда, то есть он считал себя довольным и молился, впрочем, о лучшем будущем. Это довольство покрыло пылью забвения победоносные знамена; корона же была прикрыта чадрою несравненной одалиски. Немного времени прошло, и грозные львы-воители превратились в жалких козлов с вогнутыми назад рогами. В общем, невежество стало одобренным состоянием, управление – тиранией, а в результате Восток был раздавлен и ограблен к радости всех шейтанов. Пущенные ими в среду мусульман три чертёнка и одна чертовочка сделали то, чего не смогли сделать ни рыцари Европы, ни орды Азии.

¹⁰ Калам – инструмент для письма, палочка из стебля камыша со срезанным наискось, заострённым и расщеплённым концом.

СОБРАНИЕ ПРАВИТЕЛЕЙ¹

1906. – 22 декабря, № 144

В Самарканде.

Самарканд – вершина литературы и науки!

Самый древний город из древних, красивейший из красивых, знаменитейший из знаменитых, один из городов науки, величественный город – колыбель покорителей мира, самый любимый из великих городов, восхищающих мир. Здравствуй, Самарканд!

Паровоз загудел, вагоны остановились, я вышел. Это был Самарканд! Два дня я гулял по городу. Рассматривая самые тонко и искусно сделанные, изысканные старинные здания, медресе, мечети, тюрье², плиточные стены, выложенные двухлопастной³ цветной плиткой узорами куфической вязи арабского письма аяты, разглядывая памятник Шахи Зинда⁴ и Афрасиаба⁵, неторопливо размышляя, я пришёл к тюрье Амир Тимура⁶. Наступил вечер...

Что бы я ни видел в Самарканде, было и очень красивым, и в то же время разрушенным. Например, медресе Биби-ханым⁷. Это было удивительное, поражающее воображение изящное здание. А теперь, при виде уничтоженной временем плитки, на глаза наворачивались слёзы.

1 Произведение И. Гаспринского «Мюкалеме-и селатин», опубликованное на страницах газеты «Терджиман» в 1906–1907 гг. В 2014 г. текст транслитерирован на латиницу и опубликован Явуз Акпынаром как «Mükaleme-i selâtin» (İsmail Gaspıralı. Roman ve Hikâyeleri, Seçilmiş Eserleri I, (neşr. Yavuz Akpınar, B. Orak, N. Muradov), İstanbul: Ötüken Yay, 2014. – S. 493–503). Художественный перевод текста Г.Ю. Сеитваниевой.

2 Тюрье (дюрбе) – тип монументальных гробниц-мавзолеев шести- и восьмиугольной формы, распространенных на территории проживания мусульманского населения. Обычно усыпальница знати либо известных духовных лидеров. Как правило, тюрье располагается на земле мечети или религиозного комплекса.

3 Предположительно, плитка, выложенная методом перевязки ёлочкой.

4 Памятник средневековой архитектуры в Самарканде, ансамбль мавзолеев самаркандской знати. Комплекс состоит из одиннадцати мавзолеев, последовательно пристраивавшихся друг к другу в течение XIV–XV веков.

5 Древнее городище в виде скопления жёлто-серых лёссовых холмов, расположенное на северной окраине современного Самарканда.

6 Гур-Эмир – фамильная гробница Тимура и наследников империи (Тимуридов), воздвигнутая в юго-западной части Самарканда.

7 До середины XIII в. напротив соборной мечети Биби-ханым в Самарканде находилось большое медресе, также называемое Биби-ханым в честь легендарной жены Тамерлана.

Тюрбе Шах Тимура... Впечатляющий памятник! Этот памятник и был последней обителью Тимура⁸, объединившего тюркские народы, жившие на территории от Великой Китайской стены до Средиземного моря, от мёрзлой Сибири до жаркой Индии, державшего мир в руках и создавшего самую великую Тюркскую империю. Это было значительно разрушенное, в некоторых местах обвалившееся, с выпавшими камнями, где-то стёршимися надписями, с открытыми дверями забытое величественное тюрбе.

Я вошёл с молитвой в спальню, спустился на несколько ступеней вниз... Он лежит рядом с его духовным наставником Сейид Берке⁹. Вид надгробных камней, оживил картины исторических событий времён Тимура.

Какие великие дела, какой великий человек, какие прекрасные времена и какое разрушенное место! Оказывается, так устроен мир!

В тот момент, когда внутренние чувства переполняли меня и мысли кружили в голове, я вдруг увидел, как надгробный камень стал подниматься. Испугавшись, я нырнул в помещение перед лестницей и затаился в углу. Камень приподнялся, и из гробницы вышел патриарх с белой, как снег, бородой, а гробница осветилась светом. О, господи! Что это? От сильного волнения во мне пропал страх. Там, где я находился, было темно. Яркий свет сюда не доходил. Мне даже в голову не приходила мысль о том, чтобы уйти отсюда. Где стоял – там и окаменел! Его милость Сейид Берке подошёл к гробнице шаха Тимура и, положив руку на надгробный камень, произнёс: «Сын мой!» Камень тотчас отодвинулся, и из гробницы вышел шах Тимур, такой же поседевший, как и учитель. Каждый сел на свой камень... Тимур вопросительно посмотрел в лицо учителю, учитель ответил: «Сын, пришло ещё одно время!»

Минута прошла в молчании. В тюрбе было светло, как будто горела большая свеча. С того места, где я находился, вся гробница не просматривалась. Откуда и каким образом появилась ещё одна личность, я не видел. Это был огромный человек. Обойдя надгробье, он подошёл и встал напротив Тимура. «Султан Абдульазиз-хан¹⁰», – сказал Сейид Берке. Тимурленг выразил одобрение и головой указал место. Следом за ним появился ещё

8 Тимур/Тамерлан (1336–1405) – государственный деятель, полководец, завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Создатель государства со столицей в Самарканде.

9 Мир Сейид Берке – духовный наставник Тимура. Именно он вручил Тимуру символы власти: барабан и знамя, когда он пришёл к власти в 1370 г. Вручая эти символы, Мир Сейид Берке предсказал эмиру великое будущее. Он сопровождал Тимура в его больших походах. В 1391 г. он благословил его перед битвой с Тохтамышем. Похоронен в мавзолее Гур Эмир.

10 Абдул-Азиз (1830–1876) – 32-й султан Османской империи, правивший в 1861 – 1876 гг.

один. «Насриддин-шах¹¹», – сказал учитель. Ему также было оказано одобрение. Затем возник ещё один. «Эмир Насруллах хан¹²», – сказал учитель. Таким образом, были приглашены и представлены Хидив Исмаил Паша¹³, Аталык Газы Якуб хан¹⁴, Худояр хан Кокандский¹⁵. Следом, в одеждах улемов вошли и разместились ещё три человека, затем пришёл в чалме патриарх Черкез. «Шейх Шамиль¹⁶», – представил учитель Берке... Тимур поднялся с места, меджлис оживился и продемонстрировал своё почтение шейху.

Голова Тимура была опущена, султаны были опечалены, на глазах некоторых были заметны слёзы. Меджлис был безмолвен и спокоен.

1906. – 25 декабря, № 145

После двухминутного молчания меджлиса, перед советом вышел его милость (умерший улем) шейх Джемаледдин¹⁷. Он раскрыл находившуюся в руках книгу с чёрными страницами и зелёными надписями... «Политическая проповедь», – объявил его милость Сейит Берке.

Шейх стал читать:

– XIX век от Рождества Христова соответствует XIV веку хиджры. В культурной и политической жизни произошло немало революций и перемен, изменений и открытий: были созданы пароходы, телеграфы, железные дороги, для производства изобретены различного рода машины. На доселе невиданном уровне было распространено просвещение, книготорговля, образование. Были изменены законы управления государством, которые когда-то действовали в интересах правителей, а теперь стали защищать интересы народа и соответствовать его устремлениям. Стала развиваться промышленность и ремесленное дело, создавались фабрики, на которых

11 Насер ад-Дин шах Каджар (1831–1896) – четвёртый шах Ирана из династии Каджаров. Был реформатором, старался приобщить Иран к европейской цивилизации, из-за чего заслужил ненависть консервативно настроенных мулл.

12 Эмир Наср Улла Бахадур хан (1806 – 1860) – пятый правитель Бухарского эмирата (1827–1860).

13 Исмаил-Паша (1830–1895) – правитель Египта в 1863–1879. Расширил автономию Египта, проводил реформы, объективно способствовавшие капиталистическому развитию и эффективной модернизации страны.

14 Магомет Якуб бек Бадаулет (1820–1877) – правитель государства Йеттишар в Восточном Туркестане и Кашгара в 1860–70 гг. С 1870 он именовался «Аталык Гази Бадаулет», то есть «защитник веры и счастливцев».

15 Правитель Кокандского ханства в 1845 – 1875 гг.

16 Шамиль (1834–1859) – предводитель кавказских горцев, в 1840 г. признанный имамом теократического государства – Северо-Кавказский имамат, в котором объединил горцев Западного Дагестана, Чечни и Черкесии.

17 Джамалуддин Казы-Кумухский (1792/1788–1866) – дагестанский духовный и общественный деятель, ученый, шейх накшбандийского тариката, сподвижник имама Шамиля.

трудилось восемь-десять тысяч работающих. На смену стрелам и колчанам пришли ружья, которые поражают людей за версту, изобретены пушечные ядра, которые на расстоянии четырех-пяти вёрст превращают каменные и сооружённые из Хорасанского¹⁸ материала крепости в руины. Однако эта революция коснулась только народов Европы, а мамлюкский¹⁹ Восток и мусульманские страны остались в прежнем состоянии.

Устаревшие идеи, старое оружие, отсталая форма административного управления, устаревшие методы ведения производства и торговли, устаревшее военное устройство, старые крепостные сооружения, устаревшие морские корабли, в общем, всё, что есть, было непригодным и старомодным... Поэтому народы Европы и получившие от них импульс русские племена, потянувшиеся к Европе, как паводковые воды и волны моря, стали поглощать страны мусульманского Востока, отхватывать окраины территорий, уничтожать их, вытеснили своей промышленностью и производством наши ремёсла. Достаток иссяк. Регулярная армия вытеснила наше разрозненное войско, мощь покинула нас...».

Когда проповедь подошла к этому месту, шах Тимур поднял руку, оратор замолк. Повернувшись к Абдульазиз-хану, шах Тимур спросил:

– Какие меры были предприняты в противовес этому Совещанием Греции?

Молчание.

– Изучали ли Вы причины, которые стали поводом их научной, производственной, политической мощи и влияния.

Молчание.

– Когда-то просившие покровительства у Османского султаната правители Европы встали на путь укрепления и развития. Чем в это время занимался Стамбул?

Молчание.

– Какое положение было при твоём правлении султанатом, лично сам что ты смог сделать?

– Я создал регулярную армию и построил военно-морской флот.

– Что этим было достигнуто?

Молчание.

– Что тебе стало подконтрольным?

– Крепости Белграда... В Сибири, в Румынии я потерял влияние. В горах Ливана²⁰ было создано привилегированное управление.

18 Хорасан – историческая область, расположенная в Восточном Иране, шире – обширная территория, включающая в себя, помимо Ирана, половину современного Афганистана и Туркмении.

19 Мамлюкский султанат – средневековое феодальное государство на Ближнем Востоке, просуществовавшее с 1250 по 1517 годы.

20 Османская область с таким же названием, находящаяся в горном регионе Ливана.

– Какие меры были предприняты в Анатолии, чтобы ослабить Грецию?
Молчание.

– Сколько раз ты сам смог посетить Анатолию?
Молчание.

– Ты всю жизнь провёл в Стамбуле?

– Да.

Шах Тимур посмотрел на оратора, проповедь была продолжена.

– Если бы правители века отреагировали на перемены времени, это не было бы даже сотой частью от необходимого. Например, шах Ирана Насриддин... Ровно 40 лет спокойно правил султанатом. Как и османы, он не испытывал беспокойства. Однако за 40 лет он не смог создать ни пригодного войска, ни законов, которые бы направили рабов Аллаха к развитию. В итоге перед смертью под натиском Ирана, Англии и России он оказался беспомощным, а население – в состоянии невежества и рас-
терянности.

Шах Тимур повернув голову в сторону Насриддин-Шаха, посмотрел на него и не сказал ни слова. Снова посмотрев на проповедника, он продолжил:

– В этом веке русские правители, с одной стороны, положили глаз на Стамбул, а с другой стороны, – стали предпринимать серьёзные действия в отношении Туркестана и Мавераннахра. Правители Туркестана и эмиры были настолько неосмотрительны и неинформированны, что, когда русские ядра падали на их головы, они спрашивали: «Что это?» Но было слишком поздно. Русские войска, постепенно переходя степи, захватывали одну за другой пограничные крепости, а в это время ханы воевали друг с другом и проливали кровь мусульман. Когда «чёрные птицы», двуглавые орлы, накрыли минареты Ташкента и Самарканда, не нашлось ни оружия, ни ядер, которыми можно было бы их отпугнуть. Сегодня пальцем одной руки начальник вращает Туркестан, как волчок. Враги России, англичане, готовы были дать правителям подготовленных воинов и оружие. Но не нашли никого, кто готов был это принять. Насруллах-хан Бухарский даже казнил двух английских послов и тем самым оскорбил самое сильное, самое богатое государство, проявил неучтивость.

Шах Тимур посмотрел на Насруллах Эмира.

1907. – 8 января, № 3.

Эмир Насруллах-хан не знал, куда спрятаться от взора великого шаха Тимура: «...простите, простите... Благословенной Бухаре не было разумным принять людей-христиан из Франции!!²¹».

21 Возможно, автор имел в виду Англию, которая неоднократно упоминается в тексте. Примечание переводчика.

– О, сын, прибывшие были послами из Англии, они не пришли с предложением христианизации, это было предложение помощи знанием дела, оружия.

– Послов нельзя казнить, разве ты не знал примеров?

– Простите, я допустил много ошибок, но это стало понятным после моей смерти. Не было никого из эмиров и улемов, кто мог бы мне раскрыть глаза.

– Значит, вы не посылали тех, кто мог следить за событиями, не посылали наблюдателей во все направления, не получали сведения о том, в каком состоянии другие страны и что там происходит?

– Нет, простите... Были некоторые паломники, которые ходили в Хиджаз²².

Шах Тимур бросил вопросительный взгляд на шейха Джемаледдина. Его милость шейх ответил:

– В XIII веке по хиджре у милостивых султанов была одна общая болезнь: все они получали новости и сведения о событиях в мире от слуг и льстецов. А они, преследуя свою выгоду, восхваляли их словами: «нет падишаха, как ты», «нет такого сострадательного, как ты», «нет правителя сильнее тебя», «весь мир несчастен, только твоя страна пребывает в благополучии», а те, в свою очередь, радуясь, горстями раздавали награды. Когда праведные люди пускались в путешествия, видели дела и образование, мощь и развитие чужих стран и рассказывали об этом, то в ответ слышали: «Ты восхваляешь страны неверных» и не приветствовали это. Один из кокандских богатых баев посетил Макарью²³ и Москву. Известно, что за освещение устройства военного управления и порядка русских он был казнён...

Шах Тимур ещё раз сделал жест головой, его милость шейх продолжил проповедь.

– Одними из правителей тех времён, проявивших себя, были искренне желающие и показавшие старание реформаторы Султан Махмуд²⁴ и выходцы из народа шейх Шамиль дагестанский с Аталык Газы Якуб ханом. Новатором, перенявшим порядок военного управления и государственного устройства Франции, которая находилась на уровне передовых стран, и тем самым восстановившим мощь Османского государства, был Султан Махмуд. Этот падишах, возможно, мог бы сделать ещё больше, однако ярые фанатики того времени говорили, что «порядок Франции нам не нужен, у нас есть

²² Территория на западе Аравийского полуострова, часть Саудовской Аравии. Историческое место возникновения ислама, где находятся священные города мусульман Мекка и Медина.

²³ Нижний Новгород.

²⁴ Махмуд II (1785–1839) – 30-й османский султан в 1808–1839 гг. В 1820–30 гг. провёл ряд прогрессивных реформ, в том числе уничтожение янычарского корпуса, ликвидацию военно-ленной системы и др.

старые сабли, зачем нам пушечные ядра», и тем самым препятствовали устремлениям падишаха. В это время Россия и её союзники, три французских государства, наносили удары. В огне и бедствиях Султан Махмуд смог противостоять этим неприятностям и, сражаясь, нашёл силы реформировать законы и государство...

Шах Тимур поднялся и снова сел, все правители в знак уважения к султану Махмуду встали и сели.

Шейх Джемаледдин продолжил проповедь:

– Уникальной личностью был шейх Шамиль. Этот человек личным старанием и красноречием, владея десятью языками, свёл воедино народы Дагестана и сражался непрерывно пятьдесят лет против Российского государства, великой державы своего времени. А Якуб Бек Аталык Газы вместе с пятью-шестью всадниками, перейдя из Ферганы в Кашгар, активизировал мусульман, которые жили под гнётом китайского правительства. Он освободил Восточный Туркестан от протектората Китая и в соответствии с требованиями времени создал армию и устав, образовал ханство и, используя Англию и Османское государство, предпринял меры для его укрепления. Однако из-за того, что не было достойного преемника, спустя некоторое время после его смерти, армия Китая повторно захватила и присоединила Кашгар. Сыновья вынуждены были бежать в Россию.

В истории веков было ещё одно имя – Исмаил Паша Мысырлы (египетский). Этот человек был очень образованным, говорил на нескольких языках, знал Францию так же хорошо, как Египет. Однако пользы от этого не было: у него не было хороших нравов. Этот паша свёл на нет Великий Египет. При своём правлении он так растратился, что превратил Египет в должника Франции. В итоге даже не мог выплачивать проценты. Это стало основной причиной того, что в Египет пришли иноземцы и он стал контролироваться Англией.

1907. – 22 января, № 7

Милостивый шейх Джемаледдин, продолжая проповедь, читал:

– В истории отмечено то, что у взрослых и молодых было изрядно лени и легкомысленности, а особенно политической близорукости. Если посмотреть в прошлое современным взглядом, наряду с множеством положительных усилий было допущено и немало ошибок.

Во время нападения московского князя Ивана Грозного (или Потрясающего Ивана) на Казанское ханство и его осады крымский хан не оказал помощи. Если бы, проявив хитрость, он вывел своих воинов со стороны Крыма, Курска, Тулы, Грозный ни против Казани, ни против Крыма воевать не стал бы.

Предвидя это, прежде чем напасть на Казань, Иван Грозный испортил

отношения между казанским и крымским ханами, что и стало причиной неприятностей каждого.

Результатом этой политической непредусмотрительности стал захват Казани, её сравнивали с землёй. Сожгли мечети, медресе. Мурзы и беи были обращены в христианство. Не принявшие христианства, бросив имущество, спаслись бегством в непроходимых лесах.

Спустя два века Крымское ханство было также захвачено и наказано историей, за ошибки прошлого. Беспечность не входит в ряд прощаемых, но оправдать сон Стамбула не хватит ни объяснений, ни ума.

Когда Иван Грозный, вторгшись в Казань, уничтожал её, у Стамбула было столько могущества и политического влияния, что ему достаточно было пригрозить пальцем, и Грозный даже не взглянул бы на Казань!

Из-за того, что не была оказана помощь Казани, которая являлась самой передовой крепостью, самой важной точкой тюркской нации, для российской армии открылась дорога к Стамбулу и Самарканду. Казань была форпостом для Туркестана и греческих земель, однако значимость и ценность её не была определена.

Великих султанов и шахов... На этом месте его милость шах Тимур знаком руки остановил хатиба, опустив голову ещё ниже, находясь некоторое время в размышлении. Меджлис был в состоянии гробовой тишины.

Это длилось некоторое время. Затем, подняв голову, Хромой Тимур сказал:

– О, великие эмиры, военачальники, известные своей добродетелью. В истории и глазах нации у меня также есть большая доля вины и недостатков, однако моё время и политика были не изучены, остались непонятными. Обвинения в мой адрес были преувеличены. Говорили, что «много жизней сломал, сверг много престолов, совершая набеги на Россию, Иран, Турцию, Индию, разграбил, не оставил им места под солнцем; его жестокость не имеет границ...». Однако люди не поняли. Всевышний знает: мой захват мира, кровожадность, сжигание жилищ не были стремлением к славе... Сколько веков до меня мой смелый народ, не сломленный смертями и обидами, мои тюрки, мои узбеки были раздавлены, угнетены недостойными правителями, а разделенные провинции и армии стали друг другу врагами. Кипчаки Идиля (Поволжья) не признавали Азербайджан, эти, в свою очередь, – османов, кашгарцы – узбеков, а узбеки – хорасанцев; то есть братья не признавали младших, младшие братья – старших. В молодости в лугах Кеш, когда я был кенегазским беком, это положение моей нации жгло мне сердце, слёзы наполняли глаза.

Время власти было потрачено на объединение всех тюрков, строительство великого Туркестана. В какой-то степени мне удалось это сделать. От Великой Китайской стены до Мраморного моря, от мёрзлого Дешт-и-Кипчака до жаркого Индийского океана – перешедший в мои руки Туркестан был очень велик. Из одного конца в другой было 100 дней дороги.

Выступивших против меня правителей, падишахов и ханов было предостаточно. В такой ситуации для того, чтобы захватить и управлять этим обширным государством, насильно объединить разрозненные народы, необходимы были строгие меры. В моё время не было ни телеграфов, ни железных дорог. То наказание, которое я применял к восставшим, не было жестоким. Это были необходимые меры для того времени и пространства, но что толку....

В этот момент его милость учитель прервал его: «Хватит, сын мой!» Шах Тимур, поднявшись, глубоко вздохнул. Меджлис вздрогнул, встал, и я со страху сразу выбежал из тюрьмы...

Тишина, безмятежность, вечер закончился, сменился сумерками, и в небе Самарканда зажглись тысячи звёзд. Я вернулся в отель, но заснуть не смог. Утром ещё раз вернулся к тюрьме. Надгробные камни лежали на месте. Сохранялись тишина и спокойствие.

ПЛАНОМЕРНАЯ МИГРАЦИЯ¹

Сегодня миграция занимает важное место. Есть регионы, нуждающиеся в переселенцах, но есть и такие регионы, из которых необходимо мигрировать. Известно, что Дальний Восток и Дальний Запад перенаселены и, не имея более возможности содержать увеличивающееся население, вынуждены заниматься поиском подходящих мест для переселения. И наоборот – Австралия, острова Тихого океана (Большого Океана), Африка и Америка открыты для приёма переселенцев. Миграции в европейских государствах различны по виду переселений. Здесь перемещения проводят с целью захвата колониальных земель. Австралия и Америка ради генетической сохранности и защиты капитала не принимают мигрантов, принадлежащих к жёлтой расе.

Для Османского государства миграции важны и имеют свою историю. В Турции немало пустующих земель. Понятно, что преумножение мусульманского населения является вопросом политической и экономической важности. Как мне известно, первая волна массовой эмиграции в Османское государство была во время аннексии Крыма. Тогда выходцы из Крыма поселялись в Румелии². Затем, в результате Восточной битвы³ в Крыму, эмиграции возобновились снова. С 1856 до 1863 года около 475 тысяч крымцев нескончаемым потоком переселялись на противоположный берег. По большей части это были земли Румелии. Позже из Крыма, но уже в меньшем количестве также прибывали эмигранты. Таким образом, общее число покинувших родину, по-видимому, было не менее миллиона.

После крымцев начались эмиграции черкесов, позже появились эмигранты из Румынии, Болгарии и Сербии, Крита, ещё часть пришла с Северного Кавказа.

1 Произведение И. Гаспринского «Мухаджерет-и мунтазама» было опубликовано в 1912 г. в турецком журнале «Тюрк Юрду» (Гаспринский И. Мухаджерет-и мунтазама // *Türk Yurdu*, 1912. – №11. – S. 706. – 713.). В 2014 г. текст транслитерирован на латиницу и опубликован Явуз Акпынар как «Muhacerat-i Muntazama» (İsmail Gaspıralı. *Roman ve Hikâyeleri, Seçilmiş Eserleri I*, (neşr. Yavuz Akpınar, B. Orak, N. Muradov), İstanbul: Ötüken Yay, 2014. – S. 505-513). Подстрочный перевод текста Т.Н. Киримова, художественный перевод – Г.Ю. Сеитваниевой.

2 Румелия – общее название завоеванных османами балканских стран, охватывала Македонию, Фракию и Албанию.

3 Крымская война / Восточная война (1853 – 1856) – война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства.

В задачи «Миграционной комиссии»⁴ входило принятие и размещение переселенцев. Не будем вдаваться в подробности того, как осуществлялись эти задачи, но хотим отметить, что в этом деле не просматривались ни упорядоченная программа, ни эффективная система. Миграция, опустошая, разваливала некоторые страны и не приносила ожидаемой пользы Османскому государству. За 105 лет количество переселенцев должно было увеличиться в три раза, однако уменьшилось вполтину от изначального числа.

Миграция из России не только была не выгодна и Османскому государству, но и наносила огромный вред тем, кто остался в России. Семьи, из которых эмигрировали один или два человека, тоже жили мыслью об отъезде и оставались, словно гости, на своей земле, не следили должным образом за своим хозяйством и постоянно терпели экономический убыток. Словом, они были ни кандиль в мечети, ни свеча в церкви!

Наши переселения не похожи на миграции европейцев, китайцев или же японцев, и Миграционная комиссия существенно отличается от Миграционного управления Америки, Аргентины, Австралии.

Приглашение и приём мигрантов должен быть упорядоченным, как призыв конной артиллерии из России или Венгрии с обоюдной выгодой.

Все вышесказанное подобно предисловию, потому как системная миграция, о которой хочу начать разговор, не относится к тюркам России. По правде говоря, если бы от меня зависело, я с места бы не сдвинул ни одного сына тюрка из России. Так как один бегущий тюрк увлекает за собой ещё десятерых, сбивает с правильного пути, да и сам в эмиграции не находит спасения. Одна страна разваливается, а другая не развивается. Ни у кого нет выгоды, один только вред.

Как-то раз в Бомбее под вечер я отправился на приморский бульвар. Позади меня располагались сады, прекрасные виллы, дачные домики, а передо мной – Индийский океан. Найдя свободную лавочку, я сел напротив океана. Мои мысли бродили по прибрежным окрестностям. В воображении с правой стороны вырисовывались берега Афганистана, Пакистана, Белуджистана⁵, Ирана, напротив – Басра, Багдад, и далее мысль скользила мимо

4 Вероятнее всего, имеется в виду «Muhacirin Komisyonu» – комиссия, созданная при Министерстве торговли Османской империи в 1860 г.

5 Белуджистан – историческая область на северном побережье Индийского океана, расположенная на стыке регионов Ближнего Востока и Индостана. Административно разделён на провинции, входящие в состав сопредельных государств: Афганистана (Гильменд, Кандагар), Ирана (Систан и Белуджистан) и Пакистана (Белуджистан). Господствующая религия: ислам (Ханафитский мазхаб).

скал Арабистана⁶. Пока я находился под влиянием океана и странствовал в мечтах, позади меня на проспекте послышался шум. Я оглянулся. Это двигались мулы, запряженные в повозки; вперемешку с ними шла толпа детишек, пожилых и молодых людей. Они очень громко разговаривали. Большинство из них были раздеты, прикрыта лишь часть аврата⁷, низ пояса до колен. На голове у некоторых была надета турецкая феска, а большая часть была в чалмах или в шапках из индийского нежного сукна. Очевидно, они не были городскими, а откуда-то возвращались или куда-то направлялись. Я обратился к переводчику:

– Кто эти люди?

– Переселенцы, господин – ответил он.

– Откуда они идут, куда направляются?

– Это индусы, господин... они направляются в Африку.

– Какой они нации?

– Разные есть, господин. И мусульман немало.

– В какую часть Африки они эмигрируют?

– Язычники – в сторону Трансвааля⁸, Оранже⁹; мусульмане же – в Умит Бурну¹⁰, Зенгбар¹¹.

Теперь стало понятно, что показная любовь, демонстративная приверженность к которой исходит от родственников этих полуголых бедняг, пришла в Стамбул с мыса Доброй Надежды. Известно, что Индия просто переполнена. Население неуклонно растет. Несмотря на то, что смертность очень высокая, рождаемость её превышает, возникает все больше трудностей с размещением, пропитанием. Индийские мигранты с давних пор переселяются к южным берегам Ирана, в города Маскат¹², Аден¹³, а Африку с её просторными и свободными пустынями вот уже четверть века считают второй родиной. Социальные условия вынуждают индийцев эмигрировать. Англичане же всячески содействуют этому, оказывают им поддержку и покровительство в Африке.

6 Южная часть Хузестана в средние века была известна в Иране как Арабистан.

7 Аврат, аурат – часть тела, которую мусульмане обязаны закрывать от других людей.

8 Трансвааль – колония Великобритании, располагавшаяся на территории завоеванной Трансваальской Республики (1856 – 1902), существовавшей в Южной Африке.

9 Оранже – Оранжевое Свободное государство (1854 – 1902) – независимое государство, позже провинция Великобритании (Колония Оранжевой реки), непосредственный предшественник нынешней провинции Фри-Стейт.

10 Умит Бурну – мыс Доброй Надежды.

11 Зенгбар, возможно, Занзибар – архипелаг в Индийском океане у восточного берега Африки.

12 Маскат – столица и крупнейший город Султаната Оман.

13 Аден – город в Йемене на берегу Аденского залива, в XIX в. считался оплотом европейцев на Аравийском полуострове.

Часть индийских эмигрантов добиралась даже до Австралии и там, на больших островах Тихого океана, строит дома, обретает родину. Индийцы очень трудолюбивы. Они знатоки в деле орошения, выращивания хлопка, разведения садов. Умеют добиваться урожая на небольших участках земли. Вынужденно занимаясь земледелием, смогли выжить. Социальный быт и политическая история индийских земледельцев, возможно, даже их трудолюбие, очень схожи с бытом и историей пахарей из Египта.

Наступил вечер, вода потемнела, взошедшая луна придала океану особую красоту. У меня было свободное время, поэтому я ещё долго оставался на берегу. Я был в плену тысяч раздумий, которые роились в моей голове...

Карачи¹⁴ – портовый город, находящийся на северо-западе Индии. Я нахожусь в Карачи. Мы с турецким торговым агентом – коммивояжёром – вышли к причалу. Приближался большой корабль. Предприниматель сказал, что это «Басра». Через четверть часа корабль вошёл в док, пришвартовался. Вместе с большим количеством путешественников из Европы и с Востока прибыла и европейская почта. Корабль был очень нагружен. В нем было всё – от шампанского вина, швейцарского сыра до немецкой мануфактуры, богемского стекла, османского тютюна, багдадской хурмы – и ещё много чего. Рядом с пришвартованной «Басрой» стоял на якоре и корабль «Багдад». На следующий день, забрав индийскую почту, он должен был вместе с шестьюстами семьями переселенцев вновь отправиться в Басру.

После непродолжительной беседы господина агента с капитаном Басры Али-беем мы вместе вернулись в контору.

Здесь, в далёких морях, видеть развивающийся турецкий флаг доставляло мне особое удовольствие.

– Есть ли работа для кораблей, – поинтересовался я.

– Поначалу было немного трудно, но сейчас дела пошли. Мы имеем чистую прибыль в 10-15 процентов.

– Превосходно! Я даже не догадывался о маршруте Басра – Карачи. Как называется ваша компания, господин?

– Это вовсе не фирма, это корабли Миграционного Банка.

– Какой банк, какая миграция, впервые слышу!

– Дайте возможность, я подтверждаю, господин.

– Извольте, брат.

– Вы, наверняка, знаете о том, что просторные свободные земли Багдада и Басры так же плодородны, как египетские.

¹⁴ В XIX в. рыбацкая деревня Карачи стала одним из главных морских портов британцев на Аравийском море, здесь были расположены крупные войсковые части империи. Ныне портовый город на юге Пакистана – крупнейший город страны и один из крупнейших городов мира, административный центр провинции Синд.

Едва была запущена багдадская дорога, как стало понятно, что при таком количестве фруктов и хлопка, богатых нефтяных месторождений сюда, как голодная саранча, будут прибывать переселенцы из Европы. Кроме того, эти провинции нуждались в постоянно живущих людях. Поэтому было принято решение о принятии мусульманских переселенцев из Индии, и в связи с этим для строительства жилищ были выделены невозделанные и пустующие земли. В отдельных случаях были разработаны планы, тетради учета для приобретения пахотных земель. После хаотичной миграции переселенцев из Крыма, Кавказа, Румелии, зная о том, что контроль процесса переселения при малом финансировании невозможен, проблема индийского переселения была решена другими способами.

Начальный этап был согласован с Англией. Это государство оказывало помощь индийским мигрантам, направляющимся в Ирак. Тогда соперничество Англии с Германией было нам на руку. Были организованы миграционные агентства в Карачи, Лахоре¹⁵, Дели, а в Басре созданы Миграционный банк и управление. Для ведения дел, касающихся экономики, земледелия, переселения были приглашены знающие специалисты из Америки. В провинциях Багдада, Басры были сделаны кадастровые планы земель, являющихся государственной собственностью, и некоторых земель частного пользования, а орошаемые земли и земли для расселения были разделены на акции. Для строительства новых тюркских сёл были определены районы поселений мигрантов, подготовлены планы и типы зданий, пригодных и удобных для жилья. Таким образом, прибывающие переселенцы отправлялись в уже подготовленные для них села, размещались в готовых домах, и на каждую семью выделялось двадцать акров орошаемой земли, запасы продуктов на полгода, железные плуги, необходимые инструменты и мулы.

— Хорошо, но Вы, вероятно, хотите спросить, откуда берутся необходимые для этого миллионы?

— Да, действительно, мне очень интересно.

— Собственно сами деньги прибывают из светлого будущего, мой господин. Как Вам известно, в начале XX века в Европе к дефициту пшеницы прибавился ещё и хлопковый голод. Ранее было известно, что мировой рынок не обеспечивался шерстью и изделиями из шерсти.

Неспособность обеспечить человечество хлопком проявлялась в больших цифрах. Таким образом, благодаря экономистам влияние Ирака очень возросло. С приближением железных дорог к Ираку увеличивалась стоимость земли и воды. Единственной преградой на пути к быстрому развитию могла стать лишь малочисленность населения. Индийские владельцы имели возможность принимать миллионы беженцев, отличных земледельцев, которые работали в качестве подневольных. Было понятно, что это было выгодно и для Индии, и для Ирака. Признание американских миграцион-

15 Лахора – второй по величине город Пакистана после Карачи.

ных норм позволило предпринять первые шаги. Рассчитывая, что полученная прибыль от произведенной продукции будет прозрачной и на неё будет большой спрос, для застройки жильём пустующих земель были выделены средства с учетом того, что они не пропадут и принесут большой процент. В связи с этим был создан Миграционный банк. Капиталом банка стали государственные земли. Многие землевладельцы, пожелавшие получить с этих земель большую выгоду, приняли участие в этом деле и смогли увеличить свой капитал. Для доходности земель банк выпустил четырёхпроцентные облигации. Понятно, что с повышением плодородия земли будут дорожать, поэтому банк оставлял за собой право в дальнейшем выпускать дополнительные облигации. Таким образом, с прибытием эмигрантов объём финансирования увеличивался. Все знали, что выданные банком четырёхпроцентные займы дадут возможность заработать 15-20 процентов. Вновь прибывшие в Басру переселенцы, принимая османское подданство, переводили в свою собственность предложенные им земли, а налог выплачивали из долгосрочных кредитов. Стоимость земли станет доступной спустя 20 лет с момента обустройства переселенца и будет распределяться по общим ценам. Спустя два года с начала строительства жилья переселенец начинает платить взносы. Изначально небольшой взнос со временем постепенно возрастает, таким образом, долги переселенцев уменьшаются. Миграционный банк и управление, т. е. государство, имеет большую выгоду. А мигранты счастливы. Пятисотфранковые облигации на американских и европейских биржах продаются по 650 франков. При участии Миграционного банка были построены каналы, Средиземная железная дорога и множество небольших железных линий.

Специально для транспортировки эмигрантов раз в десять дней из Басры и Карачи регулярно ходят новейшие большие и скоростные корабли «Халифе», «Тюрк», «Арап», «Басра» и «Багдад». Если дорога из Суейша¹⁶ длится 11 дней, то из Басры – 5 дней. Миграционные корабли не только составляют конкуренцию английским и немецким кораблям, но и превосходят их. Каждый корабль доставляет около тысячи мигрантов из Карачи. На сегодняшний день размещено 485 тысяч людей. По подсчетам, в течение 20 лет новое население Ирака должно составить пять миллионов человек.

Посмотрите вот на эту фотографию на стене. Это директор банка Браун Паша. Позади – виды переселенческих сел Новой Турции. В каждом таком селении с аккуратно выстроенными в ряд домами, словно в немецкой колонии, есть мечети; с правой стороны мечети – школа, а по левую – здания администрации (меджлиса) и читальни. Счастливые переселенцы с удовольствием изучают турецкий язык. Перед каждым школьником стоит определенное условие программы – выучить две тысячи слов турецкого языка.

¹⁶ Суэцкий канал.

В каждое село, по японской системе, ежедневно заезжают конные почтальоны: они вынимают отсылаемые письма из установленных на дверях здания меджлиса почтовых ящиков и оставляют привезённые письма, индийские и турецкие газеты.

– Вы ещё желаете подробностей, господин?

– Нет, нет! Спасибо, господин.

Агент взял тетрадь со своего стола. Со словами «хозяин, хозяин» кто-то мягко коснулся моего плеча. Я обернулся. Это был мой переводчик Хаджы Абдурахман... Наверное, под влиянием сладкого морского воздуха на берегу Бомбея и лунного света, золотящего волны, я задремал и увидел сон! Мы встали, вернулись в отель Вартсон. По дороге Хаджы Абдурахман сказал мне:

– Вы, кажется, немного задремали, господин.

– Нет, я не спал, Хаджы, не спал. Если бы все мои сны были такими...

Эту идею, если хотите сон, я подкреплю расчётом и статистикой и опубликую в «Терджимане»¹⁷ под заголовком «Нынешние миграции» и «Планомерная миграция». Но разве у нас не принято увидевшему сон сразу рассказывать о нём товарищу или родственнику и просить о его толковании. Так вот, я хочу это предоставить любимому мною, энергичному и влиятельному другу «Юрт»¹⁸. В любом случае не думаю, что в этом есть что-то плохое.

Бахчисарай, 2 сентябрь, 1912 г.¹⁹

17 «Терджиман» – еженедельная, а затем и ежедневная газета, издававшаяся в Бахчисарае, общетюркский печатный орган российских мусульман. Основателем, издателем и редактором газеты был И. Гаспринский. «Терджиман» издавался с 1883 по 1918 гг. Основной тематикой газеты были вопросы реформирования системы мусульманского образования, перестройки органов конфессионального самоуправления, организация сети общественных, а затем и социально-политических организаций, развитие художественной литературы тюркских народов Российской империи и др. С 1914 по 1918 гг. газета редактировалась А. С. Айвазовым.

18 «Türk Yurdu» (Тюркская Отчизна) – литературно-исторический журнал просветительского характера. Издавался в Стамбуле с 1911 по 1931 гг. Редакторами журнала были Мехмет Эмин, Юсуф Акчура. На его страницах публиковались работы и материалы о жизни тюркских народов. Журнал являлся одним из влиятельных в Турции изданий, которые формировали и направляли общественное мнение.

19 По Я. Акпынару.

РАЗДЕЛ III

ИСТОРИЯ АЙШИ¹

(Очерк)

1884. – 17 июня, № 22.

В 187... году на Сенном базаре в Казани² вел солидную торговлю Эмин-Осман Эфенди. Это был весьма аккуратный и бдительный торговец, с утра до вечера не покидавший своё дело и мало полагавшийся на усердие приказчиков. Только в полдень и перед вечером Эмин-Осман запирает лавку и выходит с людьми, чтобы, не пропуская времени урочной молитвы, идти в ближайшую мечеть. Это был человек сосредоточенный, не любивший говорить, серьёзного и тяжелого характера. Высокого роста, смуглый, с реденькой бородкой Эмин-Осман был лет пятидесяти и слыл за богатого человека и доброго мусульманина.

Лошади, театр, гулянья его вовсе не интересовали. Ради тщеславия и купеческого имени он денег не тратил. Хотя, как строгий мусульманин, Эмин-Осман раздавал положенное количество милостыни, однако, был далеко не щедрым человеком.

Едва ли он что-либо любил, кроме денег и торгова, ибо ни общественные собрания, ни политика, ни скачки, ни карты никогда его не занимали. Он говорил: собрания, угощения не обязательны; политика – пустая болтовня; лошади и скачки – бесполезная трата; карты – грех!

Соседи Эмин-Османа, заметив в одно утро, что его магазин не открыт, были весьма удивлены этим, ибо аккуратность и торговое рвение его были общеизвестны. Взаимные расспросы соседей-торговцев показали, что в этот день умерла его жена. Вот почему занятый похоронами Эмин-Осман не мог явиться на базар. По этому случаю один из соседей заметил, что не везёт Осману на жён, это, мол уже четвертую хоронит!

Оставим Эмин-Османа хоронить жену и пройдем далее, за Сенной базар... Тут перед нами является известное озеро Кабан³, ежегодно поглощающее несколько человеческих жертв. Летом на Кабана устраиваются

1 Незаконченный очерк И. Гаспринского, опубликованный на страницах газеты «Терджиман» в 1884 г.

2 Торговый, общественный и культурный центр в Старо-татарской слободе Казани в XVIII – начале 1930-х.

3 Система озёр, расположенных в черте города Казани.

купальни, коими пользуются сотни людей. У берега группы русских баб и мусульманок моют, полощут бельё; отсюда же берут воду для употребления. Правда, озеро имеет исток, но все же несомненно, что вода его для пищи малополезна.

Если бы в описываемый день перед вечером читатель находился на берегу Кабана, то увидел бы двух мусульманок, возвращающихся домой со стирки. Одна из них была старуха-мать с узлом белья за спиной, другая молодая девушка Айша, её дочь, шедшая впереди. Хотя Айша, как благонравная мусульманка, старательно закуталась в зелёную шаль (покрывало), но опытный глаз заметил её стройную фигуру, белое свежее личико, маленькие ножки и мягкий, но жгучий взгляд, чтобы заключить, что видит перед собой одну из местных красавиц.

Старуха и дочь возвращались домой с Кабана. Отец Айши был довольно зажиточным торговцем и содержал небольшую семью в полном довольстве. Однако в последнюю свою поездку на Ирбитскую ярмарку⁴, потеряв дорогой почти весь свой капитал, не мог уже оправиться и, обеднев, умер пять лет тому назад, оставив жене и 12-тилетней дочери дом и небольшой капитал. Слава Богу, долгов не было, так что семья могла продолжать жить, не нуждаясь в благотворительности.

Старуха-мать сама ходила на базар, готовила обед; Айше помогала ей мыть бельё и занималась дома вышивками, тканьем тюбетеек, кои хорошо ценились на базаре. Айше любила также читать, когда не работала или уставала.

1884. – 23 июня, № 23.

При жизни отца Айша была очень хорошо воспитана, так что была довольно грамотна, благодаря природной способности и любознательности теперь на собственные заработки приобретала новые книги и занималась чтением. Она очень любила стихотворения и иногда сама сочиняла стихи и песни... Увы, она не имела близкого человека, который бы понимал, одобрял её. Старуха-мать вечно была занята домашними работами, и им редко приходилось проводить время в теплых родственных разговорах. Иногда, впрочем, мать и дочь проводили досуг вместе: Айша или читала матери что-либо из своих книг, или слушала её рассказы из былой жизни, оканчивавшиеся обыкновенно слезами обеих осиротевших женщин.

Айша была уже лет семнадцати и отличалась как цветущей красотой, так и добрым нравом... О, бедность, бедность! За неё давно бы посватались молодые богачи, но она была бедна. Ныне молодежь гоняется за богатыми невестами, а таких бедных девушек лишь стремится обманывать, иску-

⁴ Одна из крупнейших ярмарок дореволюционной России, проводившаяся один раз в год в Ирбите.

шать. К Айше являлись разные старухи с поклонами и золотыми подарками от мнимо влюбленных богатых шарлатанов, но бедная девушка, понимая отчасти свет и его дела, с презрением выпроваживала вон этих старых ведьм, не предложив даже полстакана чаю. После подобных посещений бедная девушка запиралась в своей комнатке и, наплакавшись вдоволь, горячо молила Аллаха помочь ей осилить искушения и врагов и послать ей искреннего друга и защитника, наподобие тех, о коих рассказывают в книгах и историях, прочитанных ею. Айша думала о замужестве, но не жаждала богатства. Идеалом её был любящий, работающий и, конечно, красивый молодой человек.

Айша бесспорно была нравственной и строгой девушкой. Она отдалась от всего, что могло вредить чистоте и спокойствию её души, но однако были минуты, когда она чувствовала себя недовольной, неудовлетворённой, одинокой... Разные мимолётные мысли тревожили её спокойствие. Ей казалось, что чего-то не достаёт, но чего – она не знала; становилось больно, грустно, и она разгоняла это тяжёлое состояние тихими песнями или слезами. То и другое немного облегчало.

Конечно, время делает своё: она была уже взрослой девушкой.

Прошло уже несколько месяцев, как всякий раз, когда Айша выходила из дому, чтобы идти с матерью к Кабану или в другое место, их поджидал и затем незаметно провожал молодой парень, следуя издали за ними и стараясь остаться незамеченным. Видно было, что он что-то или кого-то высматривал. Мало ли по улицам толкается народу. Его никто не замечал, но молодая душа чутка – Айша обратила внимание на эти постоянные встречи и проводы, сначала немного обеспокоилась. Затем безмолвное поклонение молодого человека стало льстить её девичьему самолюбию и потешать её. Бывало, когда проходила мимо она взглянет на своего поклонника, он покраснеет и, пристыженный, опустит глаза... Айша долго относилась почти безучастно к этим безмолвным встречам, но мало-помалу в ней зародилось желание чаще встречать этого человека. Она начинала чувствовать удовольствие при этих мимолетных встречах. Правда, нарочно для того она не выходила из дома, но всякая случайная встреча с молодым парнем была приятна ей.

Иногда Айша и дома думала о смиренно преследующем её юноше... «Чего он добивается? Зачем следит за мной? Почему он краснеет, когда я взгляну на него? Может быть, он любит меня...» – думала Айша и была склонна объяснить себе поведение молодого татарина добрыми намерениями. «Если бы он замышлял что-либо бесчестное, то не был бы так скромен и давно дал бы заметить свои стремления», – размышляла она. Думы эти наводили на Айшу тихую грусть, так что она не могла тогда ни читать, ни шить, пока не успокаивалась и не забывала волновавшие её мысли и чувства.

ХАНСТВО СПЯЩИХ¹.

1896. – 11 февраль, № 6.

Кто не слышал рассказ о том, что несколько благочестивых людей уснули сном праведным в некой пещере и проспали столетия? А когда проснулись и пошли в ближайший город, вовсе не подозревая своего столь продолжительного сна, то были чрезвычайно удивлены, что их языка никто не понимает, их денег, как устаревших, никто не принимает на базаре².

Я знаю целые миллионы подобных людей и хочу рассказать о них. Спят эти люди до сего дня в необъятной пещере... У многочисленных отверстий и входов этой великой пещеры пробовали раскладывать костры, кричать, бить в барабаны и тормошить близлежащий люд, но не могли никак добудиться спящих. Ни жар, ни холод, ни шум, ни гам не влиял на них. Однако либо с течением времени пришла пора пробуждения, либо от чего другого некоторые из числа спящих начали пробуждаться и были очень удивлены, увидев, что многие из сотоварищей раздеты и обобраны за истёкшую ночь... Они думали, что проспали одну ночь, а на самом деле сон этого народа продолжался более 350 лет и продолжается теперь!

Несколько человек из проснувшихся, выйдя из пещеры, начали осматриваться. Направо, виднелось знакомое им море; но что за диво: вчера понему плавали небольшие парусные суда, а сегодня видны какие-то громадные корабли без парусов, извергающие тучи дыма.

Впереди виднеется какой-то большой город. Вчера его не было. Странное дело! Должно быть, город мусульманский, ибо виднеется масса высоких кирпичных минаретов, но однако без балкончиков для муэдзина³... Должно быть, было землетрясение и балкончики обвалились, но непонятно, почему же это все они дымят, как чудовищные трубы. Сады и поля, окружающие этот город, выглядят тоже как-то не так, как вчера... Чрезвычайно поражённые всем виденным и ничего не понимая в происшедшем, люди эти после совещания решили пойти в видневшийся город и разузнать,

1 Очерк И. Гаспринского, размещённый на страницах газеты «Терджиман» в 1896 г.

2 Отсылка к восемнадцатой суре Корана «аль-Кяхф» (Пещера). В данной суре приводится рассказ о праведных людях, которые были воскрешены после того, как уснули и пробыли в пещере больше трёхсот лет.

3 Служитель при мечети, возвещающий о наступлении времени очередного обязательного намаза.

что значит всё это... Вчера было одно, а сегодня мир Божий представляется совсем другим, вовсе не похожим на вчерашний, когда они легли спать.

Пошли. Отойдя немного от пещеры сна, они вышли на чистенькую, мощённую асфальтом дорогу... Что это такое? Похоже на проезжую дорогу, но где же караваны тощих нагруженных верблюдов и жалких израненных осликов! Это не дорога, а что-то другое... Идут далее. Дорога вступает в область садов. И сады совсем не те, кои они знали: тут деревья расположены стройными рядами, как мусульмане на молитве, и, видимо, каждое в отдельности тщательно воспитано и присмотрено, как дитя доброй матери. «Смотри, смотри, – показывают друг другу наши путники предмет, замеченный в поле, около сада... – Напоминает наш плуг, но этот куда аккуратней и сделан, кажется, весь из железа. Станный народ: разве из железа можно делать плуги?»

Тут внимание наших путников было привлечено каким-то приближавшимся шумом. Вслед затем они заметили, что какое-то чудовище, имеющее, однако, отдаленное сходство с деревянной арбой, пробежало наперерез их пути и скрылось из виду, оставив за собой полосу дыма... Это так поразило наших странников, что они остановились и долго думали – идти ли в этот удивительный город или вернуться в свою спокойную пещеру? Любопытство взяло верх, и они пошли вперед.

Дорогу их пересекает прекрасная широкая река, сжатая в каменных берегах и текущая среди садов. Но вот что удивительно, видно, что река сделана искусственно: это канал, а над ним – узорчатый железный мост в сто аршин длины без устоев и опор! Да какой ещё мост! Девы пещеры и шелками не вышьют столь тонких петель и узоров, из коих сделан этот чудный мост. Очевидно, тут люди сумели спуститься в ад, чтобы выковать такую работу из железа, но во всяком случае мост этот не дело рук наших мастеров... По каналу пробежало несколько лодок – ни паруса, ни весла, даже дымовой трубы не видно... «Чудеса! Или это мир не тот, в котором мы вчера уснули, или с нами случилось что-нибудь не понятное», – думали наши путники, проходя по чудному мосту.

За мостом они встретили несколько человек – местных жителей. Те, видимо, узнали жителей пещеры и очень дружелюбно их приветствовали. Один из них вынул из кармана небольшую книжку и при помощи её на пещерном языке объяснил нашим путникам, как им лучше дойти до города и как найти гостиницу, где понимают пещерный язык... Поблагодарив жестом любезных людей, пошли дальше.

В городе наши путешественники поместились в указанной гостинице и, отдохнув немного, пошли осматривать город, имея при себе переводчика. От виденных тут чудес у них закружилась голова!

Вот кузня, где один человек кует молотом в сто пудов раскаленное железо длиною в трёхлетний тополь и ворочает его во все стороны, как шаш-

лык... при помощи удивительных приспособлений! А вот прядильня: тут один рабочий распоряжается сотнями веретен, производя неисчислимое количество бумажных и шерстяных ниток. Видели они громадную, как ханский дворец, мельницу, работающую без воды и ветра; видели молочную лавку с сырами величиной в большой жернов; встречали прекрасных коров, одного удою которых хватит на целую деревню; видели магазины, где сотни приказчиков едва успевали обслуживать покупателей... А дома-то какие! В каждом можно поместить целый род пещерного племени. Показывали им также училища, разные городские учреждения и старались объяснить, как всё это делается и управляется, но, увы, поражённые всем виденным, путники наши ничего понять не могли и решили, что это не их мир, а какой-то другой. Затем они той же дорогой вернулись благополучно домой. Огромное большинство этого народа продолжает спать.

Если это сон – какой это странный сон; если это правда – то правда очень горькая! Почему же горькая? Да потому, что если все виденное ими действительно на этом белом свете, то как будут жить и работать просыпающиеся наряду со столь умелыми и учеными людьми?

Допустим, что рассказ наш – фантазия. Но если мы любого суданского, афганского или кашгарского мусульманина перенесем в любой европейский город, то изложенную фантазию увидим на самом деле!

Да, пора вставать от долгого сна миллионам людей, и каждый человек, кто чем может, должен содействовать этому.

ДОЧЬ ДРАГУНОВ¹

(Национальный рассказ)

1897. – 10 июня, № 23.

Написание рассказа так же, как и стихосложение, требует способности и таланта; но когда все пытаются написать три – пять строк стихотворения, я взял ручку с надеждой написать рассказ на пять – десять страниц. Моя речь и впечатление, которое я постараюсь произвести, будут такими же простыми, как и сама жизнь. Самые глубокие закономерности, самые высокие мысли на волнах мира возникают очень и очень просто, и я тоже просто постараюсь охватить и отметить всё, что увижу.

Если я смогу воплотить этот свой замысел, то мой рассказ будет написан.

Молла Аббас Франсеви.

Вечер нового 1890 года. На большом бульваре Букреша² у хозяина мероприятия принца Поля Чанкуи, польского торговца, как обычно проводился бал. Погода стояла морозная, небо было без облачка, сверкали звёзды. Времени по-западному было около девяти.

Свет, лившийся из больших дверей хозяйского дома и из окон первого этажа, освещал улицу. Экипажи и кареты гостей, приехавших на бал, раз-

1 «Драгонлар кызы» – незаконченный рассказ И. Гаспринского, опубликованный под псевдонимом Молла Аббас Франсеви на страницах газеты «Терджиман» в 1897 г. Ввиду отсутствия данного текста в «Терджимане», распространяемом на территории Российской империи, можно предположить, что этот рассказ публиковался лишь в тех номерах газеты, которые были предназначены для распространения на территории Османской империи. Художественный перевод Г.У. Зайидовой. Оригинал текста предоставлен Я. Акпынаром.

Перевод текста максимально повторяет по своему оформлению оригинал: оставлено деление на абзацы, максимально сохранена первоначальная пунктуация и пунктуация в конце предложения. Имена собственные и названия населенных пунктов даны в исходном варианте. Примечание переводчика.

2 Бухарест (Букурешть, Букарест, рум. București, Букурешть). В 1862 г. провозглашён столицей Румынского государства.

мещались на тротуаре на противоположной стороне, их лошади постоянно перебирали ногами, а извозчики стояли, потирая руки от холода. Время от времени из подъезжающих экипажей выходили гости и заходили во дворец, а экипажи оставляли на противоположной стороне. Из самой последней приехавшей кареты вышел драгун³ Мир Аля, а вместе с ним – пожилая женщина и молодая девушка. Они вошли внутрь; оставив свои манти в комнате у лестницы и бросив взгляд на себя в большое зеркало, стали подниматься по мраморной лестнице, застеленной иранским ковром. Наверху гостей встречали принц и принцесса Чанку, к каждому они были внимательны и гостеприимны. Мир Аля сразу прошёл в бальный зал, а женщина с девушкой – в будуарную комнату, чтобы привести себя в порядок.

Друзья, увидевшие Мир Аля, подошли к нему и стали спрашивать, как он поживает, приехали ли вместе с ним мадам и мадмуазель. Большинство из них, услышав утвердительный ответ, с большим ожиданием стали наблюдать за дверью бальной залы. Мадам была женой Мир Аля, а мадмуазель Софи Балканская⁴ приходилась им приемной дочерью. Все, кто был с ними знаком, сразу же поздоровались, тех же, кто не был с ними знаком, представила принцесса Чанку.

Мадам была лет сорока – сорока пяти, смуглая, плотная, красивая женщина, а девушка была только-только взрослеющая, лет шестнадцать, среднего роста, чернобровая, черноглазая, с длинными черными волосами, обрамляющими белое лицо. Её взгляд, лицо, внешний вид – все говорило о том, что она была не славянских кровей. Декольтированное платье цвета фиалки выгодно обтягивало её полненькое тело и тонкую талию, оставляя открытыми шею и грудь. Все это говорило о прекрасно сложенной фигуре девушки. С левой стороны в волосах была приколотая алмазная заколка в форме полумесяца и звёздочки, а справа на груди приложена живая роза, которая делала её ещё красивее. Все взгляды были прикованы к ней, знающие её говорили незнающим: «Это дочь драгунов» или «Балканская роза».

Мы не видим необходимости описывать бал и угощения в конце торжества. Давайте перейдем из Букреша в Стамбул. Рассказ наш начинается с описания бальной вечерники, а за год и пять месяцев до этого в полицей-

3 Военнослужащий драгунских формирований (фр. Dragon – «драгун», буквально «дракон») – название рода войск конницы (кавалерии), способной также действовать и в пешем строю. В Российской империи были драгуны конной армии, т. е. кавалерия, способная действовать в пешем состоянии, и драгуны пешей службы, действующие в основном лишь в пешем состоянии, но использующие лошадей для перемещений.

4 Вероятно, вымышленный персонаж.

ском центре Ускюдара⁵ между комиссаром Хильми Эфенди и главным полицейским Али-ага происходил следующий диалог:

– Что ты говоришь, а? Известно, что две недели перебиваются портняжничеством и шитьем. ...

– Ты говорил, что они эмигранты, а сегодня что... Да, сынок, разве так полицейский должен проводить обыск?

Опечаленный такой реакцией комиссара полицейский отвечал:

– Эфендим, ну как я мог знать, ведь в Турции кого ещё больше, как не эмигрантов... Уже почти два месяца как они снимают комнату у молочника Мехмеда-аги, недавно гостили у Селима эфенди ... те женщины, что гостили раньше, и сейчас ходят к хозяину... Из того шума машин, что исходит наружу, становится понятно, что они продолжают шить, других приходящих у них не бывает, не один раз спрашивал у сторожа...

То, что рассказал, я недавно услышал в кофейне от одеяльщика Али эфенди. Вот он и говорил. Имя переселенца – Сулейман, а дочь зовут Сафие. Она несколько раз посещала окрестные школы, дарила и детям сладости, и учительницам много подарков... Говорят, что они богатые. Больше сведений не смог собрать.

Услышанная новость заставила задуматься комиссара Эфенди. Не скрывая свои мысли от полицейского, Хильми Эфенди сказал:

– Интересно! Собрав пять – десять женщин, с утра до ночи занимающихся шитьем, женские школы объезжают, учителям подарки делают... Что это такое, сынок? Если занимаются шитьем, то они не из богатых... А подарки-то покупаются на деньги... не понимаю... Иди и приведи мне сторожа квартала.

1897. – 17 июня, № 24.

Пока сторож будет встречаться с комиссаром Эфенди, мы расскажем, кем является дочь драгунов, или, как ещё её называют, балканская невеста, и как она оказалась в Букреше. И вообще, наше повествование должно было начаться именно с этого момента.

⁵ Один из главных районов в азиатской части Стамбула. Находится на входе в пролив Босфор, на севере граничит с районом Бейкоз, на юге – с Кадыкёй, на юго-востоке – с Аташехиром.

В 1877 году русские войска вошли на территорию Дуная⁶ и начали военные действия. Турки под командованием Осман-паши⁷, находившиеся недалеко от Вены, со скоростью, не сравнимой ни с чем, как соколы, прилетели в город Плевну⁸. Открытая и беспомощная, Плевна сразу же превратилась в логово льва. Русские войска, сделав три сильных удара, уничтожили тридцать пять тысяч солдат и поняли, что им некуда деваться от осады. Из Петербурга в Плевну был приглашён известный в России генерал военнo-инженерных войск Тотлебен⁹; против распространённых пушек были привезены пушки устрашения. Часть императорской армии, вышедшей в поход в очень малом количестве, вместе с итальянцами, призванными на помощь, окружили город; против сорокатысячной армии османов были выставлены двести пятьдесят тысяч вооружения и несколько сот тысяч больших пушек. Внимание всей России и всего мира было приковано к этой точке раздора. Турки несколько месяцев героически противостояли врагу. Открывшееся противостояние между Россией и османами, не оставляя никаких надежд, давало результат, о котором нельзя было и подумать... Но каждый случай имеет свои границы: со времени, как пропускные пункты Добнии¹⁰ были захвачены Россией, дорога София – Плевна была перекрыта и положение турков стало ещё тяжелее¹¹. Необходимое перестало поступать, животные были уничтожены, оружие было на исходе, провизии не осталось, но за-

6 Речь идёт о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В ходе боевых действий русской армии удалось провести успешное форсирование Дуная, захватить Шипкинский перевал и после пятимесячной осады принудить турецкую армию к капитуляции в Плевне. Последовавший рейд через Балканы, в ходе которого русская армия разбила последние турецкие части, заслонявшие дорогу на Константинополь, привёл к выходу Османской империи из войны.

7 Осман Нури-паша (1832–1900) известный как Осман-паша – турецкий маршал и военный министр. За военные успехи был удостоен почётных прозвищ Гази (победоносный) и Лев Плевны.

8 Вероятно, в рассказе идет речь об осаде Плевны (Плевена) – эпизоде Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военной операции русско-румынских войск против укрепившихся в городе Плевне турецких войск Османа-паши. Упорная оборона турецких войск задержала продвижение русской армии и позволила османскому правительству укрепить Стамбул и Адрианополь, однако из-за неумелых действий высшего турецкого командования гарнизон Плевны был вынужден капитулировать.

9 Граф Эдуард Иванович Тотлебен (1818–1884) – русский генерал, знаменитый военный инженер, генерал-адъютант (1855), инженер-генерал (1869). По плану Э. И. Тотлебена началась блокада города Плевны в 1877 г.

10 Вероятно, речь идет о сражении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – битве при крепости Горни-Дыбник 12 (24) октября 1877 г.

11 Пытаясь быстрее сломить сопротивление турок, оборонявших Плевну, русские войска начали атаковать гарнизоны вдоль турецких линий снабжения и коммуникаций. В результате успешных военных операций город Плевна был полностью окружён и отрезан от внешнего мира. Гарнизон Плевны капитулировал 10 декабря 1877 г.

щитники города и не думали сдаваться. Их стойкость была описана учёными и занесена в историю.

Конечно, все имеет свой конец. Турки, которые на долгие месяцы привязали огромную Россию к холмам Плевны, вынуждены были выйти из железной клетки в поисках провианта.

Было принято решение отступить к Софии. Предпринятые меры должны были разделить линию окружения на две части и тем самым освободить какую-то площадь. Действительно, турки, взяв путь на Софию, начали поход в полночь и под утро, как сильный ураган, набросились на гренадёрские¹² полки русских. Русские отступили – дорога открылась. Выходило солнце освобождения, однако все действия османов ночью были выданы русским. Одна ошибка – и враг с большей силой напал и преградил путь.

Буря преодолеет и высокие горы, и у этой ситуации будет разрешение, но пока прибавилось ещё одно страдание! Увидев движение армии, мусульманское население Плевны осталось до прихода русских, а потом, чтобы не попасть под «милосердие» болгар, решило бежать. Кто на повозках, кто на лошадях, кто пешком, бедное население – дети, женщины – все высыпали на дорогу к Софии. Известно, что эта дорога идет через мост над рекой Вид. Итак, на мосту собрались все: солдаты, пушки, повозки, кони, животные, дети, женщины – всё смешалось, и каждый пытался выжить. Можно представить, насколько тяжело было переходить через этот мост да ещё в таком большом скоплении всех и вся. При таком количестве людей стало усиливаться нападение русских, их стрельба из пушек и ружей... Положение человека на мосту напоминало начало Судного дня.

Командир Осман-паша был ранен. С одной стороны, – наступление русских, с другой – смешение испуганного населения с солдатами не оставляло возможности на противостояние. Амет Мехмед¹³ принимает решение

12 Гренадёры – отборные части пехоты, кавалерии, изначально предназначенные для штурма вражеских укреплений, преимущественно в осадных операциях.

13 Вероятнее всего, здесь упоминается Мехмед-Али-паша (настоящее имя – Карл Детро, 1827–1878) – османский офицер немецкого происхождения. Турецкий маршал (1877 г.). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. После падения Плевны Мехмед Али был назначен командиром Орханийской армии, которая была создана, чтобы защищать Константинополь. Так как не удалось предотвратить натиск русских, был освобождён от должности и заменён Шакир-пашой 22 ноября (4 декабря) 1877 г.

о поднятии белого флага¹⁴. В этот момент осколок, попадая в одну из повозок путников, находившихся на мосту, вызывает сильную панику. Испуганные животные перевернули повозки, и большое количество людей было задавлено. На одной из повозок находилась женщина по имени Фатма из Плевны, у нее на руках была девочка. Как только повозка перевернулась, ребенок, находившийся на руках матери, упал с моста вниз, а она сама, как в потоке воды, толпой людей была унесена вперед по мосту. Бедная Фатма стала кричать, что у неё упал ребенок. Но каждый ради спасения своей жизни не думал ни о чём, кроме того, чтобы хотя бы ещё на шаг продвигаться вперед.

14 Из-за нехватки пищи в осажденном городе Плевне большая часть жителей страдала от болезней, турецкая армия была измучена лихорадкой. На состоявшемся военном совете было принято решение прорываться из города в направлении моста через реку Вид, удерживаемого турками, и двинуться к Софии. Перед уходом были демонтированы наблюдательные вышки, в укреплениях установлены чучела, и вечером 10 декабря турецкая армия в сопровождении местных жителей-мусульман двинулась в путь. Между русскими войсками и прорывающейся турецкой армией завязался бой, в ходе которого перегруженные оружием и багажом турецкие солдаты понесли ощутимый урон. Артиллерийский огонь и прибывшее подкрепление русских войск создали для турок критическое положение, приведшее к их капитуляции.

СТРОПТИВАЯ¹

1897. – 12 мая, № 19.

Мне несколько раз приходилось быть «доверенным невесты»² для совершения обряда бракосочетания. В подобном случае по поручению родителя или опекуна невесты избранное лицо вместе с двумя свидетелями идет в её комнату и спрашивает о согласии выйти замуж за такого-то и также призвания его, вопрошающего, своим заместителем при совершении брачного договора и обряда. На вопросы об этом невеста даёт утвердительные ответы, кои удостоверяются присутствующими двумя свидетелями.

Итак, мне приходилось несколько раз быть заместителем или уполномоченным невесты без особых приключений, но на этот раз коса нашла на камень. Отец невесты Арслан-ага попросил меня пойти к ней с указанными двумя свидетелями и взять законное слово согласия на совершение обряда бракосочетания. Я охотно принял это деликатное поручение, исполненное уважения и доверия к моей личности.

Являемся в комнату невесты. Она по обычаю сидит в одном из углов за шёлковой занавесью. Преодолев небольшое волнение, которое почему-то охватывало меня всегда в подобных случаях, и откашлявшись, я по возможности мягким и вкрадчивым голосом приступил к выполнению принятой на себя миссии.

– Дочь моя, – обратился я в сторону шёлковой занавеси, – да будет на тебе благословение Аллаха, совершается твоя свадьба... Согласно законам Божьим и постановлениям Пророка, Асан Сулейман-оглу желает взять тебя в жёны... Согласна ли ты выйти за него замуж?

Молчание, но за занавесью кто-то порывисто дышит.

Известное дело: девушки вообще очень стыдливы и на подобные вопросы сразу не отвечают. Впрочем, и девичий обычай требует замедления с ответом – уже не раз я это видал на практике.

Поэтому несколько не смущаясь её молчания ещё более усилив неж-

1 Незаконченное художественное произведение И. Гаспринского, опубликованное в газете «Терджиман» в 1897 г. под псевдонимом Молла Аббас Франсови

2 Доверенное лицо невесты (векиль), в обязанности которого входит передать положительный ответ невесты для совершения мусульманского обряда бракосочетания – Никяха.

ность голоса, я повторил в сторону занавеси тот же вопрос, дополнив его советом не конфузиться и т. п.

Опять упорное молчание, но занавесь, точно сердясь, колыхнется.

Догадавшись о чрезмерной стыдливости и волнении бедняжки, я обратился к ней с самым вкрадчивым наставлением на тему о том, что стыдливостью дело не кончается, что утвердительный ответ дают все девушки, и что, наконец, и ей следует дать утвердительный ответ по примеру других девушек. Затем я громко повторил выше приведённую форму вопроса о том, желает ли она выйти замуж за Асана Сулейман-оглу?

Из занавеси раздался нежный, но довольно твердый голосок:

– Как вы сказали, Асан Сулейман-оглу?

– Да, моя дочь, да; желаешь ли ты признать его своим мужем?

– Каждая девушка и женщина обыкновенно выходит замуж. Это совершенно естественно. Также и я могу выйти замуж за Али Сели-оглу, за Али Вели оглу и за того Асана Сулейман-оглу, о коем Вы спрашиваете..

Пушечный выстрел меня так бы не поразил, как странный ответ, услышанный из занавеси. Я посмотрел удивлённо на свидетелей; они – на меня. Положение моё как будущего заместителя невесты стало довольно критическим. Однако я нашёлся:

– Дочь моя, – обратился я не без волнения к занавеси, – нельзя выходить замуж сразу за нескольких мужей, тем более, что я согласился быть заместителем твоим для бракосочетания с одним лицом.

– С кем, собственно?

– С Асаном Сулейманом-оглу.

1897. – 19 мая, № 20.

Очевидно, что моё дело усложнилось. Я с нетерпением ожидал, что она скажет из-за занавеси. После минутного молчания она сказала:

– Я бы уполномочила Вас заключить брачный договор с Асаном Сулейманом-оглу, но я совсем не знаю этого человека; я затрудняюсь сказать да или нет.

– Дочь моя, – начал я поучать ее, – принято выходить замуж, не зная жениха; все так поступают. Таков общий обычай.

– Прекрасный обычай! Приобретая овцу или корову мы знаем, что покупаем, а выходя замуж или женись, должны зажмурить глаза... Вы говорите таков обычай; знаю. Но позвольте спросить, что говорит в этом случае шариат (закон)³?

Этот вопрос девушки не оставил сомнения, что дело чем дальше, тем делается всё труднее. Посмотрим, что выйдет...

3 Шариат – свод юридических норм, нравственных принципов и правил поведения мусульман, основанных на Коране.

– Дочь моя, – обратился я к занавеси, – правда, шариат позволяет видеть того, за кого думаешь выйти замуж, но это не принято, тем более, что от сего ничего дурного не выходит.

– Может быть, – ответила она язвительным тоном, – но я желала бы предпочесть шариат обычаю; шариат выше обычая; он свят, а обычай – людская привычка. Я не желаю принести свое право в жертву обычаю... Я против него.

– Дочь моя, не говорите так, – усовещевал я, – это неприлично. Вашими родителями обещание дано, приготовления к свадьбе сделаны, гости приглашены... Поступите и Вы так же, как все благонравные девушки, и сыграем свадьбу... Обычай ведь, что же поделаешь?

– Так что же такое, что обычай? – резко раздалось из-за занавеси. – Обычай не шариат.

– Так-то так, но... Зачем же затягивать дело; нас, вероятно, давно ожидают, так отвечай же.

– Что же я Вам отвечу? Раз Вы согласились быть моим уполномоченным, то извините меня, прошу Вас пойти к отцу и к тому жениху, о коем идёт речь, и скажите им, что я желаю хоть мельком взглянуть на моего будущего мужа... Пусть придет в сад; я увижу его через окно... Иначе слова дать не могу.

– О, моя дочь, разве это возможно? Положись на волю Божию.

– Извините меня; если пришли сюда для проповеди, я в ней сейчас не нуждаюсь; если Вы желаете получить моё уполномочие на выдачу меня замуж, то покажите мне жениха. Я знаю, что ставлю Вас в затруднение, но...

– Ничего-ничего, дочь моя; я рад сделать, что могу; содействовать браку – дело доброе; скажи, что значит твоё «но»?

– Оно значит, что я решительно защищаю принадлежащее мне право против обычая... Одно «да» связывает мою душу, тело и совесть на всю жизнь и связывает так крепко, что потом сотни «нет» мне помочь не могут. Естественно, что я желаю воспользоваться маленьким правом, данным мне шариатом... Я прошу Вас в качестве будущего моего уполномоченного защищать и ограждать это моё право; я думаю даже, что это Ваша обязанность. Словом, не видевши жениха, я не могу сказать «да». Поняли?

Я понял, что коса нашла на камень и, пригласив за собой бывших со мною свидетелей, вышел из девичьей. Теперь мне предстояло переговорить с её отцом, а затем вывести в сад, как барана, господина жениха, чтобы издали предъявить его невесте.

Много раз я бывал векилем (уполномоченным), но такого случая не бывало.

ДЕРВИШ И ХАН¹

Бедный старый дервиш², утомлённый длинной дорогой по безлюдной степи, дотащился наконец до города и прямо к ханскому дворцу: вошёл в высокие, прохладные сени, разостлал на полу ковёр, развязал дорожный мешок и расположился обедать. Часовой при виде такой дерзости нищего сначала не мог опомниться, но потом стал гнать его. Дервиш сопротивлялся. Завязалась драка, и на шум вышел из дворца сам хан.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он грозно у дервиша

– А вот хочу пообедать, – отвечал дерзкий дервиш. – Пообедавши, посплю часика два, а потом отправлюсь далее в путь.

– Дерзкий нищий! – крикнул на него хан, – разве ты не видишь, что это дворец, а не гостиница?

– Дворец? – спросил спокойно дервиш. – Но скажи мне, могущественный хан, кто жил в нём прежде тебя?

– Мой отец, – отвечал хан.

– А прежде твоего отца?

– Мой дед.

– А прежде деда?

– Прадед.

– А после тебя кто будет в нём жить?

– Мой сын.

– А после твоего сына?

– Мои внуки и правнуки, если Аллаху угодно будет продлить мой род.

– Вот видишь, – отвечал дервиш, – я не ошибся, приняв за гостиницу дом, в котором так часто меняются жильцы?

Приздумался грозный хан, велел накормить дервиша, дать ему спокойно отдохнуть и с подарком отпустить в дальний путь.

1 Притча, опубликованная И. Гаспринским в газете «Терджиман» в 1899 г.

2 Мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма.

КНЯЗЬ АЗАМАТ БЕК¹

1903. – 9 июня, № 22.

В П-ский губернии Азамат бек считался самым родовитым татаринном. Родовитость и огромное имение в 30 000 десятин делали его влиятельным лицом, хотя он мало пользовался этим влиянием. Он был бек², как и другие беки, но ввиду богатства, желая отличить его от других, русские люди со свойственным им добродушием титуловали его «князем». Волостные писаря, становые³, все мелкие чиновники и даже начальник уезда обращались к нему не иначе как «князь», а в письмах – «ваше сиятельство».

Таким образом, несмотря на то, что в указе об отставке он значился «поручником Азамат бек Карагачским», мало-помалу он вполне освоился с тем, что он князь и стал чувствовать обиду, если кто забывал об этом.

Татарское население охотно соглашалось, что бей есть «наш князь», и более практичные из них ловко пользовались аппетитом Азамата к «княжеству». Некоторые муллы заходили ещё дальше: говорили, что князь происходит из поколения Пророка, а потому он не просто князь, а благороднейший из благородных. Рассказывали о священном зелёном свитке с родословной князя.

Словом, Азамат был счастливейший смертный: имел 30 000 десятин, был князь и потомок Пророка. Радуюсь такому великому благополучию, он непробудно пьянствовал, то один, то в компании прихвостня и с музыкой. В редкие дни трезвости он принимал гостей и поклонников, приходивших целовать княжескую руку или пола святейшего чекмена⁴.

Князь при всей своей безалаберности получал огромные доходы, и как мусульманин, вы думаете, построил мечеть или медресе? Вовсе нет; ибо был убеждён, что мечеть, мектеб, минарет, книга и т. п. вещи касаются только мулл, а вовсе не князей. Он пробыл несколько лет в Петербурге, заслужил чин поручика, бывал в театрах, встречал заморских девиц, словом, получил некоторое «образование», и в губернии был причислен к обра-

1 Произведение И. Гаспринского, опубликованное на страницах газеты «Терджиман» в 1903 г.

2 Дворянский титул у некоторых народов Ближнего Востока и Средней Азии, категория привилегированного населения.

3 Становой пристав – полицейское должностное лицо в Российской империи, возглавляющее стан – полицейско-административный округ из нескольких волостей.

4 Верхняя мужская одежда вроде полукафтана, был популярен у тюркских народов.

зованному обществу. Это, однако, не мешало ему с полным равнодушием относиться к гимназии, университету и т. д. Он думал, что об этих вещах призваны заботиться директор и губернатор, а ему какое дело!?

Он думал, что чалма⁵, украшающая голову муллы, есть шарият⁶, а фуражка станового – закон. Думая так, князь был одинаково равнодушен и к шарияту, и к закону. Случалось, что он срывал чалму с головы муллы и выбрасывал за окно, а форменную фуражку опьяневшего чиновника надевал на голову кучера и заставлял того плясать.

Участие князя в общественной жизни губернии было очень оригинальным. Он был покровителем всех конокрадов, хотя надо правду сказать, сам конокрадом не был.

В трудную минуту жизни конокрад находил в князе материальную или нравственную поддержку. Один раз он даже отбил от конвоя ссылаемого конокрада и выпроводил его за границу, в священные места. Хотя явных улик «подвига» князя не было, но губернатор обратил внимание на это «дело», которое стоило князю целого имения. Зато слава «спасителя ссылаемых» была за ним упожена.

Бог наградил князя пятью сыновьями; он очень любил их и распорядился, чтобы бакалейщик Яни ежедневно отпускал для них 15 фунтов разных сластей. Для присмотра за детьми и необходимых услуг был назначен сверстник князят молодой татарчонок. Под присмотром этого «воспитателя» дети гоняли голубей, рыскали по степям с борзыми за зайцами, вырастая вольно и свободно. Князь отлично понимал, что так и следует воспитывать детей. Учить их по-татарски... Зачем? Не муллой же им быть! Учить по-русски? Им нет нужды быть писарями, чиновниками; слава Богу, отцовской земли им на всех хватит.

Однако было бы большой ошибкой думать, что князь Азамат вовсе не имел понятия о присмотре, «воспитании». На конюшне он содержал более 15 лошадей. К каждой лошади был приставлен конюх; каждая четвёрка имела своего кучера. Князь, когда бывал трезв, приказывал выводить лошадей на двор и внимательно осматривал каждую. Здорово доставалось конюху и правителю, если князь замечал какое-либо упущение. Особенно тщательно следил князь за состоянием и воспитанием молодого вороного жеребца с белой полоской по хребту. Если бы князь уделил половину этого внимания своим любимым детям, они были бы счастливы.

5 Мужской головной убор в виде куска ткани, обмотанного вокруг головы, распространённый среди ряда народов Северной Африки, Аравийского полуострова, Индии и Азии.

6 Совокупность юридических норм, нравственных принципов и правил поведения мусульманина, основанных на Коране.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ ХАДЖИ¹

Рассказ

*Хорошее воспитание одной девочки принесет
больше пользы, чем воспитание двух мальчиков!*

У покойного Муслим Бабая было три сына – Джелял, Сабит и Джемиль. Жили они богато и хорошо, без забот и хлопот. Торговля, которой они занимались, приносила хорошую прибыль. Джелял (эфенди²), старший из братьев, по своей натуре очень любил путешествовать. После смерти отца он принял решение совершить паломничество – Хадж.

Дорога в святые места очень долгая и длинная; и Джелял каждый месяц высылал письма своим братьям, оставшимся дома, из городов и стран, через которые держал путь; описывал Анатолию, Египет, Хиджаз³ и, конечно же, святыню – Мекку. Исполнив долг паломничества, он возвращался через Индию и остров Ява. Во всех городах и странах, где бывал Джелял, он видел то, чего не было на родине, что-то новое, и всё это старался запомнить и в дальнейшем использовать на практике.

Восемь лет Джелял путешествовал и вот вернулся домой в родные края. В то время его братья Сабит и Джемиль уже давно обзавелись семьями и детьми. Возвращение брата из далёких путешествий стало праздником. Давно не видевшие друг друга братья, наконец, могли вдоволь наговориться, поделиться впечатлениями. По этому поводу накрыли праздничный стол и ожидали путника в гости.

Когда старший брат, теперь уже Хаджи Джелял, вошёл в дом, к нему с радостью подбежали двое мальчишек лет пяти-шести, обняли его и, как принято по обычаю в знак почтения старшим, поздоровались, поцеловав

1 Рассказ И. Гаспринского, размещённый в виде приложения к очерку «Кадынлар» (Женщины), изданному в 1903 г. (Гаспринский И. Кадынлар. Эсер. – Бахчисарай: Типолитография газеты «Переводчик», 1903. – С. 13–15). Художественный перевод текста Э.Э. Абибуллаевой.

2 Вежливая форма обращения к лицам духовного звания и чиновникам, соответствующая русскому «господин».

3 Территория на западе Аравийского полуострова, часть Саудовской Аравии. Историческое место возникновения ислама, где находятся священные города мусульман Мекка и Медина.

руку. Это были сыновья Сабита и Джемиля. Хаджи Джелал обнял ребят и, посадив к себе на колени, прочитал молитву за их прекрасное будущее, а затем раздал подарки, которые привёз издалека, чем очень обрадовал детей.

За ужином младшие братья – Сабит и Джемиль – рассказали о радостях и хлопотах семейной жизни. Выслушав братьев, Хаджи Джелал пожелал им ровных семейных отношений, взаимопонимания и взаимоуважения. А о супругах сказал следующее: «Пусть Всевышний будет доволен невестушками! Они очень хорошие матери и достойные жёны». Младшие братья очень удивились отзывам о своих супругах, ведь они ещё не успели познакомиться старшего брата с жёнами. В ответ старший сказал следующее: «То, что я сказал о ваших жёнах, – это не пустая хвала или лесть... В том, что ваши супруги, действительно, достойны уважения и восхищения, я понял по детишкам. Когда брал ваших сыновей на руки и общался с ними, я обратил внимание на подстриженные ногти, на чистые волосы и лицо. Из этого я сделал вывод, что матери заботятся о здоровье своих детей. Одежда детей была недорогая, но чистая и выглаженная, значит, матери их аккуратны и чистоплотны. Маленькая, совсем не заметная заплаточка на штанишках у одного из детей мне также рассказала о том, что женщина бережлива, хотя у вас хороший достаток, и семья может позволить покупать ребёнку новую одежду каждый день. Вот так!».

ДВА ИМАМА¹

*Знания от отца [важны] для себя,
Знания от матери – для поколения.*

Провинция Китая Гансу² известна проживанием в ней большого количества мусульман. В предместье Синанко также живут мусульмане, но их численность меньше, чем в Гансу.

Мусульмане, обитающие на территории Китая, – это такие тюркские племена, как киргизы, узбеки и сарты³, в основном из нашего российского Туркестана. Но мусульмане, проживающие во внутренних регионах Китая, по происхождению и языку относятся к китайским племенам, принявшим ислам. Их называют дунганями⁴, что означает «ставшие мусульманами». И это дунганская история.

Пятьсот лет назад в провинциях Гансу и Синанко мусульман было очень мало. В каждой из провинций были имамы, которые следили за исполнением шариата и воспитанием.

Имам⁵ провинции Гансу по мере своих возможностей обучал и содействовал тому, чтобы мусульмане (мужчины) и мусульманки (женщины), мальчики и девочки – все в равной степени получали знания, конечно же, в приоритете были духовные знания.

Имам провинции Синанко, опираясь на некоторые не лучшие примеры, не уделял особого внимания тому, чтобы женщины и девочки обучались, что и стало причиной их невежества. Ограничивая их в получении знаний, имам считал, что оберегает девочек и женщин от бед, так как, научившись

1 Рассказ И. Гаспринского, размещённый как приложение к очерку «Кадынлар» (Женщины), изданному в 1903 г. (Гаспринский И. Кадынлар. Эсер. – Бахчисарай: Типолитография газеты «Переводчик», 1903. – С. 15–18). Художественный перевод текста Э.Э. Абибуллаевой.

2 Ганьсу – провинция на севере центральной части Китая. Именно в Ганьсу (Цзяюйгуань) начинается Великая китайская стена, через эту провинцию проходил Великий шёлковый путь, связывающий Китай со странами Средиземноморья. В IX в. сюда из Монголии мигрировали уйгуры – мусульмане-сунниты по вероисповеданию.

3 Сарты – исконно оседлое население Средней Азии, вошедшее в состав современных узбеков.

4 Дунгане – народ, проживающий в Киргизии, южном Казахстане и Узбекистане. Дунгане являются потомками хуэйцзу, часть которых, как и более многочисленные уйгуры, переселились на территорию Российской империи в 1880-х гг.

5 Имам – духовный глава мусульманской общины.

читать, писать, они могут навредить себе (встать на дурной путь). А в народе слово, сказанное имамом, – это закон Аллаха, и люди, думая, что это правильно, поступали согласно сказанному. В итоге получилось следующее: мусульманки провинции Гансу стали образованными, а мусульманки провинции Синанко остались невеждами.

Шли годы, а результат этих двух жизненных ситуаций так и оставался неизвестным.

Однажды пастух-китаец проходил мимо мечети, погоняя свиней, как вдруг одна из них, отбившись от стада, забежала во двор мечети. Увидев свинью, охранник мечети кинул камень, чтобы выгнать животное. Камень, попавший в ухо свинье, заставил её сильно визжать. Услышав визг свиньи, пастух забежал во двор мечети и напал на охранника-мусульманина, вследствие чего завязалась драка. На крики и ругань сбежались китайцы и мусульмане. Без выяснения причин и обстоятельств во дворе мечети началась большая драка. Позже к конфликту стали присоединяться люди с улиц и базаров. Накалившееся противостояние китайцев и мусульман привело к боевым действиям. Мусульмане из Гансу и Синанко восстали и вынудили бежать китайцев и губернатора, а затем создали своё государство и управление.

Когда о случившемся стало известно императору (правителю Китая), он, чтобы проучить и вернуть провинции под своё управление, приказал собрать огромное войско и истребить всех мусульман без разбора, не жалея ни женщин, ни детей, ни стариков.

Китайские военные, исполняя приказ, вновь захватили провинции, устроив на городской площади резню тысяч мусульман. После того, как в обеих провинциях не осталось мужчин, всех женщин и девочек взяли в плен.

Оставшиеся в живых девочки и мальчики, а также женщины, ставшие наложницами китайцев, со временем стали растить своих детей. Поколение, которое было воспитано образованными матерями, жило по традициям ислама. Дети необразованных матерей последовали за традициями и верой своих отцов-китайцев. Благодаря образованным женщинам, со временем в провинции Гансу ислам вновь возродился, тогда как в провинции Синанко он угас и перестал существовать. И сегодня провинция Гансу исповедует ислам и живёт, возродив свои традиции и культуру, которую образованные женщины (девочки), оставшиеся в живых, передали своим детям. В провинции Синанко исповедующих ислам и чтящих свои традиции после произошедшей трагедии осталось очень мало, так как большинство жителей стали буддистами, потому что это были потомки малообразованных женщин (девочек). Кто из имамов был прав, сделав значительный вклад в историю, и которое из решений мудрое и верное – доказали события и время.

Кто же теперь скажет, что матерям не надо быть образованными и грамотными?

С ТОГО СВЕТА¹

(записки хорошего человека)

1904. – 7 декабря, № 104.

Зовут меня Али Ага. Я не дурной человек, во всяком случае не хуже тех людей, которые меня окружают. Почему не быть мне хорошим человеком? Установленные молитвы совершаю, пост соблюдаю, милостыню даю, воровством не занимаюсь, правда, иногда приходится лгать, но... впрочем, не больше, чем мои друзья и знакомые. Увы, случалось и подличать, но эта неустойка очень распространённая, что делать? Такова наша сотворённая слабость! Поэтому я был не хуже других и считался, как и они, «хорошим, добрым человеком». Люди меня уважали и звали Али Ага. Говорили, что Али Ага добрый мусульманин, честный человек; верили моим словам и прислушивались к моим мнениям. Никогда моё лицо не краснело перед людьми, никогда моё имя не было очернено. Словом, я был форменный «хороший» человек. Хороший человек и не может быть иным... Все «хорошие» люди похожи на меня. Конечно, люди не без греха. Есть грешки и за мной, но про них никто не знает.

Хотя грешки мои были шиты-крыты, но всё же я раскаивался в них. Бывало, совершу омовение, молитвенно настроюсь и прошу Аллаха о прощении, перебирая на святых чётках Его святые имена².

После такого раскаяния на душе становилось легче; я чувствовал, что грех снят, но это не всегда бывало. Случалось, сколько не каюсь, а на душе тяжело, и внутри что-то говорило: «Ты скверный человек», «Ты нехороший человек». Люди ничего не знали про это и, конечно, звали меня «хорошим», а я, надев халат благочестия, жил да поживал.

В один неудачный день я слегка занемог. Думал: бывает, пройдёт. Но вышло иначе: на следующий день я слёг. Озноб, жар и страшная головная боль свалили меня в постель. Напоили чаем – не помогает; потом отваром цвета бузины – нет толку. Болезнь совсем одолела. Я стал терять сознание.

¹ Рассказ с элементами мистики, опубликованный И. Гаспринским на страницах газеты «Терджиман» в 1904–1905 гг.

² 99 имён Аллаха – в исламе имена Бога, взятые из Корана и Сунны. Занимают важное место в мусульманском вероубеждении, так как наглядно описывают основные качества Аллаха. Для облегчения счёта во время безмолвной молитвы иногда используются чётки. Они состоят из 99 или 33 бусин, каждая из которых соответствует одному из 99 имён Аллаха.

Позвали доктора. Он осмотрел язык, глаза, ощупал желудок, измерил температуру и прописал какие-то лекарства. Когда принесли лекарства и давали ли их мне – не знаю. Я лежал в беспамятстве. Долго ли это продолжалось, тоже не знаю, но однажды слабое сознание вернулось; я, сколько мог, наострил уши; открыть глаза ещё не мог. Слышу, около меня люди. Хочется шевельнуться, чтобы показать, что я жив, не могу; сил нет, лежу как пень. Слышу, шёпот моего свояка Мустафы Аги; он кому-то говорит: «Правда, ему очень плохо, но, может быть, как-нибудь выживет». А другой голос в ответ шепчет: «Конечно, Аллах милостив, но всё же не мешает, чтобы мулла читал отходную. Если пришёл конец – душе будет напутствие, если же нет – будет облегчение...» У изголовья кто-то тихо плачет; это, вероятно, жена... Понял я, что умираю, и потерял сознание. Но вот опять что-то слышится... Напрягаю слух изо всей силы... Слышу ритмические фысссс... фысссс... Это читают отходной «Ясин» (*)³, кто-то тихо сокрушается: «Бедный человек, отходит», и чьи-то пальцы опускаются на мои веки, чтобы глаза не застыли открытыми. Наконец, лицо моё прикрывают лёгким платком, и я окончательно теряю всякое сознание, умираю.

1905. – 7 января, № 2.

И так чувствуя, сознавая, я тихо отошёл в лучший мир. Дом, жена, друзья остались где-то по ту сторону чего-то, куда я перешёл. Я пребывал теперь в таком спокойствии душевном и телесном, которое граничило с небытием и безграничной пустотой. Ни звука, ни движения. Какое-то особое бытие, смешанное с небытием. «Всё кончено» – пронеслось молнией в моей голове, и эта мысль обожгла меня с ног до головы, но другая мысль: «Ничего не поделаешь» так же быстро осветившая мои застывающие мозги, дала мне успокоение... Итак, я в новом мире. Что же, однако, будет со мною дальше? Эта неизвестность наполнила всё моё существо страхом, и ужасный, невидимый огонь стал жечь всего меня, охватив сразу все атомы моего тела. Вдруг где-то вдали блеснула яркая зарница, и кругом меня всё осветилось красным заревом; огненные языки, как пламенеющие горы, потянулись куда-то в высоту. У этого страшного огня я стал различать человекоподобные существа, раскалённые, как железо, и ростом с добрый крымский тополь... Они что-то делали. Благодарение Аллаху, что всё это было вдали, и я, смертельно испуганный и удивлённый, смотрел на это грозное, величественное явление... Но вот около меня совсем близко появляется нечто вроде утреннего тумана и отгораживает меня от ужасного огня. Туман этот, застилая всё кругом меня, отражает в себе заслонённый огонь самыми причудливыми формами и фигурами... Но это не простые

3 Йа Син – тридцать шестая сура Корана. Часть похоронного обряда у мусульман.

фигуры. Присматриваюсь со всей силой моего зрения и, велик Аллах, ясно вижу очертания людей, но каких-то бескровных, бледных... О, Боже, да это не только люди; это – моя Фатима, бакалейщик Ахмед, Сеит Чауш, Гуль-Джемаль, мальчик Махмуд... и масса знакомых нищих и увечных! Видения эти обступили меня со всех сторон и бесстрастно, молча смотрели на меня. Мне стало жутко, очень жутко... Фатима – это моя первая жена. Что ей нужно, почему она тут? Да, то было давно, но не забыто: я хотел дать ей развод и взять другую жену, но мне не хотелось платить значительную сумму, следующую ей по брачному контракту, и прочие расходы, вытекающие из акта развода. Послушный голосу своекорыстия, я, ничего ей не говоря, начал к ней придирааться за каждую мелочь, обижал, поносил, чтобы заставить её просить о разводе; в этом случае она теряла право на следуемое ей вознаграждение⁴. Фатима долго терпела мои неистовства, но наконец не выдержала и начала умолять дать ей развод, освободить её без всякого вознаграждения. Я призвал муллу; она заявила ему о своём желании, и я подписал разводную. Она немедленно прикрылась чадрой и, как-то странно посмотрев на меня, со слезами оставила мой дом... Вот сейчас она точно так же на меня смотрит и так же плачет. Я вспомнил прошлое, вспомнил, что подло поступил с ней, и мне стало невыразимо больно, так больно, как не бывает на том обманчивом свете, откуда я только что ушёл. О, если бы Фатима хоть теперь как-нибудь обидела меня, даже избила бы меня; мне было бы легче, но она ничего не говорит, а только тихо плачет, но зато вместо неё кто-то другой прямо в душу, в самую глубину души посылает тяжкий, жгущий вопрос – за что ты обидел её?

Рядом с ней стоит Сеит Чауш. Этот человек имел тяжбу с моим другом Сулейман Агой. Пользуясь особыми отношениями с кадием⁵, я повлиял на решение дела, и Сеит Чауш был разорён.

Тут же девушка Гуль-Джемаль... Эта сирота долго служила у меня и служила очень хорошо. Я был обязан дать ей приличное приданное и прилично пристроить, но... О, проклятое любостяжание! Я одарил её кое-каким старьем с толкучки и выдал за первого попавшегося негодяя, оправдываясь тем, что «Аллах позаботится о своих тварях». Вскоре она была оставлена мужем! Я её обратно в дом не принял, и она пала до голода, нищенства и болезней...

Мальчишка Махмуд! В недобрый час я отпустил ему из лавки залежавшийся, негодный продукт. Мать сильно избила его тогда, думая, что часть денег он потратил на конфеты. Мальчик вопил, что я отпустил ему такой продукт, но мать ещё больше на него напустилась, что он клеветает

4 Хул – вид развода в исламе, инициатором которого является жена. В этом случае она обязана уплатить мужу компенсацию, то есть вернуть махр – имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака.

5 Особа высшего духовенства мусульман, судья, имеющий право рассматривать гражданские дела и выносить решения на основе норм шариата.

на такого «хорошего» человека, как Али Ага. Этот мальчуган теперь тоже почему-то тут около меня и горько плачет, почёсывая битое тело.

Бакалейщик Ахмед... Этот не плачет, но горько-горько усмехается, глядя на меня. Он держит пригоршню медных копеек и как будто предлагает их мне... Да, по пятницам, идя в мечеть, я аккуратно разменивал у него серебряный четвертак на гроши и, выходя с молитвы, одаривал нищих и калек, толпившихся у дверей мечети. Эта толпа и тут стоит около меня.

Все эти люди, молча обступившие меня, нагоняли на меня такой жар, что я чувствовал себя в аду и не знал куда деваться, куда скрыться... Вдруг блеснул какой-то белый свет. Окружавшие меня ужасные призраки стали расплываться в тумане и до слуха чуть слышно проник участливый вопрос:

– Как Вы себя чувствуете?

Я сделал усилие и открыл глаза. У изголовья сидела жена. Я понял, что каким-то чудом вновь вернулся на свет.

Через две недели я мог уже встать с постели, но встал другим, новым человеком. Тело моё ослабло, надорвалось, но зато дух окреп, возмужал среди двух миров. Теперь я честен, правдив, люблю людей, как братьев, и стараюсь быть хорошим человеком на самом деле.

БЕДНАЯ ФАТЬМА¹

Рассказ

1905. – 26 июля, № 58.

Фатьма была бедной работающей девушкой. Рано потеряв отца, она выросла с матерью и была приучена зарабатывать хлеб своим трудом. Фатьма искусно шила и вышивала; мать её каждый день уходила на поденную работу в дома богатых горожан и принимала для дочери заказы на рукоделие и шитье. Девушка, оставаясь дома, смотрела за хозяйством и к вечеру, приготовив скромный обед, поджидала мать. К возвращению старушки комнаты и дворик маленького дома были всегда прибраны и представляли тихий, уютный уголок. Таким образом, работая изо дня в день, мать и дочь жили без нужды, ни от кого не завися.

Сев за самовар, мать сообщала Фатьме городские новости. Маленькая семейка жила в любви, и только порою, глядя на дочь, лицо старушки омрачалось горькой думой... Фатьме шёл уже девятнадцатый год; она не была красавицей, но и не была хуже своих сверстниц, из коих многие уже выходили замуж. Мать в глубине души жаловалась на судьбу; она желала бы видеть свою любимую Фатьму устроенной и более обеспеченной и счастливой, чем теперь. «Что с ней будет, если, не дай Бог, я умру», – думала женщина и внутренне молила Аллаха продлить её дни ради Фатьмы. Сирота-работница простого, не купеческого происхождения не могла рассчитывать на хорошую партию, а за первого попавшего мать её не согласилась бы выдать, так как вольный труд и достаток матери и дочери [имели] достаточную солидность и выдержку. Фатьма была не только хорошенькой, но и грамотной девушкой. Она перечитывала почти все новые татарские издания, которые приносила ей мать, да и сама покупала книжки, посылая за ними на базар мальчика-соседа.

Как-то раз, когда Фатьма вытирала окна, выходящие на улицу, её заметил Осман Эфендий, известный в городе молодой цирюльник. Девушка произвела на него сильное впечатление, и он не раз нарочно проходил под окнами Фатьмы, чтобы ещё и ещё раз увидеть заинтересовавшую его девушку. Но это редко ему удавалось. Фатьма ничего не знала об этом и во-

1 Незаконченный рассказ И. Гаспринского, опубликованный на страницах газеты «Терджиман» в 1905 г.

обще мало обращала внимания на проходящих по улице. На то она и улица, чтобы по ней ходили.

Несколько раз украдкой увидев Фатьму, Осман Эфенди увлёкся ею и сообщил своей сестре Зелихе о своих видах. Последняя не одобрила выбор брата, потому что надеялась женить его на более богатой и знатной девушке. По её соображению, цирюльник с большой клиентурой, имеющий в городе собственный дом, может искать жену в купеческой среде и не должен связываться с бедной сиротой. Сам Осман Эфенди, руководимый влечением, думал иначе, но по слабости характера не мог осилить упорной оппозиции сестры. Он каждый день, идя в лавку и обратно, как-то невольно шёл по той улице, где жила Фатьма, хотя ему было ближе идти другой дорогой. Стены, заборы и улицы, где жила Фатьма, ему казались милее других.

БЕСПРИЮТНЫЙ¹

(Из приключений г. Здравого Смысла)

Это был молодой человек, комильфотный² во всех отношениях. Не кутила, не мот и не пьяница, а потому и самый желанный «жилец» для всякого квартирохозяина.

Тем не менее Здравому Смыслу пришлось после праздников подыскать себе новую комнату.

Между тем пришло ласковое письмо с приглашением занять там помещение.

Он не мог отказать и пошёл. Впоследствии оказалось, не стоило.

Городская Дума приняла его сначала приветливо, даже облобызала разок, но после первой же чашки чая заспорила, заегозила и в конце-концов прогнала в три шеи.

Делать было нечего, и Здравый Смысл, вздохнув, пошёл скитаться по городу в поисках каморки.

Прежде всего он зашёл к одному писателю. Это был писатель «из молодых» и настолько модный, что его рассказы раскупались в типографии ещё сырыми.

Здравый Смысл нашёл его в рабочем кабинете. На столе лежал человеческий череп со страшными дырами вместо глаз. Череп служил писателю пепельницей. Вместо же чернильницы он макал прямо в кровь вырезанного сердца, а пресс папье заменяла ему кладбищенская земля.

– Что вам угодно? – спросил гостя хозяин.

– Я пришёл, – сказал Здравый Смысл, – справиться, нет ли у вас в голове «каморки» для жилья? Я одинок, не пью, в карты не играю... Меня зовут Здравым Смыслом... Может, слышали?

Писатель в недоумении пожал плечами.

– Извините-с, сударь, – сухо проговорил он, – никогда не слышал... А что касается моей головы, так там всё занято. Там туман стеною стоит, и мысль с бездной в чехарду играют! Понимаете вы, чёрт возьми?!

Здравый Смысл, разумеется, ничего не понял и поспешил уйти.

1 Сатирический рассказ, опубликованный И. Гаспринским на страницах газеты «Терджиман» в 1905 г. Стиль написания отличается от произведений просветителя, однако рассказ не подписан, что даёт право предполагать авторство редактора, т. е. И. Гаспринского.

2 Соответствующий правилам светского приличия.

Рядом жил один художник, и Здравый Смысл зашёл попытать счастья у него.

Художник находился в мастерской и заканчивал пейзаж. Пейзаж представлял большой луг с багрово-красной травой, на котором паслось стадо синих коров. Тут же был пастух, – какой-то микроцефаль с ногами страуса. Сверху нависало голубое небо. Картину можно было перевёртывать, и тогда пейзаж обращался в марину. Здравый Смысл смело сказал, что ему нужно.

– К сожалению, – ответил художник, – сейчас не могу, в моей голове яблоку негде упасть: всё занято статьями художественного журнала «Мир чепухи». От души бы рад Вас принять, но – некуда...

Он пожал Здравому Смыслу руку и проводил до дверей.

Огорчённый неудачей, Здравый Смысл решил зайти к одному крупному акционеру. Акционер сидел и сортировал всевозможные акции. Со свойственной Здравому Смыслу дальновзоркостью он увидел, что большинство акций пойдёт очень скоро на... обои. Здравый Смысл попросился к акционеру в жильцы, но акционер ответил решительным отказом. Вся его голова была сплошь набита надеждами на предстоящие дивиденды, и кому-нибудь другому там негде было и приткнуться.

Вне себя и уже почти без всякой надежды на успех, Здравый Смысл позвонил к одному солидному спортсмену. Он занимался в это время подсчётом.

Скаковая конюшня дала ему за сезон 57200 руб. На американца-тренера ушло 25000, на американца-жокея – 10000, на всё прочее – 22180. Итого на поощрение его чистокровного завода осталось 20 рублей.

– У Вас в голове большущая «комната» свободна, – с восторгом вскричал Здравый Смысл, увидев такой «баланс», – ведь Вы всё, что предназначается для русского коннозаводства, отдаёте тренеру и жокею!

– Сознаюсь, – согласился спортсмен, – у меня в голове только «американо-мания», но поэтому-то для Вас там уголка и не будет!

Последних слов Здравый Смысл не слышал: он бросился вон. Бедняга и до сих пор не отыскал для себя подходящей «каморки»!

ДЕРВИШ¹

I.

В Калькутте жил дервиш² Далай Ганг. Он был благочестив и скорбел обо всём дурном. Однажды, после долгой молитвы, он лёг отдохнуть, и великий Брама³ сотворил над ним чудо. Переместил у спящего мозги: правое полушарие стало левым и наоборот. Когда Далай Ганг проснулся, на дворе свистел ветер, гремели отдалённые раскаты грома, надвигалась гроза.

Взглянув в окно, он сказал:

– Какой сегодня чудный день!

И с тех пор всё дурное Далай Ганг стал считать хорошим. Скоро у него нашёлся ученик – молодой индус Брахма Инд. Они стали неразлучны.

II.

Как-то раз они с утра блуждали по городу. Захотелось есть. Они зашли в пекарню и купили хлеба.

– Какой вкусный хлеб, – отломил себе Далай Ганг.

– Творец! В нём тараканы! – вскричал Брахма Инд.

– Что же из этого? Ведь за них деньги не взяли?! – начал уплетать хлеб дервиш. И щёки его надулись, как подушки.

III.

На тротуаре разъехались две платы⁴. Далай Ганг, не заметив этого, споткнулся и упал.

– Как приятно ходить по нашим тротуарам! – с трудом поднялся он. – Только что ты на ногах, а через минуту протянул их. Не служит ли нам это символом бренности?!

– Ну, а это, – указал Брахма Инд на проезжавшие мимо бочки, – также нечто символическое?

– Несомненно! – остановился дервиш. – Надо только глубже вникнуть в дело. Видишь ли, канализация...

1 Рассказ, опубликованный И. Гаспринским на страницах газеты «Терджиман» в 1905 г. Стиль написания отличается от произведений просветителя, однако рассказ подписан, что даёт право предполагать авторство редактора, т. е. И. Гаспринского.

2 Мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма.

3 Браhma – в индуистской мифологии «творец и правитель мира».

4 Вероятно, имеется в виду «плита».

– Согласен, согласен!! – зажал себе нос ученик, – согласен, только свернём отсюда скорей.

IV.

Через час учитель и ученик были дома. Они разоблачились и стали укладываться.

– Пофилософствуем перед сном! – сказал Далай Ганг. – Кем бы ты хотел быть в жизни?

– Манташёвым⁵! – отвечал Брахма Инд. – Ему сладко живётся.

– Пожалуй, – задумчиво произнёс дервиш, – ну, а после смерти, когда души наши переходят в животных?

– Айриш Ладом⁶, – нашёлся сейчас же молодой индус.

– У тебя губа не дура! – усмехнулся учитель, – хочешь призы по 30 000 брать. Ну, а если не в лошадь, ещё в кого хочешь переселиться?

Брахма Инд долго размышлял и наконец сказал.

– Знаете, учитель, я очень люблю путешествие. Пусть же душа моя перейдёт в быка. Тогда меня отправят в Англию!

Дервиш ничего не возразил. Он крепко спал.

⁵ Александр Иванович Манташев (1842–1911) – крупнейший российский нефтяной магнат и филантроп. Был одним из самых богатых людей своего времени.

⁶ Айриш-Лад – чистокровный верховой жеребец. В 1900 г. был феноменальным скакуном, выигрывавшим все скачки.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Исмаиле Гаспринском.....	5
Литературно-художественное наследие И. Гаспринского.....	7

РАЗДЕЛ I

Французские письма.....	19
Таинственная страна.....	134
Африканские письма.....	205
Страна Амазонок.....	217
Случайная встреча с Молла Аббасом Франсеви.....	238

РАЗДЕЛ II

Плоды времени.....	250
Два героя.....	273
Арслан-Кыз.....	281
Ахмед бек Ташкесанлы и Бедрос Каракашъянц.....	300
Иван и Сулейман.....	305
Иван и Сулейман.....	307
Восход.....	312
Горе Востока.....	329
Собрание правителей.....	334
Планомерная миграция.....	343

РАЗДЕЛ III

История Айши.....	350
Ханство спящих.....	353
Дочь драгунов.....	356
Строптивая.....	362
Дервиш и Хан.....	365
Князь Азамат бек.....	366
Наблюдательность Хаджи.....	368
Два имама.....	370
С того света.....	372
Бедная Фатъма.....	376
Бесприютный.....	378
Дервиш.....	380

СВЕДЕНИЯ О СОСТАВИТЕЛЯХ, ПЕРЕВОДЧИКАХ И АВТОРАХ КОММЕНТАРИЕВ:

Сеитваниева Гульнара Юсуфовна, внештатный научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Сеитметова Сельвина Алиевна, младший научный сотрудник Мемориального музея Исмaила Гаспринского ГБУ РК БИКАМЗ, младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Киримов Таир Нуридинович, к.фил.н., ведущий специалист НИИ крымскотатарского языка, истории и культуры этносов Крыма ГБОУ ВО РК КИПУ;

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, заведующий Мемориальным музеем Исмaила Гаспринского ГБУ РК БИКАМЗ, младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Зайидова Гульнара Узретовна, исследователь.

Авторский коллектив выражает искреннюю
признательность и благодарность:

профессору Явузу Акпынару
за квалифицированную консультацию
в вопросах текстологического характера;

Миргалееву Ильнуру Мидхатовичу,
Алимовой Медине Илимдаровне,
Джелилову Ахтему Алиевичу,
Джелиловой Ленире Шакировне

и студентам кафедры истории ГБОУ ВО РК КИПУ:
Керимовой Алие, Ибрагимовой Алие, Шерстневу
Дмитрию, Меметову Эрвину, Филяк Динаре,
Юнусовой Левадие, Аметовой Афизе, Неби Анифе
за помощь в работе над книгой.

Научное издание

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО**

ТОМ ПЕРВЫЙ

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Редактор:

*Петрова Луиза Александровна, профессор,
доктор филологических наук, заведующий кафедрой
русской филологии ГБОУВО РК КИПУ*

Технический редактор

Усеинов М.А.

Корректор

Ильясова Г. Н.

Подписано в печать 02.10.2016. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная 80 г/м². Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 36,72

Тираж 500 экз.

ООО «Форма»:

295000 Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Кирова, д. 34 «Г»

Свидетельство о внесении сведений о юридическом лице
в Единый государственный реестр юридических лиц
серия 23 № 008846168 от 10.11.2014 г.

Отпечатано на полиграфическом оборудовании

ООО «Форма»

ISBN 978-5-9908801-8-4

9 785990 880184